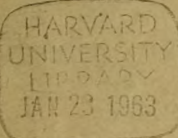
VE RI
TAS

Февраль-Апрѣль. 1917 ПТРГ.

ѢТОПИСЬ



СОДЕРЖАНІЕ:

Цѣна 3 руб.

ТИПОГРАФІЯ
Акціонернаго О-ва Издательскаго Дѣла
«КОПѢЙКА».
Петроградъ, Сайкинъ пер., 6, собств. домъ

ЛѢТОПИСЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

№ 2, 3 и 4.

ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ и АПРѢЛЬ 1917

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція, изъ уваженія къ труду наборщиковъ, проситъ г. авторовъ представлять рукописи, переписанными на пишущей машинкѣ, или совершенно четко перомъ.

Редакція оставляетъ за собой право исправлять или сокращать рукописи по своему усмотрѣнію.

На отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи—по четвергамъ съ 4 до 6 час.

Пріемъ секретаря—по понедѣльн. и четверг. съ 3 до 5 час.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Февральская революція задержала выходъ въ свѣтъ послѣдней подцензурной книжки «Лѣтописи». Послѣдовавшая затѣмъ типографская неурядица не позволила намъ своевременно выпустить мартовскій и апрѣльскій №№. И только теперь, черезъ $2^1/_2$ мѣсяца послѣ побѣды революціоннаго народа, получаемъ мы возможность возобновить наши ежемѣсячныя бесѣды съ читателемъ, получаемъ возможность сказать отчетливымъ, полнымъ голосомъ то, что въ теченіе полутора лѣтъ мы вынуждены были говорить иносказаніями и намеками.

Полтора года тому назадъ, когда не только либеральная и консервативная, но и, такъ называемая, «демократическая» печать была сплошь заражена шовинизмомъ, мы начали кампанію противъ военной идеологіи, старались систематически разоблачать тѣ захватные планы, которые преслѣдуютъ имперіалисты всѣхъ воюющихъ странъ подъ лицемѣрнымъ прикрытіемъ разныхъ благозвучныхъ девизовъ въ родѣ «право и справедливость», «національное достоинство» и т. п. Немного могли мы сдѣлать: четыре-пятыхъ матерьяла, даже часто информаціоннаго, погибало въ цензурѣ, одна пятая возвращалась въ редакцію въ такомъ изуродованномъ видѣ, что зачастую вмѣсто статей приходилось печатать шарады и ребусы. Но такова была сила обстоятельствъ, что оппозиція имперіализму неудержимо росла, несмотря на всѣ препятствія, и, къ великому разочарованію нашихъ царьградскихъ мечтателей, русская революція нанесла рѣшительный ударъ ура-патріотизму,—съ первыхъ же недѣль стала подъ международное «циммервальдское» знамя мира безъ аннексій и контрибуцій. Нынѣ лозунгъ этотъ включенъ въ офиціальную программу Временнаго Правительства, встрѣчаетъ все болѣе и болѣе могучій откликъ среди западно-европейскихъ демократій и — мы вѣримъ—недалекъ уже моментъ, когда народы, сбросивъ съ себя позорное иго военщины, воплотятъ его въ жизнь.

Однако, миръ всего міра не можетъ уже быть простымъ возстановленіемъ прежняго соціально-экономическаго уклада. Война

не только потрясла до основанія хозяйственную жизнь культурнаго міра, но и придала ей новыя формы. Германія, Англія, а за послѣднее время и Сѣверная Америка вынуждены были подчинить свою промышленность планомѣрной организаціи; та же задача возникаетъ и передъ Россіей. Послѣ войны, когда на очереди станетъ возрожденіе разрушенныхъ производительныхъ силъ, необходимость укрѣплять и расширять эту организацію,— и притомъ не только въ національномъ, но и въ международномъ масштабѣ, — сдѣлается еще настоятельнѣе. Къ старому индивидуалистическому капитализму нѣтъ возврата. Создается новый типъ государственно-регулированнаго капитализма, своеобразная промежуточная форма, вплотную подводящая насъ къ соціалистическому строю. Освѣщеніе этой линіи развитія было второй основной задачей, которую мы пытались осуществлять на страницахъ «Лѣтописи» въ теченіе ея полуторагодичнаго существованія. Въ этой области предстоитъ еще много идейной работы; унаслѣдованные предразсудки, трафареты отжившихъ теорій еще мѣшаютъ многимъ демократамъ и соціалистамъ вглядѣться въ совершающіяся перемѣны, оцѣнить ихъ соціально-политическій смыслъ. Однако, объективная историческая необходимость—лучшій учитель: она быстро заставитъ признать себя самыхъ строптивыхъ. Мы стоимъ въ преддверіи эпохи великихъ соціальныхъ сдвиговъ; не разъ еще горизонтъ культурнаго міра заволокутъ тяжелыя тучи, не разъ еще, быть можетъ, разразится гроза, — но конечная побѣда международной демократіи обезпечена. Что бы ни случилось въ ближайшемъ будущемъ, какія бы испытанія намъ ни пришлось пережить, несомнѣнно одно: русская революція—лишь первая ласточка грядущей весны, первая вспышка великаго всемірнаго движенія, конечнымъ результатомъ котораго будетъ соціалистическое братство народовъ.

ГРЕЗИЦА.

Ужасный нѣмецъ.

Раненый сказалъ:

— Мнѣ много лучше сегодня, сестра, присядьте. Ужаснаго нѣмца я видѣлъ во снѣ. Будто бы въ какой-то разрушенный пепельный городъ вступилъ нашъ отрядъ, и князю нашему говоритъ вѣстовой: «Ваше сіятельство, тутъ у насъ германецъ въ плѣнъ взятъ, офицерскаго званія. — «Господа, — сказалъ князь, — дѣлать пока нечего, пойдемте нѣмца посмотрѣть». Приходимъ мы въ сарай, въ темнотѣ чуть видно копошится плѣнный гдѣ-то въ дровахъ. Выводятъ его на свѣтъ: маленькій нѣмецъ, стройный офицерикъ, видно сразу, что человѣкъ высшаго круга былъ, а теперь весь въ навозѣ. И стыдно очень ему, и жаль мнѣ его. Даютъ папиросъ, а про спички забыли, стоитъ съ незакуренной папиросой во рту и еще ему стыднѣе. «Дай огня», — говорю вѣстовому. Подноситъ унтеръ спичку, и тутъ упади папироска въ грязь. Унтеръ все стоитъ со спичкой, думаетъ, германецъ подниметъ. Не хочетъ онъ поднимать, растерялся. Жалко мнѣ его, отчего-то очень, какъ вдругъ онъ по-нѣмецки къ нашему князю съ самыми дерзкими словами: «Доннерветтеръ!»—кричитъ. Князь на него съ саблей, и всѣ, кто тутъ былъ, кинулись къ нѣмцу съ саблями. Только замахнулись рубить его, нѣмецъ въ митъ сталъ маленькій, какъ обезьянка, вертитъ пальцемъ вокругъ носа, и отъ этого на щекахъ у него шерсть показывается, и на губахъ тараканьи усы въ обиліи вырастаютъ. «На-те, — говоритъ,—подите, что, съѣли?» Тѣ такъ и застыли съ поднятыми саблями. Въ ужасѣ отхожу я и отъ нихъ и отъ нѣмца.

Встрѣча.

— Сестра, не бываетъ съ вами, что такъ и вся война покажется сномъ? Конечно, бываетъ. Это когда о себѣ задумаешься, о томъ, съ чѣмъ своимъ пришелъ на войну; тогда это, военное, кажется, видишь во снѣ. И такъ, когда эти разныя

большія государства выступали, припомнишь, по правдѣ, что со мной въ тотъ день было, какъ себя чувствовалъ, чѣмъ занимался, то государство, будто незнакомое свѣтило, восходило, а самъ въ свѣтѣ его жилъ, но по-своему, совсѣмъ отдѣльно, съ приключеніями, какъ во снѣ. Вотъ, разскажу вамъ одинъ свой день, когда выступала Англія. Помню себя на одной деревенской станціи. Поѣздъ подходитъ, народъ лѣзетъ въ вагоны. Оберъ-кондукторъ, знакомый мнѣ, важный, какъ самый большой генералъ, пробуетъ остановить толпу— нельзя остановить! И начинаетъ своимъ личнымъ дѣломъ заниматься, торгуетъ сига.

— Англія не выступала? — спрашиваю.

— Кажется, выступила.

Равнодушно такъ говоритъ, а мнѣ въ этомъ большой вопросъ: выступитъ Англія — такъ, не выступитъ — я выступлю. А я, будто, куда больше Англіи, если я выступлю, то со мною все любимое и непобѣдимое выступитъ: и лѣса, и поля, и звѣри, и птицы, и покойники, близкіе, далекіе, всѣ вмѣстѣ. Только это не въ мысляхъ, а въ сердцѣ ходуномъ ходитъ. Въ мысляхъ объ этомъ одно только гвоздемъ вбито: выступитъ Англія или не выступитъ?

— А у васъ, — спрашиваю обера, — нѣтъ свѣжей «Копѣйки»?

— Извиняюсь!

И опять про свое:

— Вотъ, посмотрите, сигъ — что такое сигъ? Рыба, что такое рыба? И то свою разницу имѣетъ: сигъ ладожскій одно, сигъ волховской совершенно другое.

— И люди равные, — говоритъ рыбакъ скромно.

А оберъ важно, по-генеральски:

— Скажите, пожалуйста, человѣкъ разница, и рыба разница!

Тутъ я плачу за сига рыбаку въ пользу обера, и тотъ, приморгнувъ мнѣ, съ рыбой въ рукѣ, ведетъ меня въ первый классъ. Тѣснота и въ первомъ классѣ непродеримая, всѣ входы, выходы, переходы, площадки вагона завалены вещами. Люди сидятъ одинъ возлѣ другого, стоятъ одинъ къ одному, даже подъ лавками лежатъ, даже на самомъ верху подъ крышей, какъ летучія мыши, привѣсились. Только одно отдѣленіе спасено отъ напора людей, и дверь къ нему завалена мѣшками, корзинами. Разобравъ съ оберомъ вещи, я вхожу въ отдѣ-

леніе, дверь за мной закрывается и опять заваливается вещами. Тогда я увидѣлъ передъ собою... кого увидѣлъ! А такъ для всѣхъ обыкновенно: дама тамъ сидѣла одна, съ ней было двое дѣтей, двѣ прислуги и большой сѣрый котъ въ плетенкѣ изъ подъ печеній, перевязанный веревочками, чтобы не выскочить. Смотрю я на эту женщину и узнаю... Но я не могу сейчасъ прямо назвать ее, разскажу пока не военный сонъ, а настоящій, свою грезицу.

Нищій.

Заѣзжаетъ будто-бы въ мою избушку Сазоновъ-дипломатъ и везетъ меня въ автомобилѣ въ Гаагу на конференцію. —«Закусить», — говоритъ Сазоновъ при входѣ въ залъ и подаетъ мнѣ на тарелочкѣ сандвичъ, величиной въ пуговицу. — «А, можетъ быть, — спрашиваетъ, — вы предпочитаете на черномъ хлѣбѣ?» — Скокъ! Языкъ у меня выговариваетъ самъ: — «Мерси васъ». — Сазоновъ-дипломатъ прыгъ отъ меня и пропалъ. Такъ завезъ онъ меня въ Гаагу и бросилъ одного. Залъ конференціи будто бы очень большой, бѣлый, чуть-чуть съ золотомъ, полъ ясный, какъ вода. Всѣ въ этомъ залѣ на меня смотрятъ, и у всѣхъ на устахъ мышьшепотокъ перебѣгаетъ: — «А этотъ зачѣмъ, какъ этотъ попалъ сюда, кто привелъ его?»—Сазоновъ—хочу я крикнуть, но крикнуть не могу. И вотъ идутъ—плывутъ ко мнѣ кавалерственныя дамы съ золотымъ подносомъ и на подносѣ несутъ дамы вещи драгоцѣнныя, самая дешевая стоитъ тысячу. «Въ пользу мира» на лентахъ написано. Изъ всего же такъ выходитъ: «если я настоящій, то заплачу тысячу, а если явился незваный, то съ великимъ срамомъ я укачусь куда-то по наклону». Какая тамъ тысяча! Девяносто рублей съ мелочью всѣ мои деньги. Пробую укрыться за спинами гостей — всѣ разступаются, пробую улизнуть — въ дверяхъ - лакеи, какъ меделяны по мнѣ стоятъ, за мной слѣдятъ. «Взмилуйся, государыня-рыбка!»—молюсь я. И вижу—на подносѣ между тяжелыми золотыми вещами, незамѣтно притаившись, лежитъ маленькая черепашинка съ бѣлымъ крестомъ изъ цвѣтка. Вотъ я обрадовался: «Золотая рыбка посылаетъ мнѣ бѣлый крестъ на черепашинкѣ, правдивѣй, проще, красивѣй всѣхъ будетъ моя вещица, и девяносто рублей положить за нее въ пользу мира совсѣмъ хорошо и прилично». Такъ все въ залѣ, чувствую, начинаетъ милѣть, ласковѣть, а въ окнѣ де-

ревенскій разсвѣтъ начинается, прекраснѣйшая птица-галка по небу летитъ, и я молюсь туда, куда галка летитъ: «Господи, благодарю Тебя, что Ты далъ мнѣ еще разъ посмотрѣть на красоту міра. День новый — Твое новое велѣніе, помоги мнѣ исполнить и узнать въ немъ еще лучше сотворенное прошлое, помянуть всѣхъ своихъ родственниковъ и православныхъ христіанъ». Помолился я такъ и положилъ всѣ свои девяносто рублей на подносъ. И такъ оно очень хорошо бы сошло, но языкъ мой обрадовался побѣдѣ и самъ говоритъ: «Это что девяносто, это мелочь, дома у меня денегъ куры не клюютъ». — «Куры денегъ никогда не клюютъ», — строго отвѣчаютъ кавалерственныя дамы и черепашинку мнѣ не даютъ. Тогда далеко среди бѣлыхъ дамъ узнаю даму, пославшую мнѣ черепашинку съ бѣлымъ цвѣткомъ. Имя ея Елизавета, какъ въ «Тангейзерѣ», лицомъ, совсѣмъ ни къ чему, похожа на сестру нашу Елизавету Васильевну, а голосъ, какъ она позвала меня, ея голосъ собственный. Жалуюсь я Елизаветѣ: «Ложь въ этомъ залѣ отъ начала до конца, и ничего имъ отъ этого, я же всего на пылинку совралъ—и то мнѣ достанется». «Имъ это дозволено,— печально говоритъ она, — они богатые, а тебѣ, нищему, и на пылинку соврать нельзя, тебѣ это не дозволено». И удалилась, а полъ медленно наклоняется, и качусь я по немъ, сшибая на пути столики съ вазами, куда-то въ провалища, къ послѣднему моему пришибу.

Вотъ мой сонъ, теперь я продолжаю разсказъ свой спокойно.

Пересадка.

Слово, какое же слово послѣ многихъ лѣтъ молчанія скажу я, какъ разобью эти каменные чужіе годы? Котъ меня выручилъ въ первую минуту.

— Кота, — говорю — дѣтки, я возьму себѣ на колѣни а самъ сяду.

— Бери! — отвѣтили дѣти.

Сижу я, поглаживаю кота, хорошій, сѣрый, отличный котъ. Елизавета не смотритъ на меня и не знаетъ, что это я тутъ возлѣ сижу. Читаетъ газету, а на уголкѣ газеты, вижу, крупно напечатано: «Англія», и что дальше, не видно.

Совсѣмъ теперь не въ Англіи дѣло, когда возлѣ она тутъ, а почему-то все и тянетъ, и подмываетъ болтнуть что-

нибудь. И не своимъ настоящимъ, а голосомъ поддѣльнымъ, чтобы, какъ у всѣхъ говорится, спрашиваю:

— Скажите, что въ газетѣ, какъ, не выступаетъ ли Англія?

Не слышитъ или нарочно молчитъ.

А я еще прибавляю:

— Это очень важный вопросъ!

Къ счастью, въ окнѣ какой-то офицеръ показался. Она открыла окно и спросила:

— Кирасиры не ушли?

Голосъ былъ — ея голосомъ, и хочется мнѣ, чтобы все было по ея голосу, и эти кирасиры какіе-то не ушли никуда.

— Кирасиры? — останавливается офицеръ, — не знаю, драгуны, тѣ еще не ушли.

— Кирасиры не ушли! — говоритъ оберъ-кондукторъ.

— Драгуны! — строго поправляетъ офицеръ.

— Такъ точно, — соглашается оберъ, — я же и говорю, что драгуны.

— Кирасиры и драгуны — большая разница, — говоритъ офицеръ.

И окно закрывается. Опять она садится на свое мѣсто и читаетъ газету. Понемногу я чувствую, что къ сосѣдству ея привыкаю и какъ-то становится «все равно».

— Сударыня!

Даже «сударыней» осмѣлился назвать и только хотѣлъ выговорить «Англія», среди чистаго поля внезапно останавливается поѣздъ. Дверь открывается съ трескомъ, люди хватаютъ мѣшки свои, корзины, бѣгутъ, орутъ. Слышенъ голосъ оберъ-кондуктора:

— Пересадка, господа!

Какой-то широкозадый, разноплечій, кудрявый еврейчикъ бѣжитъ мимо насъ и кричитъ общественно:

— Пересядка, господа, всѣмъ пересядка!

Другіе въ тревогѣ спрашиваютъ:

— Катастрофа?

— Пересядка, всѣмъ пересядка!

За еврейчикомъ съ узлами, съ корзинами, съ мѣшками бѣгутъ разные люди, молодые, старые, женщины, дѣти, новобранцы, лѣзутъ другъ на друга, давятъ, ругаются, обижаются. Среди этого гомона ея настоящій, прежній голосъ призываетъ меня на помощь:

— Что-нибудь возьмите, помогите.

— Кота, — говорю, — непремѣнно возьму я, и еще, что велите, все возьму.

— Вотъ и хорошо, берите Сѣраго, больше ничего не нужно, такъ скорѣе добѣжите и мѣсто займете.

— Гдѣ-нибудь да займу, непремѣнно займу.

— Чтобы намъ вмѣстѣ быть, какъ ѣхали, такъ всѣ вмѣстѣ и поѣдемъ.

Говорили это простое мы такъ, будто никогда и не разставались. И узнавать намъ другъ друга не нужно было, само узналось. А что Англія выступила и война началась міровая, это было гдѣ-то далеко въ сторонѣ.

Котъ ученый.

Съ драгоцѣннымъ котомъ бѣгу я, догоняю еврейчика, на ходу спрашиваю, куда мы бѣжимъ и что такое случилось.

— А вотъ что случилось! — показываетъ онъ обломки товарнаго поѣзда.

По обломкамъ, по вывернутымъ шпаламъ, бѣжимъ, перескакиваемъ, перелѣзаемъ черезъ горы щепы, бочекъ, товаровъ, рядомъ съ нами бѣгутъ и хотятъ обогнать насъ новобранцы, сзади общая насѣдаетъ погоня, а впереди бѣжитъ только одинъ высокій, худой, въ калошахъ на босу ногу, калоша одна у него соскакиваетъ, пока онъ поправляетъ, мы проносимся мимо него и врываемся въ первый вагонъ: всего шесть вагоновъ, а народъ бѣжитъ изъ пятнадцати. Занялъ я мѣсто одно для нея, другое для дѣтей и на него поставилъ плетенку съ котомъ.

— Зачѣмъ тутъ котъ? — спросилъ кто-то придирчивый.

Всюду бываетъ такой. И мѣсто у него хорошее, и ничего ему не надо бы, а вотъ придирается и придирается. Спорить нельзя съ нимъ, за молчаніе тоже обидится, приласкать какъ-нибудь — не нахожу словъ приласкать.

— Вотъ люди, — ворчитъ онъ, — въ такое время котовъ съ собой возятъ.

— Всякіе люди есть! — начинаютъ поддерживать тѣ, кто удобно устроился.

А въ вагонъ врываются все новыя партіи бѣгущихъ, каждый разъ, какъ ворвется толпа, ищу глазами — нѣтъ и

нѣтъ ея. Выглядываю въ окно: съ узлами, съ мѣшками бѣгутъ тамъ, и конца краю народу не видно.

Придирчивый вовсе озлился.

— Милый,— прошу его, — минутку обождите, сейчасъ придетъ женщина съ дѣтками, не для себя я занялъ мѣста.

— А котъ зачѣмъ? — кричитъ онъ. — Военное время, а они котовъ возятъ.

— Долой кота! — кричатъ другіе.

Успокоить ихъ невозможно. Лѣзутъ въ вагонъ новые прибѣгающіе, дверь до половины завалена вещами. И черезъ горы лѣзутъ, давятъ, кричатъ, ругаются, обижаются. Спасая людей, свиститъ кондукторъ. Поѣздъ трогается, люди бѣгутъ за поѣздомъ, и вижу въ окно: мои близкіе тамъ тоже бѣгутъ, машутъ, дѣлаютъ знаки кондуктору.

— Извиняюсь, извиняюсь! — кричитъ съ подножки оберъ-кондукторъ.

Такъ бываютъ сны такіе глубокіе, что никакъ не пробудишься, и, когда уже совсѣмъ приходя въ себя, начинаешь различать все обыкновенное, и столикъ, и обои, и картинки на стѣнахъ, кажется, что принесъ съ собой изъ того міра какую-то вещь и показать ее можно другимъ: «Былъ я, — начну разсказывать, — на невѣдомыхъ тропинкахъ и видѣлъ, стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, у Лукоморья, дубъ и котъ ходитъ — живъ еще котъ, вотъ я его съ собой захватилъ».

— Долой кота! — кричатъ. — Къ чорту кота!

Откуда-то, кажется, съ верхней полки, жилистыя тянутся руки, поднимаютъ плетенку и бросаютъ въ окно.

Хохочетъ толпа вся вмѣстѣ, а въ одиночку, навѣрное же, у каждаго есть своя грезица тайная. Вокругъ лѣса горятъ на болотахъ, и поѣздъ, разбрасывая новыя искры въ сухмень, тоже по-своему надъ чѣмъ-то грохочетъ.

На невѣдомой станціи.

Черезъ пепелъ горящихъ лѣсовъ, какъ незнакомое свѣтило, было тусменно-желтое солнце надъ черной спаленной пустыней болотъ.

Въ вагонѣ говорили нелѣпое:

— Правда, что Новгородскую губернію перегонятъ въ Томскую?

— И очень просто!

Другіе говорили о станціи, что эта станція, гдѣ сейчасъ поѣздъ остановится, неизвѣстная.

— Бываетъ развѣ неизвѣстная? На картѣ всѣ станціи указаны.

— Поди-ка ты, всѣ. О всемъ думали, все пересчитали, а про одну и забыли.

— Это въ каждомъ дѣлѣ бываетъ.

— Ну, и осталась неизвѣстная, захочетъ поѣздъ, остановится, не захочетъ, мимо пройдетъ, ни спроса, ни отвѣта за это нѣтъ никому.

Съ большимъ трудомъ выбиваюсь я изъ вагона, посмотрѣть неизвѣстную станцію. Тутъ у самаго полотна участь людей въ вольной одеждѣ и съ крестами на шапкахъ. Дѣвочка маленькая сидитъ на шпалѣ, горько плачетъ, озаренная страннымъ свѣтомъ незнакомаго солнца. Нищенка откуда-то взялась, проситъ у меня ради Христа. Я спросилъ у нищенки, почему такъ мало стало нищенокъ, куда онѣ дѣвались?

— Всѣ тутъ, — отвѣчаетъ, — у кого же просить, теперь насъ забыли, теперь всѣ о себѣ думаютъ.

— Всѣ о родинѣ думаютъ, — поправилъ я нищенку.

Не понимаетъ она и повторяетъ:

— О себѣ, теперь всѣ о себѣ думаютъ, теперь о другихъ думать некогда, своего горя довольно.

— Ну, вотъ вамъ и «Копѣйка», — говоритъ оберъ, — я же вѣрно вамъ говорилъ: выступила.

— Англія объявила войну — напечатано въ газетѣ.

— Объявила? Ну, слава Богу! — говорятъ возлѣ кондуктора.

Только нищенкѣ той нѣтъ никакого дѣла до Англіи, она спрашиваетъ дѣвочку, почему она плачетъ. И дѣвочка, всхлипывая, ей говоритъ, показывая на ополченцевъ:

— Татку бѣгать заставили, бабушка, вонъ онъ бѣжитъ.

И, казалось, не солнце было на невѣдомой станціи, а невѣдомое желтое свѣтило такъ странно и отдѣльно отъ насъ и не для насъ было въ пеплѣ горящихъ лѣсовъ, и я, и нищенка, и эта дѣвочка, трое мы совсѣмъ ничего не знали про новое свѣтило.

— Татку бѣгать заставили, — всхлипывая, повторяла дѣвочка.

То не лѣса, то сама земля горитъ — ползучій, медлен-

ный, невидимый огонь на болотѣ валитъ деревья. Сядетъ птица на дерево, запоетъ, а дерево повалится. Перелетаетъ на другое, и то валится. Пепелъ солнце закрылъ совершенно. По черной полянѣ будто бы я бреду съ посошкомъ въ городъ великій. Вотъ онъ прежній городъ славный, бѣлый цвѣтъ на болотѣ. Весь онъ теперь, отъ края до края, засыпанъ пепломъ горящихъ лѣсовъ. Выхожу я изъ пепла на широкую улицу, гдѣ много свѣтлѣе, и мостовая на ней не асфальтовая, а костяная, бѣлыми и черными шашками, всѣ дома одинаково пепельны, и у каждаго рядами костяныя статуи, въ черномъ — мужей, въ бѣломъ — женъ. Улица мнѣ хорошо знакома, не разъ я проходилъ по ней къ одному дому тайно, теперь открыто вхожу въ этотъ домъ, потому что не отъ кого теперь въ городѣ скрываться. Въ этомъ домѣ теперь открыто встрѣчаетъ меня надъ пепломъ идущая Грезица, и сама подаетъ мнѣ тотъ самый потерянный черный крестъ изъ цвѣтка.

М. Пришвинъ.

ИМЕНИНЫ АННЫ ПАВЛОВНЫ.

25 іюля, въ день именинъ Анны Павловны, у Лучининыхъ собираются гости. По этому дню въ уѣздѣ даже ведется счетъ времени: «до именинъ Анны Павловны» и «послѣ именинъ Анны Павловны»... О нихъ начинаютъ говорить чуть не съ Фоминой недѣли къ нимъ готовятся,—барышни шьютъ наряды, дамы назначаютъ свиданья. Мужчины предвкушаютъ удовольствія выпивки, картъ, политическихъ новостей, о которыхъ въ газетахъ не пишутъ, и пикантныхъ анекдотовъ.

Въ домѣ у Лучининыхъ больше всего сутолоки, хлопотъ и шума наканунѣ именинъ. Въ этотъ день вся усадьба дѣлается неузнаваемой, какъ будто жизнь ея, шедшая до того времени мѣрно и тихо, упирается внезапно въ какую-то запруду, возлѣ которой съ поразительной быстротой образуются новыя, неизвѣстныя прежде теченія.

Всюду въ домѣ появляются мокрыя тряпки и ведра, грязныя швабры и разный соръ. Движимые какою-то сверхъестественною силой неодушевленные предметы перемѣщаются по усадьбѣ въ самыя неподходящія для нихъ мѣста, мелькаютъ тамъ и сямъ, сталкиваются, разбиваются, попадаютъ подъ ноги людямъ.

Среди этой сутолоки и прислуга, и хозяева мечутся недовольные... Всюду кто-нибудь ругается... Собаки поминутно взвизгиваютъ, получая пинки. Куры съ утра становятся дикими и уже не ходятъ по двору безъ толку, по куриному, не кудахчутъ отъ нечего дѣлать, а съ крикомъ, вытянувъ въ шею и растопыривъ крылья, улепетываютъ изо всѣхъ силъ, взлетаютъ на крышу или на заборъ и тамъ орутъ, какъ сумасшедшія.

Первой жертвой праздника является теленокъ: рано утромъ кривой пастухъ Филиппъ и смуглый, какъ цыганъ, кучеръ Егоръ ловятъ его и рѣжутъ на виду у собравшихся

деревенскихъ ребятишекъ. Послѣ этого пастухъ немедленно напивается, а кучеръ ѣдетъ въ городъ за покупками.

Потомъ очередь непріятностей доходитъ до владѣльцевъ дома. Во всѣхъ комнатахъ появляются поломойки съ подоткнутыми юбками, и хозяева должны уходить, куда угодно.

Чета Лучининыхъ, — Анна Павловна и Александръ Ивановичъ, — матушка Александра Ивановича, бабушка Клавдія Петровна, тетушка и двѣ сестрицы, Люся и Катуся, выходятъ изъ дому и разбиваются на группы. Барышни идутъ въ лѣсъ, Анна Павловна — къ пруду въ паркъ. Матушка Александра Ивановича, бабушка и тетушка садятся подъ ель, возлѣ жаровни для варки варенья, а самъ Александръ Ивановичъ сиротливо бродитъ по двору, вокругъ дома, гдѣ слышится трескъ передвигаемой мебели и истерическій вопль швейной машины, которая въ этотъ день не умолкаетъ до разсвѣта, такъ какъ портниха заканчиваетъ платья.

Къ вечеру уборка въ домѣ становится менѣе шумной и хлопотной, начинаютъ поджидать задержавшагося въ городѣ кучера Егора. До города двѣнадцать верстъ, но, чтобы доѣхать туда и исполнить порученія, Егору требуется часовъ пятнадцать.

Поздно ночью, когда всѣ уже перестали надѣяться, что кучеръ когда-либо вернется, онъ является пьянымъ.

— Гдѣ табакъ?.. Табакъ мой?..—со слезами въ голосѣ спрашиваетъ у него Лучининъ.

— Табакъ?.. — переспрашиваетъ Егоръ, покачивая головою и перебирая покупки.—Помню, табакъ былъ... Неужто выскочилъ!.. Стало быть, выскочилъ, пока везъ...

— А картофельной муки купилъ? — кричитъ круглая, какъ арбузъ, кухарка Параша.

— А ты, Параша, перво дѣло — не кричи!.. — вразумляетъ ее Егоръ.

— Дыкъ, я не вижу картофельной муки!..

— И не увидишь... Пиши разборчивѣй!..

Остолбенѣвшая Параша нѣкоторе время смотритъ не мигая, потомъ едва шепчетъ:

— Это что же за новая мода у тебя, у окаяннаго?..

— Не купилъ муки, только и всего, — заявляетъ

Егоръ. — Пиши разборчивѣй!.. Вотъ шпанскаго луку, сколько хошь, купилъ!..

— Идолъ пьяный!.. На что мнѣ лукъ! Морду тебѣ натереть?.. Что жъ я теперь буду дѣлать, Матерь Божья!.. Зарѣзалъ!.. Зарѣзала меня цыганская харя, копчужка пьяная!.. У-у! постылый... глядитъ!.. Тоже, какъ люди, глазами мигаетъ... Тьфу!.. чтобъ-те лопнуть!..

Черезъ четверть часа, поставивъ лошадей въ конюшню, Егоръ идетъ вмѣстѣ съ Парашей въ темный птичникъ и тамъ, выпучивъ въ темнотѣ глаза, шаритъ по насѣстамъ руками, снимая сонныхъ птицъ, и бормочетъ, передавая ихъ Парашѣ:

— Еще одинъ!.. Еще одинъ!.. Довольно, что ли?..

Параша не отвѣчаетъ, молча сажая отобранныхъ птицъ въ большую корзину. Она сердита. Когда же Егоръ какъ будто случайно въ потемкахъ хватается за нее руками, среди тревожнаго ропота птицъ раздается ея сердитый окрикъ:

— Чего еще!.. По рожѣ, что ли, захотѣлъ!.. Дыкъ, получишь!..

Послѣ этого Егоръ торопится передать ей еще одного пѣтуха, но слышитъ:

— Будетъ!.. Разстарался ужъ очень...

Оба выходятъ на дворъ и медленно идутъ къ людской. Около построекъ, кустовъ и деревьевъ лежатъ черныя тѣни. Гдѣ-то въ окрестности лаютъ собаки... Въ усадьбѣ тишина. Только у колодца, возлѣ людской, слышится теперь глухое жуткое бормотанье куръ, странный хрипъ и дикое хлопанье крыльевъ... Егоръ и Параша работаютъ молча.

Въ день именинъ первымъ визитеромъ явился дядя Бисеръ, — оборванный, кудлатый мужиченко, большой пріятель выжившей изъ ума тетушки Варвары Петровны. Пришелъ онъ изъ города съ самой послѣдней новостью, — въ соборѣ во время всенощной купчиха сгорѣла.

— Значитъ, — хороша была!.. — говоритъ Бисеръ въ осужденіе купчихи. — Вѣдь, это тоже надо понять, чтобы уголь изъ кадила не въ кого нибудь, а какъ разъ въ нее стрѣльнулъ...

Пригрѣтый солнцемъ и словами тетушки, онъ сидитъ на ступенькахъ террасы и востренькими черными глазками осторожно, какъ мышь, посматриваетъ на Варвару Петровну,

а она, милостиво расположившись поодаль въ плетеномъ камышевомъ креслѣ, все соглашается, все соглашается.

— Такъ, батюшка, такъ!.. — отвѣчаетъ тетушка. — Если Господь захочетъ, все можетъ случиться... И сгоришь...

— Ну, вотъ и сгорѣла!.. Такая катавасія въ церкви изъ-за нея пошла, что протопопъ даже всенощную отложилъ...

— Ой, батюшка!.. Отложилъ!.. — съ испугомъ восклицаетъ Варвара Петровна.

— Такъ вотъ взялъ и отложилъ...

Для большей убѣдительности Бисеръ поворачивается на ступенькахъ, дѣлая видъ, что беретъ нѣчто обѣими руками, и рѣшительно кладетъ къ ногамъ тетушки.

— Такъ и отложилъ!..

— Господи! Господи! Изъ-за купчихи? — спрашиваетъ тетушка. — Что же теперь будетъ?..

— Ужъ что нибудь будетъ обязательно, — предсказываетъ Бисеръ. — Теперь все можетъ быть... все!.. Такое время.. Ты, матушка, только посмотри, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается, такъ и глазамъ своимъ не повѣришь...

— Такъ!.. Такъ!.. — соглашается тетушка, глядя старческими мутными глазами въ чащу тѣнистаго парка. — Теперь время такое... Пошли такіе люди... мелкіе, невидные... Рождаются, какъ мошкара, и мрутъ, какъ мошкара... бездушные!..

— А гдѣ ты пропадалъ столько времени? — спрашиваетъ она вдругъ у Бисера.—Съ осени мы тебя не видали...

Бисеръ добродушно улыбается и, забирая рукой въ ротъ свою тощую бороденку, раздумчиво повторяетъ:

— Съ осени, матушка, съ осени!.. Какъ разъ съ осени!..

— Гдѣ жъ ты былъ?..

— Въ тюрьмѣ, матушка, сидѣлъ!—попрежнему дѣтски улыбаясь, отвѣчаетъ Бисеръ. — Въ тюрьмѣ!.. Девять мѣсяцевъ отсидѣлъ... Какъ разъ съ осени!.. Какъ настали, матушка, холода, — перестали мужики подавать мнѣ Христа ради... Вотъ я, матушка, бился, бился... ну, и согрѣшилъ... Сломалъ замокъ у мясника...

— Ахъ-ахъ-ахъ! Сломалъ? — вскрикиваетъ тетушка, всплескивая руками.

— Вѣрно, матушка, сломалъ... оскоромился! — кается Бисеръ.—Укралъ говядину, а меня сцапали, матушка... Да!.. Сцапали и засудили, и посадили въ тюрьму... Ну, и сидѣлъ...

Девять мѣсяцевъ отбылъ... Да!.. Хорошо въ тюрьмѣ, важно!.. Кормятъ тамъ матушка, и не холодно зимою... Только вшей много... Вшей, матушка, исключительное множество!.. Я все лапти плелъ тамъ...

Тетушка сидитъ, опустивъ голову, и слушаетъ внимательно. А Бисеръ самъ какъ будто прислушивается къ своимъ словамъ и точно впервые видитъ въ нихъ что-то новое, о чемъ прежде никогда не думалось. Ему хочется говорить и слушать себя, и онъ говоритъ, не торопясь, словно вглядываясь въ то, что говоритъ.

— Что жъ подѣлаешь, матушка!.. Вотъ погоди, осень наступитъ, я опять залѣзу къ мяснику... Пускай опять сажаютъ!.. Только я объ этомъ говорю тебѣ, матушка, съ глаза на глазъ, какъ передъ Богомъ, а то до мясника дойдетъ, узнаетъ, пожалуй, испугается...

Тетушка достаетъ изъ кармана кошелекъ, вынимаетъ гривенникъ и даетъ его Бисеру.

— Возьми-ко! — говоритъ она. — Богъ тебѣ проститъ!..

— Проститъ, матушка, проститъ!—увѣренно соглашается Бисеръ и быстро прячетъ гривенникъ въ кисетъ съ табакомъ.—Спасибо тебѣ!.. И то скажу,—кабы вотъ такъ всѣ по гривеннику давали, можно бы и не воровать...

— Ну, ступай, ступай съ Богомъ!..—напутствуетъ Варвара Петровна,—авось, Богъ тебя проститъ за тюрьму... А въ другой разъ ты ужъ къ мяснику не лазь...

— Кабы знать, матушка! — отзывается на это Бисеръ. — Если бы все по порядку было!

— Вотъ, вотъ! — говоритъ тетушка поучительнымъ голосомъ. — По порядку лучше! А безъ порядку хуже, потому что люди жестоки. Охъ, какъ жестоки! Звѣри лучше. И потомъ они—звѣри, имъ все простить можно... А у людей законы на все есть... Стало быть, съ ними и жить надо по закону, а то все такъ и будешь въ тюрьмѣ сидѣть... Ну, иди, иди, батюшка, съ Богомъ!.. Небось, гости скоро къ намъ прiѣдутъ... Ты не укради чего... Ступай себѣ!..

Отъ тетушки Бисеръ уходитъ къ людской. Здѣсь въ тѣни подъ липами за пустымъ столомъ сидитъ кучеръ Егоръ. Сегодня на немъ синяя шерстяная рубаха, жилетъ съ серебряной цѣпочкой, широкiе плисовые шаровары и щегольскiе сапоги, которые онъ часто подтягиваетъ за ушки кверху. Передъ Егоромъ на травѣ на самомъ солнцепекѣ съ

со[...] во рту лежитъ на брюхѣ кривой пастухъ Фи[...]. Обоимъ скучно «послѣ вчерашняго». Оба молча[...] и къ появленію Бисера относятся такъ, какъ будто не [...]къ, а муха сѣла.

Усѣвшись рядомъ съ Егоромъ, Бисеръ сначала смот[...] на пастуха, потомъ на кучера и вздыхаетъ:

— У хозяевъ именины... Чай, и у васъ тоже праздникъ? [...] говоритъ онъ послѣ нѣкотораго молчанья.

— Рано захотѣлъ, — хмуро отзывается Егоръ, — у по[...]очныхъ людей праздникъ къ вечеру будетъ... Понялъ?..

— Понимаю... И оно будетъ? — допытывается Бисеръ.

— И оно будетъ, — увѣренно отвѣчаетъ Егоръ.

— Вотъ это самое главное! — громко хохочетъ Фи[...] и поясняетъ. — Наше дѣло маленькое — выпилъ, [...] еще!..

Въ это время мимо людской проходитъ Лучининъ. [...]дѣвъ его, пастухъ тыкается лицомъ въ траву, будто [...]итъ, а Егоръ, вспомнивъ про вчерашній табакъ, виновато [...]ривстаетъ и одергиваетъ свою новую рубаху. Но Але[...]сандръ Ивановичъ дѣлаетъ видъ, что никого не замѣтилъ. Въ бѣлой поддевкѣ и огромной соломенной шляпѣ, съ по[...]евымъ биноклемъ въ рукахъ, онъ идетъ къ воротамъ [...]садьбы и, вставъ на пригорокъ, глядитъ на дорогу. Гостей [...]ока не видно.

* * *

Только въ первомъ часу дня, на холмѣ, верстахъ въ [...]трехъ отъ усадьбы, Лучининъ видитъ въ свой бинокль при[...]ближающуюся тройку. Словно букашка, ползетъ она по [...]вилинамъ проселка. Вотъ тихо спустилась въ оврагъ... [...]отъ снова вынырнула среди ржи..

Слухъ, что гости ѣдутъ, дѣйствуетъ на горничную Стешу, какъ разорвавшаяся бомба: она захлопнула Парашу въ погребѣ и побѣжала причесываться. Въ это время стало [...]-то подгорать на плитѣ. По кухнѣ пошелъ чадъ, какъ отъ [...]женыхъ перьевъ.

Но тройка двигалась такъ медленно, что ко встрѣчѣ ея [...] успѣли приготовиться. Хозяева собрались въ залѣ и [...] рѣшать, кто ѣдетъ: Плошкины или Долгоносовы? [...]мъ временемъ вдали показалась еще тройка.

— Дружно собираются, — замѣтилъ Лучининъ, пред[...]уя преферансъ.

Въ это время вошла горничная Стеша и доложила:

— Господа Сутягины пріѣхали!..

— Какъ? — воскликнулъ Александръ Ивановичъ.

— Что-жъ тутъ удивительнаго! — сказала матушка Александра Ивановича, Клавдія Петровна. — Они по Завидовской дорогѣ ѣхали...

Всѣ отправились навстрѣчу прибывшимъ Сутягинымъ. На дворѣ стоятъ три лошадки, низенькія, мохнатыя, съ очень большими животами, запряженныя въ старомодный экипажъ, въ которомъ сидѣлъ большой и толстый Спиридонъ Тарасычъ съ свояченицей и тремя дочерьми.

— Ужъ извините! — крикнулъ онъ изъ коляски удивительно сильнымъ басомъ. — Сама не пріѣхала: обварила вареньемъ руку!..

Послѣ этого со всѣхъ сторонъ коляски поочереди стали вылѣзать сначала дочки, потомъ свояченица, потомъ самъ Спиридонъ Тарасычъ. Когда онъ сталъ на землю, какъ огромный самоваръ, въ экипажѣ что-то звякнуло. Коляска точно охнула и стала значительно выше.

— Здравствуйте!.. Здравствуйте! — забасилъ Сутягинъ и вдругъ повернувшись, словно что-то потерявъ на землѣ, проговорилъ съ удивленіемъ:—А гдѣ же именинница?.. Гдѣ чистый ангелъ нашъ?..

Александръ Ивановичъ смутился. Клавдія Петровна только поджала губы. Именинницы среди встрѣчавшихъ, дѣйствительно, не было. Александръ Ивановичъ даже вспомнилъ, что Анны Павловны и въ залѣ не было, а гдѣ она, онъ не могъ представить себѣ.

— Она сегодня именинница!—отвѣтилъ онъ Спиридону Тарасычу, какъ можно веселѣе, и захихикалъ. — Ей сегодня все извинительно...

— Да развѣ я о томъ!.. Какъ будто я про что! — снова забасилъ Сутягинъ, неестественно быстро для своихъ лѣтъ и вѣса поворачиваясь вправо и влѣво.

Отъ пыльныхъ гостей отобрали верхнія вещи. Въ это время подкатила новая тройка. Именины начались.

Къ обѣду, послѣ второго звонка, нашлась именинница. Она была въ лѣсу, — задумалась о чемъ то, замечталась и не замѣтила, что поздно. Такъ она сказала гостямъ, ожидавшимъ обѣда.

Обѣдъ былъ роскошный, обильный и шумный, съ рѣ-

...и тостами. Пили вначалѣ за именинницу и кричали «ура». Потомъ акцизный чиновникъ Милкинъ провозгла...:

— За нашихъ милыхъ дамъ!..

Всѣ встали. Одна изъ дамъ сказала:

— Всегда одно и то же!..

Но ей отвѣтили:

— А что же можетъ быть другое?..

— И развѣ что нибудь можетъ быть лучше нашихъ милыхъ дамъ! — закричалъ снова Милкинъ.

Тотчасъ всѣ начали подходить къ дамамъ и цѣловать ихъ ручки. Какъ только усѣлись, — снова тостъ:

— За нашихъ милыхъ дамъ и ихъ чудесныхъ дѣтокъ!..

— Ура!..

— Непремѣнно! — говоритъ Сутягинъ. — За дѣтокъ надо выпить... Дѣти—это наши цвѣты, какъ сказалъ кто-то.

Снова всѣ поднялись. Снова цѣлуютъ ручки у дамъ.

— Нѣтъ, ужъ позвольте! — слышится голосъ судебнаго слѣдователя съ глянцевитой лысиной. — Это было за дамъ, а это будетъ за дѣтокъ...

Задержавшись около именинницы, онъ прильнулъ губами къ ея блѣдной красивой рукѣ. А Милкинъ ужъ снова провозглашаетъ:

— Господа, сколько у дамы дѣтокъ, столько и ручку у ней цѣловать!..

— Неправильно! — кричитъ кто-то.—Сколько есть дѣтокъ и сколько можетъ быть дѣтокъ!..

— Вотъ это вѣрно!..—соглашаются остальные и цѣлуютъ ручки уже безъ счета.

Но больше всѣхъ цѣлуютъ ручки именинницы. Она царитъ въ умахъ у всѣхъ. Ей посылаютъ свои нѣжныя улыбки женщины. Ее боготворятъ нѣмые взгляды всѣхъ мужчинъ, и даже мужъ какъ-будто позабылъ, что она опоздала къ обѣду.

— Экая... экая вы... божественная! — бормочетъ Аннѣ Павловнѣ старикъ Сутягинъ и украдкой посматриваетъ на своячениицу, но та на него не глядитъ: рядомъ съ нею первый любовникъ мѣстнаго драматическаго кружка, Параносовъ, по сценѣ—Порошинъ, и какъ наступилъ ей сапогомъ на ногу въ началѣ обѣда, такъ и не отпускаетъ, продолжая надавливать.

Обѣдъ кончился. Гости выходятъ въ паркъ, — освѣжиться, а Анна Павловна возбужденная и раскраснѣвшаяся отъ сладкаго вина и всеобщаго вниманія, идетъ въ свою комнату посмотрѣть на себя въ зеркало. Ее догоняетъ Лучининъ. Онъ также возбужденъ, но совсѣмъ не радостно. Кончикъ носа у него двигается вмѣстѣ съ судорожно кривящимися губами. Близорукіе глаза послѣ вина стали мутными. Узловатыя руки болтаются какъ будто сами по себѣ, точно надломленные сучья.

— Почему ты опоздала къ обѣду? — спрашиваетъ онъ жену, странно опустивъ голову и какъ будто собираясь бодаться.

— Что это?.. Допросы?—переспрашиваетъ она.

— Странно, — тихо отвѣчаетъ мужъ. — Допросы!.. Какіе?.. Ты не волнуйся... Говори просто...

— Нечего мнѣ говорить,—говоритъ Анна Павловна и берется за ручку двери, чтобы уйти.

Но Александръ Ивановичъ предупреждаетъ ее и тоже хватается за дверь.

— Нѣтъ, постой,—говоритъ онъ,—такъ не уйдешь... Ты должна мнѣ все сказать...

— Что именно?..

— А вотъ все, чего я не понимаю,—тихо отвѣчаетъ онъ, потирая переносицу.

Высоко поднявъ красивое лицо, она смотритъ на мужа.

— Очень долго пришлось бы разсказывать! — слышитъ онъ.—Очень долго пришлось бы разсказывать...

Тогда Александръ Ивановичъ кричитъ:

— Знаешь... я не шучу и тебя покорнѣйше прошу шуточками не отдѣлываться!..

И вдругъ онъ, снявъ пенснэ, начинаетъ протирать стекла, чувствуя себя несчастнымъ. Слезы подступаютъ у него къ горлу. Ему хотѣлось бы, чтобы Анна Павловна пожалѣла его. Онъ жалобно смотритъ и говоритъ съ горечью:

— Анечка, я мѣста нигдѣ не нахожу... Ты что-то скрываешь отъ меня... Я... я не могу... Было бы легче, если бы я зналъ, что у тебя на душѣ... Но я этого не знаю... Я ничего не знаю... И это ужаснѣе, чѣмъ если бы я зналъ все...

— Напрасно все это,—говоритъ Анна Павловна, и въ голосѣ ея противъ ея воли слышится холодное сознаніе

превосходства. — И потомъ сейчасъ нельзя говорить.... Развѣ ты не видишь!.. Сюда могутъ войти...

Подождавъ немного, не взглянувъ на мужа, она уходитъ въ свою комнату, чтобы тамъ попудриться.

* * *

Гулять многимъ не хотѣлось... Не хотѣлось двигаться послѣ сытнаго обѣда. Однако, всѣ стали собираться въ лѣсъ. А къ вечернему чаю вернулись обратно не всѣ...

Въ числѣ безъ вѣсти пропавшихъ между прочимъ оказались: акцизный Милкинъ съ свояченицей Сутягина и вся молодежь. Молодежь, какъ послѣ выяснилось, ушла верстъ за пять отъ усадьбы въ деревушку Карасиху пить молоко: тамъ, будто бы, очень вкусное молоко.

Милкинъ и свояченица опоздали къ чаю только потому, что, желая сократить дорогу и поскорѣй вернуться въ домъ, они свернули гдѣ-то влѣво и заблудились въ лѣсу.

Это объясненіе не понравилось Порошину. Недовѣрчиво усмѣхнувшись, онъ тихо, но откровенно, какъ первый любовникъ, замѣтилъ Милкину:

— Бѣлыми нитками шито!..

Анна Павловна съ прогулки вернулась раньше всѣхъ другихъ. Рядомъ съ нею въ лѣсъ пошелъ сынъ Плошкина, агрономъ въ блестящемъ бѣломъ кителѣ. Шелъ онъ медленно, нога за ногу, и говорилъ сначала о чемъ-то далекомъ, пока неосуществимомъ, — о томъ, что, по его словамъ, должно случиться на землѣ лѣтъ черезъ двѣсти. Онъ утверждалъ, что нарождаются теперь люди дѣла — настоящіе люди, съ крѣпкими нервами, что мы, а въ томъ числѣ и онъ, — послѣдніе... на границѣ стоимъ... ни туда, ни сюда.

— И вотъ погибнемъ мы, какъ озимь, и явятся новые люди, новые всходы, вскормленные грудью матери-земли, близкіе ей и обласканные солнцемъ... Смѣло будутъ они глядѣть на свѣтъ Божій!..

Анна Павловна шла тоже тихо и все слушала. Потомъ ей это надоѣло, и она сказала:

— Не вѣрю я, что будетъ хорошо. И все это—было... Я читала объ этомъ у кого-то... Нѣтъ, я не вѣрю...

Агрономъ переспросилъ:

— Какъ?.. А то лучшее, ради чего мы живемъ?.. Вы и въ это не вѣрите?..

— Оно всегда неопредѣленно,—возразила Анна Павловна.—Вы молоды...Для васъ все ясно... И я когда-то вѣрила... Но въ молодые годы мы дѣлаемъ ошибки на всю жизнь... роковыя ошибки...

— Ошибки и позже бываютъ,—отвѣтилъ агрономъ.

— Нѣтъ,—вздохнула Анна Павловна.—Мы ошибаемся только въ юности, а позже наступаетъ пора раскаянья, пора безвѣрья, пора расплаты за увлеченья, — тяжелое время боли душевной, стыда и жалости къ себѣ...

— Всетаки мириться съ этимъ и опускать руки нельзя,—пробовалъ спорить агрономъ,—мы должны хотѣть сдѣлать самихъ себя счастливыми здѣсь, на землѣ... И должны вѣрить, обязательно вѣрить, что жизнь, все-таки, не такъ ужъ плоха... Не однѣ же ошибки въ ней!.. Допустимъ даже, что вѣрнаго въ ней ничего нѣтъ... Пусть такъ!.. Пусть будутъ миражи!.. Не все ли равно!.. Все таково, какъ оно есть... И это ужъ нѣчто положительное... этимъ надо пользоваться...

Тутъ онъ поглядѣлъ на Анну Павловну. Въ бѣломъ легкомъ платьѣ, высокая, стройная, съ темными вдумчивыми глазами, она показалась ему вдругъ такой прекрасной, какъ ни одна женщина въ мірѣ.

— Анна Павловна!—назвалъ онъ ее тихо,—Анна Павловна!..

Она, какъ будто очнувшись отъ задумчивости, переспросила:

— Что вы?..

— Можетъ быть, это глупо,—заговорилъ онъ, запинаясь,—все равно!.. Я долженъ сказать, что давно ужъ люблю васъ, Анна Павловна...

Агрономъ смутился и повторилъ еще разъ:

— Я васъ люблю...

Тогда она стала хохотать, говоря ему:

— Любите!.. Это ваше право... Никто запретить не можетъ... Ха-ха-ха!.. Никто!.. Никому!..

— Я не надѣялся на взаимность, — сказалъ агрономъ. — Я только...

Но она, уже не смѣясь, проговорила:

— Я все сказала, Василій Ивановичъ.. При всемъ желаніи мнѣ больше нечего сказать вамъ...

Достала платокъ и стала махать имъ вмѣсто вѣера.

— Анна Павловна!—воскликнулъ тогда агрономъ.—Но вѣдь задыхаетесь въ окружающей васъ атмосферѣ!..

Она остановилась, взглянула на него и холодно спросила:

— Чего же вы хотите отъ меня?..

Онъ молчалъ.

— Чего вамъ надо отъ меня?.. Ну, говорите!—спрашивала она.

Постояли, помолчали и пошли дальше. Онъ чувствовалъ, что ему нельзя молчать, но каждое слово, съ котораго онъ собирался начать свою рѣчь, точно зубцами цѣплялось за другія слова, и языкъ, какъ сломанная шестерня, не дѣйствовалъ. Наконецъ, онъ началъ:

— Вы должны...

И тотчасъ поспѣшилъ сдѣлать оговорку:

— Я знаю, что мнѣ, быть можетъ, не слѣдуетъ объ этомъ говорить, но позвольте все таки сказать... Я хочу помочь вамъ, выяснить дѣло, а не обидѣть васъ... Я думаю что вамъ надо вырваться отсюда... уѣхать...

— Ну, хорошо, — согласилась Анна Павловна, — я вырвусь отсюда... Куда же мнѣ идти?..

— Васъ вездѣ полюбятъ,—грустно сказалъ агрономъ.

— Одной любовью жить такъ же скучно, какъ и безъ любви,—задумчиво отвѣтила Анна Павловна.—А больше у меня ничего нѣтъ...

— Въ такомъ случаѣ я не знаю,—отвѣтилъ агрономъ.

— И я не знаю,—сказала она,—ничего не знаю... Надо «захотѣть»,—а я не могу...

Обернулась къ нему и остановилась. Ему послышалось, какъ будто она сказала еще что-то...

— Что? — переспросилъ онъ.

— Я молчу,—отвѣчала она.

— Мнѣ показалось, что вы что-то сказали...

— Сказала?.. Нѣтъ... Я молчу...

И, прикусивъ губы, она повернулась и ушла домой. Ее разстроилъ этотъ разговоръ. Ей стало скучно, но въ то же время она пріятно чувствовала себя умной и несчастной, какъ героиня повѣсти.

* * *

Когда настали сумерки и опустили головки цвѣты, въ паркѣ засвѣтились разноцвѣтные бумажные фонарики, изъ зала послышались звуки рояля, и чѣмъ-то сказочнымъ повѣяло изъ парка... Какъ-будто дѣтскія мечты воскресли и робко, тихо зажглись въ душѣ при звукахъ музыки и свѣтѣ разноцвѣтныхъ фонарей...

Позже, передъ ужиномъ, сожгли очень хорошій фейерверкъ. Горѣли римскія свѣчи, трещали шутихи... Только одна ракета разорвалась, не поднявшись съ мѣста и опалила усы акцизному, который сунулъ въ нее зажженную папиросу.

Старички сѣли за карты. Молодежь начала танцовать. Въ укромной гостиной, залитой розовымъ свѣтомъ лампы, стоящей въ углу у камина, старшая дочка Сутягина, Нюся, кокетливо бесѣдовала съ Мишей-реалистомъ. Въ рукахъ его гитара. Чуть слышно, точно вздыхая, рокочутъ о чемъ-то неясномъ и тихомъ небрежно перебираемыя струны. И Нюся тоже тихо говоритъ:

— Сегодня вечеръ, а вчера я долго не могла уснуть....

— Мечтали? — спрашиваетъ Миша.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Нюся...—Вы не повѣрите, Миша, какъ мнѣ было страшно... Сначала слышался какой-то свистъ, потомъ шелестъ и потомъ... стало страшно, страшно!.. Я ясно увидала привидѣнье: бѣлое съ блѣднымъ лицомъ, оно подошло къ окну, уставилось носомъ въ стекло и получилась престрашная рожа съ расплющеннымъ носомъ...

Миша бьетъ по струнамъ, беря рыдающій аккордъ.

— Ахъ, что это! — вздрагиваетъ Нюся.

— Привидѣнье? — тихо спрашиваетъ онъ.

— Не говорите,—шепчетъ Нюся...—Я боюсь... это очень страшно... Вы не вѣрите въ привидѣнья?..

— Нѣтъ, — спокойно отвѣчаетъ Миша. — Я выучилъ три новыхъ па танго, и теперь у меня танго въ головѣ...

— Даже! — говоритъ Нюся совсѣмъ, какъ взрослая. — А мнѣ кажется, танго должно быть гдѣ угодно, только не въ головѣ...

— Развѣ?.. я не зналъ, — отзывается Миша и опять перебираетъ струны.

— Вы опять кашляете? — говоритъ черезъ минуту Нюся. — Вы простудились.

— У меня чахотка, — невозмутимо шепчетъ реалистъ.— Я иду по васъ, Нюся...

— Ахъ! — восклицаетъ Нюся! — и чахотка—это тоже очень страшно!.. Я была на-дняхъ у Тани, которая, знаете, умираетъ отъ чахотки... Возлѣ нея на столикѣ цвѣты — хризантемы... Бѣлая сорочка.. бѣлые цвѣты и черные волосы!.. Ахъ! это такъ страшно умирать молодой!..

Вдругъ, наклонясь совсѣмъ близко къ Мишѣ, Нюся беретъ его за руку и проситъ:

— Пойдемте танцовать!..

* * *

Послѣ разговора съ Анной Павловной Александръ Ивановичъ весь остатокъ дня чувствовалъ себя прескверно и даже въ карты не сталъ играть изъ-за плохого настроенія.

Блуждая, точно потерявшій что-то, онъ нѣсколько разъ сталкивался съ такимъ же мрачнымъ, какъ и онъ, Чаевымъ, бывшимъ земскимъ начальникомъ.

Въ концѣ концовъ они рѣшили, что имъ судьба напиться, вышли въ паркъ, сѣли въ уютной бесѣдкѣ и стали пить такъ, что горничная Стеша едва успѣвала уносить пустую посуду.

Взошла луна. На дорожкахъ парка раскинулись повсюду круглыя пятна серебристаго свѣта вперемежку съ причудливой сѣтью тѣни отъ вѣтвей.

Анна Павловна, у которой разболѣлась голова, обойдя веселящихся гостей, рѣшила уйти въ паркъ.

Пошла было въ бесѣдку, наткнулась тамъ на мужа съ Чаевымъ и отправилась по дорожкѣ къ пруду.

— Пошла! — сказалъ Лучининъ Чаеву, указывая взглядомъ на жену. — Зачѣмъ пошла?.. Какъ вы думаете!..

Чаевъ какъ будто весь размякъ послѣ вина и утратилъ мрачность. Поглядѣвъ вслѣдъ Аннѣ Павловнѣ, онъ съ умиленіемъ говоритъ:

— Мечтаетъ!.. Философствуетъ, какъ полагается..

— О чемъ ей философствовать? — задаетъ тогда вопросъ Лучининъ, безнадежно пытаясь поймать на вилку кусочекъ селедки.

— Философствовать можно о чемъ угодно,—отвѣчаетъ

Чаевъ. — И тайный смыслъ можно видѣть во всемъ... Вотъ, напримѣръ, сегодня у насъ какое число?.. Двадцать пятое іюля?.. Хорошо!.. Вы думаете только: двадцать пять и больше ничего? И я такъ думаю!.. Но если бы мы въ этомъ мѣсяцѣ считали дни до безконечности, то по заграничному календарю у насъ сегодня было бы тридцать восьмое... Вотъ и начинается!.. Смотрите: 25 и 38!.. Два—плюсъ—три—пять: двадцать пять! Пять—плюсъ—три—восемь: тридцать восемь! Два—плюсъ—пять—семь, да плюсъ—три десять! два —плюсъ восемь — тоже десять... Какъ ни кинь — все клинъ.

— Ничего не понимаю... — бормочетъ Лучининъ.

— Это трудно, конечно... Хотите, я вамъ на бумажкѣ?..—предлагаетъ Чаевъ.

— Не надо мнѣ бумажки! — грустно говоритъ хозяинъ.

— Ну, какъ хотите! — говоритъ Чаевъ, пряча карандашъ въ карманъ.—Не хотите, какъ хотите!.. Тьфу! Чортъ!.. Вотъ... видите, что бываетъ?..

Вытаращивъ испуганно глаза и, словно не вѣря себѣ, онъ повторяетъ:

— «Не хотите, какъ хотите»!.. Вотъ и поймите!.. А мы понимать должны!.. Обязаны понимать, чортъ насъ дери!.. Сколько теперь времени, между прочимъ?.. А?..

Чаевъ достаетъ часы и долго смотритъ. Потомъ икаетъ и, обращаясь къ Лучинину уже на «ты», убѣдительно проситъ:

— Саша, посмотри, пожалуйста, на часы... Я что-то не разберу, какая стрѣлка большая, а какая маленькая... Я что-то плохо... вижу...

— А почему вы думаете, что я хорошо вижу? — спрашиваетъ его Лучининъ.

— Не знаю, Саша... мнѣ такъ кажется...

— Чепуха!..

— Чепуха? — переспрашиваетъ Чаевъ. — Прекрасно!.. Я посижу еще... Ты не смотри, что мнѣ спать хочется... Посидимъ!.. А мысли у меня, Саша, постоянно чѣмъ-нибудь заняты... Постоянно... то дѣла, а то мысли о дѣлахъ...

— О дѣлахъ?—серьезно переспрашиваетъ Лучининъ, держа въ рукѣ рюмку.

— Да, — чокается Чаевъ.

— Я не мѣшаю?—также серьезно переспрашиваетъ Лучининъ, выпивъ рюмку и отыскивая глазами, чѣмъ бы закусить.

— Нѣтъ... ты не мѣшаешь!.. Я люблю посидѣть вотъ такъ... по-хорошему... Въ головѣ разныя мысли... Саша, ты понимаешь меня? — спрашиваетъ онъ вдругъ.

Оба вопросительно смотрятъ другъ на друга. Помолчавъ, Чаевъ продолжаетъ съ большимъ чувствомъ:

— Ну, вотъ!.. Вотъ и больше ничего!.. Спасибо, Саша!..

Онъ перегибается къ Лучинину и пожимаетъ ему руку.

— Я зналъ!.. Спасибо, голубчикъ!..

Подъ вліяніемъ прилива чувства нѣжности, Чаевъ подымается и цѣлуетъ Лучинина, приговаривая:

— Ну, ничего, прости!.. Я больше не буду... прости, Саша!.. Ты мнѣ другъ... Я это понимаю... Я это цѣню...

Откинувшись на спинку скамейки, онъ неожиданно растопыриваетъ пальцы, смотритъ сквозь нихъ и говоритъ, прищурившись и улыбаясь:

— А хорошо, Саша, что у меня нѣтъ на пальцахъ перепонокъ!.. А?.. А то бы я тебя не видѣлъ!.. Саша, правда, хорошо?..

*

Опустилась на землю тихая, лунная ночь... Прудъ какъ-будто дремлетъ... Отъ воды подымается бѣлый туманъ и клубится, и стелется, и неслышно ползетъ, приближается къ берегу, словно старость сѣдая подходитъ. Пахнетъ тиной... Вѣетъ сыростью...

Вся въ бѣломъ, словно изваяніе, стоитъ надъ прудомъ Анна Павловна и смотритъ на черную воду дремлющаго омута, размышляя о жизни безъ увлеченій и любви, какъ размышляютъ объ этомъ героини романовъ.

Въ тишинѣ что-то призрачное рѣетъ надъ землей... Смутный трепетъ пробѣгаетъ порой по вершинамъ деревьевъ, словно кто-то трогаетъ сонныя вѣтви и ласково шепчетъ имъ о чемъ-то среди голубой тишины.

— Не то!.. Не то!.. — грустно повторяетъ Анна Павловна. — Уйти куда-нибудь!.. Бѣжать, куда глаза глядятъ!..

Ей хочется плакать, а слезъ у нея нѣтъ.

— Но куда же уйти? — вспоминаетъ она свой разговоръ съ агрономомъ и бродитъ по парку, какъ привидѣніе.

переходя изъ одной аллеи въ другую, утирая платкомъ совершенно сухіе глаза...

— Некуда уйти!.. И отъ чего уйти?.. Вездѣ одно и то же... Уйти некуда...

Гдѣ-то далеко сторожъ бьетъ въ колоколъ нѣсколько разъ, и раздается среди ночи звонъ протяжный, мѣрный... Снова тихо... Ночь, какъ дѣвушка, ждетъ чего-то, пристально смотритъ огнями тихихъ звѣздъ и слушаетъ всѣмъ небомъ своимъ... И, какъ волшебница, въ таинственномъ молчаньи творитъ душистое, пьянящее вино, чтобы напоить имъ досыта и воздухъ, и людей, и цвѣты, чтобы сдѣлать изъ жизни сказку...

«Некуда уйти», — думаетъ именинница.

Падаютъ тѣни къ подножью деревьевъ, черныя бездонныя разстилаются со стороны поля вдоль опушки парка и около лѣса... Спятъ цвѣты и травы... Ночь опустилась на землю, въ тихомъ раздумьи стала, какъ мать среди дѣтской спальни...

Вся въ бѣломъ, словно привидѣнье, подходитъ именинница къ дому и плачетъ... Въ ушахъ ея звенитъ дурацкій хохотъ:

— Понимаешь? Ха-ха...

Г. Сошиловъ.

АВТОБІОГРАФІЯ.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

(Продолженіе).*

Занимаясь пѣніемъ, я въ то же время учился грамотѣ въ частной школѣ Ведерниковой, но въ этой школѣ мальчики обучались вмѣстѣ съ дѣвочками, и вскорѣ у меня разыгрался романъ съ одной изъ ученицъ.

Я былъ довольно способенъ, грамота давалась мнѣ легко, и потому учился я небрежно, лѣниво, предпочитая кататься на конькѣ, — на одномъ, потому что пара коньковъ стоила дорого. Учебныя книги я часто терялъ, а иногда продавалъ ихъ на гостинцы и поэтому почти всегда не зналъ уроковъ.

Сидѣлъ я рядомъ съ дѣвочкой старше меня года на два, ее звали Таня; она меня и выручала въ трудныя минуты, подсказывая мнѣ. Этимъ она вызвала у меня чувство глубокой симпатіи, и однажды въ коридорѣ, во время перемѣны, переполненный пламеннымъ желаніемъ благодарить ее, я поцѣловалъ дѣвочку. Она нѣсколько испугалась и, оглядываясь, зашептала:

— Что ты, что ты! Развѣ можно? Вдругъ учительница увидитъ. Вотъ когда будемъ играть на дворѣ, — спрячемся вмѣстѣ, тогда ужъ ты меня и будешь цѣловать...

Я не зналъ, что въ мои годы цѣловаться съ дѣвочками вообще не слѣдуетъ, и понялъ только одно: нельзя цѣловаться при учительницѣ, — должно быть, потому, что этого она не преподавала намъ. Смутное понятіе о запретности поцѣлуевъ явилось у меня, когда, цѣлуясь съ Таней въ укромномъ уголкѣ, я почувствовалъ, что такъ цѣловаться лучше, чѣмъ при людяхъ. Я сталъ искать возможности остаться съ Таней одинъ на одинъ, и мы цѣловались, сколько хотѣлось. Не думаю, чтобы эти поцѣлуи имѣли другой характеръ, кромѣ чистой дѣтской ласки, — ласки, до которой такъ жадно человѣчье сердце, все равно, большое или маленькое.

---

* См. «Лѣтопись», 1917 г., № 1.

Конечно, учительница все-таки вскорѣ поймала насъ, и меня съ подругой выгнали изъ училища. Извѣстна ли была отцу и матери причина моего изгнанія — не знаю. Вѣроятно, нѣтъ, иначе меня памятно выпороли бы.

Но этотъ случай не прошелъ безслѣдно для моей души, я понялъ, что когда спрячешься отъ людей, то поцѣлуи — слаще, а когда учительница наказала меня, мнѣ сдѣлалось ясно, что поцѣлуи — дѣло зазорное. Затѣмъ этотъ случай вызвалъ у меня любопытство къ женщинѣ и измѣнилъ отношеніе къ ней: до этого я иногда ходилъ въ баню и съ матерью, а теперь сталъ отказываться идти съ нею изъ боязни, что мнѣ будетъ стыдно.

Вскорѣ я поступилъ въ четвертое приходское училище, но и оттуда живо выскочилъ, чему причиной послужилъ такой, скажемъ, странный случай: однажды, когда я шелъ на уроки, изъ воротъ дома Журавлева выскочилъ какой-то рослый парень и, не знаю чѣмъ, — должно быть, палкой, — треснулъ меня по затылку, разбивъ его до крови. Треснулъ и, яко дымъ, исчезъ.

Я поохалъ, прикладывая къ ранѣ снѣгъ, и пошелъ дальше, раздумывая: зачѣмъ это меня палкой? Въ училищѣ я никому не сказалъ объ этомъ, дома — тоже. Вѣдь, если отецъ узнаетъ, что у меня разбита голова, онъ вздуетъ меня же. Рана начала гноиться, но подъ волосами ее не видно было.

На грѣхъ я черезъ нѣсколько дней что-то созорничалъ въ школѣ или плохо отвѣтилъ учителю, а онъ, какъ разъ, любилъ «щипать рябчика».

«Рябчика щиплютъ» такъ: берутъ большимъ и указательнымъ пальцами клокъ волосъ на вашемъ затылкѣ и, крѣпко сжавъ ихъ, съ силой дергаютъ снизу вверхъ. Ощущеніе получается такое, какъ будто вамъ надорвали шею до позвонковъ. Учитель «щипнулъ рябчика» какъ разъ на мѣстѣ раны. Я взвылъ отъ боли. Изъ трещины на затылкѣ хлынула кровь съ гноемъ. Я стремглавъ убѣжалъ домой. Дома меня били за то, что не хочу учиться, но я сказалъ:

— Рѣжьте меня пополамъ, а въ этомъ училищѣ не буду учиться!

Мнѣ сказали, что я «сварливое животное», «скважина» и еще многое, а затѣмъ отецъ рѣшилъ, что изъ меня «ни

черта» не выйдетъ и отдалъ меня въ ученье къ сапожнику Тонкову, моему крестному отцу. Я и раньше бывалъ у Тонкова, ходилъ въ гости къ нему съ моимъ отцомъ и матерью. Мнѣ очень нравилось у крестнаго. Въ мастерской стоялъ стеклянный шкафъ, и въ немъ на полкахъ были аккуратно разложены сапожныя колодки, кожи. Запахъ кожи очень привлекалъ меня, а колодками хотѣлось играть. И все было весьма занятно. А особенно нравилась мнѣ жена Тонкова. Каждый разъ, когда я приходилъ, она угощала меня орѣхами и мятными пряниками. Голосъ у нея былъ ласковый, мягкій и странно сливался для меня съ запахомъ пряниковъ; она говоритъ, а я смотрю въ ротъ ей, и кажется, что она не словами говоритъ, а душистыми пряниками. Позже, когда я пріѣзжалъ въ Казань, уже будучи артистомъ, встрѣчаясь съ этой женщиной и разговаривая съ нею, я испытывалъ отъ ея сдобнаго голоса то же самое ощущеніе воздушныхъ, мятныхъ пряниковъ.

Отдавая меня сапожнику, отецъ внушалъ:

— Научишься шить сапоги, человѣкомъ будешь, мастеромъ, заработаешь хорошія деньги, и намъ отъ тебя помощь.

Я пошелъ въ сапожники охотно, будучи увѣренъ, что это лучше, чѣмъ учить таблицу умноженія, да еще не только по порядку, а и въ разбивку. А тутъ еще мать сшила мнѣ два фартука съ нагрудниками!

Помню, была осень. Стояли заморозки, когда я съ матерью шелъ по улицѣ босикомъ, направляясь въ мастерскую. На мнѣ былъ новый фартукъ. Руки я засунулъ за нагрудникъ, какъ слѣдуетъ настоящему сапожнику. Шелъ я и все смотрѣлъ по сторонамъ, — какъ относится ко мнѣ казанскій народъ? Народъ, по исконному равнодушію своему къ историческимъ событіямъ, навѣрное, никакъ не относился ко мнѣ, но я былъ увѣренъ, что всѣ молча думаютъ:

«Ага, вотъ еще явился у насъ новый мастеръ!»

Мать вздыхала. На базарѣ она купила мнѣ на копѣйку пятокъ огурцовъ. Четыре я положилъ за нагрудникъ, а одинъ сунулъ въ ротъ, и шелъ, показывая міру большой зеленый языкъ.

Тонковъ былъ солидный человѣкъ, высокаго роста, кудрявый, одѣтъ въ бѣлую рубаху, въ сатиновыя шаровары и опорки. Онъ принялъ меня ласково:

— Сегодня погляди, а завтра начнешь работать!

Я плохо спалъ ночь, одержимый желаніемъ трудиться. Утромъ вскочилъ вмѣстѣ со всѣми, часовъ въ шесть. Страшно хотѣлось спать. Мнѣ дали стаканъ чаю съ хлѣбомъ, а потомъ хозяинъ показалъ, какъ надо сучить дратву.

Принялся я за дѣло очень ревностно, но, къ удивленію моему, дѣло у меня не спорилось. Сначала мастера не обращали на меня вниманія, но вскорѣ стали поругиваться:

— Экій болванъ!

Научился сучить дратву—нужно было всучивать въ нее щетину съ обоихъ концовъ. Это оказывалось еще труднѣе. А тутъ дремота одолѣваетъ. Но все-таки въ первый день меня не били.

Тачать я научился скорѣе, чѣмъ сучить дратву, но, конечно, не безъ поощренія подзатыльниками. Хорошо еще, что хозяинъ былъ крестный мнѣ. Мастера немножко считались съ этимъ. Но судьба не судила мнѣ быть сапожникомъ. Вскорѣ я простудился и захворалъ. Помню, лежалъ я на горячей печи, но никакъ не могъ согрѣться. Крестный отецъ далъ мнѣ яблоко. Я откусилъ кусокъ и съ отвращеніемъ выплюнулъ его. Вкусъ яблока былъ убійственный. Потомъ я очутился дома и, какъ сквозь сонъ, помню, шелъ съ отцомъ на кладбище. Отецъ несъ на полотенцѣ черезъ плечо гробъ. Въ гробу лежалъ братъ Николай. А затѣмъ помню себя въ больницѣ и рядомъ со мной, на койкѣ, лежала моя сестра. У меня страшно горѣли ноги, точно ихъ кто-то жегъ огнемъ. Какой-то черный человѣкъ прыскалъ на ноги изъ пульверизатора и пока онъ дѣлалъ это я испытывалъ блаженство, а перестанетъ — и ноги снова горятъ нестерпимо.

Мать, сидя на койкѣ сестры, говорила кому-то:

— Что вы, развѣ можно человѣку горло рѣзать!

Предо мною все качалось, мелькало. Голова моя была полна туманомъ, но я все-таки догадался, что горло рѣзать хотятъ моей сестрѣ. Это не удивило меня. Здѣсь не разбойники, а больница. Значитъ, такъ надо, — рѣзать горло. Но мать не согласилась на это, и сестра умерла. Очередь была за мной.

Но я сталъ выздоравливать. Только кожа сходила съ меня, какъ со змѣи. Я сдиралъ ее большими клочьями. Потомъ явился мучительный аппетитъ, я никакъ не могъ насытиться.

Однажды подошелъ ко мнѣ студентъ и спрашиваетъ:

— Ну, братъ, что тебѣ дать поѣсть? Вотъ у насъ есть котлеты, супъ съ перловой крупой и супъ съ курицей. Выбирай что-нибудь одно.

Я выбралъ супъ съ курицей, въ разсчетѣ, что будетъ сначала — супъ, а потомъ — курица. И былъ горько разочарованъ: мнѣ принесли тарелку супа и въ немъ маленькій кусочекъ чего-то. Съѣлъ я супъ и спрашиваю:

— А гдѣ курица?

— Какая?

— А мнѣ сказали...

— Ахъ, ты думалъ, тебѣ цѣлую курицу дадутъ! Ну, братъ, этого не бываетъ...

Очень жаль, что не бываетъ!

Когда я выздоровѣлъ, меня снова отдали къ сапожнику, но уже къ другому. Отецъ нашелъ, что крестный баловалъ меня и ничему не можетъ научить.

У сапожника Андреева я сразу попалъ въ тиски. Хотя я умѣлъ сучить щетину и тачать, но здѣсь меня заставили мыть полъ, ставить и чистить самовары, ходить съ хозяйкой на базаръ, таская за ней тяжелую корзину съ провизіей, и, вообще — началась каторга. Били меня безпощадно; удивляюсь, какъ они не изувѣчили мальчишку! Я думаю, что это случилось не по недостатку усердія съ ихъ стороны, а по крѣпости моихъ костей.

Но здѣсь я научился сносно работать и даже началъ самъ дѣлать, по праздникамъ, небольшія починки: набивалъ набойку на стоптанный каблукъ, накладывалъ заплаты. Единственнымъ удовольствіемъ было хожденіе по заказчикамъ. Несешь кому-нибудь новые или чиненые сапоги и нарочно избираешь самый длинный путь, чтобы подольше пошляться на воздухѣ и на свободѣ. Иногда заказчикъ дастъ пятакъ или гривенникъ на чай. Всегда страдая отъ недоѣданія, я покупалъ бѣлаго хлѣба и ѣлъ его съ чаемъ.

— Обожрешься, — говорили мастера.

Хозяинъ кормилъ недурно, но мнѣ очень часто не хватало времени для того, чтобы поѣсть до сыта.

А тутъ еще былъ очень неудачный порядокъ: щи подавались въ общей мискѣ, и всѣ должны были сначала хлебать пустыя щи, а потомъ, когда дневальный мастеръ ударялъ по краю миски ложкой, можно было таскать и мясо. Само собой разумѣется, что слѣдовало торопиться доставать куски покрупнѣе и почаще. Ну, а когда большіе замѣчали, что

быстро жуешь куски, или глотаешь ихъ недожеванными, дневальный мастеръ ударялъ по лбу ложкой:

— Не торопись, стерва!

Умѣлый человѣкъ и деревянной ложкой можетъ посадить на лбу солидный желвакъ!

Осенью еще было сносно. Вечера длинные. Бережливый хозяинъ не хочетъ зажигать огонь, и около часа, передъ наступленіемъ полной темноты, мы «сумерничали». Можно было отдохнуть. Зато къ Рождеству работа накапливалась, и начинались «засидки», — работали до 12 час. ночи, а вставали въ пять утра. Этотъ двадцатичасовой рабочій день изводилъ меня. Я ужъ и такъ былъ «кожа да кости», а теперь сталъ бояться, что и кости мои станутъ тоньше.

Работая въ мастерской, я все-таки продолжалъ пѣть въ хорѣ. Но только за обѣднями, а на свадьбахъ и похоронахъ не могъ уже за недостаткомъ времени, и, конечно, не въ состояніи былъ пѣть всенощныя, — къ вечеру я едва ноги таскалъ.

Весною, какъ только потеплѣло и можно было выйти на улицу босикомъ, я заявилъ отцу, что не могу работать — боленъ. Ясно выраженной болѣзни у меня не было, но я чувствовалъ какое-то недомоганіе, а на подошвахъ у меня явились твердыя опухоли и желтыя пятна. Это не были кожныя мозоли, а какое-то затвердѣніе подъ кожей. Оно не причиняло мнѣ боли, но я воспользовался имъ и показалъ отцу, сказавъ, что ноги у меня болятъ.

Каковъ же былъ мой ужасъ, когда отецъ повелъ меня въ клинику! Шелъ я за нимъ и думалъ:

«Господи, что же это будетъ? Вѣдь докторъ узнаетъ, что ноги-то у меня не болятъ! Всыплетъ мнѣ отецъ и отправитъ назадъ въ мастерскую, а тамъ еще изобьютъ»...

Но наука спасла меня отъ истязаній. Докторъ, пощупавъ мои ноги, позвалъ студентовъ и что-то разсказалъ имъ, а потомъ прописалъ мнѣ мазь и запретилъ много ходить. Идя съ отцомъ въ аптеку за лекарствомъ, я еще больше прихрамывалъ изъ уваженія и благодарности къ наукѣ. Но когда отецъ оставилъ меня, я стремглавъ пустился домой, радостно объявилъ матери, что нездоровъ, но это — пустяки, и нужно только помазать мазью. Мать пожалѣла меня. Я вымазалъ ноги и сталъ собираться на улицу.

— Сотрешь мазь-то! Посидѣлъ бы немного, — сказала мать.

Я объяснилъ ей, что мазь уже вошла въ нутро мое. И снова началась вольная жизнь съ веселыми товарищами.

Къ сожалѣнію, въ школѣ Ведерниковой я научился довольно красиво писать, и это обстоятельство снова испортило мнѣ жизнь.

— Изъ тебя, скважина, вообще ни черта не выйдетъ! — сказалъ мнѣ отецъ.—Довольно тебѣ шарлатанить! У тебя красивый почеркъ. Садись-ка за столъ, да каждый день списывай мнѣ листа два-три! Скоро пора тебѣ ходить со мной въ Управу.

Я сѣлъ за столъ. Мучительно скучно было выписывать красивыми буквами какія-то непонятныя слова, когда вся душа на улицѣ, гдѣ играютъ въ бабки, въ разбойники, въ шаръ-мазло.

Да, я еще забылъ, что послѣ скарлатины и до работы у сапожника Андреева, отецъ отдавалъ меня въ ученье токарю. Это было тоже очень плохо для меня. Кормилъ хозяинъ скверно. Работа была тяжелая, не по силамъ мнѣ. Хозяинъ часто бралъ меня съ собою на рынокъ, гдѣ онъ покупалъ березовыя длинныя жерди, вершковъ двухъ и трехъ толщиной. Эти жерди я долженъ былъ тащить домой. Повторяю, я былъ худъ. У меня вездѣ торчали кости. И мнѣ было всего десять лѣтъ отъ роду. Однажды я тащилъ дерево домой и до того выбился изъ силъ, что, бросивъ жердь, прижался къ забору и заплакалъ.

Ко мнѣ подошелъ какой-то скучный господинъ и спросилъ меня, отчего я плачу, а когда я сказалъ, въ чемъ дѣло, онъ взялъ дерево и, сопровождаемый мною, понесъ его, а придя въ мастерскую сталъ, къ моему изумленію, строго распекать хозяина.

— Я васъ подъ судъ отдамъ! — кричалъ онъ.

Хозяинъ выслушалъ его молча, но когда этотъ добрый человѣкъ ушелъ, хозяинъ жестоко вздулъ меня, приговаривая:

— Ты жаловаться? Жаловаться?

А я вовсе не жаловался. Только сказалъ, что нести дерево не могу и боюсь опоздать въ мастерскую. Отколотивъ меня, хозяинъ пригрозилъ, что прогонитъ, если еще разъ повторится такая непріятность для него. Я сжался. Но черезъ

нѣкоторое время хозяинъ, изругавъ меня, повернулся ко мнѣ спиной. Я показалъ ему языкъ, а онъ увидалъ это въ зеркалѣ. Въ эту минуту онъ не сказалъ мнѣ ни слова, но на другой день, какъ разъ передъ завтракомъ, когда мнѣ страшно хотѣлось ѣсть, онъ сказалъ мнѣ:

— Бери свои пожитки и убирайся къ черту! Мнѣ такихъ не надо.

Я сразу догадался, за что онъ выгоняетъ меня, но какъ я скажу объ этомъ отцу?

Взялъ я свой сундучокъ съ бѣльемъ и пошелъ домой.

— Ты что? — спросилъ отецъ.

— Прогналъ хозяинъ.

— Почему?

— Не знаю.

Отецъ всыпалъ мнѣ, сколько слѣдовало по его разсчету, и пошелъ къ хозяину, но, воротясь отъ него, не сказалъ мнѣ ни слова и больше не билъ.

Послѣ этого меня отдали въ шестое городское училище. Учитель Башмаковъ оказался любителемъ хорового пѣнія, и у него была скрипка. Этотъ инструментъ давно и страшно нравился мнѣ. И вотъ я сталъ уговаривать отца купить скрипку,—мнѣ казалось, что научиться играть на ней очень легко. Изъ денегъ, которыя утаивались мною отъ жалованія, я не могъ купить; это открыло бы отцу, что я не весь заработокъ отдаю ему. Да и, признаться, жалко мнѣ было своихъ денегъ. Я умѣлъ и могъ потратить ихъ съ неменьшимъ удовольствіемъ. Отецъ купилъ мнѣ скрипку на «толчкѣ» за два рубля. Я былъ безумно радъ и тотчасъ же началъ пилить смычкомъ по струнамъ, — скрипка отчаянно визжала, и отецъ, послушавъ, сказалъ:

— Ну, скважина, если это будетъ долго, такъ я тебя скрипкой по башкѣ!

Однако, я довольно быстро выучилъ первую позицію, но дальше не пошло — не было никого, кто показалъ бы мнѣ, какъ учиться дальше, ибо регенты, тоже самоучки, играли не лучше меня, хотя скрипка помогла мнѣ написать тріо.

Въ это время мнѣ было лѣтъ одиннадцать, и я уже имѣлъ нѣсколько человѣкъ добрыхъ товарищей. Странно это, но всѣ они до одного погибли въ ранней юности. Главарь кружка, Женя Бириловъ, умеръ отъ сифилиса, будучи офицеромъ, Иванъ Михайловъ, сынъ сторожа въ городской

управѣ, сдѣлался отчаяннымъ и безнадежнымъ алкоголикомъ, Степанъ Орининскій былъ кѣмъ-то убитъ на Казанкѣ. Онъ былъ въ годъ смерти студентомъ Ветеринарнаго Института. Иванъ Добровъ, будучи сельскимъ дьячкомъ или дьякономъ и собирая по деревнямъ «ругу», вывалился пьяный изъ саней и замерзъ. Странно!

Женя Бириловъ — сынъ отставного штабсъ-капитана. Жилъ онъ, хотя и небогато, но, видимо, въ достаткѣ. Помню, я однажды обѣдалъ у него. На послѣднее мнѣ дали сладкаго пирога. Само собою разумѣется, я очистилъ тарелку, какъ могъ лучше, и былъ очень удивленъ, видя, что товарищъ мой не доѣлъ пирогъ, оставилъ кусочекъ, — хоть и маленькій, а оставилъ. Я запомнилъ это, думая, что такое поведеніе Жени должно быть является признакомъ его благородства. Онъ былъ интеллигентомъ нашего кружка и воспитывалъ насъ. Напримѣръ, — до знакомства съ Женей мы ходили по улицамъ, въ царскіе дни, во время иллюминаціи, буйной гурьбой, гася плошки, набирая въ ротъ керосинъ и затѣмъ выпуская его на зажженную лучину, такъ, чтобы въ воздухѣ вспыхнуло пламенное облако. А главное развлеченіе праздника заключалось въ томъ, чтобы, встрѣтивъ шайку себѣ подобныхъ, вступить съ нею въ честный бой. Послѣ такихъ прогулокъ нѣкоторые изъ насъ ходили съ фонарями на лицѣ вплоть до слѣдующаго праздника.

Но Женя убѣдилъ насъ не ходить по улицамъ босикомъ, а надѣвать сапоги, — у кого они есть, — или хотя бы опорки, не драться и вообще вести себя благородно.

На одномъ дворѣ со мною жилъ Иванъ Добровъ, ученикъ духовнаго училища. Отъ него я узналъ странную вещь: въ латинскомъ алфавитѣ — буквы въ полномъ безпорядкѣ, не какъ у насъ: а, б, в, г, но—а, б, с, д. Это очень удивило меня. И еще больше удивился я благозвучію языка, слушая, какъ Добровъ декламируетъ рѣчь Цицерона противъ Катилины. Не понималъ я, какъ это выходитъ: алфавитъ перепутанъ, а языкъ все-таки красивъ! И почему — Катилина, а не просто — Катерина? Много на свѣтѣ встрѣчается удивительнаго, когда тебѣ двѣнадцать лѣтъ.

Затѣмъ былъ у насъ еще пріятель Петровъ, старше всѣхъ, онъ служилъ въ конторѣ нотаріуса. Это — человѣкъ литературный. Онъ дружилъ съ библіотекаремъ Дворянскаго Собранія, доставалъ у него разныя книжки. Мои товарищи

усердно читали ихъ, и я часто слышалъ, какъ они разговариваютъ о Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ. Рѣчи ихъ были мало понятны мнѣ, а переспрашивать я совѣстился. Но мнѣ не хотѣлось отстать отъ друзей. Я записался въ библіотеку и тоже сталъ читать. Прочиталъ «Ревизора», «Женитьбу», первую часть «Мертвыхъ душъ». Понималъ я далеко не все, но мнѣ казалось, что это занятно и ловко сдѣлано.

Добровъ, съ которымъ я жилъ дверь въ дверь и зимою вмѣстѣ спалъ на печкѣ, Добровъ зачитывался Майнъ-Ридомъ. На печкѣ мы прочитали «Квартеронку», «Всадника безъ головы», «Смертельный выстрѣлъ» и еще много подобныхъ сочиненій. Признаюсь, эта литература нравилась мнѣ больше, чѣмъ Гоголь, и я усердно искалъ ее. Возьму каталогъ библіотеки и выбираю изъ него наиболѣе заманчивыя названія книгъ: «Попеджой ли онъ?», «Феликсъ Гольтъ, радикалъ» или «Фіакръ № 14». Если книга сразу не захватывала меня, я ее бросалъ и бралъ другую. Такимъ образомъ, я прочиталъ кучу романовъ, гдѣ описывались злодѣи и разбойники въ плащахъ и широкополыхъ шляпахъ, поджидавшіе жертву свою въ темныхъ улицахъ; дуэлянты, убивавшіе по семи человѣкъ въ одинъ вечеръ; омнибусы, фіакры; двѣнадцать ударовъ колокола на башнѣ церкви Сенъ-Жерменъ, Л'Оксерруа и прочіе ужасы.

Я такъ много начитался о Парижѣ, въ которомъ все это происходило, что когда попалъ въ Парижъ, мнѣ казалось, что я уже знаю этотъ городъ, жилъ въ немъ.

* * *

Мнѣ было лѣтъ двѣнадцать, когда я въ первый разъ попалъ въ театръ. Случилось это такъ: въ духовномъ хорѣ, гдѣ я пѣлъ, былъ симпатичнѣйшій юноша Панкратьевъ. Ему было уже лѣтъ семнадцать, но онъ пѣлъ все еще дискантомъ. Сейчасъ онъ протодьякономъ въ Казанскомъ монастырѣ.

Такъ вотъ, какъ-то разъ за обѣдней Панкратьевъ спросилъ меня, — не хочу ли я пойти въ театръ? У него есть лишній билетъ въ 20 коп. Я зналъ, что театръ — большое, каменное зданіе съ полукруглыми окнами. Сквозь пыльныя стекла этихъ оконъ на улицу выглядываетъ какой-то мусоръ. Едва ли въ этомъ домѣ могутъ дѣлать что-нибудь такое, что было бы интересно мнѣ.

— А что тамъ будетъ? — спросилъ я.

— «Русская свадьба», дневной спектакль.

Свадьба? Я такъ часто пѣвалъ на свадьбахъ, что эта церемонія не могла уже возбуждать мое любопытство. Если бы французская свадьба, это интереснѣе. Но все-таки я купилъ билетъ у Панкратьева, хотя и не очень охотно.

И вотъ я на галеркѣ театра. Былъ праздникъ. Народа много. Мнѣ пришлось стоять, придерживаясь руками за потолокъ.

Я съ изумленіемъ смотрѣлъ въ огромный колодезь, окруженный по стѣнамъ полукруглыми мѣстами, на темное дно его, уставленное рядами стульевъ, среди которыхъ растекались люди. Горѣлъ газъ, и запахъ его остался для меня на всю жизнь пріятнѣйшимъ запахомъ. На занавѣсѣ была написана картина: «Дубъ зеленый, златая цѣпь на дубѣ томъ» и «котъ ученый все ходитъ по цѣпи кругомъ», - Медвѣдевскій занавѣсъ. Игралъ оркестръ. Вдругъ занавѣсъ дрогнулъ, поднялся, и я сразу обомлѣлъ, очарованный. Предо мной ожила какая-то, смутно знакомая мнѣ, сказка. По комнатѣ, чудесно украшенной, ходили великолѣпно одѣтые люди, разговаривая другъ съ другомъ какъ-то особенно красиво. Я не понималъ, что они говорятъ. Я до глубины души былъ потрясенъ зрѣлищемъ и, не мигая, ни о чемъ не думая, смотрѣлъ на эти чудеса.

Занавѣсъ опускался, а я все стоялъ, очарованный сномъ на яву, сномъ, котораго я никогда не видалъ, но всегда ждалъ его, жду и по сей день. Люди кричали, толкали меня, уходили и снова возвращались, а я все стоялъ. И, когда спектакль кончился, стали гасить огонь, мнѣ стало грустно. Не вѣрилось, что эта жизнь прекратилась. У меня затекли руки и ноги. Помню, что я шатался, когда вышелъ на улицу.

Я понялъ, что театръ, это несравненно интереснѣе балагана Яшки Мамонова. Было странно видѣть, что на улицѣ день, и бронзовый Державинъ освѣщенъ заходящимъ солнцемъ. Я снова воротился въ театръ и купилъ билетъ на вечернее представленіе.

Вечеромъ давали «Медею». Ее играла Пальчикова, Язона—Стрѣльскій. У меня было удобное мѣсто. Я могъ сидѣть, облокотясь о барьеръ. Снова, не отрывая глазъ, я смотрѣлъ на сцену, гдѣ свѣтила взятая съ неба луна, страдала Медея, убѣгая съ дѣтьми, метался красавецъ Язонъ. Я смотрѣлъ на все это, буквально, разинувъ ротъ. И, вдругъ, уже въ антрак-

тѣ, замѣтилъ, что у меня текутъ изо рта слюни. Это очень смутило меня. Я осторожно поглядѣлъ на сосѣдей, — видѣли они? Кажется, не видали.

— Надо закрывать ротъ, — сказалъ я себѣ.

Но когда занавѣсъ снова поднялся, губы, противъ воли моей опять распустились. Тогда я прикрылъ ротъ рукою.

Театръ свелъ меня съ ума, сдѣлалъ почти невмѣняемымъ. Возвращаясь домой по пустыннымъ улицамъ, видя, точно сквозь сонъ, какъ рѣдкіе фонари подмигиваютъ другъ другу, я останавливался на тротуарахъ, вспоминалъ великолѣпныя рѣчи актеровъ и декламировалъ, подражая мимикѣ и жестамъ каждаго.

— Царица я, но — женщина и мать! — возглашалъ я въ ночной тишинѣ, къ удивленію сонныхъ сторожей. Случалось, что хмурый прохожій останавливался передо мною и спрашивалъ:

— Въ чемъ дѣло?

Сконфуженный, я убѣгалъ отъ него, а онъ, глядя вслѣдъ мнѣ, навѣрное думалъ: пьянъ, мальчишка!

Дома я разсказывалъ матери о томъ, что видѣлъ. Меня мучило желаніе передать ей хоть малую частицу радости, наполнявшей мое сердце. Я говорилъ о Медеѣ, Язонѣ, Катеринѣ изъ «Грозы», объ удивительной красотѣ людей въ театрѣ, передавалъ ихъ рѣчи, но я чувствовалъ, что все это не занимаетъ мать, непонятно ей.

— Такъ, такъ, — тихонько откликалась она, думая о своемъ.

Мнѣ особенно хотѣлось разсказать ей о любви, главномъ стержнѣ, вокругъ котораго вращалась вся приподнятая театральная жизнь. Но объ этомъ говорить было почему-то неловко, да и я не въ силахъ былъ разсказать объ этомъ просто и понятно. Я самъ не понималъ, почему въ театрѣ о любви говорятъ такъ красиво, возвышенно и чисто, а въ Суконной Слободѣ любовь — грязное, похабное дѣло, возбуждающее злыя насмѣшки? На сценѣ любовь вызываетъ подвиги, а въ нашей улицѣ — мордобои. Что же — есть двѣ любви? Одна считается высшимъ счастьемъ жизни, а другая распутствомъ и грѣхомъ?

Разумѣется, я въ то время не очень задумывался надъ этимъ противорѣчіемъ, но, конечно, я не могъ не видѣть его. Ужъ очень оно било меня по глазамъ и по душѣ.

При всемъ желаніи открыть для матери міръ, очаровавшій меня, я не могъ сдѣлать этого. И, наконецъ, я самъ не понималъ простѣйшаго: почему — Язонъ, а не Яковъ, Медея, а не Марья? Гдѣ творится все это, кто эти люди? Что такое «золотое руно», Колхида?

— Такъ, такъ — говорила мать. — А все-таки не надо бы тебѣ по театрамъ ходить. Опять отобьешься отъ работы. Отецъ и то все говоритъ, что ты ничего не дѣлаешь. Я тебя, конечно, прикрываю, а вѣдь правда, что бездѣльникъ ты!

Я дѣйствительно ничего не дѣлалъ и учился плохо. Когда я спрашивалъ отца, можно ли идти въ театръ, онъ не пускалъ меня. Онъ говорилъ:

— Въ дворники надо идти, скважина, въ дворники, а не въ театръ! Дворникомъ надо быть, и будетъ у тебя кусокъ хлѣба, скотина! А что въ театрѣ хорошаго? Ты вотъ не захотѣлъ мастеровымъ быть и сгніешь въ тюрьмѣ. Мастеровые вонъ какъ живутъ: сыты, одѣты, обуты...

Я видѣлъ мастеровыхъ по большей части оборванными, босыми, полуголодными и пьяными и не вѣрилъ отцу.

— Вѣдь я же работаю, переписываю бумаги, — говорилъ я. — Ужъ сколько написалъ...

Онъ грозилъ мнѣ:

— Кончишь учиться, я тебя впрягу въ дѣло! Такъ и знай, лоботрясъ!

А театръ все болѣе увлекалъ меня, и все чаще я скрывалъ деньги, заработанныя пѣніемъ. Я зналъ, что это нехорошо, но бывать въ театрѣ одному мнѣ стало невозможно. Я долженъ былъ съ кѣмъ-нибудь дѣлиться впечатлѣніями моими.

Я сталъ брать съ собою на спектакли кого-нибудь изъ товарищей, покупая имъ билеты, чаще другихъ—Михайлова. Онъ тоже очень увлекался театромъ, и въ антрактахъ я съ нимъ горячо разсуждалъ, оцѣнивая игру артистовъ, доискиваясь смысла пьесы.

А тутъ еще пріѣхала опера, и билеты поднялись въ цѣнѣ до 30 коп. Опера изумила меня; какъ пѣвчій, я, конечно, не тѣмъ былъ изумленъ, что люди — поютъ, и поютъ не очень понятныя слова, я самъ пѣлъ на свадьбахъ: «Явися мн зракъ!» и тому подобное, но изумило меня то, что существуетъ жизнь, въ которой люди, вообще, обо всемъ

поютъ, а не разговариваютъ, какъ это установлено на улицахъ и въ домахъ Казани. Эта жизнь на-распѣвъ не могла не ошеломить меня. Необыкновенные люди, необыкновенно наряженные, спрашивая — пѣли, отвѣчая — пѣли, пѣли, думая, гнѣваясь, умирая, пѣли, сидя, стоя, хоромъ, дуэтами и всячески!

Изумлялъ меня этотъ порядокъ жизни и страшно нравился мнѣ.

«Господи, — думалъ я, — вотъ, если бы вездѣ — такъ, всѣ бы пѣли, — на улицахъ, въ баняхъ, въ мастерскихъ!»

Напримѣръ, мастеръ поетъ:

— Федька, др-ра-атву!

А я ему:

— Извольте, Николай Евтропычъ!

Или будочникъ, схвативъ обывателя за шиворотъ, басомъ возглашаетъ:

— Вотъ я тебя въ участокъ отведу-у!

А ведомый взвываетъ тенorкомъ:

— Помилуйте, помилуйте, служивый-й!

Мечтая о такой прелестной жизни, я, естественно, началъ превращать будничную жизнь въ оперу: отецъ говоритъ мнѣ:

— Федька, квасу!

А я ему въ отвѣтъ дискантомъ и на высокихъ нотахъ:

— Сей-часъ несу-у!

— Ты чего орешь? — спрашиваетъ онъ.

Или — пою:

— Папаша, вставай чай пи-ить!

Онъ таращитъ глаза на меня и говоритъ матери:

— Видала? Вотъ до чего они, театры, доводятъ!

Театръ сталъ для меня необходимостью, и роль зрителя, мѣсто на галеркѣ уже не удовлетворяло меня, хотѣлось проникнуть за кулисы, понять — откуда берутъ луну, куда проваливаются люди, изъ чего такъ быстро строятся города, костюмы, куда — послѣ представленія — исчезаетъ вся эта яркая жизнь?

Я нѣсколько разъ пытался проникнуть въ это царство чудесъ, — какіе-то свирѣпые люди, съ боемъ, выгоняли меня вонъ. Но однажды я все-таки достигъ желаемаго, — открылъ

какую-то маленькую дверь и очутился на темной, узкой лѣстницѣ, заваленной разнымъ хламомъ, изломанными рамами, лохмотьями холста. Вотъ онъ, — путь къ чудесамъ! Пробираясь среди этихъ обломковъ, я вдругъ очутился надъ сценой, среди дьявольской путаницы веревокъ, брусьевъ, машинъ, все это двигалось, колебалось, скрипѣло. Въ этой путаницѣ шмыгали люди съ молотками и топорами въ рукахъ, покрикивая другъ на друга. Пробираясь среди нихъ, какъ мышь, я вылѣзъ на сцену, за кулисы и очутился во снѣ на яву, — въ компаніи краснокожихъ, испанцевъ, плотниковъ и взъерошенныхъ людей, съ тетрадками въ рукахъ. Хотя индѣйцы и испанцы разговаривали, какъ плотники, тоже по-русски, но это не лишало ихъ обаянія, я разглядывалъ крашеныя рожи и яркіе костюмы съ величайшимъ восторгомъ. Тутъ же, среди нихъ, толкались настоящіе пожарные въ мѣдныхъ шлемахъ, а надъ головой моей на колосникахъ упражнялись въ ловкости какіе-то люди, напоминая балаганнаго Якова Мамонова. Все это произвело на меня чарующее впечатлѣніе, незабвенное во вѣки вѣковъ!

А вскорѣ послѣ этого я уже участвовалъ въ спектаклѣ статистомъ. Меня одѣли въ темный, гладкій костюмъ и намазали мнѣ лицо жженой пробкой, обѣщавъ дать пятачекъ за это посрамленіе личности. Я подчинился окрашиванію не только безбоязненно, но и съ великимъ наслажденіемъ, яростно кричалъ «ура» въ честь Васко де Гама и вообще чувствовалъ себя превосходно. Но каково было мое смущеніе, когда я убѣдился, что пробку съ лица не такъ-то легко смыть! Идя домой, я теръ лобъ и щеки снѣгомъ, истратилъ его цѣлый сугробъ и все-таки явился съ копченой физіономіей негра. Родители очень серьезно предложили мнѣ объяснить, — что это значитъ? Я объяснилъ, но ихъ не удовлетворило это, и отецъ жестоко выпоролъ меня, приговаривая:

— Въ дворники иди, скважина, въ дворники!

— Почему именно въ дворники? — не разъ спрашивалъ я себя.

Изъ артистовъ того времени наиболѣе памятенъ мнѣ Бась Ильяшевичъ въ роли Мефистофеля. Я слишкомъ много слышалъ нехорошаго о чертѣ. Онъ для меня былъ существомъ полуреальнымъ, силою, жившей среди людей, во враждѣ съ ними, злою волей, которая насмѣшливо путала и

безъ того трудную, запутанную жизнь. Ильяшевичъ придавалъ, въ моихъ глазахъ, особенную, жуткую убѣдительность черту и всѣмъ дѣяніямъ его. Онъ былъ для меня одинаково страшенъ и какъ-то непонятно-понятенъ и на сценѣ, когда онъ метался по ней красный, какъ огонь, распѣвая насмѣшливо и громогласно о томъ, что «люди гибнуть за металлъ», и за кулисами, когда онъ говорилъ обыкновенныя слова простымъ человѣчьимъ голосомъ. Меня до дрожи пугали его глаза, метавшіе огненно-красныя искры, и я считалъ этотъ страшный блескъ природнымъ свойствомъ глазъ артиста до поры, пока не убѣдился, что это просто фольга, наклеенная на его вѣки.

Однажды, когда я проходилъ мимо уборной Ильяшевича, онъ сказалъ мнѣ:

— Мальчикъ, на возьми двугривенный и купи мнѣ винограду!

Я стремительно бросился вонъ изъ театра на площадь, гдѣ татары торговали фруктами съ лотковъ, купилъ винограду. Ильяшевичъ отщипнулъ мнѣ за услугу маленькую вѣтку, ягодъ пять. Чувствуя себя на вершинѣ блаженства, я рѣшилъ отнести ягоды матери. Весь спектакль я таскалъ ихъ съ собою, боясь раздавить, но по дорогѣ домой любопытство ребенка, который никогда не ѣлъ винограда, побѣдило любовь къ матери, и я самъ съѣлъ эти ягоды.

Кумиромъ публики, а особенно молодежи—студентовъ и курсистокъ—былъ теноръ Закржевскій. Его обожали, его буквально носили на рукахъ, молодежь выпрягала лошадей изъ его экипажа и везла по улицамъ на себѣ. Помню, съ какимъ благоговѣніемъ стоялъ я передъ дверью, на мѣдной дощечкѣ которой было выгравировано:

Юліанъ Федоровичъ
Закржевскій.

Помню, какъ трепетало у меня сердце, ожидая — вдругъ дверь отворится, и я увижу этого всѣми обожаемаго человѣка!

Нѣсколько лѣтъ спустя, я встрѣтилъ Закржевскаго полубольнымъ, всѣми забытымъ, въ нищетѣ. Я имѣлъ грустную честь помочь ему немножко и видѣлъ на его глазахъ слезы обиды и благодарности, слезы гнѣва и безсилія. Это была тяжелая встрѣча.

Но — такова судьба артиста, онъ игрушка публики, не болѣе. Пропалъ голосъ, и нѣтъ человѣка, онъ всѣми забытъ, заброшенъ, какъ надоѣвшій ребенку деревянный солдатикъ, когда-то любимый имъ. И если не хочешь испытать незаслуженныхъ униженій, — «куй желѣзо, пока горячо», работай, пока въ силахъ, не жалѣя себя!

* * *

Учиться я кончилъ, когда мнѣ было лѣтъ тринадцать, и кончилъ, къ удивленію родителей, даже съ похвальнымъ листомъ. Говоря по совѣсти, я немножко надулъ учителей. Дѣло въ томъ, что къ выпускному экзамену ученикамъ было предложено написать какой-нибудь разсказъ изъ личной жизни. Я былъ твердо увѣренъ, что не сумѣю написать такого разсказа, и рѣшилъ, что будетъ гораздо лучше, если я спишу его изъ какой-нибудь книжки. И вотъ я откуда-то списалъ разсказъ о томъ, какъ маленькій мальчикъ ѣхалъ со своимъ дѣдомъ въ лѣсъ за дровами и увидалъ на дорогѣ змѣю, какъ они убили змѣю и что при этомъ чувствовалъ мальчикъ, что говорилъ дѣдъ, гдѣ было солнце и проч. За этотъ разсказъ, поданный мною учителю съ великимъ трепетомъ и почти съ увѣренностью, что я буду пойманъ на обманѣ, за этотъ разсказъ мнѣ поставили высшій баллъ—5! Честь и слава наукѣ! Она относилась ко мнѣ удивительно милостиво. Я невольно вспомнилъ исторію съ больными ногами и докторомъ.

Помимо удачнаго разсказа, я покорилъ на экзаменѣ сердца моихъ учителей еще и тѣмъ, что прочиталъ «Степь» Кольцова и «Бородино» Лермонтова такъ, какъ читаютъ стихи актеры въ дивертисментахъ, — съ жестами, завываніемъ и другими пріемами настоящаго искусства. Въ «Бородино» я спрашивалъ «дядю», а онъ мнѣ отвѣчалъ настоящимъ дядинымъ голосомъ. Все это очень понравилось учителямъ, но товарищи-ученики осмѣяли меня потомъ, хотя слушали чтеніе съ интересомъ, какъ я замѣтилъ. Они увидали въ этомъ чтеніи нѣчто нехорошее, фальшивое и даже постыдное.

— Ну, — сказалъ мнѣ отецъ, — теперь ты грамотный! Надо работать. Ты вотъ все по театрамъ шляешься, книжки читаешь, да пѣсни поешь! Это надобно бросить...

Пьяный, онъ подзывалъ меня къ себѣ, долбилъ черепъ мой согнутымъ пальцемъ и все внушалъ:

— Въ двор-рники!

И, наконецъ, онъ объявилъ мнѣ:

— Я тебя пристроилъ въ ссудную кассу Печенкина! Сначала безъ жалованья, а послѣ получишь, что дадутъ...

И вотъ, я сижу за конторкой ссудной кассы, сижу съ девяти часовъ до четырехъ. Приносятъ разные невеселые люди кольца, шубы, ложки, часы, пиджаки, иконы; оцѣнщикъ оцѣниваетъ все это въ одну сумму, назначаетъ къ выдачѣ другую; происходятъ споры, торгъ, кто-то ругается, кто-то плачетъ, умоляя прибавить, ссылаясь на болѣзнь матери, смерть сына, а я пишу квитанціи, думаю о театрѣ. Въ ушахъ у меня звучитъ милая пѣсенка:

— Разскажите вы ей,
Цвѣты мои,
Какъ люблю я ее...

Прослуживъ два мѣсяца безплатно, я сталъ получать жалованіе по 8 руб. въ мѣсяцъ. Служба была глубоко противна мнѣ, но я гордился тѣмъ, что зарабатываю и помогаю матери жить. Работалъ я все-таки аккуратно и былъ на хорошемъ счету.

Лѣтомъ въ Панаевскомъ саду играла оперетка, на открытой сценѣ дѣйствовали куплетисты и разсказчики. Я, конечно, посѣщалъ садъ. Страшно интересовали меня артисты, но я почему-то боялся ихъ и всегда наблюдалъ за ними только откуда-нибудь со стороны, изъ угла. Смотрѣлъ и думалъ:

«Какіе удивительные люди! Вотъ человѣкъ только что былъ королемъ, а теперь одѣтъ, какъ всѣ, пьетъ пиво и грызетъ соленые сухарики».

Всѣ эти короли, Ахиллы, Калхасы и Ламбертучьо, цыганскіе бароны и губернаторы казались мнѣ людьми одинаково интересными и на сценѣ и внѣ ея. Всѣ они — веселые балагуры, забавники. Легко, должно быть, живется имъ на свѣтѣ! А я сижу въ кассѣ ссудъ, гдѣ ежедневно люди стонутъ и ругаются, жалуются и плачутъ. Да и внѣ кассы ссудъ, въ Суконной Слободѣ — то же самое.

Вскорѣ я ушелъ отъ Печенкина. Не помню точно почему, но увѣренъ, что изъ-за театра, который убивалъ мое радѣніе къ службѣ. Отецъ, разумѣется, жестоко изругалъ меня и тотчасъ же отправилъ учиться въ заштатный городъ Арскъ.

въ двухклассное училище съ преподаванiемъ ремеслъ. Думаю, онъ сдѣлалъ это не только изъ желанiя видѣть меня мастеровымъ, но, главнымъ образомъ, потому, что зналъ: въ Арскѣ нѣтъ театра. Изъ всѣхъ городовъ, стоящихъ на землѣ, Арскъ — самый скучный и ненужный.

Первый разъ я покинулъ родителей и ѣхалъ куда-то одинъ, съ земскимъ почтаремъ, евреемъ Гольцманомъ, очень милымъ человѣкомъ. Стояла чудесная, сухая осень. Дорогу караулили золотыя деревья. Въ синемъ прозрачномъ воздухѣ носились нити паутины, — «русалочья пряжа»». Мнѣ думалось, что я ѣду въ какую-то прекрасную страну, и я тихо радовался, что уѣзжаю изъ Суконной Слободы, гдѣ жизнь становилась все тяжелѣе для меня.

Я избралъ для себя столярное ремесло. Мнѣ понравилось, что ученики старшихъ классовъ сами для себя дѣлаютъ шкатулки. Но вскорѣ это ремесло показалось мнѣ отвратительнымъ, потому что учитель-мастеръ билъ учениковъ, — а меня чаще другихъ, — всѣми инструментами и всякимъ матерiаломъ, билъ угольниками и досками, толкалъ въ животъ фуганкомъ, стукалъ по головѣ шерхебелемъ. Я попросилъ, чтобы меня перевели въ переплетную. Тамъ меньше тяжелыхъ инструментовъ, и ударъ книгой по головѣ не вызываетъ такой боли, какъ ударъ доской въ полвершка толщины. Переплетать книги я научился очень быстро и довольно искусно.

Кромѣ обученiя ремеслу, нужно было еще заниматься работами въ огородахъ училища. Мы срѣзали капусту, рубили ее, солили огурцы. Но все это было скучно. Съ товарищами я какъ-то не сходился. Было только одно удовольствiе: по субботамъ мылись въ банѣ. Распарившись до краснаго каленiя, мы выскакивали голые изъ бани и валялись въ снѣгу, раннемъ и очень обильномъ тою зимой. Говорятъ, — это вредно. Но — это очень забавно.

Однажды, кажется, въ день зимняго Николы, я сидѣлъ на лавкѣ у воротъ, думая о Казани, о театрѣ, поглядывая на этотъ ничтожный, пустой Арскъ. Въ карманѣ было нѣсколько копѣекъ, и я какъ-то сразу рѣшилъ уйти въ Казань. Будь, что будетъ! Всталъ и пошелъ. Но не успѣлъ отойти и десятка верстъ, какъ меня нагнали двое верховыхъ — сторожъ училища и одинъ изъ учениковъ старшаго класса. И повели меня, раба Божьяго, обратно. А въ училищѣ дали

мнѣ трепку,—не бѣгай! Я покорился, примирился съ мыслью, что раньше весны отсюда не вырвешься.

Вдругъ пришло письмо отца: опасно захворала мать, смотрѣть за нею некому, и я долженъ немедленно ѣхать домой. Я поѣхалъ съ попутчиками, съ обозомъ. Ѣхать было страшно холодно. Я коченѣлъ, а ѣхали шагомъ. Но зато какое наслажденіе пить чай съ черным хлѣбомъ на постоялом дворѣ!

Мать, дѣйствительно, была страшно больна. Она такъ кричала отъ страданій, что у меня сердце разрывалось, и я былъ увѣренъ, что она умретъ. Но ее перевезли въ клинику и тамъ профессоръ Виноградовъ вылѣчилъ ее. Мать до конца дней говорила о немъ почти благоговѣйно.

Отецъ устроилъ меня писцомъ въ Уѣздную Земскую Управу, и теперь я ходилъ на службу вмѣстѣ съ нимъ. Мы переписывали какіе-то огромные доклады, съ кучей цифръ и часто, оставаясь работать до поздней ночи, спали на столахъ канцеляріи. Секретаръ Управы былъ Дудкинъ, милый молодой человѣкъ, смѣнившій прежняго секретаря, который носилъ странную фамилію — Пифіевъ, и про котораго отецъ говорилъ, что онъ держалъ дома ременную плетку, чтобы въ свободное отъ занятій время учить свою жену, какъ ей надо жить.

Отецъ считался хорошимъ работникомъ и, видимо, секретарь очень цѣнилъ его, потому что когда отецъ, выпивши, придирался къ нему и говорилъ дерзости, онъ только молчалъ, надуваясь и мигая.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ф. Шаляпинъ.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Ударилъ звонъ послѣдній
Оконченной обѣдни;
На паперти—народъ,
Кумачъ и ситецъ пестрый;
Лучъ солнца ярко-острый
Слѣпитъ глаза и жжетъ.

Какъ волки на овчарнѣ,
Снуютъ межъ дѣвокъ парни;
Степенные мужики;
Ихъ подбиваютъ къ пляскѣ.
Уже сидятъ въ коляскѣ
Помѣщицы сынки.

Вотъ съ удочкою длинной,
Семинаристъ, въ холстинной
Рубахѣ, въ картузѣ,
А съ нимъ учитель хмурый...
И бабы, словно дуры,
Во слѣдъ хохочутъ всѣ.

Расходятся; походки
Неспѣшны; всѣ о водкѣ
Болтаютъ межъ собой.
Въ сторонкѣ, гдѣ охапки
Соломы, ставя бабки,
Ведутъ мальчишки бой.

Лугъ изумрудный ярокъ...
Вдали—зеленыхъ арокъ
Ряды и кругъ лѣсовъ...
Присѣлъ прохожій нищій...
А рядомъ, на кладбищѣ,
Семья простыхъ крестовъ.

Валерій Брюсовъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ КАРТИНКА.

По бульвару ходятъ дѣвки,
Сто шаговъ впередъ, назадъ.
Парни сзади, въ знакъ издѣвки
На гармоникѣ визжатъ.

Вышелъ лавочникъ дородный,
Пузо поясомъ стянулъ;
Оглядѣлъ разгулъ народный,
Ротъ себѣ крестя, зѣвнулъ.

За бульваромъ—два забора,
Домъ, какъ охромѣвшій конь;
Слѣва—рѣчка, дали бора,
Феба радостный огонь.

Свечерѣло... Дыменъ, валокъ,
Сумракъ на вѣтвяхъ осѣлъ.
Скрылись стаи черныхъ галокъ,
Крестъ собора побѣлѣлъ.

На скамейкѣ подъ ракитой,
Парень дѣв[illegible] не замѣтъ.—
То сп[illegible] сердито,
То хохочетъ, то замретъ.

Но уже давно на пыльной
Улицѣ—молчанье царь,
И одинъ, свѣтко-калильный,
Гордо свѣтится фонарь.

Валерій Брюсовъ.

БѢЛАЯ ПТИЧКА.

Романъ Дж. М. Барри.

(Продолженіе) *.

II.

Ирэнъ и м-ссъ Хикингъ—дочь и жена Вилльяма, одного изъ нашихъ клубныхъ лакеевъ, въ которомъ мнѣ пришлось жестоко разочароваться впослѣдствіи. Сколько разъ я ждалъ, когда онъ подавалъ обѣдъ другимъ гостямъ, для того лишь, чтобы пользоваться услугами этого неблагодарнаго олуха. Я цѣнилъ его старанія удержать для меня столикъ у окна, и за это съ своей стороны оказывалъ ему кой-какіе знаки вниманія. Я позволялъ ему подсказывать мнѣ выборъ блюдъ. Однажды я пожаловался ему на одного члена клуба, который шумно хлопнулъ дверью читальни и напугалъ меня; въ другой разъ я показалъ ему, какъ порѣзалъ палецъ бичевкой.

Этотъ Вилльямъ не принадлежалъ къ людямъ, самолюбиво отстаивающимъ свои мнѣнія. Никогда и ничѣмъ онъ себя не проявлялъ. Въ его присутствіи можно было спокойно составлять заговоръ объ убійствѣ... Однажды одинъ изъ нашихъ членовъ сказалъ ему, что Соуси Сара возьметъ первый призъ на Дерби, а другой, что у Соуси Сара нѣтъ никакихъ шансовъ, и Вилльямъ выразилъ полное свое согласіе съ однимъ и съ другимъ. Онъ напоминалъ мнѣ, этотъ чудесный малый — въ душѣ я всегда считалъ его таковымъ — манильскую сигару, которую можно курить съ обѣихъ сторонъ...

Печальная перемѣна началась въ немъ, помню, съ съ одного лѣтняго вечера.

Я обѣдалъ, по обыкновенію за столикомъ у окна, и два раза уже повторилъ:

— Почки подъ краснымъ соусомъ...

Вмѣсто того, чтобы отвѣтить съ пріятной предупредительностью вышколеннаго слуги: «Слушаю-съ, сэръ» — и дать мнѣ понять, что выборомъ почекъ подъ краснымъ

* См. «Лѣтопись», № 1, 1917 г.

соусомъ я доставляю ему особое удовольствіе, онъ напряженно смотрѣлъ въ окно и, вдругъ, вздрогнувъ, спросилъ:

— Вы сказали, сэръ, почки подъ краснымъ соусомъ?

Нѣсколько минутъ спустя я почувствовалъ, что кто-то опирается на спинку моего кресла...

Можно представить себѣ мое негодованіе, когда я увидалъ, что это не кто иной, какъ Вилльямъ... Вотъ что произошло вслѣдъ затѣмъ... Онъ хотѣлъ наклониться зачѣмъ-то ближе къ окну и позволилъ себѣ ни больше и ни меньше, какъ опереться о мое плечо.

— Вилльямъ, — сказалъ я, — вы, повидимому, не замѣчаете меня...

Надо отдать ему справедливость — онъ тотчасъ испуганно отдернулъ руку, но никогда не забыть мнѣ его дерзкаго оправданія:

— Извиняюсь, сэръ, я думалъ о чемъ-то другомъ...

И опять уставился въ окно, и вдругъ заговорилъ взволнованно и страстно:

— Ради Бога, скажите — что же мнѣ отъ васъ таиться, всѣ мы люди — скажите, не замѣтили вы, не заглядывала тутъ въ окна одна дѣвочка?

Всѣ мы люди... Но онъ былъ когда-то отмѣнный, исполнительный лакей, и я указалъ ему на дѣвочку. Едва она замѣтила его, какъ выбѣжала на середину Пэль-Мэль. Не обращая никакого вниманія на экипажи (мнѣ казалось, что нѣсколько экипажей переѣхали черезъ нее), она выразительно кивнула три раза головкой и исчезла... Это была препотѣшная грязная маленькая смугляночка, лѣтъ десяти. Вилльяму ея появленіе принесло замѣтное облегченіе.

— Славу Богу! — несдержанно-громко воскликнулъ онъ.

Если бы онъ опрокинулъ миску съ супомъ на мои брюки, я и тогда, вѣроятно, не обозлился бы на него такъ, какъ въ эту минуту.

— Принесите хлѣба, Вилльямъ! — рѣзко бросилъ я ему.

— Вы на меня не сердитесь, сэръ? — имѣлъ онъ еще наглость освѣдомиться, — правда, тихимъ дрожащимъ голосомъ.

— Это была вольность — сказалъ я.

— Я знаю, сэръ, но я былъ внѣ себя...

— И это тоже вольность...

— Моя жена, сэръ, она...

Вилльямъ, этотъ Вилльямъ, которому я оказывалъ

сколько благоволенія, былъ, оказывается, женатый человѣкъ... Это была уже самая непозволительная вольность...

Я видѣлъ, что Вилльямъ, чѣмъ-то, очевидно, тяжко озабоченный, едва держится на ногахъ, и такъ какъ, послѣ вкуснаго обѣда хочется вѣрить, что на свѣтѣ мало горя и печали, мнѣ захотѣлось услышать отъ Вилльяма, что эти знаки означаютъ улучшеніе здоровья его жены... Но онъ, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что мнѣ пріятно было-бы услышать, отвѣтилъ, что, наоборотъ, докторъ опасается тяжкихъ осложненій...

— Подумаешь — докторъ! — пробормоталъ я съ досадой.

— Да, сэръ...

— А чѣмъ она больна?

— Она всегда была деликатнаго здоровья, но очень живая... Она недавно родила дѣвочку...

— Вилльямъ, какъ вы могли позволить себѣ такую?!.. — началъ я было, но тотчасъ же сообразилъ, что этотъ папаша можетъ быть мнѣ полезенъ.

— А какъ спитъ вашъ ребенокъ? — тихо спросилъ я. — Какъ онъ просыпается? Въ чемъ вы его купаете?

Я прочиталъ изумленіе на его лицѣ и, не дожидаясь ответа, поторопился добавить:

— Эта дѣвочка, очевидно, приноситъ вамъ вѣсти отъ вашей жены?

— Да, сэръ, каждый вечеръ. Эта моя старшая дочурка... Три кивка означаютъ, что мамѣ немного лучше...

— Сегодня было три кивка?

— Да, сэръ...

— Вы живете, вѣроятно, въ какомъ-нибудь грязномъ кварталѣ, Вилльямъ?

Наглецъ смѣрилъ меня такимъ взглядомъ, словно намѣревался ударить по головѣ.

— Въ Дрюри-Лэйнъ, — отвѣтилъ онъ, вспыхнувъ, — это не грязный кварталъ. — Онъ помолчалъ немного и добавилъ со вздохомъ: — Она все боится, что умретъ, когда меня не будетъ подлѣ нея, чтобы держать ее руку...

— Такихъ вещей не слѣдовало-бы говорить...

— Она и не говоритъ, сэръ... Она всегда успокаиваетъ меня и увѣряетъ, что ей лучше, когда ей вовсе не лучше. Я читаю это въ ея глазахъ, когда ухожу утромъ изъ дому, она смотритъ на меня съ кровати, а я смотрю на нее съ порога... О, Господи — если бы вы знали, сэръ!

— Вилльямъ!

Онъ догадался, наконецъ, что я сержусь... И надо было слышать, какъ онъ извинялся передо мною и старался отвлечь мое вниманіе отъ своей жены, какъ отъ неудачнаго блюда... Я пытался забыть за билльярдомъ все, что онъ наговорилъ мнѣ, но играть не могъ... Ему удалось таки разстроить меня... И на слѣдующій день, я въ наказаніе ему, заказалъ обѣдъ черезъ другого лакея. Но я сидѣлъ у окна и не могъ не замѣтить, что дѣвочка опоздала, и такъ какъ мнѣ торопиться некуда было, то я не вставалъ изъ-за столика, пока она не пришла. На этотъ разъ она не только кивнула три раза, но помахала своей шапочкой, и тогда я всталъ.

Вилльямъ нерѣшительно приблизился ко мнѣ.

— У нея, сэръ, температура понизилась, — сказалъ онъ взволнованно потирая руки.

— Кому вы это докладываете? — холодно спросилъ я и быстро прошелъ въ билльярдную, гдѣ блестяще провелъ двѣ партіи...

Вилльяму я далъ понять, что болтовню его забылъ, но дѣвочку я наблюдалъ каждый вечеръ... Однажды она противъ обыкновенія не кивнула, а лишь покачала головой, и въ этотъ вечеръ я не могъ положить ни одного шара. На слѣдующій день Вилльяма не было въ столовой, и я догадывался о томъ, что случилось въ этотъ день. Я уныло побрелъ въ читальню и, къ удивленію моему, засталъ тамъ Вилльяма, смахивавшаго пыль съ книжныхъ полокъ. Комната была въ нашемъ распоряженіи — нѣсколько членовъ, сидѣвшихъ въ креслахъ съ книгами въ рукахъ, крѣпко спали, и Вилльямъ сошелъ съ лѣсенки, чтобы разсказать мнѣ свою потрясающую повѣсть. Онъ выругалъ члена клуба...

— Я самъ не свой сегодня, сэръ, я оставилъ ее сегодня утромъ въ такомъ состояніи...

Я топнулъ ногой.

— Простите, что я опять разсказываю вамъ о ней... — догадался онъ добавить. — Но Ирэнъ обѣщала приходить каждые два часа... Въ четыре часа она прибѣжала съ заплаканнымъ лицомъ... Я совсѣмъ обалдѣлъ, и нечаянно толкнулъ м-ра Б... А онъ на меня какъ закричитъ: «Чортъ бы тебя побралъ!..» Въ концѣ концовъ я только едва, едва толкнулъ его, и меня такъ задѣла его брань, что я совсѣмъ голову потерялъ и отвѣтилъ:

— Чортъ-бы васъ побралъ!..

Онъ опустилъ горѣвшее отъ стыда лицо, и мнѣ [illegible]

мись въ это мгновеніе, что нѣкоторые изъ спавшихъ читателей вздрогнули во снѣ...

— Я тотчасъ ушелъ изъ столовой, — продолжалъ Вилльямъ, — и вотъ торчу здѣсь, пока совѣтъ рѣшитъ, какъ поступить со мной... О, сэръ, я готовъ броситься на колѣни передъ м-ромъ Б...

Что могъ я чувствовать, кромѣ презрѣнія, къ человѣку, способному на такое униженіе изъ-за какого-то фунта въ недѣлю?

— Если я скажу ей, что потерялъ мѣсто, — она тотчасъ-же умретъ.

— Прошу васъ не говорить со мною больше объ этой женщинѣ, — сердито сказалъ я, — до тѣхъ поръ, пока не можете говорить о ней спокойно.

И, предоставивъ его волѣ рока, пошелъ разыскивать м-ра Б.

— Съ чего это вы вдругъ выругали лакея? — спросилъ я.

— Вы хотите сказать, съ чего это вдругъ лакей выругалъ меня? — отвѣтилъ онъ, вспыхнувъ.

— Вотъ какъ!.. Ну, тогда я очень радъ, — отвѣтилъ я. — Я не могъ никакъ повѣрить, чтобы вы способны были на такую непристойную выходку... Мнѣ передавали, что вы другъ друга выругали, и что его уволятъ, а вамъ сдѣланъ будетъ выговоръ...

— Кто вамъ это сказалъ? — спросилъ м-ръ Б., человѣкъ по природѣ своей очень робкій.

— Да вѣдь я состою въ совѣтѣ, — небрежно отвѣтилъ я и заговорилъ о чемъ-то другомъ. Но м-ръ Б. разсѣянно слушалъ меня и, наконецъ, сказалъ:

— Знаете, а вѣдь мнѣ могло и послышаться, что онъ меня обругалъ... Я завтра же возьму свою жалобу обратно...

Я былъ очень радъ, что исторія эта уладилась безъ моего заступничества за Вилльяма.

Изъ читальни, выходящей окнами во дворъ, онъ никакъ не могъ видѣть Ирэнъ. Но я видѣлъ ее изъ окна столовой. Не видя Вилльяма, она никакихъ знаковъ не дѣлала, и раздраженный ея недогадливостью, я вышелъ на улицу и спросилъ, какъ здоровье ея матери.

— Охъ! — воскликнула она и, внимательно оглядѣвъ меня съ головы до ногъ, добавила съ восторженной почтительностью: «Вы, вѣрно, одинъ изъ тѣхъ?» — Не трудно было представить себѣ, какими красками Вилльямъ расписывалъ имъ великолѣпіе нашего бытія...

Больная чувствовала себя немного лучше, и дѣвченка

прибѣжала лишь затѣмъ, чтобы передать отцу, что мать съѣла всю тарелку супа изъ тапіока... Я далъ замарашкѣ шиллингъ и вернулся въ клубъ съ осадкомъ брезгливаго чувства въ душѣ.

— Кстати, Вилльямъ, — сказалъ я, — м-ръ Б. хочетъ заявить совѣту, что ему должно быть послышалось, будто вы его обругали, и завтра вы, вѣроятно, опять будете служить въ столовой...

И хотѣлъ уже добавить: «Совѣтую вамъ больше не забываться, Вилльямъ...»

Но Вилльямъ тихо и твердо сказалъ:

— М-ръ Б. не ослышался... я, дѣйствительно, обругалъ его...

— Джентльменъ, — холодно замѣтилъ я ему, — никогда не запоминаетъ надолго словъ лакея...

— Но, сэръ, вѣдь...

Чтобы прекратить, наконецъ, его разсужденія, я сказалъ:

— Да, вотъ что, Вилльямъ... Женѣ вашей лучше... Она съѣла тапіока — всю тарелку...

— Откуда вы это знаете, сэръ?

— Совершенно случайно узналъ...

— Ирэнъ показала это знаками въ окно?

— Нѣтъ...

— Вы, вѣроятно, замѣтили ее и вышли на улицу и...

— Вы слишкомъ много позволяете себѣ, Вилльямъ...

— О, сэръ, я никогда этого не забуду... Благослови васъ...

— Вилльямъ!..

Его опять водворили въ столовой, но каждый разъ, когда глаза мои случайно останавливались на немъ, я видалъ образъ умирающей жены на его лицѣ, и потому наши отношенія оставались натянутыми. Дѣвочку, однако, я наблюдалъ каждый вечеръ.

Мимика ея была удивительно выразительна, и я зналъ, что больная во вторникъ опять съѣла до чиста полную тарелку супа, а въ среду яйцо въ смятку (надо было видѣть, какъ Ирэнъ постукивала посреди Пэль-Мэль по скорлупѣ этого яйца и какъ она его солила) — и зналъ, что въ четвергъ больной опять было очень худо...

— Что, миссъ Ирэнъ, опять худо сегодня вашей мамѣ? — спросилъ я однажды дѣвочку, отозвавъ ее подальше отъ оконъ клуба.

— Ахъ! — воскликнула она, какъ и въ первый разъ... И обмѣнялась восторженнымъ взглядомъ съ другой дѣвочкой.

пожеланіе, которую отрекомендовала мнѣ, какъ свою сосѣдку.

Я равнодушно ждалъ отвѣта. Жена Вилльяма, какъ я узналъ отъ дѣвочки, была уже утромъ страшная, какъ смерть, но ей дали выпить водки, и она пришла въ себя.

— Молчи, глупышка! — разсердился я. — Откуда ты можешь знать, какая бываетъ смерть?..

— О, Господи! — отвѣтила она.

Съ помощью подсказывавшей ей подруги, на которую ея близость со мной произвела, видимо, ошеломляющее впечатлѣніе, она сообщила мнѣ кучу всякихъ свѣдѣній о своемъ отцѣ... Я узналъ, что фамилія Вилльяма — м-ръ Хикингъ, и что всѣ сосѣди говорятъ, — ему слѣдовало бы уходить изъ клуба раньше двухъ часовъ утра, потому что женѣ своей онъ нужнѣе, чѣмъ въ клубѣ... А Вилльямъ на это отвѣчаетъ,—это дѣлаетъ ему честь, — что если бы въ клубѣ оставалось мало прислуги въ часы, когда гости ужинаютъ, то сколько же имъ пришлось бы дожидаться каждаго блюда? Онъ сидитъ подлѣ своей жены почти всю ночь на-пролетъ и увѣряетъ ее, что высыпается днемъ въ клубѣ... Говорятъ они больше всего о маленькой... А маленькая находится въ другомъ концѣ Лондона, у одной старухи, потому что на той улицѣ, гдѣ живетъ Ирэнъ, свирѣпствуетъ эпидемія...

— А что докторъ говоритъ?

— Онъ говоритъ, что она, быть можетъ, скорѣе бы поправилась, если бъ маленькая была при ней...

— Вздоръ!

— И если бы она жила въ деревнѣ.

— Отчего-же Вилльямъ не увезетъ ее въ деревню?

— Ахъ... И если бы она пила портвейнъ...

— Ну, что-же... Она пьетъ портвейнъ?..

— Нѣтъ... Но папа разсказываетъ ей, какъ члены клуба пьютъ портвейнъ...

Я не безъ удовольствія отошелъ отъ нея, но она пошла за мной.

— Вы бы сегодня опять! — попросила она робко и жадно, — какъ въ тотъ разъ... Я сказала ей, что вы... — она указала на свою подругу, смотрѣвшую на меня съ жаднымъ любопытствомъ, — я бы такъ хотѣла, чтобы она видѣла, какъ вы...

Я думалъ, что ей желательно опять получить шиллингъ, но тотчасъ понялъ изъ ея пантомимы, что ошибаюсь... Ей нужно было, чтобы я опять снялъ передъ нею шляпу. Я снялъ шляпу, поклонился и, уходя, опять оглянулся на нее: она стояла, высоко поднявъ головку, а подруга съ благовѣ-

ніемъ смотрѣла на нее. Онѣ были восхитительны, эти двѣ дѣвченки!..

Дней семь спустя, я сидѣлъ въ наемномъ ландо и держалъ газету передъ самымъ носомъ, дабы кто-нибудь изъ моихъ знакомыхъ не увидалъ меня въ обществѣ лакея и его жены. Вилльямъ везъ ее въ Саррей, гдѣ она должна была пожить у моей старой няни. Ирэнъ въ яркой крикливой шапочкѣ тоже ѣхала съ нами...

М-ссъ Хикингъ чрезвычайно гордилась своей маленькой дѣвочкой, оказавшейся самой обыкновенной маленькой дѣвочкой, изъ чего я могъ составить себѣ объ ея умѣ самое, конечно, нелестное мнѣніе. Когда ей принесли ребенка, она разыграла душераздирающую сцену, потому что, видите ли, «она боялась, что дѣвочка не узнаетъ ея».

Я хотѣлъ замѣтить ей, что это было бы въ порядкѣ вещей—вѣдь онѣ такъ недавно знакомы,—но не сталъ ввязываться въ разговоръ. Я боялся маленькой Ирэнъ, которая сидѣла противъ меня, качала ребенка на рукахъ и все время не закрывала рта. Никогда въ жизни не видалъ я такого сорванца. Надо было слышать, какіе вопросы она предлагала ребенку: — «Знаешь, кто подарилъ мнѣ эту шапочку?» — И сама же отвѣчала.—«А вотъ—этотъ красивый господинъ...» — И нѣсколько разъ я притворялся спящимъ, потому что время отъ времени она вдругъ заявляла: «Дѣвочка хочетъ поцѣловать красиваго господина...»

Какъ это ни тягостно было для человѣка съ утонченнымъ вкусомъ, но непріятнѣе всего, однако, были тѣ минуты, когда мы достигли, наконецъ, цѣли нашего путешествія и благодаря досадному стеченію всякихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ мнѣ пришлось пить чай вмѣстѣ съ семьей лакея. Вилльямъ зналъ, что я всякое изъявленіе чувствъ, со стороны лицъ его круга, считаю для себя обидой, и онъ не высказывалъ ихъ словами, но глаза его были преисполнены благодарности. Я велѣлъ ему сѣсть за столъ, и онъ сѣлъ, но тотчасъ вспомнилъ, что я членъ клуба, и вскочилъ на ноги. Нѣтъ ничего непріятнѣе робкаго шопота, а онъ то и дѣло шопотомъ спрашивалъ свою бѣдную глупенькую жену: «Ну, какъ ты себя чувствуешь теперь? Не устала? Лучше немного?»—И когда она отвѣтила, что чувствуетъ себя теперь совсѣмъ другимъ человѣкомъ, взглядъ его всю отвѣтственность за эту перемѣну, конечно, возложилъ на меня. Ребенокъ изо всѣхъ силъ колотилъ мать рученками въ грудь, и по тому, какъ это ее тѣшило, я вывелъ заключеніе, что она вовсе не такъ слаба, какъ почему-то желаетъ казаться...

Я оставался съ ними дольше, чѣмъ это было необходимо.

...мнѣ надо было передать кое-что Вилльяму, и я боялся, что слова мои будутъ невѣрно истолкованы... Но когда онъ заявилъ, что ему пора ѣхать обратно въ Лондонъ, и я замѣтилъ, что жена его поблѣднѣла, я передалъ ему порученіе.

— Вилльямъ,—сказалъ я, повернувшись къ нему спиной,—нашъ экономъ просилъ меня передать вамъ, что вамъ дается двухнедѣльный отпускъ... Съ сохраненіемъ жалованья...

Онъ опѣшилъ и раскрылъ ротъ...

— Вилльямъ! — яростно крикнулъ я. — Прощайте, я ухожу!..

Но тутъ я увидалъ, что жена дѣлаетъ ему какіе-то знаки, и понялъ, что она желаетъ остаться со мной съ глазу на глазъ.

— Вильямъ, — закричалъ я въ ужасѣ, — не уходите...

Но онъ ушелъ, и я остался вдвоемъ съ женщиной съ влажными глазами. Женщины ея круга любятъ чувствительныя сцены.

— Ради Бога, сударыня!—взмолился я.

Но она умудрилась таки поцѣловать мою руку. На маленькую собаченку похожа была она въ эту минуту...

— Вы такъ добры къ намъ,—сказала она,—такъ много добра можно дѣлать лишь въ память о дорогой женщинѣ.

Она часто повторяетъ въ разговорѣ со мной слова памяти, воспоминанія, словно моя молодость давнымъ давно отошла въ область преданій, и слушая ее, я самому себѣ начинаю казаться пожилымъ человѣкомъ.

— Я хотѣла бы знать ея имя, сэръ, — добавила она,— чтобы поминать ее въ моихъ молитвахъ...

И я сказалъ ей имя. Не—Мэри.

— Но у нея есть семья, какъ и у васъ, — сказалъ я, — у меня никого нѣтъ. Быть можетъ, вы за меня лучше помолитесь когда-нибудь...

* * *

И вотъ этой-то женщинѣ, теперь уже здоровой, я и поручилъ купить гардеробъ для Давида...

Помня, какъ художникъ хвасталъ быстрымъ ростомъ Давида, я наказалъ ей купить вещей для «шестимѣсячнаго мальчика и для годовалаго». Она нѣсколько удивилась тому, что я посылаю все это одному и тому же ребенку, и конечно, не могла удержаться отъ самыхъ безцеремонныхъ любопытныхъ вопросовъ; но она не была дамой изъ общества, ее не трудно было запугать надменно-строгимъ видомъ... Имъ обѣимъ — матери и дочери — это поруче-

ніе доставило огромное удовольствіе... Я никогда не забуду, какъ важно выплыла изъ магазина Ирэнъ въ сопровожденіи приказчика, несшаго за нею большой пакетъ. Я смотрѣлъ на нее изъ экипажа, въ которомъ поджидалъ ихъ, и подумалъ, что это, вѣроятно, самыя восхитительныя минуты въ жизни Ирэнъ.

Я попросилъ м-ссъ Хикингъ помять немного купленныя вещи, дабы онѣ не выглядѣли совсѣмъ новыми, чему она тоже немало изумилась, но просьбу мою исполнила и прислала мнѣ вещи въ такомъ именно видѣ, въ какомъ мнѣ хотѣлось ихъ видѣть. Я послалъ ихъ тогда Мэри, и весь этотъ вечеръ тѣшился коварной радостью... Но на слѣдующее-же утро радость моя смѣнилась огорченіемъ. Я получилъ письмо, изъ котораго увидалъ, что она все знаетъ, анонимъ мой раскрытъ, и ей прекрасно извѣстно, что никогда у меня никакого Тимофея не было... Я растерялся. Никогда въ моей жизни не былъ я такъ озадаченъ, какъ этимъ письмомъ. Я и сейчасъ еще — много лѣтъ спустя — понять не могу, какъ она все это пронюхала...

Ея пронырливость возбудила во мнѣ такую ярость, что я сунулъ письмо въ письменный столъ, и съ тѣхъ поръ рѣдко, рѣдко беру его въ руки.

Ни одна замужняя женщина не рѣшилась бы, конечно, написать такое письмо холостому мужчинѣ. Не стану повторять всего, что она тамъ писала. Но въ письмѣ этомъ сказано было, между прочимъ, что она считаетъ меня своимъ добрымъ геніемъ. Какъ образчикъ ея неискренности приведу лишь слова о томъ, что Давидъ ея «уже обожаетъ меня». Она выражала также надежду, что я часто буду бывать у ея мужа, который очень гордился дружбой со мной, и намекала, что я могъ бы сдѣлать ему первый визитъ сегодня-же, въ три часа—въ это время, какъ мнѣ извѣстно было, ея мужъ давалъ въ городѣ урокъ рисованія. Словомъ, ясно было, какъ день, что ей очень хотѣлось встрѣтиться со мной въ первый разъ съ глазу на глазъ, сочинить восхитительную возвышенную романическую сцену и потомъ разсказать ее мужу со вздохами, и восклицаніями, и съ платочкомъ у глазъ...

Она капнула также на бумагу что-то, что должно было, повидимому, показаться мнѣ двумя слезами, но меня это мало тронуло, — я видѣлъ, что это всего только двѣ капли воды...

Я послалъ ей холодное, суровое письмо, въ которомъ ясно далъ понять, что уклоняюсь отъ какихъ бы то ни было сношеній съ нею...

VIII.

Безнадежный холостякъ.

Я вижу, мнѣ грозитъ опасность быть зачисленнымъ въ разрядъ чудаковъ. Перспектива эта такъ мало улыбается мнѣ, что я сѣлъ за письменный столъ съ намѣреніемъ опровергнуть по всѣмъ пунктамъ возведенное на меня обвиненіе. Но просидѣвъ нѣсколько часовъ съ перомъ въ рукахъ, я пришелъ къ удручающему выводу, что въ этомъ обвиненіи есть доля правды.

Съ тѣхъ поръ, какъ я увлекался анализомъ собственной моей души, прошло много времени, и я тщетно пытаюсь добраться черезъ многія, многія ржавыя двери къ тому времени, когда во мнѣ началась перемѣна — если только я измѣнился. Мнѣ хочется вѣрить, что я все тотъ же человѣкъ, какимъ казался себѣ самому въ ту удивительную пору моей жизни, когда я, вѣроятно, былъ инымъ человѣкомъ, чѣмъ теперь. Тогда я не былъ чудакомъ. Я сталъ имъ позднѣй съ той поры, какъ, вдумываясь въ непостижимыя для меня вещи, пришелъ къ заключенію, что никогда, никогда мнѣ ихъ не понять...

Я не уяснилъ себѣ въ свое время, отчего, собственно, я былъ изгнанъ изъ рая, но съ того момента, когда пересталъ носиться съ собою, какъ съ необычайнымъ сокровищемъ, я началъ чудить, самъ этого не сознавая...

Тяжело мнѣ вспоминать сегодня, какимъ былъ когда-то этотъ человѣкъ, сидящій въ глубокомъ креслѣ у камина, котораго въ клубѣ называютъ въ шутку «безнадежнымъ холостякомъ». Я помню его въ двадцать четыре года... Самый блестящій офицеръ въ нашемъ округѣ, честное слово... Въ будущемъ для него не было ничего неосуществимаго, онъ столько уже успѣлъ свершить великихъ дѣлъ, этотъ господинъ, нетвердыми шагами взбирающійся теперь по лѣстницѣ своего клуба.

Однако, я, кажется, начинаю рисоваться. Я знаю, что я не злой человѣкъ, безобидный, и джентльменъ даже въ глазахъ дамъ, улыбающихся въ разговорѣ со мной... Число этихъ улыбающихся дамъ все растетъ—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется сегодня вечеромъ... Ахъ, женщины! Я забылъ уже, когда я впервые сталъ замѣчать эту улыбку, и когда она стала меня смущать...

Я теперь только начинаю прозрѣвать истинный ея смыслъ и потому, вѣроятно, мнѣ такъ грустно...

Вы едва повѣрите, конечно, если я скажу вамъ, что и у меня самого была когда-то очаровательная улыбка. Куда дѣ-

лась моя улыбка? Увѣряю васъ, я и не подозрѣвалъ до сихъ поръ, что отъ нея и слѣда не осталось.

Я напоминаю себѣ человѣка, который, посѣтивъ школу, гдѣ учился мальчикомъ, ищетъ по классамъ свой старый перочинный ножикъ.

Въ первый разъ я услыхалъ о моей улыбкѣ отъ другого мальчика, сестры котораго регистрировали улыбки всѣхъ своихъ знакомыхъ, и первое мѣсто среди этихъ улыбокъ отводили моей. Пріятель мой говорилъ объ этомъ съ насмѣшливымъ презрѣніемъ, и я просилъ его никому больше объ этомъ плебисцитѣ не разсказывать, но въ душѣ я былъ очень радъ и польщенъ. Теперь, безъ моей улыбки я чувствую себя конченнымъ человѣкомъ... Я даже подошелъ къ зеркалу и долго всматривался въ свое лицо — не остался-ли на немъ хотя бы слѣдъ моей давней улыбки...

Хочу вѣрить, по крайней мѣрѣ, что она сохранила ее въ своей памяти. Она, вѣроятно, забыла многія мои черты, отличающія одного мужчину отъ другого... Но я помню, помню—какъ она говорила о моей улыбкѣ. Она считала ее единственнымъ моимъ украшеніемъ, и показывала мнѣ, какъ я улыбаюсь и какъ идетъ къ ней моя улыбка. Когда она бывала не въ духѣ, она развлекалась тѣмъ, что передразнивала мой голосъ и мои движенія, и чѣмъ смѣшнѣе удавалось ей представить меня, тѣмъ больше увлеченія она вносила въ игру... И при этомъ смотрѣла на меня съ вызовомъ—хватитъ у меня отваги остановить ее или нѣтъ, а когда начинала безпощадно высмѣивать меня, глаза ея подергивались нѣжной мглой.

Много молодыхъ людей ухаживали за нею, всѣ говорили ей о любви, и она слушала ихъ съ благородной простотой, съ ласковой улыбкой, такъ красящей женщину, любви которой домогаются много мужчинъ... Женщины называли ее кокеткой. Онѣ не понимали ея кроткаго благоволенія къ ея поклонникамъ, которымъ она предугадывала ихъ неизбѣжныя печали и заранѣе сочувствовала ихъ сердечнымъ ранамъ. Каждая боль, причиненная любовью, находила откликъ въ ея сердцѣ. И если она видѣла проявленіе искренняго чувства, она, приходя въ восторгъ, восклицала съ упоеніемъ «ахъ!» или «охъ!»—какъ сластена, потягивающій вкусный напитокъ... Это было очаровательно и трогательно, — потому что эта женщина готова была броситься въ объятія перваго мужчины, которому удалось бы поразить ея сердце...

Она любила все красивое, и каждая красивая линія, каждая благоуханная вещь становились частью ея самой. И она накапливала красоту изо дня въ день. При ея сердцѣ,

она была воплощеніемъ нѣжной женственности—мысли ея подобны были лиліямъ, потому что добро вѣдь та же красота...

И всѣ поклонники простили ей свои муки. Я не знаю ни одного человѣка, который не простилъ бы ее... Если бы оказался одинъ такой, то это говорило бы о томъ, что въ ней былъ изъянъ. Въ минуты послѣдняго объясненія, она, вѣроятно, плакала, оттого, что всѣ красивыя слова уже были сказаны—и отзвучали, или дѣлала горестныя признанія о самой себѣ, такія искреннія, горячія и благородныя, и въ такомъ серьезномъ тонѣ, что самые трагическіе обожатели не могли подавить улыбки...

Она искала на его лицѣ, какъ въ зеркалѣ, укора себѣ, если онъ протягивалъ къ ней руки, а она отступала назадъ, и если онъ опускалъ руки, она съ тоскою жалѣла его за то, что у него не хватало догадливости схватить и сжать ее въ своихъ объятіяхъ... Она жаждала человѣка, который сумѣлъ бы овладѣть ея сердцемъ.

Да, всѣ простили ее, потому что прощать нечего было, или очень мало, развѣ только то, что дѣлаетъ милую женщину еще милѣй, и о чемъ позднѣе многіе вспоминали съ нѣжной улыбкой, какъ вспоминаютъ юноши милую радость дѣтства... Женщины, представляющія для своихъ мужей все, что угодно, только не мечту минувшей молодости, вы никогда не замѣчали, какъ эти вѣчно занятые дѣловые люди съ двойными подбородками, вздрагиваютъ вдругъ во снѣ и смѣются, словно откликаясь на далекій, далекій зовъ...

Мнѣ часто слышится теперь ея голосъ. Она была очень веселаго характера, и сквозь даль годовъ я все еще слышу ея смѣхъ. Она была пылка, смѣла и могла плакать, какъ Марія Шотландская о своемъ неумѣніи лгать, подобно мужчинамъ. Я слышу ее, но это уже лишь отраженный звукъ ея смѣха. Я вижу ее, но уже какъ огонекъ, мерцающій среди деревьевъ. И среднихъ лѣтъ господинъ не рѣшается приблизиться къ ней... Она окружена молодежью. Были дни, когда я видалъ ее во всемъ ея блескѣ. Но потомъ завѣса заслонила ее отъ меня, и съ того мгновенія она стала мнѣ чужой. Я долго еще наблюдалъ ее, но уже не понималъ; она долго еще бродила вокругъ меня, словно хотѣла подсказать мнѣ, надоумить меня, какъ бы я могъ вновь добиться ея любви... Она была плѣнительна, какъ совершенное произведеніе искусства, и непосредственна, какъ первая женщина на землѣ.. Человѣчество должно было въ теченіе долгихъ вѣковъ совершать благороднѣйшія дѣянія и лелѣять возвышеннѣйшія мысли для того, чтобы могло появиться одно такое исключи-

тельное существо, какъ она. Въ ней воплотилась прекраснѣйшая мечта о совершенномъ человѣкѣ. Она была таинственна, какъ ночь, тихо окутывающая землю. Она была тѣмъ, что мы называемъ поэзіей, очаровательнымъ эльфомъ, играющимъ въ голубой мглѣ соснового лѣса...

Но въ дѣйствительности въ ней ничего загадочнаго не было. Это была превосходная дѣвушка, съ благородной душой, граціозными движеніями, со свѣтлымъ ясным лицомъ, на которомъ можно было читать ея мысли, какъ въ открытой книгѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, живая, пылкая, она подозрительно относилась къ каждому мужчинѣ, въ рукахъ котораго предполагала арканъ, и ничто въ жизни не будило въ ней такого остраго любопытства, какъ именно этотъ арканъ. Она дрожала отъ радости, когда замѣчала, что на нее накидываютъ арканъ, и съ упоеніемъ увертывалась отъ него. Она играла опасностью и давала иногда опутать себя арканомъ, увѣренная въ томъ, что сумѣетъ выпутаться изъ него въ тотъ мигъ, когда захочетъ. Она надменно удалялась отъ своихъ ухаживателей, хотя сердце ея жаждало быть побѣжденнымъ. Она отступала на одинъ только шагъ назадъ, и близкая имъ, желанная,—становилась недоступной и недосягаемой. И стояла съ высоко поднятой головой, съ ласковой улыбкой, привѣтливая и нѣжная: ну, если можете, покорите меня!..

Старая привычка вернулась ко мнѣ вмѣстѣ съ этими воспоминаніями: я опять удивленно всплеснулъ руками и прижалъ ихъ къ глазамъ... Она могла бы быть моей, если бы я сумѣлъ удержать ея любовь! Потому что я добился ея. Это было чудомъ — но я добился ея любви... Я очутился одной ногой въ заколдованномъ кругу, въ которомъ она жила, и въ который никто, кромѣ меня, не вступилъ. И тогда я увидалъ ее, какъ въ откровеніи, не такой вовсе, какой видѣли ее другіе, а какой она была въ дѣйствительности... И вовсе не шалую, необузданную, странную дѣвушку, — а милую и скромную любящую женщину... Я сказалъ, что я открылъ въ ней, когда ближе узналъ ее, и она задрожала, помню. Она, очевидно, не подозрѣвала, что уже разоблачена... Но радость заглушила въ ней всѣ другія чувства. Она медленно и покорно подошла ко мнѣ... Теперь она уже не была для меня загадочнымъ, непонятнымъ существомъ. Душа ея явилась передо мной, какъ прозрачное озеро, отражающее свѣтло-зеленые мшистые берега...

Я понималъ ее, и она любила меня. Каждая женщина, по-моему, любитъ того, кто можетъ ее разгадать. Другіе только

восторгались ею и преклонялись передъ ней, но я проникъ въ ея волшебное царство и нашелъ въ немъ женщину. Я угадывалъ напередъ каждую ея мысль и поступокъ. Я могъ подтрунивать надъ ней, посмѣиваться и таять передъ нею, и унижаться, и она могла все это забыть, и вдругъ вспомнить, и смотрѣть на меня съ робкой улыбкой, говорившей мнѣ, что она все понимаетъ: я знаю и угадываю ея мысли, но терпѣливо слушаю, пока она выскажетъ все, что ей хочется сказать... У нея были особые взгляды для меня, и особый голосъ для меня, и каждое движенiе ея пальчиковъ имѣло въ глазахъ моихъ особое чарующее значенiе... Я любилъ и ея капризы, любилъ ее, когда она топала на меня ножкой, и при этомъ еще считала необходимымъ скрежетать зубами, какъ ребенокъ, старающiйся напустить на себя страшный видъ... Какъ она очаровательно скрежетала зубками!.. Она мучила меня, но мучительство ея обращалось для меня въ счастье. А она умѣла мучить, это восхитительное шалое существо, когда вдругъ вспыхивала отъ изумленiя:—какъ она, она могла отдать кому-то свое сердце, какъ могла она признать чью-то власть надъ собою!.. Я же удивлялся только тому, что она могла отдать свое сердце мнѣ. Я, вѣроятно, слишкомъ много удивлялся. Оттого, быть можетъ, я и потерялъ ее.

Въ полнолунiе на нее находили самыя дикiя причуды, но я умѣлъ усмирять ее... Однажды она укусила мнѣ руку, но все-таки послушалась меня... Никогда, думалъ я, не обуздать никому этой женщины, но тотъ, кто понимаетъ ее такъ, какъ я, быть можетъ, сумѣетъ съ нею совладать... Очевидно, я не былъ тѣмъ человѣкомъ... Я потерялъ ее, и до сихъ поръ это остается для меня загадкой. Я не знаю, какъ это случилось... Я долго ломалъ себѣ голову въ сумеркахъ моей жизни, начавшихся съ той поры,—пока это мнѣ не надоѣло... Я знаю лишь, что она перестала меня любить. Я добился ея любви, но не сумѣлъ ее удержать. Я долго не понималъ этого, словно вдругъ отупѣлъ... Я замѣчалъ только, что не понимаю, не чувствую ее такъ, какъ прежде. Я задумывался надъ тѣмъ, что она хотѣла сказать тѣмъ или инымъ замѣчанiемъ... я не понималъ еще, что съ той минуты, когда сталъ недоумѣвать или удивляться ея словамъ, она была уже мнѣ чужой... Я, какъ будто, самъ этого не замѣчая, вышелъ изъ заколдованнаго круга. Когда я понялъ, я пытался еще увѣрять себя, что никакой перемѣны не произошло, и она, бѣдная, жалѣя меня, поддерживала мои жалкiя попытки. Она еще встрѣчала меня, какъ прежде съ мечтательно затуманенными глазами, а я чувствовалъ только, что душа ея полна жалости, и зналъ, что глаза ея уже не видятъ... Она пожи-

мала мои руки, но ея руки уже не передавали мнѣ трепета ея сердца. Токъ между нами разомкнулся, и скоро мы оба перестали обольщать себя иллюзіями...

Она такъ же, какъ я, не понимала, отчего перестала меня любить. Она жаждала такъ же, какъ и я, возврата угасшаго чувства, и съ трогательнымъ терпѣніемъ ждала, что я сумѣю какъ-нибудь заставить ее вновь полюбить меня... И когда, наконецъ, пришелъ часъ разлуки, она ушла отъ меня со слезами и долго, долго оглядываясь назадъ...

Я одинъ былъ во всемъ виноватъ, но, вѣроятно, это не произвело бы на меня такого потрясающаго впечатлѣнія, если бы я могъ понять, въ чемъ дѣло, отчего я утратилъ ея любовь. Я страдалъ, пожалуй, больше отъ непониманія, чѣмъ отъ того, что потерялъ ее... По совѣсти говоря, долженъ сказать, что не жалѣю уже теперь объ этихъ минувшихъ дняхъ блаженства... Но было время, когда жалѣлъ. Я отлично помню одну темную ночь, когда нѣкій несчастный лейтенантъ лежалъ въ лодкѣ безъ веселъ, и теченіемъ несло ее къ пѣнившейся запрудѣ... Но теперь меня уже не волнуютъ его стоны. Я скорѣе даже горжусь тѣмъ, что это былъ я (его отнесло волною къ берегу), — и теперь, много времени спустя, мнѣ даже пріятно сознавать, что я также способенъ былъ страдать изъ-за женщины, какъ и всякій другой мужчина...

Я увидѣлъ ее опять, много лѣтъ спустя, когда она была уже замужней женщиной, счастливой матерью. Она топнула ножкой, разсердившись на капризничавшаго ребенка, и скрипнула зубками, и я увидалъ вновь блестящіе зубки и милую гримаску, которой не могу забыть. Мальчикъ и дѣвочка вскочили къ ней на плечи и всѣ вмѣстѣ со смѣхомъ повалились на землю... Она приподнялась, оправилась съ прежней спокойной граціей и невозмутимо-благодушно, какъ сытая коровушка, оглянулась на всѣ стороны. Прежняя очаровательная сумасбродка стала счастливой насѣдкой... Я хотѣлъ подойти и поздороваться съ нею, но едва двинулся къ ней, старая рана вскрылась вновь, и я отвернулся и пошелъ своей дорогой. Только нѣсколько слезъ выкатились изъ моихъ глазъ, потому что она показалась мнѣ гораздо милѣе, чѣмъ я представлялъ ее себѣ мысленно...

IX.

Досужія размышленія.

Итакъ, вы знаете теперь, какъ я постепенно превратился въ чудака. Мэри моя повѣсть, навѣрное, не понравилась бы... Кстати, разъ опять зашла рѣчь о ней, и въ сумерки такъ

пріятно предаваться безтревожнымъ размышленіямъ... Что-бы было, если бы я тономъ и содержаніемъ моего письма не указалъ бы Мэри на святость супружескаго долга, а предстать бы передъ нею въ качествѣ галантнаго свѣтскаго господина? Мнѣ и въ голову, конечно, не приходила такая дикая мысль, когда я опускалъ письмо въ ящикъ, но между нами говоря, я не разъ задумывался надъ этимъ съ тѣхъ поръ...

Отчего я тогда не остановился на этой мысли? Оттого, что я всю жизнь долженъ хранить вѣрность какой-то недосягаемой мечтѣ?..

У дочери одной моей пріятельницы, очаровательной женщины, чуть ли не наканунѣ свадьбы умеръ женихъ... Я помню, какія мучительныя усилія дѣлала старая мать, чтобы поддержать отвагу и волю къ жизни въ своей юной дочери. Вскорѣ, однако, на ихъ горизонтѣ появился другой молодой человѣкъ... Этого я едва зналъ и только иронически пожималъ плечами, увидавъ вдругъ мою старую пріятельницу въ новой для нея роли свахи.

Она ласкала его, расхваливала его, хвастала имъ. Она молодѣла и расцвѣтала въ дни ихъ сближенія и, сіяя отъ радости, наряжала свою бѣдную дочь въ подвѣнечное платье, и бросала горсти рису въ догонку экипажу, увозившему ихъ въ церковь. Я случайно забрелъ въ ея комнату послѣ отъѣзда молодыхъ и увидалъ ее на колѣняхъ въ слезахъ передъ портретомъ умершаго жениха.

— Прости меня,—шептала она,—я стара, а жизнь такъ жестока къ одинокимъ женщинамъ...

Она вымаливала прощеніе дочери, потому что женщины должны такъ устраивать свою жизнь, онѣ не могутъ иначе...

Но я увѣренъ, что она тяжко томилась угрызеніями совѣсти...

Мужчины, однако, памятливѣе. Я по крайней мѣрѣ — памятливъ. Прошло около двадцати лѣтъ, а я все еще сгибался подъ бременемъ любви, словно подъ тяжелымъ мѣшкомъ возвращенныхъ любовныхъ писемъ, которыя некуда свалить...

Я могъ бы сказать: онѣ всѣ написаны были для другой женщины, сударыня, но вы, быть можетъ, вычитаете въ нихъ что-нибудь и для себя. Это показалось бы страннымъ Мэри, но жизнь жестока къ бѣднымъ женщинамъ, и, вѣроятно, изъ этого вышло бы что-нибудь...

Но она, конечно, ушла бы навсегда изъ деревяннаго домика, а мнѣ оставалось только опустить письмо для того, чтобы они оставались въ своемъ деревянномъ домикѣ

вдвоемъ... Это было такъ просто—взять и опустить письмо...

Кромѣ того, я, несомнѣнно, надоѣлъ бы ей, когда она узнала бы меня поближе... Всѣ онѣ таковы...

И потомъ, неужели онъ долженъ утратить свой смѣхъ только потому, что я утратилъ мою улыбку?

И, наконецъ, это была просто нелѣпая, дикая мысль...

Я опустилъ письмо — и у меня камень свалился съ сердца.

X.

Бѣгство съ коляской.

Я встрѣчалъ порою Давида въ общественныхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Кенсингтонскомъ паркѣ, гдѣ онъ важно разъѣзжалъ, окруженный своей свитой и поглядывая на бѣлыя стѣнки и стеклянныя окна другихъ колясочекъ.

Я всегда сворачивалъ въ сторону при встрѣчахъ съ нимъ, изъ чего Мэри должна, конечно, вывести заключеніе, что я надменный и черствый человѣкъ.

Ирэнъ, состоявшая при немъ няней — если не ошибаюсь, это устроилось не безъ моего содѣйствія — бѣгала за мной и освѣдомлялась, не желаю-ли я придти посмотрѣть на него часовъ въ двѣнадцать — въ это время онъ всегда бываетъ въ духѣ...

Нѣтъ, у меня не было никакого желанія посмотрѣть на него.

— Онъ смотритъ на часы и говоритъ — «такъ-такъ», — соблазняла меня однажды Ирэнъ.

— Подумаешь, какая важность!

— Другія дѣти говорятъ «тикъ-тикъ», — гордо возразила она.

— Мнѣ больше нравится «тикъ-тикъ»,—замѣтилъ я.

Ирэнъ разсердилась на меня и убѣжала...

Если бы они догадались подкатить его подъ дерево и оставить тамъ, я подошелъ бы и посмотрѣлъ на него. Но онѣ не дѣлали этого, и я рѣшилъ ждать, пока онъ научится ходить—тогда легче будетъ его подкараулить гдѣ-нибудь. Но это былъ маленькій трусливый толстякъ, и послѣ нѣсколькихъ попытокъ встать на ноги онъ рѣшилъ, что благоразумнѣе будетъ спокойно лежать въ своей коляскѣ. А когда ему исполнился годъ и онъ все еще не ходилъ, я потерялъ терпѣніе и махнулъ на него рукой.

— Я въ его возрастѣ уже бѣгалъ, какъ бѣлка,—сказалъ я Ирэнъ.

Поразспросивъ моихъ товарищей по клубу, я узналъ, что всѣ они въ годъ тоже бѣгали, какъ бѣлки...

Я сдѣлалъ, однако, нянькѣ такого рода предложеніе: если она принесетъ отсталаго мальчика ко мнѣ въ комнату и оставитъ его у меня на полчаса, я, такъ и быть, посмотрю на него... Мэри, которой тотчасъ передано было мое предложеніе, гордо отвергла его. Но, пораздумавъ немного, согласилась, и въ одинъ прекрасный день Ирэнъ съ обиженнымъ вызывающимъ видомъ вкатила колясочку въ мою квартиру. Я даже не взглянулъ на коляску и, указавъ Ирэнъ пальцемъ на дверь, сказалъ:

— Приходи черезъ полчаса...

Она попросила разрѣшенія остаться, обѣщала быть ниже травы, тише воды, но я былъ неумолимъ. Тогда она страстно и нѣжно простилась со своимъ питомцемъ, но въ сущности ея трагическія слова обращены были ко мнѣ:

— И если онъ сниметъ съ тебя чулочки, миленькій мой, это ему на томъ свѣтѣ не простится.

— Я, вѣроятно, и сниму съ нея чулочки, — небрежно бросилъ я въ отвѣтъ.

Съ нея?

Ирэнъ пришла въ ярость.

— Вѣдь это дѣвочка? — спросилъ я.

Ирэнъ только раскрыла ротъ, она не въ силахъ была вымолвить слово отъ негодованія, и я спокойно вытолкалъ ее за дверь. Затѣмъ я обошелъ кругомъ коляски разъ, другой, но поразмысливъ, рѣшилъ сѣсть позади колясочки и ждать. Я хотѣлъ, чтобы мой гость освоился раньше съ обстановкой, а тамъ уже и я самъ предстану передъ нимъ...

Я сидѣлъ и думалъ. Проснулся онъ? Если нѣтъ, лучше его не будить... Цѣлыхъ полчаса, однако, ждать!.. И кто знаетъ, сколько онъ будетъ еще спать? Я тихонько свистнулъ: онъ не обратилъ на это никакого вниманія.

Помню, я даже говорилъ себѣ, что если не тронусь съ мѣста до возвращенія Ирэнъ, то это будетъ новымъ пріятнымъ торжествомъ надъ Мэри. Однако, я кашлянулъ. Опять никакого отвѣта не послѣдовало. Тогда я уже испугался. А вдругъ коляска пуста?..

Я быстро всталъ, но не успѣлъ шага сдѣлать, какъ замѣтилъ какое-то движеніе посреди коляски, и въ тотъ-же мигъ услыхалъ тихій горловой звукъ... Я остановился. Было ясно, какъ день, что кромѣ меня въ комнатѣ есть еще одно любопытное существо, и нѣсколько минутъ мы оба ни единымъ звукомъ не выдавали своего присутствія. Въ концѣ концовъ, однако, я вспоминаю объ этомъ не безъ удоволь-

ствія,—я сдѣлалъ первый шагъ къ знакомству... Еще до прихода моего гостя я выстроилъ на маленькомъ столикѣ нѣсколько предметовъ, которые, по моему, могли его заинтересовать: мои часы, цѣпочки, связку ключей, двѣ военныхъ медали... Я осторожными крадущимися шагами подошелъ къ столику... Мнѣ кажется, я похожъ былъ въ эту минуту на фокусника, собирающагося явить публикѣ ловкость своихъ рукъ. Давидъ уже сидѣлъ. Глазенки его тотчасъ остановились на мнѣ.

Врядъ ли я сумѣю найти слова, чтобы описать этого восхитительнаго ребенка,—и потомъ я такъ мало знаю дѣтей. Но первое, что пришло мнѣ тогда въ голову, это—что если бы Тимофей существовалъ, онъ, навѣрно, былъ бы такимъ...

Давида принесли ко мнѣ для того, чтобы я высказалъ о немъ свое сужденіе, но я вскорѣ убѣдился, что въ сущности онъ меня подвергаетъ строжайшему экзамену, и этотъ обмѣнъ ролей показался мнѣ столь естественнымъ, что я даже не удивился... Мнѣ хотѣлось только услышать отъ него указаніе, что я долженъ дальше дѣлать... Мнѣ удалось провести многихъ людей, составлявшихъ себѣ, какъ имъ казалось, самыя вѣрныя обо мнѣ сужденія, но я не дѣлалъ никакихъ усилій, чтобы ввести Давида въ заблужденіе на мой счетъ. И радъ былъ бы, да не могъ. Эти не мигающіе глаза слишкомъ довѣрчиво смотрѣли на божій міръ, — я не могъ глумиться надъ ними. Я видѣлъ въ его глазахъ самого себя. Они словно открыли передо мной сокровищницу коробейника, плѣнявшую мое воображеніе, и я увидалъ, что въ ней очень мало поэтическихъ свѣтлыхъ воспоминаній, и очень много недостойныхъ мыслей и поступковъ, и нелѣпая, неустроенная жизнь.

Я съ грустью смотрѣлъ на Давида, не потому, что меня не радовало его присутствіе,—я боялся, что онъ не пожелаетъ принять меня въ кругъ своихъ знакомствъ. Мнѣ казалось, что въ эти мгновенія онъ выясняетъ себѣ разъ на всегда опредѣленное ко мнѣ отношеніе...

И вдругъ онъ улыбнулся. Быть можетъ, только потому, что у меня былъ такой робкій испуганный видъ. Но надъ причиной его улыбки я не задумывался. Я тотчасъ почувствовалъ себя инымъ человѣкомъ. Это была долгая улыбка, широко раздвигавшая его уста, словно онъ впускалъ меня въ свое сердце.

И опять сомкнулъ губки.

Затѣмъ, желая, повидимому, отвлечь меня отъ печальныхъ мыслей, или съ цѣлью закрѣпить какимъ-нибудь актомъ нашу дружбу—онъ взялъ и высоко поднялъ ножку

въ воздухъ. При этомъ онъ соскользнулъ съ подушки, и я понялъ, что надо опять посадить его на подушку. Но мнѣ никогда не приходилось такъ близко касаться ребенка. Когда мнѣ подносили ребенка, я обыкновенно закрывалъ глаза и чмокалъ губами въ пустоту... Давидъ въ свою очередь не могъ объяснить мнѣ, какъ я долженъ за него приняться, но все-таки я безъ большихъ затрудненій посадилъ его на прежнее мѣсто. Тѣльце его инстинктивно приняло нужное положеніе, когда я прикоснулся къ нему, и руки мои тоже инстинктивно сдѣлали все необходимое для того, чтобы водворить его на прежнее мѣсто. Мнѣ это доставило большое удовольствіе, а онъ тѣмъ временемъ соображалъ, что ему дальше предпринять.

Онъ опять поднялъ ножку въ толстомъ шерстяномъ чулкѣ,—ни дать, ни взять—нога подагрика,—и я подумалъ, что это просто повтореніе перваго маневра. Но я ошибался, и это не дѣлало мнѣ чести,—потому что, въ противоположность Портосу, Давидъ избѣгалъ повторять свои фокусы. Онъ, быть можетъ, зналъ уже по опыту, что повторенія ослабляютъ первое впечатлѣніе...

Я понялъ, наконецъ, онъ хотѣлъ только, чтобы я снялъ съ него чулокъ.

Но я вспомнилъ грозное предостереженіе Ирэнъ и смутился. Или онъ слышалъ, что она говорила и бросаетъ мнѣ вызовъ? И, наконецъ, какое такое несчастье могло произойти, если снять чулокъ? Онъ такъ выразительно протягивалъ мнѣ ножку, что я рѣшился и снялъ чулокъ.

Видъ обнаженной ножки доставилъ ему большое удовольствіе, но меня поразило то, что другой своей ножкой онъ нисколько не интересовался...

Однако, онъ не только любовался ею, но вскинулъ на меня глазенки, словно говоря:

«— Ну, теперь гляди!» — и, поднявъ голую ножку, провелъ губками по пальчикамъ... Похоже было, будто онъ исполняетъ программный номеръ на какомъ-то странномъ инструментѣ... Затѣмъ, опять опустилъ ножку, улыбнулся своей долгой торжествующей улыбкой и далъ мнѣ понять, что теперь моя очередь продѣлать то же... Я подумалъ, что самое лучшее, что я могу сдѣлать, это опять надѣть чулокъ на его ножку, но первая же моя попытка объяснила мнѣ зловѣщія слова Ирэнъ. Я понялъ, какое это мученіе должно быть для нея надѣвать ему чулочки по утрамъ...

Тѣмъ не менѣе, въ то время, когда онъ соображалъ, чтобы ему сдѣлать съ моими часами, я все-таки надѣлъ ему чулокъ.

Я искренно сокрушался о томъ, что не могу положить часы подъ стаканъ и превратить ихъ въ ворону, фокусъ, который столько людей продѣлываютъ съ такой отмѣнной ловкостью... Давидъ, очевидно, тоже занятый мыслью о какомъ-нибудь хитромъ фокусѣ, чуть было не засунулъ куда-то часы, но мнѣ удалось вытащить ихъ опять за конецъ цѣпочки...

— «Ха-ха-ха»!

Такъ онъ комментировалъ свой новый фокусъ, но для меня его смѣхъ прозвучалъ жестокимъ напоминаніемъ о томъ, что это не мой сынъ. Впрочемъ, Мэри не передала ему весь смѣхъ его отца...

Часы показывали, что прошло уже двадцать пять минутъ и, выглянувъ въ окно, я увидалъ Ирэнъ на одной сторонѣ улицы, мужа Мэри на другой сторонѣ, и за нимъ Мэри... И всѣ трое не сводили глазъ съ моихъ оконъ. Они, конечно, нарушили свое обѣщаніе.

Я обернулся опять къ Давиду и тихо спросилъ, не хочетъ ли онъ меня поцѣловать: Онъ шесть разъ покачалъ головой, и я былъ въ отчаяніи. Потомъ онъ улыбнулся, и я видѣлъ, что онъ уступаетъ моему желанію. Теперь онъ шесть разъ кивнулъ головой.

Это былъ самый очаровательный изъ всѣхъ его поступковъ. Это было такъ мило, что вопреки своихъ правилъ, онъ дважды повторилъ его. Я протянулъ къ нему руки, и онъ опять сначала нѣсколько разъ покачалъ головой, потомъ послѣ долгой паузы —словно пугая меня—нѣсколько разъ кивнулъ головой.

Но едва я успѣлъ взять его на руки, какъ увидалъ въ окно Мэри и ея мужа и Ирэнъ, направлявшихся къ моему дому, очевидно, съ намѣреніемъ увезти отъ меня Давида... Я быстро, не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ это дѣлаю, усадилъ Давида въ коляску и выкатилъ его на улицу съ чернаго хода. Мы отправились въ Кенсингтонскій паркъ... Это произошло такъ стремительно и неожиданно, что, помню, я нѣсколько разъ ощупывалъ голову, дабы убѣдиться, что я не забылъ надѣть шляпу.

Я смотрѣлъ Давиду въ лицо, желая знать, какъ онъ относится къ этому бѣгству, но онъ не успѣлъ еще составить себѣ какое-либо сужденіе объ этой непредвидѣнной прогулкѣ... И какъ это ни странно, всю мою застѣнчивость съ меня, какъ рукой сняло. Я сталъ вдругъ совершенно равнодушенъ къ тому, что скажутъ другіе, и моя гордая рѣшимость даже усилилась, когда я замѣтилъ погоню за собою. Они окружили меня кордономъ недалеко отъ бесѣдки Мэри.

...дить, но я ловкимъ стратегическимъ ходомъ прорвался на ... и вскорѣ выкатилъ коляску на Дѣтскую аллею. Тогда они заняли выходъ изъ аллеи съ обоихъ концовъ, но я и тутъ ускользнулъ отъ нихъ, свернувъ на боковую дорожку... Огибая колодезь Св. Говора, я видѣлъ, какъ они растерянно бѣгали внизъ съ холма, и когда они направлялись къ Круглому пруду, мы беззаботно катались по Широкой аллеѣ, ни о комъ и ни о чемъ не думая.

Но мало-по-малу Давидъ сообразилъ, что какъ никакъ я все-таки чужой человѣкъ, и глаза его стали расширяться, расширяться, пока не округлились до размѣра моихъ военныхъ медалей. И затѣмъ съ такой же методичностью, такъ же медленно, какъ онъ собирался улыбнуться, онъ приготовился было заревѣть... Я читалъ на лицѣ его всѣ усилія, которыя онъ дѣлалъ. И чувствовалъ себя безсильнымъ противъ нихъ. Я былъ безоружный человѣкъ лицомъ къ лицу съ цѣлымъ отрядомъ...

Но я и въ эту минуту разсердиться на него не могъ. Не могъ же онъ знать, что это я опустилъ письмо...

Добрая фея напомнила мнѣ въ это мгновеніе давно забытое искусство, которымъ я такъ гордился когда-то... Изъ всѣхъ моихъ товарищей, я одинъ умѣлъ поднимать и опускать каждую бровь отдѣльно. Одна бровь поднималась вверхъ по лбу, другая опускалась внизъ, какъ ведра на коромыслѣ...

Я изъ недовѣрія къ своимъ силамъ призвалъ теперь на помощь этотъ талантъ, но Давидъ тотчасъ бросилъ свои усилія заплакать и внимательно сталъ созерцать мои страшныя гримасы. Однако, ротъ его былъ еще раскрытъ на всякій случай. Очевидно, онъ все-таки намѣревался заревѣть, если я не оправдаю его ожиданій... Но будучи по природѣ хорошимъ, великодушнымъ малымъ, онъ ждалъ, желая дать мнѣ всѣ возможности позабавить его, и я гримасничалъ, не щадя своихъ силъ... Я боялся пуще всего, что по молодости лѣтъ онъ, пожалуй, не сумѣетъ оцѣнить моего искусства. Я обращался къ его уму и къ его сердцу— такой штуки никто, кромѣ меня, показать ему не сумѣлъ бы...

Когда я остановился на мгновеніе, чтобы передохнуть, онъ, не мѣняя выраженія лица, сдѣлалъ мнѣ безмолвный знакъ — ничего, молъ, довольно забавно, но онъ не рѣшилъ еще, достаточно ли это забавно, чтобы вовсе отказаться отъ намѣренія заревѣть... Я, однако, почувствовалъ въ этомъ знакѣ поощреніе и опять сталъ корчить рожи. Замѣтивъ колебаніе на лицѣ Давида, я сдѣлалъ послѣднее отчаянное

усиліе и поднялъ лѣвую бровь чуть ли не до самыхъ волосъ... Тогда, наконецъ, сквозь тучи проглянула улыбка. И вдругъ — въ отвѣтъ на мою тайную радость побѣды, я услыхалъ шумныя одобренія и рукоплесканія.

Я смутно сознавалъ все время, что мы не одни, но не рѣшался отвести глазъ отъ Давида. Теперь я увидалъ, къ немалой моей досадѣ, что мы окружены толпою маленькихъ и чрезвычайно-заинтересованныхъ зрителей. Одинъ среди нихъ былъ, помню, такой отчаянный, дерзкій сорванецъ...

И хотя это нѣсколько охладило мое радостное возбужденіе, однако, чувство побѣды было слишкомъ сильно для того, чтобы уступить мѣсто другимъ чувствамъ... Я присѣлъ на садовую скамейку подъ фиговыми деревьями, положивъ одну руку на коляску, какъ — я наблюдалъ — дѣлаютъ обыкновенно няньки... Такъ пріятно было сидѣть на скамьѣ съ видомъ человѣка, для котораго эти прогулки съ Давидомъ привычное повседневное занятіе... Но вдругъ я, къ огорченію моему, увидалъ Мэри, подходившую ко мнѣ осторожными быстрыми шажками. Она была уже такъ близко, что бѣжать было бы просто неприлично. Портосъ шелъ впереди нея, помахивая своимъ предательскимъ хвостомъ, но она замедлила шаги, увидавъ, что я наблюдаю ее. Она бѣгала, бѣдная, по моимъ слѣдамъ вмѣстѣ съ моей собакой.

Я забылъ упомянуть, что Портосъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ частымъ гостемъ въ ея домѣ. Никогда не забуду, какъ я изумился, когда въ первый разъ увидалъ его выходящимъ изъ ея домика съ видомъ визитера...

Потомъ, онъ уже просто, безъ церемоній, уходилъ отъ меня къ ней, черезъ нѣкоторое время опять возвращался ко мнѣ, и я догадался, что мужъ Мэри рисуетъ съ него портретъ...

Я нѣсколько растерялся при видѣ ея, но смотрѣлъ на нее съ невозмутимо-холоднымъ лицомъ и замѣтилъ, что она прежде всего взглянула на Давида... Но Давидъ небрежно бросилъ ей кончикъ улыбки, начало которой предназначалось для меня... Лицо ея просвѣтлѣло, дикая материнская тревога въ глазахъ погасла. Она часто и быстро дышала послѣ безразсудной погони и, сдѣлавъ своимъ союзникамъ знакъ, чтобы они оставались на заднемъ планѣ, съ любопытствомъ посмотрѣла на меня. Если бы она заговорила въ этотъ мигъ, слова ея, навѣрно, были бы такія же взволнованныя, какъ и ея лицо: но губы ея только задрожали, какъ у Давида, когда онъ собирался улыбнуться, и я

...ть ея мысли: она радовалась, что теперь ей удастся, ...нецъ, разговориться со мной...

— Я все-таки безпокоилась немного, — проговорила ...лукаво, и долженъ сознаться — очень пріятно было ...шать такъ близко ея голосокъ...

Но я только снялъ шляпу, и тогда она быстро повер...лась къ Давиду — не понимаю, отчего она такъ быстро ...ернулась тогда къ нему — и наклонила надъ нимъ лицо. ...ный, безцѣнный мальчуганъ! Что онъ сдѣлалъ? Вмѣсто ...го, чтобы поцѣловать ее, онъ одной рукой ухватился за ...лицо, а другой сталъ поднимать и опускать ея брови. ...изъ этого ничего не выходило, и его разочарованіе не...ванно тѣшило меня...

— Не понимаю, чего ты хочешь, милый мой, — расте...нно проговорила она и вопросительно взглянула на меня. ...о я зналъ, чего онъ хочетъ и, молча, далъ ей понять, что ...аю. Если бы я подготовленъ былъ къ бесѣдѣ съ нею, я ...ненно отвѣтилъ бы, что если бы она и знала, чего онъ ...четъ, все равно она бы этого исполнить не могла, хотя бы ...упражнялась въ этомъ двадцать лѣтъ.

Но вмѣсто объясненія, я только опять приподнялъ ...ляпу.

Давидъ обратилъ вниманіе на мое движеніе, и довѣр...во ласково потянулся ко мнѣ. Она не видѣла, что я ...лаю, потому что я повернулся спиною къ ней. Но Да...вида мое искусство на этотъ разъ совершенно покорило. ...нъ сталъ дѣлать знаки матери, чтобы она уходила — ...ему не надо ея, молъ, онъ занятъ весь этотъ день...

Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ, читатель? Это ...ыла, сознаюсь, значительная минута въ моей жизни, но у меня хватило мужества въ третій разъ приподнять шляпу и удалиться, предоставивъ ребенку рѣшить, кто изъ насъ ...му милѣй... Я шелъ очень медленно и напряженно вслуши...вался — но въ этомъ нужды не было... Въ догонку мнѣ раз...дался отчаянный ревъ. Я обернулся. Давидъ съ яростью ...отталкивалъ отъ себя мать для того, чтобы она не за...слоняла меня... Онъ жадно тянулся ко мнѣ ручонками и ...кивалъ головой, и я чуть было не повернулъ обратно. ...о меня спасъ планъ, внезапно сложившійся въ моей го...ловѣ. Я пошелъ дальше. Съ тѣхъ поръ я неуклонно осу...ществляю этотъ планъ. Я поставилъ себѣ цѣлью — осво...бодить мальчика отъ вліянія матери, изобличить перед ...нимъ всѣ ея слабости и капризы, отнять его у нея, и сдѣ...лать моимъ, всецѣло моимъ...

XI.

Пріятнѣйшій клубъ въ Лондонѣ.

Всѣ дѣтскія колясочки везутъ въ Кенсингтонскій паркъ.

Но Давида недолго возили въ его колясочкѣ. Вскорѣ после того, какъ я впервые поколебалъ его вѣру въ мать, онъ сталъ вставать и двигаться, а затѣмъ похаживать по Широкой аллеѣ, и гордо вытягивался во весь свой ростъ, властно требуя вниманія къ своей особѣ. И былъ очарователенъ, пока не упалъ. Шлепнувшись на землю при дружномъ смѣхѣ зрителей, онъ сдѣлалъ, однако, видъ, что затѣмъ только и шлепнулся, чтобы потѣшить публику...

Это было въ понедѣльникъ. Во вторникъ онъ уже карабкался по каменной лѣстницѣ Золотого Короля и побѣдоносно оглядывался на каждой ступенькѣ, а въ среду считалъ до трехъ и шагалъ въ короткихъ штанахъ. Кенсингтонскій паркъ, надо вамъ знать, кишитъ короткими курточками и штанишками. Самые короткіе — это переходъ отъ малютки въ длинномъ платьицѣ къ малышу, сидящему верхомъ на оградѣ... Дѣтей въ этомъ возрастѣ называютъ «трагедіей матери»...

Если вы завсегдатай парка — у него свой особый язык — то вы по лицамъ этихъ милыхъ матерей легко научаетесь опредѣлять возрастъ ихъ дѣтей. Когда сынишкѣ три года, на лицѣ его матери ясно выведены короткіе штаны, и между нами говоря, Мэри не легко примирилась съ этимъ украшеніемъ.

Ей очень хотѣлось, чтобы мальчикъ ея долго еще оставался маленькимъ, безпомощнымъ ребенкомъ, но онъ отстаивалъ свои права, и я поощрялъ его, потому что мнѣ пріятно было досадить лишній разъ Мэри. Я видѣлся теперь съ Давидомъ разъ въ недѣлю. Мать его, не подозрѣвавшая моего коварнаго плана, разрѣшила Ирэнъ водить его ко мнѣ, и мы очень подружились съ нимъ, хотя нянька всегда умудрялась отравить мнѣ радость этихъ свиданій. Ирэнъ — долженъ замѣтить — мало выиграла при болѣе близкомъ знакомствѣ. Она стала чрезвычайно заносчива, властолюбива, а зазналась она, какъ мнѣ казалось, главнымъ образомъ потому, что носила теперь чепецъ съ лентами, которымъ презабавно гордилась. Держала она себя очень важно, какъ особа, облеченная отвѣтственной ролью воспитательницы, и говорила о своихъ обязанностяхъ такимъ тономъ, словно черезъ ея руки прошли уже нѣсколько поколѣній дѣтей. Она была также чрезвычайно ревнива и позволяла себѣ критиковать мои воспитатель

пріемы, что, конечно, вело ко всякимъ препирательствамъ и даже стычкамъ между нами, о которыхъ я со стыдомъ вспоминаю теперь. Я выдвигалъ противъ нея слѣдующія обвиненія.

Она слишкомъ распространялась о томъ, что можно и чего нельзя... Была взыскательна, какъ фельдфебель.

Увѣряла, что на ней настоящій чепецъ съ настоящими лентами, хотя прекрасно знала, что Мэри соорудила его изъ старой кисейной занавѣски.

Мнѣ совѣстно теперь, что я прибѣгалъ тогда къ такимъ жестокимъ доказательствамъ, но этимъ только мнѣ и удавалось охлаждать ея излишнее рвеніе...

Она съ своей стороны обвиняла меня въ томъ, что я порчу ребенка своимъ баловствомъ.

Что я не думаю о его будущемъ...

Что я не объясняю ему печальныхъ послѣдствій его капризовъ.

Что я разсказываю ему сказки, изъ которыхъ нельзя вывести никакого нравственнаго поученія...

И въ томъ, наконецъ, что я говорю ему, будто платочекъ исчезаетъ неизвѣстно куда, когда въ дѣйствительности платочекъ исчезалъ въ маленькій жестяной стаканчикъ, который я ношу при себѣ на тесемочкѣ...

Надо вамъ сказать, что въ тѣ дни я чрезвычайно увлекался всякими фокусами. Достигнувъ такихъ блестящихъ результатовъ игрою бровями, я рѣшилъ вооружиться новыми приманками на всякій случай, если бы манипуляція съ бровями перестала оказывать желанное дѣйствіе...

Штука эта внезапно перестала занимать Давида. Такая же судьба постигала потомъ и всѣ другіе мои фокусы. Онъ могъ двадцать разъ требовать повторенія какой-нибудь игры и восторгаться ею, а въ двадцать первый разъ смотрѣлъ на меня немигающими глазами, словно недоумѣвалъ, зачѣмъ я валяю передъ нимъ дурака. Онъ напоминалъ мнѣ тогда королевскаго ребенка, который, выслушавъ объясненіе какой-то сложной игры, холодно отвѣтилъ:

— Это намъ нисколько не интересно...

Что можетъ быть обиднѣе! — Потѣшать ребенка, который терпѣливо даетъ вамъ понять, что всѣ ваши выдумки его нисколько не занимаютъ...

Я успокаивалъ себя надеждой, что если бы Давидъ умѣлъ говорить, а не только смотрѣть и произноситъ: бяка, то его сужденія были бы для меня менѣе обидны, но позднѣе мнѣ пришлось въ этомъ разочароваться. Помню — однажды, когда онъ уже велъ самъ съ собою увлекательныя

бесѣды и не нуждался въ обществѣ взрослыхъ, я предложилъ показать ему очень смѣшной фокусъ съ коробкой и двумя шариками. Онъ долго смотрѣлъ, а потомъ пресерьезно изрекъ: «Ты мнѣ скажи, когда станетъ смѣшно...»

Я даже взялъ нѣсколько уроковъ фокусничества у одного чрезвычайно талантливаго юноши, съ длинной шеей и угреватымъ лицомъ. Какъ только я вошелъ въ его полутемную комнату при лавочкѣ, онъ вытащилъ изъ моего кармана вывѣску цырюльника, приговаривая при этомъ:

— Ну, ну, это что еще за штуки!..

Оттого ли, что онъ слишкомъ много зналъ, или оттого, что на немъ была какого-то необычайнаго вида и покроя блуза, но впечатлѣніе онъ произвелъ на меня угнетающее...

Ему совершенно чужды были артистическія радости, и грустно было мнѣ за человѣка, обязанность котораго было развлекать тысячи человѣческихъ существъ, между тѣмъ, какъ самъ онъ не испытывалъ при этомъ ни малѣйшей радости...

Дощечку цырюльника я вскорѣ и самъ сталъ ловко вытаскивать изо рта Давида. Но тутъ оказалось одно непредвидѣнное затрудненіе: куда припрятать въ Кенсингтонскомъ паркѣ вывѣску цырюльника?..

Дѣти здѣсь были всѣ воспитанныя, милыя и, найдя какую-нибудь вещь, считали своимъ долгомъ тотчасъ разыскать ея собственника.

Фокусникъ увѣрялъ меня, что всюду и всегда кто-нибудь, навѣрно, дастъ мнѣ необходимые для фокусовъ бутылку и лимонъ. Но я теперь только убѣдился, какая это рѣдкость въ Кенсингтонскомъ паркѣ — бутылка и лимонъ... Волшебную подставочку для яйца я носилъ при себѣ, и съ ея помощью продѣлывалъ удивительныя вещи съ мѣдными монетами... Но и монета въ шесть пенсовъ не всегда бывала надежнымъ соучастникомъ; случалось, что когда я съ торжествомъ заявлялъ, что монета должна оказаться на днѣ рюмки, она вдругъ падала откуда-то на землю... И такіе неблагодарные зрители, какъ Ирэнъ, не останавливались тогда передъ обвиненіемъ въ томъ, что я развращаю и отравляю ложью юную душу... И тщетно я доказывалъ ей сквозь стиснутые зубы, что это была только шутка... Она никакихъ шутокъ не понимала, кромѣ своихъ собственныхъ, о которыхъ она была чрезвычайно высокаго мнѣнія... И меня это нисколько бы не занимало, если бы и Давидъ ихъ не цѣнилъ. И когда я слышалъ, какъ онъ заливался, хохоталъ до слезъ надъ штуками Ирэнъ, — я не

могъ подавить въ себѣ презрительнаго чувства къ нему... Если я, криво усмѣхаясь, останавливался подлѣ нихъ, онъ восторженно подмигивалъ мнѣ, будто говоря: «Она уморительна, Ирэнъ, не правда ли?»

Мы были соперниками, но я старался быть до щепетильности благороденъ въ отношеніи ея и признавалъ у нея одно безспорное преимущество, а именно — ея каучуковый зубъ. Въ раннемъ дѣтствѣ у нея выпалъ передній зубъ — она вколотила его опять при помощи головной щетки. Но зубъ, тѣмъ не менѣе, опять выпалъ и тогда она замѣнила его каучуковымъ зубомъ собственнаго издѣлія... Этотъ выскакивалъ только, когда она чихала... Если онъ падалъ на ея колѣни, то это значило, что у нея легкій насморкъ, но если зубъ при чиханіи отлеталъ въ другой уголъ комнаты, то это значило уже, что она по-настоящему простужена. Зубъ Ирэнъ пользовался широкой извѣстностью въ Кенсингтонскомъ паркѣ, и малыши каждый день засыпали ее разспросами о ея необыкновенномъ зубѣ... И я съ своей стороны никогда бы не сталъ бы пенять Давиду за его вполнѣ естественную гордость собственника, если бы онъ понималъ, что этотъ несомнѣнный талантъ Ирэнъ принадлежитъ, такъ сказать, къ талантамъ низшаго порядка... Я тогда уходилъ отъ Давида и давалъ ему понять, что разъ его благоволеніе можно купить такой дешевой цѣной, то отъ такого соискательства я вовсе отказываюсь. Но Кенсингтонскій паркъ самый пріятный клубъ въ Лондонѣ... Я не могъ долго бороться съ соблазномъ и вновь возвращался туда. Я разыскивалъ Давида по аллеямъ, уводилъ его въ далекіе уголки парка, я видѣлъ только его одного, хотя другія матери — къ величайшему негодованію Мэри — тоже стали наряжать своихъ дѣтей въ такіе же живописные костюмчики, въ которыхъ всегда щеголялъ Давидъ.

Ирэнъ я повелъ къ дантисту, который вставилъ ей настоящій зубъ — и тѣмъ сумѣлъ таки, въ концѣ концовъ, сбить съ нея спесь...

Давидъ продѣлывалъ со мной очаровательныя вещи. Такъ, напримѣръ, моими карманами онъ пользовался, какъ вмѣстилищами, въ которыя совалъ все, что попадалось ему подъ руку. Онъ заглядывалъ въ нихъ, какъ въ свои собственные карманы, даже не говоря — съ вашего позволенія — и дома, вѣшая пальто на вѣшалку, — я часто находилъ въ карманахъ жестяныхъ солдатъ, пистолетъ, — и вздыхалъ... Помню еще: однажды я приласкалъ въ паркѣ другого мальчика... Давидъ долго смотрѣлъ на это, затѣмъ

всталъ, подошелъ къ этому мальчику и поколотилъ его. То же самое продѣлывалъ обыкновенно и Портосъ. Стоило мнѣ обратить вниманіе на другую собаку, какъ онъ тотчасъ бросался на нее, валилъ ее на землю и, ставъ на нее ногами, серьезно и гордо озирался кругомъ. И я тотчасъ понялъ значеніе неожиданной выходки Давида. Онъ открыто заявилъ этимъ, что считаетъ меня исключительной своей собственностью...

Ирэнъ сдѣлала ему выговоръ за то, что онъ побилъ мальчика, и поставила его въ наказаніе подлѣ скамейки на Широкой аллеѣ. И мы, конечно, обмѣнялись съ нею по этому поводу нѣсколькими теплыми словами... При слѣдующей встрѣчѣ съ нею я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю ея. Она тоже важно прошла мимо меня, но потомъ пріуныла, а когда я ушелъ изъ парка — разразилась слезами. Она плакала оттого, что я ни при встрѣчѣ, ни уходя, не снялъ передъ нею шляпы... Я узналъ, къ немалому моему удивленію, что эта моя глупая привычка доставляла ей огромное удовольствіе... Мы не разъ еще ссорились послѣ этого, но я никогда уже не забывалъ снять шляпы при встрѣчѣ съ нею... Я тоже взялъ съ нея обѣщаніе, что она будетъ кланяться мнѣ, и она отвѣтила съ напускнымъ равнодушіемъ, что я насмѣхаюсь надъ нею... Но мое требованіе польстило ей, и долженъ вамъ сказать, что кланялась она восхитительно, — склонивъ немного головку на бокъ... Я нахожу очаровательной эту манеру кланяться, и, конечно, она переняла ее у Мэри...

Мнѣ будетъ очень грустно, если вы изъ моего разсказа выведете заключеніе, что я смотрю на дѣтей, какъ на щенятъ, которыхъ надо только забавлять. Можетъ быть, у меня и была такая мысль, когда я въ первый разъ протянулъ къ Давиду мои непривычныя къ дѣтямъ руки... Сознаюсь, что и тогда и послѣ, пока ему не исполнилось трехъ лѣтъ я другими цѣлями не задавался и старался только его забавлять... Если это была ошибка съ моей стороны, Господь Богъ проститъ ее мнѣ — я видѣлъ Давида одинъ только разъ въ недѣлю и у меня было такъ мало опыта въ обращеніи съ дѣтьми...

На нелѣпость всѣхъ моихъ затѣй открылъ мнѣ глаза отчасти самъ Давидъ, отчасти Ирэнъ... Наблюдая ея игры съ дѣтьми, я вскорѣ убѣдился, что какъ дѣти ни падки на всякаго рода забавы, ихъ, однако, гораздо больше волнуетъ какой-нибудь трогательный или поучительный разсказъ. Эта маленькая женщина страстно любила дѣтей и всегда бывала окружена цѣлой кучей малышей, слушавшихъ ея

съ благоговѣніемъ... Она съ серьезнымъ и важнымъ лицомъ разсказывала имъ, какъ ведутъ себя настоящія маленькія леди и джентльмены. Ея слушатели были дѣти зажиточнаго класса, она же — недавній оборвышъ изъ Дрюри-Лейнъ... Но она была для нихъ авторитетомъ хорошаго тона, и чѣмъ больше они слушали, какъ опрятны были эти романтическіе герои Ирэнъ, какъ послушны, какъ старательно обходили лужи, тѣмъ больше восхищались ими, хотя выраженіе ихъ лицъ ясно говорило о томъ, что эти маленькія, благовоспитанныя маленькія леди и джентльмены представляются имъ недостижимымъ для нихъ идеаломъ...

Я сочинялъ для Давида много всякихъ сказокъ, обдумывалъ и репетировалъ ихъ передъ моимъ каминомъ, а Ирэнъ знала одну только сказку, но разсказывала ее изумительно... Другой такой сказочницы мнѣ никогда болѣе не приходилось слышать...

Это была очаровательная сказка и разсказывала ее сама героиня.

— А почему короля и королевы не было дома? — спрашивалъ Давидъ, едва дыша отъ волненія.

— Вѣроятно,—отвѣчала Ирэнъ, подумавъ немного,—они пошли покупать провизію...

Она всегда разсказывала эту сказку, глядя въ пространство, и Давиду казалось, что тамъ, на Широкой аллеѣ, дѣйствительно, происходятъ какія-то событія. И когда она доходила до самаго интереснаго мѣста, грудь ея высоко поднималась. Никогда я не забуду, съ какимъ обиднымъ презрѣніемъ принцъ говорилъ сестрамъ: — «Нѣтъ, ни одна изъ васъ не надѣвала этого хрустальнаго башмачка...»

— И тогда — и тогда — и тогда! — говорила Ирэнъ. Она не дѣлала эффектныхъ театральныхъ паузъ. Она волновалась потому, что она разсказывала свою собственную повѣсть...

— Ну, ну — ну... скорѣй! — нетерпѣливо стоналъ Давидъ, хотя зналъ сказку на память.

— Она сѣла... такъ — вотъ сѣла, — въ самозабвеньи, какъ ясновидящая, продолжала Ирэнъ, — и надѣла хрустальный башмачекъ... онъ пришелся ей какъ разъ по ногѣ... И тогда принцъ громко крикнулъ: «Вотъ она, моя невѣста, Золушка! И теперь я поведу ее подъ вѣнецъ...»

Ирэнъ отрезвлялась, какъ послѣ долгихъ грезъ, и гордо озиралась кругомъ на важную публику, прогуливавшуюся по аллеямъ парка...

— Да, она была простой, грязной, бѣдной судомойкой, Золушка! Но честная и добрая и дождалась заслуженной

награды... — добавляла она прерывавшимся тихимъ голосомъ, и глаза ея влажно блестѣли...

Я убѣжденъ, что если бы въ это самое мгновеніе подлѣ нихъ появилась добрая фея и коснулась Ирэнъ своей рукой, Давидъ не столь удивился бы, сколько бы заинтересовался... Но я угадалъ тайну этой дѣвочки. Она знала, что въ наше время нѣтъ больше добрыхъ фей, но лелѣяла надежду, что если будетъ честной, хорошей дѣвочкой, то и она когда-нибудь будетъ настоящей барыней, какъ ея хозяйка, которую она обожала...

Это страшная, щемящая сердце тайна, — мечта дѣвочки, выросшей въ кварталѣ Дюри-Лейнъ. И сколько тяжкихъ препятствій предстояло ей одолѣть въ этомъ ужасномъ огромномъ городѣ. И какъ мало шансовъ у нея было на побѣду...

Помоги тебѣ Богъ, Ирэнъ!..

XII.

Прогулка по парку.

Если вы не будете знать Кенсингтонскаго парка такъ, какъ знаетъ его теперь Давидъ, то вамъ трудно будетъ слѣдить за нитью нашей повѣсти.

Кенсингтонскій паркъ находится въ Лондонѣ, гдѣ живетъ король, и дѣти ходятъ гулять въ паркъ каждый день... Но обойти весь паркъ рѣдко кому удается, потому что дѣти должны рано возвращаться домой. Возвращаться домой надо потому, что дѣти должны спать отъ двѣнадцати до часу. Если бы матери не считали необходимымъ этотъ полуденный сонъ, у дѣтей было бы больше времени знакомиться съ паркомъ...

Вдоль парка тянется всегда безконечная вереница омнибусовъ, которые такъ послушны Ирэнъ, что достаточно ей поднять только пальчикъ и они тотчасъ останавливаются. И тогда она благополучно переходитъ съ Давидомъ на другую сторону улицы. Въ оградѣ парка много, много воротъ, но Давидъ всегда проходитъ одними и тѣми же, и прежде чѣмъ войти, останавливается и болтаетъ немного съ женщиной, торгующей воздушными шарами. Она всегда сидитъ у воротъ и войти въ паркъ не рѣшается, потому что если бы она хотя на одинъ мигъ сняла руку съ желѣзной ограды, за которую крѣпко держится, то воздушные шары взлетѣли бы вверхъ и унесли ее съ собой. Она сидитъ прямо, прижавъ ноги къ землѣ, потому что

шары дергаются на бичевкахъ, и отъ напряженія у нея всегда красное лицо. Въ одинъ прекрасный день, у воротъ оказалась другая женщина, потому что прежнюю шары, въ концѣ концовъ, унесли таки на воздухъ... Давидъ былъ очень огорченъ, но разъ ей суждено было улетѣть, то онъ очень жалѣлъ, что не видѣлъ, какъ она улетала...

Паркъ занимаетъ огромное пространство, и деревьевъ въ немъ милліоны... Прежде всего вы входите въ Фиговую аллею, но отсюда тотчасъ и съ презрѣніемъ удаляетесь, потому что Фиговую аллею облюбовали для себя важничающіе маленькіе барчата, которымъ запрещено водить знакомство съ дѣтьми низшаго круга... Фиговой эта аллея называется, какъ гласитъ преданіе, потому, что дѣти здѣсь всегда одѣты съ иголочки... [1]

Давидъ и другіе герои Кенсингтонскаго парка презрительно называютъ этихъ франтовъ «фигами» — и перемываютъ имъ косточки. О нихъ разсказываютъ самыя невѣроятныя вещи... Они такъ невѣжественны, что игру «cricket» называютъ crickets»... [2].

Бываетъ, что какая-нибудь благонравная «фига» взбунтуется и перелѣзаетъ черезъ заборъ, какъ, напримѣръ, сдѣлала миссъ Мабель Грей, о которой рѣчь еще впереди. Это была единственная порядочная «фига», память о которой переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе...

Итакъ, минуя Фиговую, мы выходимъ на Широкую аллею. Она настолько же больше другихъ аллей и дорожекъ, насколько отецъ больше своихъ маленькихъ дѣтей. Давидъ спрашивалъ, родилась ли она тоже маленькой и потомъ росла, росла, пока стала совсѣмъ большой, и дѣтьми ли приходятся ей всѣ другія дорожки, и рисовалъ себѣ картину, которая очень смѣшила его: Широкую аллею—маленькой, совсѣмъ маленькой, и въ дѣтской колясочкѣ... На Широкой аллеѣ копошится самая пестрая малолѣтняя публика... Тутъ надо смотрѣть въ оба: то одинъ, то другой малышъ отбываетъ наказаніе подлѣ скамьи, изображающей что-то вродѣ лобнаго мѣста. Одни— за то, что были «бѣшеной собакой», другіе — за то, что были «Мэри-Анни»... Быть «Мэри-Анни» — значитъ вести себя, какъ дѣвченка—рюмить оттого, что няня на минуту отошла въ сторону, или сосать свой палецъ, и вообще —

---

[1] Непереводимая игра словъ: «Fig — фиговое дерево; dressed in ful fig—быть съ иголочки одѣтымъ.

[2] Cricket—игра; crickets—сверчокъ.

Примѣч. переводч.

быть «Мэри-Анни» это большой позоръ... А «бѣшеная собака» это значитъ брыкаться, давать пинки направо и налѣво, и надо сказать, что многіе находятъ въ этомъ большое удовольствіе...

Если бы я сталъ перечислять всѣ достопримѣчательности Широкой аллеи, мы бы и до половины ея за день не прошли... И потому, я только указываю моей тростью на дерево Чекко Юлетта, на замѣчательное мѣсто, гдѣ мальчикъ по имени Чекко потерялъ пенсъ и, разыскивая его, нашелъ два пенса. Съ тѣхъ поръ здѣсь производилось множество раскопокъ людьми, чаявшими клада... Немного дальше стоялъ маленькій деревянный домикъ, въ которомъ когда-то прятался Мармадукъ Перри... Это самая жуткая легенда Кенсингтонскаго парка. Въ теченіе трехъ дней Мармадукъ Перри былъ «Мэрри-Анни» и въ наказаніе его привезли въ паркъ, на Широкую аллею въ платьицѣ его сестры. Тогда онъ спрятался въ маленькомъ деревянномъ домикѣ и не выходилъ оттуда до тѣхъ поръ, пока ему не принесли его штанишки съ карманами...

Предметъ всеобщихъ вожделѣній это Круглый прудъ... Но няни не полагаются еще на здравый смыслъ своихъ воспитанниковъ и, отвлекая ихъ вниманіе отъ Круглаго пруда, водятъ къ Большому Пенсу или къ Дворцу маленькой дѣвочки... Это была самая красивая въ паркѣ дѣвочка. Она жила одна въ своемъ дворцѣ, окруженная штатомъ куколъ и нянекъ... Вставала она въ шесть часовъ, сама зажигала свѣчку, открывала дверь, и ее встрѣчали ликующими криками: «Да здравствуетъ королева Англіи!»— Давида больше всего поражало то, что она всегда помнила, гдѣ лежатъ спички... А Большой Пенсъ—это была воздвигнутая въ честь ея статуя...

Холмъ—это мѣсто на Широкой аллеѣ, гдѣ играютъ большія дѣти... Здѣсь происходятъ непрерывныя ристалища. У васъ, напримѣръ, нѣтъ никакого желанія бѣгать, но едва вы приходите къ этому мѣсту, вами овладѣваетъ какой-то бѣсъ, и вамъ уже не стоится, вы начинаете бѣгать вслѣдъ за другими... Но иногда силы измѣняютъ вамъ и тогда—крышка! Вы погибли... Но къ счастью, въ двухъ шагахъ отъ Холма—другой деревянный домикъ—«Убѣжище для заблудившихся»... Вы говорите маленькому сторожу, что вы заблудились, и онъ указываетъ вамъ дорогу... Весело мчаться внизъ съ вершины холма, но, увы, въ вѣтреные дни это удовольствіе недоступное—потому что въ вѣтреные дни мы сидимъ дома, и вмѣсто насъ съ холма летятъ внизъ падающіе съ деревьевъ листья.

И, сидя дома, мы мечтаемъ о томъ, какъ красиво летятъ съ холма увядшіе листья...

Съ Холма мы видимъ ворота, названныя по имени миссъ Мабель Грей, той самой «фиги», о которой я обѣщалъ вамъ разсказать... Съ ней всегда приходили двѣ няни— быть можетъ, впрочемъ, одна изъ нихъ была мама, а другая — настоящая няня... И долгое время это была примѣрная благонравная дѣвочка, всегда покашливавшая, всегда вѣжливо говорившая другимъ «фигамъ»—здравствуйте... А играла она—это надо было видѣть!.. Подбросить чуть-чуть мячикъ и посылаетъ няню поднимать его... Но въ одинъ прекрасный день ей все это надоѣло, и она превратилась вдругъ въ «бѣшеную собаку»... Чтобы никакого сомнѣнія быть не могло въ томъ, что она, дѣйствительно, бѣшеная собака, она первымъ дѣломъ развязала шнурки у своихъ ботинокъ и стала показывать языкъ—на востокъ, на западъ, на сѣверъ, на югъ... Затѣмъ, бросила свой поясъ въ лужу и принялась отплясывать дикій танецъ.

Она плясала въ лужѣ до тѣхъ поръ, пока не забрызгала себя грязью съ головы до ногъ. Тогда она влѣзла на ограду, гдѣ продѣлала еще тысячу невѣроятныхъ вещей. Наконецъ бросилась къ воротамъ, названнымъ позднѣе ея именемъ, и побѣжала по улицамъ, въ которыхъ мы съ Давидомъ не были никогда, хотя до насъ не разъ доносился ихъ глухой гулъ... Мабель Грей неслась безъ передышки изъ одной улицы въ другую и, вѣроятно, исчезла бы безслѣдно, если бы мать ея не вскочила въ омнибусъ и не догнала ее... Все это случилось, долженъ добавить, давнымъ-давно, и Давидъ не имѣлъ удовольствія лично знать эту миссъ Мабель Грей.

По правую руку отъ Широкой аллеи идетъ Дѣтская аллейка, на которой всегда столько колясочекъ, что вы могли бы шагать по малышамъ, какъ по ковру, если бы няньки ничего противъ этого не имѣли... Отсюда узкая дорожка, — Мальчикъ-съ-пальчикъ, — ведетъ къ Закусочной аллеѣ, всегда заставленной котелками и бутылками... Когда дѣти пьютъ молоко или воду, въ кружки ихъ падаетъ каштановый цвѣтъ.

Затѣмъ, мы подходимъ къ колодцу св. Говора, который полонъ былъ воды, когда въ него упалъ Малькольмъ Смѣлый... Онъ былъ любимцемъ своей матери, и такъ какъ она была вдова, то онъ позволялъ ей обнимать себя при постороннихъ... Онъ былъ большимъ охотникомъ до всякихъ приключеній и любилъ играть съ трубочистомъ, который

убилъ на своемъ вѣку много, много медвѣдей... Трубочиста звали Сути. Однажды они играли оба подлѣ колодца. Малькольмъ по неосторожности своей упалъ въ колодецъ и навѣрно-бы утонулъ, если-бы Сути не нырнулъ въ воду и не вытащилъ его. Въ колодцѣ съ трубочиста сошла вся грязь, и Малькольмъ узналъ въ немъ своего давно умершаго отца... И съ той поры онъ не позволялъ больше своей мамѣ обнимать себя при постороннихъ...

Между колодцемъ и Круглымъ прудомъ находятся площадки для крокета, но на ней никто, обыкновенно, не играетъ. Препирательства о томъ, гдѣ кому играть, длятся такъ долго, что до самой игры рѣдко доходитъ дѣло... Въ паркѣ ведется двоякаго рода игра въ крокетъ: одна подъ именемъ «мальчишескій крокетъ» — это настоящій крокетъ съ настоящими молотками; и «дѣвочкинъ крокетъ» — тутъ играютъ вмѣсто молотковъ ракетками и подъ наблюденіемъ боннъ.

Дѣвочки совершенно не умѣютъ играть въ крокетъ, и когда Давидъ наблюдаетъ ихъ безпомощныя потуги, онъ не можетъ удержаться отъ ироническихъ восклицаній... И, однако, одна его прогулка ознаменовалась весьма неблагопріятнымъ происшествіемъ. Нѣсколько бойкихъ дѣвочекъ стали подтрунивать надъ свитой Давида, а одна изъ дѣвочекъ вступила даже съ ними въ состязаніе и... Но я лучше умолчу о результатахъ этого злополучнаго матча... Поспѣшимъ къ Круглому пруду. Это главный нервъ жизни Кенсингтонскаго парка...

Онъ находится въ самой срединѣ парка, и придя къ нему, вы никуда уже больше уходить не хотите. Подлѣ Круглаго пруда невозможно оставаться чистенькимъ опрятнымъ мальчикомъ. На Широкой аллеѣ, и на другихъ аллеяхъ это еще возможно, но никакъ не подлѣ Круглаго пруда. Просто потому, что здѣсь вы объ этомъ тотчасъ забываете, а когда вспоминаете, на васъ все такъ грязно и мокро, что всякія предосторожности уже излишни... Иные пускаютъ на Круглый прудъ такія большія лодки, что привозятъ ихъ съ собой въ тачкахъ или въ колясочкахъ, и тогда дѣти плетутся въ паркъ пѣшкомъ... Кривоногія дѣти въ паркѣ это и есть дѣти, которыя ходятъ въ паркъ пѣшкомъ, потому что отцы возятъ на нихъ колясочкахъ лодки...

Кто не мечталъ о яхтѣ на Кругломъ пруду? Раньше или позже какой-нибудь дядя, конечно, осуществляетъ это завѣтное желаніе... Возить ее въ паркъ, спускать на прудъ, и разсказывать о ней мальчикамъ, у которыхъ нѣтъ дядей, —

а вѣдь это же блаженство!.. Но потомъ яхта пріѣдается, и ее оставляютъ дома... Изъ всѣхъ судовъ, совершающихъ рейсы по Круглому пруду, самое очаровательное это — узенькая лодочка, сколоченная изъ палокъ... Иногда это даже просто палка. Вы спускаете ее въ прудъ на бичевкѣ, бѣгаете вдоль берега, тащите ее по водѣ и видите, какъ, словно по волшебству, вздымаются и надуваются на вѣтру паруса, какъ снуютъ люди на палубѣ, а на ночь уводите ее въ надежныя гавани, недоступныя для великолѣпныхъ яхтъ. Быстро проходитъ ночь, и опять ваше чудесное судно съ наклонными мачтами выпрямляетъ свои паруса, нагружается хлѣбомъ, и вы мчитесь мимо забытыхъ городовъ, сражаетесь съ пиратами и бросаете якорь у коралловыхъ острововъ. И все это вы продѣлываете одинъ, потому что вдвоемъ это не такъ интересно, и разговариваете все время тоже съ самимъ собою, сами отдаете приказанія, и съ отчаяннымъ рвеніемъ сами же ихъ исполняете. Вы забываете обо всемъ на свѣтѣ, и о томъ, что пора возвращаться домой, и о томъ, гдѣ вы находитесь и кто надуваетъ ваши паруса. Казна ваша, всѣ ваши сокровища спрятаны въ трюмѣ судна, и, быть можетъ, какой-нибудь другой мальчикъ много лѣтъ спустя найдетъ и откроетъ вашъ драгоцѣнный ларчикъ. Но на яхтахъ нѣтъ сокровищъ въ трюмѣ. И мы вспоминаемъ съ радостью любимыя въ дѣтствѣ мѣста не потому, что съ ними связаны воспоминанія о великолѣпныхъ яхтахъ... О, нѣтъ...

Самыя радостныя воспоминанія связаны съ лодочкой, сколоченной изъ палочекъ... Яхты — это игрушки, и собственники ихъ никогда въ дальнихъ плаваніяхъ не бывали. Они скользятъ вдоль и поперекъ пруда, а лодочки изъ палокъ совершаютъ морскіе рейсы... Что толку въ яхтахъ? Это все случайные, мимолетные гости, и если-бы утки сдѣлали на нихъ всѣхъ нападеніе и потопили-бы ихъ, ничего отъ этого не измѣнилось бы. Плаваніе настоящихъ судовъ шло бы своимъ порядкомъ...

Тропинки тянутся къ пруду со всѣхъ сторонъ, какъ дѣти. Иныя изъ нихъ—обыкновенныя тропинки съ изгородью по одной сторонѣ, сдѣланныя рабочими въ блузахъ, а другія тропинки — ничьей рукой не проложены, и мѣстами онѣ шириною съ большое блюдо, а мѣстами такъ узки, что двѣ подошвы едва умѣщаются на нихъ. Ихъ называютъ самодѣльными тропинками, и Давиду очень хотѣлось видѣть, какъ онѣ сами прокладываютъ себя. Но какъ и всѣ чудеса въ паркѣ, это тоже происходитъ ночью, очевидно, послѣ

того, какъ запираютъ ворота. Мы рѣшили, что тропинки сами прокладываютъ себя потому, что иначе имъ бы попасть къ Круглому пруду...

Одна изъ этихъ тайныхъ тропинокъ тянется отъ того мѣста, гдѣ стригутъ овецъ. Когда Давиду снимали кудри въ парикмахерской, онъ даже бровью не шевельнулъ, и Мэри съ того дня никогда уже не улыбалась больше прежней беззаботной улыбкой. Поэтому Давидъ презираетъ овецъ, убѣгающихъ отъ своихъ парикмахеровъ, и насмѣшливо кричитъ: Трусишки!.. Трусишки!.. Но когда стригуны сжимаютъ бѣдную овцу между колѣнъ, Давидъ грозитъ кулакомъ за жестокое обращеніе... Но вотъ, наконецъ, съ овецъ падаетъ грязная шерсть, и онѣ становятся похожи на декольтированныхъ дамъ въ театральныхъ ложахъ. Онѣ такъ боятся стрижки, овцы, что блѣднѣютъ и худѣютъ, и вырвавшись изъ рукъ своего мучителя, тотчасъ же съ тревогой принимаются щипать траву, словно боялись, что имъ никогда уже не приведется наслаждаться ею... Давида очень занимаетъ, узнаютъ ли онѣ другъ друга теперь, когда такъ измѣнились, и не станутъ ли онѣ вдругъ драться вовсе не съ тѣми, съ которыми затѣяли ссору до стрижки... Онѣ большія драчуньи и совершенно непохожи на деревенскихъ овецъ, и это ежегодно приводитъ въ изумленіе моего Портоса.

Онъ можетъ обратить въ бѣгство цѣлое стадо деревенскихъ овецъ однимъ своимъ появленіемъ на улицѣ, но эти городскія овцы подходятъ къ нему съ видомъ, менѣе всего сулящимъ какія-либо пріятныя развлеченія, и въ памяти Портоса тотчасъ вспыхиваетъ воспоминаніе о прошлогодней встрѣчѣ... Онъ не можетъ отступить назадъ, не роняя своего достоинства,—не останавливаясь и оглядываясь кругомъ, словно восхищенный открывшейся передъ нимъ картиной, онъ равнодушно, съ видомъ празднаго фланера, уходитъ дальше, поглядывая на меня украдкой...

Недалеко отъ площади, гдѣ стригутъ овецъ, лежитъ хорошенькое озеро Серпантинъ, съ затонувшимъ въ немъ лѣсомъ. Если наклониться надъ водою, то можно видѣть деревья, растущія тамъ вверхъ ногами, и говорятъ, что ночью видны и затонувшія въ озерѣ звѣзды... Если это правда, то Питеръ Пэнъ видитъ ихъ каждый вечеръ, когда плыветъ по озеру въ Гнѣздо дроздовъ. Въ самомъ паркѣ находится только часть озера Серпантинъ, а дальше оно голубѣетъ уже за мостомъ, гдѣ находится и островъ, на которомъ рождаются всѣ птички, превращающіяся потомъ въ маленькихъ дѣвочекъ или мальчиковъ... Ни одно человѣческое существо

а исключеніемъ Питера Пэна — а онъ существо получеловѣческое—не можетъ причаливать у этого острова, но вы можете написать, что хотите, на клочкѣ бумаги—хочу быть мальчикомъ или дѣвочкой, бѣлокурымъ или брюнетомъ, — сунуть записку въ судно и пустить его на воду... Когда спустится сумерки, Питеръ Пэнъ непремѣнно записку вашу получитъ...

А теперь мы возвращаемся домой, хотя намъ очень хотѣлось-бы побывать еще во многихъ мѣстахъ. Я съ удовольствіемъ долго еще водилъ-бы Давида по парку и присаживался съ нимъ на каждой скамьѣ, какъ м-ръ Сальфордъ. Мы называли его такъ потому, что онъ разсказывалъ намъ о какомъ-то миломъ его сердцу городкѣ Сальфордъ, въ которомъ родился. Это былъ маленькій сморщенный старичокъ, бродившій по цѣлымъ днямъ по парку отъ одной скамьи къ другой, въ поискахъ человѣка, который знаетъ его родной городокъ Сальфордъ... Мы уже знали его цѣлый годъ, когда однажды случайно разговорились съ другимъ старичкомъ, который когда-то провелъ два дня въ Сальфордѣ. Это тоже былъ тихій застѣнчивый старичокъ. Адресъ своей квартиры онъ закладывалъ на донышко своей шляпы и, въ какую бы часть Лондона ни отправлялся, онъ всегда шелъ къ Вестминстерскому аббатству, и только съ этого мѣста находилъ дорогу туда, куда ему нужно было... Мы съ торжествомъ повели его къ нашему пріятелю, и надо было видѣть, съ какой жадной радостью м-ръ Сальфордъ накинулся на него. Они крѣпко подружились, и м-ръ Сальфордъ, — онъ обыкновенно говоритъ за двоихъ, — всегда держитъ своего новаго пріятеля за полу сюртука...

По пути къ воротамъ мы пройдемъ еще мимо Собачьяго кладбища и Гнѣзда зябликовъ... Такъ какъ Портосъ всегда съ нами, то мы дѣлаемъ видъ, что Собачьяго кладбища не замѣчаемъ. На гнѣзда же зябликовъ мы набрели самымъ удивительнымъ образомъ. Мы искали въ кустахъ залетѣвшій куда-то шерстяной шарикъ Давида, и вмѣсто шарика нашли прелестное чистенькое гнѣздо, тоже выстланное шерстью, а въ гнѣздѣ оказалось четыре яйца, въ царапинкахъ, очень напоминавшихъ почеркъ Давида... И мы подумали даже, что это нѣжныя письма матери къ маленькимъ птенчикамъ, не вылупившимся еще изъ яицъ... Мы стали каждый день навѣщать это гнѣздо, съ предосторожностями, конечно, дабы злые мальчики не пронюхали о нашихъ посѣщеніяхъ, бросали крошки хлѣба въ гнѣздо, и птичка вскорѣ подружилась съ нами, и когда мы приходили, привѣтливо погляды-

вала на насъ... Но однажды мы нашли въ гнѣздѣ только
яйца, а на слѣдующій день ни одного не оказалось. Бѣд
птичка кружила надъ кустами, и смотрѣла на насъ съ п
чальнымъ укоромъ—она, очевидно, считала насъ виновн
ками своего несчастья, и это было обидно и мучительн
Давидъ долго объяснялъ ей, что мы тутъ ни при чемъ, н
онъ такъ давно уже не говорилъ на птичьемъ языкѣ, чт
врядъ ли она могла его понять... Въ этотъ день мы ушли об
изъ парка съ красными глазами...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пер. съ англійскаго **А. Даманской.**

Inferno*).

(АДЪ).

Романъ Эдварда Штильгебауэра.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

— Императоръ объявилъ мобилизацію!

Это восклицаніе вырвалось изъ беззубаго рта рейнскаго плавщика лѣса, Іоста, поспѣшившаго подѣлиться столь чреватой послѣдствіями новостью со своимъ товарищемъ Мюлькелемъ, какъ только ихъ плоты столкнулись.

Іостъ спускался со своимъ плотомъ издалека. Въ Швейнфуртѣ на Майнѣ, гдѣ на высотахъ Шпессарта были срублены и связаны въ плоты большія ели, ему пришлось спустить ихъ по крутымъ порогамъ. Теперь Ашаффенбургъ, Франкфуртъ и Хёхстъ остались позади, онъ только что сдѣлалъ поворотъ вблизи Густавсбурга и, разставшись съ желтыми струями Майна, поплылъ по прозрачнымъ, зеленоватымъ волнамъ Рейна. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ ничего не слышалъ, проносясь вдоль береговъ рѣки, и только сегодня утромъ во время отдыха, закусывая въ кабачкѣ, услыхалъ вѣсть, которая вотъ уже нѣсколько дней держала въ напряженіи народы обоихъ полушарій.

— Да неужто? — крикнулъ въ отвѣтъ съ своего плота Мюлькель.

Онъ стоялъ на стволахъ, которые долго лежали въ Рюдесхеймѣ и которые теперь тащилъ вверхъ по теченію буксирный пароходъ. Мюлькель былъ въ пути съ самаго Роттердама, и тяжелая, напряженная работа измучила его.

— Такъ онъ объявилъ? — крикнулъ онъ еще разъ.

Плоты беззвучно проскользнули другъ мимо друга. Одинъ спускался съ баварскихъ горъ, а другой поднимался вверхъ по теченію отъ самаго моря.

— Pfüat di Gott! — пронесся прощальный привѣтъ баварца надъ сверкающей въ августовскихъ солнечныхъ лучахъ поверхностью рѣки, въ водахъ которой отражался

*) Романъ печатается въ сокращенномъ видѣ.

древній соборъ старой резиденціи курфюрстовъ и ар-
хиепископовъ.

Что за движеніе происходило въ стѣнахъ этого горо-
Вѣдь въ немъ тѣснится одна казарма возлѣ другой;
изъ стѣнъ казармъ выходилъ одинъ батальонъ за другимъ.
Безпрерывно формируются они и движутся въ одномъ на-
правленіи, словно неудержимый потокъ, готовый затопи-
сосѣднюю Францію, границу которой ограждаютъ горы.

Въ какіе-нибудь двадцать четыре часа городъ на Рей-
извергъ цѣлую армію вооруженныхъ людей.

Казармы соединены невидимыми нитями съ кажды-
домомъ. Вездѣ упаковываютъ, собираются въ путь, проща-
ются. На улицахъ и во дворахъ, окружающихъ древ-
соборъ, гдѣ въ темныхъ закоулкахъ ютится бѣднота, -
изящныхъ виллахъ и роскошныхъ дворцахъ, на красиво-
набережной Рейна и на главной улицѣ — вездѣ проходи-
невидимыя нити, соединяющія всѣхъ.

На аллеѣ, идущей вдоль Рейна, стоитъ элегантный дом-
Онъ въ стилѣ англійскихъ загородныхъ виллъ, и выстроен-
нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Его окружаетъ роскошны-
садъ, въ которомъ пестрѣютъ цвѣты, распустившіеся
всей своей зрѣлой красотѣ.

Три года назадъ майоръ Беркерсбургъ купилъ это-
домъ у богатаго фабриканта, который переселился
Берлинъ. И около трехъ лѣтъ назадъ майоръ, возврат-
изъ брачнаго путешествія, въѣхалъ въ свой новый до-
вмѣстѣ съ молодой женой Мелани, урожденной фонъ-Фал-
кенштейнъ, которая была на цѣлыхъ двадцать лѣтъ моло-
своего мужа.

Она происходила изъ очень аристократическаго,
обѣднѣвшаго рода, съ давнихъ временъ владѣвшаго обши-
нымъ помѣстьемъ невдалекѣ отъ Вержболово, у русско-
границы. Майоръ, другъ отца Мелани, сдѣлавшійся ми-
ліонеромъ, благодаря удачнымъ спекуляціямъ, посва-
тался за дочь своего друга, блиставшую красотой, но бѣ-
дную. Мелани любила другого; она была уже почти невѣст-
молодого талантливаго композитора Адольфа. Однак-
уступая настояніямъ отца, которому грозило раззореніе, о-
съ болью въ сердцѣ дала согласіе майору Беркерсбургу.

Мелани фонъ-Беркерсбургъ, стоя на балконѣ, любо-
лась дивнымъ ландшафтомъ, щедро озареннымъ августо-
скимъ солнцемъ. Она смотрѣла на сверкающую поверхнос-
Рейна, вспоминая, какъ еще недавно совершала увеселите-
ныя прогулки по Рейну на пароходѣ въ обществѣ беззаб-

ныхъ людей, какъ весело звучалъ оркестръ музыкантовъ, игравшихъ вальсы, кэкъ-уоки и французскія капріоли... Да, да, нѣсколько дней тому назадъ нѣмецкій военный оркестръ на рейнскомъ пароходѣ игралъ французскія капріоли! Кто могъ бы этому повѣрить теперь?

Мелани провела рукой по своему бѣлому лбу. Казалось, будто она видитъ злой сонъ. Въ какомъ-то зловѣщемъ туманѣ передъ ней пронеслось все, что ей пришлось пережить за послѣднее время — начиная съ убійства въ Сараевѣ и кончая ультиматумомъ, предъявленнымъ Бѣлграду, вплоть до телеграммы, полученной вчера изъ Берлина.

Не сонъ ли все это?

Нѣтъ, это не былъ сонъ. Дѣйствительная жизнь слишкомъ громко и настойчиво напоминала о себѣ. По аллеѣ вдоль Рейна безконечной вереницей, съ громыханьемъ, тянулись возы, эскортируемые солдатами. Это изъ военныхъ складовъ везли въ казармы амуницію, оружіе, патроны. Патроны возили тысячами, сотнями тысячъ, цѣлыя подводы, одна за другой, все съ патронами!

Война съ Франціей!..

Мелани вспомнила, какъ она семнадцатилѣтней дѣвушкой проводила вмѣстѣ съ подругой подъ покровительствомъ одной пожилой дамы весну въ Парижѣ.

Парижъ весною! Прекрасный, обворожительный Парижъ!..

А вонъ тамъ по аллеѣ проходитъ батальонъ, марширующій подъ веселую музыку. Солдаты въ полномъ военномъ снаряженіи. Въ дула ихъ ружей воткнуты цвѣты, въ дула, изъ которыхъ смотритъ сама смерть. Они идутъ на враговъ... на враговъ... Парижъ!.. Парижъ!..

Ее пробуждаетъ стукъ въ дверь, и она уходитъ съ балкона въ свой будуаръ.

Дверь тихо растворилась, и на порогѣ появилась старая, вѣрная служанка майора, фрау Хофъ.

— Экспедиторъ пришелъ, сударыня.

— Уже?

— Да, онъ спрашиваетъ, отправлять ли весь багажъ на Вержболово? Вѣдь станціи Фалькенштейнъ нѣтъ.

— Разумѣется, фрау Хофъ. Пусть онъ отправляетъ все прямо на Вержболово.

— Три чемодана и семь сундуковъ?

— Да, три чемодана и семь сундуковъ, фрау Хофъ!

— Хорошо, я скажу экспедитору.

— Пожалуйста, фрау Хофъ.

Однако, старуха не уходила и мялась у дверей, точно у нея еще что-то было на душѣ.

— Вы хотите еще что-нибудь сказать? — спросила Мелани.

Послѣ нѣкотораго колебанія старуха сказала:

— Вѣдь Вержболово такъ близко отъ русской границы. Развѣ вы не боитесь туда ѣхать?

— Нѣтъ, фрау Хофъ, я не боюсь. Фалькенштейнъ, имѣніе моего отца, находится въ получасѣ ѣзды отъ Вержболова. Мой долгъ — быть теперь возлѣ моего стараго отца, разъ я не могу остаться съ мужемъ, какъ вы это сами знаете. Вотъ почему я и уѣзжаю въ Вержболово, а оттуда въ Фалькенштейнъ.

— Совершенно вѣрно, сударыня, — отвѣтила старуха, — но Вержболово все-таки находится на самой русской границѣ.

Мелани рѣшила перемѣнить разговоръ и спросила:

— Ну, а вы, фрау Хофъ, получили ли вы какія-нибудь извѣстія отъ вашей тетки изъ Фолькаха?

— Только сегодня утромъ, сударыня.

— Что же она вамъ пишетъ?

— Что я могу пріѣхать, что меня ждутъ, сударыня...

— Отлично! Такъ значитъ, и вы можете уѣхать завтра утромъ?

— Я уѣду, какъ только приведу все здѣсь въ порядокъ, сударыня. Да, никогда не думала я, что мнѣ придется такъ внезапно покинуть домъ господина майора. — При этихъ словахъ фрау Хофъ тяжко вздохнула. — Такъ я скажу экспедитору, чтобы онъ отправилъ ваши вещи прямо на Вержболово.

— Да, пожалуйста, фрау Хофъ, — отвѣтила Мелани и, не обращая больше вниманія на старую экономку своего мужа, повернулась къ письменному столу.

На слѣдующій день рано утромъ выступалъ полкъ ея мужа. Съ этимъ же полкомъ уходилъ и Адольфъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ Адольфъ, талантливый композиторъ, долженъ былъ прервать свою музыкальную карьеру изъ-за недостатка средствъ и пойти въ военную школу. Теперь онъ былъ ротнымъ командиромъ въ батальонѣ, которымъ командовалъ майоръ. Въ это утро Мелани получила отъ него записочку, въ которой онъ обѣщалъ придти съ ней попрощаться. Но до его прихода она хотѣла еще кое-что привести въ порядокъ.

Она выдвинула ящикъ стола, вынула изъ него пачку писемъ, съ которыми она до сихъ поръ никогда не разста-

лась. Но теперь, когда ей надо было отправляться въ далекій путь, на границу Россіи, она не могла быть увѣрена, въ чьи руки попадутъ эти письма, и рѣшила уничтожить ихъ. Она стала бѣгло просматривать ихъ одно за другимъ и затѣмъ рвала и бросала въ корзинку. Она знала наизусть всѣ эти письма, въ сущности, такія невинныя, говорившія объ одной весенней любви, о молодомъ счастьѣ, которое умерло, не успѣвъ расцвѣсть. Письма эти относились къ тому времени, когда Адольфъ писалъ ей изъ Берлина въ Фалькенштейнъ. Въ нихъ онъ робко говорилъ о своемъ чувствѣ и предлагалъ ей свою руку. Это было какъ разъ тогда, когда въ имѣніи ея отца появился майоръ, и Мелани должна была принести себя въ жертву, чтобы спасти отца...

Дверь съ шумомъ растворилась.

Мелани вздрогнула и оглянулась. Въ комнату вошелъ майоръ въ походной формѣ, въ высокихъ сапогахъ, волоча по смирнскому ковру саблю.

— Какой безпорядокъ у тебя здѣсь! Что ты дѣлаешь? — спросилъ онъ.

— Я заканчиваю счеты съ прошедшимъ, — отвѣтила она тихо.

— А... вотъ какъ... Я забылъ здѣсь второпяхъ одну бумагу.

— Пожалуйста, — сказала Мелани, вставая съ мѣста.

— Не безпокойся... Вотъ она... Когда мы ужинаемъ?

— Какъ ты распорядился, въ восемь, ровно въ восемь, — отвѣтила она, не глядя на него.

— Прекрасно, ровно въ восемь... Ты себѣ представить не можешь, сколько у меня хлопотъ, мое дитя!

Мое дитя!... Она улыбнулась. Такъ онъ всегда называлъ ее, когда бывалъ въ милостивомъ настроеніи духа.

— Вѣдь я могу еще и послѣ ужина зайти въ казармы. Невѣроятно много дѣла. Трудно было ожидать этого, вѣдь уже за много мѣсяцевъ все было готово, и все-таки...

— У насъ къ ужину гость, — замѣтила она робко.

— Что же, дитя моя, у насъ всегда гость... Адольфъ... Адольфъ изъ восьмой роты, добрый Адольфъ, музыкальный геній... Почему бы ему отсутствовать въ этотъ послѣдній вечеръ? До свиданья!..

Съ этими словами майоръ вышелъ.

Мелани снова погрузилась въ чтеніе старыхъ писемъ.

II.

До прихода Адольфа оставалось еще добрыхъ полчаса. Мелани успѣла уже уничтожить всѣ письма отъ перваго до послѣдняго, не пощадивъ ни одного.

Она сѣла за рояль и заиграла англійскую народную пѣсню.

Въ дверяхъ появился Адольфъ.

Это былъ блондинъ лѣтъ тридцати шести, въ расцвѣтѣ силъ, полный контрастъ майору. У него мягкіе волнистые волосы. Мелани знала, что они мягкіе: когда-то давно, въ горькую минуту разлуки, она нѣжно провела рукой по этимъ волосамъ... Его голубые глаза смотрѣли ясно и открыто. Руки его отличались необыкновеннымъ изяществомъ и, казалось, были созданы для клавишъ.

Странно, по внѣшности Адольфъ походилъ гораздо больше на англичанина, чѣмъ на прусскаго офицера.

Мелани это сходство и раньше приходило въ голову, и сегодня оно заставило ее улыбнуться: вѣдь теперь все, что хоть сколько-нибудь говорило объ Англіи, должно быть ненавистно. И тутъ она еще вспомнила, — Адольфъ самъ говорилъ ей какъ-то, — что мать его была англичанка... какъ и мать того, кто объявилъ мобилизацію.

Высокая, стройная фигура офицера склонилась передъ ней, и онъ медленно поднесъ ея руку къ губамъ.

— Не подарите ли вы мнѣ нѣсколько минутъ, сударыня? Вѣдь это будетъ послѣдняя наша бесѣда, прежде чѣмъ...

— Прежде чѣмъ вы отправитесь на войну, господинъ Адольфъ?

Онъ улыбнулся.

— Ахъ, нѣтъ! Прежде чѣмъ возвратится вашъ супругъ, сударыня.

— Неужели вы сомнѣвались въ этомъ, господинъ Адольфъ?

Они сѣли за круглый столъ, и нѣкоторое время царило неловкое молчаніе.

Часы на каминѣ пробили три четверти восьмого.

— Осталось только пятнадцать минутъ, — произнесъ онъ тихо.

Она повторила покорно:

— Пятнадцать минутъ...

— Беркербургъ очень пунктуаленъ, — прибавилъ онъ.

— Да, онъ — сама пунктуальность.

— Мелани, — началъ Адольфъ рѣшительно, — вы мнѣ никогда не говорили, почему все такъ сложилось... Да я васъ никогда объ этомъ и не спрашивалъ. Но теперь

я прошу васъ... Нашъ полкъ выступаетъ завтра въ половинѣ шестого утра...

— Уже въ половинѣ шестого?..

— Да, Мелани, у насъ осталось немного времени.. Такъ скажите же, почему же все такъ сложилось? — спросилъ онъ еще разъ.

Едва слышно, со слезами въ голосѣ она сказала:

— Вы спрашиваете, почему я тогда въ Фалькенштейнѣ?..

— Да, да, Мелани!..

— Во время маневровъ?..

— Да, во время маневровъ! Что случилось въ тотъ осенній вечеръ, когда вы велѣли мнѣ ждать васъ у лебединаго пруда, при закатѣ солнца? Вы хотѣли сказать мнѣ какую-то правду, но я такъ до сихъ поръ ничего не узналъ. Теперь же, передъ разлукой навѣки, я считаю себя вправѣ узнать это.

— Разлука... навѣки, мой другъ?

— Вы поняли меня вѣрно, я не вернусь ужъ больше...

— Адольфъ!

— Нѣтъ, я знаю, что не вернусь. Потому то я и хочу... я долженъ узнать правду... для этого я и пришелъ сегодня къ вамъ, Мелани, вы сами только что сказали, что Беркерсбургъ — сама пунктуальность. Намъ остается еще какихъ-нибудь десять минутъ... Мелани, въ тотъ вечеръ, въ паркѣ вашего отца, у лебединаго пруда... вы сказали стихи Гейне...

— Какіе стихи, Адольфъ?

— Помните... «Пѣснь лебединая умолкла»... а потомъ...

— Что потомъ?

— Потомъ вы прибавили: «Она умолкла навсегда... навсегда... не спрашивайте меня ничего... но она умолкла навсегда»... Вы разрыдались и убѣжали такъ быстро, что я не могъ васъ нагнать. Скажите, почему все это такъ вышло? Почему?

— Не спрашивайте меня, не спрашивайте и сегодня, Адольфъ! Вы мучаете меня и... мнѣ стыдно.

— Мелани, я иду на смерть. Сегодня я имѣю право узнать это.

— Почему вы думаете, что идете на смерть, мой другъ? Съ вами отправляются туда же сотни тысячъ, и сотни тысячъ возвратятся благополучно домой побѣдителями.

— Только не я. Я потерялъ свое счастье тогда, Мелани, я былъ побѣжденъ, когда вы дали ваше согласіе Беркерсбургу. Вотъ почему мнѣ никогда уже больше не вернуться

побѣдителемъ! Скажите, почему вы такъ поступили, Мелани? Сегодня вы должны мнѣ отвѣтить на это, мой другъ! Сегодня... потому что я иду на смерть!

Она смотрѣла на него растеряннымъ, испуганнымъ взглядомъ.

Онъ тоже не сводилъ съ нея своихъ голубыхъ глазъ, въ которыхъ была написана глубокая любовь, и ждалъ отвѣта.

Послѣ минуты молчанія Мелани вдругъ встала и сказала:

— Хорошо, я скажу вамъ все, Адольфъ!

— Сдѣлайте это, Мелани! Тогда я могу безъ чувства горечи разстаться съ зеленымъ Рейномъ и со своей жизнью...

— Господинъ Адольфъ, я должна была такъ поступить... Понимаете ли вы, должна...

— Я не понимаю васъ!

— Если бы я отказала господину Беркерсбургу, мой отецъ погибъ бы. Вотъ все мое объясненіе.

— Все?

— Да, это все.

— Нѣтъ, объясните мнѣ хорошенько... я не понимаю...

— Это такъ просто. Кредиторы держали за горло моего отца, ему грозило полное раззореніе... Я была въ комнатѣ отца, прежде чѣмъ попросила васъ придти къ пруду, и...

— И?

— На письменномъ столѣ отца лежалъ револьверъ... Векселя могъ выкупить только господинъ фонъ-Беркерсбургъ... Мнѣ не оставалось другого выхода!

— И это правда?

— Богъ свидѣтель, что это истинная правда! Я должна была принести себя въ жертву... вѣдь я люблю также отца! Вы сердитесь на меня?

— Я никогда не сердился на васъ, Мелани!

— Теперь вы все знаете!

По лицу Адольфа прошла судорога, онъ опустился на колѣни передъ Мелани и приникъ своимъ лицомъ къ ея колѣнямъ. И вотъ она снова, какъ въ тотъ единственный разъ, нѣжно проводитъ своими дрожащими пальцами по его русымъ волосамъ. Она забываетъ все, гдѣ она и что она... Потомъ вдругъ она беретъ его голову обѣими руками, и губы ихъ соединяются въ горячемъ и долгомъ поцѣлуѣ...

Они вскочили и быстро стали по обѣ стороны стола, словно преступники, застигнутые врасплохъ. Часы начали

бить восемь, и въ комнату вошелъ майоръ. Онъ пристально посмотрѣлъ на обоихъ, но не сказалъ ни слова. Потомъ онъ снова повернулся къ двери и крикнулъ:

— Фрау Хофъ!

— Господинъ майоръ?

— Уже восемь часовъ. Вы всегда такъ пунктуальны. Ужинъ готовъ?

— Все готово, господинъ майоръ!

— Подайте вина... мозель, эльферъ... четыре бутылки! Я умираю отъ жажды!

— Слушаю, господинъ майоръ.

Беркерсбургъ дѣлаетъ знакъ рукой, указывая на дверь столовой, и Мелани и Адольфъ покорно направляются туда, словно подчиняясь приказанію.

III.

Мелани ставитъ на столъ вазу съ розами, которыя ей прислалъ утромъ Адольфъ, и фрау Хофъ подаетъ баранье жаркое.

Адольфъ бросаетъ украдкой благодарный взглядъ на хозяйку дома. Это не ускользаетъ отъ вниманія майора, онъ все видитъ, какъ видѣлъ и сцену въ гостиной. Но онъ ничѣмъ не выдаетъ себя, спокойно и старательно нарѣзая жаркое, хотя сердце его сжимаетъ долго сдерживаемая ревность. Именно сегодня она такъ больно гложетъ его, сегодня, когда недалекъ уже день итоговъ... не только между народами Европы.

Нарѣзая жаркое, майоръ нервно кусаетъ нижнюю губу. Наконецъ, онъ кладетъ окровавленный ломоть мяса на тарелку, протягиваетъ ее Мелани и говоритъ:

— Пожалуйста, Мелани, передай это нашему дорогому гостю.

Мелани не можетъ не замѣтить интонацію, съ которой ея мужъ произнесъ: «нашему дорогому гостю». Глаза майора сверкаютъ, и онъ съ жадностью опоражниваетъ стаканъ мозеля.

— Пей, Адольфъ, пей, дорогой другъ! — говоритъ онъ, наполняя стаканъ гостя до краевъ.

— Спасибо, Беркерсбургъ... осторожнѣе, ты льешь черезъ край...

— Не бѣда, — отвѣчаетъ хозяинъ дома. Онъ поднимаетъ свой стаканъ и чокается съ Адольфомъ.

По тѣлу Мелани проходитъ холодная струя. Звонъ стакановъ напоминаетъ ей бряцаніе сабель, которыя скоро обна-

жатся... онѣ уже обнажились по приказанію его величе
и нельзя вложить ихъ въ ножны, пока истребител
борьба не будетъ закончена.

Истребительная борьба!

Снова по тѣлу Мелани прошла холодная струя. Он
вспомнила она Парижъ со всѣми его красотами, вспомни
весну, проведенную тамъ... счастливо, незабвенное врем

— Ну, Адольфъ, какъ находишь ты вино? — спроси майоръ.

— Великолѣпно!

Наступило молчаніе, слышенъ былъ только лязгъ н жей и вилокъ. Несмотря ни на что, майоръ ѣлъ съ бо шимъ аппетитомъ. Мелани раздражала болѣе, чѣмъ когд нибудь, его привычка громко чавкать. Впрочемъ, сегодня все раздражало, все волновало.

Она очнулась отъ своихъ мыслей, увидя, что майоръ ей наполняетъ стаканъ.

— Спасибо, но я ничего не буду пить, — сказала он тихо.

Майоръ натянуто засмѣялся:

— Ничего? Но почему же? Чтобы испортить мнѣ н строеніе?

Мелани не хочетъ вступать съ нимъ въ пререканія этотъ послѣдній вечеръ. Она говоритъ:

— Если тобѣ этого такъ хочется, то я выпью.

— Хочется! Конечно, хочется! Какъ могъ бы я это не хотѣть сегодня, моя милая? Должны же мы въ этотъ по слѣдній вечеръ чокнуться другъ съ другомъ... ты, Адольф и я, чтобы выпить за побѣду, въ которой никто не сомнѣ вается, за радостное возвращеніе, моя дорогая, за будущую счастливую жизнь... втроемъ...

Слова такъ и льются изъ устъ майора.

— Какъ мнѣ этого не хотѣть?.. Вѣдь вся эта войн представляетъ собою маленькую прогулку верхомъ... ма ленькую гусарскую шутку... не правда ли, Адольфъ?

Адольфъ дѣлаетъ надъ собой усиліе и отвѣчаетъ:

— Разумѣется, это не болѣе, какъ маленькая прогулка гусарская шутка. Конечно, и я того же мнѣнія.

— Такъ чокнемтесь же другъ съ другомъ и выпьемъ за побѣду, въ которой никто не сомнѣвается, за радостное воз вращеніе, за счастливую будущую жизнь втроемъ! За твое здоровье, старый товарищъ!

Три вытянутыхъ руки поднялись надъ столомъ. Рука

...ни задрожала, когда ея стаканъ ударился о стаканъ ...а... Изъ ея рта вырвался тихій крикъ.

Стаканъ выскользнулъ изъ ея пальцевъ и разбился, зо...стая влага разлилась по ослѣпительно-бѣлой скатерти.

— Осколки, — говоритъ майоръ коротко, — все...ы осколки?

На звонокъ Мелани является фрау Хофъ и убираетъ ...олки стакана.

Адольфъ дѣлаетъ попытку обратить все въ шутку. Онъ ...ряетъ, что разбитый стаканъ въ такое мгновеніе означаетъ ...тье. Но съ трудомъ выжавъ изъ себя веселыя слова, ... сейчасъ же замолкаетъ. Между тѣмъ, фрау Хофъ ...ала со стола осколки, а также грязныя тарелки и постави... чистыя.

— Развѣ будетъ еще блюдо? — спрашиваетъ майоръ.

— Да, куры, — отвѣчаетъ Мелани коротко.

По лицу майора пробѣгаетъ злая усмѣшка. Онъ знаетъ, ... куры — любимое блюдо Адольфа, какъ баранье жар... его. Онъ говоритъ язвительно:

— Такъ ты постаралась, дитя мое, угодить на насъ ...къ?

— Да, — отвѣтила Мелани односложно.

Наступило долгое молчаніе. Общій разговоръ не завя...лся больше. Ужинавшіе лишь изрѣдка обмѣнивались ...ткими фразами. Когда подан быль кофе, майоръ спро... жену:

— Ты покончила со своими сборами, дитя мое? У тебя, ...рное, было много хлопотъ?

Она отвѣтила:

— Да... я покончила со всѣмъ!

— Вотъ какъ...

— Сытъ ли ты, мой другъ? — обратился майоръ къ ...ольфу.

— Еще бы! — отвѣтилъ офицеръ, хотя онъ едва до...гивался до блюдъ. — Намъ, должно быть, долго не при...тся такъ роскошно ужинать, хотя, судя по маневрамъ, ...ши походныя кухни очень хороши.

— Ну, — отвѣтилъ съ усмѣшкой майоръ, — увѣ...ютъ, что во французскихъ замкахъ столъ очень хорошъ, ... и погреба тамъ полны шампанскимъ.

Сказавъ это, онъ вдругъ быстро всталъ:

— Простите меня, но мнѣ придется еще разъ заглянуть ... казармы, — и онъ вышелъ изъ столовой.

* * *

Надъ Рейномъ взошла полная луна. Лучи ея соед няютъ Майнцъ съ Биберихомъ воздушными серебряны мостами. Вѣчно журчащія волны тихо напѣваютъ пѣсн которую Мелани такъ часто слышала. Она прислушивает къ ней и теперь, стоя рядомъ съ Адольфомъ на балконѣ. Н сегодня есть что-то новое въ этой пѣснѣ — въ этой пѣсн которая звучитъ по всей Германіи, съ Рейна до Мемеля, о Этша до Бельта. Нѣтъ, сегодня Мелани фонъ-Беркерсбур слышитъ другую, новую пѣсню.

То, что раньше ее такъ волновало, представляется ей эту прекрасную лѣтнюю ночь такимъ безразличнымъ. О осталась равнодушна къ тому, что майоръ будто нарочн оставилъ ее съ глазу на глазъ съ ея другомъ, который до женъ былъ покинуть ее. Она не боится больше мужа не боится и самой себя, ибо въ эти многознаменательныя минуты передъ ней встаетъ такъ много новаго, важнаго, она чувствуетъ это всѣмъ своимъ существомъ, держа рук друга въ своей...

Откуда-то издалека доносится пѣніе:

«Не знаю, что сталось со мною,
Что грустенъ, печаленъ такъ я...»

Она крѣпче сжимаетъ руку Адольфа. Нѣтъ, она ниче не боится больше! Она не испугалась бы даже, если б майоръ вдругъ появился на балконѣ и снова засталъ ихъ врасплохъ. Да и чего бояться въ такія мгновенія, ког знаешь, что десятки, сотни тысячъ умрутъ, а имена ихъ б дутъ забыты уже черезъ нѣсколько часовъ...

Она вздрагиваетъ. Онъ смотритъ на нее съ невыразим нѣжностью.

— Успокойтесь же, мой другъ!.. Что съ вами?..

— Ничего... я уже спокойна... Вѣдь вы, всѣ вы, идущ туда, спокойны. Вы идете съ цвѣтами въ рукахъ по мягко и цвѣтущему ковру этой прекрасной земли, словно на бр ное торжество!

— Что касается меня, мой другъ, то вѣдь это та именно и есть. Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ вашу тайну, тѣхъ поръ, какъ моя голова покоилась у васъ на колѣнях

— Это правда, мой другъ?

— Истинная правда!

— Такъ это, дѣйствительно, такъ!

— Что вы хотите сказать?

— Теперь мнѣ стало ясно, что великіе моменты с здаютъ новыя цѣнности.

— Да, вы правы. Въ теченіе долгихъ лѣтъ мысль о ва-
мъ мужѣ была для меня тяжкимъ бременемъ, и вотъ те-
рь съ моей души точно упала свинцовая тяжесть... точно
меня свалились цѣпи. Да, я не чувствую ихъ больше съ
минуты, какъ вы мнѣ сказали, что онъ васъ купилъ... и
вы никогда ему не принадлежали... ибо тѣмъ, что поку-
ютъ, не обладаютъ. Обладать можно только тѣмъ, что
обрѣтаешь побѣдой. Да, Мелани, побѣдой, на которую
мы сегодня надѣемся!

— Да, мой другъ, побѣдой, побѣдой! — повторяетъ
глядя на него сіяющими глазами.

Съ Рейна подуло прохладой. Адольфъ взялъ Мелани за
и сказалъ, увлекая ее въ комнаты:

— Вы простудитесь, стало свѣжо. Войдемте въ комнаты.

Она, какъ дитя, послушно послѣдовала за нимъ. Въ
о освѣщенной гостиной она остановилась и устремила на
о долгій взоръ, полный тревоги и беззавѣтнаго чувства.
Онъ тоже не сводилъ съ нея глазъ.

Вдругъ она быстро подошла къ своему письменному
лу, выдвинула одинъ изъ ящиковъ и достала оттуда ка-
й-то предметъ.

— Возьмите, возьмите это, — пролепетала она въ
евіи. — Тогда.... тогда я не имѣла больше права дать
ь это... вамъ, мой другъ... тогда...

Онъ посмотрѣлъ на фотографію, которую она ему про-
ула, и узналъ ея портретъ, который онъ просилъ у нея въ
номъ изъ писемъ... Да, да, такой она была тогда, пока
йное горе не наложило тѣни на ея бѣлый лобъ! Такой онъ
идалъ ее сперва въ Берлинѣ, а потомъ въ Фалькенштейнѣ,
еди пестрой осенней листвы парка.

Онъ приложилъ портретъ къ губамъ и потомъ спря-
ъ его во внутренній карманъ своей походной куртки.

— Сегодня я имѣла право, сегодня я должна была дать
мъ это, мой другъ! — воскликнула Мелани. — Вѣдь это
ожетъ служить вамъ талисманомъ... Вы возвратитесь по-
дителемъ... это можетъ быть для васъ защитой... не
равда ли?

И она съ короткимъ рыданіемъ бросилась въ его объятія
припала головой къ его груди.

— Защитой... защитой... — повторяла она, охваченная
рестнымъ и вмѣстѣ блаженнымъ чувствомъ. — Сегодня,
ой другъ, когда всѣ мѣрила потеряли свое значеніе, когда
е заново взвѣшивается и оказывается слишкомъ лег-
имъ... Сегодня, сегодня!

И онъ отвѣтилъ серьезно, съ благоговѣйнымъ
жденіемъ:

— Да, такъ это и будетъ, мой другъ!

Въ это мгновеніе изъ близъ лежащихъ казармъ до
сигналъ, который рѣзко нарушилъ тишину.

Мелани вздрогнула.

— Что это такое?

— Это заря, — отвѣтилъ онъ тихо.

— Заря? Вечеромъ, въ одиннадцать часовъ?

— Да, солдатамъ было разрѣшено поспать по
обѣда, а теперь ихъ будятъ. Ночью надо приготовляться
походу. Въ половинѣ шестого отходитъ поѣздъ. Эта
призываетъ и меня, мой другъ.

Съ этими словами онъ еще разъ хотѣлъ заключит
въ свои объятія, какъ вдругъ въ гостиную, словно т
скользнула фрау Хофъ.

— Что вамъ надо, фрау Хофъ? — спросила Мелани
раздраженіемъ.

— Вы меня извините, сударыня, — отвѣтила ст
служанка со слащавой улыбкой, — но вѣдь дверь з
рается въ одиннадцать часовъ, а, насколько я знаю, у го
дина ротнаго нѣтъ ключа отъ нашей двери.

При этихъ дерзкихъ словахъ Мелани вся вспыхн
хотѣла что-то возразить, но потомъ она подумала:

«Ахъ, не все ли равно! Вѣдь завтра всѣ мы, вс
зойдемся въ разныя стороны... и она, и мой другъ
майоръ!»

Адольфъ сказалъ съ ледянымъ спокойствіемъ:

— Я вамъ очень благодаренъ за напоминаніе, ф
Хофъ. Мнѣ было бы, дѣйствительно, очень непріятно бе
коить васъ, если бы дверь оказалась позже запертой.

— Да, господинъ майоръ разъ навсегда отдалъ пр
заніе запирать дверь ровно въ одиннадцать часовъ.

Не обращая больше вниманія на слова служа
Адольфъ повернулся къ Мелани и, отвѣсивъ низкій
клонъ, сказалъ офиціальнымъ тономъ:

— Прощайте, сударыня!

IV.

Изъ всѣхъ оконъ развѣваются флаги, словно горо
приготовился уже къ великимъ празднествамъ, словно
бѣда уже одержана! Воздухъ наполненъ металлическими
лосами колоколовъ собора и другихъ церквей.. А, ме
тѣмъ, войска только еще выступаютъ въ походъ!

Чувства Мелани въ смятеніи. Всю ночь послѣ ухода Адольфа она ни на минуту не сомкнула глазъ. Въ тревогѣ и волненіи ворочалась она въ постели, тщетно стараясь заснуть. Казалось, будто утро, котораго она такъ страстно ждала и въ то же время боялась, никогда не наступитъ. Милое утро! Но вотъ, оно, наконецъ, наступило.

Уже давно не раздѣляетъ она спальни съ майоромъ. Общая спальня была у нихъ только въ первый годъ ихъ супружества, когда майора привязывало къ ней нѣчто вродѣ чувственной страсти. Теперь его отношеніе къ ней измѣнилось. Она, пожалуй, и не помнитъ больше о какомъ бы то ни было соприкосновеніи съ нимъ. Она была капризомъ въ его жизни — и больше ничего. Спортомъ, который онъ могъ себѣ позволить и который, повидимому, ему уже давно надоѣлъ. Такимъ же спортомъ, какъ и всякіе другіе, спортомъ мужчины, который въ состояніи купить себѣ любовницу... Ахъ, да развѣ можно было ожидать чего-нибудь другого, разъ она думала только о револьверѣ на столѣ своего отца и о просроченныхъ векселяхъ!..

Наконецъ-то, занялся день! Надъ холмами, на правой сторонѣ Рейна, изъ моря тумана и испареній поднялся солнечный дискъ. Первый золотой лучъ робко заглянулъ въ одинокую спальню Мелани, напоминая ей о томъ, что и для нея насталъ часъ разлуки. Она думаетъ о томъ, что сегодня она должна уѣхать. Сперва въ Берлинъ, а потомъ въ Фалькенштейнъ къ отцу, на самую границу Россіи.

Когда Мелани, слегка вздрагивая отъ свѣжаго утренняго воздуха, въ одной ночной рубашкѣ, подошла къ открытому окну, она увидала подъ восходящимъ солнечнымъ шаромъ багровую пелену изъ тумана и испареній, опустившуюся на Рейнъ и на его берега, и ей показалось, точно все залито моремъ крови.

Майоръ уже ушелъ. Онъ попрощался коротко и сдержанно, какъ и всегда, когда садился на своего коня и отправлялся въ казармы.

— Будь здорова, дитя мое, и живи хорошо, — такъ сказалъ онъ ей сегодня, разставаясь съ ней. А ей казалось, что у ея ногъ разверзается пропасть и что цѣлый міръ погружается въ эту бездну... и въ то же время ей чудилось, будто гдѣ-то вдали едва слышно шумятъ золотыя крылья надежды на болѣе свѣтлое будущее...

Полкъ, въ которомъ служитъ майоръ, а также и Адольфъ, долженъ пройти на вокзалъ по аллеѣ вдоль Рейна мимо ея дома — Мелани знаетъ это и ждетъ. Свѣжій вѣтерокъ, доносящійся съ Рейна въ открытое окно, охватываетъ

ее, и она поводитъ плечами отъ холода. Она не даетъ се
времени накинуть на себя что-нибудь, она беретъ за край ш
рокую занавѣсь изъ пурпуроваго шелка, которой задрапир
вано окно, и закутывается въ нее. Шелкъ красивыми скл
ками облегаетъ ея тонкую, стройную фигуру, напоминая пу
пуровую тогу римскаго императора.

Но вотъ вдали послышались барабаны и флейты
Полкъ... полкъ выступилъ! Мелани видитъ, какъ изъ око
сосѣдней виллы высунулись служанки и вытягиваютъ ше
Въ рукахъ у нихъ цвѣты, которые онѣ готовятся бросить
улицу, когда появится полкъ. Флагъ, развѣвающійся
крышѣ виллы, надувается, словно готовъ разорваться от
радости... Полкъ приближается! Чему люди радуются, чт
празднуютъ сегодня? — думаетъ Мелани. — Побѣду? У
сегодня? Или же выступленіе войскъ навстрѣчу неизвѣс
ной участи?

Барабанная дробь и рѣзкіе звуки флейтъ все приближа
ются. Вотъ на улицѣ раздались громовые крики многот
сячной толпы. Мелани становится на цыпочки и выгляд
ваетъ на улицу. Вся улица черна отъ людскихъ головъ, вес
городъ сбѣжался сюда смотрѣть, какъ полкъ... какъ это
потокъ хлынетъ по направленію къ Франціи, чтобы зали
ее. Мужчины, женщины, старики, дѣти, юноши, молодыя д
вушки — всѣ собрались на улицѣ. Мелани видитъ цѣл
море волнующихся людскихъ тѣлъ. Этотъ неудержимый п
токъ напоминаетъ ей Рейнъ весною, когда онъ пролам
ваетъ своей могучей спиной ледяные оковы и выбрасывает
на берега глыбы льда, устраняя передъ собой всѣ препят
ствія, несясь все впередъ, все впередъ! И могучій пото
уничтожаетъ все на своемъ пути — сады, луга, поля, д
ревья и дома, не давая пощады никому и ничему! Таким
представляется ей и этотъ человѣческій потокъ на улиц
въ это роковое мгновеніе.

И надъ всѣмъ этимъ сіяетъ солнце, надъ всѣмъ этим
звучитъ металлическій голосъ собора! И вдругъ изъ люд
ского потока на улицѣ понеслась пѣсня, пѣсня, которую
пѣли тысячи и тысячи людей — старики своими надтресну
тыми голосами, молодыя дѣвушки, голоса которыхъ напоми
нали серебряный звонъ колокольчиковъ, юноши, вдохновен
ное пѣніе которыхъ разносилось мощной волной: «Deutsch
land, Deutschland über alles!..»

Наконецъ, Мелани увидала ряды солдатъ, шагавшихъ
ровно и отчетливо, словно на парадѣ.

Барабаны и флейты умолкаютъ, и начинаетъ играть пол
ковой оркестръ. Музыка грянула какъ разъ передъ домомъ

...ни — это милое вниманіе со стороны полкового коман-... подполковника фонъ-Траутмана, который такъ любилъ ...ть въ домѣ майора и бесѣдовать съ Мелани.

Мелани, задрапированная въ широкія складки пурпуро-... занавѣси, словно римскій императоръ въ тогу, высовы-...ся въ окно, насколько возможно, и привѣтствуетъ полкъ. ...ковникъ, верхомъ на прекрасной англійской лошади, опу-...етъ обнаженную саблю, и она улыбается ему, улыбает-...ской улыбкой, какъ на балахъ въ военномъ собраніи ...на званыхъ обѣдахъ, какъ будто этотъ полкъ идетъ ...не на смерть, а на какое-нибудь веселье. Да и дѣй-...тельно, солдаты идутъ точно на большое празднество: ...ла ружей воткнуты цвѣты, каски украшены вѣнками ...дубовыхъ листьевъ, въ свободной рукѣ они держатъ ... И всѣ радуются и ликуютъ, и солдаты, и народъ, со-...шійся проводить ихъ, будто и вправду это не военный ...дъ, а увеселительная прогулка.

Одна только Мелани не радуется. Она плотнѣе кутается ...пурпуровыя складки, точно ища въ нихъ убѣжища, и ...разъ кланяется. И вдругъ въ головѣ ея проносится:

«Ave, Caesar, morituri te salutant! Ave, Caesar, imperator, ave.»

...солдаты внизу идутъ, дробно отбивая ногами тактъ, ...за рядами, рота за ротой, батальонъ за батальономъ. ... сплоченные ряды въ это мгновеніе представляются ... несокрушимой силой, ей кажется, что эти колонны ...ты изъ стали и желѣза, что онѣ неуязвимы, не-...димы...

Мелани быстро отходитъ отъ окна, беретъ со своего ...го столика букетъ, который ей наканунѣ прислалъ ...фъ, выбираетъ изъ него пунцовую розу и идетъ на-...къ окну. Снова завернувшись въ пурпуровую занавѣсь, ...высовывается въ окно и ждетъ... ждетъ, когда пройдетъ ...ая рота, рота Адольфа.

Вотъ, наконецъ, и онъ во главѣ своей роты верхомъ на ...снѣжномъ конѣ. Мелани ждетъ, когда онъ поравняется ... окномъ, она ловитъ его взглядъ и, широко размах-...шись, бросаетъ ему розу. Бѣлоснѣжная лошадь ста-...тся на дыбы, когда къ ея ногамъ на грязную дорогу ...тъ цвѣтокъ. Но Адольфъ заставляетъ ее успокоиться, ...жаетъ въ знакъ привѣта свою саблю и затѣмъ ловко ...раетъ съ дороги концомъ сабли розу и держитъ ее на ...ъ, словно кровавый трофей.

Его прощальный привѣтъ, послѣдній, доносится до нея...

Черезъ десять минутъ изъ ея глазъ исчезаютъ пос
ряды.

Мелани остается одна.

V.

На вершинѣ холма, высоко надъ серебряной лен
Мааса, стоитъ замокъ Монмируаръ. Эта жемчужина
стилѣ рококо прячется за причудливо подрѣзанными
выми деревьями. Роскошный паркъ со столѣтними де
ями и мраморными статуями переноситъ зрителя во вре
Людовика XV. Теперь паркъ пестрѣетъ яркими краска
своемъ богатомъ осеннемъ нарядѣ. Розы еще не отцвѣли
съ большихъ каштановъ то и дѣло безшумно падаютъ
коротко подстриженный газонъ большіе желтые ли
Посреди газона мраморный бассейнъ, и изъ него б
кристальная струя въ небесную синеву. Еще только
тому назадъ маркизъ д'Армантьеръ приглашалъ сюда
ихъ парижскихъ друзей на охоту. И въ этомъ году
здѣсь должно было собраться веселое общество,
день объявленія войны маркизъ поспѣшилъ покинуть
мируаръ и переѣхалъ въ свой не менѣе роскошный з
въ Болье.

Въ Монмируарѣ остался только старый метръ д'о
сѣдой Лабишъ, и теперь онъ долженъ прислуживат
прошеннымъ гостямъ.

Какъ щедро обливаетъ осеннее солнце своими лу
Монмируаръ! И каменная улыбка классическихъ бог
разставленныхъ въ паркѣ, не измѣнилась, несмотря н
что изъ близлежащей крѣпости Труайонъ доносятся г
ные выстрѣлы. Надъ землей стелется мгла. Но это
туманы, которые осенью поднимаются съ береговъ р
ложатся сѣроватой дымкой надъ полями и лугами. Ту
бываютъ гораздо позже, въ пору осеннихъ непогодъ.
это пороховой дымъ, который извергаютъ гига
пушки, бомбардирующія форты Труайона. Тѣ самыя п
которыя незадолго передъ тѣмъ разрушили форты Л
Намюра и Мобежа.

Впрочемъ, пороховой дымъ, стелющійся у подн
холма, на которомъ стоитъ Монмируаръ, тянется не то
отъ пушекъ. Въ равнинѣ кипитъ бой. День за д
недѣля за недѣлей бьются тамъ люди. Никто не двиг
впередъ и никто не отступаетъ. Двѣ живыя стѣны ст
другъ противъ друга, непобѣдимыя и неустрашимыя.

Грохотъ, трескотня, взрывы, свистъ, жужжаніе —

какой-то адскій концертъ, разыгрываемый подъ управленіемъ невидимаго дирижера у подножія Монмируара.

Но старый Лабишъ привыкъ къ этому аду. Онъ уже не качаетъ своей сѣдой головой, какъ въ первые дни, когда только что начали бомбардировать бронированные форты Труайона. Онъ не разговариваетъ, не политиканствуетъ больше, какъ въ первые дни. Онъ молчитъ. Онъ разучился говорить съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ по приговору полевого суда были разстрѣляны нотабли Летанга и вся деревня сравнена съ землей за то, что будто бы изъ какого-то дома стрѣляли. Съ тѣхъ поръ въ Монмируарѣ царитъ молчаніе.

Да и можно ли удивляться этому? Вѣдь въ великолѣпномъ залѣ въ стилѣ рококо, въ залѣ, съ мраморнымъ каминомъ и художественной мебелью, теперь сидитъ прусскій унтеръ-офицеръ Вольфъ за мраморнымъ столомъ, который когда-то принадлежалъ послѣднимъ королямъ изъ дома Бурбоновъ. За этимъ столомъ Вольфъ пишетъ свои рапорты и запечатываетъ конверты съ донесеніями и приказами.

Полковникъ фонъ-Траутманъ устроилъ въ замкѣ Монмируаръ полковую канцелярію. Самъ онъ также живетъ въ замкѣ и спитъ въ великолѣпной кровати маркиза. Вольфъ состоитъ при немъ писаремъ.

Гдѣ-то въ заднихъ апартаментахъ замка раздается электрическій звонокъ.

Лабишъ удивленъ. Всего только половина седьмого утра. Во времена маркиза никогда не звонили раньше девяти часовъ.

— Пруссакъ позвонилъ, — говоритъ Лабишъ своей женѣ. Онъ сидитъ со своей старухой внизу въ кухнѣ и день и ночь ожидаетъ приказанія всемогущихъ людей, которые вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ стали хозяевами замка маркиза д'Армантьеръ.

Словно осиный рой, влетѣли они однажды на закатѣ солнца въ двери и окна замка. Такъ увѣряетъ, по крайней мѣрѣ, мадамъ Лабишъ.

Лабишъ шлепаетъ въ войлочныхъ туфляхъ, которыя онъ всегда носитъ, чтобы не попортить великолѣпные паркеты въ замкѣ, вверхъ по роскошной мраморной лѣстницѣ, покрытой смирнскимъ ковромъ. Онъ не торопится. Съ какой стати онъ будетъ бѣгать на звонокъ пруссака?

Подойдя къ двери залы, онъ стучитъ два раза. Вчера унтеръ-офицеръ пробралъ его, когда онъ вошелъ въ залъ, за то, что онъ не постучалъ. А между тѣмъ Лабишъ по-

стучалъ, только его стука не слыхали. А потому онъ предпочитаетъ теперь лучше постучать два раза.

— Войдите, — слышится изъ залы по-нѣмецки.

Лабишъ отворяетъ дверь и останавливается у порога.

За мраморнымъ столомъ сидитъ коротко остриженный солдатъ и роется въ бумагахъ и шнуровыхъ книгахъ, будто онъ не въ походѣ, а въ какой-нибудь канцеляріи. Лабишъ съ ужасомъ косится на мраморный столъ съ инкрустаціей изъ перламутра и чернаго дерева, на этотъ драгоцѣнный столъ, который маркизъ берегъ, какъ зеницу ока. А тотъ пруссакъ съ бритой головой безъ всякаго сожалѣнія разбрызгиваетъ по столу чернила.

— Вы можете теперь подать мнѣ чашку кофе, старина, — говоритъ бритый.

— A votre service, monsieur!

— Не квакайте, говорите по-нѣмецки. Вѣдь вы умѣете говорить, — ворчитъ бритый.

— Къ вашимъ услугамъ, — повторяетъ Лабишъ по-нѣмецки и исчезаетъ.

Унтеръ-офицеръ снова погружается въ писаніе бумагъ. Наконецъ, онъ поднимаетъ голову и смотритъ на часы на каминѣ. Они показываютъ безъ четверти семь. Тогда онъ встаетъ и идетъ къ двери, ведущей въ спальню маркиза.

— Безъ четверти семь, господинъ полковникъ, — говоритъ онъ, постучавъ предварительно въ дверь.

— Хорошо, Вольфъ. Я уже не сплю, — отвѣчаетъ изъ спальни глубокій басъ. — Есть что-нибудь новое, Вольфъ?

— Нѣтъ, новаго ничего нѣтъ, господинъ полковникъ.

— Отлично!

Входитъ Лабишъ и подаетъ унтеръ-офицеру кофе. Онъ ставитъ на столъ съ инкрустаціей серебряный подносъ съ серебрянымъ кофейникомъ и севрскимъ сервизомъ.

— Попробуйте кофе, — говоритъ ему унтеръ-офицеръ.

— Je ne vous comprends pas.

— Не квакайте. Вы должны попробовать кофе... выпить... boire, — поясняетъ Вольфъ. — Boire le café... мы побывали въ Бельгіи и теперь насъ не проведешь, mon ami.

Старый Лабишъ не знаетъ, что ему отвѣтить на это странное замѣчаніе. Но вдругъ онъ вспоминаетъ нотаблей изъ Летанга. Дрожащей рукой наливаетъ онъ кофе въ чашку и пьетъ.

— Хорошо, — говоритъ унтеръ-офицеръ.

А Лабишъ спрашиваетъ смиренно:

— Est ce que monsieur désire qlque chose á manger?

— Не квакайте! — Но потомъ унтеръ-офицеръ точно

схватывается:—Manger... Совершенно вѣрно... Manger... Нѣтъ ли у васъ ветчины, старина?

— Monsieur entend du jambon?

— Жамбонгъ, — повторяетъ Вольфъ, — совершенно вѣрно, жамбонгъ... Принесите... только не скупитесь..,

— Et du pain... хлѣба, monsieur, хлѣба?

— Нѣтъ, спасибо, хлѣба у насъ сколько угодно, мой другъ... А потомъ приготовьте завтракъ для господина полковника... Чай и пару яицъ... Вѣдь у васъ тутъ есть куры, старина?

— Des poulcs? Mais sûrement.

— Ну, пусть ихъ «пуль», мнѣ все равно... ну, проваливайте.

Лабишъ радъ-радешенекъ, что можетъ, наконецъ, уйти и что бритый не причинилъ ему никакого зла.

Вольфъ подходитъ къ рѣзному палисандровому шкапику въ углу, отворяетъ дверцу, вынимаетъ коровай солдатскаго хлѣба и ножикъ и отрѣзаетъ себѣ къ завтраку толстый ломоть.

Весело посвистывая, принимается онъ за завтракъ и, съ наслажденіемъ шлюпая губами, пьетъ ароматный кофе, который маркизъ получилъ прямо изъ Адена, благодаря любезности одного лорда.

Немного спустя, Лабишъ приноситъ блюдо съ ветчиной; онъ молча ставитъ его на столъ передъ унтеръ-офицеромъ и затѣмъ отходитъ къ окну, гдѣ принимается накрывать столъ для полковника.

Послѣ того, какъ Вольфъ вволю напился кофе и наѣлся йоркширской ветчины, онъ удостоиваетъ Лабиша бесѣдой. Работа терпитъ, и онъ можетъ позволить себѣ маленькую передышку. Онъ проводитъ широкой рукой по усамъ, на которыхъ еще остались слѣды завтрака, и закуриваетъ сигару.

— Давно твой хозяинъ удралъ отсюда? — спрашиваетъ онъ старика и при этомъ самодовольно улыбается, словно онъ герой, покорившій боговъ и богинь Олимпа.

— Je ne vous comprends pas, monsieur.

— Но вѣдь вы учились говорить по-нѣмецки, старина? Гдѣ вы научились?

— En Allemagne, monsieur.

— Вотъ какъ, въ Allemagne? А вы часто бывали въ Allemagne, старина?

— Я бывалъ тамъ съ господиномъ маркизомъ, — отвѣчаетъ Лабишъ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ.

— А гдѣ именно?

— Я былъ съ господиномъ маркизомъ въ Висбадъ, въ

Бадъ-Бадъ, потому что господинъ маркизъ былъ очень souffrant... ревматизмомъ...

Его слова заглушаетъ грохотъ пушекъ подъ Труайномъ. Бомбардировка началась съ новой силой.

Этотъ грохотъ заглушаетъ также и замѣчаніе Вольфа:

— Однако, удрать-то твой маркизъ все-таки сумѣлъ несмотря на ревматизмъ...

Лабишъ дрожитъ съ ногъ до головы.

— On y est habitué — говоритъ онъ, — mais pourtant!..

— Это работаютъ наши «ворчуны», — замѣчаетъ самодовольно Вольфъ. — Круппъ и Компанія... Эссенъ на Рурѣ, если васъ интересуетъ адресъ, старина.

Лабишъ не понялъ, что сказалъ унтеръ-офицеръ. Въ дверь раздается стукъ. Вольфъ, каждую минуту ожидающій появленія кого-нибудь изъ высшихъ чиновъ, вскакиваетъ со стула и кричитъ: — Войдите!

Въ залъ входитъ командиръ восьмой роты Адольфъ.

Лабишъ исчезаетъ. Онъ какъ-то машинально старается спрятаться каждый разъ, когда видитъ прусскаго офицера.

— Вольно, унтеръ-офицеръ, Вольфъ! Господинъ полковникъ уже встали?

Съ этими словами ротный Адольфъ подходитъ къ столу и бросаетъ взглядъ на бумаги.

— Господинъ полковникъ встали четверть часа тому назадъ, — докладываетъ унтеръ-офицеръ Вольфъ. — Господинъ полковникъ берутъ теперь ванну...

— Насколько мнѣ извѣстно, — говоритъ ротный Адольфъ, — господинъ полковникъ назначилъ господамъ штабнымъ офицерамъ явиться сюда къ семи часамъ?

— Точно такъ, господинъ ротный.

— Отлично. Въ такомъ случаѣ, унтеръ-офицеръ, передайте это донесеніе господину полковнику.

— Слушаю, господинъ ротный. Я передамъ господину полковнику это донесеніе.

По лицу Адольфа пробѣгаетъ усмѣшка:

— Я и такъ вѣрю, что вы понимаете по-нѣмецки, унтеръ-офицеръ. Вамъ незачѣмъ повторять мои слова.

Вольфъ приходитъ въ смущеніе. Вѣдь есть такое предписаніе, въ силу котораго обязательно надо повторять приказанія начальства. А ротный точно насмѣхается надъ этимъ правиломъ. Этого унтеръ-офицеру никакъ не понять. Правда, ротный Адольфъ музыкантъ или что-то въ этомъ родѣ... Въ Майнцѣ ходили даже слухи, что онъ получилъ отъ майора выговоръ за то, что держитъ себя не такъ, какъ это подобаетъ военному...

И, несмотря на то, что Вольфу приказано было «вольно», онъ вытягивается въ струнку и этимъ даетъ понять, что онъ на высотѣ пониманія военныхъ правилъ.

Ротный Адольфъ улыбается и на этотъ разъ говоритъ съ оттѣнкомъ состраданія въ голосѣ:

— Вѣдь я сказалъ вамъ «вольно», унтеръ-офицеръ... а впрочемъ, мнѣ все равно... Доложите господину полковнику, что моя рота расквартирована въ Витри... Витри... запомните. Запишите лучше... на случай, если бы господинъ полковникъ потребовалъ меня.

— Витри, господинъ ротный, слушаю.

— Отлично.

Немного помолчавъ, Адольфъ продолжаетъ:

— Это донесеніе было сброшено летчикомъ съ «голубя» и найдено однимъ изъ нижнихъ чиновъ моей роты. Я принесъ его сюда самъ, потому что придаю ему большое значеніе. Такъ доложите объ этомъ господину полковнику, унтеръ-офицеръ. И не забудьте, что я стою въ Витри.

— Слушаю, господинъ ротный.

Адольфъ поспѣшно выходитъ. У него много дѣлъ на этотъ день.

Вольфъ подходитъ къ столу, на которомъ Лабишъ сервировалъ завтракъ для полковника, и осматриваетъ, все ли въ порядкѣ. Онъ остается доволенъ исполнительностью Лабиша. Все сдѣлано такъ, какъ онъ приказалъ ему наканунѣ. Столъ накрытъ тонкой бѣлоснѣжной скатертью. На немъ сверкаетъ серебро, хрусталь и севрскій фарфоръ. Ростбифъ поджаренъ, яйца сварены въ смятку. Господинъ полковникъ страдаетъ камнями въ печени, а потому долженъ соблюдать строгую діэту. Унтеръ-офицеръ Вольфъ очень боится припадокъ печени господина полковника, потому что тогда ему лучше не попадаться на глаза...

Отъ этихъ мыслей его отрываетъ голосъ полковника изъ сосѣдней комнаты:

— Унтеръ-офицеръ!

— Господинъ полковникъ?

— Что новаго? Кто-нибудь приходилъ? Мнѣ показалось, что я слышалъ голоса.

— Господинъ ротный Адольфъ изъ восьмой.

— Что надо было господину ротному?

— Онъ принесъ донесеніе, господинъ полковникъ.

— Донесеніе? Дайте-ка его сюда!

Въ полуотворенную дверь просовывается волосатая рука полковника.

Унтеръ-офицеръ Вольфъ подбѣгаетъ къ столу, на кото-ромъ осталось донесеніе Адольфа, въ два скачка онъ останавливается у двери въ спальню и вкладываетъ въ протянутую руку бумагу.

Минуты двѣ спустя полковникъ появляется въ залѣ и усаживается за завтракъ. Онъ пьетъ чай, но ни на минуту не спускаетъ глазъ съ донесенія Адольфа.

Унтеръ-офицеръ Вольфъ удивленъ. Повидимому, се-годня господинъ полковникъ совсѣмъ не чуствуетъ своей камней. Вѣдь хлѣбъ не достаточно поджаренъ, а онъ даже не замѣтилъ этого.

Вдругъ у полковника вырывается восклицаніе:

— Да вѣдь это разомъ мѣняетъ все положеніе!

Унтеръ-офицеръ Вольфъ съ изумленіемъ смотритъ на него. Неужели ротный Адольфъ изъ восьмой принесъ такое важное донесеніе, что полковникъ забылъ о своей печени. А впрочемъ, разъ это донесеніе отъ летчика, да еще отъ развѣдчика, то...

Полковникъ поворачивается къ Вольфу:

— Я пригласилъ господъ штабныхъ сюда къ семи часамъ, унтеръ-офицеръ?

— Къ семи часамъ, господинъ полковникъ!

— А который теперь часъ?

— Безъ трехъ минутъ семь, господинъ полковникъ!

— Вотъ, кажется, на дворѣ шаги.

— Да, господа офицеры уже идутъ.

VI.

Полковой штабъ входитъ въ залъ. Офицеры входятъ другъ за другомъ, соблюдая старшинство самымъ строгимъ образомъ. И это здѣсь, на театрѣ военныхъ дѣйствій, передъ лицомъ непріятеля!.. Впереди идетъ майоръ фонъ-Беркерс-бургъ изъ второго батальона, за нимъ Браунъ изъ перваго батальона, наконецъ, Хоттингеръ изъ третьяго. За ними слѣдуетъ адъютанты: полковой адъютантъ оберъ-лейте-нантъ Шеннеръ, лейтенантъ Хаманнъ, Шлоссеръ и Притвицъ.

Военный поклонъ въ сторону полковника.

— Доброе утро, господа!

— Доброе утро, господинъ полковникъ!

— Хорошо спали?

— Покорно благодаримъ, господинъ полковникъ.

— Садитесь, господа!

Штабъ разсаживается съ тѣмъ же щепетильнымъ со-блюденіемъ старшинства. Беркерсбургъ по правую руку полковника, Браунъ по лѣвую. Затѣмъ слѣдуютъ Хоттин-

серъ, фонъ-Шеннеръ, Хаманнъ, Шлоссеръ и, наконецъ, въ самомъ концѣ стола маленькій Притвицъ, лѣвый глазъ котораго точно сросся съ моноклемъ.

— Если вы желаете курить, господа, то я ничего противъ этого не имѣю, — говоритъ полковникъ.

Съ этими словами онъ самъ вынимаетъ изъ своего портсигара толстую гаванну. Всѣ спѣшатъ дать ему огня. Маленькій Притвицъ оказывается самымъ проворнымъ и первый подаетъ полковнику зажженную спичку.

Задымили сигары и папиросы. Въ нѣсколько минутъ роскошный залъ, въ которомъ при маркизѣ никогда никто не курилъ, заволакивается синеватымъ дымомъ.

Если бы Лабишъ видѣлъ это! Но Лабишъ сидитъ опять въ кухнѣ со своей женой и только безъ конца покачиваетъ сѣдой головой.

По знаку полковника унтеръ-офицеръ Вольфъ вышелъ изъ залы, какъ только появились штабные офицеры.

— Итакъ, господа, — началъ полковникъ, — ситуація разомъ измѣнилась и измѣнилась совершенно радикально. Такимъ образомъ, отпадаютъ и рѣшенія нашего вчерашняго совѣщанія.

Всѣ глаза съ величайшимъ напряженіемъ устремлены на полковника. У маленькаго Притвица даже монокль падаетъ изъ глаза. Отъ изумленія онъ вынимаетъ изъ кармана напильникъ для ногтей и начинаетъ нервно подтачивать свои ногти. Онъ вообще терпѣть не можетъ военныхъ совѣтовъ. Онъ предпочитаетъ думать о своей лошади. Вѣдь когда-то онъ былъ кавалеристомъ, но изъ-за долговъ долженъ былъ выйти изъ полка и потомъ поступить въ пѣхоту, которую онъ въ глубинѣ души такъ презиралъ. Слава Богу еще, что ему, какъ адъютанту, дали лошадь. Это было для него нѣкоторой компенсаціей за то, что онъ попалъ въ коммайоръ: командиръ восьмой роты Адольфъ. Васъ почему-пѣхотинцевъ не называли иначе, какъ «песочными зайцами». «Песочные зайцы» — это все говоритъ!..

— Да, все радикально мѣняется, — повторяетъ полковникъ. — Ротный Адольфъ изъ восьмой принесъ мнѣ этотъ приказъ.

— Ротный Адольфъ? — вырывается у старшаго изъ штабныхъ, майора Беркерсбурга.

— Вы поняли меня совершенно вѣрно, господинъ майоръ: командиръ восьмой роты Адольфъ. Васъ почему-нибудь это удивляетъ, господинъ майоръ?

— Точно такъ, господинъ полковникъ! Вѣдь ротный Адольфъ стоитъ со своей ротой въ Витри.

— Совершенно вѣрно.

— Вѣдь не могъ же вѣстовой пробраться въ Витри черезъ непріятельскіе форпосты. Очевидно, здѣсь дѣло идетъ о донесеніи, сброшенномъ летчикомъ?

— Очевидно, господинъ майоръ.

Въ тонѣ полковника слышится легкое раздраженіе. Майоръ фонъ-Беркерсбургъ замѣчаетъ это и замолкаетъ.

Полковникъ продолжаетъ:

— Мнѣ кажется, господа, что положеніе чрезвычайно серьезное.

Опять всѣ настораживаются и ждутъ съ напряженіемъ.

— Въ приказѣ этомъ сообщается, что сильныя непріятельскія колонны — о численности ихъ умалчивается — направляются къ лѣсу позади Труайона. Какъ вамъ извѣстно, господа, наша задача состоитъ въ томъ, чтобы задержать непріятеля, пока нашему лѣвому крылу не удастся обойти фортъ Труайона. Далѣе, господа, вамъ также извѣстно, что нашъ полкъ единственный, находящійся еще въ резервѣ и предназначенный для этой цѣли, такъ какъ всѣ остальныя силы въ настоящее время принимаютъ активное участіе въ сраженіи подъ Труайономъ.

— Совершенно вѣрно, господинъ полковникъ!

— Наша задача, господа, проста и... трагична.

При словѣ «трагична» по стройному тѣлу лейтенанта Хаманна пробѣгаютъ мурашки. Мобилизація застигла его въ Мюррепѣ во время его свадебной поѣздки, всего только восемь дней спустя послѣ свадьбы. А при такихъ обстоятельствахъ слово «трагична» пріобрѣтаетъ особый привкусъ.

— Слѣдовательно, намъ предстоитъ занять труайонскій лѣсъ, — продолжаетъ полковникъ невозмутимо, — и тамъ задерживать непріятеля до тѣхъ поръ, пока нашему крылу не удастся обойти фортъ Труайона... если даже это будетъ продолжаться цѣлую вѣчность, господа.

— Слушаемъ, господинъ полковникъ!

— Главное — это ввести непріятеля въ заблужденіе относительно численности нашихъ войскъ, находящихся въ лѣсу. Въ этомъ отношеніи здѣшняя мѣстность вполнѣ благопріятствуетъ намъ.

— Слушаемъ, господинъ полковникъ!

— Изъ этого слѣдуетъ, господа, что надо соблюдать величайшую экономію, какъ въ людяхъ, такъ и въ патронахъ... до послѣдняго человѣка и до послѣдняго патрона! Надо расположиться разомкнутой цѣпью и экономить, экономить... Мы будемъ передвигаться ротами... Новая рота

меняетъ предыдущую только послѣ того, какъ та уничтожена... Поняли, господа?

— Точно такъ, господинъ полковникъ!

— Итакъ, господа, повторяю еще разъ: экономить, экономить и экономить до послѣдняго человѣка!

Наступило долгое молчаніе. Полковникъ нервно кусаетъ свои сѣдые усы. Такъ онъ всегда дѣлаетъ, когда долженъ сказать другимъ что-нибудь непріятное. Наконецъ, онъ произноситъ медленно:

— Тотъ батальонъ, господа, который сдѣлаетъ починъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ уничтоженъ!

Снова наступаетъ молчаніе, полковникъ обдумываетъ что-то и колеблется, точно долженъ произнести смертный приговоръ.

— Да... такъ вотъ... — вырывается у него неопредѣленно.

Тутъ его прерываетъ майоръ фонъ-Беркерсбургъ; онъ говоритъ быстро, точно по внезапному наитію:

— Прошу покорнѣйше оказать мнѣ честь и разрѣшить моему батальону сдѣлать починъ въ этомъ дѣлѣ, господинъ полковникъ!

Полковникъ радостно улыбается. Предложеніе майора избавляетъ его отъ обязанности, которая была для него ужасна, какъ для человѣка.

— Разъ вы сами объ этомъ просите, господинъ майоръ фонъ-Беркерсбургъ, прежде чѣмъ я успѣлъ принять какое-нибудь рѣшеніе, то мнѣ остается только пойти навстрѣчу вашему желанію. Итакъ, второй батальонъ господина фонъ-Беркерсбурга сдѣлаетъ починъ. Однако, я не сомнѣваюсь, что и первый, и третій батальоны одинаково готовы пойти на смерть.

— Рады стараться, господинъ полковникъ!

Это майоры Браунъ и Хоттингеръ спѣшатъ завѣрить о своей готовности.

— Значитъ, за вторымъ батальономъ слѣдуетъ первый, а затѣмъ третій, — говоритъ полковникъ. — А теперь, господа, его величеству ура!

— Ура, ура, ура!

«Ура» въ устахъ бѣдняги Хаманна звучитъ нѣсколько жидковато. Въ эту минуту онъ какъ разъ вспомнилъ о письмѣ, полученномъ имъ сегодня отъ его молодой жены. Въ этомъ письмѣ жена писала ему много хорошаго о прекрасныхъ надеждахъ на будущее и объ упованіи на Бога... А тутъ говорятъ о задачѣ «простой и трагической»!

Полковникъ поднялся съ кресла. Онъ крѣпко пожима-

етъ руку всѣмъ офицерамъ. Потомъ онъ кричитъ въ дверь унтеръ-офицеру Вольфу, чтобы привели къ крыльцу его «козла». Такъ полковникъ фонъ-Траутманъ называетъ всѣхъ казенныхъ лошадей.

Полковникъ ушелъ.

— Весьма возможно, господа, что дѣло это еще оттянется, — говоритъ майоръ фонъ-Беркерсбургъ послѣ ухода полковника. — По опыту я знаю, что такія сообщенія обыкновенно бываютъ очень преждевременны.. если только вообще они не представляютъ собою простую утку.

При этихъ словахъ майора нѣкоторые изъ офицеровъ переводятъ духъ.

— А потому у васъ еще достаточно времени, чтобы написать домой, если только вы желаете. Въ такомъ случаѣ, прошу васъ не стѣсняться, вотъ тутъ открытыхъ писемъ и чернилъ сколько угодно, какъ вы сами видите. Господинъ Хаманнъ, вы не желаете написать нѣсколько словъ?

— Я какъ разъ собираюсь писать, господинъ майоръ!

— Кланяйтесь отъ меня, пожалуйста, вашей молодой супругѣ, господинъ лейтенантъ, если разрѣшите попросить васъ объ этомъ.

— Весьма признателенъ за вниманіе, господинъ майоръ!

— Сколько времени вы, собственно, были женаты, господинъ Хаманнъ, когда была объявлена война?

— Ровно восемь дней, господинъ майоръ!

— Совершенно вѣрно! Вѣдь мы съ женой были на вашей свадьбѣ. Развѣ это такъ скоро забывается?.. Да, такъ кланяйтесь сердечно!

— Благодарю васъ, господинъ майоръ!

Другіе офицеры тоже усѣлись писать письма. Только маленькій Притвицъ стоитъ у камина и глубокомысленно разсматриваетъ художественные часы.

Майоръ фонъ-Беркерсбургъ подходитъ къ нему. У него нѣтъ ни малѣйшаго желанія написать хоть нѣсколько словъ въ Фалькенштейнъ, хотя онъ не далѣе, какъ въ это утро получилъ длинное письмо отъ Мелани. «Кланяйся Адольфу» — таковъ былъ постскриптумъ въ этомъ письмѣ. Точно онъ не зналъ, что ея послѣдняя мысль будетъ объ Адольфѣ, а никакъ не о немъ... точно онъ не зналъ этого послѣ того, какъ видѣлъ то, что видѣлъ... «Хаманнъ былъ женатъ восемь дней, — проносится въ его головѣ, — а я три года... да, зато я былъ на двадцать лѣтъ старше своей избранной и выкупилъ закладныя своего увязшаго въ долгахъ тестя»...

— Вамъ некому писать, Притвицъ? — спрашиваетъ онъ маленькаго офицера.

— Нѣтъ, господинъ майоръ!
— И мнѣ также некому.
Вдругъ раздается голосъ майора Брауна.
— Господа, когда вы будете готовы, то...
— Слушаемъ, господинъ майоръ!
— Такъ попросите господъ ротныхъ моего батальона ...ться ко мнѣ на квартиру.
— А вы, господинъ лейтенантъ, попросите моихъ рот... ...ъ ко мнѣ, — говоритъ Хоттингеръ.
— Слушаю, господинъ майоръ!
— Господинъ лейтенантъ, попросите моихъ ротныхъ ...ти сюда, это будетъ проще всего, — рѣшаетъ Беркерс...ргъ.
Всѣ прощаются и уходятъ. Майоръ фонъ-Беркерсбургъ ...тается одинъ въ залѣ замка.

VII.

Майоръ Беркерсбургъ вынимаетъ изъ кожанаго желтаго ...тляра, который виситъ у него черезъ плечо на ремнѣ, ...нокль и подходитъ къ окну. Оттуда открывается пре...сный, широкій видъ на долину и на Маасъ. Этотъ видъ ...ъ гордостью и радостью маркиза д'Армантьеръ, и онъ ...гда показывалъ его гостямъ. Но глаза майора ищутъ ...езъ увеличительныя стекла не прелести этой живописной ...стности, нѣтъ, объ этомъ майоръ даже и не думаетъ. ...ъ всматривается въ форты Труайона, на которыхъ какъ ...ъ сосредоточенъ огонь гигантскихъ мортиръ. Майоръ ...нъ-Беркерсбургъ гордится этими истребительными ма...шинами, ужасно гордится, точно онъ духовный отецъ ...и созданія такихъ пушекъ, которыя могутъ пробивать ...ыя толстыя стѣны изъ бетона и стальной брони.
Онъ былъ подъ Льежемъ и видѣлъ, какъ рушились ...ны форта Лонсенъ.
Каждый такой выстрѣлъ стоитъ тридцать двѣ тысячи ...рокъ. Воздухъ сотрясается отъ выстрѣла на цѣлые кило...тры кругомъ, и отъ него выпадаютъ изъ оконъ стекла на ...стояніи нѣсколькихъ километровъ. А прислуга при такой ...шкѣ глохнетъ послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ.
О страшномъ дѣйствіи этихъ колоссовъ и думаетъ ...йоръ, стоя у окна въ залѣ замка Монмируаръ и глядя ...ль. Раздается грохотъ. Майоръ приставляетъ къ глазамъ ...нокль и смотритъ на лѣвую бронированную башню ...рта Труайонъ.
Что за великолѣпный выстрѣлъ! Въ самую цѣль!
Майоръ ликуетъ. Труайонъ горитъ. Это зрѣлище на-

полняетъ душу майора радостью... Вдругъ онъ хватае
за воротникъ мундира и быстро разстегиваетъ крючк
Ему душно, у него такое чувство, будто какая-то невидим
рука сдавила ему горло... несмотря на то, что видъ горящ
Труайона наполняетъ его сердце радостью.

Онъ опускаетъ руку и ставитъ бинокль на подоконни
Правой рукой онъ вынимаетъ изъ внутренняго карм
письмо. Держа его въ дрожащихъ рукахъ, онъ пробѣгае
его еще разъ и плотно сжимаетъ зубы, такъ что раздаетс
легкій скрежетъ.

— Можно ли, можно ли было бы повѣрить этому,
бормочетъ онъ про себя, — если бы я самъ не видалъ это
своими глазами! Женщины... женщины...

Это письмо Мелани, которое ему сегодня рано утро
привезъ велосипедистъ какъ разъ въ ту минуту, когда о
выходилъ изъ своей квартиры.

— Можно ли, можно ли повѣрить этому! — повтор
етъ онъ еще разъ.

Онъ уже хочетъ смять письмо въ комокъ и швырну
его внизъ, въ долину Мааса, гдѣ пылаютъ деревни.
потомъ одумывается, тщательно складываетъ пись
вкладываетъ его въ конвертъ и прячетъ въ карманъ.
долженъ быть спокойнымъ, долженъ узнать истину, у
диться въ ней и тогда уже дѣйствовать... да, такъ
должно быть.

Адольфъ придетъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Онъ,
нечно, узналъ отъ велосипедиста, что майоръ получи
письмо изъ Фалькенштейна, и онъ придетъ. До
поръ — невозмутимый покой... а потомъ... потомъ надо пр
нять рѣшеніе. Сегодня въ его руки отдана жизнь цѣла
батальона. Потомъ... потомъ...

Машинально онъ подходитъ къ двери и нажимае
кнопку звонка. Въ горлѣ у него пересохло, онъ не може
больше переносить этого. Онъ знаетъ, что погреба Мон
руара полны благороднѣйшихъ винъ. Это ему разсказыва
полковникъ Траутманъ, который изъ-за своихъ камней
печени не могъ пить никакихъ винъ.

Немного спустя входитъ Лабишъ.

— Вы звонили, сударь? — спрашиваетъ онъ по-фр
цузски.

— Да, я звонилъ, — отвѣчаетъ майоръ тоже по-фра
цузски, но съ такимъ акцентомъ, что Лабиша передер
ваетъ. — Есть у васъ шампанское?

— Шампанское? Да, конечно, сударь. Сейчасъ я пода

Лабишъ уходитъ.

А майоръ уже забылъ о немъ, забылъ, гдѣ онъ находится. Онъ опять думаетъ объ Адольфѣ, о Мелани, о ея лицемѣрномъ письмѣ. Онъ подходитъ къ окну и только тамъ пробуждается отъ своихъ мыслей при видѣ горящаго Труайона.

Что за великолѣпный выстрѣлъ! Скоро башня обрушится и похоронитъ подъ своими развалинами всю команду. Сколько тамъ человѣкъ? Да, по крайней мѣрѣ, двѣсти пятьдесятъ. Майоръ улыбается. Да, если башня обрушится, то этотъ выстрѣлъ окупится, — думаетъ онъ. Каждаго человѣка надо цѣнить не ниже ста марокъ, да и башня чего-нибудь да стоитъ...

Входитъ Лабишъ и отрываетъ майора отъ его вычисленій. Онъ подаетъ на серебряномъ подносѣ бутылку шампанскаго и бокалъ изъ богемскаго хрусталя и наполняетъ бокалъ. Майоръ выпиваетъ его залпомъ. Прохладная влага освѣжаетъ его горло, и чувство удушья проходитъ. Лабишъ снова наполняетъ бокалъ и хочетъ уйти.

— Подождите, мой другъ, — окликаетъ его майоръ, — такъ нельзя...

Лабишъ, взявшійся уже за ручку двери, оборачивается и спрашиваетъ:

— Принести вамъ еще одну бутылку, сударь?

— Да нѣтъ же... но мы платимъ за все наличными! — и съ этими словами майоръ протягиваетъ ему пятифранковую монету.

— Покорно васъ благодарю, сударь, — говоритъ Лабишъ и удаляется.

Въ коридорѣ раздаются шаги. Какъ хорошо знакомы майору эти шаги. Какъ часто и съ какимъ мучительнымъ чувствомъ ревности онъ прислушивался къ нимъ тамъ, въ своей виллѣ на Рейнѣ. Это шаги Адольфа.

— Здравствуй, Беркерсбургъ!

— Здравствуй, Адольфъ!

Несмотря на разницу въ годахъ и чинахъ, они на ты. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на одномъ изъ товарищескихъ обѣдовъ они выпили на «ты». Въ этомъ былъ виноватъ майоръ, который подъ вліяніемъ возліяній, предложилъ молодому товарищу выпить брудершафтъ.

— А я тебя разыскивалъ, Беркерсбургъ.

— Какъ это... мило съ твоей стороны!

— Да, я зналъ, что нашъ старикъ собиралъ здѣсь свой штабъ... ну, я и догадался, что ты, должно быть, еще здѣсь

— Очень мило съ твоей стороны! Да, старикъ собиралъ

здѣсь штабъ въ семь часовъ... совершенно вѣрно... Да, не хочешь ли бокалъ шампанскаго?

— Нѣтъ, спасибо!

— Ну, какъ хочешь! Этого добра здѣсь, по крайней мѣрѣ, много, и по дешевой цѣнѣ. Такого шампанскаго, да за такую пустяшную цѣну ты, пожалуй, нигдѣ больше не получишь, старый дружище!

— Очень можетъ быть.

Адольфъ спокоенъ и невозмутимъ.

«Ужъ не слыхалъ ли онъ чего-нибудь? Да нѣтъ, вѣдь онъ такой мечтатель, музыкантъ, лирикъ», — думаетъ Беркерсбургъ и подергиваетъ плечами.

— Посмотри туда, Труайонъ горитъ!

— Горитъ?

— Вотъ посмотри самъ... возьми бинокль!

Адольфъ становится рядомъ съ майоромъ у окна. Онъ смотритъ въ даль, гдѣ пылаетъ Труайонъ, словно громадный жертвенникъ.

— Это работа нашихъ «ворчуновъ», — говоритъ майоръ.

Адольфъ ничего не говоритъ. Повидимому, ему хочется перевести разговоръ на другое. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ замѣчаетъ:

— Этотъ замокъ съ паркомъ настоящая жемчужина... Право, здѣсь такъ и хочется погрузиться въ мечты о былыхъ временахъ, о Версалѣ, о Тріононѣ...

— Для того, чтобы сказать мнѣ это, ты и пришелъ сюда, Адольфъ?.. Я получила письмо отъ Мелани... вотъ почему ты пришелъ... Ты узналъ объ этомъ на полевой почтѣ!

— Ну да, изъ-за этого я и пришелъ!

Адольфъ смотритъ на майора яснымъ и открытымъ взоромъ. Но въ водянисто-голубыхъ глазахъ майора написано скрытое недовѣріе.

— Можетъ быть, ты дашь мнѣ прочесть письмо?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! У насъ съ Мелани нѣтъ никакихъ тайнъ отъ тебя... никакихъ нѣжностей... нѣтъ, нѣтъ... Боже упаси!.. Мы — и тайны отъ тебя...

— Странный ты, Беркерсбургъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? Ты это находишь? Да нѣтъ же!

— Вѣдь это такъ естественно, что меня, стараго друга дома и твоего товарища, который чуть не ежедневно бывалъ у насъ, интересуетъ, когда приходитъ письмо изъ Фалькенштейна. Къ тому же мы въ походѣ. Неужели же ты

находишь это вполнѣ естественнымъ, дорогой Беркерсбургъ?

— Ну, разумѣется, я нахожу это вполнѣ естественнымъ! Какъ же могло бы быть иначе? Или у тебя было что-нибудь на умѣ? Ахъ, нѣтъ... Вотъ письмо! Только торопись, а то скоро придутъ другіе. Дѣло въ томъ, что я пригласилъ сюда офицеровъ своего батальона. Надо поговорить по поводу того донесенія, Адольфъ, которое ты принесъ нашему старику, каналья ты этакій...

— Вотъ какъ? Такъ, значитъ, мое донесеніе было важное?

— Наиважнѣйшее! Вотъ мы сейчасъ будемъ говорить по этому поводу! Такъ читай же! Пассажъ о курахъ и голубяхъ, которыхъ она кормитъ въ Фалькенштейнѣ, ты можешь пропустить. Что за трогательная идиллія! Фу, Фалькенштейнъ съ птичьимъ дворомъ и старикомъ, страдающимъ ревматизмомъ...

— Ты долженъ былъ бы радоваться, что она здорова, что все тамъ благополучно, и что она владѣетъ собой, Беркерсбургъ.

— Да, я и радуюсь!

Адольфъ углубляется въ чтеніе письма.

Майоръ снова подходитъ къ окну и направляетъ бинокль на пылающій Труайонъ.

— Ты кончилъ? — спрашиваетъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— Я кончилъ.

Съ этими словами Адольфъ протягиваетъ майору письмо, которое онъ тщательно сложилъ и вложилъ въ конвертъ.

— Ну?

— Я очень счастливъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, Адольфъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, Беркерсбургъ! Меня радуетъ, что она все принимаетъ, какъ испытаніе, ниспосланное Богомъ. Да, старый другъ, это единственное утѣшеніе для нея при настоящихъ обстоятельствахъ. И какъ хорошо, что она примирилась съ жизнью въ Фалькенштейнѣ...

— Да... и что русскіе не нанесли еще визита въ Фалькенштейнъ.

— Да, и это... Ну, объ этомъ позаботится Гинденбургъ.

— Будемъ надѣяться... А главное, такъ это то, что ты счастливъ. Вотъ съ этой то цѣлью и было написано ея письмо... Или нѣтъ?

Майоръ произнесъ это съ сильнымъ удареніемъ на «ты», и снова глаза его пытливо устремляются на Адольфа, кото-

рый въ сознаніи своей невинности съ полнымъ довѣріемъ смотритъ на товарища и не замѣчаетъ его страннаго поведенія. Майоръ съ минуту молчитъ и нервно грызетъ свои сѣдые усы. Наконецъ, у него вырывается:

— Сегодня тебѣ придется умереть, старый другъ! ...

Съ минуту Адольфъ смотритъ на него широко раскрытыми глазами, недоумѣвающе, молча. Потомъ произноситъ совсѣмъ просто:

— Что же, я готовъ!

При этомъ отвѣтѣ майоръ впивается въ молодого сотника своими водянисто-голубыми глазами и пронизываетъ его насквозь острымъ взглядомъ. Онъ хочетъ заглянуть въ самую глубь души Адольфа, хочетъ прочесть его самыя сокровенныя мысли... Такъ онъ смотрѣлъ на своихъ подчиненныхъ, на которыхъ у него были тайные доносы. Адольфъ хорошо знаетъ этотъ взглядъ. На его лицѣ появляется холодная усмѣшка, и онъ не опускаетъ глазъ передъ испытующимъ взоромъ майора.

«Онъ испугался бы, — говоритъ себѣ майоръ, — если бы онъ обладалъ ею, если бы онъ хотя бы только надѣялся на ея взаимность... если бы надѣялся снова вернуться въ ея объятія! Онъ испугался бы, какъ Хаманнъ, который поблѣднѣлъ и растерялся, когда вспомнилъ о своей молодой женѣ. Или онъ такъ хорошо умѣетъ притворяться?.. Или... Можетъ быть, онъ еще надѣется, что выйдетъ изъ опасности... Не вѣритъ мнѣ?»

И майоръ повторяетъ еще разъ:

— Да, старый другъ, тебѣ придется умереть... Еще сегодня же!

И онъ снова пронизываетъ Адольфа своимъ острымъ взглядомъ.

Адольфъ отвѣчаетъ съ ледянымъ спокойствіемъ:

— Я тебя прекрасно понялъ, Беркерсбургъ... надо умереть — и я готовъ. Это такъ естественно, къ этому мы всѣ подготовлены, всѣ, принимающіе участіе въ т а к о й войнѣ.

— Въ т а к о й войнѣ?.. Развѣ эта война не такая же, какъ и всякая другая, Адольфъ?

— Разумѣется, не такая!

— Что ты этимъ хочешь сказать, Адольфъ?

— А то, что въ этой войнѣ вся суть въ числѣ, а не въ мужествѣ, и не въ силахъ.

Майоръ съ изумленіемъ смотритъ на Адольфа:

— Только въ числѣ?

— Да, Беркерсбургъ. Всѣ мы только числа. Первыя числа стоятъ въ графѣ «потери и убытки», а послѣднія

...можетъ, будутъ стоять въ графѣ «прибыль». ...зависитъ отъ того, на чью долю выпадутъ эти послѣд...я числа.

— Такъ ты это понимаешь, Адольфъ?

— Да, именно такъ, и не иначе. Только тотъ, кто въ конечномъ счетѣ останется съ резервами, выйдетъ побѣдителемъ изъ этой борьбы... Труайонъ горитъ. Его подожгла машина. Машинамъ нѣтъ дѣла до героевъ — имъ нужны только числа, — таково мое мнѣніе. Война противъ машинъ сама по себѣ — утопія, Беркерсбургъ.

Майоръ вдругъ выходитъ изъ себя.

— Намъ нечего разводить критику, Адольфъ!

— Да я и не развожу никакой критики, Беркерсбургъ, я только констатирую положеніе вещей. Бронированныя башни и мортиры являются здѣсь рѣшающими факторами, а отнюдь не мужество и не сила, и меньше всего — геній. Вотъ почему я вполнѣ сознательно иду на смерть. Это игра въ кости — и больше ничего. Только ставки-то различныя, Беркерсбургъ, потому что не всѣ жизни равноцѣнны.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— А то, что индусъ, тюркосъ, нѣмецкій ученый, членъ парижской академіи, словомъ всѣ тѣ, кто съ оружіемъ въ рукахъ стоятъ здѣсь другъ противъ друга, въ моихъ глазахъ представляются не равноцѣнными ставками. Не могу я воодушевляться игрой, въ которой одинъ ставитъ горошину, а другой дукатъ... А впрочемъ, къ дѣлу! Итакъ, сегодня надо умереть, говоришь ты?

— Да, донесеніе...

— Которое я принесъ?

— Да, вотъ именно... Въ этомъ донесеніи сообщается о сильныхъ непріятельскихъ колоннахъ, надвигающихся на лѣсъ позади Труайона. Нашему полку приказано занять труайонскій лѣсъ и сдерживать непріятеля до тѣхъ поръ, пока нашему лѣвому крылу не удастся обойти форта Труайонъ... Если бы даже это продолжалось цѣлую вѣчность,— сказалъ нашъ старикъ. Понялъ?

— Какъ нельзя лучше, Беркерсбургъ.

— Я попросилъ старика оказать честь второму батальону и разрѣшить ему первому отправиться въ лѣсъ.

— Ты поступилъ правильно, я сдѣлалъ бы то же самое.

— Да... и старикъ сказалъ, что надо экономить... беречь силы до послѣдняго человѣка, до послѣдняго патрона. На линію огня будутъ выставлять одну роту за другой, поочередно, — понимаешь, Адольфъ? Только послѣ того, какъ одна рота растаетъ, ее замѣщаетъ другая. Мы должны какъ

можно дольше держать непріятеля въ заблужденіи относительно нашихъ силъ.

— Я понялъ все, Беркерсбургъ, и готовъ на все.

Майоръ снова пронизываетъ товарища испытующимъ взглядомъ. Онъ недоумѣваетъ, лицо Адольфа невозмутимо, на немъ нельзя прочесть ни ужаса, ни страха — оно совершенно спокойно. Онъ готовъ — вотъ и все. Наконецъ майоръ отказывается отъ попытки прочесть что-нибудь въ этихъ мраморныхъ чертахъ.

Пусть онъ думаетъ и чувствуетъ, что хочетъ... Но вѣдь если онъ унесетъ въ могилу свою тайну, то майоръ останется съ тѣми же мучительными сомнѣніями... если только онъ самъ переживетъ этотъ день. Но зачѣмъ ему переживать? Его пронизываетъ злая дьявольская мысль: пережить, чтобы принести ей вѣсть о смерти этого, заглянуть ей въ глаза и сказать: «Тамъ, во Франціи, на чужбинѣ, въ тр[illegible]скомъ лѣсу покоится въ братской могилѣ съ сотнями сотнями другихъ... твой другъ!»

Да, это было бы хорошо... если бы... если бы... Вѣдь по[illegible]детъ рота за ротой, весь батальонъ до послѣдняго человѣка, до самого майора...

Майоръ молчитъ. Онъ только насвистываетъ сквозь зубы:

«Ты долженъ умереть, сапогъ,
А ты такъ молодъ, молодъ, молодъ...»

Такая пѣсенка вполнѣ подходитъ къ его настроенію, къ его таксировкѣ человѣческой жизни!

Адольфа коробитъ. Этотъ цинизмъ на мгновеніе вызываетъ въ немъ глубокое отвращеніе. Но онъ хорошо знаетъ Беркерсбурга. Вѣдь въ этомъ то и была трагедія Беркерсбурга... и его также... и ея... что Беркерсбургъ былъ именно такой, а не другой. И Адольфъ прощаетъ ему эту пѣсенку.

— Ну, философъ?

— Разъ ты меня такъ окрестилъ, Беркерсбургъ...

— Пожалуйста, говори — я весь вниманіе.

— Въ сущности, ты мнѣ оказываешь незаслуженную честь! Вѣдь я только артистъ и даже не артистъ, а въ лучшемъ случаѣ только дилетантъ. Но я люблю свое искусство, Беркерсбургъ!

— Я это знаю... тра-ла-ла-ла...

— Если ты искусство хочешь изобразить этими звуками, то я удивляюсь тебѣ, Беркерсбургъ... Я весь проникнутъ такимъ глубокимъ чувствомъ благодарности, что не могу сегодня сердиться.

— Кому ты благодаренъ? За что ты благодаренъ? Уж

мнѣ ли? Или судьбѣ за то положеніе, въ которомъ мы сегодня очутились?.. Да говори-же!

— Жизни я благодаренъ, Беркерсбургъ, и судьбѣ. Жизни за то, что она подарила мнѣ еще этотъ день, а судьбѣ за то, что она привела меня сюда, въ эту страну, и за то, что я въ походѣ.

— Я въ высшей степени заинтригованъ, философъ. Нашему брату нелишнее еще многому поучиться, тѣмъ болѣе, что никогда всего не узнаешь. Итакъ, продолжай въ томъ же духѣ!

— Разъ ты этого желаешь...

— Да вѣдь я сказалъ, что желаю.

— Поймешь ли ты меня, Беркерсбургъ, если я тебѣ скажу, что за послѣднее время во мнѣ завершился процессъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей?

— Нѣтъ, Адольфъ, это слишкомъ высоко для меня!

— Но ты понялъ бы, если бы далъ себѣ трудъ подумать надъ этимъ... Когда-то у меня было одно завѣтное желаніе, Беркерсбургъ... теперь, предъ лицомъ смерти, я считаю лишнимъ умалчивать о немъ.

— Что ты хочешь сказать? — спрашиваетъ майоръ глухо. — Я догадываюсь, впрочемъ, на что ты намекаешь...

— Тѣмъ лучше! Мои желанія и, въ особенности, это желаніе за послѣднія недѣли переродились.

— Переродились?

— Да, переродились, Беркерсбургъ. За послѣднее время, когда идетъ борьба только изъ-за матеріальныхъ благъ, я понялъ всю тщету этихъ благъ. Обладаніе — это для меня лишь идея, приносящая человѣчеству счастье, а любовь превратилась для меня въ настроеніе, дающее мнѣ блаженство! Понимаешь ли ты это, Беркерсбургъ? Все сдѣлалось для меня источникомъ новыхъ тоновъ, новыхъ мелодій! И то, что я могу сказать это тебѣ, Беркерсбургъ, тебѣ, передъ лицомъ пылающихъ развалинъ Труайона, представляетъ собою, въ сущности, самое великое и важное въ это ужасное время! И это еще не все! Я люблю страну, на землѣ которой мы должны сегодня изойти кровью! Я не могу проникнуться ненавистью, Беркерсбургъ... И вотъ потому-то я такъ счастливъ. Понимаешь ли ты меня?

— Я стараюсь понять тебя.

— Постарайся, постарайся, Беркерсбургъ! Это стоитъ того, если только тебѣ улыбнется счастье, и ты возвратишься на родину. Возвысься надъ самимъ собой, найди для этого живительныя силы въ этой, обагренной кровью почвѣ страны, которая была колыбелью всѣхъ великихъ идей

человѣчества! Вѣдь и мы представляемъ собою лишь сѣмя въ этой почвѣ, понимаешь ли ты меня?

Майоръ молчитъ. Онъ не хочетъ нарушать восторженнаго состоянія Адольфа. Все равно, онъ остается для него непроницаемымъ. Истины, которой майоръ такъ добивается, онъ никогда не услышитъ изъ устъ этого человѣка, никогда не прочтетъ въ его чертахъ! А потому майоръ чувствуетъ нѣкоторое облегченіе, когда на крыльцѣ раздаются шаги. Это идутъ ротные командиры, которымъ адъютантъ передалъ его приглашеніе.

Минуту спустя въ залъ входятъ: Меллеръ, командиръ пятой роты, Бреннертъ изъ шестой, и Лахманъ — изъ седьмой ротъ.

VIII.

Эти обреченные второго батальона продѣлываютъ всѣ тѣ же формальности, какія передъ тѣмъ продѣлали штабные офицеры. Они до смѣшного соблюдаютъ старшинство. Правда, въ это мгновеніе они еще не подозрѣваютъ, что ихъ ожидаетъ. Бреннертъ — старшій изъ нихъ. Онъ уже совсѣмъ лысый, и на лбу у него глубокія морщины, его тонкія губы плотно сжаты, и на лицѣ застыло горькое выраженіе. У него четверо дѣтей, и они остались на попеченіи чужой женщины, такъ какъ жена его находится въ санаторіи для чахоточныхъ.

Зато Меллеръ —жизнерадостный и упитанный холостякъ. Онъ въ батальонѣ извѣстенъ подъ прозвищемъ «Кегельнаго шара». Этотъ коротконогій толстякъ вѣчно веселъ, вѣчно остритъ, благодаря чему пользуется симпатіями всѣхъ товарищей.

Полный контрастъ Меллеру представляетъ собою Лахманъ, котораго солдаты прозвали «Борзымъ». Онъ высокій, тощій. Онъ извѣстенъ какъ чемпіонъ тенниса и любитель верховой ѣзды.

Зажавъ между зубами сигару, майоръ говоритъ:

-- Прошу садиться, господа.

«Кегельный шаръ» собрался было уже сострить, по своему обыкновенію, но слова замерли у него на губахъ, когда онъ услыхалъ холодный, офиціальный тонъ майора. Да и всѣ обратили на это вниманіе и насторожились, потому что привыкли къ простому и товарищескому обращенію своего батальоннаго.

Адольфъ стоитъ у окна и смотритъ на пылающій Труайонъ. Вѣдь онъ уже знаетъ, о чемъ будетъ говорить майоръ.

— А ты сядешь, Адольфъ? — нервно обращается къ нему Беркерсбургъ.

— Да, конечно!

Адольфъ машинально садится, и майоръ начинаетъ торжественнымъ тономъ:

— Господа, по приказу господина полковника я долженъ сообщить вамъ слѣдующее: командиръ восьмой роты, Адольфъ, принесъ господину полковнику донесеніе, сброшенное летчикомъ. Это донесеніе касается диспозиціи нашего полка.

Всѣ глаза съ выраженіемъ молчаливаго вопроса устремляются на майора. Только взоръ Адольфа разсѣянно скользитъ по залѣ и, наконецъ, останавливается на часахъ на мраморномъ каминѣ. Стрѣлки неумолимо двигаются впередъ къ послѣднимъ минутамъ жизни.

Майоръ продолжаетъ:

— Однимъ словомъ, господа, повторяя выраженіе господина полковника, «задача наша проста и трагична». Мы должны, рота за ротой, занимать труайонскій лѣсъ, куда направляются значительныя непріятельскія силы, чтобы задержать тамъ непріятеля, пока наше лѣвое крыло не обойдетъ фортъ Труайона. Я попросилъ у господина полковника оказать честь нашему батальону и назначить его въ первую очередь. Я знаю, господа, что въ этомъ отношеніи вы одобрите меня.

— Такъ точно, господинъ майоръ!

Это увѣреніе отчеканили въ одинъ голосъ трое ротныхъ, какъ одинъ человѣкъ.

— А вы, господинъ ротный командиръ Адольфъ?

Беркерсбургъ намѣренно какъ бы забываетъ дружеское «ты». Онъ при исполненіи служебныхъ обязанностей. Адольфъ также вытягивается по-военному и отвѣчаетъ офиціальнымъ тономъ:

— Такъ точно, господинъ майоръ!

И взглядъ его снова разсѣянно скользитъ по гобеленамъ надъ дверьми и по роскошной меблировкѣ залы.

И вотъ Беркерсбургъ идетъ съ козыря, который онъ приберегалъ для Адольфа съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ полковникъ фонъ-Траутманъ сдѣлалъ свое сообщеніе. Онъ продолжаетъ невозмутимо:

— По приказанію господина полковника мы передвигаемся ротами, господа. При этомъ необходимо экономить до послѣдняго человѣка и до послѣдняго патрона.

И майоръ повторяетъ ровнымъ голосомъ слово въ слово всѣ распоряженія полковника и условія, при которыхъ полку

придется сдерживать натискъ непріятеля на лѣсъ. Однако ему не легко сохранять внѣшнее спокойствіе, такъ какъ он чувствуетъ на себѣ пристальный взглядъ Адольфа. И вдруг ему становится ясно, что Адольфъ проникъ въ его сокро венныя мысли, и въ памяти его всплываетъ отрывокъ из библіи, которую онъ, казалось, уже давно забылъ: «И напи салъ Давидъ письмо Іоаву: поставьте Урію тамъ, гдѣ будет самое сильное сраженіе, и отступите отъ него, чтобъ он былъ пораженъ и умеръ».

Майоръ употребляетъ надъ собой усиліе, стряхивает съ себя назойливыя мысли и говоритъ твердымъ голосом:

— Восьмая рота господина ротнаго командира Адольф двинется первая..

Больше онъ не можетъ произнести ни слова, такъ ка голосъ измѣняетъ ему.

Двѣ пары глазъ впиваются другъ въ друга — водяни сто-голубые глаза майора, въ которыхъ таится выражені торжества, и синіе глаза Адольфа, точно удивленные ужас нымъ открытіемъ.

Майоръ повторяетъ еще разъ:

— Восьмая рота господина ротнаго командира Адольф двинется первая. Вы поняли меня, господинъ ротный ко мандиръ?

— Точно такъ, господинъ майоръ!

Майоръ не выдерживаетъ и отводитъ свой взгл отъ Адольфа.

— А затѣмъ, — продолжаетъ онъ, — слѣдують в обратномъ порядкѣ остальныя роты: седьмая, шестая наконецъ, пятая!

— Слушаемъ, господинъ майоръ!

— А теперь, господа, его величеству ура!

— Ура, ура, ура!

Беркерсбургъ встаетъ.

— Если вы желаете воспользоваться свободнымъ вре немъ, господа, то располагайте имъ, какъ хотите. Я дума у насъ остается еще нѣсколько времени до сигнала къ на ступленію. До свиданія, господа!

— До свиданія, господинъ майоръ!

Офицеры встаютъ.

Адольфъ подходитъ къ Беркерсбургу и протягивае ему руку:

— Прощай, Беркерсбургъ!

— Прощай, Адольфъ!

Наклонивъ голову къ уху Беркерсбурга, Адольфъ гово ритъ вполголоса:

— Будь добръ съ Мелани, слышишь?..

Отвѣта нѣтъ.

Майоръ направляется къ выходу.

— До свиданія!

Адольфъ подходитъ къ окну. Передъ глазами его снова встаетъ картина пылающаго Труайона. Онъ не можетъ отвести отъ нея глазъ. Остальные садятся за столъ и пишутъ письма, какъ это дѣлали незадолго передъ тѣмъ штабные офицеры и адъютанты.

У «Кегельнаго шара» есть въ гарнизонномъ городѣ маленькая дѣвушка, это знаетъ вся казарма. Она была ему вѣрна, заботилась о немъ по-своему и хорошо чинила его бѣлье, такъ какъ по профессіи была бѣлошвейкой. Онъ посылаетъ ей послѣдній привѣтъ.

Бреннерту надо такъ много написать своей хлопотливой женѣ, попросить прощенія за многое. Надо послать распоряженіе относительно четырехъ необезпеченныхъ дѣтей. Но онъ никогда не отличался краснорѣчіемъ, и въ этомъ своемъ послѣднемъ письмѣ онъ невольно пишетъ обычнымъ слогомъ гарнизоннаго офицера.. шутитъ... Но на этотъ разъ шутки не удаются, онѣ звучатъ фальшиво, потому что это шутки обреченнаго!

Одинъ «Борзой» чувствуетъ себя, какъ ни въ чемъ не бывало. У него въ Берлинѣ только одна старая тетка и объ ней-то онъ и вспомнилъ въ эту послѣднюю минуту. Тетка богатая, и онъ ея единственный наслѣдникъ. Ему тридцать шесть лѣтъ, а ей семьдесятъ четыре — странное сопоставленіе... Онъ мелко исписываетъ открытое письмо стихами, въ которыхъ остроумно поясняетъ, почему въ настоящее время семидесятичетырехлѣтніе имѣютъ больше шансовъ на жизнь, чѣмъ тридцатишестилѣтніе.

Только Адольфу некому писать. Господи, да вѣдь онъ могъ бы написать въ Фалькенштейнъ! Но зачѣмъ? Вѣдь они другъ другу все сказали, все открыли въ тѣ послѣдніе часы, которые они провели вмѣстѣ передъ разлукой. Зачѣмъ же писать?

Его пробуждаетъ отъ мысли страшный грохотъ вдали. Безотчетно подноситъ онъ къ глазамъ бинокль.

Стѣны одного изъ фортовъ Труайона рушатся. Мортиры сдѣлали свое дѣло, — такъ сказалъ майоръ... А вотъ вслѣдъ за грохотомъ раздаются трубные звуки на нѣкоторомъ разстояніи отъ замка.

Сигналъ! Сигналъ!

IX.

Послѣ утомительной работы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ восьмая рота Адольфа проложила себѣ, наконецъ, дорогу черезъ чащу почти дѣвственнаго лѣса, въ которомъ маркизъ д'Армантьеръ охотился со своими гостями. Остальныя двѣ роты слѣдовали за восьмой и остановились на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея. Двигаться впередъ приходилось съ большими предосторожностями, такъ какъ было извѣстно, что въ такихъ чащахъ французы взбираются на вершины деревьевъ и оттуда стрѣляютъ въ непріятеля. Однако, въ теченіе семи часовъ, которые ушли на прокладываніе пути въ лѣсу, не было замѣчено и признака присутствія непріятеля. Труайонскій лѣсъ былъ еще безопасенъ, потому что непріятель надвигается изъ Розей.

Наконецъ-то, восьмая рота добралась до опушки лѣса на западѣ. Ротный Адольфъ командуетъ:

— Разсыпься цѣпью!

Между деревьями уже видны луга Розей, вдали сѣрѣютъ убогія избушки маленькой деревни. Изъ трубъ поднимается дымокъ и вьется въ голубомъ воздухѣ.

— Ложись!

Линія огня роты Адольфа, въ которой насчитывается до двухсотъ пятидесяти человѣкъ, вытягивается вдоль всей опушки западной части лѣса. Солдаты исчезаютъ, ихъ не видно, даже ружейныя дула не торчатъ надъ высокой травой, которая въ этомъ болотистомъ мѣстѣ упругая и жесткая и служитъ прекраснымъ прикрытіемъ. Солдаты лежатъ и ждутъ.

Далеко кругомъ ничего не видно, кромѣ зеленыхъ луговъ, да покрытыхъ соломой хижинъ и красной колокольни въ деревнѣ Розей. Глубоко въ долинѣ сверкаетъ и извивается серебряная полоса Мааса и бѣлѣетъ пыльная дорога, на которой, по всей вѣроятности, должны появиться колонны непріятеля.

Адольфъ опускается на колѣни позади линіи въ высокой травѣ и беретъ бинокль. Онъ долго смотритъ, но нигдѣ ничего не видно. Воздухъ напоенъ полуденнымъ зноемъ, гдѣ-то въ чащѣ раздается монотонный стукъ дятла. Очевидно, эта пугливая птица не замѣчаетъ присутствія людей— такъ они хорошо скрыты.

Проходитъ нѣсколько часовъ.

Какія только мысли не проносятся въ головахъ этихъ притаившихся людей въ долгія минуты ожиданія! Тутъ офицеры и солдаты, ихъ двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, у

каждаго свои интересы, свои симпатіи и антипатіи, но всѣхъ ихъ объединяетъ напряженное ожиданіе, въ которомъ есть что-то романтическое. Всѣ эти двѣсти пятьдесятъ человѣкъ готовы каждую минуту сразиться съ непріятелемъ.

Для чего, для какихъ цѣлей — они это сами не знаютъ. Они ненавидятъ тѣхъ людей, которые должны вынырнуть на пыльной дорогѣ, а между тѣмъ, они никогда во всю свою жизнь не видали ихъ. Никому изъ нихъ тѣ не причинили никакого зла. И все-таки они ненавидятъ ихъ по искреннему и глубокому убѣжденію.

Они покинули на далекой родинѣ любовь и дружбу, своихъ кровныхъ и свое добро и ежедневно, ежечасно съ тоскою думаютъ обо всемъ этомъ! Но въ то же время они горятъ желаніемъ уничтожить врага — это ихъ единственная мысль, которая теперь поглощаетъ ихъ всецѣло и объединяетъ ихъ въ нѣчто великое и грозное. Истреблять, истреблять во что бы то ни стало — или умереть!.. Въ груди ихъ проснулся звѣрь, пробудились всѣ дурные инстинкты... истреблять, истреблять, истреблять во что бы то ни стало... чтобы самимъ не быть уничтоженными!

Глаза ихъ горятъ, пульсъ лихорадочно бьется, въ вискахъ стучитъ. Они не чувствуютъ ни голода, ни жажды, ни усталости, ни зноя въ эти минуты, ибо они проникнуты желаніемъ истреблять. И въ этомъ напряженномъ ожиданіи бѣгутъ минуты, превращаются въ получасы и часы, а спрятавшіеся въ травѣ люди не замѣчаютъ этого. Во время напряженнаго ожиданія притупляется сознаніе прошедшаго, настоящаго и будущаго, оно точно растворяется въ морѣ крови. Настроенное воображеніе уже рисуетъ этимъ возбужденнымъ людямъ непріятельскаго всадника, который появился на пыльной дорогѣ и падаетъ съ коня отъ ихъ пуль... А между тѣмъ на дорогѣ ничего еще не видно! Далеко кругомъ ничего не видно. Повсюду только солнечное сіяніе и бѣлая пыль, ослѣпляющая глаза.

Они все ждутъ и ждутъ. Единственно, чѣмъ они могутъ развлекаться во время этого долгаго ожиданія — это куреніе. Они и курятъ безъ конца. Это успокаиваетъ нервы и въ то же время снова возбуждаетъ ихъ.

Но вотъ на дорогѣ, гдѣ-то далеко, появился столбъ пыли. Сердца ожидающихъ бьются еще сильнѣе, пальцы инстинктивно ложатся на курки, хотя ротный не даетъ команды. Солдатамъ хочется стрѣлять и удовлетворить, наконецъ, хоть немного инстинктъ истребленія... Что это за пыль? Вотъ столбъ этотъ приближается! Стрѣлять, стрѣлять... но ротный не даетъ команды...

Бинокль ротнаго разрѣшаетъ это мучительное недоумѣніе. Черезъ десять минутъ и солдаты видятъ, что по дорогѣ спокойно идетъ крестьянинъ около телѣги, запряженной парой воловъ. Вскорѣ онъ сворачиваетъ въ одну изъ улицъ Розей и исчезаетъ.

Немного спустя, до опушки лѣса доносятся дребезжащіе заунывные звуки колокола. Это звонятъ на красной колокольнѣ въ Розей. День уже склоняется къ вечеру. Вдругъ нѣкоторые изъ солдатъ вспоминаютъ, что сегодня воскресенье, почему и раздается благовѣстъ въ церкви. Но дребезжащіе звуки колокола деревенской церкви не проникаютъ въ сердца залегшихъ въ травѣ солдатъ, они пробуждаютъ въ нихъ лишь смутное воспоминаніе, которое сейчасъ же и исчезаетъ. Нѣкоторые вспоминаютъ церковь въ родной деревнѣ... Но вотъ колокола умолкли. Солнце близится къ горизонту. Оно бросаетъ длинные косые лучи на траву на опушкѣ лѣса. Гдѣ-то жужжитъ пчела, она собираетъ съ цвѣтовъ сладкій сокъ и улетаетъ съ нимъ въ свой улей. Наступаетъ мертвая тишина. Все замерло кругомъ, ничего не видно и не слышно... Они все ждутъ...

* * *

Невдалекѣ отъ опушки, среди небольшой лужайки стоитъ охотничій павильонъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ маркизъ д'Армантьеръ велѣлъ расчистить эту поляну, но съ тѣхъ поръ она успѣла снова зарости травой и кустарникомъ. На небольшомъ холмѣ широко раскинуло свои вѣтви старое буковое дерево, густая листва котораго тихо нашептываетъ въ этотъ теплый лѣтній день. Подъ этимъ деревомъ сидитъ майоръ Беркерсбургъ. Отсюда онъ можетъ наблюдать за сраженіемъ и диспозиціей своей части. До опушки лѣса, гдѣ находится линія огня восьмой роты, всего метровъ двѣсти.

Лейтенантъ Шлоссеръ, его адъютантъ, стоитъ рядомъ съ нимъ. Лошади обоихъ офицеровъ мирно пасутся тутъ же невдалекѣ. За ними присматриваетъ конюхъ Бауманъ, котораго взялъ съ собой изъ гарнизона майоръ.

— Который часъ, господинъ лейтенантъ?

— Пять сорокъ пять, господинъ майоръ.

— Повидимому, и на этотъ разъ шумъ былъ поднятъ изъ-за ничего. Я сейчасъ же подумалъ, что это донесеніе летчика было не что иное, какъ утка, пущенная непріятелемъ.

— Да, повидимому, это такъ, господинъ майоръ.

— Такъ велите трубить къ ужину. Должны же люди ѣсть.

— Совершенно вѣрно, господинъ майоръ.

— Вѣдь они съ самаго выступленія ничего не ѣли.

— Да, съ восьми часовъ утра.

Адъютантъ Шлоссеръ подходитъ къ горнисту Швейгеру, стоящему невдалекѣ подъ березой.

— Трубите къ ужину, горнистъ!

— Слушаю, господинъ лейтенантъ.

Въ тихой чащѣ раздаются звуки рожка.

Немного спустя ему отвѣчаютъ другіе сигналы — знакъ того, что стоящія въ резервѣ роты поняли его.

— Послушайте, господинъ лейтенантъ..

— Господинъ майоръ?

— Ахъ, да... — Беркербургъ поворачивается къ конюху. — Вы можете идти въ роту, Бауманъ, поужинать, и вы также, Швейглеръ. Скажите фельдфебелю Штумму, чтобы онъ прислалъ мнѣ кого-нибудь вмѣсто васъ. Мы съ господиномъ лейтенантомъ сами пока присмотримъ за «козлами».

— Слушаю, господинъ майоръ.

Оба солдата уходятъ. Животы ихъ давно уже подводить отъ голода.

— Скажите, господинъ лейтенантъ!..

— Господинъ майоръ?

— Вѣдь вы писатель по профессіи, не правда ли?

Шлоссеръ съ удивленіемъ смотритъ на майора.

— Какъ вы догадались, господинъ майоръ?

— Очень просто. Я уже нѣкоторое время наблюдаю за вами, господинъ Шлоссеръ. Я вижу, что вы все пишете и пишете, чтобы какъ-нибудь отогнать скуку. А вѣдь на это способны только писатели.

— Право, не знаю, господинъ майоръ, имѣю ли я право на это почетное званіе.

— Нечего вамъ скромничать, Шлоссеръ, — я хорошо освѣдомленъ. Въ батальонѣ поютъ пѣсню, и авторомъ ея называютъ васъ. Эта пѣсня могла бы сдѣлать честь любому поэту. Я даже слышалъ, что вы намѣревались снять мундиръ незадолго до мобилизаціи. Такъ ли?

— Совершенно вѣрно, господинъ майоръ.

— Вотъ, видите ли, значитъ, вы собираетесь сдѣлаться настоящимъ писателемъ и осѣдлать пегаса.

— Это не совсѣмъ-то такъ, господинъ майоръ.

— А какъ же иначе, разъ у васъ есть талантъ, мой милый?

— Быть можетъ, вы знаете, господинъ майоръ, что незадолго до войны мнѣ улыбнулось счастье и я получилъ наслѣдство отъ дяди въ Мексикѣ. Наслѣдство это вполнѣ обезпечиваетъ мою матеріальную независимость.

— Счастливецъ, сказалъ бы я, Шлоссеръ, если бы дѣло обернулось иначе, и вы не удостоились бы чести служить въ моемъ второмъ батальонѣ да не стояли бы сейчасъ въ труайонскомъ лѣсу въ качествѣ моего адъютанта. Я, видите ли, очень и очень сомнѣваюсь въ томъ, что ктонибудь изъ насъ выйдетъ живымъ изъ этого лѣса, предположивъ, конечно, что донесеніе не было уткой.

— Господинъ майоръ, я вполнѣ цѣню эту честь.

— Да, полноте, полноте, старый другъ. Человѣкъ, обладающій капиталомъ, намѣревающійся посвятить себя поэзіи и имѣющій всю жизнь передъ собой... да сколько вамъ лѣтъ, Шлоссеръ?

— Мнѣ двадцать четвертый годъ, господинъ майоръ.

— Двадцать четвертый годъ, и вы стоите здѣсь, въ труайонскомъ лѣсу... Но оставимъ это. Скажите лучше, какъ вы рисовали себѣ ваше будущее, господинъ лейтенантъ. Должень сознаться, меня это очень интересуетъ. Мнѣ уже скоро стукнетъ пятьдесятъ лѣтъ, и, несмотря на то, что я могъ бы быть вашимъ отцомъ, я откровенно сознаюсь, что нашъ братъ имѣетъ довольно смутное представленіе о жизни. Господи Боже Ты мой, да откуда намъ знать жизнь! Разумѣется, мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія о жизни военнаго, и только военнаго, одно и то же годъ за годомъ, и такъ всю долгую жизнь! Сперва лейтенантомъ, потомъ ротнымъ командиромъ, потомъ майоромъ! Все одна и та же канитель! Отецъ былъ солдатомъ, дѣдъ былъ солдатомъ, и такъ по восходящей родословной, до самыхъ временъ великихъ курфюрстовъ. Вы скажете, что это уже въ крови. Да, такъ это и есть! И вотъ, когда наступаетъ день подведенія всѣхъ итоговъ, тогда невольно задумаешься о самомъ себѣ, молодой другъ! Сперва кадетскій корпусъ, потомъ Гумбиненъ, потомъ Форбахъ! По этимъ даннымъ вы можете уже судить о всей жизни, не такъ ли? Жена изъ той же среды, какъ и мать. Чего же вамъ еще? А вы изъ Берлина, господинъ лейтенантъ, если не ошибаюсь?

— Да, я родомъ изъ Берлина, господинъ маойръ.

— Воспитывались въ гимназіи?

— Во французской гимназіи, господинъ майоръ.

— Чего же еще! Вотъ видите ли, въ томъ-то вся и штука! Берлинъ съ тысячами самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, съ гимназіями, товарищами и сотнями различныхъ интересовъ.. У васъ, конечно, есть теперь товарищи и врачи, и инженеры, и юристы, и художники и такъ далѣе... Вотъ видите ли? А нашъ братъ... Впрочемъ, я, собственно, хотѣлъ поговорить лично о васъ и еще кое-о-комъ. Такъ скажите же, господинъ лейтенантъ, какіе планы вы строили на будущее?

— Я собирался поступить въ берлинскій университетъ и изучать исторію.

— Да, а теперь вы сами дѣлаете исторію, да еще какую! Что же, и это что-нибудь да значитъ!

— Совершенно вѣрно, господинъ майоръ!

— Конечно. Знаете, вѣдь и я въ свободное отъ занятій время кое-что почитывалъ. Я не такой невѣжда, какимъ, быть можетъ, кажусь, Шлоссеръ. Не воображайте себѣ, что нашъ братъ до такой степени омужичился...

— Помилуйте, господинъ майоръ!

— Да, что я хотѣлъ сказать?.. Ахъ, да... Знаете, господинъ лейтенантъ, у меня есть даже любимая книга. Пожалуй, вы и во снѣ не могли себѣ представить, чтобы у такого солдафона, какъ Беркерсбургъ, была своя любимая книжечка?

— Помилуйте, господинъ майоръ!

— Готовъ пари держать, что вы упадете въ обморокъ отъ удивленія, когда я вамъ скажу, что это за книга!.. Фаустъ!.. Да, такъ въ этой-то книгѣ я нашелъ изреченіе, которое всѣ мы въ настоящее время должны были бы высоко цѣнить...

— Я чрезвычайно заинтересованъ, господинъ майоръ!

— Вотъ это изреченіе: «Ты думаешь, что ты толкаешь, а между тѣмъ тебя толкаютъ!» Да, господинъ лейтенантъ, вотъ это-то и происходитъ теперь со всѣми нами. И это относится не только къ моему батальону, къ нашему полку, Шлоссеръ, который сегодня утромъ и не подозрѣвалъ еще, что его ожидаетъ въ труайонскомъ лѣсу! Нѣтъ, нѣтъ, это относится ко всей арміи, къ Германіи, ко всему свѣту! Всѣ думаютъ, что толкаютъ, а выходитъ то, что ихъ толкаютъ! Вѣрьте мнѣ, факторами являются таинственныя силы, о наличности которыхъ лишь немногіе имѣютъ самое слабое представленіе. Это силы міровой исторіи, стремящіяся къ совершенно иной цѣли, нежели та, которую мы себѣ поставили и изъ-за которой мы боремся! Вѣрьте, мой другъ, что это такъ! Да такъ это всегда и было! Еще въ Старомъ Завѣтѣ! Саулъ пошелъ разыскивать ослицъ своего отца, а

нашелъ царство въ Іудеѣ... ха-ха-ха!.. Это я надъ собой смѣюсь, надъ тѣмъ, что у меня есть своя собственная проклятая философія. Я самъ стряпаю для себя міровую исторію! Что вы на это скажете?

— Я совершенно пораженъ, господинъ майоръ!

— Вѣрю, Шлоссеръ!.. Разъ вы сами изучаете исторію, да къ тому же собираетесь сдѣлаться писателемъ, такъ я и говорю съ вами объ этомъ. Скажите, слышали вы что-нибудь о Мирабо, господинъ лейтенантъ?

— Разумѣется, господинъ майоръ.

— Онъ былъ извѣстенъ, какъ величайшій государственный человѣкъ въ Европѣ, когда разразилась революція. Въ сущности, это былъ французскій Бисмаркъ, только чуточку повыше знаменитаго желѣзнаго канцлера, настолько же, насколько Наполеонъ былъ выше стараго Фрица. Кстати, мой другъ, я долженъ вамъ сказать, что я первый разъ въ жизни говорю такъ откровенно... можетъ быть, это потому, что я знаю, что вы собираетесь изучать исторію, а, можетъ быть, вслѣдствіе нашего стратегическаго положенія въ этомъ лѣсу... Однимъ словомъ, я говорю съ вами, какъ обреченный съ обреченнымъ!.. Да, такъ вотъ этотъ самый Мирабо, умирая, сказалъ своему старому слугѣ: «Держите мою голову, она самая сильная во всей Франціи! Но и она заблуждалась». Онъ не постигъ того, о чемъ поучаютъ насъ послѣдующія страницы міровой исторіи, и все только потому, что былъ увѣренъ, что онъ толкаетъ, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ его толкали. И такъ это было испоконъ вѣковъ, господинъ лейтенантъ. Это и есть изюминка всей исторіи!

— Я не совсѣмъ-то понимаю васъ, господинъ майоръ.

— Вѣрю, вѣрю вамъ... Чтобы объяснить въ двухъ словахъ... Маратъ, Дантонъ и Робеспьеръ — изъ нихъ сильнѣе всѣхъ Максимиліанъ Робеспьеръ, мой другъ. И онъ появился бы независимо отъ того, существовалъ бы Мирабо или нѣтъ, потому что ходъ міровой исторіи никогда не останавливается и потому, что Мирабо только началъ, а Наполеонъ завершилъ. Вотъ это-то я и хотѣлъ выяснить вамъ! Мы, мы стоимъ лишь у начала... у начала... великаго, скажемъ спокойно, великаго сдвига... болѣе въ геологическомъ, чѣмъ въ финансовомъ смыслѣ, мой мудрый другъ.

— Вы, дѣйствительно, такъ полагаете, господинъ майоръ?

— Неужели вы думаете, что иначе я тратилъ бы время на то, чтобы показать вамъ, будущему профессору исторіи, мою точку зрѣнія? Въ Версалѣ и во снѣ не видѣли, что

когда-нибудь въ Парижѣ будетъ Площадь Революціи, когда изощряли свое остроуміе надъ великимъ Руссо... А вотъ и вѣстовой съ обѣдомъ. Пріятнаго аппетита, господинъ лейтенантъ.

Солдатъ принесъ обоимъ офицерамъ обѣдъ на цинковыхъ тарелкахъ: вареная гороховая колбаса съ саломъ.

— Великолѣпно! — говоритъ лейтенантъ Шлоссеръ.

Майоръ смѣется.

— Да, да, дорогой товарищъ, когда съ восьми часовъ утра и до пяти посидишь на пищѣ Св. Антонія,— то и гороховая колбаса покажется деликатесомъ.

Офицеры пообѣдали, и майоръ поставилъ свою тарелку на траву.

— Хотите сигару, Шлоссеръ?

— Я не хочу васъ грабить, господинъ майоръ.

— Пожалуйста, пожалуйста, что за глупости: у меня полный портсигаръ. Моей женѣ пришла въ голову счастливая мысль прислать мнѣ сюда сигары. Да вы, молодые холостяки, и понятія не имѣете о томъ, что значитъ быть женатымъ на такой очаровательной женщинѣ!

— Вы совершенно правы, господинъ майоръ.

— Вотъ видите. И если Адольфъ принесъ вѣрное донесеніе, то, повидимому, мнѣ не придется выкурить всѣхъ сигаръ. А потому, вы сдѣлаете мнѣ одолженіе, если поможете.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, господинъ майоръ.

Сигары задымили.

— А я вспомнилъ, Шлоссеръ, что вы именно эти сигары съ удовольствіемъ курили послѣ нашихъ обѣдовъ у моей жены.

— Скажите — съ восторгомъ, господинъ майоръ.

— Ну, я не поэтъ... А вѣдь у насъ бывали иногда очень пріятные обѣды, Шлоссеръ, особенно, когда жена сама за столомъ заправляла салатъ. Она увѣряла, что выучилась этому въ Англіи, въ коварномъ Альбіонѣ, какъ теперь полагается выражаться офиціально. Помните, какъ она со свойственнымъ ей только одной движеніемъ слегка засучивала рукава... вотъ такъ... вотъ такъ...

— Я представляю себѣ вашу супругу только въ открытомъ платьѣ и съ короткими рукавами, господинъ майоръ. Разъ, я помню, она была въ платьѣ стального цвѣта, покрытомъ блестками. Казалось, будто она была въ серебряной кольчугѣ... или, вѣрнѣе, въ змѣиной шкурѣ.

— Вотъ какъ... только въ открытомъ платьѣ... Ахъ, ужъ

эти поэты! Сейчасъ-же кольчуга и змѣиная шкура... Впрочемъ, послѣднее сравненіе очень удачно, Шлоссеръ! Въ высшей степени удачно... Нельзя не согласиться съ этимъ!

Майоръ вдругъ умолкаетъ и, погрузясь въ глубокія думы, мрачно смотритъ передъ собой. Онъ нервно кусаетъ свои усы, и на минуту у Шлоссера является предположеніе, что онъ сказалъ что-нибудь непріятное для майора и обидѣлъ его своимъ сравненіемъ. А потому онъ спѣшитъ прибавить:

— Это сравненіе вырвалось у меня совершенно неожиданно для меня самого, господинъ майоръ... Надѣюсь, вы не придали ему какого-нибудь значенія?

— Есть о чемъ толковать, Шлосеръ!.. Я только хочу сказать, что такія сравненія, которыя приходятъ въ голову совершенно неожиданно, бываютъ самыя удачныя. Кто долго думаетъ, никогда не найдетъ подходящаго сравненія. А ваше вполнѣ подходящее... вполнѣ, мой дорогой!

Майоръ опять молчитъ и задумчиво смотритъ въ траву, гдѣ озабоченно и дѣловито ползаютъ муравьи, таская маленькія щепочки.

Вдругъ онъ быстро поворачивается къ Шлоссеру и спрашиваетъ его:

— Вѣдь вы съ Адольфомъ изъ восьмой роты закадычные друзья, Шлоссеръ?

Лейтенантъ съ изумленіемъ смотритъ на него:

— Ну, это, пожалуй, слишкомъ сильно сказано, господинъ майоръ. Я понимаю подъ закадычнымъ другомъ нѣчто иное.

— А что именно, Шлоссеръ?

— Мнѣ кажется, господинъ майоръ, что закадычные друзья посвящаютъ другъ друга во всѣ свои тайны, ничего не скрываютъ другъ отъ друга...

— А развѣ ротный Адольфъ скрываетъ отъ васъ что-нибудь, Шлоссеръ?

— Право, не знаю, господинъ майоръ... затрудняюсь отвѣтить вамъ на этотъ вопросъ. Вѣдь мы, холостяки, вообще ближе другъ съ другомъ, чѣмъ семейные товарищи нашего полка. Каждый день мы обѣдаемъ вмѣстѣ въ собраніи и тогда, конечно, случается, что мы обмѣниваемся парой дружескихъ словъ, открываемъ другъ другу свою душу... А иногда бываетъ и такъ, что у кого-нибудь вырвется острота или словечко, которыхъ лучше было бы не произносить. Но это и все, господинъ майоръ.

— Что вы подразумѣваете подъ словечкомъ, котораго лучше было бы не произносить, Шлоссеръ?

— Ну, мало ли о чемъ только ни болтаютъ...

— И о полковыхъ дамахъ, должно быть, также, Шлоссеръ?

Майоръ устремляетъ на своего адъютанта испытующій, даже пронизывающій взглядъ.

А тотъ отвѣчаетъ въ полной невинности души:

— Да вѣдь это такъ понятно, господинъ майоръ! Конечно, говорятъ и о полковыхъ дамахъ, когда въ собраніи за обѣдомъ соберется молодежь... Но могу завѣрить васъ, господинъ майоръ... лишь въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ.

Беркерсбургъ улыбается:

— Вотъ какъ... Лишь въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, Шлоссеръ?

— Увѣряю васъ, господинъ майоръ!

— Да, повидимому, молодежь становится лучше изъ года въ годъ! — говоритъ майоръ, какъ бы разсуждая съ самимъ собой. — Въ мое время, когда я былъ лейтенантомъ, мы тоже говорили въ собраніи о нашихъ полковыхъ дамахъ... Это была наша любимая тема... Но долженъ сказать правду, для каждой у насъ была своя кличка.

— Ну, что касается кличекъ, то, пожалуй, и у насъ онѣ въ ходу, господинъ майоръ.

— А, такъ вы и это относите къ почтительнымъ выраженіямъ, Шлоссеръ?

— Это зависитъ, господинъ майоръ... Если клички такого невиннаго свойства, какъ наши... Но, можетъ быть, васъ интересуетъ что-нибудь особенное, господинъ майоръ... разъ вы послѣ такого серьезнаго разговора, да еще въ нашемъ настоящемъ положеніи, заговорили о болтовнѣ въ офицерскомъ собраніи?

При этомъ прямомъ вопросѣ Шлоссера въ сердцѣ полковника вдругъ со всей силой вспыхиваетъ необузданная ревность и заставляетъ его забыть всякую предосторожность. Онъ говоритъ:

— Въ этотъ критическій, быть можетъ, часъ, Шлоссеръ, я прошу у васъ отвѣтить мнѣ по чести и по совѣсти, упоминались ли когда-нибудь въ собраніи имена господина Адольфа и моей жены въ какомъ-нибудь сопоставленіи?

Темно-каріе глаза Шлоссера смотрятъ на майора открыто и твердо, и онъ отвѣчаетъ убѣжденно:

— На этотъ вопросъ я могу отвѣтить по чести и совѣсти только «нѣтъ», господинъ майоръ. Никогда въ моемъ присутствіи не упоминались въ собраніи имена вашей супруги и ротнаго Адольфа въ какомъ бы то ни было сопоставленіи.

Майора передергиваетъ.

— Такъ нѣтъ, Шлоссеръ?

— По чести и по совѣсти — нѣтъ, господинъ майоръ.

Разговоръ обрывается.

Появляется горнистъ и рапортуетъ однимъ духомъ:

— Музыкантъ Винклеръ изъ восьмой роты командированъ въ штабъ господина майора фонъ-Беркерсбурга на смѣну горниста Швейглера.

— Такъ вы изъ восьмой?

— Точно такъ, господинъ майоръ.

— Въ такомъ случаѣ, считайте ваше откомандированіе изъ восьмой роты за счастье... или за несчастье, въ зависимости отъ вашего личнаго взгляда на положеніе вещей,— говоритъ майоръ. — Станьте вонъ тамъ подъ березой. Тамъ же стоялъ и вашъ предшественникъ.

— Слушаю, господинъ майоръ.

Беркерсбургъ встаетъ, беретъ бинокль въ руки и спускается съ холма. Онъ направляетъ его на линію, которая находится всего на разстояніи двухсотъ метровъ отъ лужайки.

Немного спустя онъ возвращается.

— Куда ни погляди, ничего не видно на далекое разстояніе кругомъ, Шлоссеръ. Должно быть, доносеніе-то все-таки оказалось уткой.

X.

— Добрый вечеръ, господинъ майоръ!

Это въ лѣсу раздается голосъ полковника Траутмана.

Беркерсбургъ оборачивается.

— Кажется, это голосъ господина полковника, Шлоссеръ?

— Точно такъ, господинъ майоръ.

Беркерсбургъ хочетъ попросить адъютанта пойти навстрѣчу полковнику, чтобы показать ему дорогу къ лужайкѣ, но въ эту минуту среди деревьевъ показывается голова «козла», а затѣмъ и фигура полковника Траутмана.

— Что за проклятая дорога!.. Впрочемъ, и дороги-то, въ сущности, никакой нѣтъ.

— Вотъ именно, господинъ полковникъ.

Траутманъ спрыгиваетъ съ коня съ такой ловкостью, что никакъ нельзя подумать, что ему уже пятьдесятъ шесть лѣтъ.

— Примите лошадь господина полковника, — говоритъ майоръ горнисту.

— А мнѣ хотѣлось посмотрѣть, все ли у васъ здѣсь

благополучно, господинъ майоръ? Ничего новаго? Никакихъ донесеній?

— Абсолютно ничего, господинъ полковникъ.

— Ужъ не провели ли насъ съ этимъ донесеніемъ, господинъ майоръ?

— Такъ и мнѣ кажется, господинъ полковникъ. Да и господинъ лейтенантъ Шлоссеръ того же мнѣнія...

— Да... да.. да.. но съ другой стороны, никогда не знаешь...

— Разумѣется, господинъ полковникъ. Я вообще нахожу, что господа французы уже не разъ водили насъ за носъ.

— Я совершенно съ вами согласенъ, господинъ майоръ. Вотъ, въ семидесятыхъ годахъ было совсѣмъ другое. Конечно, я это знаю только по наслышкѣ, но, чортъ возьми, подъ командой нашего Фрица мы надвигались, какъ буря!

На лицѣ Беркерсбурга появляется ироническая усмѣшка.

— Да, но зато во главѣ стоялъ тогда Мольтке, господинъ полковникъ.

— Но не хотите же вы сказать, господинъ майоръ...

— Конечно, я ничего не хочу сказать.. только тогда шло одно сраженіе за другимъ... Вейсенбургъ, Вертъ, Сенъ-Прива, Гравелоттъ, Седанъ, Парижъ... А теперь?.. Право, можно подумать, что мы ѣдемъ на улиткахъ

— Такъ вотъ, какъ вы думаете, господинъ майоръ,— говоритъ Траутманъ съ улыбкой.

— О, нѣтъ, я совершенно того же мнѣнія, что и вы, господинъ полковникъ!

Полковникъ думаетъ про себя: «Всегда одно и то же: я одного мнѣнія съ вами, господинъ полковникъ». Полковникъ и не подозрѣваетъ, какія независимыя и даже революціонныя мысли таятся за непроницаемымъ лбомъ Беркерсбурга, который такъ безукоризненно несетъ свою службу. Онъ не подозрѣваетъ, что у того въ душѣ давно уже нарастаетъ протестъ противъ всѣхъ общепринятыхъ мнѣній.

— Ну, а теперь я пройду на линію, господинъ майоръ. Честь имѣю кланяться.

— Честь имѣю кланятся, госнодинъ полковникъ.

Полковникъ пробирается сквозь деревья и черезъ десять минутъ онъ уже на линіи огня.

Ротный Адольфъ спѣшитъ ему навстрѣчу.

— Пожалуйста, не безпокойтесь, господинъ ротный.

Полковникъ подходитъ къ одному изъ солдатъ, лежа-

щему ничкомъ между двумя деревьями съ ружьемъ, направленнымъ на дорогу.

— Какъ тебя зовутъ, молодецъ?

Солдатъ невольно поворачивается.

— Не поворачивайтесь, — говоритъ полковникъ доброжелательнымъ тономъ, — вѣдь это противъ инструкціи.

— Слушаю, господинъ полковникъ.

— Скажите, мой другъ, если вы берете прицѣлъ тысяча двѣсти, то вы цѣлите въ середину мишени?

— Никакъ нѣтъ, господинъ полковникъ.

— Такъ куда же?

— Если мишенью является человѣкъ, то я цѣлю надъ головой.

— Почему надъ головой?

— Потому, что пуля летитъ по параболѣ, господинъ полковникъ.

— Кѣмъ вы были до призыва?

— Я докторъ естественныхъ наукъ, господинъ полковникъ.

— А какая ваша спеціальность?

— Физика, господинъ полковникъ.

Полковникъ удовлетворенъ повѣркой и прощается.

— Добрый вечеръ, господинъ полковникъ, — раздается въ лѣсу.

— Добрый вечеръ!

Углубившись въ размышленія, фонъ-Траутманъ медленно идетъ черезъ лѣсъ къ полянѣ и садится на своего «козла». Онъ ѣдетъ инспектировать также и роты, стоящія въ резервѣ, — такъ требуетъ долгъ службы.

* * *

Проходитъ добрыхъ полчаса послѣ того, какъ полковникъ покинулъ поляну. И вдругъ съ опушки доносится громкій и ясный голосъ Адольфа:

— Смирно! Прицѣлъ восемьсотъ... Огонь!..

Беркерсбургъ вскакиваетъ.

— Значитъ, это все-таки правда, Шлоссеръ!

Стройная фигура адъютанта выпрямляется. Его глаза блестятъ.

— Повидимому, господинъ майоръ, — говоритъ онъ кратко.

Откровенная бесѣда съ майоромъ, изученіе исторіи, карьера ученаго, наслѣдство дяди — все забыто! Оба офицера находятся во власти одной демонической мысли — уничтожить непріятеля.

Опять раздается голосъ Адольфа:

— Смирно!.. Цѣлься въ высокій тополь... Прицѣлъ девятьсотъ! Огонь!..

Раздается трескотня выстрѣловъ и покрываетъ всѣ другіе звуки, даже голоса командира не слышно. Со стрекотомъ вылетѣла изъ густыхъ вѣтвей ели сорока и унеслась въ чащу лѣса.

Майоръ оборачивается къ горнисту и говоритъ съ ледянымъ спокойствіемъ:

— Трубите сборъ, горнистъ, для другихъ ротъ.

— Слушаю, господинъ майоръ.

Рѣзко, повелительно раздаются звуки рожка въ тихомъ лѣсу въ перемежку съ трескотней ружей.

Второй, третій, четвертый горнисты отвѣчаютъ издалека.

И снова раздается голосъ Адольфа:

—Смирно! Цѣлься лѣво! Цѣль — колокольня въ Розей! Прицѣлъ шестьсотъ!.. Огонь!..

— Чортъ возьми! — ругается майоръ. — Они, должно быть, ползутъ со всѣхъ сторонъ, Шлоссеръ!..

— Повидимому, господинъ майоръ.

— Не выкурить ли по одной, Шлоссеръ? Это успокаиваетъ нервы.

И Беркерсбургъ протягиваетъ адъютанту свой портсигаръ.

Адъютантъ беретъ, на этотъ разъ молча, сигару, откусываетъ кончикъ и закуриваетъ ее.

— Смирно! Цѣлься прямо! Прицѣлъ пятьсотъ! Огонь! — слышится опять команда Адольфа.

— Право, они налетѣли, словно вихрь, — говоритъ майоръ. — И какъ они могли подойти такъ близко и незамѣтно?

Лейтенантъ пожимаетъ плечами.

— Да вѣдь все населеніе здѣсь помогаетъ имъ исподтишка, господинъ майоръ. Такая деревня кажется мирной и невинной, крестьяне строютъ такія рожи, точно они послѣдніе дураки, ну, а что у нихъ въ избахъ и за заборами — это никому неизвѣстно.

— Вы правы, Шлоссеръ, этого никогда не знаешь во вражеской странѣ.

Лейтенантъ плюетъ. Неизвѣстно, попалъ ли ему въ ротъ кусочекъ сигары, или это означаетъ его презрѣніе къ врагу.

— Да, это просто сволочь, господинъ майоръ! Франктиреры, предатели... куда ни посмотришь... Негодяи, кото-

рыхъ слѣдовало бы повѣсить на первомъ деревѣ или прикончить ударомъ приклада, потому что жалко на нихъ тратить порохъ и свинецъ.

Беркерсбургъ улыбается.

— Вы говорите это такъ просто, Шлоссеръ, потому что вы... надѣюсь, вы не разсердитесь на меня... потому что вы только повторяете то, что напѣли вамъ другіе. Я на это смотрю иначе.

— Иначе, господинъ майоръ?

— Да, мой другъ. Дѣло въ томъ, что, разсуждая такъ, вы забываете, что мы находимся во вражеской странѣ, а не наоборотъ.

— Я этого не забываю, господинъ майоръ.

— Тѣмъ лучше. Вотъ видите ли, у насъ не можетъ быть франктирёровъ, потому что наше населеніе не страдаетъ еще отъ ужасовъ войны. Только тамъ, гдѣ бушуетъ война, появляются франктиреры.

— И вы думаете, господинъ майоръ, что и у насъ могло бы быть нѣчто подобное?

— Я это не только думаю, но я надѣюсь, что это такъ...

Шлоссеръ съ изумленіемъ смотритъ на майора.

— Не смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ, господинъ лейтенантъ... Я увѣренъ, что франктирерамъ очень скоро дали бы другое названіе, если бы они появились не на лѣвомъ берегу Рейна, а на правомъ. Когда у человѣка горитъ его домъ, то онъ не думаетъ о томъ, надѣтъ у него мундиръ или нѣтъ, а просто хватается за оружіе и стрѣляетъ. Такъ это здѣсь и такъ это во всѣхъ странахъ, и такъ это было во всѣ времена. Одинъ нѣмецкій поэтъ сдѣлалъ героемъ своего произведенія человѣка, который застрѣлилъ ландъ-фогта, да еще изъ засады, чтобы избавить свое отечество отъ тирана. И это произведеніе стало вѣчнымъ, его читаютъ въ гимназіяхъ и заучиваютъ наизусть...

— Смирно! Цѣлься прямо!.. Прицѣлъ пятьсотъ! Огонь! — раздается снова съ опушки лѣса.

Беркерсбургъ настораживается.

— Что это, Шлоссеръ? Вѣдь это пулеметы!

— Точно такъ, господинъ майоръ, пулеметы.

Оба прислушиваются съ напряженіемъ.

Опять раздается голосъ Адольфа:

— Смирно! Цѣлься прямо!.. Прицѣлъ пятьсотъ! Огонь!

Трескотня ружей, слѣдующая за этой командой, становится все слабѣе и слабѣе, промежутки между выстрѣлами становятся все длиннѣе.

— Должно быть, непріятельскіе пулеметы оказываютъ свое дѣйствіе, господинъ майоръ, — говоритъ Шлоссеръ, лицо котораго приняло землистый оттѣнокъ.

Беркерсбургъ пристально смотритъ передъ собой. Онъ кусаетъ концы своихъ усовъ.

Адъютантъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что майоръ вдругъ измѣнился. Черты его застыли и приняли жесткое выраженіе. Онъ совершенно углубился въ свои мысли и точно забылъ, гдѣ находится и что дѣлается вокругъ него. Адъютантъ рѣшается напомнить ему:

— Огонь восьмой роты совсѣмъ ослабѣлъ, господинъ майоръ. Не пойти ли мнѣ узнать...

— Останьтесь, Шлоссеръ!

Повелительный тонъ Беркерсбурга, какого онъ никогда не позволялъ себѣ со своимъ адъютантомъ, заставляетъ Шлоссера вытянуться, и онъ отвѣчаетъ съ нѣкоторой запинкой:

— Слушаю, господинъ майоръ!

Беркерсбургъ не обращаетъ на него больше вниманія и точно забываетъ о его существованіи.

Онъ только съ напряженіемъ прислушивается къ хорошо знакомому голосу Адольфа, который продолжаетъ раздаваться на опушкѣ лѣса. И то, что этотъ голосъ все еще слышенъ, переворачиваетъ всю его душу.

— Смирно!.. Прямо цѣлься... Прицѣлъ четыреста!.. Огонь!

Словно изнемогая, раздаются два-три жалкихъ выстрѣла на опушкѣ.

Беркерсбургъ скрежещетъ зубами.

— Этого... ничто не беретъ!

— Вы изволили что-то сказать, господинъ майоръ?

— Не вамъ, господинъ лейтенантъ...

Майоръ вонзаетъ въ землю саблю.

Шлоссеръ отворачивается. На его лбу выступаютъ капли пота, точно это холодный потъ за тѣхъ умирающихъ которые всего на разстояніи какихъ-нибудь трехсотъ метровъ падаютъ по волѣ стоящаго передъ нимъ человѣка... приносятся въ жертву...

— Смирно!.. Цѣлься прямо... Прицѣлъ триста.. — опять слышится голосъ Адольфа.

Одинъ, два, три... пять выстрѣловъ... они тотчасъ же замираютъ... точно голоса утопающихъ... Потомъ тишина.. Слышится только ужасный отвѣтъ непріятельскихъ пулеметовъ... а потомъ... грохотъ..

— Непріятельская артиллерія!

Какъ крикъ раненаго звѣря, вырываются эти слова изъ груди Шлоссера.

Снова грохотъ... еще.. еще..

Непріятельская артиллерія!

Слышно, какъ гранаты падаютъ на землю въ лѣсу.

Въ промежуткахъ между залпами звучитъ голосъ Адольфа.

— Смирно!.. Непріятельская артиллерія!.. Прямо... Огонь... Прицѣлъ тысяча двѣсти...

— Этотъ парень сражается, какъ левъ, — бормочетъ майоръ.

Но онъ стоитъ все въ той же неподвижной позѣ.

Вдругъ между деревьями появляется солдатъ. Онъ задыхается и идетъ быстро къ холму на лужайкѣ.

Беркерсбургъ, мысленно стоящій на линіи огня, рядомъ съ Адольфомъ, который, вопреки всему, остается невредимымъ, смотритъ на солдата, словно это выходецъ съ того свѣта.

— Что нужно?

Солдатъ шатается.

— Вѣдь вы ранены!

Солдатъ падаетъ.

Шлоссеръ быстро вынимаетъ изъ сумки бинтъ и перевязываетъ солдату голову.

— Рана поверхностная... на лбу... пустяки, — бормочетъ Шлоссеръ.

Майоръ киваетъ головой.

— Развѣ вы не можете стоять?

Повелительный окрикъ заставляетъ солдата опомниться, онъ видитъ предъ собой майора и моментально вытягивается въ струнку.

— Господинъ ротный Адольфъ покорнѣйше проситъ подкрѣпленія, господинъ майоръ... у насъ осталось только двадцать девять человѣкъ отъ всей роты.

Лицо Беркерсбурга дѣлается каменнымъ. По нему проходитъ едва замѣтная судорога.

— Доложите господину ротному, что приказъ полковника гласитъ: беречь, беречь, беречь до послѣдняго человѣка!

— Слушаю, господинъ майоръ!

Раненый поворачивается и пробирается назадъ между буками и елями, чтобы передать своему командиру приказъ майора.

Онъ исчезаетъ... Беркерсбургъ не видитъ его больше...

Но тамъ, на опушкѣ лѣса все еще раздается команда Адольфа:

— Смирно!.. Непріятельская артиллерія... Прямо... Прицѣлъ тысяча... Огонь!..

И опять орудійная пальба и трескъ разрывающихся гранатъ...

— Проклятіе!..

Это срывается съ губъ майора, ибо голосъ Адольфа пересиливаетъ и этотъ трескъ... и, наконецъ, онъ оборачивается къ горнисту:

— Трубите сигналъ: седьмая рота въ атаку маршъ-маршемъ, горнистъ!

— Слушаю, господинъ майоръ.

Рѣзко разносится по лѣсу сигналъ, и черезъ минуту слышится отвѣтъ горниста седьмой роты — сигналъ понятъ

XI.

Снова проходитъ полчаса. Майору и адъютанту кажется, что минуты ползутъ съ мучительной медлительностью. «И надо же было, чтобы седьмая рота остановилась такъ далеко позади, — думаетъ Беркерсбургъ, — да и дорога по лѣсу... развѣ это дорога?»

Въ волненіи майоръ ходитъ большими шагами взадъ и впередъ по лужайкѣ.

Огонь восьмой роты становится все слабѣе и слабѣе. Временами его совсѣмъ не слышно. Но потомъ молчаніе вдругъ нарушается командой Адольфа, хотя голосъ измѣняетъ ему, онъ совсѣмъ охрипъ.

— Смирно! Непріятельская артиллерія справа... Прицѣлъ тысяча... Огонь!

Наконецъ, майоръ снова подходитъ къ горнисту:

— Повторите сигналъ, горнистъ: седьмая рота въ атаку маршъ-маршемъ!

Сигналъ разносится по лѣсу, ему отвѣчаетъ горнистъ седьмой роты, на этотъ разъ гораздо ближе, гораздо яснѣе, изъ глубины лѣса.

Беркерсбургъ переводитъ духъ.

— Слава Богу, Шлоссеръ! — говоритъ онъ адъютанту. — Они идутъ, идутъ, они не опоздаютъ!

— Точно такъ, господинъ майоръ.

А проклятая трескотня непріятельскихъ пулеметовъ все продолжается, гранаты одна за другой разрываются на опушкѣ лѣса, а одна шрапнель точно заблудилась и просвистѣла надъ головами обоихъ офицеровъ.

— Еще сигару, господинъ лейтенантъ... послѣдняя.

— Нѣтъ, благодарю васъ, господинъ майоръ... я не могу больше курить.

— Что это, неужели вы потеряли уже власть надъ вашими нервами?

Шлоссеръ подтягивается.

— Слушаю, господинъ майоръ.

Ни за что на свѣтѣ не хочетъ онъ проявить свою слабость передъ этимъ сильнымъ человѣкомъ, который спокойно приноситъ другихъ въ жертву и такъ же спокойно пожертвовалъ бы и своей жизнью, безъ всякаго энтузіазма, просто и сознательно.

Майоръ вдругъ быстро оборачивается къ нему. Онъ говоритъ быстро, голосъ его звучитъ глухо:

— Примите на минуту команду надъ батальономъ, Шлоссеръ, я пойду на линію посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Машинально Шлоссеръ произноситъ обычныя слова:

— Слушаю, господинъ майоръ.

Но и ему голосъ измѣняетъ.

Онъ понимаетъ, почему Беркерсбургу захотѣлось посмотрѣть, что дѣлается на линіи. Огонь восьмой роты прекратился... команда Адольфа замерла... на опушкѣ лѣса царитъ гробовая тишина... Боже! о, Боже!

Шлоссеру хочется удержать майора, потому что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ снова разорвалась граната. Но уже поздно. Майоръ исчезъ за деревьями.

Снова съ опушки появляется солдатъ восьмой роты.

— Что вамъ надо, стрѣлокъ?

Тотъ отвѣчаетъ, едва переводя духъ:

— Господинъ ротный Адольфъ еще разъ покорнѣйше проситъ прислать подкрѣпленіе... когда я уходилъ, у насъ оставалось только одиннадцать человѣкъ.

Послѣднія слова солдата покрываетъ громовое «ура».

Шлоссеру кажется, будто съ его плечъ свалилась гора.

Съ линіи опять доносится интенсивная стрѣльба. Шлоссеръ узнаетъ голосъ командира седьмой роты, который подоспѣлъ въ критическій моментъ со своими людьми.

— Вотъ они! — вырывается радостное восклицаніе у Шлоссера.

Стрѣлокъ, одинъ изъ одиннадцати уцѣлѣвшихъ, бросается назадъ къ линіи. На опушкѣ онъ ложится на землю, вкладываетъ новую обойму въ ружье и прицѣливается. Но не успѣваетъ онъ нажать собачку, какъ изъ его груди вырывается крикъ.

Онъ видитъ, какъ высокая фигура майора, который стоитъ позади линіи на колѣняхъ и ободряетъ своихъ людей,

вдругъ начинаетъ качаться изъ стороны въ сторону и затѣмъ исчезаетъ въ травѣ.

— Майоръ! — кричитъ солдатъ внѣ себя.

Его голосъ покрываетъ голосъ Адольфа.

— Унтеръ-офицеръ!

Надъ травой появляется голова.

— Примите команду надъ остатками восьмой роты!..

— Слушаю, господинъ ротный.

И, не обращая вниманія на непріятельскія пули, которыя градомъ сыплются на линію, Адольфъ встаетъ и въ три прыжка подбѣгаетъ къ майору.

— Ты раненъ, Беркерсбургъ?

Отвѣта нѣтъ.

— Ради Бога, скажи хоть слово... раненъ ты?

Адольфъ беретъ майора за плечо. Его глаза ищутъ помощи. Наконецъ, онъ видитъ одного изъ своихъ стрѣлковъ и кричитъ ему внѣ себя.

— Помогите мнѣ, Каммъ... господинъ майоръ!..

Каммъ подползаетъ къ нему — о томъ, чтобы встать, не можетъ быть и рѣчи, потому что градъ пуль еще усилился, въ листвѣ раздается шумъ, какъ при ливнѣ.

Съ помощью Камма Адольфъ поднимаетъ потерявшаго сознаніе майора.

— Туда, на лужайку... тамъ тихо, — приказываетъ Адольфъ. — Впередъ!

Они ползутъ на четверенькахъ черезъ траву и кустарники, не думая объ опасности и кое-какъ передвигая тѣло майора.

Майоръ не подаетъ признаковъ жизни, страшная потеря крови на мгновеніе лишила его сознанія.

— Мы никогда не дополземъ до лужайки, — говоритъ Адольфъ. — Онъ умретъ у насъ на рукахъ, Каммъ!.. Вонъ тамъ буковое дерево, тамъ тоже безопасно.

Съ громадными усиліями имъ удается, наконецъ, дотащить майора до подножія громаднаго бука.

— Куда онъ раненъ?

Адольфъ быстро растегиваетъ куртку майора.

— Нигдѣ ничего не видно, Каммъ! Да гдѣ же рана?

— Да вотъ, куда онъ раненъ, господинъ ротный... въ правую руку... у самой кисти... въ толстую жилу..:

— Поднимите руку... выше... еще выше, Каммъ, прижмите жилу...

Адольфъ быстро сдираетъ съ себя рубашку — весь перевязочный матеріалъ, который былъ при немъ, онъ уже давно истратилъ — разрываетъ ее на длинныя полосы, изъ

всѣхъ силъ перетягиваетъ руку майора выше раны и ... тѣмъ дѣлаетъ перевязку.

Фонтанъ крови сразу падаетъ. Если тряпки выдержат... то жизнь майора спасена.

— Слава Богу! — говоритъ Адольфъ. — А тепер... Каммъ, отнесемъ его, какъ можно осторожнѣе, на лужайку... огонь сталъ тише.

Черезъ четверть часа Каммъ и Адольфъ опускают... майора у ногъ адъютанта.

— Что съ нимъ? — спрашиваетъ Шлоссеръ.

— Онъ скоро придетъ въ себя, господинъ лейтенантъ.

— Вы думаете?

— Посмотрите сами.

На смертельно блѣдныхъ щекахъ майора появляется легкій румянецъ, жизнь возвращается къ нему, кровь снова начинаетъ циркулировать. Проходитъ пять минутъ. Наконецъ, Беркерсбургъ открываетъ глаза и спрашиваетъ:

— Гдѣ я?

— Въ безопасности, Беркерсбургъ.

— Ты... Адольфъ!.. Гдѣ я былъ?..

— Въ огнѣ.

— Ахъ, да...

Сознаніе медленно возвращается къ майору.

— А тамъ?..

— Тебя ранило осколкомъ гранаты въ руку. Къ счастью, это случилось недалеко отъ меня.

— Такъ это ты!..

— Да, я, Беркерсбургъ... Но вѣдь это понятно...

— Такъ... такъ...

Майоръ бормочетъ что-то едва слышно и погружается въ думы. Наступаетъ глубокое молчаніе, потомъ его сознаніе снова обволакиваетъ ночной мракъ, и онъ на мгновеніе забываетъ о прошедшемъ и настоящемъ.

Немного спустя его губы начинаютъ шевелиться, и онъ едва слышно произноситъ:

— Воды... воды.. дайте хоть глотокъ.. я горю!.

Адольфъ, точно любящая мать, подноситъ къ его губамъ свою фляжку, наполненную чернымъ кофе.

— Хорошо... какъ хорошо! — произносятъ безкровныя губы майора, и онъ уже не сознаетъ, кто утолилъ его жгучую жажду .

Адольфъ вскакиваетъ.

— Идемте, Каммъ! Господинъ лейтенантъ Шлоссеръ позаботится о майорѣ.

Солдатъ и офицеръ снова бросаются въ огонь, и черезъ

нѣсколько минутъ до лужайки доносится хриплый голосъ Адольфа:

— Смирно! Непріятельскіе стрѣлки!.. Прицѣлъ шестьсотъ!.. Огонь!..

Бой продолжается съ неослабѣвающей силой.

Медлено спускается надъ Труайонскимъ лѣсомъ ночь. Седьмая, шестая, пятая роты — всѣ уже вступили въ бой. Непріятельская артиллерія и пулеметы произвели ужасающее опустошеніе въ батальонѣ Беркерсбурга. Но самъ онъ не имѣетъ еще представленія объ этомъ. Онъ лежитъ безмолвно подъ старымъ букомъ на лужайкѣ. Сознаніе окончательно возвратилось къ нему, и онъ прислушивается...

Полная луна тихо льетъ свой свѣтъ. Мысли майора уносятся далеко на востокъ, въ Фалькенштейнъ. Какъ-то она живетъ?.. Но слабость даетъ себя чувствовать, и мысли его путаются, вѣки слипаются... Въ тяжелой полудремѣ онъ видитъ предъ собой кровь, слезы, огонь... въ сердцѣ смутно пробуждаются отголоски ревности, любви... И все это отходитъ на задній планъ, остается только неумолчный голосъ, который тамъ, на линіи мѣрно командуетъ:

— Смирно!.. Цѣлься прямо!.. Прицѣлъ шестьсотъ!.. Огонь!.

XII.

Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ Пьеръ Бюньонъ состоитъ мэромъ деревни Розей. И за все это время его маленькая коммуна не пережила столько волненій, сколько за послѣднія недѣли, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ въ Парижѣ была получена пресловутая германская депеша, и два дня спустя удивленный міръ сталъ передъ лицомъ свершившагося факта нашествія германцевъ на Бельгію.

Пьеръ Бюньонъ — вдовецъ, ему подъ шестьдесятъ лѣтъ. Въ своей маленькой деревушкѣ онъ довольно крупный землевладѣлецъ, а кромѣ того, онъ хозяинъ единственнаго въ Розей кафе.

Уныло смотритъ онъ сегодня передъ собой, стоя въ дверяхъ своего кафе, и жмурится на солнце, словно котъ послѣ сна. Поверхъ рубашки не первой чистоты, на немъ синяя куртка, на ногахъ войлочныя туфли, а на головѣ колпакъ, сине-бѣло-красная кисточка котораго небрежно свѣшивается на его голый затылокъ.

Пьеръ Бюньонъ въ дурномъ настроеніи духа. Дѣла въ кафе идутъ изъ рукъ вонъ плохо съ тѣхъ поръ, какъ вся молодежь изъ деревни стала подъ знамена. Да и военныя событія все болѣе и болѣе тѣснымъ кольцомъ стягиваются

вокругъ Розей. А послѣ того, какъ батальонъ «этихъ бошей» вошелъ въ деревню и расквартировался въ домахъ крестьянъ, стало совсѣмъ плохо жить. Розей кишитъ «бошами». Во всѣхъ домахъ и сараяхъ расположились они, какъ у себя дома. Все съѣстное они реквизировали, и крестьяне избѣгаютъ Café du raisin, потому что всегда рискуютъ застать тамъ кого-нибудь изъ «бошей».

«Ну, и времена!» — думаетъ Пьеръ Бюньонъ, почесывая всей своей жирной пятерней за ухомъ.

Это онъ только прикидывается, что вышелъ на крыльцо, чтобы посмотрѣть, какая погода. Онъ высматриваетъ совсѣмъ другое. Дѣло въ томъ, что майоръ, у котораго такое лицо, что лучше отъ него держаться подальше, прислалъ къ нему съ полчаса тому назадъ вѣстового, говорящаго по-французски, и тотъ предупредилъ мэра, что къ нему сегодня пожалуетъ майоръ. Зачѣмъ къ нему пожалуетъ майоръ, Пьеръ Бюньонъ не знаетъ, онъ знаетъ только, что ничего хорошаго отъ «боша» ожидать нельзя.

Продолжая ломать себѣ голову надъ тѣмъ, что еще могутъ реквизировать — ибо ничѣмъ другимъ нельзя было объяснить предстоящій визитъ майора, — Пьеръ Бюньонъ входитъ въ кафе.

У окна за столомъ трое крестьянъ играютъ въ карты. Они играютъ въ очень простую азартную игру, которая такъ распространена здѣсь.

— Здравствуйте, господа!

— Здравствуйте, отецъ Бюньонъ!

Крестьяне не даютъ себѣ труда поднять головы отъ картъ.

За стойкой стоитъ Жанна Луавиръ, племянница мэра, исполняющая обязанности служанки въ кафе. Она говоритъ дядѣ, что весь сидръ въ кувшинѣ вышелъ.

— Сходи въ погребъ и принеси еще, — отвѣчаетъ отецъ Бюньонъ.

Онъ подходитъ къ крестьянамъ и съ минуту смотритъ на ихъ игру.

— А тебѣ везетъ, Марто! — говоритъ онъ.

— Нечего сказать, везетъ, — ворчитъ вполголоса Марто, — когда въ деревню забрались «боши»...

— Сколько же у васъ ихъ стоитъ, отецъ Марто? — спрашиваетъ Бюньонъ.

— Не бойся, съ меня хватитъ!

Второй крестьянинъ, по имени Россъ, говоритъ нетерпѣливо:

— Сдавай же, Марто!

Третій молча качаетъ только головой, и снова всѣ по-гружаются въ игру.

Съ нѣкоторыхъ поръ въ Café du raisin вообще мало говорятъ, но сегодня у всѣхъ какое-то особенно подавленное настроеніе.

«Боши» выиграли-таки сраженіе въ труайонскомъ лѣсу, несмотря на то, что французовъ было въ четыре раза больше. Потому-то нѣмцы и вошли въ Розей и хозяйничаютъ, какъ у себя дома. И въ Розей происходитъ броженіе.

Пьеръ Бюньонъ идетъ за стойку. Жанна Луазиръ только что поднялась изъ погреба.

— Гдѣ Луи? — спрашиваетъ Бюньонъ племянницу.

— Не знаю, дядя.

— Какъ не знаешь?

— Да право, дядя, не знаю,— увѣряетъ молодая дѣвушка.

Ее можно было бы назвать очень хорошенькой, если бы не была одѣта понеопрятнѣе. Она свѣженькая и пухленькая, ей не болѣе 18 лѣтъ. Но неуклюжее, грубое платье и грязный фартукъ очень ее портятъ. Впрочемъ, когда молодежь Розей уходила подъ знамена и по этому случаю въ деревнѣ было нѣчто вродѣ празднества, Жанна одѣлась въ свое воскресное платье и привлекла всю молодежь къ кафе дяди.

— Такъ ты не знаешь, гдѣ Луи? — спрашиваетъ опять Бюньонъ.

— Да нѣтъ же, дядя! Право, не знаю.

— Ладно, — ворчитъ мэръ, — позови-ка сюда Шарля.

Жанна уходитъ въ дверь, ведущую на дворъ. А Бюньонъ снова подходитъ къ крестьянамъ. Ему хочется побесѣдовать съ ними о политикѣ.

— Ну, а вы, Шербюльонъ, вы довольны вашими «бошами»?

Шербюльонъ, маленькій, горбатенькій крестьянинъ, отвѣчаетъ съ злорадной улыбкой:

— О, я вполнѣ доволенъ! Во всякомъ случаѣ, они меня не объѣдятъ... Они мнѣ не довѣряютъ, должно быть...

Мэръ смѣется.

— Куда же дѣвался Луи? — говоритъ онъ вполголоса. Луи, его единственный сынъ, зеница его ока. Обѣ старшія дочери замужемъ и уже нѣсколько лѣтъ, какъ покинули Розей. Оба зятя на войнѣ. Но Луи при немъ, мальчику только что минуло шестнадцать лѣтъ. Онъ родился, когда Бюньонъ и его жена были уже далеко не молоды, и рожденіе этого ребенка стоило жизни матери.

— Хотѣлъ бы я знать, гдѣ Луи? — говоритъ на это[...] разъ громко Бюньонъ.

— Да отстань ты со своимъ Луи, отецъ Бюньонъ! [...] ворчитъ старый Марто. — Ты только путаешь насъ, [...] никакъ не разсчитаться... Ну, Россъ, выкладывай еще... [...]

Россъ вынимаетъ кожаную мошну, въ которой [...] носитъ все свое состоянiе, и начинаетъ осторожно выбира[...] монету за монетой. Онъ спокойно, не торопясь, выклад[...]ваетъ большiя мѣдныя монеты на столъ, точно во [...] Розей нѣтъ ни одного «боша» и точно нѣтъ никакой войн[...]

Въ дверь раздается рѣзкiй стукъ. Отецъ Бюньон[...] прикурнувшiй за стойкой, вскакиваетъ съ мѣста. Крестьян[...] застываютъ въ неподвижныхъ позахъ и прислушиваются. Жанна шмыгаетъ въ кухню. Только Минеттъ, хорошенькая сѣренькая кошечка, остается невозмутимой, она продолжаетъ спокойно мурлыкать на скамьѣ за стойкой.

— Войдите, — говоритъ съ досадой отецъ Бюньонъ.

— Свиньи паршивыя! — ворчитъ Россъ.

Въ дверяхъ появляется долговязый померанскiй гренадеръ. Онъ право-фланговый пятой роты, одинъ изъ т[...] немногихъ изъ батальона Беркерсбурга, уцѣлѣвшихъ по[...] бойни въ труайонскомъ лѣсу.

При видѣ этой внушительной фигуры отецъ Бюнь[...] невольно снимаетъ колпакъ и мнетъ его въ рукахъ. Гре[...] деръ передаетъ розейскому мэру въ «собственныя ру[...] записку на французскомъ языкѣ.

— Оружiе... ну, да, оружiе... — бормочетъ про се[...] мэръ.

Гренадеръ кланяется и уходитъ.

— Что, идутъ? — спрашиваетъ Марто.

— Конечно, идутъ, — отвѣчаетъ мэръ.

Крестьяне въ одну минуту сгребаютъ карты. Жан[...] снова появившаяся изъ кухни, торопливо собираетъ день[...]

— До свиданья, господа, — говоритъ она.

Словно кошки, тихо выскальзываютъ крестьяне из[...] кафе.

Мэръ остается наединѣ съ Жанной.

— Да куда же, въ самомъ дѣлѣ, дѣвался Луи? — спр[...]шиваетъ онъ снова.

— Не знаю,—коротко отвѣчаетъ Жанна. Но на лицѣ [...] мелькаетъ зловѣщая усмѣшка, точно она приняла како[...] мрачное рѣшенiе. Отъ Бюньона это не ускользаетъ, и о[...] бросаетъ:

— Безъ глупостей! Слышишь?..

— Слышу, дядя, — отвѣчаетъ молодая дѣвушка. Но въ глазахъ ея остается выраженіе упорства.

Отецъ Бюньонъ хочетъ повторить свой окрикъ, хотя сознаетъ, что это ни къ чему не поведетъ, но тутъ въ кафе входитъ майоръ фонъ-Беркерсбургъ въ сопровожденіи унтеръ-офицера Вольфа.

Майоръ блѣденъ, раненая рука на перевязи. Бросивъ короткое бонжуръ, на которое не послѣдовало отвѣта, онъ идетъ къ столу и говоритъ:

— Очистите, mademoisell!

Жанна молча принимается исполнять приказаніе. Унтеръ-офицеръ Вольфъ подходитъ къ окну и смотритъ на дворъ, гдѣ въ мусорной кучѣ копошатся куры. У Вольфа подмышкой синяя шнуровая тетрадь — знакъ того, что майоръ собирается здѣсь, въ кафе, отправлять служебныя обязанности. Съ тѣхъ поръ, какъ его батальонъ вошелъ въ Розей, онъ сталъ хозяиномъ этой деревни.

— Перо и чернила!—приказываетъ по-нѣмецки майоръ.

Жанна вопросительно смотритъ на него. Беркерсбургъ недовольно повторяетъ приказаніе по-французски.

Молодая дѣвушка, не торопясь, идетъ за стойку, гдѣ уже опять усѣлся отецъ Бюньонъ, и беретъ съ полки перо и чернила.

— Садитесь, унтеръ-офицеръ!

— Слушаю, господинъ майоръ.

Беркерсбургъ и Вольфъ садятся за столъ. Столъ стоитъ у самаго окна. Жанна приставила къ нему стулъ спинкой къ окну. Окно, по крестьянскому обычаю, закрыто. Ставя на столъ чернила, дѣвушка спрашиваетъ:

— Вина, сударь?

— Четверть литра, mademoisell!

— Краснаго или бѣлаго?

— Бѣлаго.

Жанна Луазиръ ставитъ на подносѣ два стакана и бутылку и подаетъ «бошамъ» французское вино.

— Пейте, унтеръ-офицеръ!

— Слушаю, господинъ майоръ.

— Ахъ, да бростьте вы это «слушаю». Пейте, если хотите, только безъ «слушаю»...

— Покорно благодарю, господинъ майоръ.

Вольфъ наливаетъ въ стаканъ вина и пьетъ, майоръ бросаетъ дѣвушкѣ пятьдесятъ сантимовъ. Жанна хочетъ дать сдачи, но майоръ останавливаетъ ее движеніемъ руки.

Поблагодаривъ, Жанна снова уходитъ къ дядѣ за стойку.

Майоръ погружается въ мрачную задумчивость.

— Очень болитъ у васъ рана, господинъ майоръ? — спрашиваетъ участливо Вольфъ.

— Нѣтъ, совсѣмъ не болитъ, Вольфъ... спасибо за вниманіе... Вообще у меня рука совсѣмъ не болѣла. Голова только кружилась немного... Это было просто кровопусканіе, Вольфъ, —и больше ничего. Это сбережетъ мнѣ расходы, по крайней мѣрѣ, на три курса Маріенбада.

Съ этими словами майоръ наливаетъ въ стаканъ вина и отпиваетъ.

— А какъ здоровье господина полковника? — спрашиваетъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Господинъ штабной врачъ сказали сегодня утромъ, что жизнь господина полковника еще въ опасности.

— Вотъ какъ, все еще въ опасности...

— Господинъ штабной врачъ сказали, что прострѣлено легкое.

— А... легкое... Скажите, Вольфъ, видѣли ли вы рапорты ротныхъ командировъ въ полковой канцеляріи?

— Точно такъ, господинъ майоръ.

— Ну?

Вольфъ шепчетъ, хотя и знаетъ, что мэръ и его племянница почти ни звука не понимаютъ по-нѣмецки.

— Ну, такъ что же?—спрашиваетъ опять майоръ, не разслышавъ, что сказалъ Вольфъ.

— Восемьдесятъ процентовъ выбывшихъ изъ строя, господинъ майоръ, — повторяетъ Вольфъ нѣсколько громче. —Отъ восьмой роты, кромѣ ротнаго Адольфа, осталось еще шесть человѣкъ.

Беркерсбурга передергиваетъ.

«Зачѣмъ Вольфъ заговорилъ именно про восьмую роту и упомянулъ именно Адольфа, роту котораго онъ послалъ первой въ огонь?»—проносится у него въ головѣ, и тутъ же онъ вспоминаетъ, что обязанъ жизнью этому Адольфу, что безъ его помощи онъ изошелъ бы кровью тамъ же, на линіи.

Не далѣе, какъ вчера, штабной врачъ сказалъ ему: «Вы неминуемо погибли бы, господинъ майоръ, если бы, на ваше счастье, вамъ кто-то не перевязалъ жилы и не остановилъ кровь». А онъ послалъ этого «кого-то» на вѣрную смерть... «Поставь Урію тамъ...» ... Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ вѣчно объ этомъ думать!

Чтобы дать другое направленіе разговору, майоръ спрашиваетъ Вольфа, хотя и знаетъ, что тотъ — сама исполнительность:

— Вы доложили господину ротному Адольфу и господину лейтенанту Шлоссеру, что я прошу ихъ пожаловать сегодня въ это кафе?

— Точно такъ, господинъ майоръ.

— А вольноопредѣляющагося Клотца вы предупредили?

— Точно такъ, господинъ майоръ. Вольноопредѣляющійся Клотцъ стоитъ какъ разъ въ этомъ домѣ.

— Отлично, унтеръ-офицеръ. Вѣдь вольноопредѣляющійся Клотцъ хорошо говоритъ по-французски?

— Отлично, унтеръ-офицеръ. Вѣдь вольноопредѣляющійся Клотцъ провелъ три семестра въ Греноблѣ и тамъ въ совершенствѣ изучилъ французскій языкъ.

— Отлично. Какое счастье, унтеръ-офицеръ, что онъ уцѣлѣлъ. Здѣсь такъ трудно обходиться безъ людей, понимающихъ по-французски.

— Точно такъ, господинъ майоръ, безъ такихъ людей здѣсь трудно обходиться,—повторяетъ Вольфъ и снова уныло смотритъ на куръ.

Точно читая въ мысляхъ унтеръ-офицера, майоръ спрашиваетъ его:

— Ну, а остальныя роты нашего батальона, Вольфъ, а также и другихъ батальоновъ нашего полка?.. Вѣдь, вы знаете, я не въ курсѣ дѣла, такъ какъ эти дни лежалъ въ лазаретѣ.

— Та же исторія, господинъ майоръ. Въ среднемъ выбыло восемьдесятъ процентовъ изъ строя. Больше и я ничего не знаю, такъ какъ рапорты еще не сведены.

— Главное, это то, Вольфъ, что нашему лѣвому крылу удался обходъ форта Труайонъ.

— Точно такъ, господинъ майоръ, это самое главное.

— Если бы даже изъ-за этого пришлось послать къ чорту весь нашъ полкъ!...

— Если бы даже изъ-за этого пришлось послать къ чорту весь нашъ полкъ, господинъ майоръ!

Водворяется долгое молчаніе. Вольфъ пьетъ вино. Беркерсбургъ о чемъ-то думаетъ. Онъ чувствуетъ слабость и недомоганіе, сильная потеря крови подорвала серьезно его силы. Онъ не хочетъ поддаваться этой слабости, онъ бодрится, потому что теперь долженъ стать во главѣ остатковъ полка. Генералъ представилъ его къ наградѣ Желѣзнымъ Крестомъ перваго класса.

На губахъ Беркерсбурга появляется горькая усмѣшка. Онъ смѣется надъ двойственностью своей натуры. Онъ ловитъ себя на томъ, что многое, на что онъ смотритъ свысока и что онъ презираетъ, все-таки доставляетъ ему из-

вѣстное удовольствіе. Къ чему привело его честолюбіе, его, человѣка холоднаго и съ философской складкой ума, человѣка, презирающаго все показное и глядящаго всегда въ корень вещей?

Какъ смотрятъ въ Германіи сотни, сотни тысячъ и милліоны на это безвременье? Какъ на ураганъ, который долженъ пронестись надъ землей и съ которымъ примиряются, какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ? Или, можетъ быть, иначе? Какъ на испытаніе, ниспосланное Богомъ этому народу? А онъ, стоящій подъ Труайономъ во главѣ жалкихъ остатковъ полка, съ рукой на перевязи, съ обезсилѣвшимъ отъ петери крови тѣломъ, которое — онъ это хорошо сознавалъ—никогда уже больше какъ слѣдуетъ не оправится, онъ смотритъ въ самую глубь событій, какъ смотрятъ сквозь прозрачную воду озера на дно, покрытое камешками. И сегодня онъ уже ясно видитъ, что тамъ, на самомъ днѣ, нѣтъ ни жемчуга, ни золота.

Но онъ во власти своей собственной воли. Онъ заставляетъ себя силой воли пройти до конца тотъ путь, который онъ когда-то, или уступая предразсудкамъ, или вслѣдствіе заблужденія, избралъ себѣ. И онъ принуждаетъ себя быть передъ людьми тѣмъ, чѣмъ онъ обязанъ быть.

Да, такъ это и есть. На днѣ — лишь ничего не стоющіе камешки!.. А Мелани? Мелани, которой онъ никогда не обладалъ и которая никогда не будетъ принадлежать ему!.. Мелани, ради которой онъ взвалилъ на свою совѣсть новое бремя... Вѣдь только благодаря слѣпой судьбѣ, онъ не сдѣлался хладнокровнымъ убійцей... и благодаря этому и его жизнь была спасена. Убійцей друга, который во всемъ довѣрялъ ему и котораго она любила и сейчасъ еще любитъ больше всего на свѣтѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ ея письмо, которое онъ сегодня получилъ отъ нея изъ Фалькенштейна и которое лежитъ у него въ карманѣ...

Отъ этихъ мыслей его отрываетъ этотъ самый другъ, который входитъ въ кафе вмѣстѣ съ адъютантомъ Шлоссеромъ.

XIII.

— Здравствуй, Беркерсбургъ!

Голосъ ротнаго Адольфа звучитъ весело и беззаботно.

— Здравствуй, Адольфъ.

— Вольно, унтеръ-офицеръ!

Вольфъ, вытянувшійся въ струнку, принимаетъ непринужденное положеніе.

— Сидите спокойно, унтеръ-офицеръ... Ну, какъ ты чувствуешь себя сегодня, Беркерсбургъ?

— Спасибо, Адольфъ, гораздо лучше. Но слабость все еще даетъ себя чувствовать.

— Ничего, старый другъ, все наладится!

— Будемъ надѣяться.

Шлоссеръ также подходитъ къ майору:

— Разрѣшите и мнѣ освѣдомиться о вашемъ здоровьѣ, господинъ майоръ!

— Очень благодаренъ, мой милый Шлоссеръ. Господа, садитесь же, пожалуйста.

Адольфъ и Шлоссеръ садятся. Стулъ Адольфа стоитъ въ нишѣ окна.

Майоръ обращается къ унтеръ-офицеру:

— Позовите сюда вольноопредѣляющагося Клотца, унтеръ-офицеръ, чтобы мы могли немедленно же приступить къ дѣлу.

— Слушаю, господинъ майоръ.

Съ этими словами Вольфъ выходитъ.

— Что за ужасный воздухъ здѣсь, — замѣчаетъ Адольфъ. — Если вы ничего не имѣете противъ этого, господа, то я отворю окно.

— Да, воздухъ отвратительный. Смотри только, Адольфъ, какъ бы тебя не просквозило. Вѣдь ты сидишь какъ разъ спиной къ окну.

— Ничего, я не боюсь. Я люблю свѣжій воздухъ.

Адольфъ встаетъ, растворяетъ окно и затѣмъ снова садится на тотъ же стулъ. Жанна Луазиръ, точно кошечка, подходитъ тихо къ столу.

— Что вамъ подать? — спрашиваетъ она, наклоняясь къ Адольфу и Шлоссеру.

— Краснаго.

— Слушаю, сударь.

— Знаешь, Беркерсбургъ, — говоритъ Адольфъ, — тебѣ не лишнее было бы повидаться съ штабнымъ врачомъ и посовѣтоваться на счетъ твоего здоровья. Лучше всего было бы для тебя съѣздить домой на побывку.

Беркерсбургъ грустно улыбается.

— На побывку домой, Адольфъ, — повторяетъ онъ слова Адольфа съ особенной интонаціей. Потомъ добавляетъ совсѣмъ просто: — Вѣдь ты знаешь, что у меня нѣтъ больше дома, Адольфъ, съ тѣхъ поръ, какъ она уѣхала къ отцу.

Онъ умолкаетъ и грустно смотритъ въ пространство, думая свои думы.

Потомъ вдругъ, какъ бы подъ вліяніемъ наплыва непонятныхъ для Адольфа чувствъ, онъ долго и крѣпко жметъ ему руки и говоритъ:

— Я никогда не забуду, что ты для меня сдѣлалъ, Адольфъ! Слышишь, никогда, никогда!

— Да вѣдь это было такъ естественно, Беркерсбургъ.

— Естественно? Отбѣжать отъ линіи огня, чтобы спасти другого тамъ, гдѣ люди падали дюжинами. Развѣ это такъ естественно?

— Для меня да, потому что этотъ другой былъ батальонный командиръ, Беркерсбургъ.

— Только изъ-за этого, Адольфъ?

Адольфъ не сразу отвѣчаетъ.

— Да, только изъ-за этого, — говоритъ онъ, наконецъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ...

Беркерсбургъ улыбается. Онъ хорошо знаетъ, что Адольфъ спасалъ его, какъ друга, а не какъ начальника.

Во время ихъ разговора Шлоссеръ всталъ и, чтобы не быть нескромнымъ, отошелъ въ сторону и началъ разглядывать гравюру на стѣнѣ. Гравюра изображала типы французской арміи, которую они пришли уничтожать, ворвавшись для этого черезъ Бельгію во Францію.

Шлоссеръ смотритъ на гравюру и насвистываетъ.

Входитъ унтеръ-офицеръ Вольфъ съ вольноопредѣляющимся Клотцомъ. Они стоятъ у двери и ждутъ, пока офицеры кончатъ разговаривать. Только тогда Клотцъ подходитъ къ майору и рапортуетъ:

— Вольноопредѣляющійся Клотцъ, переводчикъ изъ восьмой роты, честь имѣю явиться.

— Вы свободно говорите по-французски, вольноопредѣляющійся?

— Такъ точно, господинъ майоръ.

— Хорошо. А теперь прошу васъ, господа, сѣсть. Унтеръ-офицеръ Вольфъ, вы будете вести протоколъ.

— Слушаю, господинъ майоръ.

— Вольноопредѣляющійся Клотцъ, скажите вонъ этому человѣку за стойкой, чтобы онъ подошелъ сюда и сталъ у этого стола.

Нехотя исполняетъ отецъ Бюньонъ приказаніе, переданное ему по-французски Клотцомъ.

— Спросите его, какъ его зовутъ, имя, фамилію, и житель ли онъ деревни Розей?

На вопросы Клотца отецъ Бюньонъ отвѣчаетъ отчетливо:

— Мари-Жозефъ-Пьеръ Бюньонъ, родился 18 іюня 1853 года, мэръ деревни Розей.

— Онъ женатъ?

— Вдовецъ, сударь.

Бюньонъ покачивается изъ стороны въ сторону и стоитъ въ небрежной позѣ, засунувъ обѣ руки въ карманы брюкъ. У него такое чувство, будто «боша» это раздражаетъ, и это доставляетъ ему особенное удовольствіе.

Беркерсбургъ старается не обращать вниманія на поведеніе мэра. Онъ продолжаетъ допросъ:

— Есть у него дѣти, сыновья или дочери, сколько ихъ, женаты или замужемъ они, сколько имъ лѣтъ, здѣсь ли они, или нѣтъ, вольноопредѣляющійся Клотцъ!

Рядовой повторяетъ вопросы майора по-французски.

Мэръ, который самъ многое множество разъ производилъ такіе допросы, отвѣчаетъ съ безукоризненной точностью и дѣловой краткостью.

У него трое дѣтей, двѣ дочери и одинъ сынъ, двадцати пяти, двадцати трехъ и шестнадцати лѣтъ. Дочери замужемъ и уѣхали изъ Розей, сынъ состоитъ при немъ.

— А кто эта молодая дѣвушка, которая прислуживаетъ въ кафе?

— Жанна Луазиръ, моя племянница, сударь, — отвѣчаетъ отецъ Бюньонъ.

— Есть въ Розей кюре?

— Есть кюре — Жанъ Бонвизажъ.

— Гдѣ живетъ кюре?

— Въ церковномъ домѣ у самой церкви.

— Кто самый богатый землевладѣлецъ въ Розей?

— Аристидъ Марто.

— Онъ живетъ далеко отсюда?

— Какъ разъ напротивъ кафе.

— Хорошо.

Отецъ Бюньонъ презрительно улыбается. Онъ находитъ вопросы майора совершенно праздными.

Но Беркерсбургъ остается холоднымъ и невозмутимымъ. Онъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на улыбку мэра. Онъ говоритъ спокойно Вольфу:

— Передайте вольноопредѣляющемуся Клотцу мое объявленіе жителямъ деревни Розей, которое должно быть расклеено по стѣнамъ, и скажите ему, унтеръ-офицеръ, чтобы онъ перевелъ для мэра деревни Розей это объявленіе на французскій языкъ.

Клотцъ читаетъ бумагу и переводитъ ее вслухъ на французскій языкъ:

Жителямъ Розей.

Жителямъ Розей подъ страхомъ смерти воспрещается:
1. Хранить у себя оружіе.
2. Послѣ наступленія темноты появляться на улицахъ.
3. Закрывать ставни оконъ.
4. Всякія враждебныя дѣйствія противъ Его Величества короля Прусскаго.

— Вы поняли, господинъ мэръ деревни Розей?

— Parfaitement, monsieur!

— И вы исполнили приказаніе, переданное вамъ сегодня утромъ моимъ ординарцемъ?

Клотцъ переводитъ вопросъ майора, и мэръ, въ свою очередь, спрашиваетъ:

— О какомъ приказаніи вы говорите, сударь?

— Относительно оружія.

— Оружіе въ сараѣ.

— Въ которомъ?

— Въ сараѣ возлѣ мэріи.

— Все оружіе? — На словѣ «все» майоръ дѣлаетъ особое удареніе.

Мэръ отвѣчаетъ торжественно:

— Все оружіе, сударь!

— Вы отвѣчаете своей головой, мэръ деревни Розей, если окажется, что не все оружіе сложено въ сарай. Понимаете?

— Parfaitement, monsieur!

— А теперь скажите мэру, вольноопредѣляющійся Клотцъ, что я принужденъ взять его, кюре и того крестьянина... какъ его зовутъ?

— Аристидъ Марто, господинъ майоръ.

— ...и крестьянина Аристида Марто заложниками и запереть ихъ въ церкви, чтобы населеніе Розей въ точности подчинялось моимъ распоряженіямъ.

Клотцъ повторяетъ слова майора по-французски.

При словѣ «otages» на лицѣ отца Бюньона появляется кислосладкая улыбка. Онъ говоритъ:

— Разъ это находятъ необходимымъ...

И онъ пожимаетъ своими широкими плечами такъ, что голова его совершенно уходитъ въ нихъ.

— Да, это необходимо... Унтеръ-офицеръ Вольфъ!

— Господинъ майоръ?

— Идите въ пожарное депо Розей, захватите тамъ двухъ человѣкъ и приведите сюда кюре и крестьянина Аристида Марто.

— Слушаю, господинъ майоръ!

Унтеръ-офицеръ Вольфъ и Клотцъ уходятъ.

Майоръ обращается къ Шлоссеру:

— А васъ, господинъ лейтенантъ, я попрошу еще разъ проконтролировать оружіе въ сараѣ.

— Слушаю, господинъ майоръ.

— Ключъ отъ сарая у васъ, мэръ?

— Я не понимаю.

Майоръ повторяетъ вопросъ по-французски.

— Да, сударь, — отвѣчаетъ Бюньонъ.

Медленно направляется отецъ Бюньонъ, шлепая войлочными туфлями, за стойку, снимаетъ ключъ съ гвоздя и передаетъ его Шлоссеру.

— Идемте со мной, — говоритъ ему Шлоссеръ, указывая на дверь.

Отецъ Бюньонъ смотритъ на «боша» испытующимъ взглядомъ и молча выходитъ въ дверь.

Беркерсбургъ и Адольфъ остаются совсѣмъ одни въ кафе, такъ какъ Жанна Луазиръ, точно слѣдуя примѣру своего дяди, тоже безслѣдно исчезаетъ.

XIV.

Проходитъ добрыхъ полчаса. Наконецъ, унтеръ-офицеръ Вольфъ возвращается вмѣстѣ съ вольноопредѣляющимся Клотцомъ, кюрэ Бонвизажемъ и крестьяниномъ Марто.

Въ теченіе этого получаса, пока Беркерсбургъ и Адольфъ оставались съ глазу на глазъ, имъ такъ удобно было бы поговорить по душѣ. Но каждый разъ, когда майоръ начиналъ заговаривать о своей благодарности, Адольфъ переводилъ разговоръ на другое. Беркерсбургъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что его другъ знаетъ о его преступномъ замыслѣ. И вотъ между этими двумя людьми точно разверзлась бездна, которую они тщетно старались заполнить безразличными разговорами. А потому оба съ облегченіемъ вздохнули, когда имъ не надо было больше оставаться наединѣ.

Унтеръ-офицеръ Вольфъ рапортуетъ:

— Унтеръ-офицеръ Вольфъ и вольноопредѣляющійся Клотцъ изъ восьмой роты съ кюрэ Бонвизажемъ и крестьяниномъ Марто явились.

— Мы подождемъ, — рѣшаетъ майоръ, — пока не воз вратится господинъ лейтенантъ Шлоссеръ съ мэромъ де ревни Розей.

— Слушаю, господинъ майоръ.

Беркерсбургъ и Адольфъ снова садятся на прежнія мѣ ста. Унтеръ-офицеръ и рядовой стоятъ съ кюрэ и крестьяниномъ у дверей.

Майоръ обращается къ кюрэ и крестьянину:

— Вы можете сѣсть, господа.

Молчаніе.

Беркерсбургъ повторяетъ то же самое по-французски.

Съ тонкой усмѣшкой кюрэ опускается на скамью у стѣны. Его примѣру слѣдуетъ Марто, который, видимо, въ высшей степени недоволенъ всей этой исторіей съ «бо шами».

Беркерсбургъ пользуется этими минутами ожиданія для того, чтобы составить себѣ какое-нибудь представленіе о заложникахъ. Онъ осматриваетъ ихъ испытующимъ взоромъ.

«Отъ этихъ ничего добраго ожидать нельзя», проно сится вдругъ у него въ головѣ.

Крестьянинъ даже не желаетъ скрывать своего про теста. Ну, что касается его, то съ такими прусскому майору нетрудно справиться. Своихъ солдатъ въ такихъ случаяхъ онъ просто сажаетъ въ карцеръ, а этотъ... этого можно за переть въ какомъ-нибудь подвалѣ въ Розей... А вотъ кюрэ... Этотъ высокій, худой человѣкъ съ серебряными волосами, среди которыхъ ярко выдѣляется тонзура, не произнесъ еще ни одного слова... Да, съ нимъ надо быть осторож нымъ, несмотря на его серебряные волосы, которые такъ красиво обрамляютъ его благородную голову.

«Ты стоишь на кратерѣ, почва подъ тобой минирована», говоритъ себѣ Беркерсбургъ.

Появляется Шлоссеръ въ сопровожденіи мэра.

— Все въ порядкѣ, господинъ лейтенантъ? — спраши ваетъ майоръ.

— Такъ точно, господинъ майоръ. Господинъ мэръ за вѣрилъ меня честнымъ словомъ, что въ сараѣ собрано все оружіе.

— И вы напомнили мэру еще разъ, что онъ своей го ловой отвѣчаетъ за вѣрность своего утвержденія?

— Такъ точно, господинъ майоръ.

— Онъ и двое другихъ заложниковъ: кюрэ Бо[illegible] и крестьянинъ Марто?

— Такъ точно, господинъ майоръ.

— А у васъ самого получилось такое впечатлѣніе, господинъ лейтенантъ, что то, что вы видѣли, представляетъ собою все оружіе, находящееся въ Розей?

— Оружіе очень старое, господинъ майоръ, такое, что его, пожалуй и употреблять больше нельзя. Но, судя по количеству, можно полагать, что это все.

Майоръ, которому въ словахъ лейтенанта послышалось нѣкоторое сомнѣніе, еще разъ обращается къ мэру:

— Такъ въ сараѣ дѣйствительно все оружіе вашей деревни?

Мэръ отвѣчаетъ не сразу.

— Переведите ему, вольноопредѣляющійся Клотцъ.

Клотцъ повторяетъ вопросъ майора по французски.

— Да, все оружіе Розей, сударь, — отвѣчаетъ Бюньонъ.

— Хорошо.

По знаку майора, кюрэ и Марто встаютъ. Они подходятъ вмѣстѣ съ мэромъ къ столу, за которымъ унтеръофицеръ Вольфъ снова ведетъ протоколъ.

Майоръ смотритъ на кюрэ. Клотцъ переводитъ его слова.

— Имѣйте въ виду, господинъ кюрэ, что я принужденъ задержать въ качествѣ заложниковъ и запереть въ церкви мэра деревни Розей Мари-Жозефъ-Пьера Бюньона, крестьянина Аристида Марто и васъ, кюрэ Жана Бонвизажа.

При этихъ словахъ кюрэ невольно дѣлаетъ движеніе рукой, въ головѣ его проносится мысль о святотатствѣ и на губахъ появляется выраженіе глубочайшаго презрѣнія, которое майоръ хорошо видитъ.

Онъ продолжаетъ невозмутимо:

— Чтобы обезпечить спокойствіе жителямъ Розей и безопасность войскъ его величества короля Прусскаго...

Кюрэ улыбается съ выраженіемъ безконечнаго сострадания.

Однако, Беркеробурга нельзя ничѣмъ вывести изъ его желѣзнаго спокойствія.

— Эти трое заложниковъ за каждое нарушеніе установленныхъ мною правилъ отвѣчаютъ своей жизнью. Вы будете такъ любезны, господинъ кюрэ, и пройдете вмѣстѣ съ двумя другими заложниками въ сопровожденіи барабанщика черезъ всю деревню и сами укажете жителямъ на тѣ послѣдствія, какія можетъ повлечь за собою ихъ неразумное поведеніе. Всякое сопротивленіе войскамъ его величества ко-

роля Прусскаго, занявшись въ силу военныхъ законовъ Р
зей, неминуемо наказуется смертью троихъ заложниковъ,
также, если бы я это счелъ необходимымъ, сожженіемъ всей
Розей. Вы поняли меня, мэръ? — спрашиваетъ Беркерс
бургъ еще разъ рѣзкимъ голосомъ.

— Parfaitement, monsieur!

— А теперь, унтеръ-офицеръ, идите съ тремя заложни
ками къ гауптвахтѣ, возьмите барабанщика и обойдите
всю деревню.

— Слушаю, господинъ майоръ!

Унтеръ-офицеръ дѣлаетъ попытку «выстроить» по во
енному заложниковъ, но это ему не удается, и онъ коман
дуетъ своему странному отряду:

— Вольнымъ шагомъ, маршъ!

Майоръ отпускаетъ также и вольноопредѣляющагося,
но говоритъ:

— Съ полчаса вы подождете тамъ у себя наверху въ
комнатѣ. Вѣдь вы стоите въ этомъ домѣ?

— Такъ точно, господинъ майоръ, — съ этими словами
Клотцъ исчезаетъ.

Шлоссеръ встаетъ.

— Я вамъ не нуженъ больше, господинъ майоръ?

— Нѣтъ, благодарю васъ, господинъ лейтенантъ.
До обѣда!

— До обѣда, господинъ майоръ!

Снова Беркерсбургъ и Адолфъ остаются одни.

— Знаешь, у меня какое-то жуткое чувство по отноше
нію къ этимъ людямъ, — говоритъ Беркерсбургъ.

— Но почему? Кажется, ты не изъ такихъ, чтобы тебя
легко было запугать.

— Это только такъ кажется, Адольфъ.

— Только кажется, говоришь ты?

Майоръ въ упоръ смотритъ Адольфу въ глаза и спра
шиваетъ его съ какой-то странной интонаціей, отчеканивая
каждое слово.

— Неужели ты думаешь, Адольфъ, что человѣкъ дѣй
ствительно таковъ, какимъ онъ кажется?

Адольфъ съ изумленіемъ смотритъ на майора и за
тѣмъ отвѣчаетъ чистосердечно и просто, какъ всегда:

— Такъ я думалъ о тебѣ, Беркерсбургъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Адольфъ?

На лицѣ майора появляется улыбка, выражающая глу
бокое состраданіе, точно онъ хочетъ сказать: «Ахъ, ты

другъ, вѣдь ты самъ не вѣришь тому, что говоришь! И никогда ты этому не вѣрилъ».

Адольфъ повторяетъ свои увѣренія, и тогда майоръ разражается смѣхомъ и говоритъ:

— Увѣряю тебя, Адольфъ, что я принялъ бы это за настоящее оскорбленіе, если бы ты считалъ меня тѣмъ, какимъ я кажусь и какимъ я долженъ казаться. А если бы я и на самомъ дѣлѣ былъ такимъ, то эти нѣсколько недѣль войны научили меня, что давно пора сдѣлаться другимъ... Ха-ха-ха!..

— Я не понимаю тебя...

— Это очень хорошо, Адольфъ, если это такъ, даже очень хорошо! Въ такомъ случаѣ ты счастливъ. Къ сожалѣнію, я не могу сказать, что мой взглядъ на многое остался тотъ же, какимъ онъ былъ въ мирное время... Мы играемъ комедію, старина, которая можетъ разрастись въ величайшую трагедію міровой исторіи... а потому....

— Потому?

— Къ лицу ли намъ философствовать надъ этимъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Увѣряютъ, что ты «заговоренъ» отъ пуль. А я все-таки позволяю себѣ усомниться въ томъ, что мы, ты и я, переживемъ пятый актъ этой трагедіи... А потому... «заблужденіе — это жизнь, а знаніе — это смерть?!!»

— Ты прибѣгаешь къ Шиллеру, Беркерсбургъ?

А почему бы и нѣтъ?.. Между прочимъ, сегодня мнѣ попала въ руки очень интересная бумажка.

Съ этими словами Беркерсбургъ вынимаетъ изъ кармана берлинскую газету: — Вотъ, посмотри!

— Что это такое?

— Да ты посмотри: это такая комедія, что можно хохотать до слезъ! О томъ, что здѣсь наплетено, мы не можемъ составить себѣ ни малѣйшаго представленія, мой другъ, мы дѣйствительно проливающіе свою кровь за это!.. Вспомни, Адольфъ...

— Что, Беркерсбургъ?

— Наши разговоры тамъ, дома, въ собраніи, за обѣдомъ или въ курительной комнатѣ. Можетъ быть, ты еще хоть смутно помнишь наши бесѣды три-четыре года тому назадъ, даже, вѣрнѣе, пять, когда мы на эту войну смотрѣли какъ на неизбѣжную необходимость, на эту войну, которой мы всѣ болѣе или менѣе желали, когда мы изощряли свое остроуміе надъ братскими могилами во Франціи и въ степяхъ Россіи подъ покровомъ снѣга... когда мы шутили такимъ тономъ, будто все это лишь нелѣпая комедія, въ

которой паяцъ разбрызгиваетъ свиную кровь изъ пузыря, а не льется горячая кровь нашихъ собственныхъ сердецъ... И все намъ было смѣшно... А теперь?

— Теперь?

— Теперь мы все это забыли... Да вотъ прочти эту статейку, тогда съ тебя довольно будетъ... И мы одни знаемъ правду, мы хорошо знаемъ ее!.. Манія величія, мой другъ, манія величія, которая хочетъ взгромоздить Оссу на Олимпъ.

Въ ужасѣ смотритъ Адольфъ на майора. Такъ тотъ никогда еще съ нимъ не говорилъ! Но почему же онъ теперь такъ заговорилъ?.. Адольфъ беретъ изъ рукъ майора газету и читаетъ заголовокъ статьи, отмѣченной карандашемъ: «Двойная игра союзныхъ государствъ. Сѣть лжи нашихъ враговъ».

Въ эту минуту на улицѣ раздается барабанная дробь — это по улицамъ водятъ заложниковъ. Барабанъ замолкаетъ, и слышится мягкій голосъ кюрэ Бонвизажа, который призываетъ жителей Розей къ порядку и покою, проситъ пощадить его жизнь и жизнь другихъ двоихъ заложниковъ. Будто жители, находящіеся во власти фанатизма, хоть сколько-нибудь думаютъ о жизни этихъ троихъ! Будто жажда отомстить ненавистному врагу можетъ пройти въ нихъ отъ увѣщаній мэра и кюрэ! И вслѣдъ за процессіей заложниковъ раздается смѣхъ мужчинъ, проклятія стариковъ, крики женщинъ, злобное шамканье старухъ, уже отмѣченныхъ смертью. Точно наступилъ карнавалъ, и точно процессія съ заложниками — маскарадъ.

Какъ призраки, проходятъ заложники мимо дома мэра, а за ними толпа. За угломъ они снова останавливаются, и слышится мелодичный голосъ кюрэ, который пытается подѣйствовать на народъ.

«Развѣ можно успокоить разбушевавшіяся морскія волны боченкомъ масла», — думаетъ Беркерсбургъ.

XV.

Въ это мгновеніе произошло нѣчто ужасное... и этимъ рѣшилась участь Розей.

Въ рамкѣ дикаго винограда, которымъ обвито окно, появляется дуло ружья. Беркерсбургъ и Адольфъ сидятъ къ окну спинами и ничего не видятъ. Надъ дуломъ вынырнуло лицо молодого Луи Бюньона, о которомъ, казалось, всѣ забыли... И вотъ гремитъ выстрѣлъ. Этотъ выстрѣлъ — сигналъ! Изъ всѣхъ домовъ Розей отвѣчаютъ ему другіе выстрѣлы. Трескотня крестьянскихъ ружей раздается бе...

...рьию... А въ сараѣ возлѣ мэріи заперто старое, никуда ...дное оружіе!

Майоръ хватается за голову, на лбу у него выступаютъ ...ли пота, въ глазахъ темнѣетъ. Вотъ-вотъ онъ по...етъ сознаніе, вѣдь слабость послѣ потери крови все еще ...ъ себя знать... онъ шатается и хватается за доску стола. ...друтъ его пронизываетъ сознаніе ужасной дѣйствитель...сти. Онъ уже овладѣлъ своими чувствами и видитъ...

У него въ ногахъ... безмолвный, въ лужѣ крови, съ от...ытымъ ртомъ, точно собирается сказать что-то и не мо...ъ произнести ни звука, лежитъ ротный Адольфъ! Од...ъ выстрѣломъ уложилъ его на мѣстѣ мальчикъ, сынъ ...ѣ. Онъ убилъ смертельнаго врага, который вторгся въ ...о родную деревню...

Съ улицъ доносится шумъ, раздается выстрѣлъ за вы...рѣломъ, проклятія и крики радости точно сорвавшихся ...цѣпи жителей деревни.

На улицахъ Розей идетъ отчаянный бой.

Майоръ бросается къ другу.

— Адольфъ, Адольфъ, Адольфъ, — срывается съ его ...жащихъ губъ. — Да скажи же хоть слово... Тебѣ такъ ...хо?

Но изъ померкшихъ уже и широко раскрытыхъ глазъ ...ннаго Адольфа смотритъ на Беркерсбурга только пустая, ...ашная, холодная смерть, которая не можетъ произнести ...слова! Его другъ ушелъ въ вѣчность въ нѣсколько се...ндъ, ушелъ, не принявъ отъ него благодарности, ли...въ его возможности отплатить ему тѣмъ же... другъ, ко...раго онъ хотѣлъ такъ подло убить!

Майоромъ овладѣваетъ дикая ярость.

Мщеніе, мщеніе, мщеніе! Словно дикій звѣрь, рычитъ ...ъ его груди.

Въ кафе царитъ мертвая тишина. Но зато съ улицы до...сится адскій шумъ, выстрѣлы... и, наконецъ, майоръ ...наетъ также и выстрѣлы своей пѣхоты... наконецъ-то, на...нецъ-то!

Беркерсбургъ трясетъ своего мертваго друга, хотя хо...шо знаетъ, что это напрасно:

— Встань, Адольфъ!.. Встань!.. Скажи хоть одно слово... ...вѣ тебѣ такъ плохо?..

Словно злая насмѣшка, раздается мурлыканье кошки, ...койно лежащей на выступѣ печки.

«Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?» — проносится въ го-

ловѣ майора. И снова внутри его властно раздается: месть, месть, месть...

Дверь кафе съ шумомъ растворяется, и въ ней появляется блѣдное лицо Шлоссера.

— Вы, Шлоссеръ?

— Да, господинъ майоръ!.. Здѣсь тоже стрѣляли?

— Вотъ, посмотрите!..

Дрожащей рукой показываетъ Беркерсбургъ на [illegible] Адольфа.

— Умеръ?

— Умеръ!..

— Собаки!.. Ничего больше нельзя сдѣлать?

— Тутъ ничего больше не подѣлаешь... Сзади... [illegible] окно...

Майоръ сжимаетъ здоровую руку въ кулакъ.

— Пойманъ этотъ мерзавецъ? — спрашиваетъ Шлоссеръ.

— Нѣтъ, но надо его разыскать! И во что бы то ни стало!.. Чего бы это ни стоило!.. Все оружіе сдано, все!..

Ха-ха-ха!..

Опять выстрѣлы на улицахъ, опять крики женщинъ и дѣтей... крики обезумѣвшихъ и превратившихся въ мегеръ женщинъ, которыхъ озвѣрѣвшіе солдаты волочатъ за волосы по наполненной грязью канавѣ...

Вотъ раздается нечеловѣческій крикъ, крикъ женщины, къ груди которой стрѣлокъ приставилъ штыкъ...

— Господинъ майоръ, онѣ льютъ изъ оконъ кипятокъ и горящій керосинъ! — кричитъ Шлоссеръ. Майоръ смотритъ на него и не знаетъ, вѣрить ли своимъ глазамъ — у Шлоссера отъ ярости выступила пѣна изо рта.

— Надо разыскать убійцу!.. Прежде всего разыскать его убійцу! — вырывается изъ груди майора, словно рычаніе звѣря. — Я требую, чтобы мнѣ доставили его убійцу живьемъ!.. Слышите!?..

— Слушаю, господинъ майоръ!..

На улицѣ раздаются залпы — пѣхотинцы собрались, наконецъ. Унтеръ-офицеры и сержанты становятся господами положенія.

— Цѣлься... пли!.. Цѣлься... пли!.. — слышится [illegible] команда.

Трескотня залповъ... глухое паденіе... еще и еще... Крики... хохотъ... проклятія... вопли... стукъ деревянныхъ башмаковъ по мостовой... и все покрывающая команда:

— Цѣлься... пли!.. Цѣлься... пли!..

— Шлоссеръ, пусть поймаютъ заложниковъ!.. Шлоссеръ!.. вы отвѣчаете мнѣ!.. — кричитъ майоръ, не помня себя.

— Слушаю!..

Шлоссеръ выбѣгаетъ. Беркерсбургъ остается одинъ. Мысли его путаются, онъ не въ силахъ что-нибудь предпринять... и смотритъ только на окровавленное тѣло друга...

— Адольфъ, Адольфъ, Адольфъ!..

По лицу его проходитъ судорога, къ горлу подступаютъ рыданія. Слезы — а онъ не плакалъ уже годами — подымаются, наконецъ, изъ самой глубины его груди и застилаютъ туманомъ все кругомъ... На мгновеніе его воля парализована... Передъ нимъ разверзлась бездна, и кратеръ Везувія грозитъ увлечь все въ свою глубину... Майоръ не въ состояніи сдѣлать ни одного шага ни впередъ, ни назадъ...

Адольфъ, Адольфъ, Адольфъ... котораго пощадила вражеская артиллерія среди сотенъ убитыхъ, палъ отъ предательскаго выстрѣла здѣсь!..

Онъ хватаетъ саблю, которую во время допроса такъ легкомысленно повѣсилъ на вѣшалку, точно находился среди друзей, а не во вражеской странѣ. Кое-какъ удается ему застегнуть пряжки одной рукой. Потомъ онъ беретъ въ лѣвую руку револьверъ и зубами отодвигаетъ предохранитель.

Впередъ, Беркерсбургъ, впередъ, къ дѣлу мести!.. Этотъ окрикъ повелительно раздается у него въ ушахъ. Чей это голосъ?.. Бога или дьявола или его сокровеннаго «я» — онъ не знаетъ и не задумывается надъ этимъ.

Впередъ, Беркерсбургъ, впередъ! Надо отомстить за смерть друга!..

И онъ переступаетъ порогъ кафе... точно демонъ, посланный на дѣло истребленія въ Розей... Его встрѣчаетъ залпъ его солдатъ...

Впередъ, Беркерсбургъ, впередъ!..

На улицахъ другъ возлѣ друга валяются мертвыя тѣла. Майоръ не обращаетъ на это вниманія, онъ не обращаетъ вниманія даже на выстрѣлы своихъ солдатъ, которые могли бы попасть нечаянно въ него. Съ саблей въ лѣвой рукѣ и револьверомъ въ зубахъ шагаетъ онъ черезъ трупы солдатъ и крестьянъ и идетъ все впередъ...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стоитъ женщина. Она держитъ въ рукахъ сосудъ, наполненный какой-то прозрачной жидкостью... сѣрной кислотой!

Майоръ вкладываетъ саблю въ ножны, беретъ изъ зубовъ револьверъ въ лѣвую руку и прицѣливается. Раздается выстрѣлъ—и женщина падаетъ, обливаясь кровью, которая смѣшивается съ ядовитой жидкостью. Майоръ перепрыгиваетъ черезъ умирающую женщину и бѣжитъ дальше.

Изъ всѣхъ оконъ высунуты дула.

— Вольфъ, — кричитъ майоръ, — унтеръ-офицеръ Вольфъ!..

Словно рычаніе звѣря, разносится кругомъ: Вольфъ, Вольфъ, Вольфъ!.. Точно одинъ хищникъ ищетъ помощи другого хищника для дѣла истребленія.

И какимъ-то чудомъ майоръ пробирается впередъ черезъ перекрестный огонь крестьянъ и своихъ солдатъ, мимо цѣповъ и дубинокъ, удары которыхъ сыплютъ ослѣпленные ненавистью женщины и старики на друга и недруга.

— Вольфъ, Вольфъ, Вольфъ!.. — слышенъ крикъ вдали.

— Господинъ майоръ!..

Наконецъ-то, унтеръ-офицеръ Вольфъ откликнулся.

Майоръ направляется на этотъ голосъ.

— Вольфъ, Вольфъ, Вольфъ!..

— Господинъ майоръ!..

Беркерсбургъ находитъ унтеръ-офицера за каменной оградой. Вольфъ вытащилъ изъ нея большой камень и стрѣляетъ черезъ это отверстіе, какъ изъ бойницы. Раздается одинъ выстрѣлъ за другимъ, и каждый выстрѣлъ поражаетъ кого-нибудь изъ жителей деревни, потому что унтеръ-офицеръ Вольфъ стрѣляетъ мѣтко.

— Вольфъ, Вольфъ, Вольфъ!..

— Господинъ майоръ!..

Беркерсбургъ, едва переводя дыханіе, кричитъ:

— У васъ есть въ складѣ поджигательныя бомбы?

— Точно такъ, господинъ майоръ!..

— Соберите тридцать человѣкъ и сожгите до основанія все это гнѣздо... Но смотрите, Вольфъ, чтобы не осталось камня на камнѣ, бревна на бревнѣ... Скорѣе поджигательныя бомбы!..

— Слушаю, господинъ майоръ!..

Унтеръ-офицеръ убѣгаетъ. Его голубые глаза горятъ, точно въ нихъ уже отражается всепожирающее пламя, которому онъ долженъ предать деревню. Онъ забываетъ о предосторожности и не обращаетъ вниманія на пули, которыя то и дѣло со свистомъ пролетаютъ мимо него.

Онъ уже далеко...

— Ахъ!.. ахъ!.. ахъ!..

Этотъ крикъ срывается съ губъ майора.

И онъ также... въ спину!..

У него хватаетъ еще силы выстрѣлить изъ револьвера, и крестьянинъ, который воткнулъ ему вилы въ спину, корчится у него въ ногахъ, обливаясь кровью.

Но въ слѣдующее же мгновеніе сознаніе майора заволакиваетъ непроницаемая завѣса.

Крестьянинъ нанесъ ему вилами страшную рану въ спину, изъ нея ручьемъ льетъ кровь и въ одномъ изъ позвонковъ торчитъ остріе вилъ.

Онъ лежитъ одинъ часъ за другимъ и не можетъ двинуться... безъ сознанія...

XVI.

Болѣе трехъ часовъ продолжается уличный бой между крестьянами и горсточкой солдатъ, которые еще остались отъ второго батальона. Только послѣ того, какъ изъ другой деревни Ле-Фейль пришелъ на помощь третій батальонъ, «бошамъ» удалось овладѣть толпой крестьянъ. Жители Розей пустили въ ходъ все — цѣпы, дубинки, вилы, оси отъ телѣгъ — на помощь охотничьимъ ружьямъ и пистолетамъ, которые не были сданы въ сарай мэріи.

По улицамъ деревни льются потоки крови, повсюду нагромождены трупы — на улицахъ, на дворахъ и въ домахъ. А на мостовой между камнями все такъ же мирно растетъ трава...

Послѣ того, какъ майоръ безслѣдно исчезъ, команду надъ остатками батальона взялъ на себя его адъютантъ, лейтенантъ Шлоссеръ, который собирался сдѣлаться поэтомъ, который хотѣлъ выйти въ отставку и отдаться изученію исторіи при берлинскомъ университетѣ... пока не разразилась эта страшная война... Но Шлоссеръ самъ не узнаетъ себя больше. Видъ льющейся крови превратилъ и его въ дикаго звѣря. Онъ сталъ такимъ же, какъ и всѣ остальные: онъ не видитъ, не слышитъ, не чувствуетъ ничего больше, кромѣ крови и опять крови и багроваго пламени!..

Огонь, огонь!..

На мирныя хижины и на сараи, только что наполненные снятымъ съ полей хлѣбомъ, падаютъ, точно метеоры съ неба, поджигательныя бомбы, которыя разбрасываютъ кругомъ солдаты по приказанію Шлоссера. Унтеръ-офицеръ Вольфъ передалъ ему о послѣднемъ распоряженіи майора. А куда падаетъ бомба — тамъ сейчасъ же поднимаются языки пламени къ успѣвшему уже потемнѣть небу. Колокола Розей

начинаютъ звонить какимъ-то чудомъ на небольшой колокольнѣ, крытой красной черепицей. Набатъ, набатъ, набатъ!..

Маленькій служка кюрэ Бонвизажа спрятался во время бойни въ алтарѣ церкви, позади изображенія Мадонны. Вотъ онъ-то и дергаетъ изо всѣхъ силъ за веревки колоколовъ и звонитъ такъ, что дрожащіе звуки разносятся по всей долинѣ и далеко за серебристую ленту Мааса. Набатъ, набатъ, набатъ!..

Среди маленькой площади передъ церковью стоитъ Шлоссеръ. И, несмотря ни на что, онъ сознаетъ все трагическое великолѣпіе развертывающейся передъ нимъ ужасной картины деревни, объятой пламенемъ.

Боги мести царятъ надъ Розей!.. И только потому, что мальчикъ выстрѣлилъ въ окно кафе и убилъ ротнаго. А потомъ это убійство было принято за сигналъ, и за оружіе взялись всѣ жители. Конечно, все это было подготовлено. Но что изъ этого? Что слышалъ Шлоссеръ изъ устъ майора на лужайкѣ въ труайонскомъ лѣсу!..

Всѣ хижины, всѣ сѣновалы и амбары объяты пламенемъ; раздается трескъ падающихъ балокъ, пламя бушуетъ вокругъ Шлоссера, этого демона-истребителя, который успѣлъ уже совладать со своей мимолетной слабостью и спокойно стоитъ на площади передъ церковью. Невдалекѣ онъ видитъ на кладбищѣ украшенныя цвѣтами могилы тѣхъ, которые уже уснули вѣчнымъ сномъ и покоятся подъ защитой церкви и изображенія Мадонны. Вѣдь эта деревня, которая сегодня будетъ сравнена съ землей, была ихъ родиной, и на склонѣ лѣтъ они уже выбирали себѣ мѣсто для вѣчнаго упокоенія тутъ же въ родной деревнѣ, чтобы, наконецъ, отдохнуть послѣ тяжелаго паломничества на землѣ...

Шлоссеръ подходитъ къ могиламъ, читаетъ надписи и потомъ смотритъ сухими глазами на море пламени. Оно пожираетъ благословенные плоды труда «въ потѣ лица» множества трудолюбивыхъ и мирныхъ людей!..

Передъ глазами Шлоссера тянется процессія бѣглецовъ, спасшихся отъ огня и меча. Глаза ихъ широко раскрыты, и въ нихъ безумное выраженіе. Тутъ и дѣти, и молодыя дѣвушки, и старики со своимъ жалкимъ скарбомъ!.. Вонъ малютка лѣтъ шести несетъ въ своихъ дрожащихъ голыхъ ручкахъ клѣтку съ ручнымъ щегленкомъ, а дальше идетъ пятилѣтній мальчуганъ съ кроликомъ на рукахъ, котораго онъ спасъ изъ горящаго дома и нѣжно прижимаетъ къ груди... А вонъ восьмидесятилѣтній старикъ... За нимъ

идетъ слѣпой, нащупывая палкой мостовую... калѣка на костыляхъ...

И они также стрѣляли въ солдатъ его величества короля Прусскаго!?..

Они бѣгутъ, бѣгутъ, всѣ эти люди, которые остались безъ крова, которымъ негдѣ больше преклонить голову!.. Они найдутъ сегодня ночью пріютъ на поляхъ и лугахъ подъ милосерднымъ для всѣхъ небомъ, усѣяннымъ вѣчными звѣздами..

Этой процессіи нѣтъ конца!.. Она двигается черезъ потоки крови и черезъ трупы по объятымъ пламенемъ улицамъ деревни, черезъ обломки обрушившихся домовъ. Этой процессіи нѣтъ конца, а между тѣмъ въ Розей едва-едва было 400 человѣкъ жителей!..

Темнѣетъ. Но факелы солдатъ и пылающіе дома ярко освѣщаютъ это мѣсто человѣческой скорби. Ничто, ничто не ускользаетъ отъ взора Шлоссера...

Матери съ грудными дѣтьми на рукахъ и съ цѣлымъ выводкомъ малютокъ, которыя пугливо держатся за ихъ юбки, бабушки съ внуками на рукахъ... онѣ нѣжно прижимаютъ свои давно уже высохшія и дрожащія губы къ губкамъ испуганныхъ дѣтей... Больные, едва волочащіе ноги, тащатъ постели — свое послѣднее утѣшеніе — по уличной грязи... Беременныя женщины — одна, двѣ, три... пять,—насчиталъ Шлоссеръ. Онъ не хочетъ ихъ считать и все-таки считаетъ этихъ несчастныхъ, которыя несутъ свой плодъ навстрѣчу горю и которыя, быть можетъ, этой же ночью преждевременно разрѣшатся гдѣ-нибудь въ полѣ, какъ зайчиха... О, Боже, Боже!.. И у нихъ не будетъ даже яслей, какъ въ Вифлеемѣ, куда онѣ могли бы положить своего новорожденнаго, какъ Та, Которая родила Распятаго на спасеніе всего міра!..

Боги мести бушуютъ надъ Розей!.. Безконечна эта процессія, уходящая во тьму ночи!..

Боги мести бушуютъ надъ Розей!.. И Шлоссеръ самъ вызвалъ ихъ! Онъ сжимаетъ кулакъ. Онъ поднимаетъ его къ небу, къ тѣмъ, кто спитъ и допускаетъ все это!

Колокольный звонъ вдругъ обрывается. Пламя съ сосѣдняго сарая перебросилось на красную колокольню.

Церковный служка, звонившій въ колокола, выпускаетъ изъ рукъ веревку. Въ церкви раздается подозрительный трескъ, все сильнѣе и сильнѣе... и онъ бѣжитъ; его маленькая фигура въ красномъ кафтанѣ и бѣлой рубахѣ мелькаетъ на улицѣ. Въ рукахъ у него серебряная кадильница. Вѣдь онъ все время ждалъ въ церкви своего кюрэ, который сказалъ

ему, что будетъ еще служить молебенъ о спасеніи Розей прежде чѣмъ майоръ взялъ его, какъ заложника...

Вѣтеръ свѣжѣетъ. Цѣлый дождь искръ сыплется на кладбище, искры, словно фейерверкъ, сверкаютъ вокругъ Шлоссера. Но онъ не двигается, онъ, какъ завороженный, не можетъ отвести глазъ отъ загорающейся церкви, изъ слуховыхъ оконъ которой вылетаютъ голуби, свившіе себѣ гнѣзда подъ защитой креста любви.

Безумные голуби! Въ гнѣздахъ у нихъ остались птенцы и, ослѣпленные пламенемъ, движимые материнскимъ инстинктомъ, они летятъ обратно въ пламя и падаютъ съ опаленными крыльями къ ногамъ Шлоссера. Они смотрятъ на него молящими глазами и безсильно трепыхаютъ крыльями, заживо изжаренные... И нѣтъ надежды, что ихъ ктонибудь прикончитъ...

Боги мести изливаютъ свой гнѣвъ также и на невинныхъ животныхъ!..

Только теперь эта мысль приходитъ въ голову Шлоссеру. Но поздно, поздно!..

— Растворите хлѣвы и конюшни, выпустите коровъ, лошадей, свиней и барановъ на волю! — кричитъ онъ пробѣгающему мимо солдату.

Но тотъ не слышитъ его приказанія. У него въ рукахъ поджигательная бомба, и онъ ищетъ, куда бы ее бросить.

Духи, которыхъ Шлоссеръ самъ же вызвалъ, продолжаютъ неудержимо бушевать... И такъ это будетъ до тѣхъ поръ, пока все не будетъ закончено! Удержу нѣтъ... невозможно остановить страшное дѣло истребленія! Все должно погибнуть, всѣ и все... женщины, дѣти, калѣки, старцы, слѣпые, неродившійся плодъ... какъ и голуби, изжаренные заживо, и скотъ... все, все!.. И онъ среди всего этого, онъ, демонъ-истребитель, слѣпой исполнитель воли того, который безслѣдно исчезъ и котораго, несмотря на всѣ усилія, не могли нигдѣ найти, исполнитель воли майора, который тамъ, въ труайонскомъ лѣсу, передъ лицомъ смерти, раскрылъ тайники своей души, остающейся для него, да и для самого майора, быть можетъ, вѣчной, неразрѣшимой загадкой...

Все небо покрыто кроваво-краснымъ заревомъ. Солома и сѣно, которыми набиты всѣ сараи, даютъ огню богатую пищу и придаютъ пламени зловѣщій оттѣнокъ.

Содомъ и Гоморра... Съ неба падаетъ смола и сѣра... Наказаніе грознаго Іеговы, взыскивающаго за грѣхи отцовъ съ дѣтей до третьяго и четвертаго колѣна...

Такъ думаетъ Шлоссеръ.

Вѣчныя звѣзды гаснутъ передъ этимъ моремъ пламени, созданнымъ рукой человѣка. Надъ темной полосой труайонскаго неба тоже появляется багровое зарево.

Труайонъ горитъ, Розей горитъ — все отдано страшной стихіи!..

Побѣдоносное войско!..

Шлоссеръ прижимаетъ руку къ глазамъ. Они не могутъ больше выносить ослѣпительнаго огня... и никогда больше... никогда... это слишкомъ, слишкомъ!..

Неужели же эта рука не станетъ влажной, не станетъ теплой... горячей? О, да! Ее орошаютъ слезы, слезы врага, слезы истребителя, слезы слѣпого орудія въ рукахъ начальника, приказавшаго сравнять съ землей Розей...

Слезы, спасительныя слезы въ этомъ морѣ крови и огня!.. Его слезы... его, стоящаго надъ грудой труповъ, убитыхъ по его приказанію людей... Слезы горячія, жгучія, соленыя...

Истинно говорю вамъ, одинъ изъ васъ предастъ Меня!..

Одинъ, одинъ... который хотѣлъ быть поэтомъ... и видѣлъ все это... и сдѣлалъ это...

Одинъ изъ васъ предастъ Меня!..

Оглушительный грохотъ!..

На глазахъ Шлоссера обрушилась церковь Розей! Изображеніе Мадонны лежитъ подъ грудой мусора и пепла. Процессія бездомныхъ рѣдѣетъ, спѣшатъ уйти изъ объятаго пламенемъ послѣдніе запоздавшіе бѣглецы!..

Свершилось!.. Погребальный факелъ надъ тѣломъ Адольфа догораетъ. Зарево надъ горизонтомъ становится блѣднѣе. Среди развалинъ домовъ и сараевъ тихо потрескиваетъ и пробѣгаетъ кое-гдѣ огонекъ...

Наконецъ, нервы Шлоссера измѣняютъ ему. Передъ развалинами церкви сожженнаго Розей его тѣло сотрясаютъ раздирающую душу рыданія. Онъ плачетъ горько и неутѣшно, какъ малое дитя...

XVII.

На пустынной улицѣ, среди все еще дымящихся развалинъ Розей, невдалекѣ отъ маленькой церкви съ обрушенной колокольней, раздается глухая барабанная дробь.

Солдатамъ удалось таки разыскать Луи Бюньона, который убилъ черезъ окно кафе ротнаго Адольфа и своимъ выстрѣломъ поднялъ всю деревню. Они разыскали также и стараго кюрэ Бонвизажа, спрятавшагося во время побоища вмѣстѣ со своимъ служкой въ алтарѣ за изображеніемъ Мадонны. Другіе двое заложниковъ майора, мэръ и Марто, бы-

ли убиты въ свалкѣ на улицѣ. Ихъ тѣла все еще лежали среди груды другихъ тѣлъ, такъ какъ солдатамъ некогда было похоронить убитыхъ.

Шлоссеръ оправился. Онъ обязанъ былъ до конца исполнить свой долгъ и осудилъ полевымъ судомъ убійцу ротнаго Адольфа и священника, нарушившаго свое слово. Оба были приговорены къ разстрѣлу. Вотъ почему на улицахъ разореннаго Розей раздается барабанная дробь. За барабанщикомъ шагаетъ взводъ, на долю котораго выпала ужасная обязанность совершить казнь, онъ идетъ мѣрнымъ шагомъ по развалинамъ деревни, озаренной первыми лучами солнца. На улицахъ ни души, никто не полюбопытствовалъ посмотрѣть на это печальное шествіе, никто не осмѣлился войти въ Розей. На улицахъ лежатъ только мертвецы да бродятъ солдаты батальона майора, которые должны оставаться до тѣхъ поръ, пока не завершится послѣдній актъ этой трагедіи.

Унтеръ-офицеръ шестой роты ведетъ взводъ изъ пяти человѣкъ. Передъ взводомъ идутъ оба осужденные съ завязанными на спинѣ руками. И мальчикъ, и старикъ мертвенно блѣдны, у обоихъ на лицахъ написана мрачная рѣшимость, но въ то же время въ глазахъ ихъ какое-то просвѣтленное выраженіе мучениковъ.

«Что, если бы Беркерсбургъ видѣлъ это!»—проносится вдругъ въ головѣ Шлоссера, который по долгу службы обязанъ присутствовать при казни.

«Что говорилъ майоръ тогда въ труайонскомъ лѣсу? До какихъ выводовъ дошелъ онъ тогда?..

Франктиреры! Это лишь не совсѣмъ удачное названіе для героевъ свободы, готовыхъ умереть за правое дѣло: въ такихъ почти выраженіяхъ говорилъ тогда этотъ странный человѣкъ, который только передъ лицомъ смерти рѣшился обнажить передъ нимъ свое внутреннее «я».

— Батальонъ, стой!

Взводъ остановился на площади передъ церковью. Унтеръ офицеръ Хейнрихъ, командующій взводомъ, выстраиваетъ солдатъ...

Это совсѣмъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати шести. Не задолго до войны онъ вышелъ въ запасъ и женился на горничной своего ротнаго, очаровательной брюнеткѣ. Онъ былъ ротнымъ писаремъ и ему часто приходилось ходить въ домъ ротнаго съ письмами и приказами. Ему и въ голову не приходила мысль о возможности войны, но не успѣлъ онъ жениться, какъ разразилась война. И вотъ этотъ тихій, миролюбивый человѣкъ, котораго никогда не влекло

къ военному ремеслу, попалъ въ настоящую войну, а онъ разучился даже и ружье держать въ рукахъ. Къ довершенію всего сегодня онъ получилъ приказаніе взять команду надъ взводомъ, который долженъ разстрѣлять приговоренныхъ полевымъ судомъ.

Пока онъ выравниваетъ солдатъ, онъ думаетъ о своей Терезѣ. Къ Рождеству она подаритъ ему ребенка... Ахъ, кто знаетъ, что будетъ на Рождествѣ съ нимъ самимъ?.. Развѣ этотъ мальчикъ и этотъ старикъ, которые стоятъ съ завязанными на спинѣ руками у кладбищенской стѣны, развѣ они знали третьяго дня, что съ ними будетъ сегодня? Да и онъ самъ...

Солдаты выравнены. Унтеръ-офицеръ Хейнрихъ подходитъ къ Шлоссеру и докладываетъ, что все готово.

Лейтенантъ вынимаетъ изъ кармана бумагу и читаетъ приговоръ полевого суда: «Именемъ его величества короля Прусскаго...»

Никого нѣтъ, за исключеніемъ солдатъ, которые уже привыкли къ приговорамъ полевого суда и слушаютъ знакомыя слова, какъ нѣчто обычное.

Именемъ его величества короля Прусскаго... который чинитъ судъ черезъ посредство лейтенанта... среди уничтоженнаго пламенемъ Розей... въ сердцѣ Франціи!..

Унтеръ-офицеръ Хейнрихъ закрываетъ глаза. Ему больно смотрѣть на яркій солнечный свѣтъ, падающій на него изъ-за двухъ плакучихъ ивъ на кладбищѣ. «Что-то будетъ со мной, когда опадутъ послѣдніе зеленые листья на этихъ ивахъ... и съ Терезой... и съ маленькимъ?.. Кто знаетъ это, кто?»

Шлоссеръ кончилъ читать приговоръ. Онъ дѣлаетъ знакъ унтеръ-офицеру, чтобы тотъ приказалъ солдатамъ завязать осужденнымъ глаза.

Унтеръ-офицеръ Хейнрихъ съ внутреннимъ содроганіемъ вспоминаетъ, какъ онъ, будучи мальчикомъ, бѣгалъ въ школу мимо бойни, останавливался иногда и заглядывалъ во дворъ. Онъ видѣлъ, какъ завязывали скоту глаза, прежде чѣмъ вести его на убой въ отдѣленіе, гдѣ уже носились испаренія крови...

Два солдата съ повязками въ рукахъ подходятъ къ осужденнымъ. Они беззащитны, руки ихъ туго скручены на спинѣ, а ногами они едва могутъ двигать, такъ какъ вслѣдствіе покушенія на побѣгъ имъ сегодня къ ногамъ прикрѣпили по ядру.

При видѣ повязки Луи Бюньонъ энергично качаетъ головой:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... я не хочу.. Оставьте мои глаза!

Кюрэ Бонвизажъ стоитъ, устремивъ глаза въ голубое небо, и кажется, будто онъ молится: «Отче, отпусти имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ... Отче, въ руки Твои предаю духъ мой!»

Когда къ нему подходитъ солдатъ съ повязкой, онъ выходитъ изъ своего сосредоточеннаго состоянія, и съ его губъ срываются тѣ же слова, что и у мальчика:

— Нѣтъ, нѣтъ... не надо этого... Оставьте мои глаза!

Солдаты стоятъ въ нерѣшительности и смотрятъ на унтеръ-офицера, потомъ на Шлоссера съ нѣмымъ вопросомъ и ждутъ.

Шлоссеръ отворачивается.

Онъ вспоминаетъ Беркерсбурга. Имъ овладѣваетъ странное чувство, будто мысли майора стали его собственными... Андреасъ Хоферъ [1]... проносится у него въ головѣ. Zu Mantua in Banden» произноситъ онъ мысленно первыя слова стихотворенія Мозена. Онъ не можетъ выносить вида этого мальчика, который такъ мужественно смотритъ смерти въ глаза... и этого старика, покорившагося волѣ Провидѣнія.. Это такъ ужасно... оба стоятъ передъ взводомъ и ждутъ! Старикъ и мальчикъ—предстанутъ сейчасъ передъ Престоломъ Всевышняго и принесутъ Ему кровавое свидѣтельство...

Но Шлоссеръ останется вѣренъ присягѣ, ему нечего доискиваться, нечего разсуждать, онъ исполнитъ свой долгъ —вотъ и все.

И человѣкъ, который хотѣлъ сдѣлаться поэтомъ до того, какъ разразилась эта война, собираетъ всю свою силу воли, говоря:

— Какъ они хотятъ, унтеръ-офицеръ... Командуйте огонь!

— Слушаю, господинъ лейтенантъ!

Раздается барабанная дробь.

Унтеръ-офицеръ Хейнрихъ старается овладѣть своими мыслями. Онъ собирается съ духомъ и командуетъ:

— Смирно! Ружье на руку!.. Цѣлься... Пли!

---

[1] Андрэасъ Хоферъ—герой борьбы Тироля за независимость. Арестованный французами, онъ былъ отправленъ въ Мантую, гдѣ по личному приказанію Наполеона и вопреки приговору военнаго суда, былъ разстрѣлянъ въ 1809 г. Онъ не позволилъ завязать себѣ глаза и самъ отдалъ взводу команду стрѣлять. Поэтъ Мозенъ воспѣлъ его.

Примѣч. переводч.

Залпъ.

— Цѣлься... Пли!

Второй залпъ.

— Цѣлься, пли!

Третій залпъ.

— Ружье къ ногѣ! Вольно!

— Стрѣлки Бетхеръ и Грау!

— Здѣсь, господинъ унтеръ-офицеръ!

Оба солдата выходятъ изъ взвода. Они берутъ съ земли кусокъ холста, приготовленнаго заранѣе, и прикрываютъ имъ судорожно подергивающіяся и теплыя еще тѣла мальчика и старика, изъ которыхъ фонтаномъ бьетъ кровь.

— Стрѣлокъ Шюнеманнъ, стрѣлокъ Боллингеръ!

— Здѣсь, господинъ унтеръ-офицеръ!

— Рыть могилу!

— Слушаю, господинъ унтеръ-офицеръ!

Оба солдата тотчасъ же принимаются за работу.

— Батальонъ, вольнымъ шагомъ маршъ!

Съ барабанщикомъ во главѣ взводъ идетъ обратно той же дорогой черезъ дымящіяся развалины Розей.

Лейтенантъ Шлоссеръ слѣдуетъ за нимъ.

XVIII.

Черезъ сорокъ восемь часовъ майора находятъ гіены полей сраженія, которыя появились также и на развалинахъ Розей. Онъ лежалъ на дворѣ рядомъ съ кучей навоза, гдѣ его сразили вилы крестьянина. Остріе одного изъ зубцовъ еще торчало въ его спинѣ. Мародеры снимаютъ съ него часы и все, что находятъ сколько-нибудь цѣннымъ. Они не забываютъ снять и кольцо, которое, къ счастью, легко соскользнуло съ пальца, и затѣмъ оставляютъ майора на томъ же мѣстѣ.

Воющая отъ голода, отбившаяся отъ хозяевъ собака, которая гдѣ-то нашла кость, приводитъ къ майору патруль, проходящій по улицамъ Розей. Оба солдата и унтеръ-офицеръ съ ужасомъ смотрятъ на майора, котораго они считаютъ мертвымъ. Однако, унтеръ-офицеръ, проходившій санитарные курсы, опускается передъ трупомъ на колѣни и прикладываетъ ухо къ груди майора. Нѣтъ, онъ не ошибается.. едва-едва слышно бьется сердце раненаго... привычное ухо улавливаетъ это уходящее біеніе.

По знаку унтеръ-офицера солдаты поднимаютъ майора, и въ ту же минуту на землю съ глухимъ стукомъ падаютъ

вилы. Унтеръ-офицеръ осматриваетъ ихъ — одинъ зубецъ обломанъ, должно быть, онъ остался въ ранѣ.

Майоръ не приходитъ въ сознаніе. Солдаты передаютъ свою находку санитарамъ, а тѣ относятъ раненаго въ ближайшій перевязочный пунктъ.

Обстоятельно изслѣдовавъ раненаго, военный врачъ покачалъ головой. Онъ говоритъ какъ бы про себя:

— Въ сущности, безнадежно! Поврежденъ спинной мозгъ.. А, впрочемъ, можно попытаться. Сестра Руѳь!

Сестра Руѳь ничего не отвѣчаетъ. Сотни раненыхъ лежатъ въ баракѣ и прямо на дворѣ, всѣмъ имъ надо оказать помощь, — кого перевязать, кому немедленно сдѣлать операцію. Дѣло въ томъ, что сраженіе подъ Труайономъ возобновилось съ новымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ, и фургонамъ и автомобилямъ, прибывающимъ съ ранеными, сегодня нѣтъ конца.

— Мы все-таки попытаемся, сестра Руѳь,—говоритъ еще разъ врачъ.

— Какъ хотите, господинъ докторъ!

Майоръ лежитъ на животѣ на большомъ чисто выскребенномъ столѣ, который реквизировали въ одной изъ большихъ крестьянскихъ усадебъ и который въ одно и то же время служитъ и для медицинскихъ изслѣдованій, и для операцій.

— Новый транспортъ, господинъ докторъ, а у насъ нѣтъ больше ни одной свободной кровати... На дворѣ раненые лежатъ плечо къ плечу!

Съ этими словами сестра Руѳь растворяетъ дверь барака, какъ бы для того, чтобы врачъ могъ своими глазами убѣдиться въ этомъ.

Въ баракъ врывается страшный хоръ стоновъ, криковъ и моленій о помощи. Но и докторъ, и сестра Руѳь уже привыкли къ этому. Ихъ закаленные нервы не реагируютъ больше на страданія истерзаннаго человѣческаго тѣла.

— Убейте меня... Прикончите скорѣе... — раздается со двора.

Тѣ, кто молятъ объ этомъ, по большей части, подаютъ надежду на спасеніе ихъ жизни. Смертельно раненые не издаютъ ни звука. Они лежатъ неподвижно, словно мертвые, безмолвные, безучастные, и не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что происходитъ вокругъ нихъ.

— Передайте моему ассистенту, чтобы онъ принялъ новый транспортъ,—приказываетъ главный врачъ.

— Онъ уже на дворѣ, господинъ докторъ,—отвѣчаетъ сестра.

— Хорошо. А я займусь этимъ раненымъ. Надо попытаться сдѣлать все, что возможно.

— Какъ хотите, господинъ докторъ. Только у насъ нѣтъ больше ни одной свободной кровати.

— Кровать номеръ восемнадцать освободится, сестра. Тотъ умираетъ...

— Пока онъ еще живъ, господинъ докторъ.

— Прошу исполнять мои приказанія, сестра. Пока я буду оперировать этого раненаго, тотъ умретъ.

— Слушаю, господинъ докторъ.

— Дайте маску и хлороформъ, сестра.

Сестра молча вынимаетъ и то и другое изъ кухоннаго шкапа, приспособленнаго для храненія лазаретнаго имущества въ этомъ наскоро импровизированномъ лазаретѣ.

— Намъ надо очень экономно расходовать хлороформъ, господинъ докторъ,—говоритъ сестра, которая, повидимому, не питаетъ никакой надежды на спасеніе майора. — Вѣдь онъ безъ сознанія. Можетъ быть, его можно было бы оперировать безъ наркоза. У насъ осталась всего одна бутылка хлороформа.

Докторъ ничего не отвѣчаетъ ей на это. Онъ накладываетъ раненому маску и хлороформируетъ его.

— Слѣдите за пульсомъ, сестра!

— Слушаю, господинъ докторъ.

Но легко доктору говорить: «слѣдите за пульсомъ», пульсъ майора такъ слабъ, что его почти не слышно.

— Я не могу найти пульса, господинъ докторъ.

— Вы должны найти... а впрочемъ, все равно... Помогите мнѣ повернуть его... Вотъ такъ...

Осторожно кладетъ докторъ съ помощью сестры больного на животъ. Сдѣлавъ глубокій надрѣзъ, онъ обнажаетъ позвонки.

— Я не ошибся, — говоритъ онъ какъ бы про себя, — остріе вилы засѣло въ пятомъ позвонкѣ. Дайте щипцы, сестра.

— Вотъ, господинъ докторъ.

— Остріе проникло въ позвонокъ на три четыре сантиметра...но конецъ торчитъ, — говоритъ докторъ. А про себя онъ думаетъ: «Если мнѣ не удастся извлечь его цѣликомъ, то всѣ труды будутъ напрасны».

Твердой рукой зажимаетъ онъ щипцами металлическій кончикъ, торчащій изъ позвонка, и осторожно тянетъ.

— Вотъ... вотъ онъ подается... посмотрите, сестра.

Все вниманіе доктора сосредоточено на этомъ постороннемъ тѣлѣ, которое необходимо извлечь изъ позвонка.

— Вотъ... вотъ... осторожно... еще немного... вотъ...

Быстрое, ловкое движеніе.

— Удалось, — вырывается у него вздохъ облегченія. Въ щипцахъ онъ держитъ все остріе, которое ему удалось извлечь цѣликомъ.

— Посмотрите, сестра... вѣдь тутъ все, въ позвонкѣ ничего не осталось.

— Да, господинъ, докторъ, вы извлекли все остріе. Остается только удивляться вашему искусству.

Докторъ доволенъ. Онъ приступаетъ къ дезинфекціи раны. Это продолжается минутъ десять, потому что только отъ этого зависитъ теперь заживленіе страшной раны.

— Что за грязь, сестра... Какое свинство... навозныя вилы, — ворчитъ онъ. — Но ничего, все можетъ еще обойтись благополучно, ничего.

Но вотъ рана очищена, и докторъ начинаетъ перевязывать ее. Сестра молча подаетъ ему все необходимое. Она никогда не повѣрила бы, что эта операція можетъ удаться, что возможно будетъ извлечь цѣликомъ заржавленное остріе вилы. Впрочемъ, она и сейчасъ не вѣритъ еще, что раненый останется живъ.

— Неужели вы, дѣйствительно, надѣетесь спасти его, господинъ докторъ? — спрашиваетъ она.

— Да, сестра Руѳь, я надѣюсь спасти его жизнь. Но ноги у него останутся парализованными. Можетъ быть, даже со временемъ у него разовьется табесъ, такъ какъ спинной мозгъ сильно поврежденъ.

— Это ужасно... лучше было бы, если бы онъ умеръ, — говоритъ сестра.

— Отчего же? Съ табесомъ можно прожить еще десять лѣтъ, если только человѣкъ дорожитъ жизнью.

Майоръ перевязанъ, но все еще не приходитъ въ себя, хотя маска уже давно снята съ него.

— Сестра, дайте подушку съ кислородомъ, — говоритъ докторъ.

Нѣсколько минутъ спустя, кислородъ оказываетъ свое дѣйствіе, и мертвенно-блѣдное лицо майора теряетъ свой землистый оттѣнокъ.

— Я слышу уже ясно пульсъ, господинъ докторъ, — говоритъ радостно сестра.

— Вотъ видите, милая моя... А теперь посмотрите, что дѣлаетъ раненый на кровати номеръ восемнадцать.

Сестра Руѳь идетъ къ кровати номеръ восемнадцать. Тамъ она останавливается, точно прикованная, молчитъ и не двигается.

— Ну, сестра?

Отвѣта нѣтъ.

На кровати номеръ восемнадцать лежитъ юноша, почти мальчикъ, на лицо его смерть уже наложила печать.

— Вы были правы, господинъ докторъ, — говоритъ сестра Руѳь, и голосъ ея прерывается рыданьемъ.

— Отчего вы плачете, сестра?

— Я знала его немного, господинъ докторъ... Онъ былъ единственнымъ сыномъ... мать отдала послѣднее, что у нея было, чтобы сдѣлать изъ него офицера... Ему было всего восемнадцать лѣтъ... и вотъ... Онъ самъ разсказывалъ мнѣ о своей матери незадолго до сраженія, въ которомъ участвовала его рота...

— Что же дѣлать, сестра Руѳь? Онъ былъ раненъ въ голову. Осложнилось воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ... Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь.А тутъ еще испортился аппаратъ для производства льда, и цѣлыя сутки у насъ не было ни кусочка льда... Впрочемъ, вы сами знаете, что тутъ ничего нельзя было подѣлать. Не плачьте же. Терпѣть не могу сестеръ, которыя ревутъ при всякомъ удобномъ случаѣ... Лучше помогите мнѣ.

Не говоря ни слова, сестра помогла доктору поднять съ кровати мертваго и положилъ его тутъ же невдалекѣ на полъ.

— Ну, сестра, мнѣ некогда. Надо итди къ тѣмъ, которые ждутъ на дворѣ. Помогите мнѣ теперь положить на эту кровать майора.

— Сейчасъ же? На эту же кровать?

— Да что съ вами, сестра? Точно воспаленіе мозговыхъ оболочекъ заразная болѣзнь. Здѣсь, въ двухъ километрахъ отъ линіи огня намъ не приходится заниматься такими нѣжностями... Я счастливъ, что нашлась свободная кровать. Скорѣе же, помогите мнѣ... Ну, вотъ.. А когда онъ придетъ въ себя, дайте ему три ложки лимонной воды... До свиданія.

Взявъ ящикъ съ инструментами, докторъ спѣшитъ на дворъ, къ новому транспорту раненыхъ, чтобы выдѣлить тѣхъ изъ нихъ, которые нуждаются въ безотлагательной операціи.

* * *

Девять дней жизнь майора висѣла на волоскѣ. Но, наконецъ, благодаря стараніямъ доктора и уходу сестры Руѳь, кризисъ миновалъ, и больной сталъ медленно поправляться. А какъ только явилась къ тому малѣйшая возможность, его отправили съ другими ранеными въ Германію.

Но на фронтъ онъ уже никогда больше не вернется, хотя ему и пообѣщали это, чтобы успокоить.

XIX.

У подъѣзда большого господскаго дома въ Фальке-штейнѣ звонитъ телеграфный разсыльный. Гинденбур только что одержалъ побѣду надъ русскими, и на нѣкотор время они снова отброшены за предѣлы Германіи. Случа угодно, чтобы именно Мелани открыла дверь разсыльном Она только что возвратилась домой съ птичьяго двора, г кормила куръ и голубей. При видѣ разсыльнаго, она нево но прижимаетъ руку къ груди, потому что сердце ея усил но бьется, и ею овладѣваетъ смутное, но злое предчувстві Лицо ея то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, она здоровается с разсыльнымъ и осторожно беретъ телеграмму.

Какъ молнія, проносится въ ея мозгу безотчетное созн ніе, что въ этотъ моментъ она держитъ въ рукахъ сво судьбу, свой приговоръ, что сейчасъ рѣшится ея будуще Однако, она находитъ въ себѣ силу поблагодарить разсыл наго и дать ему на чай, она говоритъ ему даже нѣсколько пр вѣтливыхъ словъ. Потомъ тяжелой поступью она подним ется по лѣстницѣ къ себѣ въ комнату, чтобы тамъ безъ п мѣхи прочесть телеграмму. Теперь у нея нѣтъ больше сом ній въ томъ, что телеграмма содержитъ нѣчто роковое д нея.

Телеграмма подписана Шлоссеромъ. Она лаконична, ка всѣ телеграммы тѣхъ дней:

«Майоръ фонъ-Беркерсбургъ тяжело раненъ. Онъ н пути въ Фалькенштейнъ. Ротный Адольфъ убитъ».

Только послѣдняя фраза запечатлѣлась въ сознані Мелани. Она не плачетъ, но горло ея стягиваетъ мучительна судорога. Однако, силой воли она справляется съ нею, по ходитъ къ умывальнику и быстро проводитъ по глазамъ гу кой, смоченной холодной водой, потому что глаза ея горят Потомъ она нажимаетъ пуговку электрическаго звонка.

Появляется горничная, испуганно, съ изумленіемъ смо тритъ на измѣнившееся землистое лицо Мелани. Вокругъ е широко раскрытыхъ глазъ легли темныя тѣни, волосы въ бе порядкѣ свѣшиваются на лобъ и на виски, въ сухихъ раскр тыхъ губахъ ни кровинки. Горничная въ ужасѣ смотритъ н это лицо, на немъ написано безуміе, готовое вотъ-вотъ ра разиться чѣмъ-то ужаснымъ.

Однако ничего подобнаго не происходитъ.

Голосъ Мелани звучитъ спокойно, какъ всегда. Мож подумать, что дѣло идетъ о чемъ-нибудь самомъ обыд номъ, что она заказываетъ блюдо къ ужину:

— Передайте эту телеграмму господину барону, — г воритъ она медленно и съ полнымъ самообладаніемъ.

— Слушаю, сударыня.

— Подождите... У господина барона опять припадокъ ревматизма?

— Какъ всегда, сударыня.

— Вѣрно, вѣрно, у него всегда ломота... Такъ отдайте эту телеграмму Вюрцу, помните, Вюрцу. Пусть онъ передастъ ее барону въ наиболѣе подходящую минуту. Вѣдь Вюрцъ лучше всѣхъ другихъ знаетъ господина барона, да и ближе всѣхъ къ нему.

— Слушаю, сударыня.

Горничная беретъ изъ рукъ Мелани телеграмму и уходитъ. Ей страшно и въ то же время ее мучаетъ жгучее любопытство. Что могло бы быть въ этой телеграммѣ? Нѣчто ужасное, разъ барыня такъ измѣнилась въ лицѣ. Навѣрное, майоръ убитъ. Это ужасно!

Она направляется къ Вюрцу, фактотуму Вюрцу, котораго никто терпѣть не можетъ въ этомъ домѣ и который дѣйствительно лучше всѣхъ знаетъ барона и умѣетъ ладить съ этимъ больнымъ, капризнымъ старикомъ. Но по дорогѣ она читаетъ телеграмму и переводитъ духъ. Слава Богу, дѣло еще не такъ плохо обстоитъ. Ну, да, тяжело раненъ... конечно... А всетаки онъ уже на пути въ Фалькенштейнъ. Значитъ, опасности для жизни нѣтъ. Можетъ быть, у него оторвало руку или ногу... Это было бы ужасно, но всетаки онъ уже ѣдетъ домой. Раздумывая надъ этимъ, горничная идетъ по коридору и у дверей кухни сталкивается съ Вюрцомъ, который какъ разъ шелъ въ кухню за горячимъ льнянымъ сѣменемъ, единственнымъ средствомъ, приносящимъ облегченіе его барину.

— Я къ вамъ, Вюрцъ, — говоритъ горничная.

— Что вамъ угодно, фрейлейнъ?

Старый слуга величаетъ горничную «фрейлейнъ», такъ какъ она сама потребовала этого, а главное, потому что ея молодая госпожа пожелала этого.

— Барыня приказала передать то, что написано въ этой телеграммѣ, господину барону. Только въ подходящую минуту, сказала барыня.

— Дайте, дайте...

Дрожащими руками слуга беретъ телеграмму и читаетъ ее:

— Тяжело раненъ... жаль, жаль бѣднаго майора. Но что дѣлать, фрейлейнъ, что дѣлать... отъ семидесяти пяти миллиметровыхъ пушекъ никто не уйдетъ цѣлымъ и невредимымъ. Непріятельская-то артиллерія будетъ почище нашей... Впро-

чемъ, фрейлейнъ, объ этомъ громко говорить не полагается, хотя у насъ въ Германіи это извѣстно каждому ребенку.

— Вотъ какъ...

— Да, это вѣрно... А вотъ тутъ еще написано о ротномъ Адольфѣ... Ахъ, какъ жаль его. Что это былъ за милый молодой человѣкъ. И какой музыкантъ! Сидитъ себѣ за фортепіано и фантазируетъ, да такъ, что слеза прошибаетъ.

— Такъ вы знали ротнаго Адольфа? — спрашиваетъ горничная, настораживаясь.

— Зналъ ли? Да вѣдь онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ во время маневровъ стоялъ у насъ въ Фалькенштейнѣ. Вы, фрейленъ, тогда еще не служили въ домѣ барона.

— Да, да... Ну, а что вы еще знаете о ротномъ Адольфѣ, Вюрцъ?

Горничная чрезвычайно заинтересована. Въ ней зарождается предположеніе, ужъ нѣтъ ли какой нибудь связи между смертью ротнаго Адольфа и тѣмъ ужаснымъ состояніемъ, въ которомъ она застала свою госпожу. Въ свободное время она любитъ читать романы, и романическія исторіи мерещатся ей и во снѣ, и на яву.. Она повторяетъ свой вопросъ:

— А еще чего нибудь вы не знаете объ этомъ таинственномъ ротномъ Адольфѣ, Вюрцъ?

— Почему называете вы его таинственнымъ, фрейлейнъ?

— На это у меня имѣются свои основанія, Вюрцъ, — отвѣчается горничная съ загадочной улыбкой.

Вюрцъ, который очень любитъ при случаѣ щегольнуть тѣмъ, что состоитъ на почетной роли стараго Фигаро, отвѣчаетъ еще болѣе таинственнымъ тономъ:

— По правдѣ сказать, фрейлейнъ, носились слухи объ одной романической исторіи... это, когда ротный Адольфъ стоялъ у насъ въ Фалькенштейнѣ...

— Въ связи въ именемъ госпожи майорши, Вюрцъ?

— Ну, разумѣется, фрейлейнъ. Всѣ были увѣрены въ томъ, что онъ собирается просить ея руки. Да, скамья у лебединаго пруда могла бы кое-что поразсказать, если бы только вообще скамьи могли говорить... И вдругъ вмѣсто того, чтобы обручиться съ лейтенантомъ Адольфомъ, наша барышня сдѣлалась невѣстой майора, который былъ на добрыхъ двадцать лѣтъ старше ея. Разумѣется, лейтенантъ Адольфъ былъ бы гораздо подходящѣе для нея. Да тутъ замѣшаны долговыя обязательства господина барона... такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ еврей въ уѣздномъ городѣ и при этомъ онъ такъ коварно ухмылялся, что его скорѣе можно было бы принять за англичанина, чѣмъ за еврея.

— Ахъ, не острите, Вюрцъ!

— Да я и не острю, фрейлейнъ, я говорю совершенно серьезно. Теперь скажу я вамъ, одинъ англичанинъ хуже десяти евреевъ! Стоитъ только заглянуть въ газеты... впрочемъ, вы вѣдь газетъ не читаете, фрейлейнъ. Вы читаете только романы, несмотря на политическія событія...

— Теперь мнѣ все ясно, — говоритъ вполголоса горничная, не слушая больше стараго слугу. — Все ясно, совершенно ясно...

Такъ, значитъ, не извѣстіе о томъ, что майоръ тяжело раненъ, такъ подѣйствовало на барыню, а смерть ротнаго Адольфа. Вездѣ романическая исторія, вездѣ скелетъ въ домѣ! Любопытство горничной удовлетворено, и она довольна.

— Льняное сѣмя совсѣмъ нагрѣлось, — раздается изъ кухни голосъ кухарки.

— Иду, иду! — отвѣчаетъ Вюрцъ.

Съ этими словами слуга исчезаетъ въ кухнѣ, а горничная повторяетъ, направляясь въ людскую:

— Такъ вотъ, въ чемъ дѣло... вотъ оно что...

Въ людской она спѣшитъ подѣлиться интересной новостью со всей остальной челядью, но, разумѣется, подъ строжайшимъ секретомъ.

* * *

Старый баронъ сидитъ передъ каминомъ, съ нетерпѣніемъ ожидая припарки. Онъ въ халатѣ, длинный чубукъ стоитъ на полу, прислоненный къ его креслу. Онъ снялъ съ лѣвой ноги туфлю и чулокъ и смотритъ на распухшую около щиколотки ногу, которая причиняетъ ему столько страданій.

— Да гдѣ же онъ пропалъ! — говоритъ баронъ про себя и смотритъ на часы, тикающіе на каминѣ. — Прошло уже больше десяти минутъ, какъ онъ отправился на кухню за сѣменемъ. Навѣрное, этотъ старый болтунъ опять заболтался со служанками.

Нехотя беретъ баронъ газету. Онъ перечитываетъ ее въ пятый разъ и опять увлекается описаніемъ побѣдъ надъ русскими. На мгновеніе онъ забываетъ о своей больной ногѣ и неосторожнымъ движеніемъ опускаетъ ее на коверъ.

— О, Господи... ай, чтобъ ей!.. — вырывается у него крикъ. Онъ придаетъ ногѣ болѣе удобное положеніе и снова углубляется въ газету.

«Блестящая побѣда... нѣсколько десятковъ тысячъ плѣнныхъ...» У барона на лицѣ появляется самодовольная улыбка. Ему и въ голову не приходитъ вспомнить, что въ Россіи осталось еще только въ резервѣ нѣсколько милліоновъ войска, и

что людской источникъ въ Россіи неизсякаемъ. Онъ забылъ, что Сибирь въ сто разъ больше Пруссіи. Онъ счастливъ, онъ въ приподнятомъ настроеніи. Скоро въ Германіи не будетъ мѣста въ лагеряхъ для военноплѣнныхъ... Правда, въ деревняхъ жалуются на дороговизну, цѣна на горохъ дошла уже до сорока пяти марокъ за центнеръ, а въ хлѣбъ подмѣшиваетъ картофель. Но что изъ этого? Ничего, и хлѣба, и мѣста въ Германіи достаточно! Урожай былъ великолѣпный и его хватитъ и на плѣнныхъ русскихъ.

Эти размышленія приводятъ барона въ радужное настроеніе, онъ встаетъ съ кресла и при помощи палки ковыляетъ къ стѣнѣ, гдѣ виситъ карта театра военныхъ дѣйствій. Проклятая нога опять даетъ себя чувствовать, баронъ стонетъ, кряхтитъ, но все-таки подходитъ къ картѣ, чтобы нагляднѣе убѣдиться въ успѣхахъ Гинденбурга. О, на Гинденбурга положиться можно!..

— Что съ вами, что съ вами, господинъ баронъ?—въ ужасѣ кричитъ Вюрцъ, входя въ комнату съ горячимъ льнянымъ сѣменемъ.—Вѣдь вы же знаете, господинъ баронъ, что вамъ ни подъ какимъ видомъ нельзя вставать, да еще съ незабинтованной ногой!

— Хорошо, хорошо, Вюрцъ,— отвѣчаетъ баронъ съ покорнымъ видомъ.

Если онъ кого-нибудь слушается въ этомъ домѣ, такъ только своего стараго фактотума. Вотъ и теперь, онъ, какъ ребенокъ, позволяетъ Вюрцу отвести себя отъ карты и усадить въ кресло.

— Садитесь, садитесь, господинъ баронъ... вотъ такъ.

— Ай, ой... ай, ай, ай!

— Ничего, ничего, господинъ баронъ, сейчасъ будетъ легче... Вотъ положимъ припарку и все, какъ рукой сниметъ. Главное, чтобы припарка была какъ можно горячѣе, говоритъ господинъ докторъ... Вотъ увидите, господинъ баронъ, вамъ станетъ сейчасъ полегче... Выше ногу, выше, господинъ баронъ!

Разговаривая, какъ съ больнымъ ребенкомъ, Вюрцъ пододвигаетъ подъ больную ногу барона стулъ и обкладываетъ припаркой щиколотку.

— Чортъ возьми! Ужъ не хотите ли вы меня живымъ зажарить, Вюрцъ! Слышите?

Но Вюрцъ неумолимъ, онъ еще плотнѣе прижимаетъ къ ногѣ припарокъ и приговариваетъ:

— Главное, погорячѣе... это главное, господинъ баронъ... Я боялся только одного, какъ бы припарка не оказалась недостаточно горячей...

— Чортъ бы васъ побралъ, Вюрцъ...

— Если вы будете такъ со мной обращаться, господинъ баронъ...

— Что это значитъ, Вюрцъ? Если я буду съ вами такъ обращаться, такъ что тогда, Вюрцъ?

Вюрцъ хорошо знаетъ своего барина. Больной старикъ необычайно любопытенъ. Это свойство его уступаетъ, пожалуй, только невѣроятному эгоизму, который уже окончательно поборолъ всѣ чувства старика. Вюрцъ знаетъ это и хитро улыбается, точно онъ собирается сообщить барину радостную вѣсть.

— Говорите же, въ чемъ дѣло, Вюрцъ?

Съ минуту Вюрцъ ждетъ, чтобы довести любопытство барона до высшаго напряженія и, наконецъ, говоритъ:

— Мы получили непосредственно извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, господинъ баронъ.

Баронъ смотритъ на него широко раскрытыми глазами и ждетъ, точно не вѣря своимъ ушамъ.

— Да, господинъ баронъ, мы получили непосредственно извѣстія, — повторяетъ Фигаро съ улыбкой. — Госпожа майорша только что получила телеграмму...

— Значитъ, это извѣстіе отъ моего зятя, Вюрцъ?

— Совершенно вѣрно, господинъ баронъ.

— Хорошія извѣстія?

— По моему, не изъ самыхъ худшихъ, господинъ баронъ.

— Ну, слава Богу! Дайте же мнѣ телеграмму.

Вюрцъ колеблется.

— Можетъ быть, будетъ лучше, если я сообщу вамъ эти вѣсти въ обратномъ порядкѣ, господинъ баронъ... чтобы не слишкомъ взволновать васъ.

— Что это значитъ, Вюрцъ? Въ обратномъ порядкѣ?

— А то, господинъ баронъ, что я сообщу вамъ сперва мало интересное извѣстіе, а потомъ ужъ болѣе непріятное.

— Ахъ, Вюрцъ, какъ вы хорошо знаете состояніе моихъ нервовъ!

— О, да, господинъ баронъ, не правда ли? — Вюрцъ самодовольно улыбается. — Не вспомните ли вы, быть можетъ, господинъ баронъ, нѣкоего ротнаго Адольфа, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ стоялъ у насъ въ Фалькенштейнѣ...

— Такъ говорите же, говорите, господинъ Вюрцъ!

— Если я не ошибаюсь, этотъ самый лейтенантъ Адольфъ дѣлалъ предложеніе нашей барышнѣ...

— Совершенно вѣрно, теперь я смутно припоминаю,

Вюрцъ... такой бѣлокурый, не правда ли, съ коротко подстриженными усами...

Вюрцъ снисходительно улыбается:

— Да вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ его величество подожгли себѣ усы папироской, всѣ подстригаютъ усы.

— Правда, правда, Вюрцъ... Такъ что же случилось съ тѣмъ... какъ его... съ Рудольфомъ, Вюрцъ?

— Адольфомъ, господинъ баронъ...

— Ахъ, не все ли равно? Ну, пусть съ Адольфомъ...

— Убитъ... Такъ написано въ телеграммѣ, господинъ баронъ!

— Бѣдный молодой человѣкъ... Но вѣдь теперь убиваютъ множество народа, Вюрцъ... каждый день тысячи двѣ... такъ что въ этомъ нѣтъ еще ничего особеннаго... А кромѣ того...

— Совершенно вѣрно, господинъ баронъ, въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго. Людей убиваютъ ежедневно тысячами, такъ что это какъ будто и ничего...

— Ну, а какія вѣсти о моемъ зятѣ, майорѣ фонъ-Беркерсбургѣ?

— Господинъ майоръ на пути въ Фалькенштейнъ, господинъ баронъ.

— Да вѣдь это великолѣпно, Вюрцъ! У насъ составится партія для картъ! А то пасторъ Мюллеръ изъ Вержболова отъ старости ничего не видитъ и скоро совсѣмъ оглохнетъ, такъ что съ нимъ въ карты играть будетъ невозможно...

— Да, но...

— Еще что, Вюрцъ? — ворчитъ баронъ.

— Тутъ еще кое-что стоитъ въ телеграммѣ... что господинъ майоръ раненъ... и тяжело раненъ.

Баронъ почесываетъ за ухомъ.

— Ну, что же, Вюрцъ, тутъ трудно что-нибудь сказать... надо обождать... но разъ онъ уже въ пути, то, пожалуй, дѣло еще не такъ плохо... Надо обождать... Да, да... А знаете, Вюрцъ, вѣдь льняное сѣмя дѣйствительно прекрасное средство... Я такъ доволенъ имъ... Подержите-ка мою трубку... она, конечно, опять потухла.

— Извольте, господинъ баронъ.

— Да, да, надо обождать...

XX.

Нѣсколько дней спустя въ Фалькенштейнъ пріѣхалъ майоръ или, скорѣе, его тѣнь, нежели онъ самъ. Старый Вюрцъ не преминулъ по этому торжественному случаю украсить гирляндами входную дверь. Гирлянды сплетены изъ вѣтвей хвойныхъ деревьевъ, такъ какъ листья дубовъ въ

лѣсахъ Вержболова уже давно облетѣли. Такимъ образомъ. слова его величества: «Прежде, чѣмъ опадетъ листва съ деревьевъ, мы снова будемъ въ нашемъ дорогомъ отечествѣ», не оправдались. Однако, это не помѣшало Вюрцу задрапировать дверь черно-бѣло-красными флагами и прикрѣпить надъ ней щитъ съ надписью: «Добро пожаловать, побѣдитель!»

Майоръ читаетъ это наивное привѣтствіе стараго преданнаго слуги, и на лицѣ его появляется блѣдная улыбка.

— Такъ вотъ каковъ побѣдитель! — проносится у него въ головѣ. Онъ старается собрать свои мысли, ему это удается съ трудомъ. Онъ страдаетъ не отъ одной только раны въ спинѣ, которая все еще не зажила, — это не все, что майоръ привезъ съ полей битвы. Нѣтъ, не менѣе страданій причиняютъ ему его истерзанные нервы, потрясенные ужасной битвой въ Труайонскомъ лѣсу и еще болѣе ужасной бойней на улицахъ Розей.

Во снѣ ему чудится грохотъ пушекъ, наяву ему мерещится кровь, все застилаетъ передъ его глазами кровавая завѣса. И это продолжается недѣлю за недѣлей. Онъ съ величайшимъ трудомъ заставляетъ себя глотать тѣ крохи, которыя необходимы для поддержанія его жизни. Ему кажется, что все, что онъ глотаетъ, пропитано горячей кровью.

Но это еще не все. Самая незначительная причина вызываетъ у него припадки слезъ, и онъ плачетъ, какъ ребенокъ. Иногда трудно даже опредѣлить причину, вызвавшую такой припадокъ. Они нападаютъ на него совершенно неожиданно, словно разбойники изъ засады, и терзаютъ измученное сердце, больную душу, пока его лицо не орошаютъ потоки слезъ и пока онъ не ослабѣетъ настолько, что уже не въ состояніи больше рыдать. Можно подумать, что слезы всѣхъ тѣхъ дѣтей и женщинъ въ Розей, дома которыхъ по его приказанію были преданы пламени, слились въ одинъ сосудъ и теперь изливаются изъ его глазъ.

При первомъ взглядѣ на майора старый слуга теряется, и привѣтствіе замираетъ у него на губахъ. Веселая шутка, которую приготовилъ баронъ, остается несказанной, экономка и служанки не осмѣливаются задать ни одного вопроса пріѣхавшему, хотя сгораютъ отъ любопытства. Видъ майора краснорѣчивѣе всякихъ словъ говоритъ обо всемъ. Любопытство уступаетъ мѣсто чувствамъ ужаса и состраданія. Только въ глазахъ Мелани горитъ огонь, и она смотритъ на майора испытующимъ взоромъ, точно подстерегаетъ его. Да, она хочетъ знать правду! Она узнаетъ ее, чего бы ей это ни стоило.

Майоръ почти ничего не говоритъ. Лишь изрѣдка съ его губъ срываются безразличныя слова. Сейчасъ же, какъ только онъ пріѣхалъ, его отнесли наверхъ въ его комнату и уложили въ постель. Санитаръ, сопровождавшій его во время пути, сообщилъ во всѣхъ подробностяхъ предписанія врача и затѣмъ удалился. А майоръ уже не покидалъ больше своей комнаты.

На слѣдующее же утро его посѣтилъ врачъ изъ уѣзднаго города. Осмотрѣвъ больного, онъ сообщилъ Мелани и ея отцу то, что уже раньше узналъ изъ письма военнаго доктора, оперировавшаго майора: сильное нервное потрясеніе, которое еще можетъ вылиться въ ту или иную форму, возможность развитія табеса на почвѣ поврежденія спинного мозга. Вообще уѣздный врачъ не находитъ нужнымъ скрывать отъ жены больного и его тестя ужасную истину.

Однако, приговоръ его не производитъ ожидаемаго впечатлѣнія. Старый баронъ слишкомъ погрязъ въ своемъ эгоизмѣ для того, чтобы сочувствовать другому больному, а Мелани относится къ этому съ такимъ самообладаніемъ, что доктору кажется, будто на него вылили ушатъ холодной воды.

Онъ уходитъ, пообѣщавъ на другой день прислать опытную сестру милосердія, такъ какъ больного нельзя оставить безъ постояннаго присмотра. И баронъ, и Мелани благодарятъ его за это.

Опять онъ удивленъ: молодая женщина не попыталась даже предложить свои услуги для ухода за больнымъ. И это теперь, когда тысячи женщинъ и дѣвушекъ изъ всѣхъ слоевъ населенія наперерывъ предлагаютъ свои услуги для ухода за чужими и даже за врагами. А эта молчитъ, хотя дѣло идетъ о ея мужѣ.

На слѣдующее утро изъ городской больницы дѣйствительно пріѣжаетъ сестра Урсула. Она сейчасъ же отдаетъ себя въ распоряженіе больного. Тотъ провелъ ужасную ночь, о завтракѣ онъ и слышать не хочетъ и только молитъ сестру о морфіи. Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ возраженій, сестра вспрыскиваетъ ему благодѣтельный наркотикъ. Послѣ этого больной успокаивается немного, онъ даже въ состояніи проглотить нѣсколько ложекъ чернаго кофе и произнести нѣсколько словъ.

— Сестра, попросите сюда мою жену, — говоритъ онъ.

— Лишь бы это не слышкомъ взволновало васъ, господинъ майоръ, — пытается возразить сестра Урсула.

Но не успѣла она произнести этихъ словъ, какъ уже раскаялась въ нихъ. Углы рта майора подергиваетъ судорога,

...вотъ онъ разразится слезами. А врачъ настоятельно ...силъ ее не давать больному повода къ слезамъ, которыя ...утъ привести измученные нервы въ неизлечимое состояніе.

— Сестра, позовите мою жену, — повторяетъ майоръ ...осомъ, въ которомъ уже слышатся слезы.

На этотъ разъ сестра не возражаетъ ни слова и молча ...ходитъ изъ комнаты, чтобы исполнить просьбу больного.

Майоръ сидитъ въ креслѣ на колесахъ. Сестра подвезла ...сло къ окну, и онъ задумчиво смотритъ въ паркъ на ого...ныя деревья. Но вскорѣ паркъ застилаетъ передъ нимъ ...овавая завѣса, и онъ видитъ сквозь нее пылающія деревни ...кровь, потоки крови, которая льется изъ зіяющихъ ранъ ...тенъ, тысячъ, десятковъ и сотенъ тысячъ павшихъ на ...лѣ битвы Франціи, Фландріи и Польши и насытившихъ со...й почву этихъ странъ...

Майоръ вдругъ отрывается отъ этихъ кровавыхъ ви...ній. Дверь растворяется, и въ комнату безшумно прони...етъ, какъ тѣнь, темная фигура. Она вся въ черномъ, въ ...убокомъ траурѣ...

Растерянно смотритъ майоръ на ту, которая когда-то ...ла его женой... Теперь она чужая, она представляется ему ...ооной богиней мести или греческой Паркой... и она вхо...итъ въ его комнату страданій...

И въ одно мгновеніе онъ проникается глубокимъ созна...емъ: пониманія, прощенія — никогда не дождется онъ ...тъ этой женщины.

Сестра Урсула слѣдуетъ по пятамъ за Мелани. Майоръ ...мотритъ то на одну, то на другую, и сестра напоминаетъ ...му кроткую луну рядомъ съ кровавымъ сѣвернымъ сія...ніемъ. Одна — ангелъ любви и всепрощенія, а та, другая, ...ъ траурѣ — неумолимая предвозвѣстница страшнаго суда!

Майоръ чувствуетъ это всѣми фибрами своей души. Ему ...очется ухватиться за сестру Урсулу, просить ее, чтобы она ...е уходила изъ комнаты, не покидала его, а, между тѣмъ, ...убы его произносятъ едва слышно:

— Я хочу остаться наединѣ съ женой, сестра Урсула.

Сестра слегка наклоняетъ голову въ знакъ того, что по...яла его, подходитъ къ креслу, поправляетъ подушки, по...двигаетъ поближе столикъ съ освѣжающимъ питьемъ и выходитъ изъ комнаты.

Съ того самаго утра, какъ майоръ попрощался съ Ме...лани, отправляясь въ походъ, они ни разу не оставались съ ...глазу на глазъ.

Въ окно проникаетъ блѣдный осенній свѣтъ и падаетъ

на тонкую и высокую фигуру Мелани. Когда-то майоръ ви-
дѣлъ на сценѣ Антигону. Не похожа ли Мелани на нее?
«Я пришла не для того, чтобы вмѣстѣ ненавидѣть, а для
того, чтобы вмѣстѣ любить».
Похожа Мелани на нее?
Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!
Ея плотно сжатыя губы выражаютъ совсѣмъ другое.
Никогда, никогда не прочтетъ онъ въ ея чертахъ и тѣни со-
страданія къ себѣ.
Водворяется долгое, томительное молчаніе. Стѣнные
часы мѣрно тикаютъ, проходитъ минута за минутой. Ни
онъ, ни она не рѣшаются произнести первое слово.
Мелани стоитъ у самаго окна, почти спиной къ майору.
Она нервно барабанитъ пальцами по стеклу. Наконецъ, она
собирается съ духомъ и спрашиваетъ:
— Зачѣмъ ты позвалъ меня?
Никакого обращенія, даже имени его она не произнесла.
Ничего, ничего, кромѣ привычнаго «ты», которое тоже,
какъ это ему кажется, вызываетъ въ ней отвращеніе.
— По комъ носишь ты трауръ, Мелани?
Этотъ вопросъ прозвучалъ холодно и жестко.
Она это чувствуетъ. Но и ея слова будто выкованы изъ
стали. Война съ ея ужасами вырвала изъ ея груди всякое
чувство состраданія. Майоръ понялъ это, услышавъ ея хо-
лодный отвѣтъ:
— Я ношу трауръ по Адольфу.
— По твоему возлюбленному?
— По тому, кто былъ для меня дороже всѣхъ на свѣтѣ.
— По твоему возлюбленному?
Она улыбается съ выраженіемъ смертельнаго презрѣ-
нія. Онъ чувствуетъ себя слишкомъ слабымъ, чтобы входить
съ ней въ дальнѣйшія пререканія. Глаза его уже готовы
наполниться слезами, рыданія душатъ его и передъ нимъ
снова ложится кровавая завѣса Труайона и Розей.
— Хорошо... уйди, — говоритъ онъ едва слышно.
Мелани уходитъ, не взглянувъ на майора.

XXI.

Мучительнѣе всего для майора ночи, безсонныя ночи
поздней осени, когда въ окнахъ завываетъ и стонетъ вѣтеръ,
а незаживающая рана горитъ. Въ десять часовъ сестра
Урсула укладываетъ его въ постель, каждый вечеръ съ той
же лаской и съ той же кротостью она спрашиваетъ его, не
надо ли ему еще чего-нибудь, и каждый вечеръ неизмѣнно

...оръ увѣряетъ ее, что ему ничего больше не надо, и тогда ... тихо выходитъ въ сосѣднюю комнату и ложится спать.

Вотъ тутъ-то и начинаются муки... Часы тикаютъ съ не...олимой настойчивостью, ползутъ минута за минутой, ...ъ за часомъ, а онъ не можетъ заставить себя забыться ...агодѣтельнымъ сномъ, хотя бы на четверть часа. Шеве...ься, поворачиваться съ одного бока на другой — объ ...омъ рѣчи быть не можетъ, потому что малѣйшее движеніе ...поминаетъ ему о томъ, что у него въ спинѣ въ теченіе со...ка восьми часовъ торчали навозныя вилы, что его спин...й хребетъ поврежденъ и что рана его, несмотря на всѣ ...ранія врачей, не подаетъ надежды на заживленіе...

И вотъ майоръ лежитъ неподвижно... и тогда встаютъ ...дѣнія. Это не сны, не плодъ горячечной фантазіи тяжело ...льного, это живыя, дѣйствительныя, ужасныя картины, ...торыя точно внѣдрились, точно когтями впились въ боль...й мозгъ майора...

Вотъ желѣзнодорожная станція стараго гарнизоннаго ...рода... Толпы провожающихъ, говоръ, крики, рукопожа...я, пѣніе, цвѣты, веселый смѣхъ, точно всѣ собираются на ...селое пиршество. Безконечныя колонны кадровыхъ ...скъ, за ними рекруты въ новой обмундировкѣ, тысячи, ...ми тысячъ... безконечный людской потокъ... И прикован...ый къ одру болѣзни, майоръ смотритъ на эту картину ши...око раскрытыми, печальными глазами.

Картины чередуются, одна за другой... Вотъ войска про...ли черезъ Люксембургъ и Бельгію и ворвались въ сѣвер...ую Францію съ такой стремительностью, точно не могло ...ыть и тѣни сомнѣнія въ томъ, что черезъ нѣсколько недѣль ...ни будутъ увѣнчаны, какъ побѣдители. А они оказались ...шь стадомъ убойнаго скота, пушечнымъ мясомъ для не...олимой полевой артиллеріи французовъ, мишенью для ...лоссовъ, подстерегающихъ ихъ у береговъ на англійскихъ ...роненосцахъ, матеріаломъ для заполненія траншей на рав...нахъ Франціи и Фландріи...

Майоръ видитъ обагренныя кровью равнины, взлетаю...щія въ воздухъ бронированныя башни фортовъ Льежа... а ...альше, пересѣкающіе другъ друга каналы, наполненные ...е водой, а кровью... Пылаютъ города, сравненные съ ...млей, дымятся деревни, багровое, залитое заревомъ небо... ...плошной гигантскій костеръ, пожирающій цѣлые народы, ...руга и недруга...

Майоръ не можетъ отвести глазъ отъ этихъ картинъ и ...у начинаетъ казаться, что онъ опустился въ царство са...ого Вельзевула... Что говоритъ Писаніе?..

Не надо, не надо думать объ этомъ! Зачѣмъ м
себя страшными воспоминаніями? Но какъ найти спа
отъ нихъ, гдѣ искать забвенія? Эти картины запечатлѣ
навѣки въ его мозгу и ему не найти никогда больше пок

Европа, сражающаяся сама съ собой! Мать, терзаю
свое собственное тѣло, родившая всѣ эти народы!.. Вотъ
мая страшная изъ всѣхъ картинъ... Потрясены всѣ осн
Міровой строй нарушенъ и никогда уже больше не во
новится! Что за плачевное, что за фатальное заблужде

Моря кишатъ минами, у каждой скалы стере
смерть, надъ каждымъ холмомъ царитъ ужасъ, въ каж
долинѣ пожинаетъ жатву духъ истребленія, шеству
смерть съ косой, собирая богатую дань!

Европа и весь міръ, сдвинутые съ основъ!

О, что за муки быть обреченнымъ думать объ это
видѣть эти страшныя картины въ долгія, безсонныя но

Майоръ начинаетъ тихо говорить съ самимъ собой:

— Что значитъ моя судьба, судьба одного малень
человѣка, въ сравненіи съ міровымъ бѣдствіемъ?

Онъ задаетъ себѣ этотъ вопросъ уже въ тысячный р
и не можетъ отвѣтить на него.

— Для меня самого она все-таки имѣетъ большее з
ченіе... Развѣ не сознавалъ я, что она сильнѣе, ужаснѣе во
на свѣтѣ, когда стоялъ въ Труайонскомъ лѣсу во время с
женія, когда Адольфъ остался живъ, вопреки всему, ко
онъ спасъ меня... когда предательскимъ выстрѣломъ б
сраженъ мой другъ... когда горѣлъ Розей... но боль
больше всего, когда мною овладѣло желаніе убить... п
дать...

— Что все это въ сравненіи со страданіями, на котор
обреченъ теперь весь свѣтъ? И все-таки не сильнѣе ли
страданія? Развѣ въ нихъ нѣтъ начала и конца тѣхъ ка
строфъ, въ горнилѣ которыхъ выковываются новые мі
Не отражается ли въ моей судьбѣ, какъ въ каплѣ во
судьба міра, и не являются ли факторами одни и тѣ же
чала въ преступленіи, какъ въ маломъ, такъ и въ великом

— Да, да, на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стоялъ са
священный храмъ человѣчества, теперь царятъ лишь
висть, любостяжаніе, ненависть, измѣна всему самому с
тому, нарушенное слово, разорванные трактаты, расшат
ныя основы!..

— И ложь... вездѣ ложь...

Забывъ о своей ранѣ, майоръ садится въ кровати и
его груди вырывается громкій крикъ...

Во мракѣ горятъ два глаза, но майоръ не видитъ и

Это глаза Мелани, его жены, которая на цыпочкахъ, неслышно вошла къ нему въ комнату. Она прокрадывается къ нему каждую ночь, она подслушиваетъ его бредъ... Она сердцемъ догадывается, что у него на душѣ тяжкое преступленіе и она хочетъ узнать все.

А онъ ничего не подозрѣваетъ. Онъ думаетъ о богахъ мести, которые изливали свой гнѣвъ надъ Розей, а теперь проникли въ его комнату и изливаютъ свой гнѣвъ на него, мучаютъ его страшными видѣніями...

Майоръ доведенъ до полнаго отчаянія, на лбу его выступаютъ капли холоднаго пота, и онъ складываетъ руки для молитвы.

«Онъ молится! Онъ можетъ еще молиться!» — проносится въ головѣ Мелани.

Она впивается въ него глазами. Она видитъ и судорожное подергиваніе губъ, и дрожь его холодныхъ, какъ ледъ, пальцевъ.

И она крадетъ отъ него молитву, какъ онъ когда то укралъ отъ нея любовь. Око за око, зубъ за зубъ.

Народъ на народъ, братъ на брата, другъ на друга, жена на мужа — вотъ лозунгъ настоящаго времени.

Насиліе надъ правомъ!

Она крадетъ! Она крадетъ, какъ и онъ когда-то, хлѣбы предложенія съ алтаря храма, хлѣбы, которые принадлежатъ одному только Богу... Она крадетъ его завѣтныя мысли, тайну его тяжкаго грѣха, которую онъ открываетъ одному только Всевышнему!

— И остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ! — произносятъ холодныя губы майора.

— Прости, о, Отецъ небесный, мой смертный грѣхъ передъ Адольфомъ! Ибо желаніе убить — уже убійство! Отецъ небесный... И остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ!..

Со стономъ опускается майоръ на подушки.

«Но вѣдь онъ не вѣритъ! Онъ никогда не былъ вѣрующимъ, — думаетъ Мелани. — Да онъ и не молился, онъ только покаялся».

Боги мести у его одра страданій! Майоръ всматривается въ темноту влажными отъ слезъ глазами... Что это? На него устремлены два глаза, полные ненависти... Да, да, они устремлены на него съ выраженіемъ безпредѣльной вражды!.. Что это?.. Не сама ли Немезида тихо выскользнула изъ его комнаты?.. Или это былъ призракъ?..

Майоръ хочетъ крикнуть, позвать сестру Урсулу, чтобы она сняла тяжесть съ его груди, разсѣяла страшные призраки, созданные его фантазіей... Пусть она зажжетъ свѣчу и положитъ свои прохладныя руки на его лобъ...

Но у него не хватаетъ силы воли, чтобы заставить себя крикнуть. Онъ слишкомъ слабъ, не физически, а душевно; у него нѣтъ больше воли. Ужасы полей сраженія во Фландріи и сѣверной Франціи,, Труайонъ и Розей, подбили его крылья, надломили его волю, которую онъ когда-то считалъ желѣзной, и превратили его въ слабаго старика, въ лепечущаго ребенка.

Зачѣмъ слова? Терпѣть, страдать, страдать, а потомъ умереть, когда будетъ достаточно выстрадано!..

И вотъ онъ лежитъ и смотритъ широко раскрытыми глазами въ потолокъ, пока на немъ не появляются отблески зарождающагося осенняго утра.

XXII.

Фалькенштейнъ горитъ. Словно наказаніе Божіе, разразилось несчастье надъ усадьбой барона среди темной ночи. Она пылаетъ, какъ Льежъ и Намюръ, какъ Антверпенъ, Мехельнъ, Лувэнъ, какъ Лилль, Аррасъ, Мобежъ и Розей.

Непріятель надвигается на восточную Пруссію и Фалькенштейнъ.

Набатъ въ маленькой церкви въ Вержболовѣ возвѣщаетъ о непостижимомъ несчастьи. Звуки колокола такіе дрожащіе и точно стонутъ.

Непріятель надвигается!

Съ криками и визгомъ разбѣжалась изъ Фалькенштейна вся челядь.

Вдали надъ лѣсомъ и надъ полями небо окрасилось багровымъ заревомъ, возвѣщавшимъ о томъ, что тамъ горятъ деревни и усадьбы.

Спасаться, бѣжать, бѣжать!

Къ западу по дорогѣ въ Гумбиненъ и Инстербургъ черезъ безконечный Эйдкуненскій лѣсъ тянется вереница бѣглецовъ. Тутъ и крестьянскія телѣги, и дѣтскія колясочки съ послѣдними пожитками, коляски помѣщиковъ, забытый автомобиль — всѣ виды экипажей. А среди нихъ пѣшеходы со слезящимися глазами отъ дыма горящаго роднаго дома.

Непріятель надвигается! Надо спѣшить!

Старый кучеръ Христіанъ, который еще такъ недавно привезъ Мелани со станціи въ Вержболовѣ, сидитъ на козлахъ и изо всѣхъ силъ стегаетъ лошадей, которыя едва двигаются впередъ по темному лѣсу, такъ какъ ихъ ежеминутно пугаютъ вспышки пожаровъ и доносящійся издалека трескъ.

— Да бейте же ихъ хорошенько, Христіанъ! — кричитъ ...коляски больной баронъ. — Вѣдь непріятель того и ...ди нагонитъ насъ...

И Христіанъ бьетъ лошадей съ новой силой, кричитъ и ...пает ихъ проклятіями.

Баронъ забылъ свой ревматизмъ. Судорожно хватается ...ъ онѣмѣвшей рукой, не обращая больше вниманіе на боли, ...свой боковой карманъ. Онъ спряталъ въ немъ свой бумаж...къ съ послѣдними кредитными билетами, спасенными въ ...нуту бѣгства изъ несгораемаго шкапа. Это все, что у него ...талось.

До лѣса доносятся отдаленные крики. Непріятель наго...етъ ихъ.

Въ глубинѣ коляски, которая едва-едва двигается впе...дъ по глубокой грязи, лежитъ майоръ. Сквозь его плотно ...снутыя губы не вырывается ни звука. Его лицо покры...етъ мертвенная блѣдность, и онъ лежитъ въ подушкахъ ...подвижно, словно покойникъ. А въ мозгу его молотомъ ...учитъ все одна и та же мысль: «Боги мести! Боги мести!»

Въ Фалькенштейнѣ все-таки во время узнали о томъ, что ...пріятель приближается и успѣли бѣжать до того, какъ ...орѣлся домъ. Грубыя руки работниковъ подняли тяжко-...ненаго съ кровати и отнесли въ коляску. Правда, сестра ...ула сдѣлала все, что возможно, чтобы облегчить стра...нія майора, но это ни къ чему не повело. Рана его горитъ, ...къ огонь, какъ адскій огонь... Теперь, лежа въ переваливаю...йся со стороны на сторону коляскѣ, маоръ ясно чувству...ъ, что его рана еще больше раскрылась. Повязка съѣхала ...спины и позвонокъ обнажился. Каждое покачиваніе ...ляски причиняетъ ему невыносимыя страданія. Но съ его ...ъ не срывается ни одного стона. Онъ только молча смо...итъ на барона, который сидитъ съ широко раскрытыми ...зами и способенъ еще въ эту минуту, когда уже все поте...но, дрожать за свою драгоцѣнную жизнь и за свое послѣд...е достояніе. Онъ полонъ страха и хриплымъ голосомъ ...ляетъ кучера бить лошадей, вязнущихъ въ грязи и едва ...редвигающихъ ноги отъ усталости и страха.

Баронъ высовывается въ окно кареты и смотритъ ...задъ...

— Они сейчасъ нагонятъ насъ, Христіанъ!.. Да бейте же ...шадей!

Однако, на этотъ разъ онъ испугался тѣни отъ деревьевъ, ...дающей черезъ дорогу, деревьевъ, ярко освѣщенныхъ ...евомъ пожара.

Наконецъ-то старый баронъ вспоминаетъ свою дочь и ...рашиваетъ:

— Гдѣ могла бы она быть, Беркерсбургъ?

Отвѣта нѣтъ.

Раскрывшаяся рана горитъ. Отъ невыносимыхъ ст... даній майоръ почти лишается сознанія. Онъ молчитъ.

— А вы имѣете хоть какое-нибудь представленіе о том... куда она дѣвалась, сестра Урсула?

— Ни малѣйшаго.

— Это ужасно, ужасно! Что, если она попала въ ру... непріятеля?

— Этого я не думаю, господинъ баронъ.

— Почему вы этого не думаете, сестра Урсула?

— Мнѣ кажется, что госпожа майорша въ безопасност...

— А почему вы такъ думаете, сестра Урсула? Да ск... жите же, чтобы я могъ найти хоть какой-нибудь покой!

— Да вѣдь госпожи майорши уже вчера не было здѣс... когда мы и понятія еще не имѣли о нашествіи врага... По... димому, госпожа майорша уѣхала отсюда.

При этихъ словахъ майоръ устремляетъ на сестру испы... тующій взоръ и въ глазахъ его появляется лихорадочны... блескъ. Но онъ не произноситъ ни слова.

Однако, баронъ продолжаетъ допытываться:

— Вы что-то знаете, сестра Урсула. Почему вы думаете... что моя дочь уже уѣхала изъ Вержболова. Куда же о... уѣхала?

Сестра Урсула молчитъ. Она замѣтила, что майоръ с... напряженнымъ вниманіемъ прислушивается къ каждому с... слову и теперь не спускаетъ глазъ съ ея губъ, ожидая отвѣ... та. Она чувствуетъ, что нанесетъ майору смертельный удар... если отвѣтитъ на вопросъ барона.

Баронъ повторяетъ хныкающимъ тономъ капризнаг... ребенка:

— Вы знаете что-то, сестра Урсула, вы знаете, куд... уѣхала моя дочь, и почему она уѣхала, не попрощавшись с... нами... Не мучайте же насъ, сестра Урсула!

Сестра все еще колеблется и не знаетъ, какъ ей быть.

— Да говорите же, сестра Урсула!. — вырывается в... тонѣ приказанія изъ устъ майора. Онъ сдѣлалъ надъ собо... нечеловѣческое усиліе и произнесъ эти слова твердо и я... но, какъ въ былые дни, когда былъ еще совсѣмъ здоровы...

На сестру Урсулу дѣйствуетъ этотъ властный тонъ и о... невольно подчиняется ему. Боязливо, какъ бы уступая си... воли другого, она отвѣчаетъ:

— Госпожа майорша уѣхала въ Кенигсбергъ... а отту... въ Берлинъ. Такъ что она не могла попасть въ руки непрі... теля. Несмотря на то, что я обѣщала ей не говорить нико...

о ея письмѣ и о принятомъ ею рѣшеніи, я измѣнила своему слову, чтобы успокоить васъ относительно ея участи. Она въ полной безопасности.

— Такъ значитъ, госпожа майорша написала вамъ письмо, и вы только теперь сказали это, — говоритъ баронъ тономъ упрека.

Но сестра Урсула не обращаетъ вниманія на его слова. Она не отрываетъ своего взора отъ лица майора. Его широко раскрытые глаза кажутся громадными на мертвенно блѣдномъ лицѣ, и они горятъ какимъ-то страннымъ огнемъ, точно отражая зарево пожаровъ, которое освѣщаетъ темный лѣсъ. По тѣлу сестры Урсулы пробѣгаетъ дрожь, когда майоръ собирается съ послѣдними силами и говоритъ страннымъ, надтреснутымъ голосомъ:

— Кончайте, сестра Урсула! Говорила вамъ что-нибудь госпожа майорша о своихъ намѣреніяхъ?.. Говорила она, зачѣмъ и для какой цѣли она уѣхала въ Кенигсбергъ и Берлинъ?

— Нѣтъ, господинъ майоръ! — лжетъ сестра, подчиняясь какому-то внутреннему импульсу.

Но напрасно сестра хотѣла скрыть отъ больного, что Мелани узнала всю правду и потому навсегда покинула его. Ея невинная ложь не оказываетъ никакого дѣйствія... въ рукахъ майора сверкнуло что-то... яркій свѣтъ на мгновеніе освѣщаетъ внутренность кареты... глухой выстрѣлъ...

Изъ груди барона вырывается громкій крикъ... Сестра взвизгиваетъ...

Въ лѣсу раздаются чиканье... непріятель настигаетъ карету...

Кучеръ щелкаетъ бичомъ...

Сестра наклоняется къ майору, ощупываетъ рукой его лицо, она ничего не можетъ сдѣлать въ этой тѣсной каретѣ... Стоны барона отнимаютъ у нея послѣднее самообладаніе.

— Что онъ сдѣлалъ?.. Онъ застрѣлился?.. Да говорите же, сестра!

Дрожащими руками проводитъ сестра по тѣлу майора и наконецъ нащупываетъ горячую, липкую струю... кровь, кровь, кровь... символъ этого времени!

Она произноситъ съ трудомъ:

— Въ самое сердце, господинъ баронъ! Въ самое сердце...

Кучеръ, какъ безумный, бьетъ и погоняетъ лошадей.

Крики... все ближе, все ближе... всадники, точно сросшіеся со своими лошадьми...

Выстрѣлы!

Христіанъ шатается и падаетъ съ козелъ...лошади тоже падаютъ...

Карета стоитъ неподвижно...

Выстрѣлы... крики... Мертвая тишина...

Посреди дороги въ Эйдкуненскомъ лѣсу лежатъ трупы барона и майора. Невдалекѣ отъ нихъ лежитъ Христіанъ, еще дальше трупъ сестры Урсулы...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Сквозь ночную мглу несется спеціальный скорый поѣздъ. Онъ идетъ изъ Берлина черезъ Кельнъ въ Ахенъ. Онъ везетъ подвижной госпиталь знаменитаго хирурга профессора Вильгельми во Фландрію на поля битвы. Въ Берлинѣ циркулируютъ невѣроятные слухи. Вотъ уже цѣлая недѣля, какъ въ газетахъ ничего не пишутъ о потеряхъ нѣмцевъ. Но зато потихоньку говорятъ о чудовищныхъ жертвахъ, которыхъ стоила троекратная и тщетная попытка перейти Изеръ. Цѣлыми дюжинами перебрасываются воинскіе поѣзда съ востока на западъ, безпрерывно подвозятся подкрѣпленія, потому что въ опредѣленную дату должны быть взяты Калэ и Булонь.

Предстоятъ еще болѣе ужасныя потери. Вотъ почему такъ спѣшитъ этотъ поѣздъ, наполненный сестрами, санитарами и докторами.

Въ вагонѣ перваго класса, въ углу на диванѣ сидитъ Вильгельми, добродушный господинъ съ серьезнымъ лицомъ ученаго. Онъ погрузился въ раздумье. Ему не спится. Чего только ему не пришлось видѣть въ теченіе долгихъ семнадцати лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался директоромъ хирургической клиники, да и раньше, когда онъ былъ ассистентомъ при корифеяхъ хирургіи въ Боннѣ и Бреславлѣ. И все-таки его смущаетъ мысль о томъ, что его ожидаетъ на поляхъ сраженія во Фландріи... По лицу его пробѣгаетъ горькая усмѣшка. Онъ вдругъ вспомнилъ свои лекціи, которыя читалъ не такъ еще давно въ различныхъ городахъ Германіи и заграницей. Въ своихъ лекціяхъ онъ говорилъ о необходимости закона о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, которые представляютъ собою такое обычное явленіе на фабрикахъ, въ рудникахъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Говорилъ онъ также о желательности какъ можно больше пріобрѣсти мезаторія и радія для леченія рака, о санаторіяхъ для туберкулезныхъ. А сегодня всѣ его старанія служить человѣчеству представляются ему та-

жими жалкими и смѣшными! Какое значеніе имѣютъ сегодня рабочіе, больные ракомъ и туберкулезные, о которыхъ онъ такъ заботился, которымъ посвятилъ всю свою жизнь и всю свою дѣятельность ученаго! Что значатъ всѣ они въ сравненіи съ десятками, сотнями тысячъ, милліонами, которые проливаютъ свою кровь и умираютъ на равнинахъ Фландріи и Польши, въ бронированныхъ фортахъ, на бронированныхъ гигантахъ среди океана? Десятки, сотни тысячъ, милліоны здоровыхъ, цвѣтущихъ, молодыхъ людей, не нуждающихся ни въ мезаторіи, ни въ радіи для продленія жалкаго существованія хоть на два мѣсяца. Цвѣтъ націи, нѣтъ, цвѣтъ европейскихъ націй, взамѣнъ которыхъ на родинѣ остались лишь старики да калѣки! Да, цвѣтъ націй, и не все ли равно какихъ, германской, французской, англійской, бельгійской или русской—гибнетъ милліонами цвѣтъ человѣчества! И развѣ исчерпывается этими жертвами вся глубина бѣдствія? Развѣ не насчитываются также десятками, сотнями тысячъ, милліонами калѣки, разслабленные и неизлѣчимо больные, возвращающіеся на родину съ полей битвы? Такіе-же больные и разслабленные, которымъ профессоръ Вильгельми запрещалъ жениться. А эти возвращаются къ своимъ женамъ, женятся и отъ нихъ пойдетъ новое поколѣніе больныхъ, выродившихся людей—будущее проклятіе всѣхъ странъ Европы! Эта перспектива такъ ясно рисуется Вильгельми, она приводитъ его въ ужасъ, но онъ не старается обманывать себя иллюзіями...

Поѣздъ остановился. Тускло мерцаютъ фонари на маленькой станціи. На перронѣ солдаты, санитары съ носилками, на которыхъ лежатъ тяжело раненые. Ихъ отправляютъ съ обратнымъ поѣздомъ на родину. Лазареты въ Брабантѣ и Фландріи далеко не могутъ вмѣстить всѣхъ раненыхъ, а потому всѣхъ, кого только возможно, отправляютъ внутрь страны. И все-таки, какъ много изъ этихъ несчастныхъ умираетъ въ пути.

Проходитъ три минуты... поѣздъ съ подвижнымъ госпиталемъ снова трогается. И опять въ окна вагона смотритъ лишь темная ночь. Подъ равномѣрный стукъ колесъ Вильгельми снова погружается въ глубокія думы.

Онъ думаетъ о томъ, во что превратилась теперь Бельгія, которую онъ такъ любилъ и по которой часто путешествовалъ со своей женой. Неужели Остенде, Брюгге, Гентъ, Мехельнъ дѣйствительно превращены въ развалины?...

Но что это? Уже свѣтаетъ? Значитъ, скоро они будутъ въ Ахенѣ, а потомъ переѣдутъ границу... то, что когда-то было границей... когда-то!

Вильгельми встаетъ. Его знобитъ. Поѣздъ дѣйствительно начинаетъ замедлять ходъ и, наконецъ, останавливается. Ахенъ.

На перронѣ та же картина: толпятся молодые, здоровые солдаты, которые отправляются въ кровавую баню на фронтъ. Женщины и молодыя дѣвушки дарятъ имъ цвѣты и корзинки съ провизіей. Тутъ же больные и раненые, которыхъ отправляютъ обратно внутрь страны, какъ это было ночью на маленькой станціи...

Когда и какъ все это кончится?

* * *

Брабантъ и Фландрія! Страна Эгмонта и Рубенса, колыбель гуманизма, который сперва вырвалъ свѣтъ изъ когтей Рима, а потомъ освободился отъ цѣпей мрачнаго Филиппа въ Эскуріалѣ! Источникъ богатствъ. Покровительница гражданской свободы!

Скорый поѣздъ съ подвижнымъ госпиталемъ профессора Вильгельми оставилъ уже позади Вервье, пграничную станцію, которая тоже кишитъ солдатами. Тамъ собираются резервы и направляются на фронтъ подъ Ипромъ.

Поѣздъ несется все дальше, мимо мѣстъ, по которымъ уже прошли огонь и мечъ. Въ проходѣ одного изъ вагоновъ стоитъ Мелани и прижимается горячимъ лбомъ къ холодному стеклу. Она всматривается сквозь нечистое стекло въ проносящіеся мимо ландшафты и сердце ея больно сжимается. Она тоже, какъ и Вильгельми, любитъ эту страну, и она когда-то путешествовала по Бельгіи. Сердце ея сжимается отъ чувства глубокаго состраданія она догадывается, что то, что развертывается передъ ея глазами, лишь незначительная частица чего-то гораздо болѣе ужаснаго.

Мелани пришлось много хлопотать и просить сперва въ Кенигсбергѣ, а потомъ въ Берлинѣ, пока, наконецъ, она была принята въ сестры милосердія Краснаго Креста. Для того она и ушла тайкомъ изъ своего дома и покинула своего мужа, чтобы отдаться служенію страждущимъ, другу и недругу— вѣдь это понятіе было чуждо для нея—и приносить добро и пользу всюду, гдѣ только возможно, чтобы забыть прошлое. Да, въ смерти и горести она искала забвенія и прощенія.

Оказалось, что поступить въ сестры милосердія было вовсе не такъ легко. Всѣ вакансіи были переполнены. Движимые чувствомъ патріотизма, а отчасти, слѣдуя модѣ, женщины и дѣвушки поспѣшили вездѣ предложить свои услуги въ дѣлѣ любви среди этого моря вражды и ненависти. Куда

ни обращалась Мелани, всюду ей отказывали. Но Мелани не пала духомъ и продолжала добиваться своего. Она приняла твердое рѣшеніе посвятить себя дѣлу любви во вражеской странѣ, въ Бельгіи, которую она высоко ставила и искренно любила.

Мелани обладала сильной волей и добилась своего. Ей удалось получить отъ одной дамы рекомендацію къ профессору Вильгельми, который долженъ былъ черезъ нѣсколько дней уѣхать со своимъ подвижнымъ госпиталемъ въ Бельгію.

Съ перваго же взгляда на этого человѣка, Мелани почувствовала къ нему такую глубокую симпатію, что неожиданно для самой себя раскрыла передъ нимъ всю свою душу и повѣдала ему свою исторію.

Никогда не забыть ей минутъ, проведенныхъ въ кабинетѣ у этого великаго ученаго и гуманиста. Она поняла, что и онъ не знаетъ различія въ національностяхъ. Для него существовало только одно человѣчество, только одинъ страждущій, которому онъ стремился принести исцѣленіе и облегченіе.

Какъ терпѣливо и внимательно выслушалъ онъ ея исповѣдь и ея горячую просьбу дать ей возможность служить дѣлу любви.

— Но отдаете ли вы себѣ отчетъ въ томъ, чего вы отъ меня требуете, сударыня? — спросилъ онъ ее, когда она, наконецъ, умолкла.

Она отвѣтила твердо и рѣшительно:

— Да, господинъ профессоръ!

Онъ покачалъ головой и сказалъ:

— Нѣтъ, вы не знаете, что вы отъ меня просите. Въ клиникѣ мнѣ приходилось многое множество разъ видѣть, какъ нервы измѣняютъ самымъ опытнымъ сестрамъ милосердія.

— Это меня не удивляетъ, господинъ профессоръ.

— Да, но имѣйте въ виду, сударыня, — продолжалъ профессоръ, — что военный лазаретъ позади фронта — не клиника. Вотъ и я самъ не знаю, что скажутъ мои нервы, когда мнѣ придется работать подъ грохотъ пушекъ и когда на крышу лазарета будутъ падать гранаты и шрапнели. Боюсь, что и мнѣ могутъ измѣнить нервы.

— Ну, что касается васъ, то вы можете положиться на ваши нервы, господинъ профессоръ, — замѣтила Мелани глубоко убѣжденнымъ тономъ.

Онъ улыбнулся:

— Я надѣюсь, сударыня. Но вы, избалованная, свѣтская дама...

Она опустила глаза, но отвѣтила твердо:

— Я смогу все перенести, господинъ профессоръ... Я перенесу все, потому что я этого хочу... и я должна... потому что я люблю Фландрію и Брабантъ и хочу тамъ приносить посильную помощь.

Профессоръ дѣлаетъ еще одну попытку удержать ее отъ этого шага:

— При современномъ веденіи войны, сударыня, можетъ случиться, что лазаретъ въ самый короткій срокъ окажется переполненнымъ тяжело ранеными. Будете ли въ состояніи вынести стоны и крики сотенъ страдающихъ людей? Найдется ли у васъ достаточно присутствія духа, чтобы спокойно и хладнокровно отдѣлить тѣхъ изъ раненыхъ, которымъ можетъ еще помочь операція, отъ умирающихъ, которымъ моя помощь уже больше не нужна?

— Да, господинъ профессоръ, я смогу это сдѣлать.

— И еще. Можетъ случиться, сударыня, что мнѣ придется оперировать безъ хлороформа. Вѣдь нельзя всегда безошибочно разсчитать, въ какомъ именно количествѣ надо запастить наркотическими средствами. А вынесете ли вы, если вамъ придется присутствовать при такой операціи?

— Я ни на минуту не буду забывать, господинъ профессоръ, что вы мучаете оперируемаго для того, чтобы облегчить его страданія, а тогда мнѣ не трудно будетъ вынести самое ужасное. Потому, что вѣдь и я также хочу приносить облегченіе.

Профессоръ всталъ.

— Такъ рѣшено, — сказалъ онъ. — Въ такомъ случаѣ до скораго свиданія, сударыня. Зайдите сегодня въ четыре часа въ мою клинику и попросите завѣдующаго выдать вамъ форму сестры милосердія Краснаго Креста. Я дамъ вамъ свою карточку съ парой словъ — этого будетъ достаточно.

— Благодарю васъ, господинъ профессоръ!

— А завтра въ половинѣ девятаго утра я выѣзжаю со своимъ отрядомъ съ Потсдамскаго вокзала.

— Я буду аккуратна, господинъ профессоръ.

Она протянула ему на прощанье руку и онъ крѣпко пожалъ ее.

Съ этой минуты она превратилась въ сестру Ирену [1].

А теперь она ѣдетъ въ одномъ поѣздѣ съ профессоромъ Вильгельми въ Брабантъ и Фландрію съ твердымъ намѣреніемъ доказать, что заслуживаетъ его довѣрія.

---

[1] По гречески, Εἰρήνη, что значитъ миръ.

Примѣч. перевод.

II.

Брюссель! Городъ изящества, блеска и веселья, второй Парижъ, превращенъ въ военный лагерь! Такъ думаетъ сестра Ирена, направляясь вмѣстѣ съ Вильгельми съ вокзала къ зданію биржи.

Повсюду въ воздухѣ развѣваются черно-бѣлые и черно-бѣло-красные флаги, на улицахъ вездѣ германскія каски, гдѣ-то гремитъ военный оркестръ, подъ бой барабановъ маршируютъ войска.

Почти всѣ магазины заперты, кафе пустуютъ, за маленькими мраморными столиками не видно больше биржевиковъ въ цилиндрахъ — столица Бельгіи вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ перестала быть міровымъ рынкомъ.

Король ушелъ со своимъ войскомъ за крѣпостной поясъ Антверпена и тамъ сражается бокъ-о-бокъ съ французами и англичанами на берегахъ Ипра и Изера.

Въ столицѣ Бельгіи хозяйничаютъ чужіе!

Барабанная дробь... Смѣна караула направляется черезъ площадь къ Дворцу Правосудія, царящаго надъ городомъ во всемъ своемъ великолѣпіи.

— Правосудіе... правосудіе... — думаетъ сестра Ирена, слѣдуя вмѣстѣ съ Вильгельми за карауломъ на террасу, на которой гордѣливо высится прославленное всѣмъ міромъ произведеніе архитектурнаго искусства.

Съ этой террасы смотрятъ на нее пушки побѣдителей. Онѣ направили свои огнедышащія пасти на городъ и на улыбающуюся равнину за городомъ. Но онѣ молчатъ, онѣ лишь готовы каждую минуту извергнуть изъ своей черной пасти смертоносный огонь.

Отъ этихъ мыслей по спинѣ сестры Ирены проходитъ холодная струя. Она не хочетъ посвящать Вильгельми въ свои затаенныя мысли. Да и знаменитый берлинскій клиницистъ тоже молчитъ, охваченный горькимъ чувствомъ передъ этой картиной.

Передъ Дворцомъ Правосудія въ Брюсселѣ германскій караулъ!

Часовой — здоровый пѣхотинецъ въ баварской формѣ, бравый и добродушный парень изъ Поссенхофена, не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о томъ, гдѣ онъ и для чего онъ здѣсь. Онъ не знаетъ даже, что королева этой страны — баварская принцесса, которой онъ по регламенту своей родины долженъ оказывать воинскія почести. Онъ добродушно ухмыляется, глядя на сестру милосердія и на элегантнаго господина, въ которомъ угадываетъ доктора. А надъ войной этотъ добродушный парень изъ Поссенхофена

не задумывается. Война — это война! И не все ли равно ему, гдѣ онъ находится, во Франціи, въ Галиціи или въ Польшѣ.

Вильгельми вынимаетъ свой портсигаръ и протягиваетъ солдату гаванну.

Солдатъ хочетъ уже взять ее, но потомъ спохватывается и вспоминаетъ, что часовой не имѣетъ права ни съ кѣмъ разговаривать и принимать подарки. Съ минуту онъ колеблется, но потомъ поддается соблазну и беретъ сигару. Вѣдь теперь война, а на войнѣ всѣ эти правила не такъ точно исполняются.

— Покорно благодарю, — говоритъ онъ и, сунувъ сигару въ карманъ мундира, продолжаетъ свою прогулку вдоль террасы.

Сестра Ирена становится рядомъ съ Вильгельми у балюстрады и смотритъ на городъ, раскинувшійся у ея ногъ. Солнце пылаетъ на голубомъ небѣ. Надъ городомъ развѣваются флаги побѣдителей.

Король и его супруга, невѣстка побѣдителя Лотарингіи, изгнаны, народъ ввергнутъ въ отчаяніе и нищету, а войско съ львинымъ мужествомъ сражается до послѣдняго человѣка... тамъ, у желтыхъ водъ Изера, гдѣ Антлантическій океанъ уже подстерегаетъ свои жертвы.

Брюссель, Брюссель, единственный городъ Бельгіи, павшій безъ одного ружейнаго выстрѣла, безъ пушечнаго грохота, тогда какъ другіе города защищались съ львинымъ мужествомъ, а потому и были обращены въ груды развалинъ...

Вильгельми какъ будто догадывается о томъ, что происходитъ въ душѣ сестры Ирены. Онъ говоритъ:

— Что съ вами, сударыня? Вы, кажется, плачете? Неужели вы плачете?

— Скажите, развѣ это было необходимо, — спрашиваетъ она, не отвѣчая на его вопросъ.

— Увѣряютъ, что это было необходимо. Ну, а тѣ, кто увѣряютъ, должны знать, сударыня.

— А вы сами какъ думаете, господинъ профессоръ?

— Въ данномъ случаѣ у меня не можетъ быть своего мнѣнія, сударыня.

— Если у васъ нѣтъ своего мнѣнія, господинъ профессоръ, то у кого же оно должно быть?

— Ни у кого въ настоящее время, сударыня.

— Ни у кого... вы правы... ни у кого!

На ея лицѣ появляется сострадательная улыбка, даже презрительная.

Отъ вниманія Вильгельми это не ускользаетъ.

— Почему вы смѣетесь, сударыня?

— Я смѣюсь надъ мужчинами, надъ героями, господинъ профессоръ.

— Вотъ какъ...

— Ну, да, надъ тѣми, которые считаютъ себя героями, а въ сущности, лишь рабы.

— Почему рабы?

— Рабы мнѣнія, которое имъ навязали.

— Пожалуй, вы правы, сударыня.

Наступаетъ долгое молчаніе. Сестра Ирена задумчиво смотритъ на море домовъ павшаго города. Наконецъ, она отрывается отъ своихъ думъ, беретъ профессора подъ руку и говоритъ:

— Спустимтесь опять на улицы, господинъ профессоръ. Мнѣ кажется, здѣсь мы видѣли уже все.

— Какъ хотите, сударыня.

Шагая по прямой улицѣ, выходящей на бульвары, она продолжаетъ говорить о томъ и о семъ.

— Знаете, господинъ профессоръ, о комъ я сейчасъ думаю? — спрашиваетъ она.

— Нѣтъ. О комъ же?

— О Гете.

— Но почему же именно о Гете?

— Потому что онъ увѣковѣчилъ Брюссель и его исторію въ поэмѣ.

— Вы правы, мнѣ это какъ-то не приходило въ голову.

— А меня эта мысль преслѣдуетъ здѣсь все время, на каждомъ шагу... Мнѣ вспоминаются солдаты Альбы, которые съ мрачными лицами маршировали по этимъ самымъ улицамъ, пока не пробилъ часъ освобожденія нидерландовъ. Я думаю о Гете и объ Эгмонтѣ, и о Клэрхенъ, которая стала во главѣ кучки горожанъ и спасла его изъ темницы... «Ахъ, Клэрхенъ, если бъ ты была мужчиной, то я, навѣрное, увидѣлъ бы тебя здѣсь и поблагодарилъ бы тебя за то, за что такъ тяжко благодарить королямъ, — за свободу!»

— Вы бредите свободой, сударыня. И это въ наши-то дни, когда говорятъ мортиры и когда одна только сила рѣшаетъ всѣ вопросы.

— Что же, я нахожу хоть маленькое утѣшеніе, мечтая о свободѣ. Вѣра Эгмонта придаетъ мнѣ и здѣсь, въ Брюсселѣ, бодрость духа.

— Какая вѣра?

— Та самая вѣра, съ которой Эгмонтъ шелъ на эшафотъ, господинъ профессоръ.

Вильгельми ничего не отвѣтилъ ей, и нѣкоторое время они идутъ молча, оба погруженные въ глубокія думы. Они проходятъ мимо королевскаго дворца, на которомъ развѣвается черно-бѣло-красный флагъ. Сестра Ирена отрывается, наконецъ, отъ своихъ думъ и говоритъ горячо, какъ бы продолжая ходъ своихъ мыслей:

— Нѣтъ, нѣтъ, Брюссель не долженъ погибнуть! Онъ долженъ, долженъ получить свою свободу обратно!

Вильгельми печально качаетъ головой:

— Вѣдь я естествоиспытатель и матеріалистъ, дорогая моя, а потому... ходъ міровой исторіи, судьба народовъ... я въ этомъ мало смыслю... А что касается будущности Брюсселя, то вѣдь... и Троя пала, и Карфагенъ, Римъ и Византія...

— Римъ вѣченъ!

— Да, въ извѣстномъ смыслѣ... Что есть истина? — спросилъ Пилатъ. А я спрашиваю васъ: Что вѣчно... въ ходѣ міровой исторіи?

III.

До Брюсселя скорый поѣздъ съ подвижнымъ госпиталемъ профессора Вильгельми шелъ безъ всякихъ задержекъ. Но потомъ дѣло пошло гораздо медленнѣе, такъ какъ поѣздъ долженъ былъ нѣсколько разъ останавливаться и пропускать впередъ воинскіе поѣзда, спѣшившіе подвозить свѣжій человѣческій матеріалъ для траншей. А раненые ждали медицинской помощи, мертвые ждали рукъ, которыя закопали бы ихъ въ землю.

Сестра Ирена до послѣдней минуты надѣялась на то, что поѣздъ не остановится въ Лувэнѣ и что ей не придется воочію убѣдиться въ ужасномъ, вопіющемъ фактѣ полнаго разрушенія этого прекраснаго памятника старины. Однако, поѣздъ остановился, стоялъ очень долго, такъ что всѣ вышли изъ него.

Въ тихихъ водахъ рѣки Дейль отражался когда-то мирный городъ, равнаго которому не было во всемъ Брабантѣ. Въ теченіе многихъ столѣтій онъ славился, какъ разсадникъ наукъ и искусствъ. И столѣтія щадили его и лишь покрыли почтенной сѣдиной. Этотъ городъ былъ украшеніемъ южнаго Брабанта.. онъ былъ!..

Готическія крыши старыхъ зданій такъ краснорѣчиво разсказываютъ о былыхъ временахъ, когда ратсгеръ въ бархатной одеждѣ, отороченной горностаемъ, направлялся

въ зданіе ратуши, представлявшее собою чудо искусства, для совѣщанія съ городскими властями о дѣлахъ Лувэна.

Такъ думаетъ сестра Ирена, медленно проходя въ полномъ одиночествѣ по улицамъ разореннаго города. Она понимаетъ, что этому городу, прожившему тысячелѣтіе въ блескѣ и славѣ, никогда уже больше не встать изъ пепла. Лувенъ былъ уже великъ и славенъ, когда въ лѣсу на берегу Шпрее, гдѣ теперь раскинулся Берлинъ, ютились лишь бѣдные рыбацкіе поселки, о которыхъ на страницахъ исторіи не упоминается ни единымъ словомъ.

Въ четырнадцатомъ столѣтіи Лувенъ былъ колыбелью графовъ Брабантскихъ. Тогда-то и начался его расцвѣтъ и уже тогда онъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ былъ до послѣдняго времени: сокровищницей всей Европы и всего свѣта. И вотъ отъ него остались однѣ только развалины. Погибли всѣ памятники искусства!

О, сестра Ирена знала, что увидитъ нѣчто ужасное, но то, что предстало передъ ея глазами, превзошло всѣ ея ожиданія. Всюду почернѣвшіе отъ дыма, полуобрушенныя стѣны, груды мусора и золы. Что въ томъ, что побѣдители пощадили въ послѣднюю минуту городскую ратушу, этотъ несравненный перлъ готической архитектуры? Прежде онъ представлялъ собою центральный пунктъ прекрасной площади въ средневѣковомъ стилѣ, а теперь среди развалинъ и грудъ муссора онъ точно вопіялъ къ небу своей бросающейся въ глаза красотой. Не лучше ли было бы, если бы и это зданіе также совершенно исчезла съ лица обагренной кровью земли?

Сестра Ирена прошла къ тому мѣсту, гдѣ когда-то красовалось зданіе знаменитой лувенской университетской библіотеки, и сердце ея болѣзненно сжалось: она увидала лишь нѣсколько покосившихся арокъ и опять груды и груды камней и мусора! Церковь св. Петра была вся въ щеляхъ и полуразрушена!.. Работа нѣмецкихъ бомбъ!..

Несмотря на увѣренія побѣдителей въ противномъ, увѣренія, вызванныя стыдомъ и позднимъ раскаяніемъ, Лувэнъ существовалъ теперь только по имени. Съ затуманенными отъ слезъ глазами смотрѣла сестра Ирена на ужасную картину разрушенія, и ей показалось, что самъ демонъ-истребитель прошелъ по этому городу. Въ нѣсколько часовъ нѣмецкія бомбы уничтожили то, что вѣками создало нѣмецкое искусство!

Сестра Ирена вспоминаетъ то, что она читала въ началѣ осени въ Фалькенштейнѣ о Лувэнѣ, и ей мерещится, что на каждой полуобрушенной стѣнѣ, на каждомъ камнѣ видны

еще слѣды крови всѣхъ тѣхъ несчастныхъ горожанъ, которые были убиты здѣсь въ ужасную ночь безумія. Ей чудится, что она слышитъ крики и стоны женщинъ и дѣтей...

Кто изъ жителей Лувэна повѣрилъ бы еще полгода назадъ, если бы имъ сказали, что ихъ ожидаетъ. Вѣдь они твердо вѣрили въ неприкосновенность ихъ города, какъ и въ неприкосновенность всей Бельгіи, потому что вѣрили въ святость и ненарушимость трактата.

И вотъ ... Въ чемъ же провинились жители мирнаго города? Неужели они дѣйствительно заслужили этой участи? Неужели надо было сжечь весь городъ, если даже и правда, что одинъ изъ жителей провинился? «На войнѣ каждый правъ», проносится въ головѣ сестры Ирены афоризмъ. Каждый? Дѣйствительно-ли каждый? Или только сильнѣйшій? Да и вообще, что такое война и право? Во всякомъ случаѣ эти два понятія плохо вяжутся другъ съ другомъ, разъ даже въ Берлинѣ былъ объявленъ лозунгъ: «Нужда не знаетъ запрета.» Есть ли послѣ этого право?

* * *

Полевой лазаретъ окончательно оборудованъ. Онъ расположенъ сейчасъ же за фронтомъ, въ самой непосредственной близости отъ него, на пересѣченной каналами равнинѣ Фландріи, гдѣ желтыя дюны точно протягиваютъ свои объятія синему морю.

Вокругъ Ипра и на берегахъ Изера все еще идутъ кровопролитные бои. Желѣзная воля одного человѣка поставила туда живую людскую стѣну съ цѣлью невозможное сдѣлать возможнымъ и протянуть изъ Калэ желѣзный кулакъ черезъ Ламаншъ.

Съ Ипра доносится непрестанный пушечный грохотъ. Сраженіямъ нѣтъ конца. Словно двѣ бѣшенныя собаки, впились другъ въ друга противники мертвой хваткой. Ни тотъ, ни другой не уступаютъ ни на шагъ. Груды труповъ покрываютъ зеленыя равнины Фландріи, почва насыщена кровью, вода въ каналахъ красная. По приказанію полководцевъ, людей натравливаютъ другъ на друга, какъ тигровъ на аренѣ. Калэ и Дюнкирхенъ должны быть взяты молодецкимъ штурмомъ во что бы то ни стало. Однако, всѣ попытки нѣмцевъ перейти Изеръ остаются безплодными.

Тяжелая французская артиллерія произвела страшное опустошеніе въ рядахъ нѣмцевъ, а полевыя семидесяти-пяти-миллиметровыя пушки снимаютъ не менѣе обильную жатву. Не бездѣйствуютъ и пушки англійскихъ броненосцевъ. Но

что изъ этого? Впередъ, впередъ во что бы то ни стало! Калэ и Дюнкирхенъ должны быть взяты!

Истекаетъ кровью цвѣтъ Германіи. Такъ что же изъ этого? Пустяки! Сущіе пустяки! Калэ и Дюнкирхенъ должны быть взяты!

Несчастный Ипръ, между Лисомъ и Изеромъ, находится въ центрѣ перекрестнаго огня этого ужаснаго, безпримѣрнаго въ исторіи сраженія. Его бомбардировали уже три раза. И вотъ теперь, въ одно изъ воскресеній въ ноябрѣ, снова грохочутъ пушки надъ Ипромъ.

Въ лазаретѣ профессора Вильгельми пока еще немного работы. Сестра Ирена вышла изъ барака и смотритъ съ бьющимся сердцемъ въ томъ направленіи, гдѣ находится Ипръ. При каждомъ выстрѣлѣ она вздрагиваетъ. Ее увѣряли, что и уши, и нервы привыкаютъ къ этому грохоту, но она не можетъ къ нему привыкнуть.

Несчастный Ипръ! Его обстрѣливаютъ въ четвертый разъ сегодня, и съ двухъ сторонъ! Надо во что бы то ни стало перейти Изеръ.

На протяженіи нѣсколькихъ километровъ тянутся траншеи, словно подземные корридоры, вырытые кротомъ. Вся зеленая Фландрія изрыта. Траншеи доходятъ до самыхъ дюнъ, упирающихся въ море. Съ гребня дюны сестра Ирена хорошо видитъ крыши и башни Ипра. Надъ городомъ носится пороховой дымъ, то и дѣло разрываются гранаты.

Но вотъ съ моря подулъ порывистый западный вѣтеръ. Проходитъ нѣкоторое время и сестра Ирена замѣчаетъ къ своему ужасу, что въ городѣ съ крыши на крышу начинаютъ перебѣгать языки пламени. Немного спустя красные языки, словно бѣсенята, пляшутъ уже по всѣмъ крышамъ и башнямъ Ипра.

Среди грохота пушекъ раздается мощный звонъ набата. Сестра Ирена ясно слышитъ мѣдный голосъ колокола... Ипръ горитъ, онъ горитъ сегодня въ четвертый разъ!

На гребень дюны спускаются раннія, осеннія сумерки. Вдали къ берегу прибиваетъ океанъ и точно кричитъ: «Я иду, я иду. Я приму васъ въ свои мощныя объятія! Подождите, подождите, я приготовился! Потерпите немного!»

Горизонтъ становится все темнѣе и темнѣе, и по мѣрѣ того, какъ онъ темнѣетъ, на немъ все ярче выступаетъ багровое зарево. На небѣ нѣтъ ни луны, ни звѣздъ, оно сплошь покрыто снѣговыми тучами. Наконецъ, весь небесный сводъ заливаетъ кровавое зарево.

«Глаза изъ «Ада» Данте!» — думаетъ Ирена.

Весь Ипръ объятъ моремъ пламени! Онъ горитъ въ четвертый разъ и теперь отъ него ничего уже не останется.

Сестра Ирена закрываетъ лицо обѣими руками и идетъ въ баракъ. Изъ темныхъ тучъ начинаютъ падать большіе хлопья снѣга, само небо какъ будто хочетъ поскорѣе разостлать бѣлый саванъ надъ израненной и истекающей кровью Фландріей.

IV.

— Въ атаку! — раздается громкая команда одного изъ ротныхъ, одного изъ сотенъ тѣхъ, кто въ этотъ моментъ отдаютъ такую же команду вдоль берега Изера. — Въ атаку!

Глаза ротнаго широко раскрыты и точно хотятъ выскочить изъ орбитъ, на груди его сверкаетъ полученный имъ недѣли двѣ тому назадъ Желѣзный Крестъ. Правой рукой онъ размахиваетъ саблей, въ лѣвой рукѣ крѣпко сжимаетъ револьверъ. Въ атаку! Надо еще разъ сдѣлать попытку перейти Изеръ! Шесть полковъ идутъ для этого въ атаку.

Развѣваются знамена, бьютъ барабаны, трубятъ трубы...

Воздухъ потрясаютъ крики «ура». Все движется впередъ, ряды солдатъ, одинъ за другимъ, одинъ черезъ другого... Въ атаку! Впередъ!

Музыка должна заглушать трескотню винтовокъ, грохотъ пушекъ, а крики «ура» должны поглощать ужасные звуки смерти. Они д о л ж н ы, но они н е м о г у т ъ.

Ибо здѣсь все тщетно. Съ противуположной стороны Изера смотрятъ черныя жерла пушекъ.

Одинъ ротный уже потерялъ голосъ, выкрикивая команду, другіе тоже одинъ за другимъ хрипнутъ. Лейтенанты, фельдфебеля, сержанты и унтеръ-офицеры повторяютъ одну и ту же команду:

— Въ атаку! Впередъ!

И вотъ изъ траншей поднимаются солдаты, которые недѣлями сидѣли тамъ наполовину въ водѣ и мерзли. Ноги ихъ окоченѣли, но они все-таки бѣгутъ. Впередъ, впередъ! И какъ имъ не бѣжать, разъ на ихъ головы сыплется смола и сѣра Содома и Гоморы, а сзади ихъ подгоняетъ властная команда: — Впередъ, впередъ!

На груди человѣка, подгоняющаго ихъ сзади, сверкаетъ Желѣзный Крестъ.

Цѣлыя толпы наводняютъ зеленую равнину, солдаты бѣгутъ неровно, прыжками... Ихъ встрѣчаетъ залпъ изъ сотенъ огнедышащихъ пастей. Тысячами коситъ непріятельская артиллерія наступающихъ нѣмцевъ, палъ и офицеръ, потерявшій голосъ отъ криковъ, онъ умираетъ, судорожно сжи-

мая въ рукѣ револьверъ. Падаетъ и тотъ, у котораго на груди сверкаетъ Желѣзный Крестъ. Теперь онъ только номеръ среди другихъ номеровъ въ грудѣ мертвыхъ тѣлъ!

Но другой уже кричитъ громовымъ голосомъ:

— Въ атаку! Впередъ!

— Урра! За Бога, короля и отечество!

— Съ Богомъ, съ Богомъ, съ Богомъ!—раздается тысячеголосый крикъ.

Но грохотъ орудій, сотрясающій землю Фландріи, заглушаетъ и эти крики. Смерть снова начинаетъ косить и собираетъ обильную жатву. Она коситъ, коситъ, коситъ...

— Ложись... ложись!

Словно лозунгъ спасенія хоть на минуту, передается это слово отъ одного къ другому вдоль рядовъ наступающихъ. Живые, какъ комары осенью, припадаютъ на трупы своихъ братьевъ.

На минуту непріятельскія пушки умолкаютъ. Непріятель приберегаетъ свои снаряды, пока снова не раздается команда: «Въ атаку!» и не начнется безумный бѣгъ къ каналу.

Непріятельскія пушки находятся подъ прекраснымъ прикрытіемъ. Онѣ подъ защитой дюнъ. Къ каждому лафету прикрѣплено небольшое зеркало, въ которое офицеръ наблюдаетъ малѣйшее движеніе наступающихъ.

— Въ атаку!

Снова солдатъ гонятъ впередъ офицеры съ револьверами въ рукахъ.

Ра-та-та-та, ра-та-та-та!

Картечи, гранаты, шрапнели!...

Мортиры ревутъ, словно дикіе звѣри, мортиры по эту сторону канала и позади дюнъ.

Въ атаку!

— Ура, ура, ура!

Эти безумные поютъ! Ужасный хоръ мертвецовъ, страшный финалъ проклятыхъ! Они поютъ:

Die Wacht am Rhein!

Lieb Vaterland, magst ruhig sein!

Вотъ они приближаются къ каналу Изера! Они хотятъ взять приступомъ желѣзную стѣну, овладѣть вихремъ смертоносныхъ гранатъ!

— Ложись... ложись!

Лишь три четверти тѣхъ, кто пошли въ атаку, слушаются этой команды.

Словно туча саранчи, налетѣвшей на пустыню, падаютъ они въ изнеможеніи на траву.

Тяжкое дыханіе и стоны вырываются изъ грудей, разры-

вающихся отъ напряженія, сдавленныхъ тяжелымъ ранцемъ на спинѣ. Живые лежатъ среди мертвыхъ и раненыхъ, крики и стоны которыхъ наполняютъ воздухъ.

И снова раздается команда изъ охрипшихъ глотокъ ихъ мучителей:

— Вставать!.. Впередъ!

Ра-те-ра-тать, ра-те-ра-тать!

Сигналы, барабанная дробь...

— Впередъ!.. Къ мосту!.. Впередъ!.. Бѣгомъ!

Да, дѣйствительно, черезъ рѣку оставленъ еще одинъ мостъ... непріятель забылъ уничтожить его во время поспѣшнаго бѣгства... Этотъ мостъ уже давно на примѣтѣ... Впередъ! Впередъ!

Грохотъ непріятельскихъ орудій вдругъ затихаетъ. Лишь изрѣдка раздаются отдѣльные выстрѣлы... Неужели у непріятеля нѣтъ больше снарядовъ? Почему онъ больше не стрѣляетъ? Неужели побѣда, наконецъ, за нами? Впередъ, впередъ!

Въ воздухѣ развѣвается разодранное, пострадавшее отъ выстрѣловъ знамя... Вонъ мостъ... мостъ... Вотъ рѣка... Кому-то удастся первому перейти на ту сторону? Кто первый сразится въ рукопашной съ непріятелемъ на той сторонѣ? Кто...

Впередъ, впередъ!

Словно гонимые самимъ дьяволомъ, несутся впередъ смертельно измученные, запачканные грязью солдаты, потерявшіе образъ человѣческій. Впередъ, впередъ!

Честь, честь, честь! Безумное слово!

Оно подхлестываетъ ихъ гораздо сильнѣе хриплыхъ криковъ офицера съ налитыми кровью глазами и съ смертоноснымъ револьверомъ въ стиснутой рукѣ.

А впереди развѣвается знамя.

Непріятельскія орудія молчатъ, точно поощряя наступающихъ.

— Впередъ, герои, впередъ!

Солдаты спотыкаются о трупы своихъ товарищей, о насыпи, покрывающія поле, на которомъ остались еще слѣды окоповъ отступившаго непріятеля.

Вотъ рѣка, а вонъ и мостъ!

Съ Богомъ за короля и родину!

Да, съ Богомъ, съ Богомъ!

Ура, ура, ура!

Точно раскатъ грома проносится по рядамъ наступающихъ. Первая рота ступила на мостъ... за ней вплотную слѣдуютъ другія... Ура!.. Переходъ черезъ Изеръ, который надо было совершить во что бы то ни стало, удался, наконецъ!

На мосту сплоченная масса солдатъ, они кишатъ на немъ, ...но термиты...

— Ура, ура, ура!

Ра-те-ра-татъ, ра-те-ра-татъ, ра-те-ра-татъ!..

И вдругъ металлическій голосъ изъ жерлъ за дюнами!

Смятеніе... смертельное смятеніе.. отчаяніе!

Что это?.. Значитъ, непріятельскія орудія не приведены ...ъ молчаніе? Запасъ ихъ снарядовъ не истощился?..

Ра-те-ра-татъ, ра-те-ра-татъ, ра-те-ра-татъ...

Непріятельскій огонь производитъ ужасающее опустошеніе на мосту...

Все смѣшалось въ одну безпорядочную массу— становящіяся на дыбы лошади офицеровъ, живые и мертвые... и надъ всѣмъ этимъ развѣвается знамя первой ступившей на мостъ роты!

Впередъ, впередъ, впередъ!

И вдругъ... вдругъ... Ужъ не обрушилось ли небо?.. Не землетрясеніе ли это?.. Не разодралась ли завѣса храма сверху донизу? Не разверзлись ли могилы?.. Да что же это... что? Тысячеголосый крикъ радости съ противуположнаго берега... Хитрость удалась, удалась! Заблаговременно минированный мостъ, единственный, взлетѣлъ на воздухъ! Надъ рѣкой поднимается желтоватое облако пара и дыма отъ динамита... На противуположномъ берегу изъ засады появляется непріятель. А наступающіе все двигаются впередъ, они не знаютъ, въ чемъ дѣло, и тѣснятъ первые ряды... Остатки моста на подломленныхъ столбахъ рушатся, и рѣка поглощаетъ тысячи и тысячи несчастныхъ, которые, несмотря на смертельную усталость, борятся въ холодныхъ струяхъ и стараются доплыть до берега.

И снова раздается: ра-те-ра-татъ, ра-те-ра-татъ!

Пушки направляютъ свой огонь на тѣхъ, которые еще толпятся по ту сторону обрушившагося моста... Ряды и колонны рѣдѣютъ и рѣдѣютъ.

— Victoire, victoire! —раздается громовый крикъ побѣды съ другой стороны.—Victoire, victoire!

Утопающіе хватаются за спасительный берегъ, смертельно раненые стонутъ и кричатъ, моля о помощи, точно здѣсь можно найти помощь! Здѣсь, здѣсь!

Непріятель пустилъ въ ходъ штыки и приклады! Они убиваютъ теперь только ради того, чтобы убить! Ими владѣетъ только одно это желаніе.

Стоитъ показаться головѣ надъ поверхностью воды, какъ ее раскраиваютъ ударомъ приклада... Стоитъ утопающему доплыть до берега и ухватиться руками за него, какъ его

грудь пронзаетъ штыкъ... Страшная рукопашная схватка происходитъ на берегу... и еще болѣе страшная въ водѣ.

Вода въ рѣкѣ становится красной... и все новые и новые полки наступаютъ на берегъ рѣки—надо перейти Изеръ во что бы то ни стало!

Отступать, отступать, отступать....

Это ужасное слово кричитъ сперва одинъ человѣкъ, потомъ десятки, потомъ тысячи!

Человѣческая масса устремляется отъ берега, словно отливъ, разомъ... Дорогу... дорогу... назадъ, лишь бы назадъ... черезъ трупы товарищей, черезъ тѣла умирающихъ... черезъ трупы лошадей..

— Victoire, victoire!

Ра-те-ра-татъ, ра-те-ра-татъ, ра-те-ра-татъ...

Грохотъ пушекъ съ дюнъ! Бѣгущимъ нѣтъ спасенія!

Горсточка истекающихъ кровью, изуродованныхъ людей — жалкіе остатки молодецкихъ полковъ — бѣгутъ обратно по зеленой равнинѣ.

Штурмъ Изера и на этотъ разъ потерпѣлъ неудачу, несмотря на то, что былъ принесенъ въ жертву цвѣтъ мужского населенія Германіи!

Рѣка запружена трупами, она выходитъ изъ береговъ, вся кровавая... Зеленая равнина Фландріи сплошь покрыта убитыми.

— Victoire!

V.

По полю битвы, усѣянному трупами, разъѣзжаютъ лазаретныя повозки.

Сестра Ирена склоняется къ одному раненому, онъ лежитъ безъ сознанія. Это молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, не болѣе, онъ въ бельгійской формѣ со значкомъ лейтенанта. При взглядѣ на него сестра Ирена проникается чувствомъ жгучаго состраданія. Повидимому, вблизи бельгійца разорвалась граната и оторвала ему обѣ ноги. Къ счастью, онъ въ глубокомъ обморокѣ и ничего не сознаетъ. Глаза его закрыты, онъ точно крѣпко спитъ. Лучи заходящаго солнца падаютъ на его классически прекрасное лицо съ плотно сжатыми губами. Въ лицѣ этомъ нѣтъ ни кровинки, его обрамляютъ волны длинныхъ, темнорусыхъ волосъ, быть можетъ, недѣлями нестриженныхъ, и вьющаяся борода. Сестра Ирена не можетъ оторвать глазъ отъ этого прекраснаго лица, смутно напоминающаго ей кого-то. И вдругъ она вспоминаетъ: «Да вѣдь это голова въ терновомъ вѣнкѣ Гвидо Рени!»

Она опускается на колѣни передъ раненымъ и не слышитъ и не видитъ больше другихъ, которые сотнями лежатъ кругомъ и молятъ о помощи. Только этотъ одинъ, этотъ съ головой Христа, поглощаетъ все ея вниманіе, всѣ ея помыслы!

«Мессія на полѣ сраженія во Фландріи».

Онъ лежитъ подъ кустомъ терновника, гдѣ, должно быть, искалъ прикрытія. Сестра Ирена долго смотритъ на него и совершенно забываетъ о пережитыхъ ею ужасныхъ послѣднихъ дняхъ.

Наконецъ, она приходитъ въ себя и вспоминаетъ о своихъ обязанностяхъ. Она подноситъ къ лицу раненаго флаконъ съ эфиромъ, чтобы привести его въ чувство, но онъ не подаетъ признаковъ жизни. Быть можетъ, онъ уже мертвъ? Она хочетъ дать больше простора его груди и растегиваетъ его тужурку. При этомъ изъ внутренняго кармана выпадаетъ маленькій бумажникъ. Сестра Ирена открываетъ его и видитъ визитную карточку съ его именемъ:

Жозюа де-Крюицъ,
Докторъ Философіи.

Да, на карточкѣ написано: «Жозюа де-Крюицъ».

Никогда еще сестра Ирена не слыхала этого имени, а между тѣмъ, оно представляется ей хорошо знакомымъ. Оно такое странное, совсѣмъ не похоже на другія имена! Жозюа... Жозюа... и потомъ фамилія... де-Крюицъ!

Жозюа... Іосуа... да вѣдь это старѣйшая форма имени Іисусъ! А де-Крюицъ — это означаетъ: «отъ креста» по фламандски!

Сестра Ирена не имѣетъ еще понятія о томъ, что она только что прочла имя самаго извѣстнаго человѣка во всей Бельгіи, что она собирается оказать послѣднюю помощь тому, на кого разоренная и поруганная врагомъ Бельгія возлагала самыя лучезарныя надежды.

Ибо Жозюа де-Крюицъ знаменитый поэтъ, воспѣвшій въ сонетахъ и терціяхъ несравненной красоты Брабантъ и Фландрію. И онъ промѣнялъ свою лиру на мечъ и сталъ во главѣ молодежи подъ знамя, чтобы въ годину величайшаго бѣдствія защищать свою родину отъ нашествія врага. И вотъ онъ истекаетъ кровью...

— Помочь вамъ, сестра Ирена? — спрашиваетъ санитаръ Томасъ, только что соскочившій съ проѣхавшей мимо повозки.

— Да, помогите мнѣ, Томасъ... только осторожнѣе, осторожнѣе... этотъ несчастный безъ сознанія... не знаю можно ли ему вообще еще помочь.

Санитаръ съ изумленіемъ смотритъ на сестру. Въ голосѣ ея прозвучала какая-то болѣзненная тревога, а, между тѣмъ, онъ знаетъ, что она, какъ и онъ, давно привыкла видѣть самыхъ ужасныхъ раненыхъ.

Однако, при первомъ же взглядѣ на раненаго бельгійскаго офицера и онъ мѣняется въ лицѣ и застываетъ на мѣстѣ, удивленный и растроганный. Онъ чувствуетъ какъ-то безотчетно, что этотъ раненый не простой смертный въ прямомъ значеніи этого слова, что онъ представляетъ собою нѣчто особенное.

Съ помощью сестры Ирены санитаръ осторожно поднимаетъ Жозюа де-Крюицъ и относитъ его въ повозку, которую наполняютъ другіе подобранные раненые. Но бельгіецъ ничего не знаетъ и не слышитъ: онъ все еще въ безсознательномъ состояніи.

Его кладутъ рядомъ съ индусомъ, бѣлая одежда котораго вся въ крови. Этому несчастному оторвало шрапнелью правую руку до самого плеча. Но, несмотря на страшную рану и потерю крови, онъ не потерялъ сознанія. Помутившимся отъ нечеловѣческихъ страданій взоромъ этотъ сынъ долинъ Гималая смотритъ на уголъ повозки. Изъ плотно сжатыхъ губъ его не вырывается ни стона, ни вздоха, потому что законъ вѣчнаго Вишну воспрещаетъ индусамъ хоть чѣмъ-нибудь выражать свои страданія.

Медленно подвигается повозка съ ранеными по изрытому полю. Наконецъ, она выѣзжаетъ на большую дорогу и затѣмъ поднимается на дюну, гдѣ ее уже поджидаетъ профессоръ Вильгельми. Вильгельми работаетъ, не покладая рукъ. Онъ принялъ уже много транспортовъ съ ранеными, прежде чѣмъ пріѣхала повозка съ Жозюа де-Крюицъ и индусомъ.

Дверь въ операціонный залъ стоитъ раскрытая. Сестра Ирена видитъ профессора въ бѣломъ, покрытомъ кровью халатѣ, съ ножомъ въ рукахъ. Знаменитый ученый и хирургъ напоминаетъ собою мясника за работой.

— Сестра Эрика, хлороформъ...

Это приказаніе громко и ясно отдаетъ Вильгельми. Ирена съ ужасомъ слышитъ отвѣтъ сестры Эрики:

— Хлороформа нѣтъ больше, господинъ профессоръ.

Она вспоминаетъ слова знаменитаго хирурга при ея первомъ свиданіи съ нимъ, когда онъ предупреждалъ ее, что можетъ случиться, что ей придется присутствовать при

операціи безъ наркотизированія. Она не забыла также своего отвѣта. Теперь ей придется сдержать слово. Она овладѣваетъ собой и не опускаетъ глазъ съ Вильгельми, пока санитары вносятъ въ залъ раненыхъ.

Обширный залъ биткомъ набитъ ранеными, они стоятъ, сидятъ, лежатъ на кроватяхъ и прямо на полу. Раздаются неумолчные крики, стоны, мольбы. Нѣкоторые издаютъ нечеловѣческіе крики, многіе призываютъ смерть, какъ избавительницу отъ всѣхъ мукъ ада, которыя принесла съ собой эта война. Сестра Ирена обводитъ глазами залъ и онъ представляется ей цѣлымъ моремъ страданій, слезъ и стоновъ... И среди всего этого стоитъ Вильгельми, словно скалистый островъ среди бушующихъ волнъ. Стоитъ спокойно и невозмутимо.

На лбу хирурга крупныя капли пота. Рукава его халата засучены выше локтей, съ рукъ капаетъ кровь. Рядомъ со столомъ стоитъ большое ведро съ асептическимъ растворомъ, оно полно крови и частей человѣческаго тѣла — тутъ и пальцы, и части рукъ, и ногъ, и куски костей...

— Слѣдующаго... Слѣдующаго... — раздается время отъ времени голосъ Вильгельми.

Залъ, наполненный ранеными, начинаетъ кружиться передъ глазами сестры Ирены. Кружится также и большое черное Распятіе, которое прикрѣпили къ средней стѣнѣ сестры-католички изъ Ахена. Сестрѣ Иренѣ кажется, что крупныя слезы Спасителя падаютъ на полъ лазарета, обагренный кровью.

— Слѣдующаго... Слѣдующаго... — слышится невозмутимый голосъ Вильгельми. И это продолжается часъ за часомъ. Безъ конца.

Наконецъ, профессоръ оборачивается къ сестрѣ Иренѣ и спрашиваетъ:

— А вы кого привезли, сестра Ирена?

Сестра Ирена подходитъ къ нему, беретъ его за руку и ведетъ къ индусу и молодому бельгійцу.

— Санитаръ, положите на столъ индуса, — приказываетъ Вильгельми.

— А... а этотъ?..

Сестра Ирена не рѣшается произнести больше ничего.

— Я посмотрю потомъ, — говоритъ профессоръ. — Но мнѣ кажется...

Онъ уже стоитъ у операціоннаго стола, на которомъ лежитъ индусъ.

Сестра Ирена дрожитъ всѣмъ тѣломъ. Должно быть, профессоръ нашелъ положеніе бельгійца безнадежнымъ,

разъ онъ взялся сперва за индуса. Она старается овладѣть собой, подходитъ къ операціонному столу и говоритъ вполголоса профессору:

— Я прошу васъ, господинъ профессоръ... умоляю... спасите того... другого!

— Я посмотрю, сестра Ирена, но мнѣ кажется...

— Спасите его!

— Я посмотрю...

Сестрѣ Иренѣ остается только ждать, пока Вильгельми кончитъ зашивать зіяющую рану индуса.

Но вотъ онъ подходитъ, наконецъ, къ Жозюа де-Крюицъ. Онъ щупаетъ его пульсъ и качаетъ головой:

— Боюсь, сестра...

— Прошу, прошу... умоляю васъ, господинъ профессоръ!

— А вы поможете мнѣ, сестра Ирена?

— Да, да, господинъ профессоръ!

— Такъ положите его на операціонный столъ, санитаръ...

Двое санитаровъ поднимаютъ Жозюа де-Крюицъ.

— Осторожнѣе, осторожнѣе, у него почти совсѣмъ нѣтъ пульса... Осторожнѣе... Придется ампутировать ему обѣ ноги... Что же, можно попытаться!

VI.

— Раздѣньте его! — приказываетъ профессоръ Вильгельми санитару и сестрѣ Иренѣ.

Томасъ разрѣзаетъ ножомъ брюки раненаго. Сестра Ирена разстегиваетъ его тужурку. Руки ея дрожатъ, и она не сводитъ глазъ съ бельгійца, который все еще не подаетъ никакихъ признаковъ жизни. Вся его одежда представляетъ собою сплошной комокъ крови. Въ тѣ мгновенія, когда сестрѣ Иренѣ кажется, что на нее надвигается обморокъ, она отрываетъ глаза отъ раненаго и смотритъ на Распятіе. Тогда ей становится легче и она снова овладѣваетъ собой.

— Спрячьте хорошенько бумаги раненаго, сестра Ирена, — раздается голосъ Вильгельми, и ей кажется, что онъ доносится до нея откуда-то издалека.

Она машинально беретъ небольшой пакетикъ исписанныхъ листковъ, тщательно перевязанныхъ.

— А теперь слѣдите за пульсомъ, сестра Эрика!

Сестра Эрика беззвучно подходитъ къ столу и беретъ правую руку оперируемаго.

— У него нѣтъ больше пульса, господинъ профессоръ.

— Долженъ быть, сестра.

Больше Вильгельми ничего не говоритъ. Онъ уже перевязываетъ, насколько это возможно, кровеносные сосуды раненаго. Гранатой оторвало несчастному обѣ ноги значительно выше колѣнъ и теперь профессору предстоитъ удалить клочья мяса и подпилить кости. Видъ ранъ ужасающій. Къ нимъ приклеились клочья одежды, пыль и грязь.

Сестра Ирена должна употребить надъ собой всю силу воли, чтобы не лишиться сознанія отъ этого зрѣлища.

Вильгельми работаетъ ножомъ быстро и ловко. Благодаря страшной потерѣ крови, раненый находится въ такомъ глубокомъ обморокѣ, что и теперь не приходитъ въ сознаніе.

Вильгельми качаетъ головой. Сестра Ирена смотритъ на него и понимаетъ, что онъ находитъ операцію ненужной. Но профессоръ читаетъ въ глазахъ ея такую страстную мольбу, что молча беретъ пилу.

— Держите, сестра Ирена... сперва лѣвую ногу.

Съ нечеловѣческой силой держитъ сестра Ирена лѣвую ногу Жозюа де-Крюицъ, который вчера еще былъ для нея совершенно чужимъ и за спасеніе жизни котораго она сегодня такъ борется.

Наступаетъ ужасное мгновеніе. Въ залѣ затихаютъ стоны и крики и всѣ съ напряженіемъ смотрятъ на оператора. Сестры и санитары затаили дыханіе и смотрятъ въ другую сторону.

Пила Вильгельми со скрипомъ пилитъ живую кость.

Жозюа де-Крюицъ не подаетъ признаковъ жизни.

«Слава Богу!» — думаетъ сестра Ирена. — «Слава Богу!»

Словно желѣзными клещами, сжимаетъ она обрубокъ ноги, но глаза ея устремлены на Спасителя, и она старается почерпнуть у Него силу. Губы ея слегка дрожатъ, точно она мысленно молится.

Пила стонетъ и вздыхаетъ... Еще немного... Кончено!

Вильгельми искусно отпилилъ кость. Онъ дезинфицируетъ рану, а сестра Эрика держитъ уже наготовѣ перевязочный матеріалъ.

Еще нѣсколько минутъ — и Вильгельми покончилъ съ одной ногой.

— Теперь держите правую ногу, — говоритъ онъ сестрѣ Иренѣ.

Собравъ послѣднія силы, едва удерживаясь на ногахъ, сестра Ирена исполняетъ приказаніе профессора. Раненые забываютъ о своихъ собственныхъ страданіяхъ при видѣ ужасной участи Жозюа де-Крюицъ.

Проходитъ еще полчаса мучительнаго ожиданія. Но вотъ и обрубокъ правой ноги бельгійца перевязанъ.

Съ помощью санитара, сестра Ирена укладываетъ изуродованное тѣло Жозюа де-Крюицъ въ ящикъ, обложенный подушками и стоящій въ углу залы. Свободныхъ кроватей нѣтъ больше; хорошо, что нашелся этотъ ящикъ, напоминающій собою гробъ.

Въ залъ входитъ полковой докторъ.

— Господинъ профессоръ Вильгельми!

— Господинъ докторъ!

Оказывается, что надо немедленно произвести сложную операцію одному раненому генералу. Пуля попала ему въ область живота и извлеченіе ея рѣшаются поручить только такой знаменитости, какъ профессоръ Вильгельми.

— Сейчасъ иду! — отвѣчаетъ Вильгельми.

— Автомобиль стоитъ передъ дверьми, господинъ профессоръ. Его превосходительство лежитъ въ школьномъ домѣ въ Муидерхоофѣ, гдѣ устроенъ лазаретъ.

— Хорошо, господинъ докторъ.

— Да, но я долженъ лично привезти васъ, господинъ профессоръ.

— Я иду, я иду!

И въ окровавленномъ халатѣ, прямо отъ операціоннаго стола, профессоръ Вильгельми выходитъ изъ залы и садится въ автомобиль, который несетъ его въ Муидерхоофъ.

На дюну опустился вечеръ. Солнце, освѣщавшее эти неописуемыя страданія человѣческія, кануло въ море за дюнами. На зеленую равнину Фландріи надвигается ночь. А вдали, за Ипромъ, снова загрохотали смертоносныя пушки.

Лазаретъ скудно освѣщенъ двумя свѣчами и лампой; дрожащій свѣтъ падаетъ на кровати и другіе предметы, на стѣны ложатся уродливыя тѣни. Распятіе кажется безконечно длиннымъ и расплывается въ полумракѣ.

Воздухъ насыщенъ запахомъ карболовой кислоты, іодоформа и эфира и отъ него перехватываетъ дыханіе.

Тяжелая истома овладѣла всѣми больными. Лишь изрѣдка тамъ и здѣсь раздаются стоны и вздохи. Сонъ и смерть неслышной стопой ходятъ по лазарету. Они скользятъ отъ кровати къ кровати, но сестра Ирена, дежурящая эту ночь вмѣстѣ съ Томасомъ, не замѣчаетъ ихъ. Ея лихорадочно горящіе глаза устремлены на Жозюа де-Крюицъ, голова котораго такъ напоминаетъ голову Спасителя. Время отъ времени она обводитъ глазами стѣны и останавливаетъ ихъ на Распятіи. Она сидитъ у изголовья бельгійскаго офицера и держитъ въ рукахъ пачку исписанныхъ

листковъ. Она читаетъ ихъ одинъ за другимъ, не торопясь, и во время этого чтенія, она знакомится съ Жозюа де-Крюицъ, котораго до сихъ поръ она не знала.

Но что она читаетъ?

Лебединая пѣснь Бельгіи.

(Пѣснь героя).

Такое заглавіе надъ этими гекзаметрами, напоминающими Иліаду. Ими исписалъ эти листки Жозюа де-Крюицъ, призвавшій подъ знамя свободы свой народъ.

Сестра Ирена читаетъ:

«Низкій поклонъ тебѣ, Родина! Въ часъ, когда Фебъ съ колесницей
Близокъ Венеры, тебя золото волнъ омываетъ.
Предковъ страна и свободы, искусствъ колыбель, ты лелѣешь
Трудъ человѣка. Страна! Нѣтъ тебѣ равной, родная.
О, если бъ могъ я достойно воспѣть тебя словомъ крылатымъ!
Жалко я лишь бормочу... мечъ за тебя подымаю!
О, если бъ могъ я за струны, подобно Виргилью, Гомеру,
Взяться могучей рукой, — гибель воспѣлъ бы я Трои!
Нѣтъ, не ударить по струнамъ безпомощно-слабой рукою,
Нѣтъ, не воспѣть мнѣ тебя пѣсней моею убогой.
Сердце мое истекаетъ кровью, уста же сомкнуты.
Но ты была для меня всѣмъ, о, страна моихъ предковъ,—
Матерью, братомъ, сестрою, отцомъ и невѣстой и другомъ.
Все же, о, боги, дерзну, сильный сыновней любовью,
Пѣсню я пѣсней спою, какъ пала великая Троя...»

Сестра Ирена вздрагиваетъ. Обуреваемая чувствами гнѣва и глубокаго состраданія, она прочла это стихотвореніе громкимъ голосомъ... И вдругъ ей показалось, что раненый зашевелился.

Да... да... онъ дѣйствительно зашевелился...

Вотъ онъ провелъ рукой по одѣялу. Неужели ритмъ его собственнаго стихотворенія заставилъ его вернуться къ жизни?

— Вы живы?.. Вы проснулись?..

Сестра Ирена едва удерживается отъ того, чтобы бурно не проявить своей радости.

Раненый остановилъ свой взглядъ на ней. Онъ ничего не сознаетъ, ничего не понимаетъ, гдѣ онъ и что съ нимъ.

На мгновеніе двѣ пары глазъ впиваются другъ въ друга, лихорадочно горящіе глаза сестры и глаза поэта, уже оторванные отъ всего земного...

—Дальше, дальше! — вырывается едва слышно изъ устъ Жозюа де-Крюицъ.

Сестра Ирена понимаетъ, чего онъ хочетъ отъ нея, потому что она снова устремляетъ свой взоръ на листки, исписанные его рукой и лежащіе у нея на колѣняхъ; но она не въ состояніи прочесть больше ни строчки... Голосъ измѣняетъ ей.

И вдругъ раздается его голосъ, слабый, слабый, какъ дыханіе весенняго вѣтерка, проносящагося въ воздухѣ. Однако, сестра Ирена хорошо слышитъ этотъ голосъ, она читаетъ каждое слово на безкровныхъ губахъ этого лика Христа и время отъ времени она устремляетъ свой взглядъ на черное Распятіе на стѣнѣ.

«Ты-ль это, ты, о, богиня, представшая въ юности мнѣ?
Ты, кого въ страстной тоскѣ вѣчно искалъ я повсюду,
Ты, кто вѣнчаешь героевъ, ты — вѣстникъ боговъ
олимпійскихъ.
Клонится все предъ тобой — Римъ, и Афины, и Спарта!..
Чую тебя я въ дыханьѣ, что вѣетъ надъ Фландріей милой
Ранней весною, когда легкіе рѣютъ туманы.
Въ солнечныхъ вижу тебя, о, богиня, лучахъ золотистыхъ,
Въ осени хмурые дни въ бурѣ тебя узнаю я,
Въ бурѣ, когда надъ страною тумановъ завѣса ложится...
Чайка-ль зимою кричитъ, жадно клюющая рыбу —
Въ гребнѣ могучей волны узнаю я тебя, о, богиня!
Ты-ль это, ты, о, сестра, мать, дорогая подруга,
Ты, кого, сердцемъ тоскуя, вѣчно и вѣчно искалъ я?..» [1].

Голосъ Жозюа де-Крюицъ замираетъ... и онъ простираетъ руки, словно хочетъ заключить въ свои объятія Фландрію и свою богиню...

Въ горячечномъ бреду онъ обнимаетъ сестру Ирену.

По тѣлу ея проходитъ дрожь, но она не имѣетъ ни силы, ни возможности уклониться отъ его объятія.

Въ слѣдующее мгновеніе его руки снова безсильно опускаются на одѣяло и, прежде чѣмъ погрузиться въ безсознательное состояніе, онъ шепчетъ:

— Да, это ты... это ты!

* * *

[1] Переводъ Е. В. Гешина.

VII.

Свершилось! Изъ однѣхъ траншей въ другія, отъ одного солдата къ другому передается эта вѣсть, но никто еще не отдаетъ себѣ полнаго отчета въ томъ, насколько это ужасно. Зато для бельгійскихъ, англійскихъ и французскихъ солдатъ эта вѣсть приноситъ съ собой надежду на избавленіе и спасеніе. Да, свершилось!

Простой человѣкъ изъ народа, рабочій на шлюзахъ, шепнулъ генеральному штабу о возможности найти спасеніе, это онъ зажегъ надежду въ отчаявшихся сердцахъ.

Онъ предложилъ прорыть плотину и дать водѣ Атлантическаго океана залить дюны и зеленую равнину Фландріи. Правда, сооруженій для искусственнаго затопленія страны не существуетъ больше, но можно найти какой-нибудь другой способъ для осуществленія этого плана. Надо попытаться. Нельзя останавливаться ни передъ чѣмъ въ минуты такого бѣдствія.

Да, но для того, чтобы выполнить этотъ планъ другимъ способомъ, требуется громадное мужество, а главное, терпѣніе. Океанъ придетъ на помощь, но это будетъ длиться долго, очень долго, а до тѣхъ поръ придется выдерживать до послѣдняго человѣка!

Надо устроить такъ, чтобы океанъ не сразу залилъ равнину, потому что непріятель могъ бы замѣтить это и успѣлъ бы бѣжать. Впрочемъ, сразу затопить все и невозможно. Нѣтъ, надо сдѣлать это иначе.

Надо, чтобы океанъ понемножку просачивался черезъ почву этой низкой равнины, чтобы онъ пропиталъ ее, какъ губку, переполнилъ бы постепенно всѣ каналы, чтобы они вышли изъ береговъ и вода залила бы всю равнину, всѣ непріятельскія траншеи и, наконецъ, дюны, чтобы въ водѣ утонули и пѣшіе и конные, артиллерія и обозы.

Это будетъ происходить медленно и незамѣтно, но неуклонно. Придется ждать изо дня въ день, пока океанъ завершитъ свою работу.

Таковъ планъ скромнаго рабочаго на плотинѣ. Этотъ планъ онъ изложилъ бельгійскому генеральному штабу и тотъ принялъ его.

И вотъ этотъ простой человѣкъ отправился съ отрядомъ піонерной роты подъ начальствомъ офицера на берегъ моря. Имъ пришлось пробираться подъ пушечнымъ огнемъ, но они благополучно дошли до грандіозныхъ плотинъ, сооруженіе которыхъ стоило несмѣтныхъ денегъ и которыя ограждали страну отъ вторженія моря. Въ ночные

часы эти храбрецы завершили дѣло спасенія. Гигантская плотина была прорыта и вода начала просачиваться въ равнину.

Ужасные часы ожиданія! Часъ за часомъ... цѣлая ночь и еще день, и еще одна ночь...

Будутъ ли какіе нибудь результаты? Оправдается ли предсказаніе простого человѣка, сроднившагося съ моремъ съ дѣтскихъ лѣтъ? Не ошибся ли онъ?

Проходятъ еще ночь и день, безконечные ночь и день! Огонь оружейный и артиллерійскій не ослабѣваетъ ни на минуту, онъ производитъ страшное опустошеніе въ траншеяхъ непріятеля, но тотъ все-таки осиливаетъ... а вода все еще не идетъ на помощь!

Солдаты исполняютъ свой долгъ, они стрѣляютъ и подставляютъ свою грудь подъ выстрѣлы, ряды ихъ все рѣдѣютъ... и все время они прислушиваются, прислушиваются, не булькаетъ ли гдѣ нибудь вода, которая должна прогнать врага.

Но вотъ... вотъ... гдѣ-то закапало, забулькало, что-то сочится, выступаетъ изъ почвы... Спасеніе! Спасеніе! Старый океанъ, ихъ вѣрный другъ, поднялся и идетъ спасать ихъ!

Правда ли это? Не самообманъ ли? И солдаты ближе подходятъ другъ къ другу въ траншеяхъ. Да, да, ноги ихъ начинаютъ все больше и больше зябнуть! Имъ начинаетъ казаться, что почва всасываетъ ихъ. Вотъ всосало подошву башмаковъ, вотъ ноги увязли уже по щиколотку...

Вода! Вода поднимается!

Солдаты передаютъ другъ другу эту радостную вѣсть Несмотря на опасность послужить мишенью для непріятеля, они поднимаютъ вверхъ ноги, чтобы показать товарищамъ, что башмаки ихъ промокли. Всѣ ликуютъ и привѣтствуютъ спасительную стихію.

А непріятель все стрѣляетъ, онъ неутомимъ. Повидимому, онъ не замѣчаетъ, что на него поднялся титаническій противникъ и несетъ ему вѣрную, неминуемую гибель.

Но неужели же непріятель все еще ничего не подозрѣваетъ?

Вода въ траншеяхъ все поднимается, сперва съ часу на часъ, а потомъ съ минуты на минуту, это уже видно на глазъ. Сердца обороняющихся наполняетъ радость.

Наконецъ-то почва напиталась водой, и теперь она отдаетъ излишекъ влаги и наполняетъ водою каналы, канавы и траншеи.

А непріятель все стрѣляетъ. Стрѣляетъ и заряжаетъ, стрѣляетъ и снова заряжаетъ...

Нѣкоторымъ солдатамъ вода доходитъ уже по колѣна. Руки ихъ закоченѣли и они едва могутъ держать винтовки. Ноги дрожатъ, но они крѣпятся и продолжаютъ стрѣлять.

Неужели же непріятель все еще ничего не видитъ?

Вода журчитъ, капаетъ, булькаетъ гдѣ-то подъ землей. Непріятельскіе солдаты стоятъ уже по поясъ въ водѣ. Тутъ только, ослѣпленные пыломъ сраженія, они отрезвляются и замѣчаютъ, что случилось нѣчто неожиданное, нѣчто непостижимое и невѣроятное.

Къ холоду и сырости они уже привыкли за всѣ эти недѣли, проведенныя во Фландріи. Но это что-то совсѣмъ другое, это не дождь, падающій съ неба, который не переставалъ изо дня въ день. Они привыкли уже къ тому, что въ этой проклятой странѣ столько же воды, сколько и земли. Нѣтъ, теперь это нѣчто совсѣмъ другое!

Вотъ они уже по поясъ стоятъ въ коричневой грязной, ледяной водѣ! Это какая-то убійственная жидкая тина, она все больше и больше всасываетъ въ себя! И съ минуты на минуту уровень этой отвратительной жижи поднимается. Откуда прибываетъ вода? Неужели же это вливается океанъ черезъ жилы Фландріи?..

Конечно, такое предположеніе дѣлали иногда, но каждый разъ его отклоняли, какъ какую-то сказку... И вотъ теперь...

А вода все поднимается, поднимается неукоснительно, она доходитъ уже до груди солдатамъ, она лижетъ уже разгоряченныя отъ выстрѣловъ дула...

Атлантическій океанъ поднялся на спасеніе Фландріи!

Но непріятель все еще не хочетъ вѣрить этому.

За непріятельскими траншеями все оживаетъ. Несмотря на градъ пуль, подъ которымъ падаютъ сотни и сотни, солдаты таскаютъ къ траншеямъ мѣшки съ необмолоченнымъ зерномъ, только что снятымъ съ полей Фландріи. Они несутъ также доски и полѣнья. Они сносятъ все, что только попадается имъ подъ руки въ ближайшихъ окрестностяхъ.

Они все еще думаютъ, что это подпочвенная вода, что при помощи этихъ жалкихъ средствъ они спасутся отъ воды и сдѣлаютъ возможнымъ пребываніе въ траншеяхъ.

Вода поднимается безостановочно, она подошла уже подъ-мышки солдатамъ. Мѣшки съ зерномъ и доски всплываютъ... вода покрываетъ уже плечи солдатъ. Стрѣлять боль-

ше нельзя, ружья покрыты водою, надъ водой торчать еще только головы и каски.

Съ той стороны тоже не слышно больше выстрѣловъ. Защитники Фландріи покинули траншеи... Но теперь и непріятель спасается бѣгствомъ. Солдаты выстраиваются въ колонны, собираются... Надвигается ночь, равнина вся волнуется, словно море!

Начинается бѣгство, паническое бѣгство отъ грозной стихіи! Бѣгутъ полки, колонны, бѣгутъ по залитой водою равнинѣ, надъ которой взошла луна! Земля Фландріи возвращается въ лоно родной стихіи!

Бѣгущія войска въ смятеніи. Нигдѣ не видно ни дороги, ни тропинки. Только тутъ и тамъ надъ поверхностью воды возвышаются крыши домовъ, колокольни, деревья, мельницы и кусты. Бурая, предательская вода покрываетъ всѣ каналы и рѣки, ихъ не видно и они превращаются въ западни, въ которыя падаютъ бѣгущіе. Океанъ не даетъ пощады врагамъ Фландріи!

Все бѣжитъ... а вода океана все прибываетъ...

VIII.

Вода дошла уже до подножія дюны, на которой стоитъ лазаретъ Вильгельми. Когда въ окнахъ забрежило тусклое зимнее утро, вода переливала черезъ порогъ двери.

Вильгельми такъ и не возвратился больше послѣ того, какъ уѣхалъ оперировать генерала. И только теперь служащіе при лазаретѣ и сестры замѣтили неуклонно надвигающуюся страшную опасность. Быстро принимаются мѣры къ тому, чтобы очистить лазаретъ и при помощи имѣющагося налицо подвижнаго состава увезти раненыхъ. Они надѣятся еще пробраться черезъ журчащую повсюду воду на дорогу и спастись гдѣ-нибудь подальше отъ берега на болѣе высокомъ мѣстѣ.

Сестры и санитары работаютъ, не жалѣя себя. Всѣ руки заняты сверхъ силъ человѣческихъ. Одна только сестра Ирена не обращаетъ ни на что вниманія. Она стоитъ на колѣняхъ въ отдаленномъ углу лазарета съ устремленными на Распятіе глазами и съ напряженіемъ прислушивается къ бреду умирающаго Жозюа де-Крюицъ. Поэтъ, воспѣвшій Фландрію и Брабантъ, умираетъ, для него нѣтъ больше спасенія. Съ его губъ срываются слова, полныя поэтическаго экстаза, въ этомъ горячечномъ бреду въ послѣдній разъ изливаются всѣ его чувства и мысли. И сестра Ирена съ жадностью прислушивается къ каждому слову. Она не видитъ ничего, что

округъ нея происходитъ, не замѣчаетъ, что всѣ двери растворены, что выносятъ раненыхъ, не слышитъ шума и суеты.

Желтая, грязная вода все прибываетъ и прибываетъ, осенній вѣтеръ покрываетъ ее мелкой рябью, и она все выше и выше лижетъ стѣны барака. Но сестра Ирена ничего не замѣчаетъ, она не видитъ даже, что желтыя струйки пробиваются все ближе и ближе къ ящику, въ которомъ покоится обрубленное тѣло Жозюа де-Крюицъ. Въ правой рукѣ она держитъ руку умирающаго поэта, а лѣвой прикрываетъ исписанные листки, и слушаетъ, слушаетъ...

Среди шума и сутолоки едва слышенъ голосъ умирающаго, онъ напоминаетъ послѣдніе вздохи осени, которые никто не понимаетъ, но сестра Ирена понимаетъ все. Она приблизила свое ухо къ губамъ Жозюа де-Крюицъ и слушаетъ. Это не стихи, но и не проза. Его голосъ звучитъ, словно отдаленный колокольный звонъ на днѣ морскомъ. Колокольный звонъ, доносящійся изъ затонувшаго города Винеты:

— О, край родной, ты былъ силенъ, какъ левъ! Чресла твои были изъ стали, ноги твои изъ кедра, а когти закалены въ огнѣ!

— Но вотъ, въ тиши ночной къ тебѣ подкрался врагъ, о, край родной!

— Онъ сломилъ твои мощныя бедра, разбилъ ноги твои и притупилъ закаленныя когти.

— Я полонъ скорби, мой край родной! Я скорблю о тебѣ! Я слезы лью кровавыя надъ твоимъ поруганнымъ и загрязненнымъ тѣломъ! Ибо я люблю тебя, мой край родной!

— Ты былъ малъ, но страданія твои сдѣлали тебя величайшимъ во всемъ мірѣ, а смерть твоя вознесла тебя одесную Отца, и ты будешь вѣчно взывать къ Нему, какъ къ Судіѣ и свидѣтельствовать на враговъ твоихъ, о, мой край родной!

При послѣднихъ словахъ, едва слышный до сихъ поръ голосъ страдальца Жозюа де-Крюицъ прозвучалъ громче и яснѣе и онъ сдѣлалъ движеніе головой и плечами, точно хотѣлъ приподняться.

Сестра Ирена поддерживаетъ его голову. Но она безсильно падаетъ въ ящикъ.

И вотъ снова раздается его голосъ. Въ то время, какъ воды его океана поднимаются все выше и выше, спѣша завершить дѣло спасенія его родины, онъ заканчиваетъ:

— Я хотѣлъ пѣть твое величіе, о, край родной, и кра-

сату! Я пѣть хотѣлъ твой страдный путь, о, край родной, и твою гибель! Но когда я знамя чистое твое поднялъ, то разразился гнѣвъ Господень надъ моею головою, стянулись грозовыя тучи съ юга и востока и затмили мои ясные глаза... и я упалъ! И я почувствовалъ жгучую боль въ ранѣ на моемъ тѣлѣ, и врагъ пронзилъ меня копьемъ, чтобъ убѣдиться, что я испустилъ свой духъ. И тогда изъ раны моей полилась вода и кровь... и стало хорошо!

Сестра Ирена впилась глазами въ умирающаго, словно видитъ передъ собой выходца съ того свѣта. То, что она пережила, что видѣла, что явилось откровеніемъ для ея внутренняго міра — все это переплетается, сливается въ ея душѣ въ эту великую минуту, когда вся она находится во власти ужаса и блаженнаго экстаза. Она уже не сознаетъ больше, дѣйствительность это или сонъ, не видитъ и не слышитъ ничего, ибо изуродованное тѣло Жозюа де-Крюицъ, отдавшаго свою жизнь за родину, вдругъ превращается въ ея глазахъ въ символъ!

Она устремляетъ свой взоръ на черное Распятіе и видитъ на немъ тѣло Жозюа де-Крюицъ, котораго она вчера еще не знала, она видитъ, что онъ борется со смертью, что голова его склоняется, и губы его какъ будто шепчутъ:

— Отче, въ руки...

И внутренно сестра Ирена произноситъ съ содроганіемъ:

— Сіе есть Тѣло Мое, которое за васъ предается... и Кровь Моя, которая за васъ проливается...

Вода плещетъ уже о доски ящика, въ которомъ лежитъ Жозюа де-Крюицъ. Сестра Ирена смотритъ на него отсутствующимъ взглядомъ и не знаетъ, живъ ли онъ еще, или умеръ. Она боится, не смѣетъ убѣдиться въ этомъ. Ея губы только беззвучно повторяютъ:

— ...Тѣло Мое, которое за васъ предается... Кровь Моя, которая за васъ проливается...

И вдругъ, потерявъ власть надъ собой, она бросается умирающему на грудь и разражается рыданіями. Пряди ея волосъ падаютъ на лицо Жозюа де-Крюицъ и она орошаетъ его слезами. Она судорожно обнимаетъ холодное, изуродованное тѣло своими мягкими, сильными руками, точно хочетъ согрѣть его въ своихъ теплыхъ объятіяхъ, и повторяетъ дрожащими губами:

— За васъ... за васъ предается... и проливается... за васъ...

. . . .

XIV.

— Спасайтесь, сестра Ирена, спасайтесь!

Въ дверяхъ появляется искаженное отъ ужаса и блѣдное лицо санитара Томаса. Онъ зоветъ сестру. Но она не слышитъ его.

— Сестра Ирена, вода поднялась уже на цѣлый метръ на дворѣ... Уѣзжаетъ послѣдняя повозка... Спѣшите!

Отвѣта нѣтъ. Сестра Ирена не слышитъ его.

Тогда онъ дѣлаетъ послѣднюю попытку, хотя его собственная жизнь находится въ опасности. Онъ входитъ въ залитое водой помѣщеніе лазарета и беретъ за руку сестру Ирену.

— Оставьте меня!.. Не трогайте!. Я святая!—кричитъ она.

Въ ужасѣ смотритъ на нее санитаръ, ничего не понимая. Но тутъ онъ встрѣчаетъ ея взглядъ и ему все становится ясно: въ глазахъ ея горитъ безуміе.

Но онъ все-таки пытается подѣйствовать на нее:

— Идемте же, сестра Ирена... ради милосердія Божія!

Сестра Ирена разражается звонкимъ хохотомъ и повторяетъ:

— Ради милосердія Божія...

Санитара охватываетъ жуткое чувство. Однако онъ хочетъ исполнить свой долгъ до конца. Онъ опять беретъ сестру Ирену за руку и старается увлечь ее за собой:

—Идемте, идемте же, сестра Ирена!

Вокругъ нихъ бурлитъ и плещетъ вода, она доходитъ имъ уже до колѣнъ. На мгновеніе сестра Ирена какъ будто приходитъ въ себя, какъ будто понимаетъ слова санитара. Она говоритъ ему яснымъ, сознательнымъ голосомъ, указывая на ящикъ:

— Спасите его, спасите его!

— Кого, сестра?

— Этого раненаго.

— Да вѣдь онъ мертвъ, сестра!

И снова она устремляетъ на него безумный взглядъ.

— Нѣтъ, онъ не мертвъ... онъ не можетъ умереть!. Онъ безсмертенъ!

Она произноситъ эти слова твердо и радостно.

— Да идите-же!

Съ этими словами санитаръ обхватываетъ сестру руками и хочетъ насильно вынести ее. Санитаръ Томасъ обладаетъ громадной физической силой, однако, безуміе придаетъ сестрѣ нечеловѣческую силу, и между ними завязывается борьба.

Томасу грозитъ опасность поскользнуться и утонуть в этой желтой влагѣ, потому что безумная не дала бы ему пощады. И онъ борется не на животъ, а на смерть за спасеніе собственной жизни.

— Оставьте меня,—кричитъ сестра Ирена,—я спасу его! Оставьте меня!

— Да вѣдь онъ умеръ... чего же тамъ спасать?

Она дико хохочетъ.

— Нѣтъ, онъ живъ, онъ живъ! —кричитъ она ликующимъ голосомъ.

Волной выбиваетъ стекло въ окнѣ и черезъ отверстіе вливается въ залъ вода. На дворѣ кто-то громко кричитъ: — Мы уѣзжаемъ!

Въ отвѣтъ раздается безумный хохотъ сестры Ирены.

Санитаръ бросаетъ ее и, словно гонимый фуріями, выбѣгаетъ на дворъ.

Сестра Ирена остается одна. Она вынимаетъ тѣло Жозюа де-Крюицъ изъ ящика, она хочетъ спасти его, она не сознаетъ, что онъ уже мертвъ. И она высоко поднимаетъ его на вытянутыхъ рукахъ.

Послѣдняя повозка удаляется съ дюны, пробираясь по залитой водой равнинѣ.

Сестра Ирена стоитъ неподвижно, вперивъ взоръ въ Распятіе на стѣнѣ, и держитъ надъ водой безногое тѣло Жозюа де-Крюицъ.

— Онъ не долженъ утонуть,—шепчетъ она дрожащими губами, и ея горящіе безуміемъ глаза снова приковываются къ Распятію.

Та же сверхчеловѣческая сила, которая вдругъ проявилась въ ней, когда она боролась съ санитаромъ, не оставляетъ ее и теперь. Мускулы ея рукъ напряглись, словно стальные, и она стоитъ неподвижно передъ Распятіемъ, держа на вытянутыхъ вверхъ рукахъ тѣло Жозюа де-Крюицъ, и ждетъ. Такъ она стоитъ... часами.

А вода медленно и неукоснительно все поднимается.

Сцена изъ давноминувшихъ столѣтій вѣрующаго средневѣковья!

Безумная превратилась въ мраморную статую и на ея рукахъ покоится тѣло принесшаго себя въ жертву Жозюа де-Крюицъ

Вода поднимается...

Давно уже тусклое зимнее солнце прошло черезъ зенитъ и близокъ уже часъ заката. Вотъ и смеркаться начинаетъ и сѣрая мгла понемногу спускается на пустыню, покрытую желтой водой.

А сестра Ирена продолжаетъ стоять неподвижно, словно ...енное изваяніе, и держитъ на высоко поднятыхъ надъ го...вой рукахъ тѣло Жозюа де-Крюицъ.

Она ни на секунду не отрываетъ глазъ отъ Распятія. И въ ...и послѣднія свои минуты сверхчеловѣческихъ мукъ и ...ерхчеловѣческаго напряженія всѣхъ душевныхъ силъ, она ...идитъ себя въ свой смертный часъ! Передъ ней встаетъ ...идѣніе ея смертнаго часа!

Распятіе все растетъ и растетъ, оно вышло за предѣлы ба...рака, оно принимаетъ гигантскіе размѣры... оно вытягива...ется, расширяется у нея на глазахъ... оно достигло неба, оно ...ожится тѣнью на всю страну, осѣняетъ равнины Брабанта и Фландріи, всю Бельгію... всю Европу, весь свѣтъ!

И подъ этимъ гигантскимъ крестомъ стоитъ о н а, она ...одна, сестра по имени И р е н а держитъ на рукахъ изуродо...ванное тѣло Ж о з ю а де-К р ю и ц ъ...

Вода прибываетъ и уровень ея доходитъ сестрѣ Иренѣ уже до плечъ. Но стальныя руки ея все еще держатъ надъ водой принесенное въ жертву тѣло.

«За васъ... за васъ!» проносится въ головѣ безумной. Только эта одна единственная мысль работаетъ еще въ ея мозгу. «За васъ предается... за васъ проливается!»

Мертвая ненарушимая тишина кругомъ... только едва слышно плещетъ вода... А надъ водой К р е с т ъ!

На зимнемъ небѣ Фландріи загораются звѣзды, одна за другой, и тихо мерцаютъ, точно утѣшая землю... Горитъ и та звѣзда, которая двѣ тысячи лѣтъ назадъ указывала путь благочестивымъ пастухамъ и благороднымъ царямъ по равнинамъ и горамъ Вифлеема.

Сестра Ирена стоитъ неподвижно...

Она смотритъ въ окно и ея взоръ блуждаетъ по безграничному водному пространству, посеребренному луннымъ сіяніемъ. Она поднимаетъ глаза къ небу и находитъ эту звѣзду.

Высоко надъ головой держитъ она тѣло Жозюа де-Крюицъ...

«Ибо возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всѣмъ людямъ... ибо нынѣ родился вамъ въ городѣ Давидовомъ Спаситель, Который есть Христосъ Господь!»

И вдругъ ноги сестры Ирены подкашиваются и она падаетъ... падаетъ съ тѣломъ Жозюа де-Крюицъ!

Надъ равниной Фландріи опустилась ночь.. ночь заволакиваетъ глаза сестры Ирены... А на небѣ мерцаютъ звѣзды и надъ водяной пустыней Фландріи простирается К р е с т ъ!

Подъ тихо колышащейся поверхностью воды спятъ вѣч-

нымъ сномъ тридцать... сорокъ... пятьдесятъ... нѣтъ, с
двадцать тысячъ тѣхъ, кто были врагами, и сдѣлались дру
ями...

Сто двадцать тысячъ—цѣлая армія!

Вода покрыла ихъ навсегда, навсегда!

Ибо равнина Фландріи превратилась въ ниву Божію...
надъ этой братской могилой витаетъ образъ Ирены и кро
вавая жертва Жозюа де-Крюицъ.

Сокращенный переводъ

М. П. Благовѣщенской.

ВОИНА и МИРЪ.

Поэма.

Часть V.

А можетъ быть
больше
у времени хамелеона
и красокъ никакихъ не осталось.
Дернется еще
и ляжетъ,
бездыханъ и угловатъ.
Можетъ быть,
дымами и боями охмеленная,
никогда не подымется земли голова.

Можетъ быть...

Нѣтъ
Не можетъ быть!
Когда нибудь да выстеклится мыслей омутъ
когда нибудь да увидитъ, какъ хлещетъ изъ тѣлъ ала́.
Надъ вздыбленными волосами руки заломитъ,
выстонетъ:
«Господи,
Что я сдѣлала».

Нѣтъ,
не можетъ быть!
Грудь,
срази отчаянья лавину.
Въ грядущемъ счастьи вырыщи ощупь.
Вотъ,
хотите,
изъ праваго глаза
выну
цѣлую цвѣтущую рощу?!

Птицъ причудливыхъ мысли роите.
Голова,
закинься восторженна и горда.
Мозгъ мой,

веселый и умный строитель,
строй города!

Ко всѣмъ,
кто зубы еще
злобой выщемилъ,
иду
въ сіяющихъ глазъ зарѣ.
Земля,
встань
тыщами
въ ризы заревъ разодѣтыхъ Лазарей!

И радость,
радость
сквозь дымы,
свѣтлыя лица я
вижу.
Вотъ,
пріоткрывъ помертвѣвшее око,
первая
приподымается Галиція.

Въ травы вкуталась ободраннымъ бокомъ.
Кинувъ ноши пушекъ,
выпрямились горбатые,
кровавленными сѣдинами въ небо канувъ,
Альпы,
Балканы,
Кавказъ,
Карпаты.

А надъ ними
выше еще,
двое великановъ
всталъ золототѣлый,
молитъ:
«ближе
къ тебѣ съ изрытаго взрывами дна я».
Это Рейнъ
размокшими губами лижетъ
изсѣченную миноносцами голову Дуная.

До колоній, бѣжавшихъ за стѣны Китая,
до песковъ, въ которыхъ потеряна Персія,

каждый городъ
ревѣвшій,
смерть кидая,
теперь сіялъ.

Шопотъ.
Вся земля
черныя губы разжала.
Громче.
Урагана ревомъ
вскипаетъ,
«Клянитесь,
больше никого не скосите!»
Это встаютъ изъ могильныхъ кургановъ,
мясомъ обрастаютъ хороненныя кости.

Было-ль,
чтобъ срѣзанныя ноги
искали-бъ
хозяевъ;
оборванныя головы звали по имени?
Вотъ
на черепъ обрубку
вспрыгнулъ скальпъ,
Ноги подбѣжали,
живыя подъ нимъ они.

Съ днищъ океановъ и морей,
на реяхъ,
Ожившихъ утопшихъ выплыли залежи.
Солнце,
Въ ладоняхъ твоихъ изогрѣй ихъ,
Лучей языками глаза лижи!

Въ старушье лицо твое
смѣемся
время!
Здоровые и цѣлые вернемся въ семьи!
Тогда
надъ русскими,
надъ болгарами,
надъ нѣмцами,
надъ евреями,
надъ всѣми:

по тверди небесъ,
отъ заревъ алой
рядъ къ ряду,
семь тысячъ цвѣтовъ засіяло,
изъ тысячи разныхъ радугъ.

По обрывкамъ народовъ,
по бандѣ разсѣянной,
эхомъ раскапилось
растерянное
«А-ахъ!»
День раскрылся такой,
что сказки Андерсена
щенками ползали у него въ ногахъ.

Теперь не вѣрится,
что могъ итти
въ сумеркахъ уличекъ темный шаря.
Сегодня
у капельной дѣвочки
на ногтѣ мизинца
солнца больше,
чѣмъ раньше на всемъ земномъ шарѣ

Большими глазами землю обводитъ
человѣкъ.
Растетъ,
главою горъ достигъ.
Такъ мальчикъ
въ новомъ костюмѣ,
— въ свободѣ своей—
важенъ,
даже смѣшонъ отъ гордости.

Какъ священники,
чтобъ помнили объ искупительной драмѣ,
выходятъ съ причастіемъ,
каждая страна
пришла къ человѣку со своими дарами
«На».

«Безмѣрной Америки силу несу тебѣ,
Мощь машинъ!»
«Неаполя теплыя ночи дарю,

Италія,
Палимый
пальмъ вѣерами маши».

«Въ холодѣ сѣвера мерзнущій,
Африки солнце тебѣ!»
«Африки солнцемъ сожженный,
тебѣ
со своими снѣгами,
съ горъ спустился Тибетъ!»

«Франція,
первая женщина міра
губъ принесла алость».
«Юношей Греція,
лучшіе тѣломъ нагимъ они».
«Чьихъ голосовъ мощь
въ пѣсни звончѣе сплеталась!?
Россія,
пѣсни тебѣ
возноситъ въ пламенномъ гимнѣ!»
«Люди,
вѣками граненную
Германія
мысль принесла».
«Вся
до нѣдръ напоенная золотомъ
Индія
дары свои принесла вамъ!»

«Славься, человѣкъ,
во вѣки вѣковъ живи и славься
всякому
живущему на землѣ
слава,
слава,
слава!»

Захлебнешься!
А тутъ и я еще.
Прохожу, осторожно.
огроменъ,
неуклюжъ.

О, какъ великолѣпенъ я
въ самой сіяющей
изъ моихъ безчисленныхъ душъ.

Мимо поздравляющихъ,
праздничныхъ мимо я
иду:
— проклятое,
да не колотись ты—
вотъ она
навстрѣчу.
«Здравствуй, любимая!».

Каждый волосъ выласкиваю,
вьющійся,
золотистый.
О, какіе вѣтры,
какого юга
свершили чудо сердцемъ погребеннымъ?
Расцвѣтаютъ глаза твои,
два луга!
Я кувыркаюсь въ нихъ,
веселый ребенокъ.

А кругомъ:
Смѣятся.
Флаги.
Стоцвѣтное.
Мимо.
Вздыбились.
Тысячи.
Насквозь.
Бѣгомъ.
Въ каждомъ юношѣ страсть Маринетти,
въ каждомъ старцѣ мудрость Гюго.

Губъ не хватитъ улыбкѣ столицей,
все
изъ квартиръ
на площади
вонъ!
Серебряными мячами
отъ столицы къ столицѣ

раскинемъ веселіе,
смѣхъ,
звонъ!

Не поймешь
это воздухъ,
цвѣтокъ ли,
птица ль!
И поетъ,
и благоухаетъ,
и пестрое сразу,
но отъ этого
костромъ разгораются лица,
и сладчайшимъ виномъ пьянѣетъ разумъ.

И не только люди
радость личью
расцвѣтили,
звѣри франтовато завили руно,
вчера бушевавшія
моря,
мурлыча
легли у ногъ.

Не повѣришь,
что плыли
огонь изрыгавъ они.
Въ трюмахъ
навѣкъ забывшихъ о порохѣ
броненосцы
провозятъ въ тихія гавани
всякаго вздора яркіе ворохи.

Кому же страшны пушекъ шайки
эти,
кроткія,
ревутъ
они?
Передъ домомъ,
на лужайкѣ,
мирно щиплютъ траву.

Смотрите,
не шутка,

не смѣхъ сатиры
средь бѣла дня,
тихо,
по парно,
цари задиры
гуляютъ подъ присмотромъ нянь.
Земля
откуда любовь такая намъ?
Представь —
тамъ
подъ деревомъ
видѣли
съ Каиномъ
играющаго въ шашки Христа.

Не видишь,
прищурилась, ищешь?
Глазенки щелки двѣ
открой ихъ!?
смотри,
мои глазища
всѣмъ открытая собора дверь.
Люди,
враги,
любимыя,
нелюбимыя,
знакомыя,
незнакомыя
широкимъ шествіемъ излейтесь въ двери тѣ.
И онъ
свободный,
ору о комъ я,
человѣкъ
придетъ онъ,
вѣрьте мнѣ,
вѣрьте!

Влад. Маяковскій.

ПЕТЕРЪ-ПАУЛЬ РУБЕНСЪ[1].

Изслѣдованіе Эмиля Верхарна.

Трактуя историческіе сюжеты, Рубенсъ вплетаетъ въ нихъ величіе боговъ и богинь. Въ обычаѣ его времени было обращаться къ миѳологіи, чтобы, черезъ вмѣшательство силъ высшихъ, нежели человѣческія, придать больше величія торжественнымъ событіямъ изъ жизни королей и королевъ. Юпитеръ, Юнона, Меркурій, Аполлонъ—все еще властвуютъ въ искусствѣ, т. е. въ вымыслахъ, послѣ того какъ Христосъ, изгнавъ ихъ изъ реальнаго бытія, царствуетъ и правитъ въ жизни. Такое міровоззрѣніе проявляется въ «Исторіи Деція» въ Вѣнскомъ музеѣ, въ эскизахъ плафона, прославляющихъ дѣянія Іакова I, въ Уайтхаллѣ, въ серіи великолѣпныхъ картинъ, посвященныхъ правленію Маріи Медичи, въ Парижѣ.

Одно изъ полотенъ этой послѣдней серіи называется «Олимпъ» и это названіе можетъ быть примѣнено ко всей работѣ. Картины, разставленныя вокругъ всего большого зала, царятъ въ немъ, какъ боги. Торжественность искусства справляетъ здѣсь свой праздникъ, и, стоя здѣсь, думаешь, что присутствуешь при учрежденіи какого-то новаго культа,—великолѣпія. Не такъ давно, во дни зарождавшагося вагнеризма, паломники въ Байрейтъ испытывали такой же религіозный восторгъ, когда въ избранномъ театрѣ передъ ними гремѣла и сверкала музыкальная драма. Мнѣ кажется, что открылось другое, столь-же прекрасное и столь-же великое мѣсто съ той поры, какъ Лувръ, оказывая честь самому себѣ, установилъ, въ своихъ залахъ какъ подобало, чудесное собраніе полотенъ Рубенса, написанныхъ для французской королевы.

Этотъ заказъ былъ сдѣланъ художнику въ 1621 году. Рубенсу было тогда уже 44 года. Клодъ де Можи, аббатъ церкви св. Амброзія и казначей королевы, по рекомендаціи де Вика, министра испанской Фландріи, указалъ на Рубенса, какъ на единственнаго художника, способнаго достойнымъ образомъ украсить стѣны двухъ новыхъ галлерей, только что построенныхъ въ Люксембургскомъ дворцѣ. Раньше Рубенсъ никогда не бы-

---

[1] См. «Лѣтопись», Январь, 1917 г.

валъ въ Парижѣ. Тотчасъ же пришли къ соглашенію относительно сюжета четырехъ картинъ для первой галлереи, которую Марія Медичи намѣрена была посвятить себѣ; другая галлерея была намѣчена для прославленія Генриха IV. Рядъ этихъ послѣднихъ картинъ навсегда остался только въ проектѣ.

Работы Рубенса при дворѣ состояли въ томъ, что онъ сдѣлалъ цѣлый рядъ эскизовъ съ натуры. Прибывъ въ Парижъ 11 января 1622 г., онъ возвращается въ Антверпенъ 4-го мая. 10-го мая общій планъ установленъ. 1 -го августа королева одобряетъ проектъ.

24-го мая 1623 года Рубенсъ вновь пріѣзжаетъ въ Парижъ съ девятью полотнами. Марія Медичи ѣдетъ изъ Фонтенбло, осматриваетъ картины, восхищается ими, оставляетъ ихъ за собой и заказываетъ Рубенсу еще девять къ февралю 1625 г. Къ назначенному сроку художникъ опять въ Парижѣ, со своимъ ученикомъ Юстусомъ ванъ Эгмонтомъ; онъ хочетъ здѣсь закончить картину коронованія, въ которой, на видныхъ мѣстахъ, выступаетъ рядъ придворныхъ изъ свиты Маріи Медичи. Торжественное открытіе всей серіи картинъ совершается 8 мая; 12 іюня Рубенсъ со своимъ ученикомъ уже въ Антверпенѣ.

Рѣдко случалось доводить произведеніе искусства съ такой нетерпѣливой стремительностью, съ такой счастливой легкостью до благопріятнаго конца. Сколько совершенно новаго въ распредѣленіи матеріала, сколько неожиданнаго и оригинальнаго въ композиціи отдѣльныхъ картинъ, какая смѣлость въ стилѣ и въ сочетаніи фигуръ. Остались далеко въ сторонѣ сухо симметрическія композиціи, которымъ еще подчинялись великіе итальянцы, особенно Леонардо да Винчи и Рафаэль. Рубенсъ почти не употребляетъ расположеній параллельныхъ, въ формѣ пирамидъ, въ видѣ группъ, уравновѣшивающихъ другъ друга. Эти старинные пріемы замѣнены мудрой свободой композиціи. Въ «Прибытіи Маріи Медичи» и въ «Бракосочетаніи Генриха IV» (французскій король, одѣтый Юпитеромъ, вѣнчается съ флорентійской Юноной)—діагональная линія, образованная, на первой картинѣ, корабельными мостками, а на второй—пустымъ пространствомъ, оставленнымъ между дѣйствующими лицами, раздѣляетъ, противъ всѣхъ правилъ, изображаемую сцену на двѣ части, не производя, однако, никакого непріятнаго впечатлѣнія. Центръ картинъ, вмѣсто того, чтобы быть заполненнымъ болѣе всѣхъ другихъ частей, остается пустымъ на полотнѣ, изображающемъ Генриха IV, поручающаго управленіе королевѣ. На полотнѣ, гдѣ Генрихъ IV принимаетъ портретъ Маріи Медичи, основная линія контура извивается на подобіе буквы S; въ «Заключеніи Мира» храмъ помѣщенъ на лѣвой сторонѣ полотна, и вся композиція, благодаря огромному пустому пространству справа, производитъ впечатлѣніе ассиметріи. На

огромномъ и великолѣпномъ полотнѣ, посвященномъ «Коронованію Королевы», исключительное мѣсто, отведенное фигурѣ кардинала, на правой сторонѣ, могло бы нарушить все равновѣсіе композиціи, но художникъ сохраняетъ его какимъ-то чудомъ смѣлости. О чудесное торжество! Какъ оно полно жизни и пышно! Какъ оно развивается съ полнотой и величьемъ. Какимъ сухимъ, холоднымъ и ограниченнымъ кажется рядомъ «Священное Коронованіе Наполеона» работы Давида! Красная толпа кардиналовъ, которую врядъ ли осмѣлился задумать и поставить на самомъ первомъ мѣстѣ другой художникъ, оттѣняетъ у Рубенса своимъ яркимъ контрастомъ всю гамму сѣрыхъ, бѣлыхъ и серебристыхъ тоновъ королевскаго кортежа. Какой легкій и спокойный свѣтъ. Какъ вырисовывается лицо юной принцессы, на половину освѣщенное, на половину въ тѣни; оно само по себѣ уже чудо изящества и чисто французской утонченности въ духѣ Клуэ.

Одни полотна кажутся апоѳеозами свѣта и лучей; другія поражаютъ массивностью и пышностью; третьи, наконецъ, съ грудами цвѣтовъ, съ сонмомъ крѣпкихъ и розовыхъ тѣлъ, пламенныя по колориту, становятся въ рядъ съ тѣми богатыми и многоцвѣтными natures mortes, которыя такъ любили писать виртуозы фламандской кисти.

Есть у Рубенса картины на сюжеты прямо миѳологическіе и легендарные, и тамъ полнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, вскрывается сущность языческой души художника. Уже въ «Похищеніи дочерей Левкиппа» поражаетъ любовь Рубенса къ свободной и мятежной жизни и къ непосредственнымъ порывамъ. Группа, середину которой занимаетъ яркое пятно свѣтлаго золотистаго тѣла и широкій размахъ, какъ рукъ жертвы, такъ головы и ногъ коня, великолѣпно воспроизводитъ сцену похищенія и вполнѣ воплощаетъ страсть и чувственность. Но сила языческой вѣры проявляется еще опредѣленнѣе въ «пріапеяхъ» Рубенса, особенно въ его «Шествіяхъ Силена», въ Берлинскомъ и Мюнхенскомъ музеяхъ. Здѣсь мощь и неистовство Рубенса проявляются, какъ стремительное теченіе водъ, какъ безумная скачка по полямъ плоти. Толстаго и крѣпкаго Силена, вздутаго виномъ и сумракомъ, приподняли съ земли, и его, какъ бы чрезъ всю вселенную, несетъ хороводъ козлоногихъ и менадъ, изъ которыхъ одни играютъ на флейтѣ, другіе обнимаются, протягивая кубки. Эта чудовищная чувственная вереница бьетъ по землѣ неровными шагами, тогда какъ грубо животная пьяная вакханка, упавъ на землю, не замѣчаетъ, что къ ея обнаженнымъ грудямъ присосались маленькіе сатиры. Вѣкъ Пана, этотъ баснословный, безмѣрный, живущій инстинктами, необузданный вѣкъ бытія, воскресаетъ, во всей своей полнотѣ, въ этой чудовищной поэмѣ. Рубенсъ опрокидываетъ всѣ преграды сдер-

жанности и стыда, вырастаетъ передъ нами въ трагическомъ необъятномъ величіи; это—какая-то стихійная сила природы, художникъ—по ту сторону добра и зла, и онъ слишкомъ великъ, чтобы видѣть въ его творчествѣ цинизмъ. Ради этихъ видѣній, запечатлѣнныхъ на полотнѣ, мы ставимъ Рубенса, не отличающагося ни силой, ни величіемъ своихъ идей, ни строгостью и опредѣленностью своей философіи, въ ряды величайшихъ художниковъ, изслѣдовавшихъ глубины человѣческой души и принесшихъ людямъ вѣчное откровеніе.

Впрочемъ, эта грубость и эти порывы пламенной страсти только временно овладѣваютъ Рубенсомъ. Рядомъ съ буйной плотью онъ любитъ прекрасное и блистательное тѣло, хотя и изображаетъ его всегда нѣсколько жирнымъ. Въ галлереѣ Медичисовъ безсчетное число сиренъ и богинь. Рубенсъ пишетъ ихъ, чтобы усладить внимательные глаза изящными и очаровательными формами. Въ «Воспитаніи Королевы» группа трехъ Грацій воплощаетъ въ себѣ плѣнительнное очарованье дѣвственности. Но особенно замѣчательны «Три Граціи» въ Мадридскомъ музеѣ. Здѣсь искусство живописать достигаетъ предѣльнаго чуда. Съ большей любовью, чѣмъ гдѣ бы то ни было еще, Рубенсъ выписываетъ линіи спины и плечъ, гибкость членовъ и дивный лучезарный тонъ тѣла, облитаго солнцемъ. Вообразите себѣ самую яркую позолоченность красокъ, самые пламенные и насквозь пронизанные свѣтомъ мазки кисти! Тѣни зыблются вокругъ тѣлъ, медлятъ надъ ними, но никогда не подавляютъ ихъ своей тяжестью. Это—ласки сумрака сосредоточенному свѣту.

* * *

Въ 1630 году Рубенсъ, вдовѣвшій уже четыре года, женится на своей племянницѣ, Еленѣ Фурманъ. Она была дочерью одной изъ сестеръ Изабеллы Брандтъ. Въ своей новой женѣ, Рубенсъ обрѣталъ вновь тѣло своей первой жены, только помолодѣвшее и еще болѣе прекрасное. У Изабеллы Брандтъ были темные волосы, у Елены Фурманъ свѣтлые. Въ «Прогулкѣ въ саду» мы видимъ Елену съ ея мужемъ, въ сопровожденіи его сына. Она плѣняетъ юностью, простотой и свѣжестью. Вѣрится, что эта деревенская красота, напоминающая масло, плоды и молоко, отдаетъ себя не тому, уже старому, человѣку, который идетъ рядомъ съ нею, но той славѣ, которую онъ воплощаетъ предъ взорами всѣхъ. Елену представляешь себѣ привѣтливой, покорной, добродушной. Своимъ пышнымъ и лучезарнымъ здоровьемъ она гордится не болѣе, чѣмъ гордятся своей яркостью растенія, цвѣты и плоды. Она дала свое согласіе, она отдалась, она безхитростно, всегда останется вѣрной. Рубенсъ какъ бы оживетъ черезъ нее. Пятидесяти трехъ лѣтъ отъ роду онъ позаимствуетъ у нея ея молодость и какъ бы забудетъ о своемъ возрастѣ. Съ-

какимъ-то весельемъ художникъ весь обновится. Его творчество преобразится въ послѣдній разъ, чтобы достичь своего высшаго выраженія.

Принято считать Рубенса эпикомъ и лирикомъ, но вовсе не психологомъ, съ любовью испытующимъ человѣческое лицо и побѣдно запечатлѣвающимъ его на полотнѣ. Хотя Рубенсъ постоянно работалъ въ этомъ направленіи, достиженіе цѣли критика приписываетъ Ванъ Дэйку. Однако, можетъ быть, больше чѣмъ Ванъ Дэйкъ, понималъ человѣка Рубенсъ. Онъ управлялъ людьми, онъ ихъ разгадывалъ, онъ очаровывалъ ихъ. Его удачныя выступленія на общественномъ поприщѣ и его успѣхи, какъ посла, доказываютъ это. Умѣя изучать и понимать характеры, почему не могъ Рубенсъ перевести ихъ на языкъ красокъ или какъ бы проектировать ихъ въ навсегда запечатлѣнномъ лицѣ? Кисть Рубенса подчинялась не только самымъ легкимъ движеніямъ его руки, но также и самымъ тонкимъ изгибамъ его мысли.

Изумительны всѣ портреты, которые Рубенсъ чудесно создалъ во славу своей юной спутницы. Никогда еще губы, лобъ, подбородокъ, уши, щеки, взгляды не передавали совершеннѣй душу пламеннаго, веселаго, чувственнаго и счастливаго созданія. Портретъ Елены Фурманъ, извѣстный подъ названіемъ «Женщина въ шубѣ», несомнѣнно великолѣпный кусокъ трепещущаго и сіяющаго тѣла.

Всѣ мельчайшія подробности дѣйствительности, внимательнѣйшимъ образомъ отмѣченныя (видны даже слѣды отъ подвязокъ около колѣнъ), дѣлаютъ изъ этой картины истинный портретъ тѣла, но какъ много въ этомъ юномъ торжествующемъ лицѣ отражается жизни, свѣта, стыдливости, смѣшанной съ безстыдствомъ, страха и радости, любви и покорности!—Луврскій эскизъ представляетъ ту же Елену Фурманъ въ одѣтомъ видѣ, съ ребенкомъ на рукахъ. Дѣвушка стала матерью. Кажется, никогда Рубенсъ съ большимъ наслажденіемъ не писалъ человѣческаго образа. Художникъ словно гордится, что можетъ всѣмъ показать неисчерпаемое плодородіе, благославляющее и его, и его семью, и его искусство. Это произведеніе кажется, по истину, столь же пылкимъ, какъ созданія юности Рубенса: оно легко, прекрасно, исполнено порыва. Каждый взмахъ провѣрной и какъ бы нетерпѣливой кисти поражаетъ изумительной увѣренностью. Платье, шляпа, безумно легкое перо, все извивается мягкими свободными линіями. Такой набросокъ прекраснѣе законченнаго созданія. Все неподражаемое умѣніе художника сказалось здѣсь, и, кажется, ничто изъ сдѣланнаго имъ не перешло столь же легко и удачно изъ плана жизни въ планъ искусства.

Въ мужскихъ портретахъ Рубенса, его творчество стано-

вится болѣе спокойнымъ и мудрымъ. Оставляя въ сторонѣ «Левантійца» (Кассельскій музей), который выпукло выдѣляется своей живописной позой, также какъ рослый волхвъ въ Антверпенскомъ «Поклоненіи», портреты Ванъ Тульдена (Мюнхенская Пинакотека) и неизвѣстнаго (галлерея Лихтенштейна) даютъ намъ понятіе объ изумительной прозорливости художника. Послѣдній изъ этихъ двухъ изображеній истинный шедевръ. Человѣкъ, стоя, сжимаетъ одной рукой деревянный шарикъ стула, а другую уронилъ вдоль тѣла; въ изгибѣ рта, несмотря на бороду, угадывается сильная воля, взглядъ ясный, искренній, прямой; лобъ высокій, широкій и открытый, носъ перерѣзанъ двумя выступающими складками. Портретъ невольно останавливаетъ самое разсѣянное вниманіе, и этотъ человѣкъ является для насъ типомъ непреодолимаго, но искренняго и чудеснаго упорства. Такой неодолимой убѣдительности нѣтъ ни въ портретѣ барона де Вика, въ Луврѣ, ни въ портретѣ герцога Альбрехта, въ Брюссельскомъ музеѣ. Зато какой превосходный самоанализъ видимъ мы въ «Автопортретѣ» Вѣнскаго музея!

Совершенно, какъ Рембрандтъ, Рубенсъ охотно повторялъ свое собственное изображеніе: оно появляется на цѣломъ рядѣ картинъ, то въ рыцарскомъ одѣяніи, то въ простонародной одеждѣ. На автопортретѣ, въ Уффиціяхъ, Рубенсъ изобразилъ себя на черномъ фонѣ, съ тонкимъ лицомъ, съ ясными и правдивыми глазами, съ гордой осанкой, какъ бы знатнаго человѣка. Путь жизни еще передъ нимъ, и этотъ путь усыпанъ цвѣтами. Въ вѣнскомъ автопортретѣ Рубенсъ видитъ жизнь не передъ собой, а позади себя. Мускулы его ослабли, глаза какъ бы поблекли, вѣки отяжелѣли, волосы еще вьются, но лобъ уже сталъ болѣе открытымъ. Все такая же еще фетровая шляпа на головѣ, и прекрасная, мужественная рука художника еще опирается на шпагу. Постарѣвшее лицо выражаетъ не разочарованіе, но только сожалѣніе о миновавшей жизни. Осанка еще красива, но въ ней чувствуется скорѣе привычка, чѣмъ намѣренно найденная поза. Никогда Рубенсъ, какъ то часто дѣлалъ Рембрандтъ, не изображалъ себя въ одеждѣ художника, въ поношенномъ костюмѣ и со спутанными волосами. Въ немъ нѣтъ той эпической непринужденности, которая не боится ни грубости, ни безобразія. Рубенсъ почти всегда остается бариномъ, Рембрандтъ заботится о томъ, чтобы всегда остаться человѣкомъ.

* * *

Изъ міра природы Рубенсъ не пренебрегъ ничѣмъ, что только могли ему дать свѣтъ, почва, вода, зелень и вѣтеръ. Рубенсъ пишетъ идилліи, сцены охоты, сцены изъ жизни на фермѣ и полевыхъ работъ, поля, долины, деревенскіе сады, дворцовые парки .Также пишетъ Рубенсъ громадныя поваленныя деревья,

трагическаго вида, вырванныя съ корнемъ, распиленные обрубки, съ отрѣзанными вѣтками, толстые стволы, на которыхъ собаки, взобравшись одна выше другой, ведутъ борьбу съ затравленнымъ кабаномъ («Охота» Дрезденскаго музея). Затѣмъ черезъ луга и поля проводитъ Рубенсъ проселочныя дороги, по которымъ тянутся экипажи и стада, и идутъ старухи-крестьянки, таща корзины съ яйцами, или мельники, нагрузившіе своихъ ословъ двойной ношей,—мѣшками съ зерномъ, висящими слѣва и справа («Лѣто» въ Уиндзорской галлереѣ). Затѣмъ еще—четы влюбленныхъ пастуховъ и пастушекъ, обнимающихся на краю рвовъ или на зеленыхъ пригоркахъ, между тѣмъ, какъ вокругъ нихъ пасутся группы тяжелыхъ, увѣсистыхъ коровъ, испещренныхъ пятнами пепла или чернилъ («Пейзажъ» Мюнхенской Пенакотеки). И еще, наконецъ, блестящій неистовый «Турниръ» (Лувръ), одна изъ самыхъ богатыхъ страницъ у Рубенса по колориту и по пламеннымъ линіямъ, гдѣ полно передано все безуміе вооруженной борьбы, съ ея молніеносными движеніями.

Рубенсъ, повидимому, отдыхалъ отъ своихъ большихъ работъ на этихъ пейзажахъ, то мирныхъ, то грозныхъ, которые надо признать созданіями «по пути». Но тотъ, кто внимательно изучаетъ эти пейзажи, открываетъ истинныя сокровища искусства, затаенныя въ нихъ. Становится ясно, что констэблю довольно было щедрой рукой черпать изъ этихъ созданій мастера, чтобы предстать какъ бы новаторомъ и дать цѣлое откровеніе вѣрнаго пониманія природы поколѣнію англійскихъ художниковъ начала XIX вѣка.

* * *

Изъ числа жанровыхъ картинъ, Луврскій «Кермессъ» долженъ считаться самымъ знаменитымъ и самымъ характернымъ произведеніемъ Рубенса; ибо, какъ истинный художникъ сѣвера, онъ не могъ не увлекаться изображеніемъ мѣстныхъ обычаевъ, внутренней обстановки дома, повседневной и интимной жизни. Сила и порывъ творчества были, конечно, у Рубенса слишкомъ пламенны, чтобы онъ могъ понять и изобразить эту жизнь спокойно и не торопливо, какъ это дѣлалъ Тенирсъ. Въ воображеніи Рубенса, она неизбѣжно становилась неистовой и чувственной, подобно тому, какъ раньше чувственнымъ и даже безстыднымъ являлось его воображенію «Шествіе Силена». Въ «Кермессѣ» господствуетъ все тотъ же принципъ чудовищной радости. Кажется, будто современный хороводъ—увальней парней и крестьянскихъ неуклюжихъ дѣвокъ, обнимающихся и явно проявляющихъ свое опьяненіе,—пляшетъ и проходитъ изъ села въ село, подобно тому, какъ античныя менады и козлоногіе блуждали по міру. Въ этихъ двухъ картинахъ грубость, без-

стыдство и цинизмъ не чувствуются за той эпической сил[ой] страстнаго пыла молодости и добродушія, равнять съ которо[й] во всемъ міровомъ искусствѣ, можно только шекспировск[ій] образъ Фальстафа. Всѣ пороки: обжорство, пьянство, сладо[-] страстіе здѣсь проявлены и воспѣты, но въ такомъ гремящем[ъ] гимнѣ, что про слова забываешь и слушаешь одну чудовищну[ю] музыку. Нѣтъ ни замедленія, ни остановки, ни пониженія го[-] лоса. Эта музыка звучитъ дико, съ ударами кимваловъ, съ ры[-] чаніемъ мѣдныхъ трубъ, со взрывами барабаннаго боя, но тако[е] мастерство управляетъ бурей звуковъ, что, слушая ее, невоз[-] можно думать только о грубой разноголосицѣ ярмарочнаго оркестра. «Кермессъ» остается великолѣпной страницей жизни, смѣшанной съ безуміемъ, чудеснымъ порывомъ творчества. Безсознательная жизнь толпы, плѣнительные потоки свѣжих[ъ] и смѣлыхъ красокъ на фонѣ зеленыхъ луговъ и голубыхъ далей, изгибныя линіи пляски, самые разнообразные жесты пляшущихъ, все, такъ сказать, выписываетъ на полотнѣ буйныя predста[-] вленія, пробуждаемыя въ умѣ этимъ сельскимъ праздникомъ.

IV.

Техника Рубенса.

Разсматривая изумительное количество шедевровъ, на темы религіозныя, легендарныя, историческія, фантастическія и реали[-] стическія,—вызванныхъ изъ небытія единой рукой Рубенса, можно сравнить его съ нѣкоей верховной силой, вновь вос[-] создающей міръ и заставляющей его пребывать и жить въ пере[-] плетеніи линій и въ пестротѣ красокъ, найденныхъ впервые. Рисунокъ Рубенса не подчиненъ никакому канону, никакой формулѣ. Это не запечатлѣніе движенія въ формѣ, скорѣе— разлитіе движенія въ пространствѣ. У Рубенса рисунокъ всегда строгъ, если не всегда точенъ; онъ—не контуръ, онъ—ограни[-] ченіе. У другихъ художниковъ линія выдѣляетъ предметъ изъ общей массы вещей; у Рубенса все одновременно въ движеніи, и каждая линія сочетается съ сосѣдней, такъ что вся картина представляется безчисленными языками пламени изъ одного костра. Въ одно и то же время все и раздѣльно и слитно. Такой рисунокъ далекъ отъ того, которому учатъ въ школахъ, но его примѣняютъ всѣ истинные художники. Для нихъ природа, ко[-] торую они наблюдаютъ въ ея отношеніяхъ, въ ея цѣломъ, во взаимномъ проникновеніи ея явленій, не есть обособленная жизнь тѣхъ или другихъ ея частей.

Всемірная жизнь течетъ и кипитъ во всемъ: въ вещахъ, такъ же, какъ въ человѣкѣ, въ воздухѣ, въ пробѣгающемъ вѣтрѣ, въ подвижномъ небѣ, въ перемѣнчивомъ кругозорѣ, какъ и въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ, въ данное мгновеніе

особенно привлекающемъ вниманіе. Болѣе того: всякое остановленное движеніе—уже движеніе мертвое. Чистой неподвижности не существуетъ. Это лишь отвлеченное представленіе. Всякая статика въ своей глубинѣ динамична.

Въ концѣ концовъ, форма Рубенса до такой степени слита съ краской, что раздѣлять ихъ опасно. И именно краски почти исключительно плѣняютъ его. На коричневомъ или сѣромъ фонѣ, который можно сравнить съ основнымъ тономъ въ музыкѣ, Рубенсъ бросаетъ пятна, красныя, зеленыя, желтыя, голубыя и лиловыя, цѣлую пѣсню звуковъ высокихъ или строгихъ, то замирающимъ или звучащихъ усиленно, то живыхъ или заглушенныхъ. Онъ играетъ трудностями оркестровки; никогда не допуская ни одного диссонанса, онъ мѣняетъ регистры своего инструмента; отъ рѣзкихъ ударовъ онъ переходитъ къ плавной мелодіи, отъ свѣта къ тѣни, отъ силы къ нѣжности, отъ порыва къ спокойствію, и всегда, съ державной легкостью, удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ вкуса.

Конечно, Рубенсъ полными руками черпалъ изъ раскрытой передъ нимъ реальной жизни, но менѣе всѣхъ онъ былъ ея рабомъ. Онъ не столько ищетъ данной краски, той, которая передъ его глазами, сколько безсознательно осуществляетъ какую-то гармонію; онъ транспонируетъ. Въ чудесной картинѣ «Аталанта и Мелеагръ» передъ нами симфонія краснаго съ зеленымъ. Громадныя купы деревьевъ, согнутыхъ, всклокоченныхъ и развѣваемыхъ вѣтромъ, образуютъ плотную, великолѣпную декорацію для ярко-краснаго пятна охотящейся амазонки. Въ общемъ смятеніи мощно звучатъ алые тона одеждъ, колесницъ и оружія. Но, кромѣ этого цвѣта крови и убійства, разлитаго по всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ, красный или фіолетовый оттѣнокъ получили, подъ кистью художника, иные корни деревьевъ, иные пучки листвы, собачья лапа, складка почвы, тропа въ лѣсу, тысяча подробностей, которыя, у строгаго наблюдателя дѣйствительности, оказались бы или земляного тона или того же, какъ и вѣтви. Такимъ образомъ, утраивается сила звучности и жизненности въ общемъ впечатлѣніи отъ этого произведенія, выбльющагося между двумя сильными, взаимно дополняющими другъ друга тонами, представленными въ безконечномъ разнообразіи оттѣнковъ, но присутствующими во всѣхъ подробностяхъ картины.

Этотъ пріемъ, инстинктивно найденный Рубенсомъ, тѣсно сближаетъ его съ современными художниками. У него, какъ и у нихъ, все принесено въ жертву общей гармоніи. Тѣнь становится осязательной. Она окрашена и одушевлена. Это уже не та мертвая и пустая тѣнь, которой играли болонцы и даже голландцы. Достаточно изучить жизнь тѣней на картинахъ въ галлереѣ Медичисовъ. Тотчасъ поражаешься и очаровываешься, видя, какъ

онѣ легки, подвижны, утончены. Прежде чѣмъ успѣешь заинтересоваться сюжетомъ, глазъ уже плѣненъ чудеснымъ сверканіемъ картины. Не только наиболѣе яркія краски взаимно уравновѣшаны и слиты, но даже сила и рѣзкость такой краски, какъ цвѣтъ червоннаго золота, сверкающій на рогѣ изобилія, или цвѣтъ пламени, вырывающійся изъ факела, растворены въ общемъ колоритѣ. Съ точки зрѣнія исключительно-живописной, это—необъяснимое чудо. Однако, оно передъ нашими глазами въ «Коронованіи Маріи Медичи» или въ «Принцессахъ на островѣ фазановъ». Никто до Рубенса, ни Тиціанъ, ни Веронезъ, ни Тинторетто не подходили такъ близко къ нашимъ современнымъ исканіямъ и къ задачамъ нашего современнаго искусства. Если существуетъ среди старыхъ мастеровъ истинно-современный художникъ, то это несомнѣнно—Рубенсъ, и затѣмъ продолжатели его традицій,—Фрагонаръ, Буше, Ватто, позже—Делакруа и Ренуаръ.

Эскизы Рубенса доказываютъ это еще болѣе, чѣмъ его картины. Тогда какъ въ большихъ композиціяхъ художника вниманіе поражено почти исключительно мощностью цѣлаго, въ набросках мы находимъ тысячу утонченныхъ подробностей. Нѣжность розоваго цвѣта, легкость лиловаго и изысканность фіолетоваго подготовляютъ насъ или, лучше сказать, намекаютъ намъ на болѣе яркія окончательныя гармоніи. На эскизахъ ихъ можно подсмотрѣть въ своего рода эпической непринужденности. Самый тонкій и самый испытанный современный глазъ едва-ли можетъ представить болѣе изумительное торжество разноцвѣтнаго свѣта. Все приведено въ согласіе, часто дерзновенное, неожиданное, все—очарованіе и утонченность. Въ импровизаціяхъ Рубенса сказывается даръ изумительный, и иногда нельзя даже не пожалѣть, что нѣкоторые наброски преобразованы въ законченныя и отдѣланныя произведенія. Никто не былъ до такой степени художникомъ по природѣ, какъ Рубенсъ.

V.

Рубенсъ и его подражатели.

Изслѣдовавъ творчество и технику Рубенса, коснувшись его жизни, размѣренно спокойной, но безпрерывно дѣятельной, можно теперь въ общихъ чертахъ намѣтить окончательное сужденіе о немъ, сказавъ, что если онъ не былъ самымъ великимъ изъ художниковъ, то, по крайней мѣрѣ, былъ самымъ изумительнымъ. Онъ вторгся въ искусство, какъ Геркулесъ вошелъ въ жизнь. Но труды греческаго полубога сочтены, работы же Рубенса безсчетны. Всегда та или другая изъ нихъ будетъ забыта: такъ обширна была его плодовитость. Самые извѣстные, точные и терпѣливые каталоги напрасно стремятся сжать и какъ бы ого-

родить плотинами его творчество, они не могутъ вмѣстить его полностью. Творчество Рубенса вездѣ выходитъ изъ береговъ. Размѣры величайшихъ усилій остаются ниже размѣровъ его творчества. Между тѣмъ, Рубенсъ работалъ только сорокъ лѣтъ. Но то, что отъ него осталось, кажется созданнымъ не однимъ человѣкомъ, а цѣлой школой.

Рубенсъ въ себѣ одномъ заключаетъ цѣлое поколѣніе. Вмѣстѣ съ Рубенсомъ работали Ванъ Дейкъ и Іордансъ. Антверпенъ славился въ то же время именами Крайера, Сегерса, Спейдерса, Фейта, Корнелиса де Воса. Все это также большіе мастера, ихъ имена окружены дивнымъ безсмертнымъ сіяніемъ.

Однако, можно спросить, чего они достигли бы въ искусствѣ если бы Рубенсъ не показалъ имъ пути къ вершинамъ. Всѣ они шли по его слѣдамъ, всѣ смотрѣли съ той же точки зрѣнія, съ какой смотрѣлъ онъ. Рубенсъ—въ глазахъ каждаго изъ нихъ, онъ въ ихъ рукахъ, въ ихъ мысляхъ. Онъ пробудилъ ихъ всѣхъ, заставилъ прогрезить свои грезы. Всѣ они пишутъ, съ легкими измѣненіями, его «Поклоненія Волхвовъ», его «Распятія», его «Снятія со Креста»; на ихъ картинахъ та же обстановка, тѣ же пейзажи, такое же распредѣленіе фигуръ, та же композиція. И это неудержимое вліяніе разливается по всему европейскому искусству, во Франціи, въ Англіи, въ Германіи. Рубенсъ, котораго не признавало строго официальное искусство и котораго отрицалъ Энгръ, прославлявшій только Рафаэля, оказалъ, однако, въ противоположномъ направленіи столь же глубокое и длительное дѣйствіе, какъ великій итальянецъ. Рубенсъ и Рафаэль это два магнита, положительный и отрицательный, и между ихъ полюсами—все наше жгуче-пламенное искусство...

Тѣ, которые видятъ въ Рубенсѣ только изумительнаго работника, забываютъ, что онъ передаетъ на своихъ полотнахъ всѣ чувства и все безуміе опьяненія и счастія. Однако, онъ все же не полно выразилъ душу человѣчества: Рубенсу недоставало опыта тяжелыхъ испытаній и скорби. Его жизнь была слишкомъ легка, слишкомъ торжествующа и слишкомъ прекрасна. Ему не довелось слышать въ своемъ сердцѣ отзвуковъ великаго набата несчастія. Рубенсъ не извѣдалъ страданій, какъ ихъ извѣдалъ великій Рембрандтъ. Рубенсъ не возвышался надъ другими, онъ только шелъ впереди.

Но, какъ ни великъ Рубенсъ, его величіе можно легко измѣрить по эстетическимъ законамъ, выясненнымъ Ипполитомъ Тэномъ. Извѣстно, что они представляютъ намъ художника, какъ результатъ той среды, въ которую онъ погруженъ, той расы, изъ которой онъ вышелъ, и того времени, въ которое онъ живетъ. Рубенсъ подчиняется всѣмъ этимъ законамъ. Его характеръ и его душу цѣликомъ можно вывести изъ такихъ данныхъ, какъ ближайшіе предки художника, его отецъ и его мать, эпоха Воз-

рожденія, особенности Фландріи. Имъ Рубенсъ обязанъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ; онъ всецѣло ихъ данникъ. Благодаря имъ, можно свести къ единству многообразныя силы его духа и связать въ цѣлое его противорѣчивыя свойства.

Художникъ, подобный Рембрандту, выходитъ за предѣлы такихъ измѣреній. Будучи человѣкомъ прежде, чѣмъ художникомъ, онъ воплощаетъ въ себѣ не только свою расу, свою среду и свой вѣкъ, но человѣка въ его вѣчномъ образѣ и время въ его безконечности. Какъ Шекспира и Бетховена, Рембрандта поочередно подавляютъ и возносятъ то безмѣрная печаль, то безмѣрная радость. Въ немъ все таинственно и всеобще. Полотна Рембрандта это—драмы, въ которыхъ все озарено до послѣдней глубины. Его дѣйствующія лица совершаютъ движенія, страстныя до крайности, которыя, однако, никогда нельзя признать ложными или чрезмѣрными. Они выражаютъ скорбь или счастіе міра, всѣ горести, всѣ радости, всѣ незабвенныя страсти. Во времена пророковъ и восточныхъ царей, въ давнія варварскія времена, въ годы современныхъ битвъ, вчера, сегодня и завтра, всегда и вездѣ, гдѣ только проявлялись или проявятся искреннее отчаяніе и искреннее веселье, люди дѣйствовали, дѣйствуютъ и будутъ дѣйствовать такъ, какъ того хотѣлъ Рембрандтъ. Благодаря ему, мы касаемся предѣльныхъ глубинъ человѣческаго сердца, которое не зависитъ ни отъ времени, ни отъ пространства, не измѣняется никогда, подчиняется, можно сказать, тѣмъ же вѣчнымъ законамъ, какъ небесныя свѣтила, и которое можно представить себѣ измѣненнымъ, только вообразивъ иную вселенную. И, чтобы выразить этотъ неизмѣнный строй чувствъ, Рембрандтъ не искалъ, подобно Рубенсу, новаго языка въ Италіи, но въ себѣ самомъ, нѣкіимъ чудомъ, нашелъ новую технику искусства, изумительную и поражающую. Цвѣта уступаютъ мѣсто свѣту, и все основывается лишь на силѣ и тонѣ. Рембрандтъ никому ничѣмъ не обязанъ. Все, можно сказать, пришло къ нему изъ тайны и изъ вѣчности. Онъ не принадлежитъ никакой отдѣльной странѣ и принадлежитъ всѣмъ.

У Рубенса не было замѣчательныхъ послѣдователей, но его учителями были изумительные мастера, имена которыхъ—Тиціанъ, Веронезъ, Тинторетто и другіе. Подобно этимъ послѣднимъ, Рубенсъ любитъ живопись, какъ своего рода чувственность ума, который наслаждается, примѣняя свои способности воспринимать, наблюдать и сочетать. Писать картины было Рубенсу необходимо для полнаго счастья. Онъ никогда не уставалъ наслаждаться своими созданіями и неутомимо умножалъ ихъ число до самыхъ своихъ послѣднихъ дней. Жесты его дѣйствующихъ лицъ—не тѣ предѣльные и единственные жесты, какъ у Рембрандта, они не подсказаны непосредственно чувствомъ. Прекраснѣйшія изъ произведеній Рубенса плѣняютъ болѣе

счастливой композиціей, нежели заключенной въ нихъ драмой. Въ нихъ больше движенія, чѣмъ жизни. Въ «Похищеніи дочерей Левкиппа» нѣтъ ни одного жеста, списаннаго съ дѣйствительности. Нѣтъ подлиннаго похищенія со стороны мужчинъ и искренняго возмущенія со стороны женщинъ. Есть только изображеніе, великолѣпно написанное. Точно также въ «Битвѣ Амазонокъ» прекрасно, конечно, передано общее смятеніе, но насъ нисколько не пронзаетъ ужасъ битвы. Глубокочеловѣчная истина, потрясающая до слезъ въ созданіяхъ Рембрандта, принесена въ жертву композиціи, впрочемъ, столь же совершенной, какъ у самыхъ великихъ итальянцевъ. Идея внѣшней красоты, которую отмѣтило своей печатью Возрожденіе, царило въ Антверпенѣ такъ же, какъ и въ Римѣ. Однако (это замѣчаніе одинаковымъ образомъ могло бы найти себѣ мѣсто въ главѣ о техникѣ), Рубенсъ, принимая идеи итальянцевъ, развиваетъ и видоизмѣняетъ ихъ согласно своимъ вкусамъ и своимъ силамъ. Его палитра богаче и роскошнѣе, чѣмъ палитра итальянцевъ, изысканности тона онъ ничего не приноситъ въ жертву, но все—мощности звука. Рубенсъ не подчиняется строгому выбору той или иной гармоніи, напротивъ, онъ заставляетъ ихъ звучать всѣ разомъ, чтобы проявить всю ихъ силу.

Нѣкоторые художники похожи то на прекрасныя озера, то на большія рѣки; Рубенсъ—только потокъ. Свое новое онъ вноситъ въ искусство, почти играя. Такъ, напримѣръ, изобрѣтаетъ онъ совершенно новыя группировки, но всѣ онѣ— исключительно легки и закругленны. Какъ подтвержденіе этому, можно привести ту фигуру пышнаго, самодовольнаго мужчины, которую Рубенсъ вставляетъ въ самую середину нѣкоторыхъ своихъ полотенъ. Рубенсъ является создателемъ такихъ типовъ, какъ «Левантіецъ» Кассельскаго музея, какъ воинъ изъ «Томириды, получающей голову Кира», какъ черный волхвъ изъ «Поклоненія Волхвовъ» Антверпенскаго музея.

Помимо того изобрѣтаетъ Рубенсъ легкія и совершенно новыя композиціи. Пользуясь уже извѣстными сочетаніями, которыя примѣнялись раньше итальянцами, располагая фигуры то по формѣ треугольника, то въ видѣ барельефа, то одну надъ другой,—Рубенсъ впервые испробовалъ композицію по кругу. Въ этомъ Рубенсъ добился полнаго успѣха лишь послѣ долгихъ исканій. Наконецъ, съ увѣренностью и совершенствомъ примѣненъ Рубенсомъ этотъ методъ въ картинѣ «Богоматерь, сидящая на тронѣ» или по другому названію «Мистическое бракосочетаніе св. Екатерины». Вещь эта находится въ монастырѣ св. Августина, въ Антверпенѣ; эскизъ къ ней сохранился во Франкфуртѣ. Богоматерь, съ Младенцемъ на рукахъ, высится надъ всѣмъ. Она—какъ бы верхнее кольцо, на которомъ виситъ кругъ или укрѣплена медаль. Овалъ медали образованъ

цѣлымъ рядомъ фигуръ: сначала—два ангелочка, ведущія овечку, далѣе монахъ, потомъ священникъ, потомъ епископъ, потомъ обнаженный юноша, потомъ воинъ, потомъ двѣ женщины, потомъ ангелъ и, наконецъ, св. Екатерина на колѣняхъ. Можно сказать, что все полотно заполнено гирляндой лицъ. Никто другой изъ художниковъ до Рубенса не пользовался такой композиціей.

VI.

Смерть Рубенса.

Жизнь послала Рубенсу испытаніе только въ часъ смерти. На него обрушивается болѣзнь; тѣлесныя страданія заставляютъ его кричать. Приступы подагры слѣдуютъ одинъ за другимъ. Старость удручаетъ его тысячами золъ и бросаетъ его изъ бѣдствія въ бѣдствіе. Наконецъ, 29 мая 1640 г. страданія дѣлаются до такой степени жгучими, что все тѣло Рубенса становится одной пылающей раной, и на другой день, при новомъ приступѣ мучительной пытки, онъ умираетъ. Подумайте, какимъ прощальнымъ взоромъ смотрѣли на дневной свѣтъ глаза такого жизнерадостнаго человѣка!

27 мая Рубенсъ составилъ свое завѣщаніе. Если одинъ изъ сыновей станетъ художникомъ, онъ долженъ получить всѣ рисунки отца. Еленѣ Фурманъ завѣщана прекрасная, но совершенно интимная картина: «Женщина въ шубѣ». Рубенсъ совѣтуетъ, между прочимъ, обратиться за содѣйствіемъ, при продажѣ его картинъ, къ Франку Снейдерсу, Яну Вильденсу и Якову Моеремансу. Кромѣ того, Рубенсъ оставилъ девятнадцать полотенъ Тиціана, семнадцать—Тинторетто, семь—Веронеза, а также полотна Рафаэля, Рибейры, Ванъ Эйка, Гольбейна, Луки Лейденскаго, Квэнтина Метсиса, Броуэра и Брегейля старшаго. Эти картины составляли какъ бы библіотеку Рубенса, онѣ знакомятъ насъ, если можно такъ сказать, съ характеромъ его чтенія и его вкусовъ. Чтобы еще болѣе уяснить эти вкусы, важно добавить, что у Рубенса было тридцать двѣ сдѣланныхъ имъ самимъ копій съ картинъ Тиціана.

За покрытіемъ всѣхъ расходовъ, распродажа картинъ, состоявшаяся въ мартѣ 1642 года, дала 700.000 флориновъ. Въ числѣ покупателей находились банкиръ Ябахъ, представитель испанскаго короля, уполномоченные императора германскаго, короля Баварскаго и короля польскаго. Сама Елена Фурманъ и двое сыновей Рубенса и Изабеллы Брандтъ также пріобрѣли нѣсколько полотенъ. Продажа происходила въ «Souci d'or».

Похороны состоялись 2 іюня. На нихъ присутствовала огромная толпа народа. Но сознавалъ ли городъ, кого онъ лишался? Высшій его представитель предъ столѣтіями въ послѣд-

ній разъ появлялся на его улицахъ. Отнынѣ антверпенская земля стала хранить въ себѣ прахъ Рубенса. Черезъ то сдѣлалась она еще болѣе славной и священной.

Въ записяхъ церкви прихода св. Якова читаемъ: «2 іюня совершена заупокойная служба по мистерѣ Петерѣ-Паулѣ Рубенсѣ, похороненномъ въ склепѣ мейстера Фурмана и умершаго за три дня передъ тѣмъ. Обѣ семьи вмѣстѣ участвовали въ расходахъ по погребенію, и сборъ далъ 9 гро, 10 су. Въ похоронной процессіи участвовало шестьдесятъ факеловъ, украшенныхъ крестами изъ краснаго атласа, и музыка изъ собора Богоматери. Передъ обѣдней было пропѣто «Miserere», затѣмъ «Dies irae» и другіе псалмы. У тѣла стояло шесть свѣчъ. Расходы по похоронамъ, предположенные сначала въ размѣрѣ 6 ливровъ, дошли до 69 гро, 3 су, что и было уплачено. Весь причтъ церкви Іакова, въ сопровожденіи всего капитула, слѣдовалъ за останками Рубенса. Монашескіе ордена окружали его гробъ. Шестьдесятъ сиротъ несли факелы. За родственниками шелъ цехъ живописцевъ, городскія власти, знать и члены правительства. Похороны во всѣхъ отношеніяхъ были почетными и торжественными».

Теперь тотъ предѣлъ за клиросомъ, гдѣ покоится прахъ Рубенса, украшенъ одной изъ его лучшихъ картинъ. На гробовой плитѣ читается латинская надпись, составленная въ XVIII вѣкѣ Гаспаромъ Гевартсомъ. Она пышна, и только. Къ счастію, господствующая надъ ней картина громко говоритъ изгибами своихъ линій и озаряетъ яркостью своихъ красокъ нетлѣнную славу чудеснѣйшаго изъ всѣхъ, жившихъ когда-либо, художниковъ Фландріи.

Съ рукописи перевела

І. Брюсова.

ДРАКОНЪ.*

Serpens nisi serpentem comederit non fit Draco.

«Нашъ цивилизованный міръ—великій маскарадъ. Есть тамъ рыцари, духовныя лица, воины, доктора, философы, адвокаты—и кого только нѣтъ еще. Но все это лишь маски, за которыми въ большинствѣ случаевъ скрываются спекулянты. Одинъ надѣваетъ личину права, чтобы удобнѣе ограбить сосѣда; другой для той же цѣли пользуется маской патріотизма или общественнаго блага, третій—костюмомъ религіи. Знай-же, что на маскарадѣ этомъ яблоки сдѣланы изъ воска, цвѣты—изъ шелка, рыбы—изъ картона, и все, все тамъ прахъ и комедія. Вотъ двое людей такъ серьезно бесѣдуютъ другъ съ другомъ. Знай-же,—одинъ изъ нихъ продаетъ гнилой товаръ, а другой платитъ фальшивой монетой».

Шопенгауеръ.

Ein, zwei, Polizei,
Drei, vier, Officier...

Изъ нѣмецкой начальной хрестоматіи.

Химикъ. Знаю заранѣе, что мы съ вами ни въ чемъ не сойдемся, а всего менѣе въ вопросахъ политики. Но химія меня утомила, я радъ освѣжиться хотя бы безплоднымъ споромъ.

Писатель. А, вы идете изъ лабораторіи?

Химикъ. Да, я былъ занятъ со своими ассистентами работой на государственную оборону. Дѣлаемъ, что можемъ.

Писатель. Вы ведете изслѣдованія по Handbuch'амъ и Lehrbuch'амъ Химическія вещества берлинскаго завода Кальбаума вы взвѣшиваете на геттингенскихъ вѣсахъ Сарторіуса,

---

* Настоящій діалогъ написанъ, какъ легко замѣтитъ читатель, весьма давно. Представляя его въ до-революціонную цензуру, авторъ по необходимости многое выпустилъ, указавъ на пропуски рядомъ точекъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Статья была однако зачеркнута цензоромъ цѣликомъ. Нѣкоторые изъ пропущенныхъ отрывковъ не могли быть вставлены въ настоящее время; діалогъ печатается почти безъ измѣненій. Дабы цензурные пропуски не были истолкованы превратно, авторъ считаетъ нужнымъ подчеркнуть, что мысли, высказываемыя писателемъ, совершенно чужды идеологіи пораженчества, къ которой авторъ относился отрицательно и до историческихъ дней февраля.

растворяете въ Эрленмейеровскихъ колбахъ, нагрѣваете на Бунзеновской горѣлкѣ, титруете изъ іенскихъ бюретокъ, осаждаете на лейпцигскихъ фильтрахъ, разсматриваете въ Цейссовскій микроскопъ и сжигаете въ Либиховской печи. Въ минуты отдыха вы съ ассистентами ругаете нѣмецкую культуру.

Химикъ. Надѣюсь, вы не собираетесь выступить въ роли защитника «нѣмецкой культуры»?

Писатель. Успокойтесь, не собираюсь. Какъ и вы, какъ и всѣ, я заключаю слова «нѣмецкая культура» въ самыя уничтожающія кавычки и подписываюсь подъ любой тирадой противъ Германіи съ какимъ угодно числомъ восклицательныхъ знаковъ, благо за время войны знаки препинанія вытѣснили изъ полемическаго обихода аргументы почти такъ же легко, какъ бумажныя деньги замѣнили золотую монету.

Химикъ. Знаю, что вы рады при случаѣ пустить наудачу во всѣ стороны нѣсколько «коварныхъ инсинуацій» (вотъ вамъ еще кавычки). Вы можете сказать о себѣ, какъ Бейль: mon métier est de semer des doutes. Но въ нынѣшнее время сомнѣваться—самое неподходящее ремесло. Подумайте объ этомъ, старый дилетантъ и скептикъ.

Писатель. Ругательства ваши не оскорбительны. Слово дилетантъ выдумано малоспособными людьми. А скептикъ... Въ день окончанія войны вся Европа будетъ состоять изъ скептиковъ. Когда видишь, что сотни милліоновъ людей, живущихъ по одну сторону границы, единодушно уличаютъ во лжи сотни милліоновъ людей, живущихъ по другую сторону, невольно беретъ сомнѣніе: существуютъ ли дѣйствительно общеобязательныя истины или даже здравыя нормы человѣческаго разсудка. Изъ двухъ враждующихъ сторонъ, по крайней мѣрѣ, одна лжетъ, если не обѣ....... Тотъ «интересъ», который, говорятъ, правитъ міромъ, толкуется въ двадцатомъ столѣтіи почти столь-же грубо и безсмысленно, какъ пять тысячъ лѣтъ тому назадъ. Но отчего передовые мыслители такъ боятся признать эту неоспоримую истину и упорно желаютъ вдвинуть вопросъ въ рамку нѣсколько фантастическаго свойства, — вотъ загадка, надъ которой, впрочемъ, было бы напрасно ломать себѣ голову. «Въ философіи удивленіе—признакъ ума»,—говоритъ старинный мыслитель. Въ политикѣ удивленіе скорѣе признакъ глупости. Поэтому утѣшительно хоть то, что вызывать его становится господамъ политикамъ изъ года въ годъ все труднѣе. Въ срединѣ прошлаго вѣка австрійскій государственный дѣятель еще могъ, напримѣръ, «удивить міръ своей неблагодарностью». Теперь, согласитесь, этимъ удивить весьма мудрено.

Химикъ. Поѣзжайте въ Германію и выскажите свои

скорбныя мысли тѣмъ, на кого падаетъ отвѣтственность за нынѣшнюю бойню.

Писатель. Отвѣтственность? «Предъ небомъ и исторіей», не такъ-ли? Повѣрьте, на судѣ исторіи особенно виновными будутъ побѣжденные. Побѣдителей порою судятъ, но всегда чрезвычайно снисходительно.

Химикъ. Пріятно слышать: вѣдь въ концѣ концовъ мы побѣдимъ.

Писатель. Главный побѣдитель въ европейской войнѣ уже извѣстенъ: это Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Извѣстенъ и главный побѣжденный: человѣческій разумъ. Но, возвращаясь къ нѣмецкой культурѣ...

Химикъ. Я перебью васъ. Прошу не смѣшивать меня съ вульгарными нѣмцеѣдами,—это слишкомъ бы облегчило вашу высокогуманную позицію въ спорѣ. Нѣмецкую культуру безъ кавычекъ я высоко цѣнилъ и цѣню. Именно поэтому меня глубоко возмущаетъ гигантская переоцѣнка цѣнностей, происшедшая на нашихъ глазахъ въ Германіи. Вмѣсто идеализма выросъ націонализмъ, вмѣсто Канта—Круппъ и вмѣсто Шиллера—шуд-манъ.

Писатель. Позвольте вамъ замѣтить, что ваша параллель, вполнѣ удовлетворяя потребностямъ дня, врядъ ли можетъ претендовать на особую глубину или на историческую вѣрность. Пресловутый гимнъ «Deutschland, Deutschland über alles» написанъ радикаломъ Гофманомъ фонъ-Фаллерслебенъ въ самый разгаръ идеалистическаго движенія и положенъ на музыку набожнѣйшаго изъ идеалистовъ Гайдна. Фихте, убѣжденный и крайній націоналистъ, вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-аншефъ нѣмецкаго идеализма, нѣчто вродѣ его Клаузевитца... Кстати о Клаузевитцѣ. Знаете ли вы, что этотъ знаменитый русско-прусскій генералъ, которому глубокое знаніе военной теоріи не помѣшало попасть въ плѣнъ къ Наполеону, былъ философъ и кантіанецъ?..

..... Та Германія, гдѣ «аптекарь не способенъ приготовить лѣкарство, не сознавая связи своей дѣятельности съ бытіемъ вселенной», существовала больше въ воображеніи Фр. Альбр. Ланге. Я не поклянусь, что Шиллеръ отказался бы подписаться подъ воззваніемъ германскихъ мыслителей. Авторъ «Потонувшаго колокола»—носитель тѣхъ же традицій, что и авторъ «Колокола»—просто; ихъ подписи приблизительно равноцѣнны. Бѣда именно въ томъ, что идейные колокола звонятъ сами по себѣ, а эмпирическіе звонари живутъ тоже сами по себѣ, и цѣпь, которая связываетъ аптекаря съ бытіемъ вселенной, отличается чрезвычайной гибкостью. Свою связь съ вселенной аптекарь сознаетъ сегодня такъ, а завтра иначе; лѣкарства же онъ готовитъ сообразно съ потребностями той улицы, на которой расположена его аптека.

Химикъ. Изъ насъ двоихъ, оказывается, вульгарный ...невѣдъ не я, а вы. Московскій профессоръ г. Эрнъ не очень ...но разоблачилъ Канта, отыскавъ между строкъ «Критики ...таго Разума» подробнѣйшій планъ крупповскихъ заводовъ ...о открытіе, кстати сказать, самостоятельно сдѣлалъ во Фран... Эмиль Бутру). Англійскій публицистъ Остинъ Гаррисонъ ... своей книгѣ «The Kaiser's War» документально доказалъ, ... моральную отвѣтственность за войну и военную идеологію ...етъ Карлъ Марксъ. Французскій писатель Луи Бертранъ ...иняетъ въ тѣхъ же грѣхахъ Гете. А вы—всю нѣмецкую мысль?

Писатель. Вы совершенно меня не поняли. Я именно ...оказываю, что звонъ не всегда отвѣчаетъ за звонаря. . . . .бопытно, однако, то, что въ погромѣ нѣмецкой мысли прини...ютъ живѣйшее участіе сами нѣмцы. По словамъ Гергарта ...уптмана, каждый германскій солдатъ, отправляясь на войну, ...оситъ въ своемъ походномъ ранцѣ книгу,—вы думаете, томикъ ...марова, Блема, Омптеды или другого военнаго беллетриста? ...ѣтъ, кто Лютера, кто Шопенгауэра, кто Гете. Это Гауптманъ ...риводитъ, разумѣется, въ доказательство высокой культуры ...ерманскаго солдата. Я предполагаю, что авторъ «Извозчика ...ншеля» долженъ знать свой народъ, и не смѣю ему не вѣрить. ...о мнѣ хотѣлось бы выяснить, кого собственно поноситъ Гаупт...анъ: нѣмецкую мысль или нѣмецкую армію. Если человѣкъ, ...редъ тѣмъ какъ угостить непріятеля струей горящаго керосина, ...рочитываетъ Нагорную Проповѣдь, то это несомнѣнное кощун...во. Если же онъ передъ атакой, отправляясь умереть за кай...ра, взвинчиваетъ себя чтеніемъ «Aphorismen zur Lebensweis...eit», то, значитъ, онъ идіотъ.

Помнится, Гауптманъ упомянулъ еще про Заратустру. ...ѣдный «профессоръ экстраординарной философіи»! Лѣтъ пятна...дцать тому назадъ, когда одновременно были въ модѣ Марксъ и Ницше, въ Заратустрѣ находили чуть ли не всѣ пункты Эрфурт...ской программы. Теперь изъ него цѣликомъ выведены гимнъ ...иссауера и трактатъ генерала Бернгарди... Діонисовское на...ало въ пониманіи прусскаго фельдфебеля. Bestia blonde въ сталь...ной каскѣ. Думалъ-ли Ницше, что изъ него будутъ стрѣлять, ...къ изъ 42-сантиметроваго орудія? Тотъ Ницше, который ...казалъ: «Лишь тамъ начинается человѣкъ, гдѣ кончается го...сударство»...

Химикъ. Итакъ, по-вашему, нѣмцы сегодня то же, что ...ни были вчера?

Писатель. По-моему, взрывъ коллективнаго умопо...мѣшательства, которымъ мы нынѣ любуемся, возможенъ во вся...кое время и—увы!—не только въ Германіи.

Химикъ. Неужели вамъ не совѣстно говорить о «кол...лективномъ умопомѣшательствѣ»? Это противоставленіе своихъ

взглядовъ голосу заблуждающагося міра имѣетъ всегда, ни
ните меня, нѣсколько комическій характеръ. Могу васъ увѣри
что не вы одни замѣчаете темныя пятна развертывающейся пере
нами гигантской картины. Для того, чтобы ихъ замѣтить, не ну
но особой проницательности или чрезмѣрной тонкости у
Но мы о нихъ молчимъ, помня мудрое правило Ривароля: «Разу
слагается изъ истинъ, о которыхъ надо говорить, и изъ исти
о которыхъ надо молчать». Вы же изъ-за нѣсколькихъ безобр
ныхъ деревьевъ не видите великаго прекраснаго лѣса.

Писатель. Я надѣюсь, что вы мнѣ его покажете.

Химикъ. Кто не хочетъ видѣть, тотъ безнадежно слѣпъ.
Какъ можно говорить о «коллективномъ умопомѣшательств
въ дни небывалаго роста сознательности народныхъ массъ?
найдете теперь газету въ самой глухой деревушкѣ Сибири.

Писатель. Надо поздравить деревушку. Настало, зн
чить, время, когда сибирскій мужикъ понесъ съ базара—прав
не Бѣлинскаго и Гоголя, но передовую статью г. Бориса Су
рина и военный романъ г. Брешко-Брешковскаго. Культурн
прогрессъ, повидимому, сводится къ уменьшенію разницы въ у
ственномъ ростѣ между толпой и образованнымъ меньшинство
Это уменьшеніе можетъ быть достигнуто повышеніемъ уров
толпы и пониженіемъ уровня меньшинства. Слѣдуетъ призна
что мы идемъ по второму пути нѣсколько быстрѣе, чѣмъ по пе
вому. Умнѣйшій человѣкъ умнѣйшей страны въ мірѣ—я говор
объ Анатолѣ Франсѣ—въ свое время рекомендовалъ разсматр
вать политическія явленія «съ точки зрѣнія Сиріуса». Тепе
онъ ихъ разсматриваетъ съ точки зрѣнія газеты «Matin». Я впро
чемъ всегда думалъ, что первое правило человѣка, чрезмѣр
дорожащаго логикой,—не брать уроковъ этой науки у велики
людей.

Химикъ. Признаюсь, новый Анатоль Франсъ мнѣ нр
вится гораздо лучше.

Писатель. О вкусахъ не спорятъ.

Химикъ. Да, лучше. Иронически-благодушная улыб
на устахъ француза показалась бы нынѣ скверной гримас
Позвольте и васъ спросить,—вы къ тому же не Анатоль Франс
во имя какого Сиріуса вы иронизируете надъ нынѣшни
событіями? Неужели великое народное бѣдствіе можетъ с
жить темой для ироніи?

Писатель. Аргументы ad hominem позвольте отклони
Не будемъ горячиться и, главное, не будемъ ничего преувелич
вать. Мы всѣ съ войной немного обжились и даже вы, вѣроят
не цѣлыя ночи напролетъ точите слезы о великомъ народно
бѣдствіи. «Что такое общественное несчастье по сравненію
личной непріятностью?»,—сказалъ генералъ де-Сегюръ, види

актеръ наполеоновской трагедіи, человѣкъ, проливавшій свою кровь, а не слезы, не чернила... и не кислоты.

Химикъ. А тѣмъ болѣе—по сравненію съ личнымъ благодѣнствіемъ, не правда-ли? На фронтѣ—адъ и смерть, но въ тылу развеселое житье... пока тылъ не сталъ фронтомъ.

Писатель. Такъ въ балетѣ «Корсаръ» люди танцуютъ на тонущемъ кораблѣ... «Le monde est un grand naufrage, la devise des hommes est sauve qui peut»,—говоритъ вѣчный Вольтеръ. Въ дни величайшаго крушенія исторіи пусть каждый спасается, какъ можетъ. Вы ушли въ военно-промышленный комитетъ,—я цѣню и одобряю. Но покорный слуга вашъ не химикъ и вышелъ изъ призывного возраста: разрѣшите мнѣ удалиться въ глубь библіотеки, снявъ съ полки хотя бы Экклезіаста.

Химикъ. Сдѣлайте одолженіе. Что, однако, если въ глубь вашей библіотеки ворвется нѣмецкій уланъ?

Писатель. И въ этомъ мало вѣроятномъ случаѣ мнѣ не удастся обезсмертить себя новымъ Noli turbare, такъ какъ я уйду двумя днями раньше. Я, впрочемъ, и не думаю иронизировать надъ народнымъ бѣдствіемъ, что было бы, разумѣется, и глупо, и безсовѣстно. Я только восхищаюсь той легкостью, съ которой разные Вольтеры превратились внезапно въ фельдфебелей. Вы жалуетесь, что нѣмцы «перемѣнились». А вы сами, старый либералъ-идеалистъ, нынѣ чуть красный лишь снаружи, подобно неспѣлой сливѣ? Вы ничему не научились, но все позабыли. Боже мой, какъ много вы забыли! Если-бъ я редактировалъ газету, я, быть можетъ, попробовалъ бы печатать на первой страницѣ выдержки изъ капоновъ нашего политическаго идеализма. Боюсь, онѣ теперь производили-бъ впечатлѣніе неумѣстной и безтактной шутки. Два человѣка, два знаменитыхъ писателя, осмѣлились въ 1914 году говорить языкомъ, точно выражавшимъ ихъ прежнюю связь съ міромъ. Обоихъ улица сейчасъ же обвинила во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ до инородческаго происхожденія включительно. Перваго хоть подѣломъ, потому что Бернардъ Шоу дѣйствительно ирландецъ; а второго опорочили безвинно, ибо Ромэнъ Ролланъ коренной французъ.

Химикъ. Я не читалъ статей Роллана въ швейцарской прессѣ, вызвавшихъ негодованіе во Франціи...

Писатель. Очаровательный Жоржъ Онэ такъ и пишетъ объ авторѣ «Au dessus de la mêlée»: «его *упрекаютъ* въ томъ, что онъ швейцарецъ».

Химикъ. Но памфлетъ Бернарда Шоу «Здравый смыслъ о войнѣ» я прочелъ и нахожу его возмутительнымъ. Это плохо скрытое англійское «пораженчество».

Писатель. Вовсе нѣтъ. Бернардъ Шоу желаетъ полнаго разгрома нѣмецкаго милитаризма. Я бы сокращенно выразилъ его «плохо скрытую» точку зрѣнія слѣдующимъ образомъ:

«хуже побѣды Россіи есть только одно: это побѣда Германіи». Разумѣется, подобная точка зрѣнія для насъ обидна и не заслужена русскимъ обществомъ. По крайней мѣрѣ, я такъ думаю: русское общество сфинксъ, а каждый передовикъ къ нему Эдипъ; я не передовикъ и не Эдипъ, но, какъ членъ русскаго общества, не принимаю воззрѣній Шоу. Не закрываю глазъ и на забавную сторону его выступленія: Бернардъ Шоу, всю жизнь потѣшавшійся надъ миссъ Гренди, получилъ достойное возмездіе: онъ нынѣ, какъ Францискъ Ассизскій, проповѣдуетъ Евангелье птичкамъ... и разнымъ другимъ животнымъ. Мы, впрочемъ, говорили не о Шоу, а о нѣмецкой культурѣ. Предлагаю вамъ новую, свѣжую, никѣмъ еще не использованную тему—воззваніе 93-хъ германскихъ мыслителей.

Химикъ. Когда я впервые прочелъ этотъ грубый, наглый вызовъ истинѣ и здравому смыслу, мнѣ стало больно, почти до слезъ больно, за подписавшихъ его знаменитыхъ стариковъ, за человѣческую мысль, за достоинство науки.

Писатель. Манифестъ германскихъ мыслителей прежде всего глупъ; это его главный недостатокъ. Но онъ глупъ *типично*: его глупость защитнаго цвѣта.

Химикъ. Нѣмецкій жанръ: feldgrauer Idiotismus.

Писатель. Скажемъ лучше—жанръ 1914 года. Защитный цвѣтъ одинъ и тотъ же во всѣхъ странахъ. Съ внѣшней стороны «манифестъ» недуренъ. Онъ отъ Гергардта Гауптмана заимствовалъ энергію драматической формы («Euch, die Ihr uns kennt... Euch rufen wir zu: Glaubt uns, Glaubt..!») отъ Зигфрида Вагнера—гробовую музыкальность стиля («Es ist nicht wahr...», «Es ist nicht wahr...», «Es ist nicht wahr...»), отъ Рихарда Демеля—образность отдѣльныхъ выраженій («der eherne Mund der Ereignisse»). Францъ Штуккъ изобразилъ волшебной кистью Вильгельма II въ образѣ ангела мира съ бѣлыми крылышками на плечахъ. Карлъ Лампрехтъ выяснилъ благодѣтельную роль нѣмецкаго милитаризма въ исторіи. Лабандъ и Листъ доказали юридическую правоту Германіи, Гарнакъ поклялся въ ней на протестантской библіи, а Кнепфлеръ—на католической. Наконецъ, Эйкенъ, Риль и Виндельбандъ наложили печать мягкаго, кантіанскаго идеализма на трогательное заключеніе манифеста, въ которомъ нѣсколько неожиданно появляется «высшее достояніе человѣчества» («der höchste Besitz der Menschheit») и «наслѣдіе Гете, Бетховена, Канта» («das Vermächtniss eines Goethe, eines Beethoven, eines Kant»)... Въ общемъ, довольно плохое разсужденіе на тему о любви къ отечеству и народной гордости, примѣненное, какъ водится, къ обстоятельствамъ мѣста и времени. Habent sua fata libelli. И даже не pro capite lectoris. Рѣшающимъ элементомъ является не книга, не читатель, а время: дата обезпечиваетъ безсмертіе нѣмецкому манифесту.

Химикъ. Скорѣе имена его авторовъ.

Писатель. Лучшая часть воззванія, безспорно, подписи. Авторовъ нужно, по моему, раздѣлить на нѣсколько группъ. Представителемъ первой, самой немногочисленной, я бы назвалъ знаменитаго геттингенскаго математика Феликса Клейна. Объ этомъ ученомъ кто-то замѣтилъ, что во всемъ мірѣ онъ можетъ говорить, не прибѣгая къ популяризаціи своихъ мыслей, съ однимъ лишь Анри Пуанкарэ. Года два тому назадъ Пуанкарэ скончался, и теперь Клейну вовсе не съ кѣмъ говорить: его никто не понимаетъ. Но зато и онъ никого и ничего не понимаетъ. Феликсъ Клейнъ живетъ въ мірѣ четвертаго измѣренія, уравненій седьмой степени и теоріи икосаэдра. Въ сентябрѣ 1914 года къ нему пришли юркіе люди, сказали, что началась война и что нужно подписать манифестъ. Онъ, вѣроятно, съ полной готовностью подписалъ поданную ему бумажку и снова углубился въ теорію икосаэдра. Съ этого геніальнаго маніака, разумѣется, нечего спрашивать.

Химикъ. Къ какой категоріи причисляете вы профессора Оствальда?

Писатель. Онъ васъ интересуетъ, какъ собратъ по спеціальности?

Химикъ. Нѣтъ, не поэтому. Когда я впервые прочелъ во французской газетѣ о шведскомъ интервью Оствальда, я отказывался вѣрить извѣстію, тѣмъ болѣе, что, по нѣкоторой беззаботности насчетъ науки, газета упорно называла знаменитаго химика Остервальдомъ. Обратите вниманіе на слѣдующее. Во-первыхъ, Оствальдъ нѣмецъ только по крови; онъ родился и долго жилъ въ Россіи. На послѣднемъ Менделѣевскомъ съѣздѣ академикъ П. И. Вальденъ величалъ его «гордостью русской науки». Во-вторыхъ, Оствальдъ не дворянинъ и даже не пожалованный «фонъ»; онъ сынъ бѣднаго ремесленника и очень этимъ гордится. Въ-третьихъ, Оствальдъ не консерваторъ, не Excellenz и не придворный; онъ столпъ нѣмецкаго либерализма, фрондеръ по натурѣ, достаточно mal vu въ правительственныхъ кругахъ. Въ четвертыхъ, Оствальдъ не гелертеръ обычнаго нѣмецкаго типа; одинъ изъ создателей современной физико-химіи, онъ давно оставилъ эту науку и занялся философіей, затѣмъ сталъ писать интересные психологическіе этюды, а въ самое послѣднее время увлекался живописью и—въ качествѣ предсѣдателя нѣмецкаго союза монистовъ—проповѣдью. До войны Оствальдъ высказывался, какъ убѣжденный пацифистъ. Онъ выводилъ необходимость общаго разоруженія изъ принциповъ энергетики,—кто къ чему, а солдатъ къ солонинѣ,—въ частности изъ своего любимаго научно-философскаго дѣтища, изъ такъ называемаго энергетическаго императива. «Совершенное устраненіе какъ потенціальной, такъ и на-

стоящей войны», писалъ онъ въ своей книгѣ «Философія цѣнностей», вышедшей наканунѣ міроваго конфликта, «безусловно въ духѣ энергетическаго императива и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ культурныхъ задачъ нашего времени». И этотъ-то vir animo liber современной ученой Германіи выступаетъ нынѣ съ проектомъ переустройства Европы на началахъ ея подчиненія союзу центральныхъ державъ съ Германіей во главѣ!

Писатель. Въ настоящее время каждый генералъ имѣетъ свой планъ радикальной перемѣны міровой карты. Профессора, повидимому, не желаютъ отстать отъ генераловъ и не менѣе усердно работаютъ надъ составленіемъ различныхъ проектовъ и надъ подыскиваніемъ къ нимъ аргументовъ политическихъ, экономическихъ, стратегическихъ, географическихъ и историческихъ. Удивительнаго въ этомъ нѣтъ ничего. Это развѣ только чуточку смѣшно. Смѣшно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, медвѣдь, шкуру котораго дѣлятъ, пока еще рычитъ довольно грозно; а, во-вторыхъ, если медвѣдь издохнетъ, то у профессоровъ, навѣрное, не спросятъ совѣта насчетъ дѣлежа шкуры. У генераловъ спросятъ, а у профессоровъ не спросятъ.

Химикъ. Оствальдъ исходитъ изъ мысли о культурно-соціальномъ мессіанизмѣ нѣмцевъ: «Русскіе,—говоритъ онъ,—еще находятся въ состояніи орды. Французы и англичане не вышли изъ стадіи индивидуализма. Германія же успѣла подняться до организаціонной ступени культуры. Она создастъ идеи коллективнаго труда и вся Европа пожнетъ плоды ея грандіознаго предпріятія». Въ чемъ же, позвольте спросить, заключается организаціонная культура, которой такъ гордится Оствальдъ? Теперь установился обычай отрицать огульно заслуги нѣмцевъ на поприщѣ науки, искусства, литературы. Одинъ французскій публицистъ недавно доказывалъ, что нѣмцы дали міру только плагіаторовъ или въ лучшемъ случаѣ подражателей. Гете, оказывается, важнѣйшее позаимствовалъ у Шекспира, Шопенгауэръ всѣмъ обязанъ Вольтеру. У насъ тоже г. Меньшиковъ разъяснилъ «позоръ Германіи» подробнымъ анализомъ «Фауста», въ которомъ усмотрѣлъ главнымъ образомъ «чисто свиную психологію молодящагося старичка». Это пустое сквернословіе слѣдовало бы оставить. При критикѣ нѣмцевъ намъ, русскимъ, должно руководиться двумя поэтическими изреченіями: «будь строгъ, но будь уменъ» и «я правду о тебѣ поразскажу такую, что хуже всякой лжи»... Мнѣ хорошо извѣстны точность нѣмецкихъ поѣздовъ, удобства гостинницъ, преимущества освѣщенія и канализаціи, чистота домовъ, ресторановъ, обиліе и дешевизна товаровъ. Но вѣдь не это профессоръ Оствальдъ собирается насаждать въ завоеванномъ мірѣ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ нѣмецкихъ газетъ, всѣ эти блага недоступны для народовъ, не надѣленныхъ германскимъ Methodengeist'омъ.

Дѣло идетъ, разумѣется, о соціально-политической организаціи страны. И я себя спрашиваю со всѣмъ возможнымъ безпристрастіемъ, чѣмъ мы до сихъ поръ обязаны Германіи въ этомъ отношеніи. Англія дала міру свободу совѣсти и свободу слова, habeas corpus и право убѣжища, самоуправленіе и народное законодательство. О Франціи говорить нечего; она почти полтора столѣтія служитъ лабораторіей великихъ соціально-политическихъ опытовъ. Но нѣмецкія страны, въ теченіе 18, 19 и 20 вѣковъ, отъ Меттерниха до Бисмарка, отъ герцога Брауншвейгскаго до Вильгельма II, были храмомъ реакціи, гдѣ распутныя весталки безпрестанно гасили огонь, который цивилизованные люди считаютъ священнымъ. Милитаризмъ, націонализмъ, шовинизмъ, гакатизмъ, антисемитизмъ,—всѣ эти измы, если не были созданы въ Германіи, то непремѣнно расцвѣтали въ ней особенно пышнымъ блескомъ (invention étrangère, fabrication allemande, какъ написано на стрѣлахъ нѣмецкихъ авіаторовъ). Въ частности, и новѣйшая исторія Россіи знаетъ рядъ датъ, которыя долго еще будутъ вызывать благодарное воспоминаніе о Потсдамѣ: двѣ послѣднія относятся къ 1881 и къ 1905 году. Въ русскомъ языкѣ слова конституція и парламентъ имѣютъ французскій или латинскій корень; изъ нѣмецкаго же языка заимствованы штрафъ, тюрьма (Turm), цейхгаузъ, вахмистръ, гауптвахта, шпицрутены, полицеймейстеръ.

Писатель. Къ этому можно добавить, что и сами нѣмцы не всегда раздѣляли мнѣніе проф. Оствальда о преимуществѣ германской соціально-политической формы. Берне, Гейне, Руге, Вейтлингъ, Гервегъ, Марксъ, Энгельсъ, Бернштейнъ, Либкнехтъ провели значительную часть жизни въ странахъ гнилого индивидуализма,—по причинамъ, хорошо извѣстнымъ проф. Оствальду. Много ли французовъ и англичанъ переселялось въ Германію, чтобы наслаждаться благами высшей организаціонной культуры?

Химикъ. Какіе ужъ тамъ французы и англичане. Замѣтьте, даже по отношенію къ намъ, русскимъ, нѣмцы всегда являлись элементомъ глубоко реакціоннымъ. Въ настоящее время, по извѣстнымъ вамъ причинамъ, порядочному человѣку какъ-то неловко обличать внутренняго нѣмца. Но все же я не могу забыть зловѣщую роль, сыгранную въ нашей исторіи русскими дѣятелями нѣмецкаго происхожденія, отъ Бирона до Плеве, отъ Клейнмихеля до Ренненкампфа. Я вспоминаю, что въ декабрьскіе дни 1905 года главная работа по репрессіямъ была поручена Риманамъ и Минамъ. Я вспоминаю и то, что въ декабрьскіе дни 1825 года русскіе командиры корпусовъ были смѣщены нѣмцами. Возстаніе Черниговскаго полка, поднятое С. И. Муравьевымъ-Апостоломъ, было подавлено силами генерала барона Гейсмара......

Писатель. Вы и правы, и нѣтъ. Судя о людяхъ по фамиліи, вы подбираете эти фамиліи пристрастно. Говоря о декабристахъ, вы могли бы, напримѣръ, вспомнить, какъ звали ихъ главнаго вождя. Рядомъ съ Биронами и Плеве у насъ были съ одной стороны Аракчеевы и Дурново, а съ другой—Арнгольды, Фигнеры, Ашенбреннеры, Шмидты. Къ тому же, ваша химія еще не научилась искусству дозировать человѣческую кровь по національности. Иначе я спросилъ бы васъ, сколько нѣмецкой крови текло, напримѣръ, въ жилахъ Пушкина, внука Христины фонъ-Шебергъ. «Имя—звукъ и дымъ», говоритъ Фаустъ (обратите, кстати, вниманіе на фамилію героя нѣмецкой національной поэмы: Faust значитъ кулакъ—вотъ они, швабы). Интересно, что идейные антиподы Марксовъ и Либкнехтовъ плохо раздѣляютъ восторженную вѣру профессора Оствальда въ провиденціальную функцію Германіи: tu reger imperio populos Germane memento. По крайней мѣрѣ, князь Бюловъ прямо заявляетъ, что нѣмцы не одѣлены даромъ соціально-политическаго строительства... Но это не мѣшаетъ Оствальду проповѣдывать «свободный союзъ государствъ съ Германіей во главѣ». Эвфемизмъ недуренъ.

Химикъ. Онъ значитъ, разумѣется, «всемірная имперія Гогенцоллерновъ».

Писатель. Да, конечно, трудно допустить, чтобы Вильгельмъ II, вернувшись «im Siegeskranz» въ Берлинъ послѣ тріумфальнаго шествія по Лондону, Парижу и Москвѣ, немедленно пригласилъ союзъ монистовъ для переустройства Европы на новыхъ началахъ. Едва ли можно разсчитывать и на то, что въ результатѣ побѣдоносной для Германіи войны династія Гогенцоллерновъ замѣнится республикой или династіей Оствальдовъ.

Химикъ. Всемірный союзъ государствъ съ однимъ монархомъ во главѣ...

Писатель. Мысль старая и безумная, какъ міръ.

Химикъ. Александръ Македонскій пробовалъ создать міровую имперію, не удалось,—діадохи перессорились; Юлій Цезарь пробовалъ, тоже не удалось,—зарѣзали друзья; Наполеонъ пробовалъ, опять не удалось,—умеръ на Св. Еленѣ. Какъ хватаетъ смѣлости повторять такую попытку?

Писатель. Что-жъ, Вильгельмъ II имѣетъ лишній шансъ: этотъ шансъ—кронпринцъ. Александръ и Цезарь не оставили вовсе дѣтей, у Наполеона родился сынъ, когда всемірная имперія была п о ч т и готова. Но на мѣсто Вильгельма II уже запасенъ ничѣмъ не худшій Вильгельмъ III. Гогенцоллерны чадолюбивы и чадообильны; человѣчество можетъ быть спокойно: оно обезпечено всемірными имераторами на много времени впередъ. Если вѣрить нѣмецкому мыслителю, всякое историческое явленіе имѣетъ мѣсто дважды: одинъ разъ, какъ трагедія,

другой разъ, какъ фарсъ. Явленію міровой имперіи предстоитъ, но Оствальду, другая участь. Оно трагедіей было трижды, а фарсомъ—съ кронпринцами въ заглавной роли—будетъ, повидимому, десятки и сотни разъ: фарсъ Вильгельмъ третій, фарсъ Вильгельмъ тридцатый, фарсъ Вильгельмъ трехсотый... Не будучи оптимистомъ, я все таки думаю, что оптимистъ Оствальдъ переоцѣниваетъ нелѣпость историческаго хода вещей. Можно многаго ждать отъ человѣческой глупости, но не слѣдуетъ ожидать отъ нея слишкомъ многаго.

Химикъ. Досадно, однако, что Оствальдъ не нарисовалъ болѣе подробно картины свѣтлаго будущаго Европы; было бы очень любопытно точно узнать, какъ именно нѣмцы станутъ насаждать въ завоеванномъ мірѣ блага высшей организаціонной культуры. Теперь, положимъ, германскій солдатъ держитъ въ одной рукѣ томикъ Гете, а въ другой спринцовку для горящаго керосина. Но вѣдь отъ необходимости употребленія спринцовки у него «сердце обливается кровью», какъ телеграфировалъ шутникъ Вильгельмъ президенту Вильсону послѣ сожженія Лувена. Слѣдовательно, для того, чтобы нѣмецкое сердце не изошло кровью окончательно, необходимо послѣ войны тотчасъ разбить спринцовку и остаться при одномъ томикѣ Гете,—не можетъ же проф. Оствальдъ отстать въ либерализмѣ отъ императора Вильгельма? Однако, разбить спринцовку опять таки нельзя, ибо французы и англичане, не понимающіе своего блага, упорно не хотятъ воспринять высшую организаціонную культуру и предпочитаютъ коснѣть въ своемъ поганомъ индивидуализмѣ. Какъ же быть? Повторяю, жаль, очень жаль, что проф. Оствальдъ, который такъ много занимался психологіей, не нарисовалъ подробнѣе картины будущаго насажденія высшей потсдамской культуры среди феллаховъ Парижа и Лондона.

Писатель. Вы ломитесь въ открытую дверь. Гораздо любопытнѣе совершенная *ненужность* разсужденій Оствальда.

Химикъ. Итакъ, къ какой же категоріи вы его относите?

Писатель. Я отношу его къ категоріи растерявшихся людей изъ породы неисправимыхъ оптимистовъ. Эта порода послѣдніе годы свирѣпствуетъ въ странѣ Шопенгауера (вотъ, кстати, кто навѣрное не подписалъ бы воззванія). Какъ оптимистъ, проф. Оствальдъ можетъ сравниться съ Вильгельмомъ II: онъ вѣритъ въ счастливую развязку каждаго акта исторической трагикомедіи такъ же твердо, какъ германскій императоръ. Конечно, этотъ веселенькій финалъ представляется обоимъ въ совершенно различномъ цвѣтѣ. Вильгельмъ II—реакціонеръ, набожный лютеранинъ и націоналистъ. Проф. Оствальдъ—либералъ, свободный мыслитель и космополитъ. Вильгельмъ II ждетъ отъ войны посрамленія внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ;

проф. Оствальдъ—перехода всего человѣчества къ нѣмецкой, т. е. высшей организаціи культуры. И оба, разумѣется, ждутъ желаннаго результата отъ побѣдъ германскихъ генераловъ. Разница между ними въ томъ, что въ страшномъ крушеніи 1914 г. первый сыгралъ роль машиниста, а второй—роль товарнаго груза. Въ одинъ злосчастный день съ балкона берлинскаго дворца прозвучала воинственная рѣчь императора, заигралъ сигнальный рожокъ въ десяти тысячахъ нѣмецкихъ казармъ, забили въ бубны газетные звонари,—и куда дѣвался энергетическій императивъ проф. Оствальда? Жизнь пошла не туда, куда онъ ее приглашалъ, ее погнали совсѣмъ въ другое мѣсто. Исторія еще разъ повернула назадъ, на зло всѣмъ своимъ теоретикамъ. Въ такихъ случаяхъ мыслителю nella città dolente остается только одно: посыпать себѣ голову пепломъ (по крайней мѣрѣ фигурально). Но авторъ «Философіи цѣнностей» не можетъ съ этимъ помириться. Насилуя разумъ и факты, онъ присоединяется къ бравурному оркестру своей страны; болѣе того, ѣдетъ самостоятельно гастролировать въ Швецію и тамъ даетъ такой концертъ, что даже профессіональный барабанщикъ, Теодоръ Вольфъ, счелъ, говорятъ, нужнымъ охладить на страницахъ «Berliner Tageblatt'а» пылающія страсти профессора. Впрочемъ, Оствальдъ составляетъ исключеніе среди авторовъ воззванія. Внушительное ядро тамъ образуютъ юркіе люди. Эти всегда и во всемъ стоятъ на сторонѣ своего правительства или своей улицы (что чаще всего одно и то же). Къ чести нѣмецкой мысли, юркихъ людей оказалось довольно много среди лицъ, подписавшихъ манифестъ.

Химикъ. Отчего *къ чести*, неисправимый парадоксалистъ?

Писатель. Здѣсь нѣтъ никакого парадокса. Мнѣ совершенно понятно, почему Вильгельмъ II является идоломъ прусскаго феодальнаго дворянства: онъ самъ плоть отъ его плоти, кровь отъ его крови. Я легко объясняю себѣ популярность германскаго императора въ средѣ духовной; такихъ благочестивыхъ рѣчей не произносилъ навѣрное ни Людовикъ Святой, ни Людовикъ Благочестивый. Я могу понять и то, что исключительно бодрый оптимизмъ, свойственный Вильгельму II, нравится торгово-промышленной Германіи: во главѣ огромнаго процвѣтающаго предпріятія, какъ Deutschland G. m. b. H., недальновиднымъ акціонерамъ, разумѣется, пріятно видѣть столь жизнерадостнаго и самоувѣреннаго директора-распорядителя (у всѣхъ знаменитыхъ банкротовъ былъ именно такой темпераментъ). Наконецъ, чрезвычайная популярность императора среди нѣмокъ тоже совершенно въ порядкѣ вещей: всякая нѣмка занимается кухней, тряпками, ходитъ въ церковь и слѣдитъ за дѣтьми, и, когда преподанная съ высоты престола

теорія четырехъ К говоритъ ей, что этимъ она выполняетъ нѣкій святой долгъ и пріобрѣтаетъ право на вѣчную признательность отечества, то, разумѣется, нѣмка не можетъ не чувствовать благодарной симпатіи къ автору указанной теоріи. Но если какой-нибудь Вундтъ, изучившій mit heissem Bemühn все, что доступно человѣческому уму, подвергшій анализу тысячи философскихъ системъ, въ результатѣ *искренно* приходитъ къ культу Вильгельма II и *убѣжденно* говоритъ: das ist der Weisheit letzter Schluss, то это явленіе врядъ ли можетъ внушить особенно радостныя чувства. И потому я утѣшаю себя надеждой, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ германскихъ ученыхъ болѣе или менѣе сознательно «нажимаютъ на истину»—мягкое и знаменитое выраженіе. Но, можетъ быть, я и ошибаюсь: безчисленныя идеологическія упражненія нашихъ дней именно тѣмъ любопытны, что порою весьма трудно обнаружить, гдѣ въ нихъ начинается коварство и гдѣ кончается чистосердечіе. Приходится искать критерій въ личности авторовъ; въ данномъ же случаѣ и этотъ критерій не надеженъ. Массѣ юркихъ людей соотвѣтствуетъ сѣрая масса геніевъ.

Химикъ. «Сѣрые геніи»? Это что-то новое.

Писатель. Не пугайтесь. Вы-то должны были видѣть на своемъ вѣку достаточно знаменитыхъ ученыхъ, чтобы относиться къ нимъ безъ суевѣрнаго преклоненія студента-первокурсника. Впрочемъ, многіе изъ васъ сохраняютъ этотъ священный трепетъ до сѣдыхъ волосъ. Покойный Сѣченовъ въ своихъ воспоминаніяхъ отзывается о Германѣ Гельмгольцѣ въ такомъ тонѣ, въ какомъ индусскій браминъ можетъ говорить о богѣ Вишну. А между тѣмъ, Гельмгольцъ который, конечно, подписалъ бы манифестъ 93-хъ, лучшій образецъ сѣрой геніальности. Его гигантскій умъ точно скользилъ по дугѣ,—по длинной дугѣ огромнаго радіуса, неспособной, однако, сомкнуться въ полный кругъ. Этотъ величайшій естествоиспытатель былъ наивный консерваторъ, узкій пруссакъ и ограниченный монархистъ. Да вдобавокъ придворный ученый. Знаете ли вы, что это такое? Услышавъ о близости Гельмгольца къ берлинскому двору, Сѣченовъ спросилъ своего коллегу Людвига, что можетъ интересовать въ великомъ ученомъ военнаго человѣка, Вильгельма I.—Императоръ находитъ наслажденіе въ процессѣ Гельмгольцевскаго мышленія,—отвѣтилъ Людвигъ. На самомъ дѣлѣ роль знаменитаго физика при дворѣ заключалась въ томъ, что время отъ времени Гельмгольцъ являлся въ покои монарха и излагалъ свои мысли по разнымъ научнымъ вопросамъ. Вильгельмъ I слушалъ и, разумѣется, ничего не понималъ. Въ царствованіе нынѣшняго императора эти дружественныя отношенія сохранились,—съ той разницей, что мысли по разнымъ научнымъ вопросамъ высказывалъ уже Вильгельмъ II, а слушалъ и ничего

не понималъ Гельмгольцъ. Въ этомъ и заключается весь Genuss, о которомъ нѣжнымъ голосомъ говорилъ Сѣченову Людвигъ. Съ императорской точки зрѣнія желательность подобныхъ сеансовъ Genuss'а, разумѣется, если они не слѣдуютъ другъ за другомъ слишкомъ часто, болѣе или менѣе понятна. Это и есть тотъ царскій путь къ наукѣ, существованіе котораго отрицалъ древній мудрецъ. Иначе это еще называется «расширеніемъ кругозора коронованнаго вождя Германіи», «непосредственнымъ общеніемъ съ цѣлебнымъ источникомъ знанія» и т. д. Нѣмцамъ это очень нравится. Они убѣждены, что Гельмгольцу есть о чемъ говорить съ Вильгельмомъ и что изъ этихъ разговоровъ для обоихъ проистекаетъ большая польза. Вѣдь Пиѳодоръ, сынъ Исолоховъ, и Каллій, сынъ Калліадовъ, сдѣлались знаменитыми мудрецами, заплативъ Зенону по сто минъ. Однимъ словомъ, очень легко понять, для чего Вильгельмы приглашаютъ къ себѣ Гельмгольцевъ. Нѣсколько менѣе понятно, для чего Гельмгольцы ходятъ къ Вильгельмамъ. Мизантропъ можетъ, правда, сказать, что и въ этомъ нѣтъ ничего непостижимаго: въ свое время императоръ пожаловалъ Гельмгольцу прусское дворянство, или вѣрнѣе, какъ писалъ «Кладдерадачъ», пожаловалъ Гельмгольца прусскому дворянству. Но стоитъ ли ради ста невещественныхъ минъ разыгрывать роль, въ сущности довольно близкую къ должности королевскаго шута,—объ этомъ я судить не берусь... Большинство нѣмецкихъ ученыхъ, повидимому, склоняется къ мысли, что стоитъ. Впрочемъ, было бы странно, если бы это было иначе: современное государство имѣетъ превосходно налаженныя мастерскія для выдѣлыванія почтительныхъ профессоровъ. Въ особенности, германская имперія. У нея вѣдь есть двѣ драгоцѣнности, внушающія намъ такую зависть: primo, хваленая нѣмецкая школа; та самая, которая, какъ извѣстно, въ 1866 г. побѣдила австрійскую армію (а нѣсколько раньше, слѣдовало бы добавить, германскую революцію). Secundo, хваленая нѣмецкая академическая свобода.

Х и м и к ъ. Она-то здѣсь при чемъ?

П и с а т е л ь. Къ востоку отъ Рейна академическая свобода имѣетъ разумные предѣлы, колеблющіеся въ зависимости отъ рода науки: профессорамъ ботаники и геодезіи предоставляется совершенная свобода мысли и слова; на каѳедры философіи не допускаются лишь отъявленные атеисты (безъ налета Deus sive natura); въ области соціально-экономическихъ знаній сдѣлано ограниченіе для соціалистовъ (не употребляющихъ румянъ катедеръ-соціализма); и, наконецъ, отъ преподаванія исторіи устранены неисправимые либералы (не прибѣгающіе къ черно-желтой пудрѣ національ-либерализма). Всѣхъ остальныхъ государство охотно оплачиваетъ небольшими деньгами и обиліемъ почетныхъ званій. Изъ 93-хъ авторовъ манифеста

12 имѣютъ чинъ превосходительства, который, кстати сказать, всѣ двѣнадцать не преминули отмѣтить въ своей подписи, очевидно, съ тѣмъ, чтобы сильнѣе подѣйствовать на воображеніе «цивилизованнаго міра». Суммируйте эту ограничительно-подкупательную, глубоко развращающую дѣятельность власти за много десятилѣтій, подумайте, что государство стало *откупщикомъ* народной мысли, поймите, что въ манифестѣ 93-хъ мы пожали одинъ изъ плодовъ такого откупа,—и вы со мной согласитесь, что правъ былъ, хоть отчасти, тотъ нѣмецкій писатель, который сказалъ: «профессоръ—вотъ національная болѣзнь Германіи». Впрочемъ, нѣтъ, вы со мной не согласитесь: я и забылъ, вѣдь вы сами—«ординарный».

Химикъ. Я напомню вамъ, что воззваніе 93-хъ подписали не только профессора, но и писатели, художники, музыканты.

Писатель. Лицъ, не состоящихъ на государственной службѣ, среди авторовъ манифеста едва ли наберется 10 процентовъ. Тонъ во всякомъ случаѣ давали не они.

Химикъ. Это голословно. Съ гораздо большимъ правомъ я могу васъ попрекнуть ролью, которую сыграли въ подготовкѣ нынѣшней бойни иные господа писатели. Въ любимомъ зрѣлищѣ испанскаго народа такъ называемые бандериллосы при помощи каленыхъ стрѣлъ и краснаго платка доводятъ быка до бѣшенства. Выполнивъ свою задачу, они граціозно исчезаютъ за рѣшетку, уступая мѣсто торреадору. Благодарную и благородную роль бандериллосовъ въ международныхъ бойняхъ выполняютъ нѣкоторые изъ вашихъ собратьевъ по перу. Если они не подписали манифеста, то исключительно потому, что ихъ никто къ этому не приглашалъ: какое значеніе могла бы имѣть для «цивилизованнаго міра» подпись графа Ревентлова или Максимиліана Гардена?

Писатель. Братствомъ бандериллосовъ печати я никогда особенно не дорожилъ. Не отрицаю, что лавры органовъ желтой прессы иногда не даютъ спать органамъ менѣе желтымъ: pudet non esse impudentem. Но, въ общемъ, подавляющая масса бандериллосовъ относится къ той же категоріи лицъ, такъ или иначе получающихъ деньги отъ казны. Закройте секретную кассу и вы подивитесь пониженію воинственнаго азарта: pas d'argent, pas de suisses. Я чувствую, впрочемъ, нѣкоторое состраданіе къ этимъ господамъ. Старушка Шехерезада должна была каждый вечеръ разсказывать волшебную исторію своему господину подъ страхомъ немедленной смертной казни. Оффиціальные и оффиціозные публицисты должны каждое утро выдумывать для своихъ читателей 1001-ую арабскую сказку подъ страхомъ немедленной голодной смерти. Ибо, какъ говоритъ Чеховская Анфиса: «отъ хорошей жизни не заиграешь»... Я нимало

не желаю вводить въ нашъ разговоръ профессіональную точку зрѣнія, но все же позвольте преподнести вамъ подъ конецъ самаго лучшаго профессора: это Вернеръ Зомбартъ, авторъ произведенія «Герои и торгаши».

Химикъ. Да онъ, кажется, не подписалъ воззванія.

Писатель. Не подписалъ и не могъ подписать. Авторы воззванія въ сущности робкіе рутинеры. Передъ святыней истины, добра и красоты пылаетъ лампада германскаго идеализма; передъ лампадой благоговѣйно склонили свои сѣдыя головы девяносто три автора воззванія. Въ видѣ досадной случайности отъ лампады зажглась Лувенская библіотека и сгорѣла съ книгами, рукописями и библіотекаремъ. Девяносто три сердца облились кровью. Но что подѣлаешь, если такова горестная судьба? Старикамъ и въ голову не пришло измѣнить свою благоговѣйную позу. Всѣмъ достаточно ясно, что они и неизмѣнять ея, не взирая ни на какія случайности. Они будутъ подписывать что угодно, оправдывать что угодно, защищать кого угодно, но не иначе, какъ во имя общечеловѣческой солидарности, истины, добра, красоты, братства и высшихъ интересовъ цивилизаціи, во имя «наслѣдія Канта, Гете и Бетховена». Зомбартъ же погасилъ плевкомъ ту лампаду, передъ которой благоговѣйно склонились его ученые коллеги. Разница между нимъ и авторами манифеста 93-хъ огромна. Начать съ того, что тѣ написали воззваніе, обращенное къ культурному міру (оно такъ и называется: Aufruf an die Kulturwelt). Зомбартъ, разумѣется, ни къ какому культурному міру не обращается: «намъ, нѣмцамъ, нужны развѣ лишь іудеи древности и античные греки, больше никто». У авторовъ манифеста болитъ душа при мысли о томъ, что нѣмецкіе солдаты сожгли половину Лувена. Зомбарта должно быть огорчаетъ, что они не сожгли и другой половины, ибо Лувенъ есть порожденіе культуры торгашей. Авторы манифеста говорятъ о «высшемъ достояніи человѣчества». Людей, говорящихъ такимъ языкомъ, Зомбартъ отправляетъ «къ чертямъ, вмѣстѣ съ 3/4 нашихъ интеллигентовъ». Авторы манифеста видятъ въ германскомъ милитаризмѣ только *защитника* нѣмецкой культуры («Ohne den deutschen Militarismus wäre die deutsche Kultur längst von Erdboden getilgt»). Для Зомбарта онъ самъ есть нѣмецкая культура, онъ даже больше ея: нѣмецкая культура—Веймаръ, нѣмецкій милитаризмъ, по словамъ Зомбарта, «Потсдамъ и Веймаръ въ ихъ высшемъ сочетаніи».

Химикъ. Значитъ, не пять, а пять съ плюсомъ.

Писатель. «Съ внутреннимъ отвращеніемъ, съ возмущеніемъ и негодованіемъ, съ брезгливостью возсталъ нѣмецкій духъ противъ идей 18 столѣтія». Какъ характерна эта ненависть къ «вѣку, который долженъ быть помѣщенъ въ Пантеонъ».

По словамъ Ренана, 18 вѣкъ продолжается по сію пору. Вѣрнѣе было бы сказать, что его еще не было. Но обычно восемнадцатый вѣкъ отрицають во имя семнадцатаго или даже тринадцатаго. Авторъ «Героевъ и торгашей» составляетъ исключеніе. Что для Зомбарта средневѣковье съ его универсальнымъ католицизмомъ, съ его латинской рѣчью, съ преобладаніемъ духовнаго меча? Я не знаю, каково нынѣшнее отношеніе профессора къ религіи. Перемѣнивъ аксіомы, онъ, вѣроятно, обрекаетъ христіанскую вѣру (кажется, онъ рожденъ въ лютеранствѣ) на роль старой почтенной прислуги въ той изолированной казармѣ, какой онъ желалъ бы видѣть будущую Германію. Можетъ быть, онъ не прочь и обобрать прислугу въ пользу хозяина, воздавъ Кесарево Кесарю и Божье тоже Кесарю: когда въ домѣ не хватаетъ денегъ, первымъ дѣломъ перестаютъ платить прислугѣ. Въ военное время колокола переливаются на пушки и, по капризу исторіи, въ нынѣшней Германіи Вильгельма и Гинденбурга, пожалуй, заиграетъ подъ новую инструментовку революціонная мелодія сороковыхъ годовъ:

Reisst die Kreuze aus der Erden,
Alle sollen Schwester werden...

Кстати, я не прочь бы выяснить, какъ вы сами рѣшаете проблему взаимоотношеній креста и меча?

Химикъ. Я думаю, что не могутъ угаснуть истины, зажегшіяся тихимъ и вѣчнымъ свѣтомъ на берегахъ Тиверіады и въ кельѣ голландскаго стекольщика, у стѣнъ мертваго Port Royal'я и въ старомъ саду Ясной Поляны.

Писатель. Отчего не могутъ? Большинство истинъ, подобно радіоактивнымъ элементамъ, испускаетъ свѣтъ лишь въ теченіе опредѣленнаго времени. Для Анри Пуанкаре ученіе Коперника было гипотезой, столь же условной, какъ средневѣковая доктрина неподвижности земли. Геніальный ученый думалъ, что вопросъ о соотношеніи земли и солнца *невѣрно поставленъ* классической астрономіей. Отсюда можно сдѣлать мало утѣшительный выводъ, что Галилей подвергся пыткѣ и Бруно взошелъ на костеръ изъ-за невѣрно поставленной проблемы. Но если такъ обстоитъ дѣло съ истинами небесной механики, то гдѣ черпаете вы увѣренность въ вѣчной силѣ построеній земной морали?

Химикъ. Достаточно ясно, что какъ только кончится война, всѣ мы, побѣдители и побѣжденные, вновь потянемся къ тѣмъ же вѣчнымъ догмамъ. «Злобою сердце питаться устало, много въ ней правды, да радости мало».

Писатель. Сердцу, какъ желудку, нужна разнообразная пища, но злобою оно можетъ питаться очень долго.

Химикъ. Рискуя показаться вамъ смѣшнымъ, я утвер-

ждаю,—не дѣлая, впрочемъ, отсюда практическихъ выводовъ,—что даже война, въ особенности ея мелкіе эпизоды, засвидѣтельствовала торжество той морали, которая предписываетъ прощать согрѣшившему брату не до семи, а до седмижды семидесяти разъ.

Писатель. Что дѣлать съ братомъ, согрѣшившимъ 491 разъ? Вы мнѣ,—признаюсь, нѣсколько неожиданно,—напомнили московскихъ толстовцевъ, одинъ изъ которыхъ на судѣ изъяснялся въ любви къ «брату-обвинителю».

Химикъ. Замѣтьте, что толстовцы были окружены атмосферой всеобщаго сочувствія и въ обществѣ, и въ народной массѣ, и даже въ средѣ военныхъ судей.

Писатель. Я тоже былъ радъ мягкому приговору суда. Однако, если бы 170 милліоновъ русскихъ людей прониклись взглядами симпатичныхъ подсудимыхъ, братъ Вильгельмъ пировалъ бы теперь въ Кремлѣ. Какъ вы выйдете изъ этой «антиноміи эмоціональнаго и интеллектуальнаго»?

Химикъ. Я готовъ оправдать искренняго толстовца «интеллектуально»...

Писатель. А я нѣтъ: «Lui qui voit tout en Dieu n'y voit pas qu'il est fou». Въ связи съ этой антиноміей и съ упорнымъ нежеланіемъ воюющихъ державъ удовольствоваться благожелательнымъ нейтралитетомъ Бога, мнѣ приходитъ на память слѣдующее. Какъ вы знаете, истинное мѣстонахожденіе могилы Христа не установлено археологической наукой. Видѣніе этого мѣста явилось Императрицѣ Еленѣ, матери Константина Великаго, во время ея путешествія къ Святымъ Мѣстамъ, и произведенныя по ея указанію раскопки дѣйствительно обнаружили остатки креста и кости распятаго человѣка. Здѣсь то, въ результатѣ видѣнія и находки, былъ воздвигнутъ Константиномъ Храмъ Гроба Господня. Однако арабско-еврейская традиція, а съ ней цѣлый рядъ археологовъ, переноситъ Голгофу въ другое мѣсто—у Дамасскихъ воротъ; и кто хоть разъ видѣлъ поражающія воображеніе, зловѣщія скалы этой окраины Іерусалима, тотъ скорѣе допуститъ, что именно здѣсь свершилась казнь, которая сыграла столь необычайную роль въ таинственныхъ судьбахъ людей. Но если вѣрна арабско-еврейская традиція, если правъ англійскій генералъ Гордонъ, разыскавшій у Дамасскихъ воротъ вторую, «подлинную» могилу Христа, то кто же, кто похороненъ на мѣстѣ, понынѣ привлекающемъ ежегодно сотни тысячъ пилигримовъ? Съ незапамятныхъ временъ человѣчество распинаетъ на крестахъ двѣ категоріи «ближнихъ»: самыхъ лучшихъ и самыхъ худшихъ. Но такъ какъ первыхъ неизмѣримо меньше, то естественно возникаетъ выводъ, который въ моихъ глазахъ символизируетъ судьбы государственнаго христіанства, пятнадцативѣковое историческое недоразумѣніе, связанное съ именемъ Константина. И даже не

христіанской вѣры, можно почувствовать легкій холодъ при мысли, что человѣчество уже полторы тысячи лѣтъ съ восторгомъ молится на могилѣ, гдѣ по всей вѣроятности погребены кости удалого молодца большой дороги.

Химикъ. Дѣло Константина Великаго оправдано самымъ фактомъ своей пятнадцативѣковой жизни.

Писатель. Я и не думаю, чтобы этому дѣлу грозила со стороны войны серьезная опасность. Когда стала заново отстраиваться разрушенная землетрясеніемъ Мессина, уцѣлѣвшіе жители первымъ дѣломъ воздвигли крѣпость — для *безопасности* — и соборъ — изъ *благодарности*. Этотъ недавній прецедентъ краснорѣчиво засвидѣтельствовалъ прочность креста и меча даже при самой неблагопріятной «конъюнктурѣ». Но въ теоріи проблема ихъ сожительства почти всегда разрѣшается неопредѣленно... Въ сущности, Вернеръ Зомбартъ, этотъ ученый профессоръ, который такъ старательно себя нататуировалъ и гордо повѣсилъ къ поясу скальпъ Эдуарда Грея (совсѣмъ «Длинный Карабинъ», вождь бреславльцевъ) единственный вполнѣ послѣдовательный милитаристъ нашего времени.

Химикъ. Почему?

Писатель. Война есть зло. Война есть добро. Вотъ двѣ аксіомы, между которыми нужно сдѣлать выборъ. Казалось бы, выборъ нетрудный: что ужъ тутъ хорошаго, если цивилизованные люди рѣжутъ другъ друга и совершаютъ всевозможныя преступленія, прикрывая ихъ звучными латинскими именами, какъ репрессія, реквизиція, контрибуція. Однако, мы знаемъ, что съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, и та, и другая аксіома принимались огромнымъ большинствомъ людей съ весьма существенными ограниченіями, которыя сильно сблизили сторонниковъ самыхъ различныхъ взглядовъ въ ихъ отношеніи къ войнѣ. *Абсолютнымъ* пасифистомъ былъ (вѣрнѣе, хотѣлъ быть) развѣ только Л. Н. Толстой. Громадное же большинство культурныхъ людей нашего времени не стоитъ на точкѣ зрѣнія абсолютнаго пасифизма. Многіе—и отнюдь не одни только глупцы и мерзавцы — отстоятъ даже очень далеко отъ этой точки зрѣнія. Давидъ Юмъ утверждалъ, что вѣчная война превращаетъ людей въ дикихъ звѣрей, а вѣчный миръ—во вьючныхъ скотовъ. Великій англійскій мыслитель, правда, не объяснилъ, сколько именно времени люди могутъ жить въ мирѣ, не превращаясь въ скотовъ, и сколько имъ нужно воевать для того, чтобы превратиться въ звѣрей. Отъ 1870 г. по 1914 г. западная Европа не знала ни одной серьезной войны, однако, признаковъ повальнаго отупѣнія въ ней не было замѣчено. Но возможно, что это именно и былъ максимумъ продолжительности европейскаго миролюбія. Какъ бы то ни было, всѣ мы до сихъ поръ полагали, что въ войнѣ дорогъ главнымъ образомъ ея результатъ: миръ. Цѣною крови—

своей или чаще чужой—мы готовы были пріобрѣтать извѣст
культурныя блага: незагисимость, національное единство, о
ществленіе историческаго права, выходъ къ морю или что
будь еще. Мы думали, что не миръ для войны, а война для м
Вернеръ Зомбартъ думаетъ какъ разъ наоборотъ. Для него м
есть неестественный промежутокъ времени между двумя война
нѣчто вродѣ быстро преходящей непріятной болѣзни. Онъ а
солютный милитаристъ, какъ Толстой былъ *абсолютный* па
фистъ, какъ мы всѣ—середка на половинкѣ. Зомбартъ—Ло
чевскій германской политической мысли. Онъ перемѣнилъ
аксіомы.

— Homo homini lupus,—говоритъ, не блѣднѣя, Гоббсъ (сы
великодушнаго Альбіона)—Homo homini deus,—говоритъ, не кр
нѣя, Фейербахъ (коварный тевтонъ). Разумѣется, оба преув
личиваютъ: человѣкъ человѣку не волкъ и не богъ, а чужо
Но замѣтьте, оба философа говорятъ въ изъявительномъ накл
неніи. Зомбартъ, кажется, первый вставилъ въ волчью форм
наклоненіе повелительное: да будетъ человѣкъ волкомъ че
вѣку! Либеральный оппонентъ автора «Героевъ и Торгашей» К
радъ, повидимому, очень серьезно доказываетъ ему, что Англ
дала міру Шекспира и что Шекспиръ великій писатель. Со
ственно говоря, опровергать теорію Зомбарта доводами обычно
логики безполезно: если изъ словъ человѣка выходитъ, что в
Берлинѣ на Leipzigerstrasse въ лавкахъ торгуютъ исключительн
герои, а изъ Англіи добровольцами отправились въ окопы д
милліона торгашей, то его можно смѣло оставить въ поко
Надо помнить, что въ философіи Зомбарта другія аксіомы. К
нечно, первая мысль, возникающая при знакомствѣ съ ней,
ключается въ томъ, что бреславльскій профессоръ сошелъ с
ума. Такая догадка дѣйствительно высказывалась въ печати
Зомбартъ можетъ сказать себѣ въ утѣшеніе, что, когда Лобач
скій выступилъ впервые со своей «Воображаемой геометріей
она была встрѣчена точно такъ же: извѣстный математик
академикъ М. В. Остроградскій, прямо рекомендовалъ свез
ея автора въ домъ умалишенныхъ. Людямъ очень трудно осво
иться съ мыслью, что можно произвольно мѣнять аксіомы. «Пр
ктическая цѣнность истины измѣряется той вѣрой, которую о
внушаетъ», говоритъ Гюставъ Лебонъ. Практическая цѣнност
лжи—тоже. Какія аксіомы восторжествуютъ у насъ въ 191
году, я не знаю. Но пока духъ сиваго мерина властно пари
надъ страницами европейской прессы. Недаромъ о подвигах
Feldgrauen и чудо-богатырей пишутъ совершенно тѣмъ же ст
лемъ, что о скаковой доблести благороднаго сына Айришъ-Ла
и Медузы.

Химикъ. Дѣло не въ стилѣ. Военная реторика, как
средство, ведущее къ цѣли, тоже служитъ прогрессу.

Писатель. Прогрессу—въ какую сторону? «Человѣчество идетъ назадъ и мы въ первыхъ рядахъ» ....
Какъ объективно, какъ хладнокровно обсуждаемъ мы происходящія событія! Какіе выдумываемъ тонкіе аргументы и какъ кстати ихъ приводимъ:—«А, вы объявили намъ войну! Ну, такъ знайте: Ньютонъ стащилъ дифференціальное исчисленіе у Лейбница!» Изъ-за моря несется телеграфный отвѣтъ флегматическаго британца:—«Самъ дуракъ! Лейбницъ стащилъ дифференціальное исчисленіе у Ньютона».—«Англійскія канальи! Отъ французской болѣзни не вылечитесь безъ нѣмецкаго лѣкарства!». —«А у васъ скоро животики подведетъ отъ голода!». Въ Берлинѣ спорятъ, можно ли играть на сценѣ Шекспира и рѣшаютъ, что можно, такъ какъ онъ ругалъ Францію. У насъ для исполненія сонатъ Бетховена пожаловали послѣднему голландскую натурализацію. Нѣмцы, чтобы доканать французовъ, изгнали изъ своего языка слово coiffeur. Французы, чтобы доканать нѣмцевъ, обогатили свой языкъ словомъ boche. Два бурныхъ потока залили Европу 1914 года: волна героизма и волна глупости. Авторъ «Сида» и авторъ «Бувара и Пекюше», оба нашли бы въ нынѣшнихъ событіяхъ неисчерпаемый источникъ темъ.

Химикъ. Итакъ, вы «не пріемлете» войны? Бѣда въ томъ, что война, какъ смерть, не спрашиваетъ, угодно ли вамъ ее принять.

Писатель. Кто-жъ вамъ сказалъ, что я ея «не пріемлю»? За долгій вѣкъ я, слава Богу, сколотилъ маленькій капиталъ «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ»......
Мнѣ прекрасно извѣстно, что Кай смертенъ и что его природѣ свойственно дѣлать всевозможныя глупости и гадости. Но по утрамъ я открываю газету, вижу въ ней наглядное доказательство смертности Кая (иногда цѣлыхъ дивизій Каевъ), узнаю о томъ, что Кай натворилъ за 24 часа короткой человѣческой жизни, и безъ того достаточно полной зла, и меня давитъ тяжелый кошмаръ исполинскаго дома умалишенныхъ. Я пріемлю и сумасшедшій домъ, но порою позволяю себѣ роскошь называть его сумасшедшимъ домомъ. Видно, сильны въ человѣкѣ нелогичное стремленіе къ логикѣ и экстравагантная идея добра.

Химикъ. Въ этой войнѣ, которую пріемлетъ Анатоль Франсъ и которой не пріемлетъ Сережа Поповъ, разумъ сохранилъ свои державныя права... Неужели вы думаете, что философская мысль ничего не вынесетъ изъ грозныхъ годинъ исторіи?

Писатель. Напротивъ, многое. Но... вы помните, у Шекспира есть сцена, неподражаемая по силѣ таящейся въ ней ироніи. Когда великія несчастья рушатся на голову Ромео, его пробуетъ утѣшить старый Лоренцо.—Вамъ остается,—говоритъ онъ, — «adversity's sweet milk—philosophy», «сладкое молоко несчастья—философія». На это веронскій юноша отвѣчаетъ не

совсѣмъ вѣжливо: «повѣсьте вашу философію, если она не можетъ отдать мнѣ Джульеты».

Химикъ. Ромео—это вы?

Писатель. Нѣтъ, я говорю о васъ. Мои Джульеты давнымъ давно умерли и не встать имъ изъ заколоченныхъ гробовъ. Но вы, вы, сѣдовласый юноша,—кто воскреситъ вамъ вашу Джульету, когда наконецъ вы увидите, что ея больше нѣтъ. Кто вернетъ вамъ вѣру въ силу права, въ прочность культуры, въ общность исканій, въ творческую власть добра, въ неуклонность прогресса, въ идеалы Бѣлинскаго, котораго вы читали гимназистомъ, въ завѣты Грановскаго, котораго вы вовсе не читали? И, главное, кто вернетъ, кто дастъ эту вѣру вашимъ нынѣшнимъ ученикамъ, юношамъ безъ сѣдыхъ волосъ, когда и предъ ними предстанетъ обнаженное тѣло мертвой Джульеты? Вдругъ они позволятъ себѣ маленькую логическую экстраполяцію: наши идейные вожди совершали ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ нѣкоторый нажимъ на истину во имя любви къ родинѣ и къ своему народу. Почему же не допустить, что они нажимаютъ на истину и въ мирное время во имя любви къ своему классу, къ своей партіи, къ своему кружку? Amica veritas, sed magis amicus Plato. И я думаю, что потеря на десятилѣтія вѣры въ печатное слово будетъ не менѣе тяжкимъ послѣдствіемъ войны, чѣмъ неизбѣжные спутники послѣдней—милліоны инвалидовъ, массы разоренныхъ тружениковъ, сотни безчестныхъ богачей, колоссальный ростъ преступности и побѣдоносное шествіе сифилиса.

Химикъ. Въ концѣ концовъ для «моихъ учениковъ», какъ бы они ни были молоды, врядъ ли будетъ откровеніемъ тотъ фактъ, что людямъ свойственно защищать свои интересы. Я все больше убѣждаюсь въ чисто поверхностныхъ свойствахъ вашего великаго скептицизма. Въ сущности, вы принадлежите къ породѣ людей, которыхъ французы называютъ «les idéalistes manqués». Рудинъ, прельщенный философіей Пигасова, истинно говорю вамъ,—надо подождать безпристрастнаго приговора исторіи.

Писатель. Извольте, подождемъ. Ничего другого намъ къ тому же и не остается. Боюсь только, что исторія вынесетъ нѣсколько безпристрастныхъ приговоровъ. Какъ говоритъ одинъ остроумный писатель: «L'histoire est écrite par des gens impartiaux. Ils sont en désaccord, parce qu'il y a des gens impartiaux dans tous les partis». [1]

М. А. Алдановъ.

---

[1] Исторія пишется безпартійными людьми. Они между собой не согласны, потому что безпартійные люди имѣются во всѣхъ партіяхъ.

НАУКА, ДЕМОКРАТІЯ И МИРЪ.

(Старческія мечтанія.)

Передъ ледянящимъ ужасомъ совершающагося, каждый человѣкъ, не отрѣшившійся отъ способности мыслить и чувствовать, настойчиво задаетъ себѣ вопросъ: а что же далѣе, что потомъ, что предприметъ то, что мы привыкли называть человѣчествомъ, для огражденія себя отъ повторенія этихъ ужасовъ въ будущемъ? А что сознаніе этой потребности оградить себя отъ повторенія живетъ рѣшительно во всѣхъ умахъ, въ томъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія. Даже тѣ, кто въ изступленіи кричатъ: «до конца!», «до истощенія!», «до истребленія!», спохватившись, добавляютъ, но только такъ, чтобы это «была послѣдняя война», «война за уничтоженіе войны». Но кому не ясно, что добавляется это только для отвода глазъ. Война имѣла, имѣетъ и можетъ имѣть только два результата: у побѣдителей «l'apetit vient en mangeant», завоеванія вызываютъ жадность къ новымъ завоеваніямъ, вырождающуюся въ манію всемірнаго владычества [1], а у побѣжденныхъ растетъ, сдавленная и тѣмъ болѣе могучая, злоба, воплощающаяся въ давно знакомомъ словѣ—revanche. Нѣтъ, войны войной не уничтожаютъ. Ни милитаризмомъ, ни маринизмомъ не уничтожать милитаризма и маринизма. Синдикатъ капиталистовъ, что бы тамъ ни говорили, можетъ раздавить капиталиста, но не уничтожить зло капитализма, такъ же и съ синдикатомъ милитаристовъ. Ни жизнь, ни исторія не знаютъ гомеопатическаго закона similia similibus curantur—клинъ клиномъ. Старое средство испытано несмѣтными вѣками и оказалось никуда негоднымъ, нужно искать новаго.

Какъ всегда, представляется два исхода: назадъ или впередъ. Въ какую сторону? И здѣсь отвѣтъ будетъ единогласный. Конечно, впередъ. И будетъ онъ единогласный потому, что такъ отвѣтятъ не только убѣжденные сторонники прогресса, но и тѣ, кто, двигаясь не двусмысленно назадъ, прикрываютъ себя личиною прогресса. Такова уже навсегда завоеванная нравственная сила этого слова. Не даромъ сказано: l'hypocrisie est l'hommage du vice à la vertue; [2] даже лицемѣрная вывѣска прогресса говоритъ, что путь, избранный человѣчествомъ, рѣ-

[1] Вѣдь и мы начали войну за суверенныя права Петра Сербскаго и попутно привлекли Красную и Зеленую Русь, проливы и даже никогда ранѣе не упоминавшіеся Кенигсбергъ и Данцигъ.

[2] Лицемѣріе—дань, которую порокъ платитъ добродѣтели.

шенъ безповоротно. Но что же признаемъ мы за главнѣй факторы прогресса, за его главныя движущія силы?

Вотъ тутъ -то пути и расходятся. Здѣсь уже нельзя прятат за неопредѣленныя слова, приходится высказаться на чисто съ возможной ясностью и опредѣленностью. Нѣсколько л тому назадъ, я счелъ возможнымъ выразить свой взгл въ такой формѣ: «чему же учитъ эволюція человѣчества въ б жайшемъ прошломъ, въ какомъ направленіи движется какія силы выдвигаетъ впередъ, какъ главнѣйшіе факто будущаго? Науку и демократію. Наука, опирающаяся на дем кратію, сильная наукой демократія и какъ символъ этого союза явленіе почти невиданное прошлыми вѣками, — демократизаці науки—вотъ прогнозъ будущаго! [1]

Главными новыми факторами я считаю науку и демокра или, какъ я выразился еще много ранѣе,—союзъ между «научно истиной и этической правдой». [2] Это выдвигаетъ длинный ря вопросовъ. Точно ли эти два фактора имѣютъ то выдающее значеніе, какое придаю имъ я; раздѣляется ли это мнѣніе и дру гими; какая связь между ними; въ чемъ ихъ сходство и почем говорю я о союзѣ научной истины и демократической этики? По пытаюсь отвѣтить на всѣ эти вопросы.

Начну съ науки. Точно ли она занимаетъ такое выдающее положеніе въ судьбахъ современнаго человѣчества, какое я е придаю? Ровно тридцать лѣтъ тому назадъ въ 1886 год въ Парижѣ, передъ громадной международной аудиторіей, в которой присутствовали не одни только ученые, я позволи себѣ въ первый, быть можетъ, разъ высказать опредѣленн мысль, что если XVIII вѣкъ прозвали «Le sciècle de la raison» [3] то XIX назовутъ «Le sciècle de la science» [4]. Слѣдомъ за мно взошелъ на каѳедру Рене Гобле, въ то время министръ просв щенія, одинъ изъ радикальныхъ и симпатичныхъ представителе Франціи того времени (Баярдъ третьей республики, какъ его н разъ называли) и въ такихъ выраженіяхъ подтвердилъ мо мысль: «Тотъ вѣкъ, въ которомъ мы живемъ, какъ только что бы совершенно вѣрно сказано, принадлежитъ по преимуществ наукѣ. Какое бы мѣсто ни заняли въ исторіи тѣ замѣчательны событія, которыя онъ пережилъ, его истинный характеръ со общитъ ему тотъ совершенно новый подъемъ научныхъ изсл дованій, который въ изученіи природы далъ средство для расши ренія круга дѣятельности и могущества человѣка». [5]

Понятно, что съ той поры я чутко прислушивался къ выр женію сходныхъ мыслей другими, ловилъ ихъ налету и во что, между прочимъ, мнѣ удалось отмѣтить лѣтъ черезъ дв дцать. Изъ заатлантической демократіи, словно эхо, дошли д меня тѣ же слова, въ той же самой комбинаціи. Въ 1909 го

[1] Насущныя задачи современнаго естествознанія. 3-е изданіе. 1908 Предисловіе ко второму изданію 1904 г.

[2] Насущныя задачи и пр. Общественныя задачи ученыхъ обществъ. 188

[3] Вѣкъ разума.

[4] Вѣкъ науки.

[5] Comptes Rendus 1886.

по случаю празднованія въ Англіи двойныхъ поминокъ: столѣтія дня рожденія Дарвина и Гладстона, редакція едва ли не лучшаго научно-популярнаго журнала, американскаго Popular Science Monthly, останавливаясь на этихъ двухъ именахъ, приходила къ выводу, что въ нихъ выразилась самая выдающаяся черта исторіи Англіи, которую можно выразить двумя словами *«Наука и демократія»*. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ, Англія праздновала другой, еще болѣе славный юбилей, можно сказать, *мiровой юбилей науки*, мiровой науки (по поводу пятаго юбилея Королевскаго Общества) и въ ея прессѣ, въ то время еще не монополизированной Лордомъ Нортклифомъ, раздались такіе голоса. «Наши дѣти родились въ такое время, когда наука стала или становится главнымъ факторомъ въ человѣческихъ дѣлахъ и, несмотря на то, она еще не заняла соотвѣтствующаго мѣста въ умственномъ багажѣ, въ системѣ воспитанія тѣхъ, кто стремится быть правящими классами въ нашей странѣ... и тѣхъ, кто, занимая болѣе скромныя мѣста, своимъ голосованіемъ возносятъ этихъ правящихъ на ихъ вліятельные посты.» Это былъ голосъ житейскихъ сферъ, и трудно было бы въ болѣе опредѣленной формѣ указать на современное значеніе науки и на ея отношеніе къ демократіи страны.

Этотъ международный праздникъ науки былъ ея послѣднимъ мирнымъ торжествомъ, и тѣмъ болѣе любопытны его еще столь недалекіе отклики. Всѣ нѣмецкіе университеты прислали общій привѣтъ, выгравированный на металлической доскѣ, съ просьбою прибить ее на историческихъ стѣнахъ Королевскаго Общества, въ доказательство грядущимъ поколѣніямъ той дружбы, которая соединяетъ представителей германской и англійской науки. Это собраніе свидѣтельствуетъ о международномъ братствѣ всѣхъ ищущихъ истину». «Отнынѣ существуетъ международная республика науки»—можно было слышать отъ разноплеменныхъ ораторовъ на этомъ послѣднемъ праздникѣ мiровой науки.

Не прошло и года, какъ раскаты грома, донесшіеся съ Балканскаго полуострова, возвѣстили прелюдію мiровой войны. Какъ же отнеслись къ ней представители науки? Уже упомянутый американскій ученый встрѣтилъ ее статьей, переводъ которой я предложилъ «Русскимъ Вѣдомостямъ».[1] Озаглавлена она: «Наука и всеобщій миръ». Эта прекрасная статья начинается такъ: «Наука была однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ, способствовавшихъ водворенію «на землѣ мира въ человѣцѣхъ благоволенія.» Успѣхи науки и демократіи въ обузданіи войны—главнѣйшія завоеванія современной цивилизаціи. Можно смѣло отстаивать мысль, что наука обезпечила торжество демократіи и обѣ вмѣстѣ онѣ общими силами будутъ способствовать осуществленію всеобщаго мира!» Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на порогѣ 1913 года, уже отъ своего имени, я вернулся къ той же темѣ въ небольшой новогодней статьѣ, такъ и озаглавленной «Наука и демократія». Указавъ въ двухъ словахъ на только что упомянутый

[1] Русск. Вѣдом. 1913.

международный съѣздъ ученыхъ и на отзывы о немъ англійской печати, о связи между наукой и демократіей, я перехожу къ злобѣ дня и говорю: «Не обнаруживается ли связь между наукой и демократіей и на почвѣ другого, болѣе остраго, болѣе жгучаго современнаго вопроса»? Недавно на этихъ страницахъ (т.-е. въ «Русск. Вѣд.») я привелъ краснорѣчивыя строки американскаго ученаго, развивающаго мысль, что наука и демократія, идущія рука объ руку, солидарны и въ общемъ стремленіи водворить на землѣ общій миръ. Слова эти прозвучали какъ-то сиротливо, чѣмъ-то кабинетнымъ передъ взрывами общихъ воинственныхъ восторговъ, охватившихъ почти всю нашу печать.[1] Но не прошло и нѣсколькихъ недѣль, какъ могучій голосъ демократіи всей Европы (не исключая несчастной Болгаріи) раздался подъ гостепріимными сводами Базельскаго Собора[2] и прозвучалъ въ униссонъ съ голосами представителей науки заокеанской демократіи. Не имѣю ли я основанія въ этихъ двухъ выдающихся событіяхъ[3] прошлаго года видѣть доказательство всемірнаго братства представителей науки и труда и ихъ солидарность во враждѣ къ самому позорному пережитку вѣковаго варварства и новое доказательство въ пользу общаго положенія, защищаемаго мною уже не первый годъ, что въ міровой борьбѣ, завязывающейся между той частью человѣчества, которая смотритъ впередъ, и тою, которая роковымъ образомъ вынуждена обращать свои взоры назадъ, на знамени первой будутъ начертаны слова: «наука и демократія—симъ побѣдишь!»

Такимъ образомъ, я, во всякомъ случаѣ, не былъ въ числѣ «привѣтствовавшихъ» выступленіе Болгаріи на путь милитаризма и въ моментъ ея побѣды, передъ которой европейская демократія устами Лорда Грея преклонилась, какъ передъ fait accompli, я называлъ ее «несчастной», хотя, конечно, какъ и никто, не угадывалъ, какъ скоро ея торжество смѣнится торжествомъ синдиката трехъ милитаристовъ противъ одного.

Когда Балканская война перешла въ міровую—американскій, уже не разъ упомянутый, научный журналъ не выступилъ съ новой статьей, а ограничился перепечаткой всего, что онъ печаталъ на своихъ страницахъ противъ войны за все время своего существованія.

Но я, забѣжавъ впередъ, уже перешелъ къ вопросу объ отношеніи науки и демократіи къ войнѣ, а выше было намѣчено еще два вопроса: въ чемъ ихъ взаимная связь и почему я отождествляю первую со служеніемъ истинѣ, а вторую со стремленіемъ къ осуществленію правды на землѣ.

Связь между наукой и демократіей, понятно, двоякая—и

[1] Даже искренній пасифистъ, бѣдный Максимъ Максимовичъ Ковалевскій въ статьѣ, появившейся уже послѣ его смерти, писалъ: «Мы всѣ привѣтствовали федерацію балканскихъ народовъ».

[2] Событія несутся такъ быстро, вытѣсняя одно другое изъ памяти, что считаю не лишнимъ напомнить, что имѣю здѣсь въ виду собранную Жоресомъ конференцію международной демократіи.

[3] Т.-е. въ международномъ съѣздѣ ученыхъ и конференціи демократіи.

матеріальная и умственная. Начнемъ съ первой. Наука должна придти на помощь труду, для того, чтобы при содѣйствіи знанія сдѣлать его болѣе производительнымъ, а въ свою очередь для того, чтобы, опираясь на сознательную поддержку демократіи, стать свободной отъ унизительной опеки не демократическихъ правительствъ или далеко не всегда просвѣщеннаго меценатства капитала. Остановлюсь на одномъ изъ выдающихся примѣровъ этой связи: на отношеніи науки къ земледѣлію. Вотъ что я говорилъ на эту тему въ 1905 году: «нѣсколько лѣтъ тому назадъ я высказалъ глубокое убѣжденіе, что лозунгъ надвигающагося будущаго— «наука и демократія», и нигдѣ, я думаю, онѣ не соприкасаются такъ близко, какъ въ области земледѣлія, гдѣ наука является могучимъ непосредственнымъ орудіемъ для увеличенія производительности личнаго труда [1].» «Не слѣдуетъ забывать, говорилъ я еще ранѣе, что современный буржуазный строй не отказываетъ наукѣ въ извѣстномъ почетѣ, онъ готовъ предоставить ей крупицы, падающія съ роскошной трапезы капитализма, и это невольно заставляетъ задуматься о будущности этой науки; раздѣляя съ сегодняшними побѣдителями ихъ добычу, не будетъ ли она когда-нибудь вмѣстѣ съ ними привлечена къ отвѣту [2]. Но съ другой стороны и демократія, которая отшатнулась бы отъ науки, скоро стала бы рабой—природы».

Переходя къ частному случаю, къ задачѣ улучшенія нашего крестьянскаго земледѣлія, по примѣру Германіи, я говорю: «Но, возразятъ, все это, можетъ быть, и вѣрно, но тѣмъ не менѣе, подъемъ нашего крестьянскаго хозяйства до уровня нѣмецкаго невозможенъ. Откуда взять необходимыя на то средства? Я полагаю, мы разучились понимать истинный смыслъ слова невозможно. Мы привыкли считать самое невозможное возможнымъ, а невозможнымъ только безусловно необходимое. Возможно, чтобы нищій крестьянинъ вынесъ на своихъ плечахъ искусственно поощряемую промышленность; возможно, чтобы онъ своимъ трудомъ поддерживалъ мудрую политику вооруженнаго мира, этого вѣрнѣйшаго средства нажить ненависть чужихъ народовъ, разоряя свой; возможно, наконецъ, чтобы онъ оплачивалъ своимъ трудомъ, своею кровью безумнѣйшую изъ войнъ [3]. Все это возможно—невозможнымъ оказывается только дать ему передохнуть, воздержаться на время отъ этихъ поощреній и непроизводительныхъ затратъ, попридержать у себя эти милліарды для поднятія плодородія земли, уже отказывающейся его кормить. Какъ бы то ни было, но утверждать, что это невозможно, значитъ, утверждать, что дальнѣйшее существованіе русскаго народа на широкомъ просторѣ его родины—невозможно». Въ числѣ настоятельно необходимыхъ мѣръ я указывалъ на примѣненіе минеральныхъ удобреній. Слова эти относятся къ 1905 году, но они вновь оказываются вполнѣ современными и не только у насъ, но даже въ Англіи. Въ многочисленныхъ статьяхъ, какъ въ спе-

[1] Наука и земледѣлецъ. 1906 г.
[2] Предисловіе къ переводу «Наука и нравственность», Бертло.
[3] Лекція читана въ 1905 году.

ціальной, такъ и въ общей англійской печати, возбуждающій вопросъ, а что же потомъ, послѣ войны,—авторы приходятъ къ выводу—прежде всего необходимо заняться земледѣліемъ и главнымъ образомъ, малоземельнымъ и чуть не главнымъ средствомъ признается то же средство, на которое указывалъ и я—минеральныя удобренія. Судя по слухамъ, проникающимъ въ печать, у насъ, повидимому, возникла даже комиссія, вѣдающая этотъ вопросъ. Если на этотъ разъ будетъ что-нибудь достигнуто, придется сказать: не бывать бы счастью, да несчастье помогло. Примѣромъ того, что можетъ сдѣлать для земледѣлія союзъ между наукой и демократіей, показали Сѣверо-Американскіе Штаты, гдѣ наука имѣла естественное демократическое развитіе и въ настоящее время, придя на помощь демократіи, даетъ, быть можетъ, самые поразительные результаты. Любопытныя свѣдѣнія объ этомъ приводитъ переведенная мною книга *Гарвуда «Обновленная земля»;* въ одномъ мѣстѣ своей книги авторъ говоритъ: «Если развиваемыя здѣсь идеи охватятъ всѣхъ тружениковъ земли, создастся могучая сила, превосходящая все, что можетъ себѣ представить самая богатая фантазія, и тогда горе эксплуататорамъ (съ ихъ тактикой «раздавить или развратить»), если ихъ освободившіяся жертвы примѣнятъ къ нимъ самимъ ихъ собственную тактику». А главнымъ факторомъ совершающагося переворота—обновленія земли Гарвудъ считаетъ «безкорыстный трудъ» американскихъ ученыхъ, «примѣняющихъ свои, во всякомъ случаѣ, недюжинныя способности не къ личному обогащенію, путемъ эксплоатаціи чужого труда, а къ баснословному обогащенію своего народа, путемъ его просвѣщенія наукой».

Отъ связи матеріальной переходимъ къ связи умственной и нравственной. Мы уже видѣли, какъ отнеслась къ этому вопросу англійская печать, указывая, что отнынѣ наука должна входить въ умственный багажъ каждаго англійскаго избирателя. Еще полнѣе развита и обоснована была эта мысль Пирсономъ[1]. Съ демократизаціей общества, съ увеличеніемъ области правъ отдѣльнаго гражданина растетъ и нравственная отвѣтственность каждаго за свою долю участія въ общественныхъ дѣлахъ.

Первый долгъ, который налагаетъ эта отвѣтственность, заключается въ нравственномъ обязательствѣ развить въ себѣ способность къ логическому мышленію. А это развитіе всего вѣрнѣе достигается изученіемъ положительной науки въ школѣ или еще лучше въ теченіе всей жизни путемъ самообразованія. Но позвольте,—возразятъ, конечно, философы,—логически мыслить учитъ логика. На это можно дать два отвѣта. Во первыхъ, какъ изящному слову учатся не въ грамматикѣ, а въ хрестоматіяхъ, такъ и логикѣ учатся не по руководствамъ, а на безсмертныхъ образцахъ великихъ ученыхъ. А во-вторыхъ, имъ можно отвѣтить: ваша старая, формальная логика, отъ грековъ до схоластиковъ, учила только, какъ умозаключать, выводить истины изъ другихъ

[1] Пирсонъ. «Наука и обязанности гражданина», пер. К. Тимирязева. 1905г.—отдѣльной брошюрой, потомъ вошла въ составъ «Насущныя задачи современнаго естествознанія».

понятія или того, что произвольно признавалось за истину. Только наука учитъ тому, какъ добывать истину изъ ея единственнаго источника — изъ дѣйствительности. — Это было впервые сознано лѣтъ триста тому назадъ. Но только въ XIX вѣкѣ возникла реальная школа логики (Миль, Бэнъ, Минто и др.), показывающая, что, пользуясь пріобрѣтеніями формальной логики, науки сами въ свою очередь послужили ей основой (логика наукъ).

Но современная наука призвана служить не одной только умственной школой для демократіи; она имѣетъ притязаніе служить ей и реальной, научной школой этики, свободной отъ какихъ-нибудь трансцендентныхъ допущеній, но отправляющейся отъ явленій самой жизни и ихъ эволюціи въ исторіи — этикой Конта и Бентама, Миля и Спенсера и, наконецъ, эволюціонной этикой Дарвина и его послѣдователей Голтона, Сутерланда, Пирсона и др.

Почти въ то же время, какъ появилось «Происхожденіе видовъ» (1859), положившее основу реальной теоріи эволюціи, вышла въ свѣтъ и блестящая книга Миля *Утилитаріанизмъ* (1863), положившая основу реальной этики, этики безъ трансцендентальныхъ предпосылокъ, а выходящей изъ положенія по существу демократическаго, изъ начала: «Наибольшаго блага наибольшаго числа». Этотъ знаменитый принципъ — принято приписывать Бентаму, но самъ Бентамъ указывалъ, что встрѣтилъ эту мысль у великаго ученаго и въ то же время «типическаго представителя умственнаго героизма XVIII вѣка, этого честнаго еретика — Джозефа Пристли, какъ выражается о немъ его позднѣйшій біографъ [1].

Въ свою очередь Дарвинъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ появленія «Утилитаріанизма» Миля въ своемъ «Происхожденіи человѣка» (1871), дойдя до вопроса объ эволюціи нравственнаго чувства, опредѣленно высказалъ мысль, что она беретъ начало изъ «соціальнаго чувства», задатки котораго уже встрѣчаются у животныхъ. Сутерландъ [2] въ двухъ томахъ, его далеко не достаточно оцѣненной книги, развиваетъ идею изложенную въ одной главѣ Дарвина. Наконецъ, Пирсонъ, отправляясь отъ Голтона и Дарвина, категорически заявляетъ: «Я не знаю другой нравственности, кромѣ соціальной». «Для меня нравственно то, что соціально; безнравственно то — что антисоціально» [3]. Такова эта современная, реальная этика, берущая начало въ положительной наукѣ и основывающаяся на общемъ съ демократіей «соціальномъ чувствѣ».

Указавъ на внѣшнюю матеріальную и внутреннюю умственную и нравственную связь между наукой и демократіей, посмо-

[1] Ioseph Priestle, by Thorpe 1906.

[2] Sutherland. Origin and growth of the moralinstinct 1898. Есть русскій переводъ.

[3] K. Pearson. Social Problems 1912. Помню, какъ отстаивая это положеніе въ спорѣ съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, я привелъ ему такой аргументъ: «Робинзонъ до встрѣчи съ Пятницей не могъ быть ни нравственнымъ, ни безнравственнымъ». Онъ мнѣ могъ сдѣлать только одно возраженіе, неудобное для печати,но и оно было неубѣдительно.

тримъ, не подкрѣпляется ли она и сходствомъ ихъ прошлаго, ихъ эволюціей. «Какъ въ наукѣ человѣчество нашло третью и вѣрную форму исканія истины, извѣрившись въ первыхъ двухъ, такъ и въ демократіи оно видитъ третью форму осуществленія правды въ жизни, извѣрившись въ первыхъ двухъ. Какъ на основаніи закона, по которому борьба бываетъ наиболѣе обостренной между формами наиболѣе близкими, наукѣ приходится выдерживать натискъ ближайшей своей предшественницы Метафизики, такъ и демократіи приходится выдерживать натискъ со стороны вырождающейся буржуазіи. Какъ метафизика, желая удержать развитіе человѣческаго разума рамками своей схоластической діалектики, невольно вынуждена бросать привѣтливые взоры своему исконному врагу — клерикализму, такъ и та часть буржуазіи, которая не желаетъ подчиняться закону развитія, вынуждена вступить въ связь съ тѣми силами, побѣдительницею которыхъ еще недавно себя считала. Наконецъ, и вздыхающая по прошлому буржуазія и пятящаяся назадъ метафизика не прочь протянуть другъ другу руку помощи» [1] — это послѣднее обстоятельство особенно наглядно выступаетъ въ той поддержкѣ, которую встрѣчаетъ въ рядахъ французской буржуазіи философія Бергсона.

Все это не оправдываетъ ли высказанную выше мысль, что только въ этихъ двухъ факторахъ будущаго прогресса можно надѣяться найти тѣ новыя силы, которыя будутъ въ состояніи побѣдить войну. Но, скажутъ, почему же не въ другихъ, болѣе старыхъ факторахъ, почему не въ религіи или философіи, какъ продолжаютъ думать еще многіе? [2] А уже по тому одному, что имъ всецѣло принадлежало прошлое, и за десятки вѣковъ неоспоримаго владычества онѣ ни на шагъ не подвинули человѣчества по этому пути. При этой мысли невольно выплываютъ далекія личныя переживанія. Вотъ что я думалъ по этому поводу шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, шестнадцатилѣтнимъ юношей. Шестьдесятъ лѣтъ размышленій на одну и ту же тему, вѣдь это что-нибудь да значитъ! Уже тогда я громилъ войну и такъ закончилъ свою діатрибу[3]. «Et dans les temples! Oh comble d'horreur! Dans les temples les vainqueurs ausant lever leure mains ensanglantées vers leur Dieu, leur père en lui adressant des actions de grâces pour leur avoir

---

[1] «Насущныя задачи современнаго естествознанія». Предисловіе къ третьему изданію.

[2] Я нахожусь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ обширной рѣчи нашего извѣстнаго религіознаго философа профессора Лопатина «Неотложныя задачи современной мысли», Москва 1916, какъ разъ отвѣчающей на тему, откуда ждать «полнаго измѣненія самочувствія въ современномъ человѣкѣ послѣ того, вызваннаго войной, великаго крушенія европейской культуры во всемъ томъ, что составляло, казалось, ея наиболѣе прочныя и драгоцѣнныя пріобрѣтенія и цѣнности».

[3] Въ сочиненіи своему французскому учителю. Съ уваженіемъ вспоминаю я почтеннаго m-r Fillon, у котораго былъ оригинальный педагогическій пріемъ. Онъ требовалъ, чтобы сочиненіе на тему, выбранную всегда самимъ ученикомъ, было имъ не только записано въ тетрадку, но и разучено и произнесено наизусть. Такъ было и на этотъ разъ на тему «La guerre», и вотъ причина, почему оно сохранилось въ памяти семидесятипятилѣтняго старика.

[illegible] son aide a tuer leurs semblables, leurs Frères — ses propres [illegible]»[1] Давно остылъ подсказывавшій эти слова религіозный [illegible] сегодняшняго позитивиста, тогда еще искренно, убѣжденно [п]роходившаго свой теологическій стажъ, но признаюсь откровенно, [ч]то и въ настоящее время едва ли что такъ глубоко возмущаетъ [м]ое нравственное чувство, какъ та легкость, съ которой искренно [в]ѣрующіе люди du jour au lendemain превращаютъ своего Бога, [о]бщаго отца, въ дѣтоубійцу. Но можетъ быть у философовъ, у [р]елигіозныхъ философовъ, найдемъ мы болѣе послѣдовательности, [б]олѣе устойчивости въ этомъ вопросѣ о войнѣ — какія-нибудь [у]казанія на отношеніе къ нему въ будущемъ. И здѣсь не велики [н]адежды. Вотъ что пришлось мнѣ говорить нѣсколько лѣтъ тому [н]азадъ. «Искренній христіанинъ, истинно гуманный человѣкъ, [е]ще недавно такъ краснорѣчиво изобразившій антитезу между [К]серксомъ и Христомъ, договорился до тождества креста и меча. [Б]ѣдный Владиміръ Сергѣевичъ![2] Онъ только еще разъ доказалъ, [ч]то русскій человѣкъ не можетъ безнаказанно задерживаться [в]ъ туманныхъ дебряхъ мистики и метафизики, что эти явленія [в]сегда отмѣчаютъ нездоровую, ненормальную полосу въ жизни [о]тдѣльныхъ ли даровитыхъ личностей или всего русскаго обще[с]тва». Въ моей памяти встаетъ еще другой и болѣе разительный [п]римѣръ. Вотъ въ этомъ старомъ креслѣ, которое и теперь передо [м]ной, сидѣлъ человѣкъ, къ голосу котораго прислушивалась не [о]дна Россія, но и весь міръ, и вотъ слова его откровеннаго при[з]нанія: «Вѣдь, кажется, вы не можете сомнѣваться въ моей нена[в]исти къ войнѣ, а я скажу откровенно, что каждый разъ, когда [м]нѣ говорятъ, что «мы станемъ твердой стопой на «тихомъ океанѣ» —тутъ что-то шевельнется» (онъ указалъ на грудь). Это было [в]о время Японской войны, а говорилъ это Левъ Николаевичъ Толстой. И вспомнилось мнѣ иное по содержанію, но такое же от[к]ровенное признаніе также великаго писателя земли русской: «а другія всѣ (слова), народность тамъ, слова кровью пахнуть— Богъ съ ними»[3]. Нѣтъ, никакая религіозная философія, никакая трансцендентная этика не оградитъ насъ отъ увлеченія словами «пахнущими кровью», для этого надо искать заручки въ словѣ «цивилизація» и въ ея новѣйшихъ факторахъ.

Что же говоритъ голосъ этики реальной; въ чемъ видитъ она надежду на избавленіе отъ повторенія испытанныхъ нами ужа[с]овъ? Среди безчисленныхъ голосовъ, возвѣщающихъ избавленіе въ сохраненіи, въ упроченіи того, что есть, одиноко прозву[ч]алъ голосъ англійской свободной демократіи. Она останавли[в]ается не на далекихъ изначальныхъ причинахъ зла, кроющихся [в]ъ какихъ-то будто прирожденныхъ инстинктахъ народовъ, дѣ[л]ающихъ ихъ исконными врагами. Она исходитъ изъ ближай-

---

[1] А въ храмахъ! О, ужасъ, о позоръ! Въ храмахъ, побѣдители осмѣ[л]иваются воздѣвать окровавленныя руки свои къ своему Богу, общему [о]тцу, вознося ему хвалу за оказанную имъ помощь въ убійствѣ своихъ [б]лижнихъ, своихъ братій—его дѣтей!

[2] Соловьевъ.

[3] А также: «И къ чему тутъ крестъ на Святой Софіи?»

шихъ осязательныхъ актовъ ограниченнаго числа людей, игра-
щихъ роль пружинъ или курковъ, вызывающихъ тѣ хаотическіе
взрывы безотчетныхъ силъ, задержать которые уже не въ силахъ
ни голосъ разума, ни внушенія общественной совѣсти. Этотъ
голосъ демократіи выражается въ требованіи «демократическаго
контроля» надъ тѣми, кто присвоили себѣ право распоряжаться
судьбами народовъ и прежде всего надъ тѣмъ органомъ, кото-
рый подготовляетъ всякую войну — надъ дипломатіей. — Вотъ
первый реальный совѣтъ, первое новое указаніе на иное буду-
щее, которое, отличаясь отъ прошлаго и настоящаго, представляло
бы надежду на прекращеніе старыхъ ужасовъ. Контроль демо-
кратіи надъ дипломатіей, заявленіе демократіей права на рѣ-
шеніе вопроса о своей коллективной жизни и смерти—вотъ пока
единственное слово, раздавшееся среди сумятицы голосовъ, по-
вторяющихъ старые лозунги, старые неоправдавшіяся притяза-
нія. Талантливый англійскій романистъ-публицистъ Уэльсъ,—
устами своего героя говоритъ: — «Я не отвѣтственъ за лорда
Грея». Но демократія не довольствуется Пилатовскимъ оправда-
ніемъ; она не останавливается передъ ужасной отвѣтственностью,
а, напротивъ, желаетъ принять ее на себя, такъ какъ отъ нея за-
висятъ жизнь и будущность современныхъ и грядущихъ поко-
лѣній. Лордъ Грей и ему подобные рѣшаютъ во мракѣ своихъ
канцелярій, своими шифрованными депешами, судьбы народовъ,
пока не поставятъ ихъ лицомъ къ лицу съ непоправимымъ, ро-
ковымъ совершившимся фактомъ. Демократія требуетъ, чтобы
возможность этого факта, до его совершенія, всесторонне обсужда-
лась самими народами и не о томъ ли же говорилъ до войны
скромный ученый демократической страны, на котораго мнѣ
приходится столько разъ ссылаться: «Если бы объявленіе войны
или ведущихъ къ ней ультиматумовъ подвергалось предваритель-
ному не слишкомъ поспѣшному референдуму, а военныя издерж-
ки взимались бы заблаговременно путемъ прямого налога, въ ре-
зультатѣ бы оказалось очень мало войнъ, но мы еще очень да-
леки отъ истинной политической и соціальной демократіи»[1].
А дипломаты ведутъ свой народъ съ завязанными глазами до
самаго края пропасти, въ которую его моментально сталкиваютъ.
То же дѣлаютъ дипломаты другого берега. А когда ничего не ожи-
давшіе, ничего не понимающіе народы оказываются въ смертель-
ной схваткѣ, въ которой остается лишь одно — скорѣе пере-
грызть горло, пока тебѣ его не перегрызли — дипломаты любу-
ются на дѣло рукъ своихъ, объясняя его расовой ненавистью,
историческими задачами, борьбой за культуру и другими хоро-
шими словечками, придуманными après coup. И это тѣмъ болѣе
легко, что съ войной водворяется царство лжи[2], лживынужден-

[1] «Наука и всеобщій миръ». Р. В. 1812

[2] Я сознательно пережилъ болѣе двадцати войнъ, и вотъ двойственное впечатлѣніе отъ самой первой изъ нихъ, — венгерскаго похода 1848 г. Между тѣмъ, какъ кругомъ все ликовало по поводу побѣдъ, дома отъ отца и матери я слышалъ о несчастныхъ венграхъ и ихъ героѣ Кошутѣ и живо помню двѣ картинки лондонской иллюстраціи: на одной былъ изображенъ тріумфальный въѣздъ въ Лондонъ героя побѣжденныхъ—Кошута, а на другой—

ной и доброхотной, лжи купленной и даровой, лжи обманывающихъ и обманутыхъ—и тогда уже нѣтъ исхода. Вотъ почему очевидно, что на борьбу съ войной можно разсчитывать не во время войны и даже не послѣ нея, а только предотвративъ ея возможность устраненіемъ тѣхъ, чья спеціальность—спускать съ цѣпи этого демона войны. Ту же надежду на будущую роль демократіи, которую высказывалъ во время Балканской войны американскій ученый, можетъ быть еще опредѣленнѣе высказалъ нашъ экономистъ уже въ самый разгаръ настоящей войны по поводу шансовъ на миръ въ грядущія времена. «Еще не пришла пора господства разума надъ стихіями. Отсутствуетъ самый крупный и необходимый фундаментъ для зданія мировой культуры—господство демократическихъ элементовъ. Всякая демократія мирна по своему настроенію, ибо трудъ нуждается въ спокойной обстановкѣ». «Если бы соціальная власть находилась въ рукахъ демократіи, то несомнѣнно, катастрофы были бы исключены изъ общественной жизни».[1]

Итакъ, на вопросъ, почему изъ всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ факторовъ современности именно на науку и демократію возлагаемъ мы главную надежду на возможность будущаго обузданія войны, мы прежде всего отвѣчаемъ: потому, что остальныя—религія, метафизика, философія, трансцендентная этика и проч., имѣя десятки вѣковъ въ своемъ распоряженіи, не успѣли и не успѣваютъ въ этомъ и въ настоящее время [2]. Наука и демократія—факторы новые, только выступающіе на міровую сцену, но несомнѣнно самые существенные элементы современной культуры. Надежды можно возлагать на орудіе еще не испытанное. То, что уже испытано и оказалось негоднымъ, надежды не внушаетъ.

А, во-вторыхъ, наука и демократія по самому существу своему враждебны войнѣ. Наука тождественна съ истиной; внѣ истины она не существуетъ, просто не мыслима, потому она и едина. Нѣтъ науки ложной въ Берлинѣ, истинной въ Москвѣ. Стихія войны — ложь. Самый фактъ ея существованія зиждется на допущеніи, «что истина по одну сторону Пириней — ложь по другую». Война зарождается во лжи и протекаетъ въ ея атмосферѣ; не даромъ первымъ ея условіемъ даже въ самыхъ культурныхъ странахъ является торжество цензуры. Основа реально научной этики — соціальное чувство, принципъ «наибольшаго блага наибольшаго числа». А наибольшее благо (summum bonum

---

рабочіе извѣстной лондонской пивоварни (Баркли и Перкинсъ) избивали палками героя побѣдителей, своеобразно знаменитаго австрійскаго генерала Гайнау. Это было безъ малаго 70 лѣтъ тому назадъ. Такъ рано запавшая скептическая мысль невольно всплывала при каждой послѣдующей войнѣ.

[1] М. В. Бернацкій. Исторія нашего времени. Вып. 31, стр. 102—104.

[2] Прочтя съ величайшимъ вниманіемъ упомянутую выше рѣчь профессора Лопатина, я не нашелъ въ ней ни малѣйшихъ указаній, откуда ждать исцѣленія отъ современныхъ ужасовъ, и полагаю, что его тонко-схоластическая попытка разрѣшенія проблемы зла едва ли можетъ принести искомое успокоеніе религіозно настроеннымъ умамъ.

философовъ) реальной этики, источникъ и условіе всѣхъ остальныхъ благъ—жизнь. Откуда высшее зло — уничтоженіе жизни единичной, а тѣмъ болѣе массовой — война. Право ограждать себя отъ этого зла должно быть верховнымъ правомъ демократіи. Но въ этомъ ея голосѣ, требующемъ защиты ея отъ дипломатіи, не слышенъ ли далекій отголосокъ словъ основателя эволюціонной этики, видѣвшаго въ дипломатіи позорный пережитокъ первобытной этики дикаря. «Современный дикарь цѣнитъ правдивость, честность, но только по отношенію къ своимъ. Обмануть врага считается добродѣтелью. Да и мы, говоритъ Дарвинъ, точно ли мы всегда цѣнимъ справедливость ради справедливости — точно ли и у насъ нѣтъ двухъ мѣрокъ для своихъ и для чужихъ? Если вы въ этомъ сомнѣваетесь,—посмотрите на дипломатовъ» [1]. Присмотрѣвшись еще ближе къ дѣятельности дипломатіи, не добавилъ-ли бы онъ—да и отъ своихъ не заботится ли она скрывать истину вплоть до того момента, когда съ войной начинается всецѣло господство лжи.

Если вы хотите, чтобъ современный человѣкъ перестаuлъ походить на своего дикаго предка — долой ложь во всѣхъ ея видахъ,—говоритъ наука [2]. Если вы хотите, чтобы правда водворилась на землѣ, говоритъ демократія, предоставьте мнѣ самой ограждать себя отъ величайшаго изъ золъ — отъ войны; быть самой на стражѣ священнѣйшаго изъ моихъ правъ — права на жизнь. И ихъ требованія сходятся по существу. Согласится ли человѣчество когда-нибудь съ этими требованіями, захочетъ ли оно выйти на новый путь — войны противъ войны? — Кто знаетъ. Одно только очевидно для всякаго мыслящаго человѣка: если не захочетъ, то останется при томъ, что было—при безысходномъ, безумномъ ужасѣ того, что есть.

Январь. 1917.

К. Тимирязевъ.

P. S. Эта статья была отправлена въ редакцію 1-го февраля; черезъ нѣсколько недѣль старческія мечты превратились въ молодую дѣйствительность. Глазами, которыхъ застилали старческія слезы радости, мнѣ привелось увидѣть въ рукахъ демократической молодой Россіи рабочихъ, работницъ и солдатъ хоругви, съ начертанными на нихъ словами «Миръ и братство народовъ». А главную мысль статьи лозунгъ *свободной демократической Англіи «Демократическій контроль надъ дипломатіей»*—громко повторяетъ и свободная русская демократія!

---

[1] Тимирязевъ. «Дарвинъ, какъ типъ ученаго». 1878.

[2] Старикъ Сольвей не такъ давно, на пріемѣ пріѣхавшей его привѣтствовать депутаціи отъ Парижской Академіи, сказалъ знаменательныя слова: «La verité sera la science ou ne sera pas»—Истина станетъ наукой, или перестанетъ существовать».

ПИСЬМА КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

IV.

Русскій народъ обвѣнчался со Свободой. Будемъ вѣрить, что отъ этого союза въ нашей странѣ, измученной и физически, и духовно, родятся новые сильные люди.

Будемъ крѣпко вѣрить, что въ русскомъ человѣкѣ разгорятся яркимъ огнемъ силы его разума и воли, силы, погашенныя и подавленныя вѣковымъ гнетомъ полицейскаго строя жизни.

Но намъ не слѣдуетъ забывать, что всѣ мы—люди вчерашняго дня, и что великое дѣло возрожденія страны въ рукахъ людей, воспитанныхъ тяжкими впечатлѣніями прошлаго въ духѣ недовѣрія другъ къ другу, неуваженія къ ближнему и уродливаго эгоизма.

Мы выросли въ атмосферѣ «подполья»; то, что мы называли легальной дѣятельностью, было, въ сущности своей, или лучеиспусканіемъ въ пустоту, или же мелкимъ политиканствомъ группъ и личностей, междоусобной борьбою людей, чувство собственнаго достоинства которыхъ выродилось въ болѣзненное самолюбіе.

Живя среди отравлявшихъ душу безобразій стараго режима, среди анархіи, рожденной имъ, видя, какъ безграничны предѣлы власти авантюристовъ, которые правили нами, мы—естественно и неизбѣжно—заразились всѣми пагубными свойствами, всѣми навыками и пріемами людей, презиравшихъ насъ, издѣвавшихся надъ нами.

Намъ негдѣ и не на чемъ было развить въ себѣ чувство личной отвѣтственности за несчастія страны, за ея постыдную жизнь, мы отравлены трупнымъ ядомъ издохшаго монархизма.

Публикуемые въ газетахъ списки «секретныхъ сотрудниковъ Охраннаго отдѣленія»,—это позорный обвинительный актъ противъ насъ, это одинъ изъ признаковъ соціальнаго распада и гніенія страны, — признакъ грозный.

Есть и еще много грязи, ржавчины и всяческой отравы, все это не скоро исчезнетъ; старый порядокъ разрушенъ физически, но духовно онъ остается жить и вокругъ насъ, и въ насъ самихъ. Многоглавая гидра невѣжества, варварства, глупости, пошлости и хамства не убита; она испугана, спряталась, но не потеряла способности пожирать живыя души.

Не нужно забывать, что мы живемъ въ дебряхъ многомилліонной массы обывателя, политически безграмотнаго, со-

ціально невоспитаннаго. Люди, которые не знають, чего они хотять,—это люди опасные политически и соціально. Масса обывателя еще не скоро распредѣлится по своимъ классовымъ путямъ, по линіямъ ясно сознанныхъ интересовъ, она не скоро организуется и станетъ способна къ сознательной и творческой соціальной борьбѣ. И до поры, пока не организуется, она будетъ питать своимъ мутнымъ и нездоровымъ сокомъ чудовищъ прошлаго, рожденныхъ привычнымъ обывателю полицейскимъ строемъ.

Можно бы указать и еще на нѣкоторыя угрозы новому строю, но говорить объ этомъ преждевременно да, пожалуй, и нецензурно.

Мы переживаемъ моментъ въ высшей степени сложный, требующій напряженія всѣхъ нашихъ силъ, упорной работы и величайшей осторожности въ рѣшеніяхъ. Намъ не нужно забывать роковыхъ ошибокъ 905—6 гг.,—звѣрская расправа, послѣдовавшая за этими ошибками, обезсилила и обезглавила насъ на цѣлое десятилѣтіе. За это время мы политически и соціально развратились, а война, истребивъ сотни тысячъ молодежи, еще больше подорвала наши силы, подорвавъ подъ корень экономическую жизнь страны.

Поколѣнію, которое первымъ приметъ новый строй жизни, свобода досталась дешево; это поколѣніе плохо знаетъ страдныя усилія людей на протяженіи цѣлаго вѣка постепенно разрушавшихъ мрачную крѣпость русскаго монархизма. Обыватель не зналъ той адовой, кротовой работы, которая сдѣлана для него, — этотъ каторжный трудъ невѣдомъ не только одному обывателю десятисотъ уѣздныхъ городовъ россійскихъ.

Мы собираемся, и мы обязаны строить новую жизнь на началахъ, о которыхъ издавна мечтали. Мы понимаемъ эти начала разумомъ, они знакомы намъ въ теоріи, но—этихъ началъ нѣтъ въ нашемъ инстинктѣ, и намъ страшно трудно будетъ ввести ихъ въ практику жизни, въ древній русскій бытъ. Именно намъ трудно, ибо мы, повторяю, народъ совершенно невоспитанный соціально, и также мало воспитана въ этомъ отношеніи наша буржуазія, нынѣ идущая къ власти. И надо помнить, что буржуазія беретъ въ свои руки не государство, а развалины государства, она беретъ эти хаотическія развалины при условіяхъ, неизмѣримо болѣе трудныхъ, чѣмъ условія 5—6 года. Пойметъ ли она, что ея работа будетъ успѣшна только при условіи прочнаго единенія съ демократіей, и что дѣло укрѣпленія позицій, отнятыхъ у старой власти, не будетъ прочно при всѣхъ иныхъ условіяхъ? Несомнѣнно, что буржуазія должна поправѣть, но съ этимъ не нужно торопиться, чтобы не повторить мрачной ошибки 6-го года.

Въ свою очередь, революціонная демократія должна бы усвоить и почувствовать свои общегосударственныя задачи, необходимость для себя принять дѣятельное участіе въ организаціи экономической силы страны, въ развитіи производи-

ьной энергіи Россіи, въ охранѣ ея свободы отъ всѣхъ посятельствъ извнѣ и изнутри.

Одержана только одна побѣда—завоевана политическая ласть, предстоитъ одержать множество побѣдъ гораздо болѣе рудныхъ, и, прежде всего, мы обязаны одержать побѣду надъ обственными иллюзіями.

Мы опрокинули старую власть, но это удалось намъ не отому, что мы—сила, а потому, что власть, гноившая насъ, ама насквозь прогнила и развалилась при первомъ же дружомъ толчкѣ. Уже одно то, что мы не могли такъ долго рѣшиться на этотъ толчокъ, видя, какъ разрушается страна, чувтвуя, какъ насилуютъ насъ, уже одно это долготерпѣніе наше видѣтельствуетъ о нашей слабости.

Задача момента—по возможности прочно укрѣпить за собою взятыя нами позиціи, что достижимо только при разумномъ диненіи всѣхъ силъ, способныхъ къ работѣ политическаго, кономическаго и духовнаго возрожденія Россіи.

Лучшимъ возбудителемъ здоровой воли и вѣрнѣйшимъ ріемомъ правильной самооцѣнки является мужественное сознаніе своихъ недостатковъ.

Годы войны съ ужасающей очевидностью показали намъ, какъ мы немощны культурно, какъ слабо организованы. Организація творческихъ силъ страны необходима для насъ, какъ хлѣбъ и воздухъ.

Мы изголодались по свободѣ и, при свойственной намъ клонности къ анархизму, легко можемъ пожрать свободу,—то возможно.

Не мало опасностей угрожаетъ намъ. Устранить и преодолѣть ихъ возможно только при условіи спокойной и дружной работы по укрѣпленію новаго строя жизни.

Самая цѣнная творческая сила—человѣкъ: чѣмъ болѣе развитъ онъ духовно, чѣмъ лучше вооруженъ техническими знаніями, тѣмъ болѣе прочен и цѣненъ его трудъ, тѣмъ болѣе онъ культуренъ, историченъ. Это у насъ не усвоено,—наша буржуазія не обращаетъ должнаго вниманія на развитіе продуктивности труда, человѣкъ для нея все еще, какъ лошадь, только источникъ грубой физической силы.

Интересы всѣхъ людей имѣютъ общую почву, гдѣ они солидаризуются, несмотря на неустранимое противорѣчіе классовыхъ треній: эта почва—развитіе и накопленіе знаній. Знаніе—необходимое орудіе междуклассовой борьбы, которая лежитъ въ основѣ современнаго міропорядка, и является неизбѣжнымъ, хотя и трагическимъ моментомъ даннаго періода исторіи, неустранимой силой культурно-политическаго развитія; знаніе—это сила, которая, въ концѣ концовъ, должна привести людей къ побѣдѣ надъ стихійными энергіями природы и подчиненію этихъ энергій обще-культурнымъ интересамъ человѣка, человѣчества.

Знаніе должно быть демократизировано, его необходимо сдѣлать всенароднымъ, оно, и только оно,—источникъ плодо-

творной работы, основа культуры. И только знаніе вооружи
насъ самосознаніемъ, только оно поможетъ намъ правильн
оцѣнить наши силы, задачи даннаго момента и укажетъ нам
широкій путь къ дальнѣйшимъ побѣдамъ.

Наиболѣе продуктивна спокойная работа.

Силой, которая всю жизнь крѣпко держала и держитъ ме
на землѣ, была и есть моя вѣра въ разумъ человѣка. До се
дня русская революція въ моихъ глазахъ является цѣпью я
кихъ и радостныхъ явленій разумности. Особенно мощным
явленіемъ спокойной разумности былъ день 23-го марта, ден
похоронъ на Марсовомъ полѣ.

Въ этомъ парадномъ шествіи сотенъ тысячъ людей впервы
и почти осязательно чувствовалось—да, русскій народъ сове
шилъ революцію, онъ воскресъ изъ мертвыхъ и нынѣ пріо
щается къ великому дѣлу міра—строенію новыхъ и все бо
свободныхъ формъ жизни!

Огромное счастіе дожить до такого дня!

И всей душой я желалъ бы русскому народу вотъ такъ ж
спокойно и мощно идти все дальше, все впередъ и выше, д
великаго праздника всемірной свободы, всечеловѣческаго ра
венства, братства!

М. Горькій.

ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ.

НОВЫЙ ГОРДІЕВЪ УЗЕЛЪ.

(Письмо съ Дальняго Востока).

I.

Съ того момента, какъ пала крѣпость Циндао и дальневосточный театръ военныхъ дѣйствій былъ ликвидированъ, Японія отошла какъ-бы на второй планъ: въ печати о ней стали говорить мало, а широкіе общественные круги и совсѣмъ какъ будто-бы перестали ею интересоваться.

Между тѣмъ, самыя крупныя завоеванія, самые серьезные успѣхи она сдѣлала именно тогда, когда интересъ къ ней палъ и когда осадную артиллерію вновь смѣнила ея дальновидная и хитрая дипломатія. Учитывая, что великія державы, занятыя теперь междоусобной борьбой, не могутъ служить помѣхой осуществленію ея имперіалистическихъ замысловъ и предъявивши Китаю свой знаменитый ультиматумъ, она однимъ ударомъ достигла того, чего раньше не въ состояніи была-бы достичь въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ шагомъ она окончательно разрѣшила вопросъ и о томъ, куда ей *главнымъ образомъ* двигаться — «на западъ» или «на востокъ». Политика «генро» въ результатѣ одержала верхъ, и лозунгъ «на западъ» отнынѣ сталъ получать еще болѣе быстрое и послѣдовательное осуществленіе.

И это понятно. Именно здѣсь, на западѣ, лежатъ ея главные экономическіе интересы, именно здѣсь она можетъ найти тѣ обширныя колоніи, которыя столь необходимы японскому капитализму, втиснутому въ узкія территоріальныя рамки, наконецъ, именно здѣсь обитаютъ тѣ народности, господство надъ которыми можетъ получить историческое обоснованіе и тѣмъ облегчить самое осуществленіе имперіалистической идеи «Азія—для азіатовъ».

Глубже всего корни своего экономическаго и политическаго вліянія она пустила, конечно, въ Маньчжуріи. Она обладаетъ тамъ двумя желѣзно-дорожными линіями — одна протяженіемъ 530,2 милл., другая 170,7 милл., ей принадлежитъ тамъ прекрасно оборудованный портъ — Дальній, черезъ который еще въ 1912 г. прошло болѣе чѣмъ на 100 милл. товаровъ.

Въ самомъ городѣ японскіе капиталисты провели трамва[и], устроили электрическое освѣщеніе и построили нѣсколько прекра[с]-но оборудованныхъ заводовъ для выжимки бобоваго масла, в результатѣ чего въ 1912 г. изъ Дальняго было экспортировано за границу около 2 мил. пудовъ масла и болѣе 20 мил. пу[довъ] выжимокъ[1].

Японская промышленность въ другихъ частяхъ Маньчжурі[и] также сдѣлала солидные успѣхи. Въ Телинѣ и Чань-чунѣ работаю[тъ] японскія паровыя вальцовыя мукомольныя мельницы, цементны[е], свѣчные и мыловаренные заводы, въ Мукденѣ функціонирует[ъ] японская конка, въ Гиринѣ быстро развивается производство сп[и]чекъ, наконецъ, всюду дѣлаетъ быстрые успѣхи эксплоатація тел[е]фонной сѣти, электрической энергіи и т. п.

Снабженіе Южной, а въ послѣднее время и Сѣверной Маньчж[у]ріи товарами, также почти цѣликомъ находится въ рукахъ Японі[и]. Въ этомъ съ одной стороны, сыграло положительную роль ея благо[-]пріятное географическое положеніе, но, съ другой стороны, завоева[-]нію рынка весьма способствуютъ широко поставленный банковскі[й] кредитъ, импортныя, экспортныя, комиссіонныя и транспортны[я] конторы, подтоварныя ссуды, негласныя скидки за провозъ това[-]ровъ съ установленныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ и цѣлая ар[-]мія агентовъ. Дипломатія и консулы также энергично содѣйствуют[ъ] распространенію своихъ товаровъ, являясь, такъ сказать, боевым[ъ] авангардомъ японскаго капитализма. Въ результатѣ такого методи[-]ческаго и планомѣрнаго воздѣйствія — въ сферѣ японскаго вліяні[я] для иностранныхъ предпринимателей, какъ справедливо говорит[ъ] г. Штейнфельдъ, теперь почти нѣтъ мѣста и не къ чему приложить рукъ. Конкурировать почти невозможно. Даже такая первоклассная англійская фирма, какъ «Самуэль и Комп.», пытавшаяся захватить въ свои руки экспортъ Маньчжурскихъ бобовъ, и та послѣ ожесто-ченной японской конкуренціи вынуждена была «очистить свои позиціи». О борьбѣ болѣе слабыхъ соперниковъ, конечно, и гово-рить не приходится — она почти всегда оканчивается въ пользу японцевъ.

Утвердившись въ Южной Маньчжуріи, японскій капитализмъ этимъ, однако, не удовлетворился. Капиталистическое развитіе властно требуетъ политики расширенія. Успѣхи увлекаютъ. Жажда новыхъ еще болѣе высокихъ прибылей, потребность въ новыхъ еще болѣе обширныхъ рынкахъ — послѣ завоеванія Южной Маньчжуріи — заставили двинуться и въ Сѣверную. И послѣднее время мы ви-димъ, что и здѣсь аргонавты капитализма страны восходящаго солн-ца достигли значительныхъ успѣховъ. Изъ Хайлара ими въ насто-ящее время вывозится гужевымъ путемъ на станцію Куань-Ченцзы.

[1] Штейнфельдъ, «Мы и японцы въ Маньчжуріи», стр. 22.

...а далѣе по желѣзной дорогѣ въ большомъ количествѣ шерсть; въ Харбинъ, наоборотъ, ввозится большое количество товаровъ.

Торговля съ нимъ еще въ 1912 г. дала японцамъ болѣе 4 миллiоновъ рублей, въ данный-же моментъ она исчисляется уже десятками миллiоновъ. Чувствуется, что, какъ форпостъ, какъ главная цитадель русскаго влiянiя въ Маньчжурiи—Харбинъ нами уже потерянъ. Лишь безчисленное множество казенныхъ зданiй да фирма Чуринъ и К-о свидѣтельствуютъ еще о великомъ стремленiи «Drang nach Osten» и о великихъ планахъ Безобразовыхъ. Но остальное—отдѣленiе Іокогамскаго банка, десятки японскихъ магазиновъ, парикмахерскихъ, булочныхъ, мастерскихъ, торговыхъ конторъ, наконецъ, цѣлые японскiе кварталы, — говоритъ о томъ, что въ городъ уже пришли новые хозяева и заводятъ въ немъ свои новые порядки. Для того, чтобы проникновенiе товаровъ на рынки Сѣверной Маньчжурiи шло быстрѣе, японцы не останавливаются ни передъ способами конкуренцiи, ни передъ расходами.

Реклама и посредничество, профессiональное образованiе и пути сообщенiя — получаютъ у нихъ одинаково ясную и вѣрную оцѣнку, какъ могучiе факторы въ борьбѣ на международномъ рынкѣ.

Въ ноябрѣ 1915 года Общество Южно-Маньчжурской ж.-дороги съ этою цѣлью открыло въ Чань-Чунѣ, конечномъ сѣверномъ пунктѣ своей линiи, торговый музей и при немъ справочно-комиссiонное бюро.

Все вышесказанное позволяетъ питать Японiи на счетъ Сѣверной Маньчжурiи самыя розовыя надежды. Харбинскiй корреспондентъ «Iapan Times'а» въ одной изъ своихъ корреспонденцiй по этому поводу говоритъ, что японскiй экспортъ уже теперь дѣятельно обслуживаетъ туземный рынокъ, снабжая китайцевъ мануфактурой, пряжей, спичками, мыломъ, стеклянными аптекарскими товарами и пр. Въ дальнѣйшемъ-же, корреспондентъ думаетъ, что *русскiе и совсѣмъ должны будутъ уйти изъ Маньчжурiи, уступивъ свое мѣсто японцамъ* [1]. (Курсивъ вездѣ будетъ мой. Т.).

И дѣла, и мысли, такимъ образомъ, въ одинаковой степени ясно свидѣтельствуетъ о непреклонномъ намѣренiи японскаго капитализма сдѣлать и Сѣверную Маньчжурiю такой-же своей колонiей, какой для него уже является Маньчжурiя Южная.

Кромѣ Сѣверной Маньчжурiи, Японiя обращаетъ усиленное вниманiе и на Приморскую область. Каждый годъ она дѣлаетъ здѣсь то или иное прiобрѣтенiе, съ каждымъ годомъ все сильнѣе вперяетъ свои взоры туда, гдѣ раскинулись безпредѣльныя богатѣйшiя равнины Сибири. Непосредственному наблюдателю дальневосточной жизни сейчасъ, какъ никогда, кажутся справедливыми слова

[1] См. коммерческое приложенiе «Iapan Times'а» отъ 11 марта с. г.

М. Павловича, что «ставъ одной ногой на русской территоріи, японцы не успокоятся, пока фактически не завладѣютъ нашимъ тихоокеанскимъ побережьемъ». («Общ. движ. въ Россіи въ началѣ XX вѣка» т. 4 ч. I. стр. 252).

Экономически стало быть Японія двинулась на западъ широкимъ развернутымъ фронтомъ. И всюду на этомъ фронтѣ кипитъ теперь безкровная, но ожесточенная борьба. Одни судорожно пытаются удержаться на «насиженныхъ мѣстахъ» и безпомощно взываютъ къ «партіотизму», другіе, безжалостно разрушая укрѣпленія противника своей «тяжелой артиллеріей», побѣдоносно двигаются впередъ.

Понятно, что обвиненія въ коммерческой жестокости, недобросовѣстности и своекорыстіи со стороны обороняющагося сыплются, какъ изъ рога изобилія, негодованію нѣтъ предѣловъ. Но у той вещи, персонифицированымъ выраженіемъ которой является капиталистъ, нѣтъ сердца въ груди: ни призывы къ патріотизму, ни упреки въ несправедливости нисколько не ослабляютъ активныс стремленія бурно развивающагося молодого капитализма къ завоеванію дальневосточнаго рынка.

Экономическое столкновеніе интересовъ Японіи и Россіи, слѣдовательно, налицо. До настоящей войны отсюда дѣлали выводъ, что и военное столкновеніе между ними опять неизбѣжно. Японскій военный министръ въ 1914 году въ парламентѣ даже открыто заявилъ, *что вѣроятнымъ противникомъ Японіи является Россія.*

Но теперь этотъ вопросъ какъ будто бы сталъ на голову. Японія не только не оказалась въ рядахъ нашихъ противниковъ, а наоборотъ, примкнула къ согласію; съ Россіей же, кромѣ того, заключила особый военный союзъ. Всѣ предположенія оказались какъ будто-бы неосновательными. Пресса увѣряетъ даже, что на Дальнемъ Востокѣ наступитъ теперь эпоха безмятежнаго и мирнаго процвѣтанія, періодъ продолжительной дружбы между двумя «непонявшими» другъ друга раньше народами. Нѣкоторыя услужливыя перья даже самую русско-японскую войну приписываютъ теперь интригамъ коварнаго «нѣмца». Такъ-ли, однако, обстоитъ дѣло на самомъ дѣлѣ? Такъ-ли ужъ прочны узы, связывающія Россію и Японію, и нѣтъ ли въ нихъ такихъ трещинъ, которыя въ будущемъ могутъ дать зіяющую пропасть, подобную той, какая нынѣ разверзлась между Австріей и Италіей?

Для Японіи этотъ союзъ, безспорно, выгоденъ, ибо даетъ возможность безъ опасенія быстрыхъ и серьезныхъ осложненій продолжать завоеваніе Дальняго Востока. Въ результатѣ этого союза, что мы уже отчасти и видимъ, она отъ Россіи получитъ кой-какія новыя уступки и «компенсаціи», съ Китаемъ же заговоритъ еще болѣе рѣшительнымъ и смѣлымъ тономъ.

Со стороны Россіи этотъ союзъ носитъ оборонительный харак-

...ръ, со стороны Японіи — наступательный; со стороны Россіи ...ъ — выраженіе ея опасеній по поводу экономическаго и политическаго роста Японіи, — *со стороны Японіи наоборотъ — средство держать дальневосточную политику въ своихъ рукахъ.*

Такимъ образомъ онъ *знаменуетъ мощь Японіи, ея наступательный порывъ на западъ*, Россія же союзнымъ договоромъ, напротивъ, старается поставить движенію Японіи извѣстные предѣлы, поставить ее въ опредѣленныя, такъ сказать, законныя рамки.

Изъ сказаннаго видно, что въ данный моментъ въ русско-японскомъ союзѣ нѣтъ ни тождества интересовъ, ни необходимости равновѣсія въ соотношеніи силъ.

Въ дальнѣйшемъ-же дѣло измѣнится, пожалуй, еще болѣе къ худшему. Съ одной стороны, Россія, при томъ или иномъ исходѣ современной міровой катастрофы, вновь должна будетъ обратить усиленное вниманіе на Дальній Востокъ, ибо всѣ другіе пункты приложенія ея имперіалистической политики будутъ на долгое время закрыты, съ другой стороны , лихорадочной экономической расцвѣтъ Японіи и небывалый ростъ ея національно-воинственнаго сознанія будутъ властно толкать ее на западъ.

Въ результатѣ *встрѣчнаго движенія* можетъ произойти новый кризисъ и новая борьба за подѣленные, казалось бы, уже рынки. Нѣкоторые впрочемъ полагаютъ, что экономическій расцвѣтъ Японіи явленіе временное, и окончаніе войны вновь поставитъ ее въ ряды экономически слабыхъ державъ. Но такое предположеніе въ корнѣ ошибочно. Въ самомъ дѣлѣ, пусть японскую индустрію въ настоящее время питаетъ милитаристскій рынокъ, пусть она въ данный моментъ воспользовалась разрывомъ связей международнаго рынка, но развѣ послѣ войны къ ея услугамъ не окажутся другія благопріятныя условія? Тогда вѣдь особенно остро скажется истребительный характеръ современной войны. Потери и растраты капитала придется исчислять сотней, а, можетъ быть, и сотнями милліардовъ рублей, потерю рабочей силы десятками милліоновъ жизней. Производство въ прежнемъ масштабѣ возобновить будетъ невозможно, кредитъ будетъ слабъ, каналы денежнаго обращенія окажутся наполненными бумажными деньгами, наконецъ, вся вообще финансовая система будетъ въ корнѣ расшатана. И въ то же время, какъ никогда будетъ острой нужда въ капиталахъ и товарахъ, какъ никогда возрастутъ потребности поднять хозяйство на должную высоту, поскорѣе залѣчить нанесенныя войною раны, удовлетворить культурныя потребности народныхъ массъ и пр., и пр.

Естественно, что нейтральныя и такія обогатившіяся отъ войны страны, какъ Японія, въ удовлетвореніи этихъ потребностей должны будутъ принять тѣмъ больше участія, чѣмъ выше поднялось ихъ благосостояніе и чѣмъ большее количество капиталовъ будетъ искать приложенія на международномъ рынкѣ.

А въ Японіи накопленіе капиталовъ за періодъ войны сдѣлало большіе успѣхи. До войны маленькая островная имперія больше ввозила, чѣмъ вывозила, но уже въ 1915 г. ея вывозъ превысилъ ввозъ на 200 милліоновъ іенъ, а весь экспортъ поднялся до небывалой цыфры — 706,002,000 іенъ, въ 1916 же году наблюдается тенденція къ дальнѣйшему увеличенію экспорта.

Ея финансовое положеніе въ данный моментъ блестяще: японскій мѣновой знакъ котируется небывало высоко; золото течетъ въ Японію широкой рѣкой; печать чуть не каждый день публикуетъ списки новыхъ милліонеровъ, создавшихъ богатства на поставкахъ, арендѣ судовъ, снабженіяхъ и пр.

Не менѣе нагляднымъ доказательствомъ ея экономическаго роста служитъ то, что чуть не 50% всего парового транспорта Великаго океана находится въ ея обладаніи[1].

Теперь, когда американская тихоокеанская почтовая пароходная компанія продала всѣ свои суда атлантическому транспортному пароходному обществу, японцы станутъ, можно сказать, полноправными хозяевами всей тихоокеанской торговли. Сама американская торговля съ Дальнимъ Востокомъ будетъ нынѣ зависѣть отъ ихъ транспортировки и находиться подъ угрозой ожесточенной конкуренціи.

Если сюда еще прибавить дешевизну рабочей силы въ Японіи и ту огромную резервную промышленную рабочую армію, которая будетъ послѣ войны въ распоряженіи капиталистовъ Страны Восходящаго Солнца, то легко себѣ представить, какъ тяжела будетъ конкуренція анемичнаго русскаго капитала съ капиталомъ Японіи и всѣхъ прочихъ странъ, остававшихся внѣ поля современнаго кроваваго катаклизма и какъ трудно будетъ отодвинуть ихъ «на задній планъ». Поскольку же эта конкуренція будетъ проявляться, это будетъ лишь сильнѣе толкать Японію къ разрѣшенію проблемы о рынкахъ политическими средствами и лишь быстрѣе приближать моментъ наступленія новой «военной грозы».

II.

Выше мы видѣли, что Японія двинулась за западъ широкимъ развернутымъ фронтомъ, который тянется чуть ли не отъ полуострова Камчатки и до Шанхая, и что она заявляетъ притязанія на господство не только въ Маньчжуріи, но и въ самомъ Китаѣ.

Но въ то же время въ Китаѣ имѣются крупные интересы и у другихъ державъ, въ особенности у Англіи. Здѣсь ея интересы сосредоточились, главнымъ образомъ, въ долинѣ рѣки Янъ-цзы-цзянъ. Но и Японія, предъявивши Китаю ультиматумъ, усиленное вниманіе обратила, главнымъ образомъ, на долину этой же рѣки и на зна-

[1] По тоннажу японскій торговый флотъ въ настоящее время приблизительно таковъ, каковъ былъ 10 лѣтъ тому назадъ нѣмецкій.

женитные Ханьепинскіе рудники, богатѣйшее мѣстонахожденіе минераловъ въ мірѣ.

Въ результатѣ, какъ ни противодѣйствовала Англія захватнымъ планамъ Японіи, какъ она ни протестовала, однако, въ силу того, что за ея протестами не чувствовалось реальной силы, Японія все же, въ концѣ концовъ, хотя въ смягченной формѣ, получила согласіе на удовлетвореніе своихъ притязаній. Уже одно это, конечно, не могло не поселить недоразумѣній между англійской дипломатіей и японскимъ правительствомъ.

Между тѣмъ, планы Японіи простираются гораздо дальше. Она хочетъ быть не только хозяиномъ въ Китаѣ и диктовать ему свои условія, совершенно не считаясь съ требованіями другихъ капиталистическихъ державъ, ведущихъ въ Китаѣ захватную политику. Нѣтъ, она хочетъ распространить свою гегемонію и на всю Азію. «Азія для азіатовъ», — возглашаютъ японскіе джингоисты. Другіе въ Азіи только пришельцы и должны быть оттуда изгнаны при первой же возможности. Японское «Анонимное Общество» въ Китаѣ, формулируя задачи и цѣли японской международной политики, говоритъ такъ: «Съ началомъ войны въ Европѣ *никто не осмѣливается противостоять Японіи въ ея дѣйствіяхъ къ Востоку отъ Суэцкаго канала.* Поэтому настоящій моментъ наиболѣе удобенъ для того, чтобы Японія пришла къ рѣшительной и опредѣленной программѣ своихъ дѣйствій и *разъ навсегда разрѣшила такъ называемый китайскій вопросъ*» («Вѣстникъ Азіи», № 37, 1916 г., стр. 170). Но это только, такъ сказать, программа-минимумъ.

Ораторы, говорившіе на многочисленномъ собраніи въ Токіо, бывшемъ 24 февраля прошлаго года, раскрыли передъ Японіей еще болѣе заманчивыя перспективы и возможности. Они говорили: «На Японію самой судьбой возложена высокая миссія охраны спокойствія и порядка на Дальнемъ Востокѣ. *Изъ признанной всѣми великой державы Японія должна стать міровой державой. Японія должна самымъ рѣшительнымъ образомъ поддерживать возстаніе на югѣ Китая, взять на себя спасеніе 400 милліоновъ китайцевъ и утвержденіе прочнаго мира* .

Не правда ли, какая умилительная и типичная для послѣдняго времени картина? Волкъ превращается въ скромную овечку, грабитель въ яраго пацифиста и самоотверженнаго защитника «простыхъ законовъ нравственности и права». Англійскіе заинтересованные круги знаютъ, однако, цѣну этимъ «пацифистскимъ» вожделѣніямъ и зорко присматриваются къ тому, что творится на Дальнемъ Востокѣ. Предпринять какіе-либо серьезные шаги они въ настоящее время, понятно, не въ состояніи, ибо слишкомъ заняты другимъ дѣломъ, но предостерегающіе окрики со стороны англійской прессы по адресу Японіи слышатся уже довольно часто.

Вотъ что и какъ, напримѣръ, говоритъ о Японіи пекинскій корреспондентъ «Дейли Телеграфъ» въ телеграммѣ отъ 1-го сентября:

«Японія дѣлаетъ чудеса. Повсюду въ этой странѣ возникаютъ, благодаря небывалому торговому подъему, богатства. Торговые круги и судоходства не успѣваютъ выполнять дѣлаемые имъ заказы. Но еще болѣе поразительны магическія перемѣны въ Маньчжуріи. Проѣхавъ Ялусскій мостъ, уже можно видѣть безчисленные признаки полной мобилизаціи японцевъ въ Маньчжуріи и наличія далеко простирающихся плановъ, связанныхъ съ злополучнымъ инцидентомъ въ Чженъ-цзя-тунѣ. (13 августа). Цѣль японской военной партіи, которая далеко не сходится съ истиннымъ взглядомъ японской націи въ ея цѣломъ (а сходятся-ли они гдѣ-либо?), состоитъ въ томъ, чтобы линіей отъ Сунгари до Жахе отрѣзать огромную страну отъ Китая и постепеннымъ введеніемъ сепаратной административной системы стать здѣсь твердой ногой. Всѣмъ извѣстенъ фактъ, что монгольскія банды, открыто руководимыя японскими офицерами и тщетно мечтающія о возстановленіи Маньчжурской династіи, охраняются японской пѣхотой и кавалеріей. Съ однимъ изъ такихъ японскихъ отрядовъ и случился извѣстный чженьдзятунскій инцидентъ.

Если миссія барона Хаяси въ Пекинѣ не обречена на неудачу и если Японія дѣйствительная союзница державъ согласія, то пора уже открыто передъ лицомъ этихъ поражающихъ фактовъ заявить, что эта авантюристская политика должна быть немедленно брошена».

Требованіе корреспондента достаточно недвусмысленно и высказано къ тому-же въ категорической формѣ. Но дѣйствительность, — настоящія событія кровавымъ опытомъ заставляютъ насъ въ этомъ убѣдиться, — сильнѣе не только отдѣльныхъ людей и ихъ благихъ намѣреній и пожеланій, но и цѣлыхъ общественныхъ группъ и классовъ. Государственные дѣятели, воображающіе, что они свободно творятъ исторію, на самомъ дѣлѣ также являются лишь ея слѣпымъ орудіемъ, и, какъ только начинаютъ дѣйствовать вопреки ходу экономическаго развитія, быстро выбрасываются за бортъ государственнаго корабля.

Это мы видѣли въ прошломъ, это мы еще одинъ лишній разъ наблюдаемъ и теперь, напримѣръ, въ той-же Японіи. Маркизъ Окума ушелъ въ отставку. Что это значитъ? Окума, какъ извѣстно, во внутренней политикѣ до нѣкоторой степени придерживался началъ конституціонализма и выдавалъ себя за сторонника умѣренной свободы печати и рабочаго законодательства, во внѣшней-же политикѣ онъ явился представителемъ умѣреннаго имперіализма и считалъ необходимымъ поддерживать дружескія отношенія съ Англіей и Россіей.

Можетъ ли, однако, такая «программа» удовлетворить со-

---

[1] По вопросу объ измѣненіи характера взаимоотношеній между Японіей и Соед. Штатами см. интересную статью М. Лурье «Страна-побѣдительница»,—«Сѣв. Записки», кн. 10 за 1916 г.

временный капитализмъ? Современный капитализмъ хочетъ не свободы, а господства. Для него непозволительная сентиментальность дѣлать изъ «рабочаго вопроса» и изъ свободы «фетишъ». Для него центръ тяжести не въ вопросахъ внутренняго строительства, а въ сферѣ международной политики. И какъ у себя дома онъ жаждетъ не свободы, а господства, такъ и въ международной политикѣ онъ требуетъ не гуманности и правды, а политики силы и захватовъ безъ всякихъ ограниченій.

Политика маркиза Окума находилась слѣдовательно въ самомъ непримиримомъ противорѣчіи съ современными интересами японскаго капитализма. И вотъ въ результатѣ кабинетъ Окума палъ, и его мѣсто занялъ ставленникъ «генро» и военной партіи, графъ Террауци.

Политическій смыслъ его назначенія достаточно объясняется двумя фактами. Съ одной стороны — почти одновременно съ паденіемъ кабинета въ Маньчжуріи были назначены грандіозные маневры, а съ другой — почти въ то же время американское правительство, являвшееся раньше серьезнымъ соперникомъ Японіи въ Китаѣ, признало законность ея требованія по вопросу о ликвидаціи пресловутаго чженьдзятуньскаго инцидента [1].

Эти факты, какъ-бы говорятъ: будущее Японіи на западѣ и только на западѣ. Тамъ ея надежды и вожделѣнія должны найти свое полное выраженіе, тамъ она должна создать ту міровую имперію, которую уже ясно видятъ пророки ея воинствующаго націонализма.

Въ настоящемъ, такимъ образомъ, Японію и Англію соединяетъ только одно — это совмѣстное участіе въ войнѣ съ Германіей. Прошлыя же связи и подавно утратили всякій реальный смыслъ. Для чего, въ самомъ дѣлѣ, былъ заключенъ англо-японскій союзъ? Обѣими островными державами, онъ былъ направленъ исключительно или по-крайней мѣрѣ, главнымъ образомъ, противъ Россіи. Японіи нужно было выбить Россію съ Дальняго Востока, а Англіи необходимо было устранить вліяніе Россіи въ Тибетѣ и преградить дорогу русскому устремленію къ границамъ Индіи.

Но съ тѣхъ поръ въ международныхъ отношеніяхъ произошелъ цѣлый переворотъ. Во-первыхъ, подъ бокомъ у Англіи выросло могущественнѣйшее капиталистическое государство — Германія, начавшее угрожать британской гегемоніи еще болѣе сильно, чѣмъ раньше ей угрожала Россія; во-вторыхъ, Россія, понеся пораженіе при Цусимѣ и Мукденѣ, должна была надолго отказаться не только отъ Дальне-Восточной, но и отъ всякой устойчивой международной политики вообще и, въ-третьихъ, быстрый промышленный ростъ Японіи и узость ея хозяйственной территоріи съ каждымъ годомъ все сильнѣе обостряли *для нея жажду новыхъ рынковъ и новыхъ завоеваній*.

На почвѣ этихъ трехъ факторовъ выросло англо-русское сближеніе, на ихъ же почвѣ появились и первые признаки охлажденія англо-японскихъ отношеній.

Впервые вопросъ о томъ, живъ ли англо-японскій союзъ, былъ поднятъ одной изъ вліятельнѣйшихъ японскихъ газетъ, «Осака-Майницы», на другой день послѣ того, какъ пекинское правительство вошло въ предварительное соглашеніе о стомилліонномъ займѣ съ синдикатомъ банкировъ четырехъ державъ. Въ названномъ синдикатѣ Англія приняла, какъ извѣстно, активное участіе безъ вѣдома своей дальне-восточной союзницы. Это сильно ударило по интересамъ Японіи и впервые заставило ее остро почувствовать, что порвались какія-то нити, связывавшія раньше такъ тѣсно страну Альбіона и страну Восходящаго Солнца.

Въ дальнѣйшемъ — немалой причиной къ ослабленію англо-японскаго союза послужилъ также арбитражный договоръ, состоявшійся между Америкой и Англіей. Тотчасъ же послѣ подписанія названнаго договора Англія потребовала отъ Японіи исправленія союзнаго договора и отказала въ какой бы то ни было помощи своей союзницѣ въ случаѣ столкновенія ея съ Америкой.

Между тѣмъ, отношенія между Японіей и Америкой настолько въ то время испортились, что каждый день можно было ожидать открытія военныхъ дѣйствій.

Дѣйствія англійской дипломатіи въ Тибетѣ также внушали Японіи недовѣріе. Въ союзномъ договорѣ Англія обязуется содѣйствовать сохраненію суверенитета и цѣлости территоріи Китая, въ вопросѣ же о Тибетѣ она дѣйствуетъ какъ будто бы въ противоположномъ духѣ.

Наконецъ, къ указаннымъ причинамъ можно прибавить еще и слѣдующее обстоятельство. Японія по договору обязалась защищать для Англіи Индію. Однако, есть ли какой-либо политическій смыслъ для Японіи въ сохраненіи тамъ англійскаго господства? Соотвѣтствуетъ ли суверенитетъ британскаго короля въ Индіи идеаламъ японской международной политики? На эти вопросы каждый представитель японской буржуазіи можетъ вамъ дать только отрицательный отвѣтъ. Вѣдь въ Индіи живетъ 300 милліоновъ цвѣтныхъ людей; Индія — родина Будды, которую почитаетъ чуть ли не весь японскій народъ. Слѣдовательно, посылать своихъ сыновъ для упроченія власти надъ страной, долженствующей «потомъ» войти въ сферу японскаго вліянія, не только безполезно, но и прямо вредно.

Такъ разсуждаетъ каждый японскій приверженецъ панъ-азіатской идеи. И если эти приверженцы сегодня привѣтствуютъ, преслѣдуя свои эгоистическія цѣли, революціонное движеніе въ Китаѣ, то завтра они стали бы такъ же радоваться изгнанію англичанъ и освободительному движенію въ Индіи.

Въ заключеніе упомянемъ о протестѣ Англіи въ 1913 году ...тивъ активныхъ дѣйствій Японіи въ Нанкинѣ и о томъ озлобле...ніи, какое онъ вызвалъ въ воинственно настроенныхъ кругахъ ...понскаго общества.

Изъ всего этого ясно видно, что уже до войны цѣпь, связавшая ...зами дружбы двѣ островныя имперіи, потеряла нѣсколько важныхъ ...веньевъ, и корабли ихъ международной политики направились въ ...зныя стороны.

Когда бывшій премьеръ Японіи маркизъ Окума высказалъ въ ...нѣ 1914 г. мнѣніе, что *англо-японскій союзъ долженъ принять ...сто экономическій, а не политическій характеръ,* онъ въ сущ...сти только лишній разъ подтвердилъ мысль, что союзъ поте...рялъ свое реальное значеніе и держится лишь по инерціи, какъ ...старѣвшая традиція въ новыхъ соціально-экономическихъ отно...шеніяхъ.

Война, какъ мы уже видѣли, не только не ослабила англо-...понскихъ противорѣчій, но наоборотъ, внесла въ нихъ новый ...ементъ устойчивости и матеріальной непримиримости. Въ даль...нѣйшемъ, при томъ или иномъ исходѣ войны, также трудно предпо...лагать, что къ англо-японскому союзу вернутся прежніе дни искрен...ней дружбы и взаимной солидарности. Послѣднее обстоятельство, ...видимому, одинаково учитывается какъ англійской дипломатіей, ...къ и японской, и если Англія слишкомъ занята въ данный мо...ментъ, чтобъ заниматься разработкой вопросовъ дальневосточной ...литики, то въ Японіи вопросъ о возможности ея новой «оріента...ціи» сдѣлался уже достояніемъ общества и занялъ замѣтное мѣсто ...въ ея журнальной и газетной литературѣ.

Какова же эта оріентація?

III.

Какъ и должно быть, по вопросу объ оріентаціи японской ...ждународной политики въ печати Японіи нѣтъ единодушія. Боль...шая часть прессы все еще придерживается, понятно, старой точки ...зрѣнія. Но нѣкоторыя крупныя газеты, какъ «Ямато», «Секай» ...др., а также многіе профессора, политическіе и общественные дѣя...тели старую точку зрѣнія считаютъ уже устарѣвшей и выдвига...ютъ взамѣнъ ея новую, вытекающую изъ современнаго экономиче...скаго положенія Европы и изъ той роли, которую играетъ теперь ...понія въ международныхъ отношеніяхъ. Въ ихъ взглядахъ, въ ...свою очередь, тоже нѣтъ единомыслія и послѣдовательности, но они ...какъ нельзя болѣе полно вновь выявляютъ тѣ проклятые міровые ...вопросы, которые многіе «оптимисты» собираются въ послѣдній ...разъ съ мечомъ въ рукѣ разрѣшить на поляхъ Европы и затѣмъ ...дать въ «долгій ящикъ» исторіи.

Касаясь задачи новой оріентаціи, одни изъ нихъ говорятъ,

что нужно создать русско-японско-германскій союзъ, другіе говорятъ только о союзѣ съ Германіей. Профессоръ императорск университета Такобе развиваетъ по данному вопросу такую то зрѣнія. «Географическія условія императивно толкаютъ Россію Германіи. Сближеніе этихъ державъ неминуемо, а равно сближен ихъ съ Китаемъ. Для Японіи, такимъ образомъ, встаетъ сызно вопросъ о безпрестанныхъ вооруженіяхъ ея на азіатско-контине тальныхъ границахъ и угроза утраты вліянія въ Кита Поэтому необходимо расторгнуть союзъ съ Англіей. На заключить русско-японско-германскій союзъ. Тогда Герман откажется отъ устремленія въ Китай, Россія получитъ опредѣле ныя дальневосточныя границы, навсегда защищенныя не толь силой, но и договоромъ съ Японіей. А такъ какъ Россія на запа не будетъ имѣть возможности расширенія, то ей и Германіи на предоставить свободу дѣйствій въ Персіи и Индіи» [1].

Не такъ опредѣляетъ роль Россіи на Дальнемъ Востокѣ газет «Ямото». Въ статьѣ «Организація Дальняго Востока» авторъ стат говоритъ: «Россія и послѣ войны будетъ стремиться на Восто включить въ кругъ своей дѣятельности не только Сѣверну Маньчжурію, но и Южную, находящуюся въ сферѣ вліянія Япон Россія и послѣ войны останется врагомъ Японіи, и только союзъ с Германіей и полное пораженіе Россіи обезпечатъ для Дальняг Востока продолжительный миръ и процвѣтаніе».

Отсюда газета дѣлаетъ и дальнѣйшій выводъ, что «преслѣдо вать Германію—это глупость, ибо если Германія будетъ побѣжден тогда у Россіи совершенно развяжутся руки на ея западныхъ гр ницахъ, и она всецѣло устремится на Востокъ». («Ямото» № 959 1916 г. цитирую по «Вѣстнику Азіи» № 37. 1916 г. стр. 182).

Такъ же приблизительно смотритъ на современную междуна родную ситуацію авторъ недавно вышедшей и нашумѣвшей книг «Нихонъ-ню Секай Сейфуку» («Покореніе міра Японіей») Ре Хингуци и газета «Секай». Пропагандируя союзъ съ Германіе «Секай» не пропускаетъ, конечно, случая указывать и на то, ч сепаратный міръ съ послѣдней для Японіи очень выгоденъ цѣлесообразенъ, почему его во всякое время можно привѣтство вать.

Таковы въ общихъ чертахъ первые признаки «новой оріен таціи». Война эти признаки можетъ, конечно, видоизмѣнить; ходъ событій, наконецъ, могутъ вмѣшаться новые факторы, спо собные внести коренную ломку, какъ въ самое теченіе войны, такъ въ проблемы международной политики. Но поскольку развит событій пойдетъ въ томъ же направленіи и въ качествѣ рѣшающ фактора исторіи не выступятъ новыя соціальныя силы, постоль

---

[1] «Вѣстникъ Азіи» № 37, стр. 182.

не въ правѣ говорить, что на Дальнемъ Востокѣ вырастаетъ новая грандіозная проблема, новый «гордіевъ узелъ», способный стать для 20 столѣтія такимъ же яблокомъ раздора, какимъ для 19 было «наслѣдство больного человѣка».

Тель.

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ.

I.

Я вспоминаю одну извѣстную русскую картину: проводы новобранца. Я видѣлъ ее впервые юношей, и въ моей памяти врѣзалось безысходное горе крестьянской семьи. Я вспоминаю объявленіе русско-турецкой войны: вихрь барабановъ и музыка, стальныя волны штыковъ, колыхающіяся мѣрно груди солдатъ, офицеровъ по бокамъ съ саблей наголо у плеча, отбивавшихъ тактъ въ ногу, ликующую толпу, слезы, смѣхъ, мелькающіе платки, раскаты ура и высокаго съ сѣдыми баками военнаго, окруженнаго блестящими свитами. Это былъ государь, отправляющій братцевъ спасать ихъ братьевъ-славянъ отъ турецкаго ига. Наконецъ, много позже, я присутствовалъ при отправкѣ войскъ на Дальній Востокъ противъ Японіи. Я вижу, какъ сейчасъ, выстроенныя шпалерами войска и сѣдого генерала, потерявшаго всѣхъ трехъ своихъ сыновей и звавшаго на бой своихъ «молодцевъ» надсаживающимся, чтобъ слышали всѣ, голосомъ, и непріятно поражалъ сухой трескъ словъ, вылетавшихъ изъ груди, въ которой, казалось, уже перестало биться одеревенѣвшее отъ горя сердце; я встрѣчалъ въ пути скотскіе и багажные вагоны, биткомъ набитые людьми, горланившими изо всей мочи разухабныя пѣсни и прощально махавшими руками встрѣчному поѣзду, ибо они уходили, быть можетъ, навсегда туда, на кровавый востокъ.

Но почему-то меня не такъ трогали эти жуткія картины, какъ расставаніе съ глазу на глазъ съ обреченнымъ человѣкомъ. Я не могу позабыть и по сей день недоумѣвающаго и вѣющаго холодомъ смерти взора пожилого капитана, который, уѣзжая на войну, отправлялъ жену и дѣтей къ роднымъ и распродавалъ обстановку. Дѣлалось обыкновенное дѣло, ликвидировалось имущество, но я чувствовалъ себя въ домѣ покойника, и самъ капитанъ, тихій и смирный человѣкъ, казалось, раздѣлялъ это настроеніе: нѣсколько словъ, брошенныхъ имъ при мнѣ женѣ и дѣтямъ, свидѣтельствовали, что онъ готовился къ смерти. Тутъ ужъ не было парада, тутъ, у себя, въ раздѣвку, ни къ чему были громкія слова и доблестные призывы. Вопросъ ставился голо: иду на смерть, надо готовиться къ смерти. Никто не плакалъ, никто ни о чемъ не жалѣлъ, но все, что еще за

день полно было уюта и жизни, стало постылымъ. Пустынныя комнаты, пыльный полъ, разбросанныя вещи, съ помѣтками ребенокъ, неубранныя кровати, непокрытые столы, и среди разрухи — хозяева, словно чужіе, съ холодными глазами примирившейся безнадежности, бродившіе изъ угла въ уголъ.

Всеобщая мобилизація во Франціи напомнила мнѣ эту сцену. Иду на смерть, надо готовиться къ смерти, — говорили лица уходившихъ мѣрнымъ, небыстрымъ шагомъ. Идутъ на смерть, — говорили сухіе глаза провожавшихъ. Я не видѣлъ слезъ, я не слышалъ рыданій. Великое горе нѣмо. Ахъ, это были жуткіе дни...

Но нѣтъ горя, съ которымъ бы не освоился человѣкъ. И теперь, когда сотни тысячъ погибли, когда вся страна въ траурѣ, — жизнь бьетъ ключемъ, какъ будто ничего нѣтъ, ничего не произошло, все въ порядкѣ вещей. Не замѣчаешь печальныхъ лицъ, невозможно ихъ отличить среди сутолоки парижской жизни. Улицы кипятъ народомъ, на большихъ бульварахъ въ кафе нѣтъ свободныхъ мѣстъ. Театры переполнены. Шумъ, грохотъ, крики газетчиковъ, зазыванія торговцевъ, рявканіе и сопѣніе автомобилей, снующихъ по улицамъ; толпа, беззаботно-веселая, покрываетъ тротуары, осаждаетъ витрины магазиновъ, въ лавкахъ — давка и суета. И никого не стѣсняютъ хромые на костыляхъ, безрукіе, черныя плоскія повязки на мѣстѣ носа, рта, юные слѣпцы, туловища безногихъ на носилкахъ и въ колясках у кафе со своей кружкой пива. Къ нимъ привыкли, и они сами также беззаботны и веселы, какъ и эта толпа. Вотъ взгляните на этого господина, который идетъ подъ руку съ молодой, прелестной женщиной, безъ умолку весело и привѣтливо щебещущей что-то ему одному. Лицо у него обрюзгло, пенснэ фатовато торчитъ, онъ развязно раскачиваетъ головой съ видомъ человѣка, который привыкъ, чтобъ за нимъ ухаживали женщины; онъ молодъ, и у него развинченная походка. Но вотъ онъ смущенно и осторожно пріостановился въ нерѣшимости сдѣлать шагъ, сдѣлалъ усиліе и снова небрежно пошелъ. Бѣдняга, онъ просто слѣпой и старается обойти свою слѣпоту. И никто не замѣчаетъ, что онъ слѣпъ, развѣ нарочно обратить вниманіе. А вотъ по лѣстницѣ метро взбирается на четвереньках человѣкъ въ военной формѣ. Онъ крутится на мѣстѣ, ему тяжело, на рукахъ у него короткія деревянныя колодки-костыли, чтобы приподнять отъ земли голову. Но голова опрокинута внизъ къ груди, съ которой свѣшивается орденъ. Въ зубахъ у него дымится папироса. Прохожіе остановились, онъ на нихъ не обращаетъ вниманія. Всѣ ждутъ, пока онъ подымется, всѣмъ хочется, чтобъ, покончивъ съ лѣстницей, онъ всталъ и пошелъ... Но онъ не всталъ и не выпрямился, а поковылялъ на четверенькахъ, раскуривъ свою погасшую было папироску. За нимъ вьется изъ-подъ низу легкій дымокъ, и тихо разбредается пріостановившаяся толпа, безъ слезъ и безъ словъ... Ими горю не поможешь.

Здѣсь не принято выносить на улицу свое горе. Подъ личиной молчаливаго равнодушія и показной веселости скрываютъ отъ чужихъ и близкихъ боль, которой нѣтъ утѣшенія. Тамъ, за стѣнами, внутри домовъ, ютится отчаяніе разбитыхъ жизней, а здѣсь, на улицѣ, и трауръ теряетъ свой зловѣщій характеръ: это просто красивый нарядъ, строгія линіи котораго придаютъ особую чару хрупкой граціи французскихъ женщинъ.

Среди этой толпы вы не чувствуете великой войны, она кажется такой далекой. Сухіе отчеты газетъ и цифры потерь ничего не говорятъ сердцу, какъ ничего не говорятъ ему только что вернувшіеся съ фронта на побывку солдаты, «пермиссіонеры. Когда они выходятъ изъ вокзала, у нихъ мертвенно-усталыя лица, отъ дороги ли и безсонныхъ дорожныхъ ночей, или отъ пережитыхъ ужасовъ — кто ихъ знаетъ. Но уже на другой день, — они истые парижане, веселые и шутливые, въ ихъ жизнерадостномъ смѣхѣ теряется печальный трауръ сопровождающихъ ихъ родственниковъ. Правда, уѣзжаютъ они обратно на фронтъ ужъ не такъ весело. Печальная покорность сковываетъ ихъ сердца; экспансивные и подвижные французы въ часъ разлуки спокойны и тихи. Но разъ я слышалъ, какъ вслѣдъ уходящему поѣзду мать прошептала: «Прощайте, дорогіе наши мученики!».—Она прощалась со всѣми; мы встрѣтились глазами и, тихо улыбаясь, она мнѣ сказала: «Вы замѣтили, какъ наши мальчики посѣдѣли?» Я отвернулся, чтобъ скрыть свое волненіе.

Правительство принимаетъ широкія мѣры для поддержанія бодрости населенія. Оно старается оградить отъ голода семьи мобилизованныхъ широкой раздачей пособій. Города и коммуны устраиваютъ безплатныя столовыя, безплатную или удешевленную раздачу хлѣба, молока и угля. Наконецъ, не мало дѣлаетъ и частная иниціатива. Въ промышленныхъ предпріятіяхъ рабочіе дѣлаютъ регулярные сборы въ пользу семей мобилизованныхъ товарищей (25 сантимовъ ежедневно съ человѣка). Во Франціи голода нѣтъ и не будетъ, колоссальныя средства идутъ на вспомоществованіе. Но нужда и лишенія велики. Непривычный тяжкій трудъ легъ на плечи женщинъ и подростковъ. Рабочая сила — единственный товаръ, на который цѣна не повысилась, а даже понизилась почти вдвое, а, принимая во вниманіе возрастающую дороговизну жизни — даже втрое. Обезцѣниваютъ не только женскій и дѣтскій трудъ, но и трудъ мужчинъ, присылаемыхъ съ фронта для профессіональныхъ работъ. Ихъ заставляютъ работать дни и ночи за нищенскую плату, а въ случаѣ протеста, расчитываютъ, какъ ненужныхъ, и, слѣдовательно, возвращаютъ на фронтъ. Только незамѣнимые спеціалисты устраиваются сносно.

Новый составъ рабочихъ, неспособныхъ и неумѣющихъ постоять за себя, нужда въ заработкѣ, патріотическая щепетильность

синдикатовъ, полагающихъ, что рабочимъ не къ лицу басто
когда отечество въ опасности — все это только вызвало апп
у патріотовъ наживы, присосавшихся къ предпріятіямъ благо
тельницы войны. Обогащайся — таковъ девизъ, осѣнившій ал
отечества, облитый кровью сражающихся и къ жертвеннику кото
подводятъ подрастающее поколѣніе и матерей. Дѣльцы безпе
они знаютъ, что правительство позаботится само о томъ, чтобы
щенный союзъ далъ благіе результаты, они даже находятъ его
сколько щепетильнымъ и не въ мѣру осторожнымъ. Какъ бы
ни было, они вмѣстѣ съ большинствомъ Палаты оказываютъ
полное довѣріе. Одного эксплоататора, у котораго на фабрикѣ
вень рабочей платы стоялъ втрое ниже нормальнаго, спроси
«Какъ вы не боитесь? Забыли уроки прошлаго?» — «Нѣтъ, не заб
но теперь не страшно, мы вѣдь теперь въ священномъ союзѣ и у на
есть ихъ министры, въ случаѣ чего — они насъ предупредятъ»,
отвѣчалъ бонхомме, съ трогательнымъ довѣріемъ. Конечно, эт
анекдотическій разговоръ самъ по себѣ не показателенъ, но
далеко не случаенъ, какъ не случайно и довѣрчивое отнош
толпы къ правительству, въ которомъ участвуютъ Гэдъ и Самб
Толпа не разбирается въ тѣхъ патріотическихъ тонкостяхъ, котор
побуждаютъ этихъ министровъ, покоряясь силѣ вещей, блюсти
казную солидарность и тамъ, гдѣ они не солидарны. Она знаетъ,
Гэдъ неподкупленъ и непримиримъ, но не уясняетъ себѣ положен
министра безъ портфеля. Когда на одномъ собраніи свѣдущій чел
вѣкъ съ цифрами въ рукахъ показалъ, учтя стоимость закупк
провоза и посредничества, что торговцы въ Парижѣ на пред
тахъ первой необходимости наживаютъ почти сто на сто, и
обязательная такса укрѣпила уже повышенныя цѣны, то од
рабочій возразилъ:

— Самба и Гэдъ не хуже твоего знаютъ: будь такъ, какъ т
говоришь, они бы не смолчали.

— Да, да, — подтвердили и другіе, — они бы не смолча

Уходя на фронтъ, французскій солдатъ знаетъ, что голода
странѣ не будетъ и быть не можетъ. Франція такъ богата, та
свыклась съ обезпеченностью, что французу трудно себѣ предс
вить послѣдствія войны. Онъ не думаетъ о томъ, кому придет
расплачиваться по займамъ, и не учитываетъ послѣдствій колос
сальной задолженности. Самое тяжкое — это настоящее, будущее
безоблачно. Почему-то всѣ увѣрены, что жизнь послѣ войны пре
станетъ праздникомъ въ сравненіи съ прошлымъ. Мой сосѣдъ
древній старикъ, онъ сапожникъ и, какъ всѣ сапожники, люби
пофилософствовать:

— О, сударь, то, что мы пережили въ 70-хъ годахъ, боль
не повторится. Мы ѣли крысъ по 2 фр. за штуку, за ливръ соба
платили 4 фр., яйцо 5 фр. А нынѣ за яйцо вы платите 15 с., хл

мѣсте по цѣнѣ до войны и вдосталь, мясо — всего въ два раза дороже и сколько хотите. Развѣ это война? Нѣтъ, сударь, республика не дастъ себя въ обиду. Республиканская Франція, что кошка: сыта, — лѣниво грѣется на солнцѣ, но вотъ опасность — проснись, вся сожмется отъ страха и гнѣва и прямо на голову врагу; въ кровь ему морду, и маршъ на стѣну, опять жмурится на ласковое солнце: на землѣ довольно мѣста всѣмъ. Полъ вѣка назадъ отняли у насъ Эльзасъ, принудили отдать милліарды, и что же, мы стали бѣднѣе? Весь міръ ссужаемъ деньгами и оружіемъ.

Онъ помолчалъ, поглядѣлъ на свой домъ, перевелъ свой взглядъ на меня, какъ бы говоря: и я, ѣвшій крысъ и собачину, простой поденщикъ, теперь домовладѣлецъ.

— И вы увидите, — продолжалъ онъ, — изъ тяжкаго испытанія Франція выйдетъ съ новыми силами.

— Съ новыми силами, когда перебьютъ треть рабочихъ? Скажите лучше съ новыми порядками. Послѣ столькихъ жертвъ возвращаться въ старое ярмо — глупцовъ не найдется.

— И съ новыми порядками, — согласился старикъ.

А возражатель, молодой парень, служившій въ городовыхъ, продолжалъ съ угрюмой сосредоточенностью:

— Въ Республикѣ нѣтъ Бога. Я изъ далекой страны, — вздохнулъ онъ, — я малообразованный крестьянинъ и разсуждаю просто: невозможно, чтобъ столько крови пролилось напрасно; какъ было, больше не будетъ рабочему люду; Онъ дастъ вздохнуть.

— Изъ какой же вы страны? — спросилъ я его.

— Изъ Нормандіи.

Я невольно улыбнулся. Для русскаго уха далекое француза оказалось слишкомъ близкимъ.

Эта вѣра въ соціальную правду, каждымъ понимаемую по-своему, въ правду, которая восторжествуетъ послѣ войны, для однихъ—лозунгъ новой борьбы за переустройство современнаго общества, для другихъ—умиротворяющее ихъ печаль упованіе и, слѣдовательно, не призывъ, а примиреніе, послѣдняя ставка слабыхъ и покорныхъ.

Не въ этой ли вѣрѣ въ завтрашній день, — источникъ несокрушимой энергіи французскаго солдата?

Слушая разсказы о томъ, что дѣлается на фронтѣ, я не разъ думалъ, какъ мужественны эти люди, эти мѣщане и лавочники. Предъ ихъ отвагой, безстрашіемъ и равнодушіемъ къ пляшущей вокругъ нихъ смерти блѣднѣютъ воспѣтые подвиги героевъ Иліады. Ничего нѣтъ геройскаго въ ихъ внѣшности. Французскій солдатъ малорослъ и неуклюжъ. Грубо сшитое мѣшкомъ военное пальто дѣлаютъ ихъ похожими на неловко связанные кули. Въ нихъ нѣтъ и помину ничего воинственнаго. Видать сразу, что эти люди не

отдавались воинственнымъ мечтамъ, въ которыхъ ихъ воспитыв что война чужда имъ, отрываетъ ихъ отъ привычныхъ заботъ, неотложныхъ дѣлъ. Рядомъ со стройными фигурами рослыхъ глійскихъ солдатъ французы смѣшные увальни. Они это сами мѣчаютъ, но относятся насмѣшливо къ своимъ заморскимъ со никамъ: «гимнасты!».

Англійскіе солдаты одѣты хорошо, даже щеголевато; они т образцово экипированы, что устраиваются въ траншеяхъ съ к фортомъ. Превосходство ихъ организаціи бросается въ глаза фр цузскому солдату. У нихъ непромокаемые плащи, непромокаем подстилки, великолѣпныя одѣяла, у нихъ, наконецъ, карман деньги.

— Прямо аристократы! — разсказывалъ одинъ солда своимъ землякамъ-французамъ. — Нашъ молодецъ въ сравнен съ ними бѣднякъ-бѣднякомъ.

— Ну, а въ бою какъ?

— Въ бою? Плоховаты!

— Трусы?

— Нѣтъ, какой тамъ трусы, храбры, какъ львы, настоящ пѣтухи, только аристократы. Если онъ пьетъ свое кофе, или молит Богу, никакая тревога его съ мѣста не сдвинетъ ни за что. Кома дуй имъ на приступъ—не пойдутъ. Ну, нѣмцы это пронюхали,—ка англичанинъ за кофе—они вмигъ въ атаку.

— Ну? — удивляются земляки.

— Это что еще! — горячится разсказчикъ. — Слушай дальше. Вотъ они свое кофе допили и идутъ прогонять нѣмца.

— И прогоняютъ?

— Конечно, прогоняютъ.

— Такъ имъ война одно удовольствіе?

— Не знаю, правда ли, нѣтъ ли, — разсказывали про од полкъ, будто англичане потребовали, чтобъ все было по часам восемъ часовъ повоевалъ, а остальное время — себѣ.

— Ну, это враки, — усомнились, наконецъ, земляки.

Много такихъ добродушныхъ анекдотовъ ходитъ среди фран зовъ про англичанъ и про русскихъ. Французы не интересуют жизнью другихъ людей, а если и заинтересуются, то съ анекдоти ской стороны.

Французы дерутся, какъ львы. Ихъ храбрость не спортсм ская, ихъ мужество не бравурное. Это храбрость и мужество дѣл выхъ людей, которые зря рисковать не станутъ, но если нужно пойдутъ въ огонь и въ воду. Храбрость русскихъ волонтеровъ, бе печно бравирующихъ жизнью, они считаютъ сумасшедшей. Нед ромъ одинъ французскій генералъ доказывалъ, что въ современн борьбѣ нужны люди не слишкомъ трусливые и не слишкомъ хра рые, умѣющіе беречь свою шкуру: только армія, съ сильнымъ

стинктомъ самосохраненія, можетъ разсчитывать на побѣду въ современной войнѣ.

Французъ храбръ, но храбръ съ разсчетомъ. Традиціонный типъ легко воспламеняющагося и быстро остывающаго энтузіаста не такъ ужъ характеренъ для современнаго облика Франціи, какъ это кажется самимъ французамъ. Современный французъ дѣловито-трезвъ и въ самомъ разгарѣ увлеченія не теряетъ головы, не доходитъ до самозабвенія. Но по старой традиціи они все еще продолжаютъ считать себя людьми порыва.

— Нѣтъ, — говорилъ мнѣ одинъ солдатъ, деревенскій аристократъ, — такая война не по насъ, не въ нашемъ характерѣ тянуть нудную и тяжелую борьбу. Сдѣлать смаху, сразу, однимъ ударомъ, это другое дѣло, насъ на это хватитъ. Я не знаю, выдержимъ ли мы еще третью зиму, я даже не представляю. Помилуйте, у насъ въ деревнѣ 500 жителей и мы уже имѣемъ десять убитыхъ, да раненыхъ сколько. Кто же будетъ обрабатывать поля? Вамъ, сидя въ Парижѣ, легко ворочать боевыми цифрами, а мы не цифры, а люди.

Это говорилъ молодой парень — ревностный патріотъ , убѣжденный католикъ. Онъ весь жилъ въ прошломъ. Но дѣловой вопросъ, кто будетъ обрабатывать поля въ его деревнѣ, для него важнѣе судебъ всей Франціи; будущее его не влечетъ, онъ съ нимъ не связанъ. Его патріотизмъ скроенъ какъ разъ по той мѣркѣ, которую завѣщала отжившая Франція былого; мѣркѣ, на которой ошибочно построили свои разсчеты клерикалы и военные круги, полагавшіе, что война продлится всего нѣсколько мѣсяцевъ.

— Я помню 70-ые годы, — говорилъ мнѣ въ началѣ войны старый учитель въ отставкѣ, — какъ мы шли. Повѣрьте, молнія быстрѣй не пройдетъ, и никакой устали. Но когда приходилось ждать, дѣло было плохо: мы слабѣли и уставали быстро. Тянуть намъ нельзя, мы должны дѣйствовать быстро.

И оба они, люди разной культуры, разнаго воспитанія, молодой и старый, были недовольны осторожной тактикой Жоффра. Что такое Жоффръ? Хорошій ученый, стратегъ, человѣкъ кабинета, но какой же онъ вояка!..

Эти люди прошлаго не понимали, что именно Жоффръ, осторожный и разсчетливый, и есть самый характерный представитель современной Франціи.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Михаилъ Морозовъ.

РАСКОЛЪ ВЪ ГЕРМАНІИ.

I.

То, что долго назрѣвало и ожидалось, наконецъ, совершилось. И до войны бывали въ германской партіи разногласія, принципіально не менѣе важныя. Вспомнимъ, около 20 лѣтъ назадъ «бернштейніанцы» предлагали фактически отказаться отъ конечной цѣли и превратиться въ радикально-буржуазную партію съ рабочимъ составомъ членовъ. Позже, на съѣздѣ въ Магдебургѣ въ 1910 г., Бебель сказалъ: «мы имѣемъ національ-либераловъ среди насъ, которые желаютъ предать партію и рабочее движеніе его смертельнымъ врагамъ; и этихъ національ-либераловъ надо прочь».

Почему же лишь теперь отношеніе къ разногласіямъ стало столь страстнымъ, что разрывъ осуществился на практикѣ? Примѣняя извѣстныя положенія П. Аксельрода [1], можно сказать: потому что началась новая историческая эпоха европейской, въ частности, германской жизни. Довоенный періодъ нѣмецкой жизни былъ прочно капиталистическимъ. Принципіальныя разногласія отличались нѣкоторой отвлеченностью, текущая жизнь шла подъ знакомъ не преодолѣнія буржуазнаго строя, а подъ знакомъ вынужденнаго систематическаго приспособленія къ его сравнительной прочности. Наоборотъ, послѣ-военный періодъ нѣмецкой (и міровой) жизни является уже *эпохой* реализаціи послѣбуржуазнаго строя, эпохой неустойчиваго равновѣсія и постановки на практическую историческую очередь основной задачи: осуществленія соціализма. Принципіальныя разногласія въ основномъ пунктѣ пріобрѣтаютъ поэтому небывалое практическое значеніе, отсюда страстность борьбы и расколъ. Вѣдь подкладка всего спора въ Германіи заключается именно въ томъ, что одни, партійные консерваторы (Шейдеманъ, Куновъ и пр.), попрежнему въ кругъ возможностей включаютъ только длительное прочное существованіе бюргерскаго строя [2], и приспособляютъ свою линію къ его незыблемости («уступки за добровольность приспособленія»), — тогда какъ другіе, партійные прогрессисты (Мерингъ, Либкнехтъ и пр.), желаютъ сознательно приспособлять свою линію къ условіямъ, потребностямъ и задачамъ наступающей *новой* исторической эпохи,—переходной, имѣющей осуществить послѣбюргерскія отношенія.

Еще до войны авторъ этихъ строкъ высказывался въ томъ смыслѣ, что когда дѣло дойдетъ до новой переходной эпохи исторіи, то станетъ неизбѣжнымъ въ міровомъ масштабѣ разрывъ внутри рабочаго движенія. Ибо оно выросло въ условіяхъ старой эпохи относительно-прочнаго капитализма, и очень

[1] См. выходящую въ Москвѣ брошюру: «О развитіи активнаго марксизма въ Россіи. Бесѣды П. Б. Аксельрода».

[2] Только реформированнаго въ сторону болѣе стройной государственно-капиталистической организаціи.

...окіе круги участниковъ, особенно въ профессіональномъ ...женіи, фактически дальше этой «прочной» эпохи и не заглядывали. Потому «переходный» періодъ, какъ всегда бываетъ въ ...кихъ случаяхъ, неминуемо отпугнетъ ихъ сперва новизной и ...иромъ его задачъ. Тѣмъ болѣе легко будетъ имъ тогда от...нуться отъ новыхъ задачъ въ сторону старой жизни, что и ...ма старая жизнь, именно въ виду наступленія переходнаго ...ріода исторіи, склонна будетъ пойти имъ навстрѣчу тѣми или ...ными мѣрами, въ которыхъ раньше отказывала (ср. съ нынѣшнимъ усиленіемъ вліянія шейдемановской группы и ея требованій въ германской государственной жизни). Только постепенно произойдетъ приспособленіе психологіи широкихъ массъ, ...жемъ, германскаго пролетаріата, къ характеру и требованіямъ новаго переходнаго времени. Чѣмъ большія силы останутся съ самаго начала съ партійными прогрессистами, тѣмъ болѣе быстро пойдетъ темпъ переработки психологіи остальной массы. Именно потому, желая пока закрѣпить за собой побольше, Бебель не очень торопился выбросить «націоналъ-либераловъ», хотя зналъ и говорилъ, что вообще ихъ надо «прочь». Онъ считалъ, что многочисленные рабочіе, кругозоръ которыхъ ограниченъ «прочностью» эпохи и потому сбивается въ сторону «націоналъ-либерализма»,— тѣмъ въ большей мѣрѣ успѣютъ быть пріобрѣтены для прогрессивныхъ партійныхъ тенденцій, чѣмъ дольше пробудутъ въ прямомъ общеніи съ партійными прогрессистами, не будучи отгорожены отъ нихъ частоколомъ организаціоннаго обособленія.

Наступленіе новой переходной эпохи исторіи (а съ нею, слѣдовательно, и раскола) стояло у дверей Европы *и безъ войны*. Въ этомъ отношеніи итоги войны совершенно не приходится идеализировать. Сама война явилась отчасти слѣдствіемъ повышенія классовой нервозности современнаго общества въ виду признаковъ приближенія обстановки переходнаго періода исторіи. Время передъ войной было въ Германіи періодомъ открытаго и формальнаго взаимнаго объявленія борьбы по всей линіи между политическими и профессіональными организаціями рабочихъ, съ одной стороны, и властью союзовъ предпринимателей и органовъ государства—съ другой. Весной 1914 г. имперское правительство начало насильственное подчиненіе проф. союзовъ полицейскому надзору и внесло въ рейхстагъ «каторжный законопроектъ», который долженъ былъ вообще скрутить классовую борьбу, а союзы предпринимателей, объединившись, открыто готовились дать генеральный бой на экономической почвѣ и уничтожить профессіональныя организаціи. Послѣднія приняли вызовъ, на экстренномъ съѣздѣ за нѣсколько недѣль до войны постановили образовать единый общепрофессіональный общегерманскій стачечный фондъ и т. д. Впервые въ Германіи всеобщая стачка въ общегосударственномъ масштабѣ начинала вырисовываться на горизонтѣ дѣйствительности. Тогдашнее заполоненіе газетъ разными сараевскими сенсаціями и ихъ откликами сдѣлало, повидимому, для русской публики почти совершенно неизвѣстнымъ совершенно необычайное, исключительное напряженіе внутрен-

нихъ отношеній въ Германіи въ послѣдніе мѣсяцы передъ войной. Болѣе извѣстны милліонныя стачки рабочихъ въ Англіи, имѣвшія мѣсто еще до войны (углекопы, желѣзнодорожники, моряки) —все накопившіеся признаки назрѣванія перехода рабочаго движенія изъ стадіи сравнительнаго покоя въ иную стадію.

Въ смыслѣ состоянія производительныхъ силъ и культуры и въ смыслѣ международныхъ отношеній и масштабовъ задачъ— новая переходная эпоха исторіи наступила бы безъ войны въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ теперь. Эту нехитрую истину можно считать уже общимъ достояніемъ сознательной идеологіи европейскаго марксизма. Съ полной основательностью признакомъ дурного тона, билетомъ на званіе вульгаризатора (плоскаго упростителя, не подозрѣвающаго о неправильности своего пониманія) считаются разговоры о томъ, будто война *въ общемъ и цѣломъ*, повысила экономическое развитіе Европы, состояніе ея производительныхъ силъ и т. д. Безъ нея зрѣлость экономической обстановки была бы ничуть не меньше. Но точно такъ же и расколъ въ міровомъ рабочемъ движеніи безъ войны произошелъ бы для прогрессивныхъ партійныхъ силъ въ болѣе благопріятныхъ моральныхъ условіяхъ. При раздѣленіи между идейно готовыми и неготовыми къ новому переходному періоду исторіи теперь, благодаря оживленію разныхъ традиціонныхъ національныхъ чувствъ и интересовъ и т. д., — на прогрессивную сторону нѣмецкаго рабочаго движенія съ самаго начала отходитъ гораздо меньше силъ, чѣмъ это имѣло бы мѣсто безъ нынѣшней войны. Именно благодаря неблагопріятной для прогрессивныхъ элементовъ партіи моральной обстановкѣ инціатива раскола и вышла въ Германіи изъ рядовъ консервативной части партіи, со стороны партійныхъ, въ историческомъ смыслѣ, реакціонеровъ, какъ Шейдеманъ, Легинъ, Кольбъ и др. Вотъ почему всѣ фракціи нѣмецкой оппозиціи, — борхардтцы, либкнехтцы и газовцы [1], — считали расколъ несвоевременнымъ, и даже крайніе изъ нихъ откладывали его на будущее время, когда онъ сослужилъ бы прогрессивную роль, окончательно изолировавъ и списавъ со счета успѣвшихъ бы уже быть обезсиленными партійныхъ реакціонеровъ. Теперь же онъ далъ на первыхъ порахъ нѣсколько пріятныхъ мгновеній партійной реакціи, прикрѣпивъ къ ней, пока, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые, наименѣе еще уяснившіе себѣ положеніе и наиболѣе испуганные элементы оппозиціи [2]. Какъ увидимъ, нѣтъ никакихъ основаній считать многозначительнымъ первый успѣхъ партійной реакціи, временное закрѣпленіе за нею недостаточно еще опредѣлившихся слоевъ — это одна изъ «пирровыхъ побѣдъ».

[1] Есть еще четвертая, т. н. «расширенное меньшинство», или «примиренцы»,—къ нимъ принадлежитъ свыше 20 депутатовъ, оставшихся во фракціи Шейдемана.

[2] Бокумъ, Магдебургъ, Щтеттинъ и нѣк. др. недавно примкнувшіе къ оппозиціи города послѣ исключенія оппозиціи поспѣшили оффиціально вернуться на лоно шейдеманства.

II.

Въ «Лѣтописи» за октябрь приведено распредѣленіе ста важнѣйшихъ организацій германской партіи между ея направленіями въ серединѣ 1916 г. согласно рѣшеніямъ мѣстныхъ конференцій. Число членовъ каждой организаціи засчитано по даннымъ на 31 марта 1913 г. Теперь опубликованъ уже отчетъ на 31 марта 1914 г., а дальнѣйшія перегруппировки городовъ между направленіями извѣстны по 7 января н. ст. 1917 г., когда собралась общегерманская конференція оппозиціи, и всѣ мѣстныя организаціи рѣшали, будутъ ли принимать участіе и на основѣ платформы какого именно направленія. Во всѣхъ этихъ ста городахъ было 31 марта 1914 г. около трехъ четвертей членовъ партіи (именно 801 тыс. чел., а въ остальныхъ 297 организаціяхъ вмѣстѣ только 284 тыс. чел.; эти три сотни мелкихъ организацій примыкаютъ преимущественно къ шейдемановскому Правленію партіи). Съ середины 1916 г. и по 7 янв. 1917 г. произошли такія перемѣны: Аугсбургъ и Бохумъ отъ «большинства» и Магдебургъ отъ «примиренцевъ» перешли къ «солидарникамъ» (фракція Гаазе - Каутскаго - Ледебура называется «Солидарность труда»). Отъ солидарниковъ Брауншвейгъ перешелъ къ «международникамъ» (фракція Меринга - Люксембургъ - Либкнехта называется такъ по имени выпущеннаго ими журнала «Интернаціоналъ») и Шарлоттенбургъ перешелъ къ «лѣворадикаламъ» (такъ называетъ себя фракція Борхардта - Книффа въ отличіе отъ «радикаловъ», подъ которыми имѣютъ въ виду Меринга-Люксембургъ - Либкнехта, и въ отличіе отъ «центра», каковымъ обозначаютъ Гаазе - Каутскаго - Ледебура; въ серединѣ 1916 г. «лѣворадикалы» не владѣли еще ни одной изъ ста крупныхъ организацій). Наконецъ, отъ международниковъ Бременъ перешелъ тоже къ лѣворадикаламъ. Въ итогѣ за полгода произошли такія перемѣны [1]:

	Число организацій.		Число членовъ.	
	Середина. 1916 г.	7 янв. 1917 г.	середина 1916 г.	7 янв. ря 1917 г.
«большинство»	50	48	373 тыс.	365 тыс.
примиренцы	5	4	46 »	38 »
солидарники	35	36	316 »	285 »
международники	8	8	66 »	66 »
лѣворадикалы	—	2	— »	47 »

Таяніе большинства шло въ послѣднее полугодіе медленнѣе прежняго, но внутри оппозиціи замѣчается большая передвижка влѣво. Если не считать самаго умѣреннаго крыла оппозиціи, примиренцевъ, то полгода назадъ международники преобладали въ организаціяхъ только съ шестою частью всѣхъ членовъ оппозиціонныхъ организацій, а въ январѣ международники и лѣворадикалы охватывали уже около четверти. Это показываетъ, что фракція солидарниковъ (Гаазе - Ледебура) является до из-

[1] Въ «большинство» включаемъ при этомъ т. наз. небольшую группу «нейтралистовъ», фактически ничѣмъ отъ него не отличающуюся, кромѣ нѣкоторыхъ «душевныхъ сомнѣній». Подъ примиренцами понимаю «расширенное меньшинство», см. ниже.

вѣстной степени лишь проходнымъ этапомъ по пути отъ «большинства» къ принципіально вполнѣ опредѣлившейся оппозиціи. Идеологія международниковъ вполнѣ опредѣленна съ самаго появленія ихъ, какъ фракціи, т. е. уже два года. Отрицательное отношеніе къ признанію основного факта германской дѣйствительности (войны) въ виду его имперіалистской природы. Международная солидарность пролетаріата, какъ верховный критерій, и массовыя выступленія, какъ главное средство.

Рѣшительная борьба противъ «большинства» съ перспективой разрыва въ дальнѣйшемъ, когда созрѣютъ для этого условія. Критика «центра» оппозиціи (солидарниковъ), толканіе влѣво, но безъ исключенія этихъ элементовъ изъ совокупности прогрессивныхъ силъ движенія. По національному вопросу— признаніе права на самоопредѣленіе [1]. Въ циммервальдскомъ объединеніи позиція противъ «сектантства» (въ которомъ международники обвиняютъ лѣворадикаловъ), нашедшая себѣ выраженіе въ коллективной телеграммѣ Либкнехта, Р. Люксембургъ, Цеткиной и Меринга депутату Чхеидзе съ положительной оцѣнкой его думской дѣятельности (1 мая 1916 г.).

Столь же опредѣленна позиція лѣворадикаловъ, главными идеологами которыхъ являются быв. деп. ландтага Борхардтъ и быв. бременскій редакторъ Радекъ. Главныя отличія ихъ отъ позиціи «международниковъ» таковы. Основной практической задачей въ пролетаріатѣ является не борьба съ шейдеманцами, а борьба противъ «центра оппозиціи» (Гаазе - Каутскій), которому не должно быть мѣста въ будущей партіи. Отрицательное отношеніе къ войнѣ не только въ виду ея имперіалистской природы, но и вслѣдствіе опредѣленнаго программнаго отношенія къ вопросу объ «отечествѣ» и въ неимперіалистскихъ случаяхъ. Отрицаніе права націй на самоопредѣленіе, какъ только отвлекающаго пролетаріатъ отъ его спеціальныхъ задачъ, и требованіе соотвѣтственныхъ измѣненій въ программѣ. Наконецъ, въ циммервальдскомъ объединеніи тѣсное сотрудничество съ направленіемъ Н. Ленина, съ которымъ вмѣстѣ [2] эта группа издаетъ въ Швейцаріи журналъ «Предвѣстникъ» (съ участіемъ голландскихъ и скандинавскихъ лѣворадикаловъ, но безъ «международниковъ», т. е. безъ Люксембургъ, Либкнехта и ихъ друзей). По сообщенію бременскаго «Arbeiterpolitik», въ Циммервальдѣ представители «международниковъ» голосовали противъ лѣворадикаловъ, послѣ чего послѣдніе основали въ Германіи собственную организацію.

Въ противоположность обѣимъ этимъ группамъ оппозиціи, поведеніе оппозиціоннаго «центра» (солидарники, фракція Гаазе) не отличалось принципіальной выдержанностью и не оста-

[1] Р. Люксембургъ, иначе относившаяся къ этому лозунгу въ довоенной полемикѣ о Польшѣ, когда политическая обстановка наполняла его инымъ содержаніемъ и смысломъ, теперь тоже выступаетъ на защиту его.

[2] Однако, Ленинъ рѣшительно высказывается за сохраненіе права націй на самоопредѣленіе и противъ того отношенія къ вопросу объ «отечествѣ» (сверхъ имперіалистскихъ случаевъ), какое проповѣдуютъ Радекъ и другіе лѣворадикалы.

вляющей мѣста недоумѣніямъ опредѣленностью, особенно въ первые періоды выступленія ихъ съ самостоятельной линіей. Когда въ декабрѣ 1915 г. они впервые публично отклонили въ рейхстагѣ военные кредиты, то мотивировали это отсутствіемъ для Германіи военной опасности. Уже тогда были среди нихъ группы (напр., Гаазе), которыя считали подобную мотивировку недостаточной, но не могли еще въ то время побудить всю фракцію «солидарниковъ» пойти дальше. Однако, когда наступали считавшіеся опасными для Германіи военные моменты (брусиловское и соммское наступленіе, румынское объявленіе войны), фракція солидарниковъ продолжала голосовать противъ военныхъ кредитовъ и черезъ годъ внутренняго развитія дошла до того, что въ декабрѣ 1916 г. отклонила законъ о рабочей повинности, въ виду того, что онъ «служитъ имперіалистской войнѣ». Нежеланіемъ служить имперіалистской войнѣ (безотносительно къ военному положенію Германіи) стала она также мотивировать въ офиціальныхъ заявленіяхъ борьбу свою противъ шейдеманцевъ, критику такъ наз. «мирнаго предложенія» имперскаго канцлера (12 дек. н. ст.) и т. д. Но въ статьяхъ и выступленіяхъ отдѣльныхъ дѣятелей «солидарниковъ» чувствуются еще и ноты начальныхъ ихъ воззрѣній.

Столь же недостаточно принципіально обоснована была и линія поведенія «солидарниковъ» относительно шейдеманцевъ. Фактически они вели противъ послѣднихъ не только идейную, но и организаціонную борьбу, смѣщали ихъ «съ постовъ» во всѣхъ мѣстныхъ организаціяхъ, гдѣ только брали верхъ, отказались признавать «партійную дисциплину», образовали самостоятельную фракцію въ рейхстагѣ и т. д. — словомъ, шли къ полному разрыву и расколу. Но при этомъ не подозрѣвали, что «говорятъ прозой» (или считали полезнымъ не подозрѣвать, не предрѣшать) и оставляли открытымъ вопросъ объ отношеніи къ шейдеманству послѣ войны. Еще лѣтомъ 1916 г. они отклонили предложеніе Розы Люксембургъ созвать общеимперскую конференцію оппозиціи и организоваться всѣмъ оппозиціоннымъ силамъ самостоятельно, хотя бы въ предѣлахъ и рамкахъ старой партіи, безъ формальнаго раскола съ нею. Дальнѣйшія переживанія, особенно отношеніе шейдеманцевъ къ рабочей повинности и къ «мирному маневру» канцлера (опубликованному 12 дек. н. ст.), побудили солидарниковъ стать въ болѣе активную и боевую оппозицію противъ шейдеманцевъ и созвать, наконецъ, общеимперскую конференцію оппозиціи. Она состоялась 7 января н. ст. и признала необходимой самостоятельную организацію оппозиціи въ общеимперскомъ масштабѣ, хотя формально безъ выхода изъ старой партіи. Въ отвѣтъ Правленіе партіи исключило черезъ двѣ недѣли рейхстагскую фракцію «солидарниковъ» изъ партіи, какъ «зачинщицу и подстрекательницу», объявивъ о рѣшеніи своемъ исключить всѣ организаціи и отдѣльныхъ членовъ, кто-только поддержитъ исключенныхъ депутатовъ.

Въ виду того, что и сейчасъ «солидарники» обнимаютъ еще свыше двухъ третей оппозиціонныхъ членовъ партіи, важно

имѣть правильное представленіе о фактѣ прогрессивнаго развитія въ сторону принципіальной выдержанности ихъ воззрѣній и поведенія. Потому приведу оцѣнку крупной дѣятельницы группы «Интернаціоналъ» («международниковъ») Клары Цеткиной, въ статьѣ ея объ итогахъ конференціи 7 янв. н. ст. (изъ редактируемаго ею штуттгартскаго журнала «Равенство»). Она пишетъ: «Фракція солидарниковъ со времени перваго своего «нѣтъ» противъ военныхъ кредитовъ и его изрядно оппортунистическаго обоснованія развилась рѣшительно дальше на лѣво. Непреодолимая просвѣтительная сила фактовъ и критика крайнихъ лѣвыхъ не остались безъ толкающаго впередъ дѣйствія». Указавъ затѣмъ, что все же принципіальная линія солидарниковъ «здѣсь и тамъ неясна и компромиссна» и практическое поведеніе не во всѣхъ случаяхъ обладаетъ достаточной остротой и опредѣленностью, Цеткина говоритъ далѣе про это крыло оппозиціи, что оно «начинаетъ терять смущеніе передъ собственнымъ поведеніемъ, передъ собственнымъ мужествомъ; оно уже больше не извиняется —оно обвиняетъ; оно уже больше не уклоняется — оно становится на борьбу. Открытѣе, безоговорочнѣе прежняго высказало оно, что есть; внутренне и внѣшне ближе подошло къ крайнимъ лѣвымъ» (№ 9, стр. 58).

Эта оцѣнка дана была въ промежутокъ между конференціей 7 янв. и исключеніемъ солидарниковъ изъ партіи. Она объясняетъ, почему международники, въ отличіе отъ борхардтцевъ («лѣворадикаловъ»), считаютъ «сектантствомъ» нежеланіе лѣворадикаловъ быть въ одной партіи съ солидарниками. Замѣтимъ тутъ же, что ясное различеніе позицій всѣхъ направленій облегчается теперь тѣмъ, что каждое направленіе издаетъ теперь въ Германіи собственные органы печати. Главный органъ лѣворадикаловъ—бременскій еженедѣльникъ «Рабочая политика» (редакторъ Книффъ, болѣе видные сотрудники Радекъ и Борхардтъ, изъ иностранцевъ попадаются статьи Зиновьева и шведа Гуре Нермана, равно голландца Паннекука и поляка Бронскаго). Главные органы международниковъ (они же называются «спартакцами»—направленіе Р. Люксембургъ, Либкнехта, Меринга, Цеткиной)—двисбургскій еженедѣльникъ «Борьба» и выходящій въ Штуттгартѣ полумѣсячный женскій органъ «Равенство». Главные органы солидарниковъ—лейпцигская «Народная газета» (къ которой примыкаетъ около десятка другихъ провинціальныхъ ежедневныхъ газетъ—въ Галле, Кенигсбергѣ, Эрфуртѣ, Золингенѣ, Вюрцбургѣ и т. д.) и журналъ Каутскаго «Новое Время». Наконецъ, примиренцы располагаютъ нюрнбергской партійной газетой, редактируемой Ад. Брауномъ. Являясь самой умѣренной изъ всѣхъ противошейдемановскихъ группъ, многочисленные въ рейхстагѣ (23 деп.) и маловліятельные въ странѣ, примиренцы слѣдуютъ такой тактикѣ: сдержанно критикуя «большинство», не мѣшать ему на практикѣ, ограничиваясь внутри организаціонными особыми мнѣніями и откладывая всѣ разсчеты на послѣ войны. Свое поведеніе они оправдывали нежеланіемъ способствовать расколу партіи вынесеніемъ на-

жу разногласій сейчасъ, когда эти разногласія воспринимаются особенно страстно. Такая линія является наслѣдіемъ культа единства, подъ знакомъ котораго германскій пролетаріатъ одержалъ за 40-лѣтіе передъ войной столько политическихъ и экономическихъ побѣдъ. Но именно это поведеніе примиренцевъ, именно ихъ пассивное попустительство политическимъ и организаціоннымъ безчинствамъ «большинства»—помогло послѣднему грубо и безцеремонно выбросить изъ партіи всю остальную оппозицію. Какъ почти всегда бываетъ, «примиренчество» облегчило наступленіе какъ разъ противоположныхъ результатовъ, чѣмъ тѣ, стремленіемъ къ которымъ оно себя обосновывало.

III.

Фактическія подробности раскола извѣстны изъ телеграммъ. По мѣрѣ того, какъ въ отвѣтъ на воззваніе Правленія партіи отъ 21 янв. н. ст. отдѣльныя организаціи и лица заявляли о солидарности съ январьской конференціей оппозиціи, Правленіе и подчиненныя ему учрежденія исключали ихъ изъ партіи. Одной изъ первыхъ была исключена вся организація Берлина съ предмѣстьями (8 избират. округовъ, 120 тыс. членовъ передъ войной), затѣмъ Лейпцигъ, Эрфуртъ, Пирна и т. д.—въ дополненіе къ исключеннымъ уже до того Штуттгарту, Бремену и др. Всюду предписано было открывать параллельныя конкуррирующія организаціи изъ сторонниковъ «большинства» (первая открыта въ Берлинѣ 4 февр. н. ст.). За расколомъ фракціи въ прусскомъ ландтагѣ (гдѣ 4 депутата оппозиціи исключены 5-ью депутатами «большинства» 22 янв. н. ст.) послѣдовало исключеніе оппозиціонныхъ гласныхъ изъ партійныхъ группъ нѣкоторыхъ городскихъ думъ. Гдѣ въ цѣломъ округѣ брала верхъ оппозиція, какъ, напр., въ Брауншвейгѣ, тамъ она не исключала приверженцевъ «большинства», но тогда мѣстныя организаціи, стоявшія на сторонѣ «большинства», переставали иногда сами платить взносы въ окружныя организаціи. На конференціи восточной Саксоніи 4 февр. н. ст. делегаты 14 избирательныхъ округовъ «большинства» исключили делегатовъ 8 изб. окр. оппозиціи, въ томъ числѣ предсѣдателя саксонской с.-д. партіи деп. ландтага Флеймера, участника Кинталя, еще недавно, 2 ноября н. ст., шедшаго по улицамъ Дрездена во главѣ восьмидесятитысячной мирной демонстраціи (сообщено въ стен. отч. рейхст. 4 нояб.), одного изъ видныхъ лидеровъ «солидарниковъ». Само Правленіе партіи 16 февр. н. ст. исключило изъ своей среды Луизу Цицъ и Венгельса—обоихъ за публичный протестъ противъ исключенія оппозиціи. Вновь приступлено къ практикѣ отнятія у оппозиціи мѣстныхъ органовъ, юридически числящихся принадлежащими приверженцамъ «большинства». Такъ 10 февр. н. ст., несмотря на протесты мѣстной организаціи, отнята у солидарниковъ ежедневная газета въ Эльберфельдъ - Барменѣ (послѣ недѣльной пріостановки военнымъ начальствомъ), затѣмъ въ Кенигсбергѣ и др., и появились извѣстія о намѣреніяхъ отнять у Каут-

скаго и Цеткиной руководимые ими въ теченіе десятилѣтій ж[ур]налы. Одновременно органъ Правленія (новый «Форвер[тсъ»)] сталъ уже совершенно развязно кокетничать съ прогрессис[тами] (родъ нѣмецкихъ кадетовъ), подчеркивая близость и сход[ство] практической линіи обѣихъ партій, буржуазно-прогрессивно[й и] шейдемановски-рабочей, въ разныхъ важныхъ вопросахъ в[ну]тренней и внѣшней политики. Соглашеніе этихъ партій на бу[ду]щихъ выборахъ въ рейхстагъ, въ 1918 г., виситъ въ воздухѣ; оно отпугнуло бы буржуазію, если бы изъ шейдемановской п[ар]тіи не была исключена предварительно с.-д. оппозиція. Въ с[лу]чаѣ такого соглашенія и при практической возможности б[ыть] поддерживаемыми при реформахъ депутатами инородческой с.-д. оппозиціи, — руководство новымъ рейхстагомъ може[тъ] достаться шейдемановско-прогрессивному блоку; т. к. посл[ѣ] войны предстоитъ законодательный пересмотръ многихъ сторо[нъ] жизни, то шейдеманцы придаютъ особо важное значеніе соста[ву] подлежащаго избранію въ 1918 г. рейхстага — это одна изъ пр[и]чинъ ихъ иниціативы въ дѣлѣ раскола. Сейчасъ всѣ буржуа[з]ныя партіи поддерживаютъ выставленныхъ Правленіемъ посл[ѣ] раскола противъ Меринга кандидатовъ въ рейхстагскомъ и ла[нд]тагскомъ округахъ Либкнехта.

Въ то время какъ «большинство», какъ выразился орга[нъ] международниковъ, «при всей узости политическаго кругозора и всей близорукости расчетовъ, ясно, опредѣленно и прямо идетъ къ поставленной себѣ цѣли: либо превратить политику 4 августа въ постоянную и впречь пролетаріатъ въ колесницу буржуазіи, либо не оставить отъ партіи камня на камнѣ», — въ это время первый рѣшительный приступъ къ расколу по всей линіи засталъ оппозицію неподготовленной, большинство ея сначала смѣшалось и растерялось. Рейхстагская фракція «солидарниковъ» и союзъ берлинскихъ организацій [1] выпустили [..] янв. н. ст. воззваніе, гдѣ принципіально высказались ясно: «борьба, которую предстоитъ намъ вести въ партіи, есть только слѣдствіе большого принципіальнаго столкновенія двухъ міровоззрѣній; правленіе партіи и его приверженцы докатились до національныхъ воззрѣній и превратились въ свиту правительства и имперіалистскихъ буржуазныхъ партій» и т. д. Но практически они въ то время не выдвинули никакого лозунга, кромѣ призыва пытаться отстоять организаціонное положеніе оппозиціи въ партіи, опираясь на партійный уставъ. Средство это явно не годилось, ибо обѣ стороны, какъ указала бременская «Рабочая политика», систематически нарушали уставъ всѣ послѣдніе мѣсяцы, и апелляціей къ внутрипартійной конституціи нельзя было парализовать бонапартистскій переворотъ шейдеманцевъ. Уже 23 янв. н. ст. одинъ изъ близкихъ международныхъ органовъ, браунштейгскій «Другъ народа», отвѣтилъ поэтому на призывъ солидарниковъ: «оппозиція не можетъ теперь больше дѣйствовать *въ* партіи, ибо партія подъ диктатурой Правленія перест[ала]

[1] Раздѣляетъ позицію фракціи «солидарниковъ» вообще.

быть с.-д. партіей; теперь надо собрать соціалъ-демократовъ и съ ними заново построить с.-д. партію».

Нѣсколько позже «Другъ Народа» такъ характеризовалъ поведеніе разныхъ группъ оппозиціи въ первые десять дней раскола. Одни «отказываютъ вытѣсняемымъ (изъ партіи) въ безусловно необходимой солидарности», забаррикадировавшись за недопустимость нарушать организаціонный уставъ, хотя бы даже во имя солидарности, — «но если въ оппозиціи не достаетъ солидарности, то не достаетъ живой и творческой силы». Это — примиренцы. Они высказали въ своей газетѣ и на собраніяхъ сожалѣніе о произведенномъ Правленіемъ расколѣ и намѣреніе обсудить и это на послѣвоенномъ партентагѣ, и тѣмъ пока ограничились.

Другіе, говоритъ брауншвейгская газета, «непоколебимо ставятъ себя на позицію признанія незыблемости партійнаго устава» (и, слѣдовательно, незаконности исключенія Правленіемъ оппозиціи) и «составляютъ отличныя резолюціи о единствѣ партіи», доказывая, что и впредь имѣютъ право считать себя ея членами, какъ будто этимъ перемѣнишь фактъ. Это — солидарники. Не то плохо, что они обличаютъ беззаконіе Правленія, а то, что не дѣлаютъ сразу необходимыхъ практическихъ выводовъ изъ факта совершившагося беззаконія.

Далѣе идутъ борхардтцы (лѣворадикалы). «Третья группа оппозиціи теперь, при военномъ положеніи, исключающемъ возможность публичнаго обсужденія, необходимаго для просвѣщенія массъ, — считаетъ себя обязанной настаивать, какъ на самомъ серьезномъ, на новыхъ принципіальныхъ измѣненіяхъ въ программѣ, на новомъ опредѣленіи отношенія къ оборонѣ и т. д., и согласна только тогда организаціонно работать въ оппозиціи, если вся оппозиція признаетъ эти новшества». Газета недовольна такимъ отношеніемъ лѣворадикальныхъ борхардтцевъ къ вопросу о возсозданіи рабочаго движенія въ Германіи. Это означало бы, говоритъ «Другъ Народа», «раствориться въ лишенныя значенія политическія секты». Программные вопросы указаннаго выше рода, конечно, важны, «ихъ надо дискуссировать, къ нимъ должно быть занято опредѣленное отношеніе, но самымъ важнымъ *теперь* они не являются». Изъ-за такихъ идеологическихъ отличій губить дѣло сплоченія оппозиціи противъ «большинства» значило бы только «оттолкнуть массы», обречь себя на «безпомощность и замѣшательство», между тѣмъ какъ «большинство» дѣйствуетъ рѣшительно «несмотря на имѣющіяся внутри него различія во мнѣніяхъ» (между с.-патріотами и с.-имперіалистами— см. мою ст. въ «Сѣв. Зап.», янв.-февр.). Что теперь требуется въ Германіи — такъ это дружное дѣйствіе, — въ противовѣсъ переставшей быть с.-д.-скою партіи Шейдемана, — для «организаціоннаго конституированія старой с.-д.-ской партіи на временной (vorläufigen) почвѣ эрфуртской программы, рѣшеній партейтаговъ и международныхъ конгрессовъ». А если оппозиція не сможетъ дѣйствовать для этого дружно и рѣшительно, если кто-либо окажется неспособнымъ къ такому дѣйствію, то онъ

«столько же привнесетъ къ опустошенію с.-д.-го рабочаго движенія въ Германіи, сколько и приверженцы большинства рейхстагской фракціи и Правленія партіи» («Др. Нар.», 5 февр. н. ст., редакц. передовица). Между прочимъ, въ Германіи въ послѣдніе мѣсяцы нѣсколько смягчены цензурныя условія (послѣ двухъ законовъ, принятыхъ рейхстагомъ въ ноябрѣ, вошедшихъ въ силу въ декабрѣ и содержащихъ *микроскопическія* гарантіи противъ безконечныхъ административныхъ арестовъ и произвола нѣмецкихъ цензоровъ; все же извѣстная кинтальская резолюція, напр., опубликована теперь въ Германіи легально полностью).

Безотрадная картина состоянія оппозиціи въ первые моменты послѣ раскола, нарисованная «Другомъ Народа», скоро стала улучшаться. Первоначальная неподготовленность объясняется отчасти (оказавшимся неправильнымъ) общимъ убѣжденіемъ всѣхъ частей оппозиціи, что «большинство» не посмѣетъ взять на себя теперь иниціативу раскола во всемъ его объемѣ. Такъ, можно сказать наканунѣ раскола, именно 6 января н. ст., редакція бременской «Рабочей политики» писала: «тактикой соціалъ-патріотовъ должно быть по возможности дольше приковывать къ себѣ лѣворадикаловъ, чтобы отсрочить самостоятельное выступленіе послѣднихъ на какъ можно болѣе долгій срокъ». Повидимому, въ ускореніи иниціативы «большинства» къ расколу сыграло роль назначеніе начала подводной войны на 1 февр. н. ст., объявленное въ Германіи публично 31 янв. н. ст., но бывшее извѣстнымъ вождямъ «большинства» раньше (въ *американскихъ* газетахъ отъ 23 *декабря* н. ст. я уже читалъ, что съ самаго конца *января* н. ст. Германія начнетъ неограниченную подводную войну, подготовленію для чего настроенія въ собственной странѣ служитъ «мирное предложеніе» канцлера отъ 12 дек. н. ст.). Они хотѣли поставить партію передъ фактомъ полнаго раскола раньше, чѣмъ обнаружится полное крушеніе ихъ политики восхваленія акта 12 дек. н. ст. безъ критическаго отношенія къ нему: послѣ того, какъ само Правленіе цѣлый годъ агитировало противъ провозглашенія неограниченной подводной войны, какъ противъ величайшаго несчастья и «преступленія противъ самого нѣмецкаго народа», — послѣ этого не очень эффектно оказаться на дѣлѣ однимъ изъ моральныхъ подготовителей возможности ея и безъ протеста попрежнему продолжать оказывать поддержку Бетманъ-Гольвегу.

Рѣшительныя дѣйствія шейдеманцевъ скоро не оставили передъ солидарниками другого выбора, какъ обречь себя на политическую пассивность или пойти дорогой, на какую съ перваго дня раскола звали въ «Другѣ Народа» и др. органахъ международники. Уже 30 янв. н. ст. появилась статья деп. прусскаго ландтага Штребеля, одного изъ болѣе рѣшительныхъ «солидарниковъ», гдѣ онъ заявлялъ: наша обязанность — принять вызовъ и объявить партіей себя, а не шейдеманцевъ, «ибо партія тамъ, гдѣ признаются на дѣлѣ с.-д. программа и рѣшенія національныхъ и международныхъ конгрессовъ». Черезъ нѣсколько дней, именно 5 февраля н. ст., солидарники предложили въ Потсдамской ор-

ганизации резолюцію: «мѣстная организація предлагаетъ учрежденіе охватывающей всю имперію «с.-д-ской партіи стараго направленія», которая организаціонно объединила бы всѣхъ, стоящихъ на почвѣ эрфуртской программы и рѣшеній партейтаговъ и международныхъ конгрессовъ». Резолюція была принята голосами солидарниковъ и международниковъ. Затѣмъ 8 февраля н. ст. появилось оффиціальное воззваніе рейхстагской фракціи солидарниковъ, призывающее къ самостоятельному объединенному конституированію всѣ исключенныя изъ шейдемановской партіи организаціи и всѣхъ солидарныхъ съ ними отдѣльныхъ лицъ и назначающее съ этою цѣлью на конецъ марта общеимперскую конференцію всей оппозиціи (этому рѣшенію предшествовало состоявшееся 1 февр. н. ст. совѣщаніе делегатовъ важнѣйшихъ исключенныхъ организацій, какъ Берлинъ, Лейпцигъ и др.). Что касается отношенія «солидарниковъ» послѣ всего этого къ шейдеманцамъ (на конечное исправленіе которыхъ они еще годъ назадъ надѣялись), то объ этомъ говоритъ резолюція Гаазе, главнаго вождя солидарниковъ, единогласно принятая 11 февр. н. ст. на соединенной конференціи организацій всѣхъ берлинскихъ избират. округовъ (участвовало 326 делегатовъ; всѣ эти конференціи въ Германіи легальны). Тамъ сказано, что основаніе Правленіемъ партіи контръ-организацій «большинства» противъ существующихъ, объявленныхъ исключенными [1], является «организаціоннымъ запечатлѣніемъ противо-соціалистической и имперіалистской политики Правленія; этимъ выступленіемъ Правленіе партіи и его послѣдователи поставили себя въ тотъ же боевой фронтъ, въ какомъ стоятъ враги соціализма и демократіи».

Такимъ образомъ расколъ помогъ солидарникамъ ускорить приближеніе свое къ тѣмъ взглядамъ на шейдеманцевъ и на организаціонныя задачи, какіе давно уже проповѣдывались группой международниковъ (Либкнехтъ - Мерингъ - Люксембургъ). *Хотя большинство въ оппозиціи составляютъ солидарники, — идейная гегемонія принадлежитъ явно международникамъ.* Интересно отмѣтить, что въ оцѣнкѣ *основного характера наступающей исторической эпохи* между руководящими идеологами солидарниковъ и международниковъ нѣтъ разницы (разница только *въ степени послѣдовательности и рѣшительности приспособленія своего практическаго поведенія къ своимъ идеологическимъ перспективамъ*). Такъ напр., Карлъ Каутскій писалъ въ «Лейпц. Народн. Газетѣ» отъ 16 декаб. н. ст. 1916 г., что раньше чѣмъ выраститъ новое поколѣніе, родившееся во время этой войны, въ Германіи не будетъ уже капитализма: «ближайшія десятилѣтія послѣ войны», пишетъ онъ, «принесутъ пролетаріату такую мощь, что... хотя не различія, но противоположности между націями будутъ устранены преодолѣніемъ» классоваго строенія

[1] По отчетамъ шейдеманскаго «Форвертса», во всѣ новыя берлинскія организаціи «большинства» вмѣстѣ не вступило пока и одной полной тысячи членовъ. А въ берлинскихъ организаціяхъ оппозиціи налицо свыше тридцати тысячъ платящихъ членовъ (до войны 120 т.).

общества (будетъ достигнутъ соціализмъ, говоритъ онъ, уже въ ближайшія десятилѣтія).

Еще остается открытымъ вопросъ, въ какія формы отольется предложенное международниками и, какъ мы видѣли, принятое въ концѣ концовъ солидарниками предложеніе сообща организовать новую партію, являющуюся по духу единственной продолжательницей старой партіи, какъ она была до войны. Т. е. неизвѣстно, не будетъ ли фактическое учрежденіе новой партіи сопровождаться утвержденіями, что новая партія является законной частью старой, находящейся нынѣ въ рукахъ шейдеманцевъ. При помощи юридическаго непризнанія исключенія многіе надѣются, между прочимъ, *судебнымъ порядкомъ* отстоять для новой партіи право быть представленной на будущемъ партейтагѣ. Это повело бы къ формальному исключенію партейтагомъ шейдеманцевъ и къ спасенію всего партійнаго имущества, захваченнаго сейчасъ шейдеманцами, для служенія дѣйствительнымъ классовымъ интересамъ германскаго пролетаріата (дома, газеты, фонды). Сейчасъ начатъ уже рядъ судебныхъ дѣлъ по обвиненію «большинства» въ самоуправномъ захватѣ партійнаго имущества, 14 февр. н. ст. началось, напр., слушаніемъ дѣло о захватѣ «Форвертса».

Точно также неизвѣстно, согласятся ли войти въ новую партію, въ которой солидарники, по мысли международниковъ, собираются собрать оппозицію, — согласятся ли войти туда въ концѣ концовъ и лѣворадикалы (группа Борхардта - Радека, бременскій журналъ «Рабочая политика»). Пока эти лѣворадикалы дали лозунгъ: не двѣ, а три партіи. Международники и лѣворадикалы должны составить вмѣстѣ радикальную с.-д. партію, которая должна бороться и противъ партіи шейдеманцевъ и противъ партіи солидарниковъ. Послѣднее, согласно бременской «Раб. политикѣ» отъ 10 февр. н. ст., даже важнѣе перваго: «осудить солидарниковъ (Arbeitsgemeinschaftler) на безсиліе является теперь важнѣйшей задачей лѣворадикаловъ». А черезъ недѣлю, 17 февр. н. ст., редакція этого руководящаго органа лѣворадикаловъ повторяетъ: «мысль о совмѣстномъ образованіи партіи съ людьми центра (т. е. съ солидарниками. М. Л.) есть вредная утопія». Однако, т. к. въ этомъ пунктѣ международники расходятся съ лѣворадикалами, то можетъ быть послѣдніе въ концѣ концовъ принуждены будутъ передумать или увидѣть себя совсѣмъ изолированными. Ибо широкая масса нѣмецкихъ рабочихъ пойдетъ, конечно, туда, гдѣ будутъ Либкнехтъ, Люксембургъ, Мерингъ, Цеткина, Гаазе, Каутскій, собравшіеся вмѣстѣ ради спасенія элементарныхъ общепризнанныхъ основъ, а не туда, гдѣ нѣтъ всемірно извѣстныхъ мучениковъ нѣмецкаго движенія и ни одного изъ популярныхъ вождей. Пока во всякомъ случаѣ бременскій журналъ объявилъ, что если радековцы пойдутъ на созываемую солидарниками въ мартѣ конференцію всей оппозиціи, то «смыслъ этого участія можетъ заключаться только въ проведеніи отдѣленія отъ центра для цѣли собиранія собственныхъ рядовъ» (Arbpolit. 17 февр. н. ст.).

Съ внутригерманской позиціей лѣворадикаловъ вполнѣ гармонируетъ позиція, занятая Радекомъ на небольшомъ циммервальдскомъ совѣщаніи, имѣвшемъ мѣсто 1 февр. н. ст. подъ предсѣдательствомъ Роб. Гримма (руководителя извѣстной Бернской комиссіи циммервальдцевъ). Онъ жестоко аттаковалъ Гримма и комиссію, обвиняя ихъ въ систематическомъ «уклонѣ въ сторону центра» (чего Гриммъ и Балабанова не признавали) и требуя въ особенности дать въ резолюціи отрицательную характеристику всей политики итальянской партіи, англійской оппозиціи и французской оппозиціи (вплоть до циммервальдцевъ включительно), — каковое требованіе не было исполнено. Исполнить его значило бы развалить циммервальдское объединеніе, полагали ихъ опоненты, какъ борхардтскіе лѣворадикалы хотятъ развалить оппозиціонный напоръ на «большинство» въ Германіи. Ходъ и итоги германскаго раскола будутъ имѣть въ виду всего этого, вѣроятно, опредѣляющее значеніе и въ болѣе широкомъ масштабѣ.

М. Лурье.

Стокгольмъ, 20 февраля н. ст. 1917.

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ „ЧЕЛОВѢКА СЪ УЛИЦЫ“.

Когда англичане хотятъ отмѣтить высокій уровень политическаго развитія своей страны, они обыкновенно ссылаются на «человѣка съ улицы»: любой человѣкъ съ улицы—the man in the street—интересуется-де въ Англіи политикой, читаетъ газеты, ходитъ на собранія и т. д. и т. д. При этомъ профессіональные политики старой школы не сомнѣвались даже въ томъ, что все политическое самосознаніе человѣка съ улицы должно обязательно укладываться въ рамки традиціонной политики парламентскихъ партій, или же разъ навсегда установленныхъ организацій внѣпарламентской оппозиціи. Человѣку съ улицы предоставлялось дѣйствовать черезъ партіи и трэдъ-юніоны, узаконенное правительство и узаконенную оппозицію.

И только въ рѣдкіе моменты исторіи человѣкъ съ улицы выходилъ вдругъ изъ положенныхъ ему рамокъ и принимался дѣйствовать по своему. Ибо человѣкъ съ улицы отнюдь не всегда втягивался въ ту специфическую атмосферу политическихъ формулъ, въ которой работаетъ обычно оффиціозъ англійской политики. Получаются двѣ разныхъ точки зрѣнія, о которыхъ демократическая The Nation писала еще совсѣмъ недавно: «Атмосфера палаты Общинъ—это атмосфера не реальная, обманчивая. Чувство кризиса и опасности всегда рѣзко осознано министрами и потому они забываютъ, что человѣкъ съ улицы не живетъ постоянно подъ вліяніемъ тѣхъ же рѣзкихъ, сильныхъ впечатлѣній. Человѣкъ съ улицы замѣчаетъ прежде всего, что дѣла идутъ своимъ обычнымъ порядкомъ, что министры и чиновники продолжаютъ получать большіе оклады, что заводчики

и подрядчики продолжаютъ получать колоссальные барыши; и что во время войны,—какъ и во время мира,—экономической и коммерческой жизнью правятъ все тѣ же движущія силы. А тотъ фактъ, что въ палатѣ Общинъ имѣются рабочіе депутаты, не примиряетъ его съ дѣйствительностью, хотя этотъ фактъ и заставляетъ думать имущіе классы, что положеніе трудящихся классовъ не такъ ужъ плохо. Рабочіе же депутаты, живя сами въ атмосферѣ сознанія кризиса, вѣчно боятся, какъ бы имъ не нарушить единство усилій и продуктивность дѣйствія въ дѣлѣ веденія войны и потому совсѣмъ не считаются съ недовольствомъ или съ критикой своихъ избирателей. И передъ войной уже сдѣлалось яснымъ, что между рабочими въ палатѣ Общинъ и рабочими внѣ ея повисла густая завѣса тумана. Туманъ этотъ еще сгустился во время войны...»

Туманъ этотъ еще сгустился во время войны!

Ибо во имя спасенія страны парламентеры призывали всѣ классы къ подвигамъ и жертвамъ, а человѣкъ съ улицы слишкомъ ясно, увы, сознавалъ, какъ велико *неравенство жертвъ, приносимыхъ имущими и неимущими классами.*

Человѣку съ улицы говорили: ты долженъ напрячь твои мышцы и твой мозгъ до крайняго предѣла, чтобы выработать побольше снарядовъ; ты долженъ отмѣнить всѣ обычаи трэдъ-юніоновъ, мѣшающіе довести интенсивность труда и длину рабочаго дня до невозможныхъ, нездоровыхъ предѣловъ; ты долженъ работать на новыхъ машинахъ, требующихъ неслыханной ранѣе напряженности труда; ты долженъ забыть о праздникахъ и объ отдыхѣ, послать къ станкамъ твою жену и твоихъ дѣтей, подростковъ, оторвавъ ихъ отъ школы; ты не долженъ требовать черезчуръ быстраго повышенія заработной платы; ты долженъ поклоняться только одному божеству—божеству максимальной выработки,—и ты долженъ забыть о правѣ стачекъ и о правѣ протеста, ибо того требуютъ интересы войны. А въ самое послѣднее время, во имя интересовъ войны, человѣку съ улицы предлагаютъ такъ же добровольно согласиться на принудительный трудъ. Такова его жертва благу родины.

Каковы же были жертвы имущихъ классовъ? 60%-ное обложеніе военныхъ барышей, въ томъ случаѣ, если они превышали на 20% барыши довоеннаго времени.

Такова была внѣшняя, офиціальная сторона дѣла, какъ она рисовалась государственнымъ мужамъ Англіи. Посмотримъ, однако, каковы были тѣ цифры и факты, въ которые неумолимая экономика превратила всѣ эти построенія съ точки зрѣнія человѣка съ улицы.

Когда департаментъ труда, при министерствѣ торговли печаталъ свои данныя о повышеніи заработной платы, онъ ограничивался суммарными данными: столько-то милліоновъ рабочихъ получило столько-то сотенъ тысячъ фунтовъ прибавки къ заработной платѣ. Но человѣкъ съ улицы разсуждалъ иначе. Суммарныя увеличенія являются для него ариѳметической абстракціей и очень мало устраиваютъ его: ему гораздо важнѣе

индивидуальныя и групповыя повышенія—число шиллинговъ, которые пришлись лично ему, или вообще какимъ бы то ни было конкретнымъ, живымъ, осязаемымъ людямъ. А стоитъ только подѣлить общую сумму прибавки на общую сумму получившихъ ее, чтобы факты предстали въ совершенно иномъ свѣтѣ. Располагая повышеніе недѣльной заработной платы англійскихъ рабочихъ по группамъ производствъ въ убывающемъ порядкѣ, получимъ слѣдующую таблицу:

Производства.	Общая сумма повышенія недѣльной заработной платы въ фунтахъ.	Количество рабочихъ, которыхъ повышеніе коснулось.	Среднее повышеніе недѣльной заработной платы одного человѣка въ шиллингахъ.
За 1915 годъ.			
Добываніе угля	269200	859000	6,3
Выдѣлка жел. (болваночнаго)	7400	24000	6,2
Добыв. жел. и др. металловъ.	6400	22000	5,8
Издѣлія изъ желѣза и стали	24900	87000	5,8
Транспортъ	38100	176000	4,3
Машиностр. и кораблестр.	108800	600000	3,6
Остальн. метал. произв.	22300	130000	3,4
Разныя производства . .	258000	185000	2,8
Строительныя предпріятія .	139000	110000	2,5
Добываніе и обработка камня.	1300	11000	2,4
Химическія, стеклянныя, кирпичн. и гончарн. произв.	12200	110000	2,2
Книгоп. бумаж. произ. и т. п.	4700	45000	2,1
Мѣстное самоуправленіе .	11300	110000	2,0
Изготовленіе одежды . .	11000	99000	1,8
Текстильныя производства	45800	597000	1,5
			Въ средн.
Итого . .	603100	3165000	3,8
За январь—ноябрь. 1916 г.			
Добыв. жел. и др. металловъ.	8000	21500	7,4
Издѣлія изъ желѣза и стали	29600	95000	6,2
Выдѣл. жел. (болваночнаго)	8700	33000	5,3
Добываніе угля	187300	858000	4,4
Транспортъ.	30000	155000	3,9
Остальн. метал. производ.	20000	112000	3,6
Добыв. и обраб. камня . .	2200	12500	3,5
Разныя производства . .	11800	76000	3,1
Строительныя предпріятія .	29000	191000	3,1
Машиностр. и кораблестр.	80300	531000	3,0
Книгоп., бумажн. произ. и т. п.	8800	69000	2,6
Мѣстное самоуправленіе .	6200	56000	2,2
Изготовленіе одежды . .	11100	10300	2,2
Химич., стеклянныя, кирпичн. и гончарн. произв. .	6400	70000	1,9
Текстильныя производства .	71300	809000	1,8
			В средн.
Итого . . .	510700	3195000	3,2

Прибавка въ 6—7 шилинговъ въ недѣлю составляетъ на наши деньги приблизительно 12—13 руб. въ мѣсяцъ. Между тѣмъ, эта прибавка коснулась только двухъ высоко квалифицированныхъ отраслей труда: добыванія угля и обработки металловъ. Огромное большинство прибавокъ не превышаетъ 2—3 шилинговъ въ недѣлю, т.-е. 4—6 р. въ мѣсяцъ. И касается она какъ въ 1915, такъ и въ 1916 г., всего 3 съ лишнимъ милліонов рабочихъ, тогда какъ промышленный пролетаріатъ Англіи исчисляется по даннымъ переписи, произведенной въ началѣ текущаго столѣтія, въ 10 съ лишнимъ милліоновъ человѣкъ.

По даннымъ того же министерства торговли *среднее повышеніе заработной платы* (wages) опредѣляется въ 10%, но *заработокъ* (earnings) возросъ на 40%, благодаря интенсификаціи труда, уменьшенію безработицы и увеличенію длины рабочаго дня.

Между тѣмъ, по офиціальнымъ даннымъ, *средній индексъ* дороговизны пищевыхъ продуктовъ доходилъ уже въ декабрѣ 1916 г. до 90% для большихъ городовъ и до 84% для всей страны [1]. Въ статьѣ «Десятипенсовый хлѣбъ» (см. ноябрьскую книжку «Лѣтописи» за 1916 г.) мы уже приводили достаточно данныхъ о пониженномъ уровнѣ благосостоянія милліоновъ англійскихъ рабочихъ—особенно тѣхъ группъ ихъ, которыхъ не коснулось повышеніе заработной платы. «Линія нищеты» отрѣзываетъ отъ уровня зажиточности все большее и большее количество пролетаріевъ, а реальная заработная плата падаетъ все ниже и ниже; тамъ же, гдѣ она имѣетъ сколько-нибудь серьезную повышательную тенденцію, наблюдается такая бѣшеная напряженность труда и такое огромное повышеніе выработки, что норма эксплоатаціи и прибавочная стоимость возрастаютъ еще въ большей пропорціи.

Двѣ угрозы нависли теперь надъ рабочимъ классомъ Англіи: сохраненіе высокой напряженности труда и послѣ войны и введеніе фактически принудительной—хотя оффиціально добровольной—трудовой повинности теперь уже.

Сохраненіе высокой нормы напряженности труда является какъ бы логическимъ слѣдствіемъ введенія новыхъ машинъ и новыхъ пріемовъ: при послѣднихъ невозможно сохраненіе старыхъ правилъ трэдъ-юніоновъ, ставящихъ предѣлы интенсификаціи труда. При новой нормѣ напряженности англійскіе рабочіе побѣдятъ ненавистную конкуренцію Германіи и все сложится отлично. Такъ аргументируетъ лидеръ буржуазнаго мнѣнія—Times, тщательно обходя при этомъ такіе щекотливые вопросы, какъ соотношеніе нормы заработной платы и нормы прибыли.

О какихъ бы то ни было гарантіяхъ соотвѣтствующаго повышенія заработной платы нѣтъ, конечно, и рѣчи. Уровень эксплоатаціи при новыхъ машинахъ уже практически вырабатывается теперь, и, конечно, послѣ войны онъ можетъ измѣниться только подъ сильнымъ напоромъ «человѣка съ улицы». Наконецъ, очереднымъ лозунгомъ экономической политики правитель-

[1] Подробно о дороговизнѣ см. изданную Союзомъ Городовъ брошюру «Продовольственный вопросъ въ Англіи».

ствахъ является теперь введеніе принудительнаго труда, или, точнѣе, принудительнаго распредѣленія наличныхъ рабочихъ силъ между разными отраслями индустріи, сообразно ихъ большей или меньшей важности для національнаго производства и для успѣшнаго веденія войны. Рабочимъ предлагается *добровольно записывать* свое имя и свои квалификаціи въ особыя регистраціонныя карточки, по которымъ и производится учетъ и распредѣленіе силъ. Само собою разумѣется, что «добровольность» эта никого не обманула и что она явилась лишь прелюдіей къ введенію болѣе рѣшительныхъ мѣръ. Мѣры эти вызываютъ самые горячіе протесты демократіи. «Сказать рабочему, — пишетъ The Nation, что онъ долженъ отдать себя въ распоряженіе государства, для того послѣднее отдало его, въ свою очередь, въ распоряженіе частнаго капиталиста, это значитъ, подвергнуть его неслыханной тираніи. *Какъ можетъ законъ принуждать одного гражданина вырабатывать прибыли для другого?*»

Таковы жертвы, которыя предлагается положить на алтарь отечества англійскому человѣку съ улицы, который питается во много разъ хуже, чѣмъ прежде, работаетъ во много разъ больше и только изрѣдка ворчитъ и протестуетъ. Повышеніе цѣнъ, которое политики всѣхъ ранговъ усиленно оправдываютъ измѣнившимся соотношеніемъ спроса и предложенія, для него тоже ариѳметическая абстракція. Развѣ молочный трэстъ не выливаетъ сотни галоновъ молока въ водосточную трубу, чтобы сократить искусственно предложеніе его? Развѣ англо - американскій трэстъ хлѣбо-торговцевъ не затрачивалъ нынѣшней осенью по нѣсколько тысячъ долларовъ въ день на то, чтобы задержать готовый къ вывозу хлѣбъ по ту сторону океана, и развѣ цѣна печенаго хлѣба не поднялась послѣ этого сразу съ 8 пенсовъ до 10? Развѣ «мясные заговорщики» не выдерживаютъ нарочито мясо въ холодильникахъ, чтобы поднять его цѣну? И развѣ въ соціалистическихъ органахъ не осуждается открыто самое право на дѣланіе барышей за счетъ разрухи военнаго времени? Даже органъ фабіанцевъ, — праваго крыла соціализма—сомнѣвается въ правѣ на дѣланіе барышей только на основаніи измѣнившагося соотношенія спроса и предложенія: «Относительное сокращеніе числа продуктовъ — тотъ фактъ, напримѣръ, что поступившее на рынокъ количество рыбы или яицъ не удовлетворяетъ всему предъявляемому на нихъ спросу, или что для отправки всѣхъ товаровъ, которые купечеству желательно экспортировать, не хватаетъ судовъ — не является еще само по себѣ принудительнымъ стимуломъ (does not compel) къ повышенію цѣнъ. Фактъ этотъ даетъ просто на просто держателю даннаго товара возможность взять за него дороже. Въ иныхъ случаяхъ отдѣльный торговецъ почти что и не можетъ поступить иначе, ибо его заставляютъ поднимать цѣну. *Но если бы мы не были всѣ испорчены привычкой дѣланія барышей — если бы торговецъ ставилъ своей первою цѣлью снабженіе людей продуктами, а не накопленіе денегъ лично для себя — то мы не видѣли бы ни экономической, ни другой какой - либо необходимости къ неизмѣнному*

повышенію цѣнъ при всякомъ сокращеніи количества товаровъ. Повышеніе цѣнъ является теперь нашимъ обычнымъ методомъ стимулировать увеличеніе предложенія; оно можетъ даже, пожалуй, привести и къ спасительной экономіи въ потребленіи (хотя отнюдь не для предметовъ первой необходимости, какъ пшеница); но, главнымъ образомъ, мы пользуемся повышеніемъ цѣнъ, какъ удобнымъ средствомъ выдѣлить изъ среды покупателей тѣхъ, кто располагаетъ большими возможностями и «отшить», такимъ образомъ, другихъ — къ сожалѣнію самыхъ бѣдныхъ— для которыхъ у насъ не хватаетъ товару. Только государственная организація ввоза и сбыта могла бы, если бы наше правительство захотѣло этого, сохранить неизмѣнными розничныя цѣны на продукты первой необходимости, вознаграждая всѣ убытки изъ добавочнаго подоходнаго обложенія; правительство могло бы во всякомъ случаѣ уменьшить приростъ цѣнъ на всѣ тѣ суммы, которыя набрасываются на товары на основаніи одного лишь сокращенія предложенія».

Не менѣе опредѣленно отношеніе человѣка съ улицы и къ военнымъ барышамъ. «Жертва», которую положилъ капиталъ на алтарь отечества, выразилась, какъ мы уже сказали, въ 60%-номъ обложеніи военныхъ барышей, да и то лишь въ томъ случаѣ, когда они превышаютъ больше чѣмъ на 20% барыши довоеннаго времени. Такой высокой нормы обложенія не знаетъ еще ни одна страна. Во что-же, однако, превратила эту мѣру экономика капитализма? Въ стимулъ для выкачиванія новыхъ и новыхъ барышей изъ потребителя и выжиманія сверхнормальной прибавочной стоимости изъ производителя. Отчеты акціонерныхъ обществъ, исчисляющіе частные барыши *за вычетомъ военнаго налога*, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Несмотря на высокое обложеніе барыши выросли по сравненію съ довоенными барышами на 100, 200 и больше % [1]. И въ первую голову барыши судовладѣльцевъ, подвозящихъ въ страну хлѣбъ, и барыши владѣльцевъ угольныхъ копей. Такимъ образомъ, бывшій морской министръ Уинстонъ Черчиль весьма остроумно охарактеризовалъ значеніе 60% обложенія военныхъ прибылей, сказавъ:

...«Мы пользуемся группой лицъ такъ, какъ будто она была сборщикомъ податей, и даемъ этой группѣ собирать подати съ большой выгодой для себя путемъ обложенія продуктовъ первой необходимости...»

«Если рѣчь идетъ о накопленіи резервнаго капитала на послѣвоенный періодъ, то я долженъ сказать по этому поводу, что такой аргументъ недопустимъ въ демократической странѣ. Общее несчастіе, выпадающее на долю народныхъ массъ во время войны, не должно быть использовано, какъ средство аккумуляціи капитальныхъ фондовъ въ частныхъ рукахъ для утилизаціи ихъ по окончаніи войны къ частной выгодѣ».

---

[1] Подробныя цифровыя данныя о барышахъ см. въ статьѣ «Десятипенсовый хлѣбъ» и въ брошюрѣ «Продовольственный вопросъ въ Англіи».

Бывшій министръ, вставъ въ оппозицію къ настоящимъ министрамъ, очутился невольно въ положеніи человѣка съ улицы.

Но самыми энергичными людьми съ улицы оказались углекопы Уэльса, тѣ самые углекопы, которые вотъ ужъ много лѣтъ доставляютъ англійскому капиталу столько хлопотъ и непріятностей.

Углекопы подняли вопросъ не просто о повышеніи заработной платы, а о чемъ-то большемъ: о возвращеніи прежней довоенной нормы соотношенія «между той частью валового дохода, которая идетъ на прибыль, и той, которая идетъ на заработную плату». Въ самомъ началѣ войны федерація углекоповъ выставляла иное требованіе: она соглашалось не предъявлять никакихъ требованій повышенія заработной платы въ томъ случаѣ, если углевладѣльцы *не будутъ повышать цѣнъ на уголь*. Это предложеніе было своевременно отклонено, а быстрый ростъ цѣнъ на уголь, ростъ интенсификаціи труда и бѣшеный ростъ доходовъ копевладѣльцевъ явился почвой для безпрерывныхъ забастовочныхъ броженій углекоповъ.

Самый послѣдній и яркій конфликтъ между добывателями угля и владѣльцами его выразился въ такой формѣ: копевладѣльцы пытались *понизить* заработную плату на 10%, рабочіе отвѣтили на это требованіемъ *повышенія* заработной платы на 15%. Въ процессѣ завязавшейся борьбы рабочіе выдвинули еще одно требованіе: ревизія ихъ представителями книгъ копевладѣльцевъ. Копевладѣльцы отказали, но конфликтъ принялъ такую сторону и грозилъ такими послѣдствіями, что правительство вынуждено было вмѣшаться и взять уэльскія копи подъ государственный контроль—т.-е. сдѣлать первый шагъ по направленію къ національзаціи ихъ. Правовымъ основаніемъ для такого акта послужилъ только что изданный законъ, по которому министерство торговли получило широкія права контроля и регулировки хозяйственной жизни вплоть до реквизицій и національзаціи частныхъ предпріятій. Какъ это полномочіе, такъ и использованіе ихъ ради предотвращенія уэльскаго конфликта были уступкой человѣку, дѣйствовавшему съ улицы, ибо непрерывная стачечная волна охватила важнѣйшія отрасли англійской промышленности: угольную, текстильную, желѣзнодорожную. Схватки между трудомъ и капиталомъ выходили за предѣлы отдѣльныхъ предпріятій и грозили развиться въ одинъ изъ тѣхъ конфликтовъ общенаціональнаго масштаба, которые сдѣлались тактическимъ пріемомъ англійскихъ рабочихъ за послѣднія 10 лѣтъ и которые легко могли опрокинуть всѣ ограниченія военнаго времени. Чтобы не допустить до этого, чтобы не дать развиться дѣйственности человѣка съ улицы, правительство спѣшно провело новое постановленіе — въ порядкѣ примѣненія акта о защитѣ королевства — и такъ же спѣшно использовало его для того, чтобы потушить уэльскій пожаръ. Послѣ долгаго періода медлительности и неувѣренности наступилъ, наконецъ, періодъ спѣшныхъ мѣропріятій. Новое постановленіе включало слѣдующій параграфъ:

«Если министерство торговли считаетъ, что въ интересахъ общественной безопасности и защиты королевства будетъ цѣлесообразнымъ примѣнить настоящее постановленіе къ какимъ-либо угольнымъ копямъ, находящимся на территоріи государства, то оно можетъ сдѣлать это либо по отношенію ко всѣмъ угольнымъ копямъ страны, либо къ копямъ какого-нибудь района, или, наконецъ, по отношенію къ отдѣльнымъ копямъ. Ограниченіемъ къ такому дѣйствію могутъ послужить лишь условія, особо оговоренныя въ постановленіи.

«Угольныя копи, къ которымъ будетъ примѣнено настоящее постановленіе, переходятъ въ силу соотвѣтствующаго приказа во владѣніе министерства торговли со дня выпуска этого приказа или со дня, указаннаго въ приказѣ. Владѣльцы, агенты и управляющіе такихъ копей, и всѣ служащіе этихъ лицъ, а также и директора акціонерныхъ обществъ, если копи принадлежатъ таковымъ, должны послѣ выпуска такого приказа подчиняться приказаніямъ министерства торговли во всемъ, что касается управленія копями и пользованія ими...»

Воспользовавшись этими параграфами, министерство торговли издало слѣдующій краткій приказъ:

«Статьи акта о защитѣ королевства примѣняются настоящимъ постановленіемъ, начиная съ 1-го декабря, ко всѣмъ угольнымъ копямъ Южнаго Уэльса, т. е. копямъ, находящимся въ графствахъ Брэконъ, Кармартзэнъ, Глэморганъ, Монмаутсъ, Пемброкъ и Радноръ».

Непосредственнымъ результатомъ этой мѣры было 3 экономическихъ факта:

1) Заработная плата была повышена на 15% — т. е. соотвѣтственно требованіямъ рабочихъ.

2) Акціи рѣзко упали въ цѣнѣ.

3) Цѣны на уголь понизились до ихъ годичнаго минимума.

Сдѣлано это было еще кабинетомъ Асквита предъ самымъ паденіемъ его.

Новый кабинетъ можно по справедливости назвать кабинетомъ имперіалистскаго торизма. Формируя его, Ллойдъ-Джорджъ позаботился также о томъ, чтобы въ него вошло подъ флагомъ «дѣловыхъ людей» достаточное количество имперіалистически настроенныхъ представителей крупной промышленности.

Силою вещей кабинету этому пришлось стать на путь организаціи государственнаго капитализма.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца мѣра, принятая по отношенію къ уэльскимъ копямъ, распространена уже на всѣ угольныя копи Англіи. Та же мѣра примѣнена и къ ирландскимъ желѣзнымъ дорогамъ, и опять-таки сдѣлано это было ради предотвращенія всеобщей забастовки ирландскихъ желѣзнодорожниковъ. Сдѣлано это было за *нѣсколько часовъ до начала забастовки.* Рабочіе пошли на работу послѣ того, какъ получили изъ Лондона отъ секретаря союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ Томаса телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Правительство національзируетъ всѣ желѣзныя дороги

Ирландіи. Работа ни въ какомъ случаѣ не должна останавливаться».

Одновременно вырабатывается и проектъ національзаціи судоходства. Въ основу его кладется принципъ конфискаціи въ пользу государства всѣхъ прибылей, превышающихъ опредѣленную норму или такъ называемую «норму синихъ книгъ».

Если принять во вниманіе ту колоссальную роль, которую играетъ судоходство въ странѣ, ввозящей до 75 % потребляемаго ею хлѣба и до 40 % потребляемаго ею мяса, то вся важность этой мѣры дѣлается понятной. Англійскіе судовладѣльцы это,—своего рода аграріи, экспропріирующіе національный доходъ за счетъ потребителя хлѣба. Если во вздорожаніи другихъ продуктовъ вопросъ о причинахъ роста цѣнъ является сложнымъ и запутаннымъ и отличить объективныя причины отъ субъективно-групповыхъ не всегда легко, то вздорожаніе хлѣба для англійскаго потребителя представляетъ, наоборотъ, случай, гдѣ давленіе субъективно-групповыхъ интересовъ выступаетъ съ необычайной отчетливостью. Изъ трехъ группъ, заинтересованныхъ въ ростѣ цѣнъ на хлѣбъ: англійскихъ фермеровъ, англо-американскихъ хлѣбныхъ спекулянтовъ и англійскихъ судовладѣльцевъ барыши послѣднихъ достигали особенно баснословныхъ размѣровъ и вызывали особенно яркіе взрывы негодованія со стороны человѣка съ улицы. Вотъ почему проектъ обузданія ихъ аппетитовъ является особенно показательнымъ знаменіемъ времени.

Правда, паденіе акцій углепромышленниковъ и судовладѣльцевъ было рѣзкимъ лишь въ первый моментъ. Паника быстро улеглась, и хотя акціи перестали расти прежнимъ темпомъ, но и паденіе ихъ остановилось. Ибо если «національзація» и проводится подъ давленіемъ человѣка съ улицы, то проводится она отнюдь не ставленниками его. И въ Англіи, какъ и въ Германіи, желѣзная логика вещей дѣлаетъ иногда представителей реакціонныхъ теченій проводниками смѣлыхъ новшествъ въ области народнаго хозяйства. Германское государство сдѣлалось изъ покровителей аграріевъ обуздателемъ ихъ аппетитовъ отнюдь не по своей иниціативѣ, а почти вопреки самому себѣ. Оно вынуждено было провести законъ о хлѣбной монополіи, для того, чтобы сдѣлать дѣйствительными твердыя цѣны на хлѣбъ и обезпечить равномѣрное распредѣленіе хлѣба въ тотъ моментъ, когда въ странѣ приходилось въ среднемъ на душу только полфунта муки въ день. И оно же вынуждено было увеличить паекъ трудовыхъ элементовъ до $^5/_8$ ф. за счетъ доли нетрудовыхъ слоевъ, какъ только новый урожай позволилъ это. Единственное, что ему удалось вырвать, это временную (февраль — апрѣль 1916 г.) надбавку цѣнъ владѣльцамъ урожая въ цѣляхъ быстрѣйшей реализаціи запасовъ. Однако, цѣны были снова понижены осенью 1916 г., несмотря на то, что наканунѣ пересмотра ихъ Бетманъ - Гольвегъ заявилъ, что о пониженіи ихъ не можетъ быть и рѣчи, а наоборотъ, — они должны быть повышены.

У исторіи бываютъ иногда странныя гримасы: она заста-

вляетъ принимать великодушный видъ людей, совсѣмъ несклонныхъ къ великодушію, и соединяетъ новыя дерзанія съ именами людей явно реакціоннаго склада мыслей. Въ Германіи вчерашніе покровители аграріевъ провели хлѣбную монополію и уничтожили хлѣбную спекуляцію. Въ Англіи павшій коалиціонный кабинетъ и существующій юніонистскій посягаютъ на интересы крупной промышленности, хотя послѣдняя достаточно хорошо представлена въ теперешнемъ министерствѣ, какъ и въ павшемъ.

Правда, англійскій фермеръ находится до сихъ поръ подъ покровительствомъ Ллойдъ-Джорджа и его кабинета, а англійскіе сельско - хозяйственные рабочіе до сихъ поръ утверждаютъ, что министерство земледѣлія есть только отдѣленіе клуба фермеровъ. И потому его интересы защищены «минимальными» цѣнами на хлѣбъ при условіи, что онъ платитъ «минимальную» заработную плату своимъ рабочимъ; человѣкъ съ улицы протестуетъ: минимальныя цѣны кажутся ему возвращеніемъ къ эпохѣ хлѣбныхъ законовъ, а плата въ 25 шиллинговъ въ недѣлю въ 1917 г., въ то время какъ еще въ 1914 г. въ бытность свою радикаломъ Ллойдъ-Джорджъ такъ горячо добивался для сельско-хозяйственнаго рабочаго 21 шилинга, кажется ему недостаточной, а дѣла фермеровъ кажутся ему совсѣмъ не такими уже плохими. Частные фермеры не публикуютъ своихъ отчетовъ и жалуются на свои дѣла, но зато публикуютъ свои отчеты фермы городскихъ самоуправленій, и дѣла ихъ бываютъ иной разъ блестящи. Такъ, напримѣръ, ферма города Глэзго принесла въ 1913 — 1914 г. 48 ф. дохода, а въ 1915 — 1916 доходъ ея выразился 1496 фунтами, иначе говоря, онъ возросъ больше, чѣмъ въ 30 разъ. Въ какихъ бы исключительно благопріятныхъ условіяхъ ни находилась именно эта ферма и вообще городскія предпріятія, она все же даетъ понятіе о томъ размахѣ, который возможенъ для фермера, на поприщѣ «дѣланія барышей» (profiteering).

Тѣмъ не менѣе, пока Англія питается на ³/₄ привознымъ хлѣбомъ, фермеръ пользуется еще благосклонностью государства. Чтобы уговорить его взращивать побольше хлѣба и запахать подъ хлѣбъ луга, ему гарантируютъ минимальную цѣну на хлѣбъ. Ибо иной путь былъ бы путемъ къ общественно-принудительной обработкѣ земель, а слѣдовательно и шагомъ къ національзаціи ихъ. Этотъ часъ не пробилъ еще пока для Англіи. Какъ страна промышленная она идетъ пока лишь по пути монополизаціи шерсти [1], угля, желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ. Въ области хлѣбной торговли монополизированъ только импортъ.

Для человѣка съ улицы въ англійскихъ монополіяхъ есть чему подивиться. Тѣ, кто руководилъ индустріей, продолжаютъ ею руководить. Во главѣ взятыхъ подъ государственный контроль индустрій стоятъ комитеты, составленные изъ бывшихъ же владѣльцевъ копей, пароходовъ и т. д. Контролеромъ судоходства назначенъ одинъ изъ крупнѣйшихъ судовладѣльцевъ. Ихъ

[1] Монополія на сборъ шерсти была проведена еще весной 1916 г.

прибыли взяты подъ контроль, ихъ доходы сокращены, ихъ праву эксплоатаціи труда поставленъ нѣкоторый предѣлъ, но они продолжаютъ управлять судьбами промышленности въ качествѣ свѣдущихъ лицъ и сохраняютъ почетное званіе «капитановъ индустріи». Короче говоря, имъ предоставлены особыя возможности для борьбы за утраченныя позиціи.

Таковы тѣ факты экономическаго порядка, съ которыми сталкивается человѣкъ съ улицы. Вопреки всѣмъ высокомѣрнымъ и презрительнымъ отказамъ, которыя онъ слышалъ каждый разъ, когда требовалъ отъ правителей своей страны національзаціи копей, національзаціи торговаго флота и важнѣйшихъ источниковъ народнаго питанія, его резолюціи и его требованія стали, наконецъ, пунктами министерской программы. То, что казалось фантастическимъ и доктринерскимъ требованіемъ рабочихъ съѣздовъ и рабочихъ делегацій, стало настоятельной необходимостью сегодняшняго дня.

Правда, требованія рабочихъ выполнены далеко не полностью, а важнѣйшее изъ нихъ «конскрипція богатства» остается пока все еще въ стадіи обсужденій и резолютивныхъ пожеланій. Но человѣка съ улицы напрасно убѣждаютъ, что во время войны, какъ и до нея, онъ долженъ мириться съ соціальнымъ неравенствомъ и безропотно нести свою долю жертвъ. Напрасно проповѣдывалъ ему министръ торговли павшаго коалиціоннаго кабинета Асквита:

«Нужно помнить, что въ военное время не можетъ быть такого же равенства, какое существовало въ довоенное время. Одной изъ самыхъ яркихъ черть военнаго времени именно и является то неравенство, съ какимъ оно вліяетъ на интересы отдѣльныхъ людей. Одного убиваютъ на войнѣ или дѣлаютъ калѣкой на всю жизнь, а другой возвращается домой покрытый славой. Изъ двоихъ человѣкъ, работавшихъ въ области промышленности, война могла повліять очень неблагопріятно на одного, лишивъ его обычнаго дохода, въ то время какъ другой, являющійся поставщикомъ товара, на который предъявлялся большой спросъ, удвоилъ и даже утроилъ свой доходъ».

Въ отвѣтъ на такія завѣренія человѣкъ съ улицы отвѣчаетъ все новыми и новыми требованіями «привлеченія къ воинской повинности капитала и земли». Онъ протестуетъ противъ «благопріятнаго» и «неблагопріятнаго» вліянія войны на доходы отдѣльныхъ людей и требуетъ и здѣсь также государственнаго вмѣшательства.

Война должна вестись за счетъ богатыхъ: предпринимателей и тѣхъ, чье богатство является явно «незаработаннымъ» доходомъ. Секвеструйте излишніе доходы рантьеровъ! Воротите въ національную собственность излишки предпринимательской прибыли или же обложите ее не 60%, а 100% налогомъ. Таковъ лейтмотивъ всѣхъ требованій. Ими заканчиваются всѣ конгрессы и конференціи; они получили уже свою формулировку на столбцахъ лѣвыхъ газетъ и приняли даже форму законодательнаго предположенія.

Журналъ Фабіанцевъ выразилъ это требованіе такъ:

«Финансовое положеніе страны требуетъ не только и даже не главнымъ образомъ—болѣе экономнаго общественнаго потребленія продуктовъ ввоза и пищевыхъ продуктовъ, но и рѣзкаго сокращенія личнаго потребленія всѣхъ такихъ предметовъ, независимо отъ размѣровъ покупательной силы отдѣльныхъ лицъ. Сокращеніе личнаго потребленія не можетъ, однако, быть сдѣлано одинаковымъ для всѣхъ. Необходимыя траты — это траты на все необходимое, для поддержанія здоровья и трудоспособности каждаго члена общества. Къ сожалѣнію, въ нашей странѣ насчитываются буквально милліоны людей, которые не получаютъ въ настоящее время достаточно пищи, одежды, топлива и необходимыхъ жилищныхъ удобствъ для достаточнаго поддержанія ихъ здоровья и трудоспособности; они живутъ зачастую такъ близко къ «линіи бѣдности», что могутъ лишь при огромныхъ усиліяхъ какъ-нибудь содержать себя и своихъ дѣтей. Съ другой стороны, мы имѣемъ дѣло съ хорошо оплачиваемыми ремесленниками и квалифицированными заводскими рабочими, фермерами, представителями промышленнаго и торговаго класса и того милліона съ лишкомъ семействъ, доходы которыхъ выше минимума, опредѣляемаго подоходнымъ налогомъ, и которые получаютъ эти доходы, какъ это всѣмъ извѣстно, въ видѣ ренты на денежный и земельный капиталъ. Въ рядахъ всѣхъ этихъ людей имѣется множество такихъ, которые тратятъ не только на необходимое, но и на роскошь и излишества. И именно среди этихъ людей, и только среди этихъ, можетъ имѣть мѣсто то сокращеніе тратъ, которое для націи, какъ для цѣлаго, выражается суммой въ 500 милліоновъ фунтовъ въ годъ. Здѣсь оно можетъ быть произведено и по праву и съ наибольшимъ успѣхомъ. *Но чтобы добиться сокращенія расходовъ на 500 милліоновъ изъ 2000 милліоновъ, которые мы тратимъ теперь на наши личныя потребности и удовольствія, имѣется лишь одинъ способъ:—секвестровать всѣ «излишки доходовъ», т.-е. все, что будетъ признано не необходимымъ для поддержанія жизни и трудоспособности гражданъ».*

Nation, возмущаясь введеніемъ принудительнаго труда, указываетъ на конскрипцію богатства, какъ на логическій противовѣсъ принудительному распредѣленію труда: «Уничтожьте—путемъ ли налога на доходъ и на собственность или путемъ принудительнаго займа—наибольшую возможную долю тѣхъ излишнихъ доходовъ, которые тратятся на предметы роскоши, комфорта и предметы, не необходимые для жизни, и вы создадите естественный уходъ труда отъ тѣхъ отраслей промышленности, гдѣ они вырабатывались, къ тѣмъ, гдѣ трудъ нуженъ болѣе всего. Производства перваго типа естественно сократятся тогда и частью совсѣмъ уничтожатся, во-вторыхъ, наоборотъ, будетъ постоянный спросъ на трудъ».

Рабочій Коммонеръ Андерсонъ пытался также внести въ палату общинъ законопроектъ, сообразно которому всѣ «незаработанные» доходы должны быть секвестрованы въ спеціаль-

ный фондъ, находящійся въ завѣдываніи особаго комитета. Секвестръ этотъ можетъ имѣть форму хотя бы принудительнаго 0%-наго займа и, во всякомъ случаѣ, оставляетъ временно въ распоряженіи держателей бумагъ, дающихъ право на дивиденды и ренты суммы, достаточныя для покрытія:

1) всѣхъ налоговъ и иныхъ юридическихъ обязательствъ, связанныхъ съ удержаніемъ такихъ бумагъ,

2) всѣхъ фамильныхъ обязательствъ по выплатѣ пенсій и иныхъ воспомоществованій,

3) всѣхъ прежнихъ вкладовъ въ общественно-благотворительныя учрежденія,

4) издержекъ на содержаніе семьи соотвѣтственно ея общественному положенію.

И даже самъ лордъ Ронда—крупнѣйшій копевладѣлецъ южнаго Уэльса, человѣкъ, отнюдь не пользующійся симпатіями рабочихъ, заявилъ во время послѣдняго южно-уэльскаго конфликта:

«Никому не должно быть позволено использовать войну для полученія барышей, и правительство должно было бы отбирать полностью у копевладѣльцевъ и судовладѣльцевъ ихъ экстренные военные барыши... Трэдъ-юніонамъ же должны быть возвращены всѣ ихъ прежнія права».

Почему бы правительству,—пишетъ по этому поводу корреспондентъ «Times'a»,—не поймать лорда Ронда на словѣ и не поднять обложеніе военныхъ барышей до 100%. Я думаю, что не одинъ копевладѣлецъ будетъ привѣтствовать такой шагъ для того, чтобы сбросить съ себя тяжкое обвиненіе въ эксплоатаціи и дѣланіи барышей (profiteering). Я увѣренъ, что это оказало бы болѣе спасительное вліяніе на умы рабочихъ, чѣмъ какая бы то ни было другая, практически возможная мѣра.

Такова тенденція момента. Секвестръ «излишнихъ» доходовъ и 100% обложеніе «излишнихъ» барышей—эти вопросы, впервые выдвинутые людьми съ улицы, стали теперь предъ общественнымъ сознаніемъ Англіи въ качествѣ вопросовъ, подлежащихъ немедленному обсужденію.

Наряду съ этими требованіями рабочіе выдвигали рядъ конкретныхъ экономическихъ требованій въ области фиксированія цѣнъ и регулировки обмѣна. Правда, пока у власти стоялъ кабинетъ Асквита, всякое покушеніе на свободу торговли считалось невозможнымъ, а фиксированія цѣнъ огульно осуждались, какъ «ненужные намъ нѣмецкіе эксперименты». Министры и журналисты упорно внушали эту мысль рабочимъ, но требованія съ ихъ стороны не переставали поступать, упорныя, настойчивыя, однообразныя. Человѣкъ съ улицы твердилъ свое.

19 іюля депутація отъ спеціальнаго съѣзда рабочихъ организацій по продовольственному вопросу, предъявила Асквиту слѣдующія требованія:

1) Государственный контроль снабженія народа пищей и топливомъ и распредѣленіе пищевыхъ продуктовъ и топлива черезъ посредство муниципалитетовъ. Выкупъ въ собственность

государства всѣхъ торговыхъ судовъ и государственный контроль торговаго мореплаванія. Отчужденіе англійскаго хлѣба по справедливой оцѣнкѣ. Фиксированіе цѣнъ на уголь въ различныхъ районахъ страны.

2) Увеличеніе государственной пенсіи престарѣлымъ работникамъ, по крайней мѣрѣ, на 50%.

3) Недопущеніе использованія акта о Воинской Повинности и акта о Снабженіи Снарядами въ цѣляхъ введенія принудительной трудовой повинности.

4) Привлеченіе къ воинской повинности богатства путемъ: 1) обложенія особымъ военнымъ налогомъ богатствъ, находящихся въ частномъ владѣніи и 2) усиленіе прогрессивнаго подоходнаго налога для доходовъ, превышающихъ 500 фунтовъ въ годъ по такой системѣ, чтобы предѣльная норма обложенія составляла 20 шиллинговъ на 1 фунтъ.

На очередномъ конгрессѣ трэдъ-юніоновъ, состоявшемся въ сентябрѣ 1916 г., принята была слѣдующая резолюція по продовольственному вопросу: «Настоящій конгрессъ, представляющій организованныхъ рабочихъ Великобританіи, заявляетъ, что правительство не обратило еще пока должнаго вниманія на ужасныя бѣдствія, которыя переживаютъ народныя массы, благодаря огромному и не имѣющему достаточныхъ оправданій— вздорожанію стоимости жизни. Конгрессъ считаетъ крайне опаснымъ безразличіе, съ которымъ государственные дѣятели относятся къ этому вопросу, несмотря на непрерывный ростъ почти всѣхъ цѣнъ на продукты первой необходимости, и поручаетъ своему парламентскому комитету поставить на видъ правительству и рабочимъ депутатамъ, что къ пересмотру всѣхъ цѣнъ на предметы первой необходимости должны быть приняты немедленно мѣры.

Такими мѣрами являются: установленіе предѣльныхъ цѣнъ и переходъ въ руки государства всей организаціи подвоза продуктовъ. Такой переходъ диктуется интересами народа и долженъ предупредить систематическое ограбленіе его частными поставщиками, имѣющее мѣсто въ данный моментъ».

Наконецъ, въ началѣ декабря 1916 г., какъ разъ въ моментъ, когда нынѣшній кабинетъ Ллойдъ-Джорджа былъ въ процессѣ формированія, собравшаяся въ Лондонѣ конференція трэдъ-юніоновъ, кооперативовъ и другихъ рабочихъ организацій, провела слѣдующую резолюцію:

«Конференція, представляющая трудящіеся слои націи, организованныя и въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, и въ качествѣ потребителей, сожалѣетъ о томъ, что правительство такъ долго откладывало рѣшительныя мѣропріятія для предупрежденія роста цѣнъ, неуклонно подымающихся вверхъ уже въ теченіе 2 лѣтъ. Привѣтствуя первыя мѣры, принятыя теперь правительствомъ въ этомъ направленіи, конференція считаетъ ихъ, однако, недостаточными и полагаетъ, что общественнымъ довѣріемъ экономическая политика правительства будетъ пользоваться только въ томъ случаѣ, если она включитъ слѣдующія мѣры:

a) **Закупка** правительствомъ всѣхъ ввозимыхъ въ страну важнѣйшихъ пищевыхъ продуктовъ.

в) **Государственный** контроль или государственная монополія на важнѣйшіе продукты питанія англійскаго производства, какъ-то: мясо, пшеница, овесъ, ячмень, картофель и молоко.

c) Государственная монополія и регулировка торговаго мореплаванія и контроль провозныхъ фрахтовъ.

d) Назначеніе такихъ розничныхъ цѣнъ на всѣ монополизированные и контролируемые государствомъ товары, которые даютъ потребителю возможность использовать всѣ выгоды государственной организаціи снабженія.

e) Организація и контроль производства въ цѣляхъ максимальнаго использованія всѣхъ естественныхъ богатствъ страны; особенно же въ области земледѣлія. Конференція полагаетъ, что въ этомъ направленіи можно добиться очень большихъ результатовъ; цѣны на продукты должны быть фиксированы такъ, чтобы обезпечить производителямъ справедливое вознагражденіе, при условіи, однако, что онъ платитъ своимъ рабочимъ справедливый минимумъ заработной платы».

Мы знаемъ, что многое, что казалось невозможнымъ Асквиту, *пришлось* провести въ жизни кабинету юніонистскаго большинства, управляемаго военнымъ совѣтомъ Ллойдъ-Джорджа. Пошли въ ходъ и твердыя цѣны, и нормировка потребленія, и контроль судоходства торговаго. Была создана особая должность Продовольственнаго Контролера, который почти ежедневно подписываетъ тотъ или иной продовольственный приказъ, относящійся къ цѣнамъ и къ сокращенію потребленія. И уже въ первой рѣчи своей онъ заговорилъ о справедливомъ распредѣленіи продуктовъ:

«Я согласенъ съ тѣмъ, что *теперь недостаточно заботиться только о подвозѣ пищевыхъ продуктовъ, но что вопросомъ колоссальной важности является также справедливое ихъ распредѣленіе*. Первой очередной задачей, которую я себѣ ставлю, является статистическій подсчетъ видимыхъ запасовъ и запасовъ, которыми дѣйствительно располагаетъ страна.

На эту работу высокой важности я обращаю свое вниманіе съ самаго начала, ибо отъ выполненія ея зависитъ прежде всего и само распредѣленіе продуктовъ. Что касается до продуктовъ, которые поставляются въ достаточномъ количествѣ, то относительно ихъ не должно быть, конечно, никакихъ затрудненій: питаніе народа не должно тутъ подвергаться никакимъ ограниченіямъ и все же оно должно быть подчинено заботѣ о справедливомъ и равномѣрномъ распредѣленіи. Къ сожалѣнію, у меня уже не мало показаній о томъ, что плохіе патріоты тратятъ все свое время на старанія захватить такія количества продуктовъ, которыя превосходятъ ихъ личныя потребности, какъ бы пытаясь предупредить такимъ путемъ возможность недохватки продуктовъ въ будущемъ. И въ результатѣ въ то время, какъ однимъ достается больше, чѣмъ надо, другіе имѣютъ меньше необходимаго. Мой продовольственный планъ будетъ построенъ

на стараніи урегулировать распредѣленіе поступающихъ въ страну пищевыхъ продуктовъ такъ, чтобы всѣ граждане имѣли равныя возможности получить достаточныя доли—не большія, чѣмъ слѣдуетъ, но и не меньшія».

Это ужъ было полнымъ копированіемъ «нѣмецкихъ экспериментовъ», хотя рѣчь эта и произносилась лордомъ въ палатѣ лордовъ—учрежденіи искони англійскомъ.

Блокада принесла съ собою еще болѣе важныя новшества—она поставила предъ страной вопросъ о «порціяхъ» (rations), хотя и онѣ въ свое время высмѣивались въ англійской прессѣ, какъ непригодныя для Англіи нѣмецкія выдумки. Продовольственный контролеръ лордъ Девеннортъ предложилъ всѣмъ англичанамъ перейти добровольно на слѣдующія недѣльныя порціи: 4 англ. ф. хлѣба, 2½ англ. ф. мяса и ³/₄ англ. ф. сахара. Нормы мяса и сахара значительно выше—увы—тѣхъ реальныхъ нормъ потребленія, на которыхъ очутились теперь неквалифицированные рабочіе Англіи и бюджеты которыхъ мы приводили въ очеркѣ «Десятипенсовый хлѣбъ» (см. «Лѣтопись» за Ноябрь 1916 г.). Потребленіе хлѣба, наоборотъ, увеличилось у англійской бѣдноты при паденіи ея реальной заработной платы, ибо хлѣбъ явился для нея замѣной многихъ другихъ, болѣе дорогихъ питательныхъ веществъ. Такимъ образомъ, если предложенію Девеннорта суждено стать реальностью и изъ добровольнаго стать обязательнымъ, то человѣкъ съ улицы можетъ, пожалуй, взбунтоваться противъ этого якобы равномѣрнаго распредѣленія: «порція», предложенная Девеннортомъ, вполнѣ достаточна для людей, могущихъ купить, кромѣ трехъ нормированныхъ продуктовъ, еще цѣлый рядъ ненормированныхъ, но отнюдь не достаточна для тѣхъ, кто не можетъ купить пирожнаго, вмѣсто хлѣба, и рябчиковъ, вмѣсто мяса.

На ряду съ предложеніемъ Девеннорта, Ллойдъ-Джорджъ внесъ предложеніе о сокращеніи подвоза ряда продуктовъ въ видахъ экономіи тоннажа; продуктами, окончательно запрещенными къ подвозу, являются: яблоки, томаты, минеральныя воды, кофе, какао и чай иностраннаго (не-колоніальнаго) происхожденія. Ограничены въ подвозѣ: фрукты (на 75%), чай (индійскій), мясо, вина и коньякъ (на 75% по сравненію съ 1913 годомъ), кожаная обувь, лѣсъ, бумага (на 50%) и др. Изготовленіе пива будетъ сокращено съ 26 милліоновъ бочекъ (1916) до 10 милліоновъ. Въ то же время продовольственному контролеру предлагается принять мѣры къ тому, чтобы держатели запасовъ этихъ товаровъ не вздували на нихъ цѣны. Онъ долженъ «контролировать» торговлю и фиксировать цѣны.

Какъ бы неполны и хаотичны ни были всѣ эти мѣропріятія по регулировкѣ хозяйственной жизни, они ясно свидѣтельствуютъ объ одномъ: принципъ laissez faire, laissez pass r, который еще лѣтомъ 1916 г. казался Асквиту и его коллегамъ священнѣйшимъ и во вѣки ненарушимымъ устоемъ англійской жизни, сданъ въ архивъ подъ грохотъ германскихъ орудій и подъ давленіемъ слова и дѣла человѣка съ улицы.

Чтобы сдѣлать еще болѣе отчетливымъ этотъ совершающійся поворотъ, слѣдуетъ добавить къ картинѣ еще одинъ штрихъ.

Война принесла съ собою въ Англіи полное торжество реакціи. Актомъ о Защитѣ Королевства былъ фактически отмѣненъ Habeas Corpus Act. Произвольные аресты и цензурныя запрещенія сдѣлались повседневными явленіями. И въ политикѣ, какъ и въ экономикѣ отъ человѣка съ улицы требовали ряда жертвъ «во имя военной необходимости». И тѣмъ не менѣе видимое большинство рабочихъ позволяло своимъ представителямъ участвовать въ 2 коалиціонныхъ министерствахъ.

Когда на послѣдней конференціи рабочихъ въ Манчестерѣ возникъ новый споръ объ участіи рабочихъ коммонеровъ въ министерствѣ Ллойдъ-Джорджа, противники этого участія снова остались въ меньшинствѣ: изъ 1,849,000 голосовъ, представленныхъ делегатами, противъ участія въ министерствѣ было подано только 307,000 голосовъ.

И все же, несмотря на этотъ громадный видимый перевѣсъ сторонниковъ «коалиціонизма», голосъ человѣка съ улицы внесъ своеобразныя нотки и въ работы конференціи. Громкимъ смѣхомъ протеста встрѣтило огромное большинство делегатовъ чтеніе привѣтственной телеграммы Ллойдъ-Джорджа. И лишь нѣсколько жидкихъ, разрозненныхъ возгласовъ одобренія раздалось въ поддержку ея.

Но когда на конференцію явился внезапно Керквудъ— одинъ изъ членовъ Клайдскаго рабочаго комитета, высланнаго прошлымъ лѣтомъ *въ административномъ порядкѣ* за руководство забастовкой на орудійномъ заводѣ, вся картина работъ конференціи сразу измѣнилась: обсужденіе резолюцій въ стройномъ заранѣе намѣченномъ и предопредѣленномъ порядкѣ уступило мѣсто бурнымъ сценамъ протеста. Керквудъ закончилъ свою рѣчь сообщеніемъ, что ему разрѣшаютъ вернуться въ Глэзго при условіи, что онъ подпишетъ обязательство «работать правильно и лояльно и во всемъ подчиняться своему трэдъюніону». Но онъ считаетъ унизительнымъ подписывать такое обязательство, ибо всю свою жизнь онъ работалъ правильно и лояльно, никогда не былъ повиненъ въ неподчиненіи своему трэдъ-юніону и ничего не совершилъ преступнаго. «Единственнымъ аргументомъ въ пользу подписанія этой бумажки является желаніе его преслѣдователей обѣлить свое поведеніе. Но я и мои товарищи не только отказываемся подписать ее, мы идемъ дальше: мы представляемъ на судъ британскихъ рабочихъ, предъ которыми мнѣ, наконецъ, удалось выступить сегодня, самый фактъ нашего ареста и высылки безъ суда. Фактъ этотъ есть вызовъ важнѣйшимъ принципамъ нашей конституціи. Ваша обязанность— защитить ее. Когда я уйду отсюда, я не вернусь снова въ мѣсто высылки, я направлюсь отсюда либо домой въ Глэзго, либо въ тюрьму». Единодушный возгласъ одобренія поддержалъ это заявленіе. Делегаты сорвались со своихъ мѣстъ, вскочили на стулья и завопили: «Гендерсона, Гендерсона!» Гендерсонъ— рабочій коммонеръ и соратникъ Ллойдъ-Джорджа, горячо от-

ставивающій участіе рабочихъ въ министерствѣ, былъ членомъ кабинета уже во время событій на Клайдѣ. За арестъ и высылку рабочихъ онъ являлся въ глазахъ конференціи отвѣтственнымъ вмѣстѣ съ Ллойдъ-Джорджемъ, который былъ тогда министромъ военныхъ снабженій. И Гендерсону пришлось предстать предъ судомъ своихъ товарищей на конференціи, членомъ президіума которой онъ состоялъ. Онъ аппеллировалъ къ этому своеобразному судилищу указаніемъ на то, что онъ, какъ и всякій англичанинъ, имѣетъ право быть судимымъ прежде, чѣмъ его осудятъ и что онъ проситъ конференцію назначить особый комитетъ, который изслѣдуетъ обстоятельства дѣла *въ теченіе ближайшаго года*. Далѣе онъ указывалъ на то, что Керквудъ былъ членомъ рабочаго комитета «съ явно синдикалистскими тенденціями», и что онъ заявилъ Ллойдъ-Джорджу: вы получите снаряды лишь тогда, когда позволите нашему комитету взять на себя контроль работъ на заводѣ.

Самые бурные протесты со стороны делегатовъ вызвала аппелляція Гендерсона къ его праву не быть осужденнымъ безъ суда. Почему же въ такомъ случаѣ были осуждены безъ суда Керквудъ и его товарищи? Когда же Гендерсонъ указалъ, что онъ былъ противникомъ административной высылки, раздались возгласы: «Тогда вы должны были выйти въ отставку!». А когда онъ замѣтилъ, что, судя по настроенію конференціи, она врядъ ли захочетъ проявить надлежащую справедливость къ людямъ его типа, въ залѣ закричали:

«А справедливость по отношенію къ Керквуду?»

Рѣзко отрицательно отнеслась конференція и къ предложенному Гендерсономъ годичному сроку слѣдствія. Срокъ былъ сокращенъ до 3 мѣсяцевъ.

Единогласно была принята слѣдующая резолюція:

«Конференція заявляетъ, что высылка членовъ Клайдскаго рабочаго комитета безъ суда и безъ какого-либо опредѣленнаго обвиненія является посягательствомъ на ихъ гражданскія права. Что такой поступокъ не можетъ быть оправданъ никакими экстренными обстоятельствами и отдаетъ тѣмъ самымъ «пруссіанизмомъ», съ которымъ мы ведемъ войну. Конференція поручаетъ поэтому своимъ представителямъ въ парламентѣ немедленно добиться возврата всѣхъ высланныхъ безъ предъявленія имъ какихъ бы то ни было особыхъ условій».

И по требованію конференціи же Гендерсонъ вынужденъ былъ послать Ллойдъ-Джорджу телеграмму, требующую немедленнаго проведенія этого рѣшенія въ жизнь.

Несмотря на всю дисциплинированность англійскихъ рабочихъ делегатовъ, инцидентъ этотъ нарушилъ нормальное теченіе работъ конференціи. На одну минуту логика человѣка съ улицы бурно прорвалась чрезъ поставленные ей препоны. И этотъ внѣочередной инцидентъ, это полное дѣйственности и драматизма столкновеніе рабочихъ делегатовъ съ ихъ представителемъ въ министерствѣ Ллойдъ-Джорджа—является лучшимъ доказательствомъ начинающагося разлада.

Ибо съ точки зрѣнія человѣка съ улицы очень трудно принять на вѣру тѣ аргументы, которыми побѣдившая реакція оправдываетъ свой заговоръ противъ гражданской свободы. Несмотря на всю свою политическую отсталость, англійскій рабочій—трэдъюніонистъ вѣритъ фактамъ больше, чѣмъ словамъ и завѣреніямъ. И какъ бы ни старался Ллойдъ-Джорджъ объединить имперіалистскій торизмъ съ парламентской рабочей партіей, низовой рабочій начинаетъ относиться теперь къ премьеръ-министру и его тактикѣ вполнѣ опредѣленно: онъ судитъ его не по словамъ, а по дѣламъ его [1].

М. Смитъ.

---

[1] Съ тѣхъ поръ какъ статья эта была написана и сдана въ печать, накопился еще цѣлый рядъ симптомовъ разлада. Всѣ факты этого порядка освѣщаются мною въ очередныхъ замѣткахъ въ «Новой Жизни», въ отдѣлѣ «Жизнь Запада».

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СПОРЪ.

На-дняхъ мнѣ пришлось выдержать натискъ двухъ представителей «лѣвыхъ» теченій по художеству, задавшихся во что бы то ни стало видѣть въ «Мірѣ Искусства» своего основного врага, а во мнѣ — вожака этой группы и какъ бы отвѣтственное за нее лицо. Я не стану возвращаться къ уже исчерпанному вопросу — насколько вообще возможно считать «Міръ Искусства» за партію. Пусть упражняется на эту тему тотъ, кто находитъ досугъ и охоту, даже въ настоящіе дни, заниматься академической софистикой и сводить какіе-то окончательно запутавшіеся счеты. Сейчасъ не до того. А вотъ то, съ чѣмъ выходятъ «наши противники слѣва», это интересно разобрать, ибо это къ моменту, и это, при ихъ демагогическихъ пріемахъ, можетъ привести къ нѣкоторымъ соблазнамъ.

Впрочемъ, сначала два слова о себѣ. Я — неисправимый субъективистъ. Не то, что говорить, но просто думать иначе не умѣю, какъ въ первомъ лицѣ. А затѣмъ это и удобнѣе. У другихъ есть всякія (иногда нанятыя и захваченныя) платформы, представляющія для нихъ весьма важныя преимущества. У меня же иной платформы нѣтъ, кромѣ того, что я-бы назвалъ и своей художественной совѣстью, или проще—своимъ художественнымъ чутьемъ. Это внутреннее чутье, несмотря на всѣ осады посторонней діалектики, несмотря даже на строгія логическія построенія, для меня болѣе убѣдительно и категорично. Предпосылку-же эту о своемъ субъективизмѣ я долженъ сдѣлать уже потому, что все дальнѣйшее будетъ моимъ личнымъ мнѣніемъ, и только таковымъ.

Такое заявленіе имѣетъ значеніе не только для меня, но и для той самой идеи свободы, которою я, какъ и мы всѣ, сейчасъ живу. Будучи субъективистомъ и индивидуалистомъ—я свободенъ до конца. Я индивидуалистъ, но безъ импульса «покоренія». Будь во мнѣ этотъ послѣдній импульсъ, вся бы личная жизнь моя складывалась иначе. У меня-же скорѣе физическое отвращеніе къ какому либо властвованію. Все дальнѣйшее я и прошу принимать, памятуя это заявленіе. «Моя платформа» — это абсолютная свобода. Но опять-таки свобода не въ изувѣрскомъ извращеніи понятія. Свобода до конца—предполагаетъ и свободу самодисциплины. Коли моя совѣсть меня учитъ примкнуть туда или сюда, то и это я свободенъ сдѣлать. Самое же состояніе «витанія въ пространствѣ» есть худшее изъ рабствъ, и не потому, что оно фактически приводитъ иногда къ порабощенію, а потому, что оно подрываетъ

основы жизни, отводитъ жизненные питательные соки, оно удушаетъ своей пустотой.

Требуется еще предпосылка относительно моихъ оппонентовъ. Вступая въ споръ съ ними, я не могу ихъ не считать абсолютно искренними. Привкусъ демагогизма, несомнѣнно присущій ихъ рѣчамъ и пріемамъ ихъ проповѣди, я охотно ставлю на счетъ момента. Думаю, что каждый изъ нихъ подъ несуразной и иногда не очень достойной оболочкой ярмарочнаго зазывалы хранитъ въ себѣ подлинныя убѣжденія, которымъ онъ вѣритъ и за которыя онъ готовъ принести многія жертвы. Если бы я не держался этого мнѣнія, я бы не долженъ былъ вступать съ ними въ споръ, а просто бы молчалъ или же старался выводить ихъ на чистую воду. Но большинство изъ нихъ люди еще довольно молодые; молодые люди склонны къ маскараду, къ извѣстному эффектничанію, и зная все это, помня, вдобавокъ, общее возбужденіе настоящихъ дней, я постараюсь въ бесѣдѣ съ ними считаться только съ существомъ ихъ рѣчей.

Впрочемъ, я не совсѣмъ понимаю, почему они воюютъ со мной. Или потому, что мнѣ 47 лѣтъ, а имъ кому 40, кому 30, кому 20? Вѣдь еще до того не дошло, чтобы возбуждать преслѣдованіе противъ стариковъ просто «согласно метрическому свидѣтельству»! Мнѣ и не совсѣмъ ясно, во имя чего они идутъ на меня, когда именно *я* никогда не возбуждалъ противъ нихъ общественнаго гоненія, да даже и не спорилъ съ ними, а спорилъ скорѣе по поводу ихъ творчества съ самимъ собой. Что называется, недоумѣвалъ. То не понималъ и, не принимая многаго, недоумѣвалъ, а то и радовался. Вотъ, когда одинъ изъ ихъ крыла вставилъ въ раму черный квадратъ,—тогда я запротестовалъ рѣшительно во имя жизни, побуждаемый моимъ внутреннимъ *хотѣніемъ жизни*. Не могу я принять черную пустоту. Однако, нынѣшніе мои противники, какъ разъ до чернаго квадрата не доходили, напротивъ, они люди очень любящіе жизнь. Такъ почему же имъ спорить со мной и ломиться въ открытую дверь?

Дѣло другое—ихъ взаимоотношенія. Тутъ, что ни человѣкъ, то убѣжденный теоретикъ. Я именно не теоретикъ, органически не теоретикъ. Мало того, я *ненавижу* въ искусствѣ теоріи, хотя тутъ же готовъ признать, что теоретизмъ часто двигалъ искусствомъ и доставлялъ ему огромныя побѣды. Однако во всѣхъ подобныхъ случаяхъ — слово теорія можно безъ натяжки замѣнить словомъ вѣра; вѣра же двигаетъ горами только пока она *вѣра*, а вслѣдъ затѣмъ наступаетъ академическое омертвѣніе. Но вотъ мои оппоненты теоретики и самые заядлые теоретики. У каждаго изъ нихъ имѣется свой катехизисъ и даже свои схоластическія толкованія къ нему, и приходится вспомнить, что люди съ катехизисами имѣютъ особенное основаніе спорить, ибо среди завѣтовъ каждаго катехизиса имѣется и велѣніе воинствующей пропаганды, велѣніе навязыванія своего убѣжденія другому.

Прислушиваясь къ нападкамъ моихъ оппонентовъ слѣва (оппоненты справа меня не интересуютъ, пусть мертвые и хо-

ронять мертвыхъ), прислушиваясь къ этимъ нападкамъ, я различаю два совершенно противоположныхъ тезиса. Одни взываютъ къ тому, чтобы восторжествовало «демократическое искусство». Они хотятъ для этого свалить всѣхъ доселѣ власть имущихъ въ искусствѣ и схватить аппаратъ власти въ свои руки. При этомъ они не говорятъ: нужно, чтобы дѣло демократизаціи искусства попало къ надежнымъ людямъ, а говорятъ нѣчто, лишь по звуку словъ близкое: нужно, чтобы «демократическое искусство» стало насаждаться надежными людьми.—Другіе взываютъ къ полному освобожденію искусства отъ всякой опеки, къ рѣшительной эмансипаціи творчества, и у нихъ какъ-то даже умалчиваются самыя понятія «демократизаціи» или «демократизма» искусства.

Изъ этихъ двухъ партій — мнѣ лично больше по душѣ вторая. Я тоже всегда провозглашалъ и нынѣ провозглашаю принципъ абсолютной свободы. Не то, чтобы я не цѣнилъ дисциплинированнаго творчества, не то, чтобы я не вѣрилъ въ возможность великолѣпныхъ достиженій на основѣ дисциплины. Мнѣ ли—поклоннику Версаля, мечтавшему когда-то объ огромныхъ цѣлостностяхъ версальскаго порядка—отрицать пользу и прелесть, величіе и радость дисциплинированнаго искусства. Но и въ дисциплинированномъ искусствѣ я требую непремѣнно *свободу* подчиненія. Вотъ, когда кризисъ минуетъ, когда станетъ яснымъ, что побѣдилъ свѣтъ свободы надъ мракомъ рабства, тогда станетъ возможнымъ возвращеніе къ самому принципу «свободной дисциплины». А вслѣдъ затѣмъ можетъ быть возникнетъ и расцвѣтетъ «свободно-дисциплинированное» искусство, появятся «Версали» и «Вавилоны» Его Величества Народа, правленіе котораго, можно думать, будетъ безконечно болѣе мудрымъ, нежели правленіе монарховъ. Нѣтъ, разумѣется, не я стану отрицать самую желательность образованія новаго «дисциплинированнаго творчества». Однако, все же въ первую очередь и я взываю къ полному освобожденію отъ чисто внѣшней угнетающей опеки, отъ бюрократической регламентаціи художественной жизни, отъ табели ранговъ искусства, отъ всей ветоши академизма, въ какія бы краски она ни была расцвѣчена...

Напротивъ того, тезисы второй партіи мнѣ кажутся непріемлемыми, да, впрочемъ, я и не совсѣмъ понимаю, что начертано на ея знаменахъ и какой смыслъ имѣютъ провозглашенные ею девизы. «Необходимо распространять демократическое искусство». Этотъ основной девизъ приводитъ меня въ тупикъ. О какомъ такомъ демократическомъ искусствѣ можетъ быть рѣчь, когда по самой своей природѣ *всякое* искусство *есть уже* демократично. Я знаю, въ 1860-хъ годахъ считали, что одно искусство *полезно* для народа, а другое нѣтъ. И при этомъ, хотя бы плохое, но *полезное* искусство усиленно рекомендовали общественному вниманію, а на «неполезное» поднимали гоненіе. Однако, такая эстетика давнымъ давно обнаружила свою глубочайшую внутреннюю ложь, и нынѣ, кажется, просто не приходится доказывать, что *всякое прекрасное произведеніе*, что бы оно ни изобра-

жало,—достойно вниманія самыхъ широкихъ круговъ, достойно быть признано демократіей въ самомъ распространенномъ смыслѣ слова, и наоборотъ, бездарное и жалкое произведеніе есть нѣчто, во-первыхъ, обреченное на гибель, а во-вторыхъ, и не заслуживающее того, чтобы его оберегали или распространяли.

Искусство въ своей стихійной свободѣ можетъ даже заслужить со стороны классовъ, воспитанныхъ на узко буржуазной психологіи, упрекъ въ коварной неблагодарности. Но этотъ упрекъ будетъ несправедливымъ. Типично буржуазный взглядъ на творчество далъ возникнуть ереси «поощренія» искусства, и находящемуся въ тѣсной связи съ ней ожиданію какой-то «благодарности отъ поощреннаго». На почвѣ этой ереси академія отъ спорной идеи храненія завѣтовъ дошла до безспорно проклятой холопьей угодливости, а вслѣдъ затѣмъ до полной растерянности, когда началась (еще задолго до революціи) «смѣна хозяевъ положенія». Но настоящее искусство и въ дни наиболѣе сильнаго властвованія крѣпостничества не знало, что такое «баринъ». Оно съ ласковой усмѣшкой входило во дворцы, оно какъ будто слушалось какихъ-то велѣній потентатовъ, но на самомъ дѣлѣ, оно оставалось «себѣ на умѣ» не по мелкой психологіи хитренія, а потому, что ему надлежало превыше всего быть вѣрнымъ себѣ, внутренне свободнымъ. И поэтому-то дворцы потентатовъ годятся сейчасъ стать дворцами народа.

Можно бы написать цѣлую книгу объ этой «неблагодарности» искусства (истиннаго искусства), вѣрнѣе, объ его *основной* свободѣ. Свободнымъ оно осталось не только передъ лицомъ всесильныхъ монарховъ, душу которыхъ оно, несмотря на всѣ подкупныя «исторіи», выложило, какъ на ладони, но свободнымъ оно осталось передъ лицомъ самой церкви, выявляя свои идеи и свои мечты вопреки тяжелому гнету церковной политики. — И сейчасъ тотъ, кто станетъ читать исторію церкви по книгамъ, хотя бы самымъ умнымъ и освѣдомленнымъ, вынесетъ одно впечатлѣніе, а тотъ, кто прочтетъ ее по картинамъ, статуямъ и зданіямъ, вынесетъ совершенно иное и моментами—не лишенное извѣстнаго оттѣнка коварства.

Коварства... или царственности? Въ этомъ весь вопросъ, и вопросъ, имѣющій столь глубокіе корни въ самомъ бытіи человѣческомъ, что его не разрѣшить ни опытомъ отдѣльной жизни, ни даже — цѣлаго историческаго періода. А между тѣмъ, рѣшеніе этого вопроса было бы весьма важнымъ для означенія роли искусства въ будущей жизни человѣчества. Если оно просто коварно, если природа его холопья, если оно заискиваетъ, *можетъ* заискивать (повторяю, я говорю только о подлинномъ, о даровитомъ искусствѣ, ибо все дѣло въ томъ, что кому-то *дано*, а кому-то нѣтъ), если оно не только способно иногда прятать свое остріе (это не коварство, а мудрость), но просто *лгать* сознательно и подло, то въ такомъ случаѣ нѣтъ искусству мѣста въ будущемъ строѣ человѣчества. Тогда оно пережитокъ временъ лживыхъ, холопьихъ. Это, пожалуй, даже провокаторъ и растлѣватель. Но, если искусство нѣчто по природѣ

самодовлѣющее и если оно является выраженіемъ вольнаго духа, умѣвшаго пробиваться когда угодно и при самыхъ стѣсняющихъ обстоятельствахъ, то ему принадлежитъ величайшая роль въ будущемъ,—это самая *радость* будущаго строя.

И разумѣется, я иначе не могу отвѣтить на поставленный вопросъ, какъ признаніемъ этой «царственности» искусства. Но именно потому, что оно царственно, самоцѣнно и народно; оно не нуждается въ опекѣ и оно не потерпитъ надъ собой насилія, превращенія себя въ раба или хотя бы въ педагога. Искусство не для искусства, а искусство, дѣйствительно, для народа, но не въ томъ смыслѣ, что оно должно подлаживаться подъ народъ, а потому, что оно есть рожденное отъ народа, это и есть живая исповѣдь человѣческой души. И потому все, что проповѣдуется въ пользу поощренія какого-то «демократическаго» искусства—слѣдуетъ считать ересью. Можно еще говорить о демократизаціи искусства, о приближеніи его къ народу въ чисто матеріальномъ и практическомъ смыслѣ, можно заботиться о томъ, чтобы массамъ были даны средства къ ознакомленію съ тѣми сокровищами, которыя до сихъ поръ были удѣломъ однихъ привиллегированныхъ классовъ. Но грѣшно и гадко думать, что искусство, фальсифицированное подъ народное пониманіе, можетъ пойти кому-либо въ прокъ. Нѣтъ, уже лучше тогда предпочесть ничто, пустыню, нежели искусство, искаженное и подправленное согласно какимъ-то теоріямъ, основаннымъ еще вдобавокъ на предположеніи низкаго уровня массоваго вкуса. Опытъ къ тому же учитъ какъ разъ обратному—что низкій вкусъ болѣе всего нынѣ распространенъ въ «верхахъ». И даже именно это лучше всего доказываетъ, что должны были наступить окончательные «сумерки» этихъ «верховъ».

Александръ Бенуа.

ПУТИ ФИНСКАГО ИСКУССТВА.

(Замѣтки по поводу «Выставки финскаго искусства»).

1. Новая, давно желанная встрѣча русскаго общества съ искусствомъ Финляндіи послѣ восемнадцатилѣтняго перерыва произошла при разительно измѣнившихся условіяхъ. Политическая обстановка, при которой была открыта «Выставка финскаго искусства» въ Петербургѣ, оказалась исключительно счастливой. Совпаденіе этого начинанія съ раскрѣпощеніемъ Финляндіи представилось особо знаменательнымъ и словно провиденціальнымъ. Но въ то же время *художественная* убѣдительность этой манифестаціи финскаго народнаго генія показала себя недостаточной. Встрѣченная съ горячностью, выставка была въ общемъ воспринята сдержано.

Между тѣмъ, послѣднее и давнее уже выступленіе финляндцевъ совмѣстно съ зачинателями нарождавшагося тогда «Міра искусства» не только оставило у многихъ какое-то растроганное

воспоминаніе: оно было нужно и осталось вѣхой въ развитіи русскаго художественнаго сознанія. Два десятилѣтія тому назадъ финны во многомъ стали нашими учителями, окномъ, вновь прорубленнымъ для насъ въ Европу. Также и нынѣ, на торжествѣ по поводу открытія выставки, одинъ изъ ораторовъ призывалъ нашихъ художниковъ поучиться у братскаго народа. Необдуманныя слова самоуничиженія, сорвавшіяся на радостяхъ!

Сегодня мы обязаны лишь научиться понимать финскихъ живописцевъ и любить ихъ, какъ умѣемъ: садиться же у ихъ ногъ намъ незачѣмъ. На этотъ разъ они уже не принесли намъ благой вѣсти, да и принести не могли.

Что же случилось? Почему впечатлѣніе было лишено плодотворной новизны? Что сдѣлало выставку скорѣе общественнымъ лишь, а не художественнымъ праздникомъ? Къ этой неполной удачѣ причастны, конечно, вполнѣ очевидные недостатки организаціи. Финскія художества предстали въ ущербленномъ и весьма разрѣженномъ видѣ. Недаромъ сами финны признали выставку малопоказательной и до нѣкоторой степени случайной. Въ самомъ дѣлѣ, для русскаго зрителя—это страница, вырванная изъ книги. Нѣтъ ретроспективной части, которая могла бы служить ключемъ къ пониманію достиженій новѣйшихъ. Вовсе не представлено новое финское зодчество, эта важнѣйшая отрасль скандинавскаго архитектурнаго модернизма. Но и въ средѣ показанныхъ на выставкѣ живописцевъ сегодняшняго дня отсутствуютъ многія руководящія или просто многозначущія личности. Это отсутствіе Анселя Галлена-Калела, Магнуса Энкеля, Пекка Галонена, Гуго Зимберга до крайности искажаетъ перспективу, въ которой явилась намъ финская живопись. На бывшей въ Мальме, наканунѣ войны, сѣверной выставкѣ, именно на этихъ большихъ людей опиралось внушительное выступленіе (тогда уже рука объ руку съ русскими участниками) финскаго художества. Внесли свою лепту музеи и частныя собранія. Былъ показанъ живой организмъ народнаго творчества въ стройномъ его развитіи. Петербургская выставка ничего подобнаго не дала.

Все такъ: но благодаря этимъ зіяющимъ пробѣламъ опредѣлилось до полной ясности лицо послѣдняго младшаго поколѣнія финскихъ художниковъ. Оно не отодвинуто въ тѣнь престижемъ уже прославленныхъ предшественниковъ. Свѣтъ падаетъ на него въ упоръ. Намъ не дано здѣсь обнять цѣлокупности финскаго искусства, но зато передъ нами раскрыты шансы его ближайшаго будущаго. Для насъ важна эта встрѣча съ сѣверными сверстниками на тѣхъ же тревожныхъ перепутьяхъ новаго искусства, которыхъ еще не миновали и мы.

Все же мы едва задѣты этимъ дуновеніемъ сѣвера. Не одни лишь мы измѣнились; преобразилось все-художественное самочувствіе Финляндіи. Причина этого нечаяннаго нашего отчужденія въ самой судьбѣ финскаго искусства.

* * *

2. Чтобы объяснить себѣ этотъ душевный холодъ, надобно взвѣсить, въ чемъ таилось былое обаяніе финскаго творчества, это родное и милое издавна навожденіе?

Кто изъ насъ не испыталъ какой-то сентиментальной влюбленности въ загадочную страну Суоми? На ней опочила романтика Сѣвера, бѣлыхъ ночей въ шхерахъ, то Ultima Thule меланхолической мечты, чудесно приблизившаяся къ нашей столицѣ на нѣсколько лишь верстъ. Да и вообще: не дальнимъ ли сѣвернымъ путемъ достигли мы рубежей новой Европы? Сквозь Ибсена и Гамсуна пробилась наша молодая литература къ завоеваніямъ западнаго символизма. Въ виртуозныхъ холстахъ финна Эдельфельдта русскому живописцу впервые улыбнулся Парижъ, сквозь эти гиперборейскіе туманы потянулись мы къ солнцу. Нашъ модернизмъ былъ какъ бы предваренъ «скандинавизмомъ». Къ берегамъ латинскаго запада пристали мы на ладьяхъ викинговъ.

Но прежде чѣмъ отплыть къ солнечному предѣлу, мы долго медлили, очарованные сумерками. Изъ различныхъ стихій созидалось это очарованіе. И всѣ онѣ воплощены были въ творчествѣ финскихъ художниковъ. То безглагольный лиризмъ скуднаго пейзажа, магическая глубина скандинавскихъ миѳовъ, и суровая мощь, которую одинъ прозорливый критикъ опредѣлилъ, какъ «духъ сѣвернаго труженичества». Подъ этими тремя обликами: поэтической печали, легендарнаго волшебства и мужественнаго упорства переживала себя и побѣдоносно являлась намъ въ творческомъ преображеніи душа Финляндіи. То была поистинѣ героическая пора финскаго искусства, съ его сокровеннымъ и скрытнымъ паѳосомъ, горящимъ, словно свѣча подъ спудомъ. Неудивительно, что и русская живопись конца минувшаго вѣка, окунувшись въ эту свѣжесть и въ эту пламенность, почувствовала себя помолодѣвшей и обнадеженной. Для Галлена и его круга творчество стало дѣломъ національнаго самоуглубленія, собиранія народной души. Эта *психологическая* насыщенность финскихъ картинъ заражала въ то время не меньше, чѣмъ относительная ихъ формальная новизна. Но на гребнѣ этой волны искусство финновъ могло удержаться лишь одно мгновеніе.

Искусство это всецѣло включено въ кругъ скандинавской культуры. Во всѣхъ четырехъ сѣверныхъ странахъ оно развивается по той же схемѣ дѣйствій и противодѣйствій. Особенно послѣдовательно проходитъ эта аналогія въ художественной исторіи Финляндіи и Норвегіи. Послѣ полувѣка національнаго небытія, провинціальнаго диллетантизма или академизма на германскій ладъ, финскіе художники, какъ и норвежцы,—покидаютъ Дюссельдорфъ и Мюнхенъ ради Парижа. Это стихійное движеніе въ новую метрополію мірового искусства и полагаетъ начало художественному самоопредѣленію скандинавскихъ странъ. Оно совпадаетъ съ торжествомъ натурализма во Франціи. Бастьенъ-

Лепажъ, осторожный и справедливо забытый новаторъ, становится кумиромъ скандинавскихъ паломниковъ. Къ ихъ числу принадлежитъ и Альбертъ Эдельфельдтъ, инициаторъ финскаго художественнаго обновленія, мастеръ, лишенный глубокой оригинальности, но оказавшій рѣшающее вліяніе. Онъ присоединилъ Финляндію къ Европѣ. Таковы итоги восьмидесятыхъ годовъ.

Слѣдующее десятилѣтіе ознаменовано обратной тягой изъ Парижа на родину. Осознавшее себя искусство, обогащенное новой техникой, пытается пустить корни въ родномъ гранитѣ. Парижская оріентація Эдельфельдта, его блистательный европеизмъ уступаютъ мѣсто поискамъ національнаго стиля. Источниками движенія становятся народная эпопея и народный же орнаментъ. Натурализмъ смѣняется исканіями синтетической и декоративной формы. Это тяготѣніе къ монументальности и упрощенію въ архаическомъ духѣ идетъ рука объ руку съ усиліями зодчихъ создать специфически мѣстный стиль. На всемірной выставкѣ 1900 года фрески Галлена украшаютъ павильонъ Сааринена. Прикладныя художества переживаютъ небывалый расцвѣтъ. Въ творчествѣ Галлена, пронизавшаго свои фрески и панно сосредоточенной патетикой, волшебствомъ старинныхъ заклятій, слившаго въ своихъ мотивахъ образы миѳа съ живымъ обликомъ родины, «*отечественный*» періодъ искусства Финляндіи достигаетъ своего апогея, но и своего предѣла. Финскій стиль склоняется къ ущербу. Порывъ, повсемѣстно разбившій новую живопись на національные осколки, исчерпанъ надолго. Искусство вновь сознаетъ себя единымъ. Отовсюду молодая кровь приливаетъ вновь къ огромному сердцу-Парижу. Недаромъ выставка финновъ на Марсовомъ полѣ всего болѣе напоминаетъ мастерскую въ кварталѣ Монпарнасъ или глухой уголокъ Осенняго Салона.

* * *

3. Звеномъ, соединяющимъ представленную на выставкѣ молодежь съ недавнимъ прошлымъ финскаго искусства, служитъ залъ, почти цѣликомъ отданный работамъ Юхо Риссанена.

Творчество его, реалистическое въ своей основѣ, преображаетъ мотивы мѣстнаго быта и труда въ духѣ мощной и суровой монументальности. Втянутый еще въ произведеніяхъ своихъ отъ начала этого вѣка «Обмѣнъ часами» въ мелочность натуралистической детализаціи, тяжеловѣсный жанристъ Риссаненъ постепенно превращается въ декоратора. Въ его групповыхъ панно Гельсингфорскаго музея духъ гротеска, почти каррикатурнаго преувеличенія психологической характеристики, сочетается съ внушительной простотой рѣзко очерченныхъ контуровъ. Финскій этнографическій типъ воплощенъ имъ тамъ въ яркихъ трагикомическихъ маскахъ. Позже вліяніе идиллическаго стиля французскаго мастера Пювисъ де Шаванна одарило его спокойствіемъ линейнаго ритма и извѣстной поэтической простотой.

На выставкѣ показанъ циклъ работъ, гдѣ профессіональные жесты различныхъ ремеслъ («Прядильщицы» и др.) служатъ руководящимъ ритмомъ для теченія линій и пятенъ. Человѣческая фигура всюду вылѣплена весьма суммарно, границы свѣта и тѣни опредѣлены рѣзкими планами, лица словно вырѣзаны изъ твердаго дерева. Притушенный колоритъ—съ преобладаніемъ коричневаго, сѣраго, блѣдно-фіолетоваго—имѣетъ словно холодную матовость гипса. Въ распредѣленіи движенія— неизмѣнная крестьянская истовость, сдержанная важность, безъ паѳоса и экспансивности. Такъ слѣпая старуха одного изъ этюдовъ отвѣчаетъ всѣмъ типическимъ признакамъ египетской пластики. Въ движеніи женщины, ищущей въ волосахъ «Ребенка», —нѣчто отъ величавости знаменитаго сонета Артюра Рэнбо. Акварель «Итальянская дѣвушка» представляетъ претвореніе воспоминанія латинскаго юга въ суровый сѣверный образъ— мужицкую Валькирію. Наконецъ, въ нѣсколькихъ вещицахъ («Фруктовая Лавка») Риссаненъ стремится растворить свою суровую и скудную манеру въ радости яркой красочности. Но преобладающая черта его творчества остается очевидной: монументальность, коренящаяся въ народности.

Лишь «гостемъ случайнымъ» явился на выставку эту и неизмѣнно плѣнительный Эеро Ернефельдтъ, «финскій Левитанъ», интимный лирикъ сѣвернаго пейзажа. Его «Женскій портретъ», написанный тонкой и нервной кистью миніатюриста, его акварель съ типическимъ силуэтомъ искалѣченнаго дерева на фонѣ синезеленнаго лѣсного горизонта—овѣяны живописными настроеніями конца минувшаго вѣка.

Такъ подходимъ мы постепенно къ явленіямъ, знаменующимъ начало новаго періода финскаго творчества. Но здѣсь зіяетъ невосполнимый пробѣлъ. Рѣшительнымъ начинателемъ этой новизны явился Магнусъ Энкель, на выставкѣ не представленный вовсе. Вызвавшій въ началѣ своего пути сенсацію натуралистическимъ толкованіемъ евангельскаго сюжета художникъ позже вступилъ въ полосу вліянія Пювисъ де Шаванна, захватившаго въ свое время весь Сѣверъ. Завершеніемъ монументальныхъ попытокъ Энкеля явилось «Воскресеніе изъ Мертвыхъ», весьма замѣчательная стѣнопись въ Таммерфорской церкви. Здѣсь воплощенъ обнаженный и терпкій паѳосъ, сосредоточенная и отвлеченная духовная энергія протестантизма. Но не въ этихъ работахъ источникъ преобразующаго вліянія Энкеля, а въ его позднѣйшихъ пейзажахъ и «мертвыхъ природахъ», гдѣ всѣ соображенія декоративности и идеологической выразительности отметены ради торжества самодовлѣющей *живописности*, ради возстановленія «живописи, какъ таковой». Ибо таково было настроеніе, положившее естественный предѣлъ національной отъединенности финскаго искусства.

* * *

4. Среди экспонентовъ выставки не преобладаютъ отчетливыя индивидуальности; всѣ онѣ группируются согласно двумъ

тенденціямъ или школамъ. Первая слѣдуетъ тому теченію французской живописи, которое возникло изъ преодолѣнія *импрессіонизма*; вторая вѣрна концепціямъ *продолжателей* импрессіонизма. По этимъ *формальнымъ* лозунгамъ строится художественная молодежь. Изображеніе финляндской природы и символика финской души перестаютъ быть главнымъ предметомъ творчества.

Такимъ образомъ, первая изъ различенныхъ нами группъ притязаетъ лишь на свою долю въ наслѣдіи Сезанна. Такъ Уно Аланко въ своихъ лѣсныхъ пейзажахъ, съ обобщенной «строительной» трактовкой зеленыхъ массъ деревьевъ, синевой тѣней и оранжевыми пятнами почвы черпаетъ изъ примѣра Сезанна уроки синтетическаго видѣнія природы. Такъ Альбертъ Кавенъ, давшій въ тщательно разбитой на планы нагой дѣвушкѣ въ «декадентской» рамкѣ умилительный примѣръ наивнаго модернизма, приближается въ композиціи и коричнево-зеленой гармоніи своей «Деревушки» къ раннимъ работамъ Ле Фоконье. Такъ Саллиненъ близкій въ своихъ групповыхъ портретахъ къ монотоніи Каррьера, отвращающій въ большихъ холстахъ грязноватой и безпокойной фактурой съ расплывами копоти и плевками бѣлилъ, съ размашистымъ косымъ мазкомъ—близокъ въ изображеніи деревенскихъ домовъ къ массивности Вламэнка. Но ужъ у него сказывается и иное вліяніе, близкое къ французскому и почти равносильное ему: вліяніе норвежца Эдварда Мунка. Портретъ Мерилайнена съ энергично вылѣпленной головой, словно возникающей изъ густой чащи мазковъ, ужъ прямо говоритъ о Мункѣ, коснувшемся также синяго мальчика на глинистомъ «сезанновскомъ» фонѣ, выставленнаго Линдфорсомъ.

У иныхъ участниковъ выставки налицо иныя воздѣйствія. Холодная черно-сѣрая гамма «Утренняго кофе» Нелимарка живо напоминаетъ о Валлотонѣ, между тѣмъ, какъ сине-зеленая влажная глубина пейзажей Ойнонена, трепетные, цвѣтные блики на лицахъ фигуръ говорятъ намъ объ упоеніи финна растительной прелестью Ренуара.

Мнѣ укажутъ, что подобное выясненіе вліяній и заимствованій слишкомъ мало способствуетъ оцѣнкѣ *личнаго* вклада того или иного художника. Но вѣдь въ данномъ случаѣ невыраженность личнаго момента и ослабленіе національной стихіи и является рѣшающимъ признакомъ цѣлаго движенія. «Скажи мнѣ, кто твои друзья, и я скажу тебѣ, кто ты!» таковъ на этотъ разъ единственно примѣнимый критерій.

Вторая изъ выдѣленныхъ мною группъ представляется болѣе сплоченной. Ея усиліе организовано; имъ руководитъ содружество «Семерыхъ» (Septem), объединившееся подъ знакомъ *Неоимпрессіонизма*, движенія, обратившаго въ *методъ* находки импрессіонистовъ и теорію дополнительныхъ цвѣтовъ. Правильно распредѣленные мазки, точечки неоимпрессіонистовъ—словно стежки сѣтей, разставленныхъ южному солнцу. Какъ

парадоксальна и какъ показательна для ихъ страстнаго желанія «выйти изъ себя» попытка сѣверянъ залучить въ свое творчество эту стихію свѣта!

Желаніе и способность видѣть чужими глазами особенно послѣдовательны въ трудахъ Финча. Педантичный «пуантилизмъ» интенсивность общаго тона приближаетъ иныя изъ его работъ къ пейзажамъ покойнаго Кросса. Зато «Пляжъ» не только родственъ по жемчужной блѣдности гаммы работамъ Сёра, но сама композиція его, съ округлой массой маяка, братски сходственна съ извѣстнѣйшей изъ картинъ французскаго мастера. Съ своей стороны Элленъ Теслеффъ даетъ цѣлый рядъ недурныхъ варіацій на мотивы и технику Поля Синьяка, на голубизну и бѣлизну его воздушныхъ акварелей.

Лирическую струю вносятъ работы очень привлекательнаго Иріо Ойнонена. Но и здѣсь источникъ очевиденъ. Ойноненъ въ композиціяхъ своихъ, декоративныхъ и экзотическихъ, попытался перенести тропическій Эдемъ Поля Гогена въ обстановку финской природы, насытить движенія своихъ карельскихъ крестьянокъ ритмической и первобытной поэзіей таитанскихъ «Вахинэ».

Группа «Семерыхъ» возглавляется Вернеромъ Томэ, самымъ сильнымъ и, пожалуй, самымъ независимымъ изъ людей новаго поколѣнія. Правда и онъ воспринялъ технику неоимпрессіонистовъ, ихъ свѣтлую и чистую палитру, палитру «Семи цвѣтовъ радуги», безъ черноты, безъ сѣрыхъ тѣней—свѣтъ, отрицающій мракъ. Но подходъ его свободенъ, размѣры мазковъ не исчислены математически. Его «Декоративное панно» искрится темпераментомъ. Оно изображаетъ купаніе мальчиковъ въ морѣ. Сочетаніе синей воды съ морскою рябью, переданною параллелизмомъ длинныхъ горизонтальныхъ мазковъ, съ розовыми спинами прибрежныхъ камней и съ распыленной желтизной свѣта радостно и живо. Самая форма нагихъ фигуръ соткана изъ живого цвѣта, вибрируетъ въ солнечномъ туманѣ. Эта бойкая и изящная живопись лишена величія «синтетической» школы; иногда — въ портретахъ — это изящество сбивается даже на свѣтскій шикъ; но декоративныя свойства Томэ очевидны, живописность его подлинна.

* * *

Думается, что этотъ бѣглый обзоръ вполнѣ разрѣшаетъ всѣ недоумѣнія. Мы отнынѣ не можемъ искать образцовъ въ финляндской школѣ живописи: она сама упразднила себя. Наши вчерашніе учителя сами сѣли на школьную скамью рядомъ съ нами. И — добросовѣстные, упорные и осторожные ученики — они добровольно отстали отъ насъ. Шагъ ихъ медлителенъ, достиженія добротны, но робки. Они избавлены отъ нашего хаоса и нашего надрыва, но среди нихъ не вспыхнетъ чудо преображенной живописи. Этотъ твердый и ровный уровень художественной культуры, конечно, цѣнное пріобрѣтеніе. Онъ показатель гармоничнаго и единообразнаго быта, воплощеніе прочной мѣры вещей. Но не диво, если мы спѣшимъ оставить за собой этихъ неспѣшныхъ попутчиковъ, чтобы подойти къ самымъ источникамъ мірового

...енія, чтобы воспринять до конца художественную сущ-...ъ мѣняющагося запада или преодолѣть ее до конца.

Среди тиши да глади финскаго искусства нѣтъ мѣста для ...й жажды и нашего безпокойства. Ясныя воды сѣвернаго ...а слишкомъ мелки для кораблей, уплывающихъ въ будущее.

Андрей Левинсонъ.

ПО ПОВОДУ „МАСКАРАДА".

I.

О «Маскарадѣ» писалось уже достаточно. Отмѣчены были и ...няя роскошь постановки, и отсутствіе проникновенія въ ...ность Лермонтовской драмы, и промахи исполненія. Каза-...бы, все, что нужно, сдѣлано и можно бы успокоиться и забыть ... этой послѣдней театральной неудачѣ императорскаго періо-... Боюсь однако, что это не такъ. Боюсь, что не только забыть ...зя, но много еще надо говорить объ этомъ и говорить серь-...но, говорить не о «Маскарадѣ», какъ объ отдѣльной постановкѣ, ...орая ея составныя части—декораціи, бутафорорію, игру ак-...ровъ, но о чемъ-то другомъ, неизмѣримо важнѣйшемъ, что сто-... теперь безпрестаннымъ и безпокойнымъ вопросомъ для ка-...аго любящаго искусство.

«Маскарадъ»—это не просто послѣдняя постановка Алексан-...инскаго театра. Это извѣстный синтезъ того, къ чему пришло ...ское театральное искусство, и, какъ синтезъ, онъ въ то же ...мя является символомъ, символомъ достиженій театральнаго ...усства и, можетъ быть даже, какъ это ни печально,—цѣлой ...ирной сферы искусства нашихъ дней вообще.

За 17 лѣтъ нашего столѣтія русскій театръ пережилъ глу-...ую революцію. Московскій Художественный театръ, Комис-...жевская, Старинный театръ, Передвижной, Крэговскіе мо-...ли, Дягилевскія постановки—все это крупныя вѣхи на пути ...ихъ исканій, которыя выявились въ эти революціонные годы. И ...ершенно естественно—какъ всегда въ періодѣ ломки стараго, ... періодѣ новыхъ откровеній—многое было неестественнымъ, ...изненнымъ, надуманнымъ, можетъ быть даже вульгарнымъ, ... чувствовалось біеніе какого-то живого пульса, чувствовалось ...ремленіе найти какой то путь, обрѣсти какое-то новое слово, ...вый смыслъ и вдохнуть его въ одряхлѣвшее тѣло стараго ...атра. И многое оказалось подлинными завоеваніями.

Но «Маскарадъ»—это уже не исканія,—это подведеніе ...товъ. Здѣсь вы не чувствуете ни безудержныхъ дерзновеній, ...и священнаго трепета передъ творимымъ, ни стыдливой робости. ...ѣтъ, здѣсь все увѣренно, все въ порядкѣ, все на мѣстѣ. И ...есь этотъ спектакль, какой-то бездушный, самоувѣренный, ...ольше—самодовольный, какой-то роскошный костюмъ, вышед-...шій изъ мастерской опытнаго портного. Къ «Маскараду» готови-

лись пять или даже семь лѣтъ. Казалось бы, за такой срокъ м
было проникнуться, вдуматься, провѣрить себя. А между
не видно никакого проникновенія въ сущность драмы, в
художественныя заданія; не то, что оно ошибочно—его п
нѣтъ: все поверхностно, плоско и бездушно. И прежде все
постановкѣ совершенно отсутствуетъ стиль. Большинство
цензентовъ отмѣтило, что при всѣхъ недостаткахъ постано
«стиль» выдержанъ безупречно. Съ этимъ нельзя согласит
Стиль есть прежде всего нѣкое единство: единство замы
единство выраженія. Мало поставить старинную, хотя б
очень «стильную» мебель и одѣть персонажей въ соотвѣтс
ющіе костюмы. Это еще не даетъ стиля, если нѣтъ обобщаю
руководящей идеи, нѣтъ осознаннаго и прочувствованнаго
лаго. Именно этого то и нѣтъ въ «Маскарадѣ». Показанъ рядъ
дѣльныхъ картинъ, передъ глазами проходитъ цѣлая выста
замысловатыхъ деталей, цѣлый музей роскошныхъ костюмо
зеркалъ, люстръ, украшеній—и все это само по себѣ, само с
довлѣетъ, и ничѣмъ не объединено. Потому и нѣтъ пьесы, а
только «картины», нѣтъ даже обстановки, какъ цѣлаго, а
вещи, вещи и вещи — безконечная пестрота вещей. И
какъ это всегда бываетъ при отсутствіи руководящей идеи,
смотря на всю тщательность трактовки деталей—безчислен
анахронизмы, какъ напр. чисто «головинская» стѣнная живо
и нѣкоторые костюмы въ картинѣ маскарада. Оттого такіе п
махи, какъ мгновенное возвращеніе слуги посланнаго тщател
обыскать карету, когда, помимо логической нелѣпости
быстроты, само драматическое дѣйствіе настоятельно требу
здѣсь паузы.

Но если можно еще согласиться, что многія частности
передачѣ стиля—или стильности эпохи были хороши, то
другой и важнѣйшей стороной,—тѣмъ, что обычно называ
«духомъ» художественнаго произведенія, но что для ме
является неразрывно связаннымъ съ его стилемъ, такъ ск
зать внутреннимъ выраженіемъ стиля—съ этой стороной обсто
совсѣмъ плохо. У художника театра есть два пути выяв
тотъ или иной «духъ». Онъ можетъ весь впитать его, уйти въ не
съ головой, и тогда творчество его цѣликомъ будетъ проникн
этимъ духомъ. Такъ творятъ свои сценическіе образы боль
актеры, какъ Шаляпинъ, который на сценѣ для насъ все
Мефистофель, или Борисъ, или Олофернъ, а не только актер
ихъ изображающій. Другой путь, болѣе простой и не требующ
художественнаго горѣнія—это просто настроиться на изв
ный ладъ, вѣрнѣе *подстроиться*. Такъ малые артисты надѣваю
поочередно различныя маски, оставаясь для зрителя все тѣмъ ж
знакомымъ артистомъ. Если въ первомъ случаѣ мы будемъ им
высокій, чистый стиль художественнаго произведенія, то, в
второмъ получимъ «нечистый» стиль, а часто и просто фальси
фикацію. Послѣднее и случилось съ «Маскарадомъ». Лермон
това не было. Былъ Мейерхольдъ, настроившійся «подъ Лермонто
ва» и при томъ плохо настроившійся. За время представл

тель нѣсколько разъ могъ совершенно забыть о Лермонтовѣ. Мейерхольдъ чувствовался всюду, и каждый моментъ давала бя знать его направляющая рука. Больше того, было ощущеніе, о смотришь какую нибудь символическую пьесу Андреева или ѣтерлинка. Конечно въ «Маскарадѣ» есть элементы символизма, вствуется «дыханіе рока» и символически трактованъ Неизвѣстный—этотъ первый «нѣкто въ сѣромъ» русской литературы. о вѣдь это же символика *Лермонтова*, а не Метерлинка, XIX-го, не XX-го вѣка. Вѣдь Неизвѣстный все-таки реальный человѣкъ, не символъ въ образѣ человѣка. Зачѣмъ же эти молчаливыя, утко шуршащія маски съ движеніями по Далькрозу, зачѣмъ обще эта нарочито-жуткая таинственность, вмѣсто веселаго скарада?! Зачѣмъ изъ чисто бытовой фигуры Шприха пытались ѣлать какого-то злого генія, который, собираясь отправиться слѣдъ за Арбенинымъ въ маскарадъ, замираетъ въ позѣ караюей Немезиды?!. Зачѣмъ эта зловѣщая монашка, проходящая едленно черезъ сцену—вѣдь о ней у Лермонтова нѣтъ ни слова. ачѣмъ, наконецъ, это завываніе контрабасовъ за сценой въ траическіе моменты? Вѣдь это же не опера, не кинематографъ, и е Метерлинкъ! Всякому, кто понялъ, и значитъ, полюбилъ Лермонтова долженъ быть особенно дорогъ «Маскарадъ», гдѣ такъ урно и ярко вылился весь мятежный духъ поэта, вся трагедія го ума и тоска сердца. Ничего этого не было на сценѣ Александринскаго театра. Все было представлено въ искаженномъ, скомканномъ видѣ и исковеркано отсебятинами и трюками, на которые теперь такъ падки режиссеры, ни мало не стѣсняясь ъ авторами.

II.

Съ перваго же момента, когда вы входите въ залъ и любуетесь эффектнымъ просцеціумомъ, въ васъ незамѣтно закрадывается чувство какого-то недоумѣнія, я бы сказалъ даже недовѣрія. Что-то тутъ не такъ, что холодитъ и не вяжется. И чѣмъ дальше, тѣмъ это чувство растетъ все больше и больше. Въ картинѣ маскарада глаза разбѣгаются отъ всей этой роскоши, пестроты костюмовъ, смѣны движеній. Кто-то изъ критиковъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что надо десять разъ смотрѣть пьесу, чтобы оцѣнить вполнѣ весь блескъ и красочность фантазіи Головина. Вотъ этотъ-то блескъ больше всего и способствуетъ недоумѣнію. Подавляетъ вся эта роскошь, этотъ хороводъ красокъ, сыплющихся точно изъ рога изобилія. Смотришь на эти причудливыя группы и безконечные хороводы масокъ и недоумѣнно спрашиваешь: гдѣ же самая пьеса, гдѣ драматическое дѣйствіе? И оттого сцены Звѣздича съ баронессой и Арбенина съ Неизвѣстнымъ проходятъ какъ-то незамѣтно, скомканно. А между тѣмъ, это узелъ драмы: здѣсь завязывается роковой романъ, здѣсь поднимается вихрь душевной непогоды Арбенина. И актеры, не нашедшіе вѣрнаго тона, еще усугубили эту скомканность. Чѣмъ дальше, тѣмъ все назойливѣе становится это воздѣйствіе зрительныхъ впечатлѣній, спектакля, и недоумѣніе переходитъ

уже въ досаду. Вы не можете сосредоточиться, не успѣвае слѣдить за дѣйствіемъ изъ-за безчисленныхъ деталей. Вы уже знаете, что къ концу картины персонажи переселятся на ава сцену и за ними опустится новый занавѣсъ. Нѣтъ спора—эт занавѣсы очень красивы, и они очень удобны въ смыслѣ сокра щенія времени и избѣжанія антрактовъ, но не въ этомъ же глав ное. Нельзя же вносить въ дѣйствія такой автоматизмъ, нельз же въ самые острые моменты отвлекать ненужными чисто зри тельными впечатлѣніями. Когда при выходѣ изъ театра меня спро сили, какъ мнѣ понравилось, я могъ только отвѣтить—«прекрас ные занавѣсы». И это вовсе не было сознательной иронией, эт просто было единственное реальное впечатлѣніе отъ спектакля И я былъ не одинокъ въ этомъ отношеніи, ибо въ фойэ въ антра тахъ больше всего говорили о занавѣсахъ. Этотъ калейдоскоп покрылъ собой все остальное. Тотъ маскарадъ лицъ и чувствъ, который для Лермонтова является контрастомъ подлинныхъ страстей человѣческихъ, та пестрая шумиха жизни, которую клеймитъ поэтъ и противъ которой направляетъ свой бичующій протестъ—здѣсь у Мейерхольда и Головина получили положи тельный самодовлѣющій смыслъ, были выдвинуты на первый планъ.

«Маскарадъ» превратился въ маскарадъ безъ кавычекъ. Драма превратилась въ зрѣлище. Этотъ зрѣлищный привкусъ давно вкрался въ нашъ театръ и теперь доходитъ до своего апо гея, заслоняя все остальное. Онъ проходитъ черезъ длинный рядъ постановокъ, начиная еще съ Орфея и кончая гвоздями этого сезона—«Quo Vadis» въ Музыкальной Драмѣ и «Маскарадомъ». Если кинематографъ роскошной обстановкой и музыкальнымъ сопровожденіемъ «съ настроеніемъ» стремится заставить забыть свою плоскостность и нѣмоту—это еще понятно. Но не превра щайте же въ кинематографъ театра! А то вѣдь, когда смотришь на роскошныя сцены «Quo Vadis» подъ акомпаниментъ пустой сентиментальщины Нугеса, или видишь актера-Арбенина, изо бражающаго трагедію души подъ завываніе контрабасовъ за сценой — то, право, это слишкомъ напоминаетъ какую-нибудь «боевую драму въ 2000 метровъ».

Въ гостиныхъ богатыхъ домовъ часто можно видѣть въ ро кошныхъ золоченыхъ рамахъ картины самой ничтожной худо жественной цѣнности. Это непріятное явленіе, но оно скорѣе вызываетъ снисходительную улыбку, чѣмъ возмущеніе. Тако явленіе—Quo Vadis въ Музыкальной Драмѣ. Но если сред этихъ картинъ вы наткнетесь на Мадонну Рафаэля, вамъ станетъ больно и обидно, захочется унести ее оттуда, высвободить изъ этой роскошной, опошляющей рамки. Захочется крикнуть «не прикасайтесь къ предметамъ священнымъ, не трогайте, не оскверняйте ихъ!».

Когда я смотрѣлъ на всю безмѣрную и ненужную роскошь «Маскарада», мнѣ невольно вспоминались картины Веронезе и еще больше такъ называемыхъ его «Наслѣдниковъ»—эти пышны пиршественные холсты, гдѣ Христосъ и Святые являются скорѣ

аксессуарами въ каскадѣ зрѣлищной фантастики красокъ. И я съ полной очевидностью осозналъ, что это тупикъ, такой же тупикъ, въ какомъ когда-то оказалось искусство Венеціи. Это такой же «великолѣпный» упадокъ, какъ упадочна наша архитектура съ ея замысловатыми и претенціозно разукрашенными фасадами, лишенными единаго плана и мысли, какъ упадочна наша поэзія, смакующая звуковыя сочетанія въ ущербъ смыслу, какъ упадочна наша музыка бездушная, надуманная и чувственная. Это упадокъ, потому что такое искусство, которое превращаетъ жизнь въ одно сплошное любованіе красками и звуками, въ смакованіе внѣшнихъ ощущеній—это поцѣлуй мертвеца, это начало гніенія, оргія чувственной красивости и разврата.

И если понятно, что въ такіе тупики попадали люди, когда изсякали жизненные стимулы, когда не было путей, то странно, что это случается въ наши дни—дни безпримѣрныхъ войнъ и революцій, дни великихъ жизненныхъ трагедій. Быть можетъ, слишкомъ мы были придавлены, слишкомъ изнервлены пережитымъ, слишкомъ извѣрились въ какіе бы то ни было жизненные лозунги за время суровой реакціи—и вотъ съ отчаянія окунулись въ міръ внѣшнихъ впечатлѣній и ощущеній. Но настало время опомниться, и теперь, когда передъ искусствомъ, какъ и передъ всѣми сторонами жизни, открываются новые пути,—новые горизонты, первая его задача—задача самоопредѣленія. Надо это помнить, надо думать надъ этимъ постоянно и незамедлительно,—иначе будетъ поздно. Пусть одумаются тѣ, кто легкомысленно вершитъ судьбы русскаго искусства! Пусть обдумаютъ тѣ, кто рукоплещетъ аляповатымъ поддѣлкамъ!

Пора изорвать въ клочки и развѣять по вѣтру всю эту мишуру фальсифицированной красоты и тепличныхъ ощущеній. Напряженіемъ всѣхъ революціонныхъ силъ народа надо разрушить этотъ позорный тупикъ, вырваться къ воздуху и солнцу. Потому что позоръ искусства—это позоръ народа.

Г. Г

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Свершилось! Монархія Романовыхъ, еще такъ недавно казавшаяся грозной твердыней, развалилась отъ одного толчка, лопнула, какъ мыльный пузырь, наткнувшись на тѣ самые штыки, которые она хотѣла двинуть противъ возставшаго народа. Переворотъ произошелъ съ такой быстротой и рѣшительностью, что многіе до сихъ поръ еще не оправились отъ неожиданности и говорятъ о февральскихъ событіяхъ, какъ о какомъ то «чудѣ» или сказочномъ «снѣ».

Дѣйствительно, дезорганизація, обнаруженная старой властью въ послѣдніе дни февраля, превзошла самыя оптимистическія ожиданія. Еще не успѣла революція заявить о себѣ ни однимъ печатнымъ обращеніемъ къ народу, еще стѣны домовъ и заборы Петербурга пестрѣли грозными прокламаціями генерала Хабалова,—а сочинитель этихъ свирѣпыхъ листковъ уже подкатывалъ на грузовикѣ къ зданію Государственной Думы при ликующихъ перекатахъ «ура». Еще далеко не всѣ полицейскіе пулеметчики, разсаженные Протопоповымъ по крышамъ и чердакамъ, были сняты революціонными патрулями,—а командиръ ихъ уже сидѣлъ въ «министерскомъ павильонѣ» и дрожащимъ голосомъ излагалъ «его превосходительству», А. Ф. Керенскому, планъ расположенія пулеметовъ, въ надеждѣ «чистосердечнымъ сознаніемъ» смягчить свою участь. 25 февраля Николай II подписалъ указъ о роспускѣ Государственной Думы,—черезъ пять дней ему пришлось подписать свое отреченіе отъ престола. Попытка спасти династію путемъ учрежденія регентства провалилась раньше, чѣмъ успѣла оформиться, и съ 3 марта 1917 года— т. е. ровно черезъ недѣлю послѣ первыхъ уличныхъ демонстрацій петроградскихъ рабочихъ — «государство Россійское» фактически стало республикой.

Прошли два мѣсяца послѣ этой революціонной «феерiи»— сказочное марево мало-по-малу разсѣивается, и подлинныя движущія силы революціи обрисовываются все болѣе отчетливо.

Революціонная «ситуація» опредѣленно намѣтилась еще въ октябрѣ прошлаго года. Уже тогда стало ясно, что правительство Николая и Александры Романовыхъ не пойдетъ даже на тѣ минимальныя уступки, которыя считала безусловно необходимыми имперіалистическая буржуазно-дворянская коалиція, сплотившаяся вокругъ думскаго «прогрессивнаго блока». Съ другой стороны, уже тогда хозяйственная разруха страны обострилась настолько, что существованіе рабочей массы стало невыносимымъ: голодныя забастовки охватили большинство

етербургскихъ заводовъ, десятки тысячъ рабочихъ демонстрировали на улицахъ, требуя «хлѣба» и «мира»,—причемъ тогда же ъ октябрѣ, отмѣчены отдѣльные случаи братанія рабочихъ съ олдатами, совмѣстныя выступленія ихъ противъ полиціи [1].

Но движеніе народныхъ массъ носило стихійный характеръ: ярко вспыхивало оно на нѣсколько дней, прокатывалась волнами безпорядочныхъ забастовокъ, случайныхъ митинговъ, импровизированныхъ демонстрацій, и потомъ снова замирало на продолжительное время. Напротивъ, движеніе цензовыхъ верховъ казалось прекрасно организованнымъ: общеземскій и общегородской союзы, военно-промышленные комитеты, земскія собранія и городскія думы наперерывъ выражали свое сочувствіе прогрессивному блоку, присоединяли свои голоса къ тѣмъ патетическимъ, полнымъ патріотической скорби и патріотическаго гнѣва, призывамъ, которые неслись съ каѳедры Государственной Думы. Пошатнулись и склонились въ сторону прогрессивнаго блока даже такіе столпы самодержавія, какъ звѣздоносцы Государственнаго Совѣта и объединенные дворяне. Мало того. Прогрессивному блоку удалось внести расколъ въ семью самихъ Романовыхъ; убійство Распутина послужило сигналомъ къ такъ называемому «великокняжескому заговору», къ которому, какъ увѣряли посвященные, примкнули почти всѣ ближайшіе родственники Николая Александровича. По слухамъ изъ «высоко освѣдомленныхъ источниковъ», заговорщики поставили своей цѣлью спасти династію Романовыхъ путемъ низложенія Николая и замѣщенія его регентомъ, который долженъ былъ выступить въ роли строго конституціоннаго монарха, т. е. возстановить силу манифеста 17 октября, присягнуть россійской конституціи и вручить власть «министерству общественнаго довѣрія», сформированному прогрессивнымъ блокомъ.

Успѣхъ дворцоваго переворота представлялся вполнѣ обезпеченнымъ. На какую либо поддержку со стороны демократическихъ слоевъ населенія Николай, разумѣется, не могъ разсчитывать. Всѣ цензовые элементы общества сплотились противъ него. Высшіе представители арміи демонстративно подчеркивали свое сочувствіе Думѣ. Что же касается военныхъ силъ, составляющихъ, такъ сказать, непосредственное окруженіе престола, т. е. въ первую голову, офицерства квартирующихъ въ столицѣ гвардейскихъ полковъ, то именно въ этой средѣ раздраженіе противъ царицы и царя было особенно сильно и проявлялось совершенно открыто.

На стражѣ интересовъ «возлюбленнаго монарха» осталась лишь ничтожная кучка черносотенныхъ блюдолизовъ и прихлебателей, среди которыхъ траги-комическая фигура авантюриста Протопопова являлась чуть ли не самой яркой и колоритной. При такихъ условіяхъ разъяснить Николаю необходимость отреченія не представляло ни малѣйшаго труда. Для того чтобы придать своимъ аргументамъ непререкаемую убѣдительность въ

[1] Такъ, на Выборгской сторонѣ солдаты Московскаго полка помогли рабочимъ разсѣять полицейскій патруль.

глазахъ царствующей четы, высокимъ заговорщикамъ достаточно было бы захватить съ собой въ царскосельскій дворецъ одну роту любого изъ гвардейскихъ полковъ.

Однако такого шага сдѣлано не было. Верховники XX столѣтія ограничивались почтительнѣйшими увѣщаніями, низкопоклоннѣйшими ходатайствами, слезницами, мольбами,—что, разумѣется, только укрѣпляло въ Николаѣ и его приближенныхъ иллюзію могущества и провоцировало черносотенную шайку къ новымъ и новымъ репрессіямъ.

Кульминаціоннаго пункта натискъ вѣрноподданныхъ революціонеровъ его величества достигъ въ декабрѣ, тотчасъ же послѣ убійства Распутина. Въ январѣ началось уже явное «успокоеніе». Великіе князья безропотно подчинились приказу оставить столицу и разъѣхались по высочайше назначеннымъ имъ мѣстамъ высылки. Дума собралась послѣ рождественскихъ каникулъ въ самомъ безнадежно подавленномъ настроеніи. О бравурныхъ мелодіяхъ октябрьскихъ дней не было и рѣчи.— Прогрессивный блокъ трещалъ по всѣмъ швамъ, и при томъ не только отъ сознанія своего политическаго безсилія, но и вслѣдствіе обострившихся классовыхъ противорѣчій между отдѣльными группами его участниковъ. Политика Риттиха, поставившаго своей цѣлью купить расположеніе землевладѣльцевъ цѣной окончательной дезорганизаціи продовольствія страны, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Риттихъ сталъ популярнѣйшимъ человѣкомъ въ аграрныхъ кругахъ. Предвкушеніе огромныхъ барышей быстро загасило въ сердцахъ помѣщичьей части прогрессивнаго блока священный пламень патріотической тревоги. Гнѣвныя морщины на челѣ земца-октябриста разгладились; «въ надеждѣ славы и добра» онъ удовлетворенно похлопывалъ себя по карману, открыто выражалъ свое восхищеніе Риттихомъ, ворчалъ на «дотринерскую» продовольственную программу блока, требовалъ полной отмѣны твердыхъ цѣнъ и возврата къ свободной хлѣбной торговлѣ.

Со стороны творцовъ блока требовались по-истинѣ героическія усилія, для того чтобы передъ лицомъ торжествующаго врага сохранить хотя бы внѣшнюю видимость «единаго фронта», хотя бы призракъ сплоченности въ средѣ кадетско-октябристской коалиціи. Тутъ съ полной ясностью обнаружилась вся поверхностность нашей имперіалистической оппозиціи самодержавію; какъ нельзя болѣе отчетливо вскрылись тѣ примитивные интересы наживы, которые прикрывались высоко-патріотической фразеологіей.

Мы до сихъ поръ еще не знаемъ, въ какой степени внѣшняя политика низвергнутаго правительства повинна въ тѣхъ грѣхахъ, въ какихъ обвиняли ее имперіалисты; до сихъ поръ еще не опубликованы документы, позволяющіе сказать съ увѣренностью, правда ли, что сподвижники Николая вели переговоры о сепаратномъ мирѣ, или же это только либерально-патріотическая гипотеза. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что даже перспектива сепаратнаго мира не останавливала наши имперіалисти-

ческія группы отъ сближенія съ правительствомъ на почвѣ солидныхъ подачекъ и кушей. Русскій патріотъ-завоеватель—позитивистъ до мозга костей: конечно, заманчиво, чортъ возьми, стать предводителемъ дворянства въ Кенигсбергской губерніи, обзавестись виноградникомъ на берегахъ Анатоліи, принять участіе въ раздѣлѣ Австріи; но все это—«Улита ѣдетъ, когда то будетъ!» А пока что, Риттиховская «синица въ руки» дороже царьградскаго «журавля въ небѣ». При такомъ уровнѣ гражданственности имперіалистическая оппозиція, сгруппировавшаяся вокругъ думскаго прогрессивнаго блока, естественно не могла представлять собой дѣйственной политической силы, несмотря на всѣ внѣшніе аттрибуты внушительной организованности.

Только внѣшній толчекъ могъ сдвинуть прогрессивный блокъ съ мертвой точки безсильнаго и безпринципнаго фрондерства, направленнаго не противъ стараго режима, какъ системы, а противъ отдѣльныхъ слугъ самодержавія, не внушавшихъ достаточнаго довѣрія къ своей патріотической благонадежности. Такимъ толчкомъ и явилась стихійная народная революція послѣднихъ дней истекшаго февраля. Я говорю «стихійная», потому что ни одна организація не можетъ приписать себѣ чести руководительства первыми днями революціи. Загнанныя въ подполье, ослабленныя провокаціей, революціонныя сплоченія петербургскаго пролетаріата были сравнительно очень малочисленны, и лишены всякой возможности развить широкую политическую дѣятельность. Попытка легально сорганизовать пролетаріатъ вокругъ рабочей группы военно-промышленнаго комитета также не удалась. Представители рабочихъ оказались плѣнниками тѣхъ имперіалистическихъ круговъ, въ среду которыхъ они были делегированы, для того чтобы отстаивать отнюдь не имперіалистическіе интересы и взгляды своихъ довѣрителей. Политика рабочей группы рѣшительно осуждалась не только большевистски настроенными рабочими, которые съ самаго начала высказались противъ посылки делегатовъ въ военно-промышленный комитетъ, но и самими избирателями рабочей группы—меньшевиками. Дѣло дошло до того, что во всѣхъ меньшевистскихъ районахъ была вотирована резолюція, приглашавшая рабочую группу сложить полномочія въ виду невозможности отстоять ту политическую платформу, которая была вручена ей при избраніи, въ качествѣ императивнаго мандата. Въ арміи, насколько мнѣ извѣстно, вовсе не было революціонныхъ организацій, если не считать отдѣльныхъ кружковъ, главнымъ образомъ, среди кронштадтскихъ матросовъ.

Однако, не только численная слабость, но также — и, быть можетъ, въ еще большей мѣрѣ, — чрезвычайная сложность и отвѣтственность момента мѣшала соціалистическимъ партіямъ дать рѣшительные тактическіе лозунги и развить вокругъ нихъ широкую агитацію. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ пріемы борьбы, которые съ успѣхомъ примѣнялись осенью 1905 года, могли оказаться гибельными для дѣла революціи весной 1917 года. Всероссійская фабричная и

желѣзнодорожная забастовка, оказавшаяся 11 лѣтъ тому назадъ такимъ могучимъ орудіемъ дезорганизаціи власти, при настоящихъ условіяхъ, при отсутствіи запасовъ продовольствія въ Петербургѣ и другихъ крупныхъ центрахъ, обрекла бы на полный голодъ и безъ того уже изголодавшихся рабочихъ, и такимъ образомъ грозила дезорганизовать революцію раньше, чѣмъ правительство. Кратковременныя мѣстныя забастовки и уличныя демонстраціи представлялись единственнымъ допустимымъ средствомъ массового давленія на власть при сложившихся условіяхъ. И къ этой формѣ революціоннаго протеста съ начала новаго года энергично призывали рабочихъ всѣ нелегальныя партіи, — а послѣ разгрома рабочей группы, и остатки легальной организаціи пролетаріата. Но никому, конечно, и въ голову не приходило, что трехдневныхъ манифестацій на улицахъ Петербурга будетъ достаточно, чтобы вызвать активное присоединеніе солдатъ къ возставшимъ рабочимъ и свалить монархію Романовыхъ. И когда это все-таки случилось, когда въ Таврическомъ дворцѣ, рядомъ съ думцами 4-го созыва собрался Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, а вокругъ дворца расположились полки революціонной арміи, — политическій смыслъ совершившагося переворота для многихъ еще оставался неяснымъ. Т. е. неясной являлась, собственно, лишь позиція арміи. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ ни въ комъ не могъ возбудить сомнѣній. Уже самый типъ этой революціонной организаціи пролетаріата свидѣтельствовалъ о томъ, что рабочіе вступаютъ въ революцію 1917 года съ тѣми же лозунгами, за которые они боролись въ 1905 году: гражданскія свободы, амнистія, учредительное собраніе, демократическая республика...

Но главную матерьяльную силу переворота составляли не рабочіе, а солдаты, покинувшіе своихъ офицеровъ, и, смѣшавшись съ революціонной толпой, въ однѣ сутки выбившіе самодержавіе изъ всѣхъ его укрѣпленныхъ позицій. Чего хочетъ эта многотысячная масса сѣрыхъ шинелей? Каковы ея лозунги? Примыкаетъ ли она къ общимъ требованіямъ республиканской русской демократіи, или же она возстала противъ стараго режима только потому, что, подобно имперіалистамъ, разувѣрилась въ его способности и рѣшимости довести войну до побѣднаго конца?

Члены прогрессивнаго блока въ первые дни революціи пытались исходить изъ второго предположенія. Временный комитетъ Государственной Думы отказывался признать демократическую платформу Совѣта Рабочихъ Депутатовъ и выдвигалъ учрежденіе регентства, какъ ультимативное требованіе. «Старое правительство дезорганизовало тылъ, ослабило оборону, искало выхода изъ критическаго положенія въ сепаратномъ мирѣ. — Мы возстановимъ порядокъ и поведемъ войну съ новой энергіей». Таковъ былъ смыслъ знаменитой радіотелеграммы Милюкова, адресованной: «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ». Таковъ же былъ смыслъ и тѣхъ многочисленныхъ рѣчей, съ которыми въ первые три дня революціи обращался Родзянко къ воинскимъ частямъ,

прибывавшимъ къ Государственной Думѣ. Солдаты выслушивали поученія Родзянки и кричали «ура». Но такъ какъ они еще болѣе восторженнымъ «ура» встрѣчали рѣчи представителей Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, которые говорили не только о возстановленіи порядка, но также о свободѣ, республикѣ, «землѣ и волѣ», —то «армія» продолжала оставаться сфинксомъ.

Роль Эдипа, заставившаго этого сфинкса раскрыть свою тайну, сыграло обращеніе къ солдатамъ, составленное Временнымъ Комитетомъ Думы въ ночь подъ 1 марта. Пишущему эти строки пришлось какъ разъ дежурить въ типографіи, когда туда прибыло для напечатанія это странное обращеніе. Въ немъ не было ни слова о новомъ строѣ, установленномъ революціей, объ обязанности солдатъ поддерживать этотъ строй и бороться съ его врагами. Авторъ воззванія обращался къ солдатамъ лишь съ двумя лаконическими предписаніями: вернуться въ казармы и повиноваться офицерамъ. Мы были очень смущены, получивъ отъ революціонной власти такого сорта документъ, а присутствовавшіе вмѣстѣ съ нами въ типографіи интеллигентные солдаты пришли прямо въ ужасъ; они умоляли насъ убѣдить Временный Комитетъ отказаться отъ опубликованія этого акта, совершенно резонно указывая, что солдатская масса неизбѣжно пойметъ его, какъ шагъ контръ-революціонный, какъ попытку запереть возставшіе полки въ казармахъ и выдать ихъ старой власти, обезоруживъ при помощи офицеровъ-сторонниковъ царскаго правительства. Напомнимъ, что дѣло происходило до знаменитаго собранія въ залѣ арміи и флота, послѣ котораго петербургское офицерство присоединилось къ революціи, а потому солдаты имѣли всѣ основанія считать скрывающихся по квартирамъ офицеровъ сторонниками прежняго режима.

Между тѣмъ поколебать убѣжденіе г. Родзянки и его сотрудниковъ въ мудрости и тактичности предпринятой ими мѣры оказалось не такъ то легко. Попытки сговориться по телефону ни къ чему не приводили. Члены Временнаго Комитета отказывались выслушивать какія-бы то ни было возраженія и торопили типографію съ печатаніемъ воззванія, необходимаго «для успокоенія арміи». Только къ утру кому-то удалось урезонить Временный Комитетъ и добиться отъ него распоряженія «пріостановить распространеніе воззванія». Но было уже поздно. Одинъ изъ думскихъ автомобилей успѣлъ уже захватить часть отпечатанныхъ экземпляровъ и раздать солдатамъ. Впечатлѣніе получилось какъ разъ такое, какого надо было ожидать: всеобщій взрывъ возмущенія. Однако революціонная армія обнаружила поразительную сдержанность и самообладаніе. Вмѣсто того, чтобы ринуться всей негодующей массой къ Таврическому дворцу, — что могло бы имѣть самыя печальныя послѣдствія, — солдаты быстро сорганизовались, выбрали представителей по одному отъ каждой роты и послали ихъ отстаивать свои требованія въ Думѣ. «Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ» превратился въ «Совѣтъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ», и первымъ актомъ этого

новаго представительства революціонной солдатской массы былъ знаменитый «Приказъ № 1».

Буржуазная печать до сихъ поръ еще не можетъ оправиться отъ того ошеломляющаго впечатлѣнія, которое произвелъ этотъ «приказъ». И до сихъ поръ еще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требуется привести особенно устрашающій примѣръ «двоевластія» и вообще «анархическихъ», «дезорганизующихъ» тенденцій нашей революціи, принято указывать на «приказъ № 1».

На приказъ такъ часто ссылались для запугиванія публики и такъ рѣдко цитировали его, что большинство уже забыло содержаніе этого страшнаго документа. А между тѣмъ содержаніе его— та самая декларація гражданскихъ правъ и воинскихъ обязанностей солдата «народной арміи», которая теперь офиціально признана и положена въ основу реорганизаціи нашихъ войскъ.

Въ «приказѣ» былъ, правда, одинъ неудачно формулированный пунктъ, гласившій о «выборности» командного состава, тогда какъ въ дѣйствительности имѣлось въ виду лишь право «отвода» по отношенію къ отдѣльнымъ офицерамъ, не внушавшимъ довѣрія солдатамъ. Пунктъ этотъ породилъ рядъ недоразумѣній, которыхъ могло бы не быть при болѣе тщательной редакціи. Но будущій безпристрастный историкъ, конечно, констатируетъ, что эти отрицательныя послѣдствія «приказа» совершенно ничтожны по сравненію съ той огромной положительной, *организующей* ролью, которую онъ сыгралъ въ ходѣ событій. «Приказъ № 1» сразу опредѣлилъ положеніе. Онъ обнаружилъ съ полной очевидностью, что перешедшая на сторону народа солдатская масса совершила не «бунтъ», а вполнѣ сознательную *революцію*, что армія глубоко демократична, проникнута республиканскимъ духомъ и отнынѣ ничьимъ слѣпымъ орудіемъ служить не можетъ. Цѣпляться за монархію стало невозможнымъ, и черезъ нѣсколько дней Временному Правительству пришлось выступить съ декларацией, въ которой наряду съ широкой амнистіей и немедленнымъ осуществленіемъ всѣхъ гражданскихъ свободъ дается обязательство въ кратчайшій срокъ созвать Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права.

Но вынужденные капитулировать передъ демократіей въ области чисто политической, цензовые элементы не сложили оружія. Наоборотъ, вся дальнѣйшая исторія двухъ первыхъ мѣсяцевъ русской революціи представляетъ собой напряженную борьбу цензоваго либерализма, сплачивающагося вокругъ временнаго правительства, съ органомъ революціонной демократіи, Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Перипетіи этой борьбы было бы излишне пересказывать: онѣ развертывались у всѣхъ на глазахъ и получили самое широкое освѣщеніе въ прессѣ всѣхъ оттѣнковъ, возродившейся въ началѣ марта, съ прекращеніемъ революціонной забастовки. Я ограничусь, поэтому, лишь подведеніемъ нѣкоторыхъ итоговъ этой далеко

еще не завершившейся борьбы и характеристикой создавшагося къ концу второго мѣсяца революціи общаго положенія.

Сплоченіе рабочихъ и солдатъ вокругъ Совѣта создало изъ демократіи такую могучую силу, что классовая политика капиталистовъ и помѣщиковъ какъ бы повисла въ воздухѣ, лишилась всякой физической опоры и защиты. Естественно, что главныя свои усилія буржуазія должна была направить на то, чтобы разъединить два элемента восторжествовавшей демократіи, посѣять рознь между арміей и пролетаріатомъ. И дѣйствительно, съ первыхъ же дней революціи въ арміи была широко поставлена агитація въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, солдатъ старались убѣдить, что фронтъ останется безъ снарядовъ, если будетъ проведенъ въ жизнь 8-ми часовой рабочій день и осуществятся другія соціальныя завоеванія пролетаріата,—съ другой стороны демократической военной политикѣ Совѣта, провозглашенной въ извѣстномъ воззваніи «къ народамъ всего міра», противопоставлялся имперіалистическій лозунгъ: война «до полной побѣды», до разгрома Германіи. Обѣ эти агитаціонныя кампаніи въ настоящее время можно признать законченными, обѣ онѣ потерпѣли полное фіаско. Темнота крестьянъ, одѣтыхъ въ солдатскія шинели, на которую, очевидно, разсчитывали сѣятели смуты, оказалась не такой уже безпросвѣтной, а главное—даже самые темные крестьяне-солдаты не склонны были вѣрить на слово новоявленнымъ печальникамъ объ интересахъ фронта, якобы предаваемаго рабочими. Многія воинскія части рѣшили самостоятельно обслѣдовать положеніе оборонной промышленности. Выборные отъ солдатъ обошли заводы и собственными глазами убѣдились въ томъ, что работа на оборону тормозится не рабочими, а недостаткомъ угля и топлива, и, вообще, дезорганизаціей промышленности, вина за которую падаетъ отнюдь не на рабочихъ, а на капиталистовъ и высшихъ руководителей нашимъ государственнымъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ, агитація, направленная непосредственно противъ рабочей демократіи, не только не имѣла успѣха, но быстро обратилась противъ самихъ ея иниціаторовъ и организаторовъ.

Больше результатовъ могла обѣщать, повидимому, вторая кампанія: попытка изолировать пролетаріатъ на почвѣ его интернаціоналистическихъ лозунговъ, попытка разжечь шовинистическія чувства среди арміи и возстановить ее противъ программы мира «безъ аннексій и контрибуцій». Ставка казалась настолько заманчивой, шансы выигрыша оцѣнивались настолько высоко, что наше буржуазное «общество» обнаружило несвойственную ему рѣшительность: были мобилизованы всѣ силы, пущены въ ходъ самыя крайнія средства, вплоть до крикливыхъ манифестацій 21 апрѣля, вызвавшихъ на улицахъ Петербурга призракъ гражданской войны. Но и эта карта была бита. Какъ разъ въ дни «конфликта» съ полной ясностью обнаружилось, что на сторонѣ Совѣта съ его мирной программой стоитъ не только рабочій классъ, не только петроградскій гарнизонъ, но и вся армія.

Было бы, однако, большой ошибкой, если бы русская демократія, убаюканная этими побѣдами, сочла свое дѣло окончательно выиграннымъ, свое положеніе вполнѣ обезпеченнымъ. Не надо скрывать отъ себя, что сила Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ покоится не на прочномъ фундаментѣ сознательнаго, организованнаго единства демократическихъ слоевъ народа, а на стихійной симпатіи между рабочими и солдатами, сблизившимися въ революціонные дни, и на стихійномъ же недовѣріи этой, все еще очень хаотической массы, къ «буржуямъ», т. е. къ барской чистой публикѣ. Пока эта подсознательная спайка еще достаточно крѣпка, она еще легко выдерживаетъ напоръ контръ - революціонной агитаціи. У насъ еще невозможно направить противъ рабочихъ штыки солдатъ, и новоявленные «республиканцы» кадетско - октябристскаго блока тщетно мечтаютъ объ инсценировкѣ на улицахъ Петербурга парижскихъ іюньскихъ разстрѣловъ. Но вѣдь до іюня еще далеко, нашей революціи всего два мѣсяца отъ роду, — и, если за это время сильно выросъ и упрочился въ массахъ авторитетъ Совѣта Р. и С. Д., то и оппозиція ему, безспорно, растетъ и крѣпнетъ. Подъ имперіалистскими знаменами «войны до полной побѣды» выступаютъ въ настоящее время не только тѣ сливки финансовой, промышленной и аграрной аристократіи, которыя непосредственно заинтересованы въ торжествѣ имперіализма, не только связанные съ ними круги высоко квалифицированной интеллигенціи, но и вся широкая масса мелкой «безпартійной» интеллигенціи, всѣ тѣ, кто хотя бы по внѣшности носитъ болѣе или менѣе «господскій » обликъ, вплоть до такихъ несомнѣнныхъ пролетаріевъ, какъ многіе банковскіе служащіе, конторщики, телефонистки и машинистки и т. п.

Словосочетаніе «несознательный интеллигентъ» звучитъ какъ логическое противорѣчіе, а между тѣмъ оно совершенно точно выражаетъ горькую истину. Политическая сознательность массового интеллигента нашихъ дней не выше, чѣмъ массоваго рабочаго и крестьянина. Великолѣпнымъ символомъ политической идеологіи нашего воинствующаго патріотизма были тѣ плакаты, которые несли передъ собой толпы правительственныхъ манифестантовъ 20 и 21 апрѣля. «Война до полной побѣды», «долой германскій милитаризмъ!» — на лицевой сторонѣ, обращенной впередъ, и, такъ сказать, къ исторіи; «Долой Ленинцевъ, арестовать Ленина!» — на тыльной сторонѣ, обращенной къ самимъ манифестантамъ. Тщетно пытались бы вы узнать, что собственно понимаютъ манифестирующіе подъ «полной побѣдой», почему они предпочитаютъ торжество англійскаго или американскаго имперіализма торжеству нѣмецкаго, какъ представляется имъ роль нашей экономически раззоренной родины въ кругу побѣдоносныхъ странъ высоко развитого капитализма. На всѣ эти вопросы вы получили бы одинъ стереотипный отвѣтъ: «долой Ленинцевъ, долой большевиковъ!» Причемъ, эти злокозненные большевики рисуются напуганному бульварной прессой воображенію интеллигента чѣмъто въ родѣ китайскихъ «большихъ кулаковъ», которые въ

...ія имперскія времена поднимали возстаніе противъ европейцевъ. Чего собственно хотятъ эти «большіе кулаки», европейскія газеты не сообщали, — извѣстно было лишь одно: что они стоятъ въ какой-то связи съ вооруженными отрядами, такъ называемыхъ, «тигровъ», которые носятъ для устрашенія противниковъ свирѣпыя размалеванныя маски и бросаются на врага гигантскими скачками, перепрыгивая черезъ свои собственныя копья.

Многіе видятъ въ событіяхъ текущихъ дней процессъ обостренной классовой дифференціаціи нашего общества. Къ сожалѣнію, это не такъ. Отчетливое сознаніе классовыхъ интересовъ, воплощеніе этихъ интересовъ въ строго продуманныя, планомѣрно осуществляемыя программы и платформы было бы дѣйствительнымъ преодолѣніемъ той анархіи, на которую въ настоящее время столько жалуются и справа, и слѣва. На дѣлѣ— передъ нами не сознательный процессъ классовой организаціи общества, а стихія безпорядочныхъ сплоченій на основѣ подсознательныхъ инстинктивныхъ чувствъ: инстинктивное недовѣріе къ человѣку въ котелкѣ съ одной стороны, инстинктивный страхъ передъ человѣкомъ въ картузѣ — съ другой.

Величайшимъ позоромъ для руководящихъ элементовъ нашей либеральной буржуазіи и, въ первую голову, для отвѣтственныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей партіи «народной свободы» является тотъ фактъ, что они, вмѣсто дѣйствительнаго выясненія своихъ политическихъ и соціальныхъ лозунговъ, пытаются лишь ловить рыбку въ мутной водѣ революціоннаго половодья, пригрѣваютъ подъ своимъ крылышкомъ самую разнузданную черносотенную агитацію, низводятъ свои печатные органы, когда-то блиставшіе порядочностью, до уровня самыхъ грязныхъ бульварныхъ листковъ.

Но и дѣятели лѣваго фланга несутъ не малую долю отвѣтственности за то, что группировка инстинктовъ такъ туго поддается у насъ оформленію и закрѣпленію силами ясной организующей мысли. Совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, безспорно, главная опора нашей демократической революціи, единственная надежда, что революція дѣйствительно будетъ доведена до конца. Но авторитетъ Совѣтовъ прочень лишь постольку, поскольку они опираются на сознательную поддержку политически организованныхъ народныхъ массъ, — это, казалось бы, аксіома. Между тѣмъ, политическія организаціи нашей демократіи все еще пребываютъ въ состояніи какого-то первозданнаго хаоса. Старыя фракціонныя и партійныя дѣленія въ рядахъ русскихъ соціалистовъ явно отжили свой вѣкъ. Огромное большинство нашихъ соціалистовъ признаетъ, что въ современной Россіи, какъ и во всемъ культурномъ мірѣ, единственное правомѣрное дѣленіе проходитъ по линіи, отграничивающей націоналистическій соціализмъ отъ интернаціоналистическаго. Совершенно очевидно, съ другой стороны, что линія этого водораздѣла не совпадаетъ съ партійными группировками, завѣщанными намъ исторіей, но разсѣкаетъ ихъ въ совершенно новомъ направленіи. И однако «большевики», «меньшевики»,

«соціалисты-революціонеры» — термины, потерявшіе всякое опредѣленное содержаніе, — продолжаютъ еще гипнотизировать умы. Единомышленники, разсаженные по этимъ обветшавшимъ клѣткамъ, не могутъ объединить свои силы въ общей организованной работѣ; принципіальные противники, запертые въ стѣнахъ тѣхъ же клѣтокъ, изнемогаютъ въ тщетныхъ поискахъ невозможной общей платформы, взаимно парализуютъ и нейтрализуютъ другъ друга.

Мы способны въ два дня пересмотрѣть программные и тактическіе лозунги, но у насъ не хватаетъ смѣлости предать забвенію «повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Между тѣмъ, революція не ждетъ. Революцію нельзя «укрѣплять», топчась на мѣстѣ. Кто не двигаетъ революцію впередъ, тотъ тащитъ ее назадъ. Однимъ изъ неотложнѣйшихъ, насущнѣйшихъ шаговъ, способныхъ закрѣпить революцію, подвигая ее впередъ, является европеизація и реорганизація нашихъ соціалистическихъ партій.

В. Базаровъ.

КЪ ВОПРОСУ О ПРОДОВОЛЬСТВІИ.

Новая Россія приняла отъ Романовской монархіи весьма тяжелое наслѣдство—войну и хозяйственную разруху. Быстрая и разумная ликвидація этого наслѣдства—единственный путь укрѣпленія политическихъ и соціальныхъ завоеваній революціи.

Въ длинномъ ряду неотложныхъ экономическихъ задачъ, стоящихъ передъ нашей молодой Республикой, едва ли не первое мѣсто занимаетъ организація продовольствія арміи и населенія. Будетъ хлѣбъ или нѣтъ,—это по меньшей мѣрѣ такъ же важно, какъ то, будетъ въ Германіи революція или нѣтъ.

Но можетъ ли быть у насъ теперь хлѣбъ, имѣются ли въ странѣ въ достаточномъ количествѣ явные и скрытые его запасы, это—основной вопросъ.

Управленіе дѣлами Особаго Совѣщанія по продовольствію отвѣчаетъ на него утвердительно.—Къ осени 1916 года въ Россіи имѣлось нереализованныхъ остатковъ урожаевъ трехъ предшествующихъ лѣтъ въ количествѣ свыше 500 милл. пудовъ. Свободные же запасы хлѣба и зерноваго фуража урожая 1916 года опредѣляются въ слѣдующихъ суммахъ: рожь—445.315 тыс. пуд., пшеница—262.932 т. п., ячмень—168.374 т. п., овесъ—207.752 т. п.; итого 1.084.373 тысячи пудовъ.

Такимъ образомъ, къ услугамъ арміи и населенія районовъ, ввозящихъ хлѣбъ, какъ будто имѣлся въ началѣ текущей продовольственной кампаніи колоссальный запасъ ржи, пшеницы и зерноваго фуража, въ общей суммѣ свыше одного милліарда

[1] Ниже приведенныя статистическія данныя позаимствованы авторомъ изъ различныхъ изданій Управленія дѣлами Особаго Совѣщанія по продовольствію.

шестьсотъ милліоновъ пудовъ. Для сужденія объ относительной значительности этихъ запасовъ достаточно напомнить, что въ среднемъ нашъ заграничный экспортъ въ предшествовавшее войнѣ пятилѣтіе не превышалъ цифры 600.000.000 пуд (для 4-хъ главнѣйшихъ хлѣбовъ). Принимая во вниманіе незначительный за время войны приростъ населенія въ Россіи и полное прекращеніе заграничнаго хлѣбнаго экспорта (если не считать сравнительно ничтожный вывозъ пшеницы въ нѣкоторыя союзныя страны), можно было бы утверждать, что хлѣба у насъ болѣе, чѣмъ достаточно, что не только мы сами обезпечены мукой и фуражемъ, но, при улучшеніи хлѣбозакупочной организаціи, мы оказались бы въ силахъ обезпечить до осени 1917 г. хлѣбное продовольствіе французовъ и англичанъ и поднять, такимъ образомъ, курсъ нашего рубля.

Красивыя перспективы! Однако, уже ранней осенью 1916 г. въ странѣ ощущался острый недостатокъ хлѣбовъ въ предложеніи. Представители вѣдомства указывали въ объясненіе этого факта на необычайно затянувшуюся распутицу, препятствовавшую вывозу хлѣба въ концентраціонные пункты и отчасти на пониженность твердыхъ цѣнъ, общественное-же мнѣніе усматривало причину недозаготовокъ въ неопредѣленномъ положеніи вопроса о твердыхъ цѣнахъ. Но въ началѣ февраля текущаго года, когда о распутицѣ не могло быть и рѣчи и когда вѣдомство, проведя срочно какъ разверстку, такъ и значительное повышеніе твердыхъ цѣнъ, казалось, осуществило всѣ необходимыя съ его точки зрѣнія улучшенія и торжественно заявило, что никакихъ дальнѣйшихъ колебаній въ цѣнахъ не будетъ, мы имѣли на рельсахъ все-же только около 17 милл. пудовъ. Все, что могло быть сдѣлано продовольственной организаціей въ рамкахъ бюрократическаго механизма, было сдѣлано, но усилія вѣдомства остались въ значительной степени тщетными.

Присмотримся прежде всего къ тѣмъ цифрамъ, которыми оперируетъ Управленіе дѣлами Совѣщанія по продовольствію.

Свободная наличность хлѣбовъ урожая 1916 г. опредѣляется изъ слѣдующихъ элементовъ: цифры посѣвной площади и средняго по губерніямъ валового сбора съ десятины различныхъ хлѣбовъ въ своемъ произведеніи даютъ цифру валового урожая; если отсюда отнять сумму хлѣба, необходимаго на обсѣмененіе полей будущаго с.-хоз. года, на прокормъ скота и продовольствіе населенія, то разность и представитъ собою свободный или рыночный запасъ хлѣба.

Не входя въ оцѣнку тѣхъ статистическихъ источниковъ, которыми пользовалось Управленіе дѣлами, и самаго метода исчисленія запасовъ, позволимъ себѣ привести лишь нѣсколько сопоставленій.

По даннымъ Всеросс. Сельскохозяйственной переписи, посѣвная площадь для ржи, пшеницы, овса и ячменя по Европ. Россіи равнялась 58.326.185 десятинамъ, по даннымъ-же Центральнаго Статистическаго Комитета—59.530.873 десятинамъ. Разница показаній въ 1.204.688 десят. или, въ отношеніи итога

переписи, + 3,8%. Для посѣвныхъ площадей отдѣльныхъ хлѣбовъ разница показаній въ %% выразится: для ржи + 6,0, пшеницы—1,3, ячменя,—1,0, овса+2,2. Показанія въ общихъ итогахъ площадей по отдѣльнымъ губерніямъ обнаруживаютъ болѣе рѣзкія расхожденія — отъ минусъ 27,9 до плюсъ 47,8, показанія же погубернскихъ итоговъ площадей отдѣльныхъ хлѣбовъ обнаруживаютъ прямо курьезныя разности—отъ минусъ 98,1 до плюсъ 59,9.

Если правильно заявленіе руководителя с.-х. переписи П. П. Румянцева, что переписью недоучтено отъ 5 до 15% площадей, то указанныя разности показаній въ отдѣльныхъ случаяхъ могутъ быть еще больше.

При наличности расхожденія итоговъ, у насъ нѣтъ и никакихъ основаній отдавать предпочтеніе показаніямъ одного источника передъ другимъ: если Ц. Ст. Комитетъ — учрежденіе архаическое, пользующееся среди статистиковъ плохой репутаціей, то и С.-х. перепись, проведенная спѣшно въ условіяхъ военнаго времени безъ серьезной предварительной подготовки, не можетъ внушить безусловнаго довѣрія.

Если принять во вниманіе абсолютныя величины нашихъ посѣвныхъ площадей, легко заключить, что даже самое незначительное процентное расхожденіе въ учетѣ ихъ даетъ, въ переводѣ на зерно, уменьшеніе или увеличеніе урожая во много милліоновъ пудовъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ учетомъ посѣвовъ въ Евр. Россіи. Еще меньше увѣренности внушаютъ данныя о площадяхъ посѣва въ Сибири, Приамурьи, Туркестанѣ и Закавказьи.

Обратимся къ учету урожайности. Средній валовой сборъ съ десятины по даннымъ земской текущей статистики и отдѣла Сельской Экономіи представляется для 1916 г. въ слѣдующемъ видѣ:

ХЛѢБА.	Число губерній, по которымъ производится сравненіе.	Средній валовой сборъ съ 1 каз. десятины въ 1916 г. по даннымъ: Земской текущей статистики, въ пудахъ.	Отдѣла Сельской Экономіи и С-х. Статист.: Въ пудахъ.	Отдѣла Сельской Экономіи и С-х. Статист.: Въ % % къ земскимъ дан.
Озимые.				
Рожь.	43	57	68	119,3
Пшеница. . . .	15	71	77	108,1
Яровые.				
Пшеница. . . .	14	30	43	141,6
Ячмень.	33	50	60	120,0
Овесъ	42	56	64	114,3
Гречиха	16	41	53	130,6
Просо	18	42	60	143,1

Если признать правильными данныя Отдѣла экономіи, какъ относящіяся къ сентябрю мѣсяцу, когда размѣры сбора могутъ считаться вполнѣ установленными, — получимъ одну цифру валового урожая, если-же принять за основаніе исчисленія показанія «близкихъ къ землѣ» земскихъ агентовъ, — получимъ другую цифру, значительно меньшую (на нѣсколько сотъ милліоновъ пудовъ!). Управленіе дѣлами беретъ изъ осторожности данныя земской статистики, но оговаривается, что учтенный на ихъ основаніи валовой урожай подлежитъ увеличенію примѣрно на 10%. При величинѣ урожая въ 3 ½ милліарда пудовъ 10-ти процентное увеличеніе дастъ 350 милл. пудовъ, иначе говоря, къ осени 1917 года мы будемъ имѣть хлѣбный излишекъ не въ 500, а 850 милл. пудовъ!

Гдѣ-же истина? На сколько выражаютъ ее тѣ или иныя данныя—мы не знаемъ. Оперируя весьма приблизительными величинами посѣвныхъ площадей и средняго по губерніямъ сбора хлѣбовъ съ десятины, Управленіе дѣлами продовольственнаго совѣщанія получило и весьма мало достовѣрную цифру валового сбора хлѣбовъ. Возможно, что Россія собрала прошлой осенью не 3.522 милліона пудовъ, а значительно больше или меньше. Повторяемъ, самыя ничтожныя отклоненія отъ истины въ показателяхъ площадей посѣва или подесятиннаго урожая даютъ въ конечномъ итогѣ сотни милліоновъ пудовъ зерна—и совершенно спутываютъ всѣ расчеты и продовольственные планы.

При всемъ томъ, вычисленіе валового урожая имѣетъ подъ собой все-таки нѣкоторую почву. По крайней мѣрѣ по отношенію Европейской Россіи общая цифра урожая все-же въ какой-то степени приближается къ дѣйствительности. Этого нельзя сказать, къ сожалѣнію, о статистическихъ изслѣдованіяхъ Управленія дѣлами относительно продовольственныхъ, кормовыхъ и сѣменныхъ нормъ Россіи, произведенныхъ г. г. Демосфеновымъ и Долинскимъ. Въ объемистомъ великолѣпно изданномъ томѣ ихъ «матеріаловъ» можно отыскать много интересныхъ компиляцій о водномъ и желѣзнодорожномъ транспортѣ хлѣбовъ, но въ немъ нѣтъ убѣдительнаго отвѣта на основной вопросъ авторовъ: какова-же, дѣйствительно, норма потребленія хлѣбовъ для каждой губерніи Россіи.

Вообще говоря, утилизація хлѣба внутри данной губерніи равняется валовому сбору съ посѣвной площади этой губерніи плюсъ импортъ и минусъ экспортъ хлѣбовъ другихъ губерній. Авторы «матеріаловъ» пошли этимъ именно путемъ, не считаясь, однако, съ тѣмъ, что, если мы имѣемъ чрезвычайно шаткія данныя о валовомъ урожаѣ, то данныя о транспортированіи у насъ никуда не годятся. Въ частности, гужевыя перевозки хлѣба у насъ совсѣмъ не регистрируются, хотя играютъ не малую роль во внутреннемъ хлѣботорговомъ механизмѣ. Естественно, что полученныя въ результатѣ кропотливыхъ вычисленій погубернскія нормы утилизаціи хлѣба (продовольствіе населенія, прокормъ скота и обсѣмененіе полей) чрезвычайно подозрительны. Но г. г. Демосфеновъ и Долинскій не удовольствовались выведе-

ніемъ абсолютной цифры, имъ зачѣмъ-то понадобились по-губернскія суммы урожая, ввоза, вывоза и утилизаціи (въ этотъ послѣдній итогъ входятъ, какъ мы видѣли, три элемента, изъ коихъ два—сѣмена и прокормъ скота—никакого отношенія къ человѣческимъ «душамъ» не имѣютъ) дѣлить на число жителей данной губерніи, причемъ получилось нѣсколько поучительныхъ графъ вродѣ: вывозъ на 1 душу населенія, ввозъ на 1 дес. нас., урожай на 1 д. нас., потребленіе (т. е. общая утилизація. Н. О.) на 1 д. насел. Изъ этой послѣдней графы беремъ наудачу нѣсколько цифръ для пшеницы и ржи и, для наглядности, «потребительные» итоги представляемъ въ %%:

ГУБЕРНІИ.	Утилизація на 1 душу населенія.			
	Пшеница.	Рожь.	ИТОГО.	
	Въ пудахъ.			Въ %%.
Минская	1.48	10.51	11.99	122.6
Витебская	1.89	9.72	11.61	118.7
Пензенская	1.38	16.86	18.24	186.5
Тамбовская . . .	0.75	11.89	12.64	129.2
Таврическая . . .	9.49	3.01	12.60	129.2
Херсонская . . .	8.20	1.58	9.78	100.0
Кубанская	20.40	2.33	22.73	232.4
Ставропольская . .	26.06	0.45	26.51	271.0

Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, умѣстно классическое: «комментаріи излишни». Г. г. Демосфеновъ и Долинскій, распредѣляя по душамъ то, что до сихъ поръ распредѣлялось лишь по десятинамъ земли и головамъ скота, безспорно, обогатили статистику новыми методами...

Итакъ, весьма приблизительная цифра валового урожая минусъ фантастическая цифра общей утилизаціи даетъ намъ въ итогѣ нѣкоторую величину, именуемую «свободный запасъ хлѣба». Какъ мы видѣли, этотъ запасъ равенъ 1.084.378 тысячамъ пудовъ (для главнѣйшихъ хлѣбовъ). Строго распредѣленная по губерніямъ вывоза, эта цифра явилась основаніемъ операціоннаго закупочнаго плана министра земледѣлія на 1916 г. — 1917 г. Исходя изъ вычисленныхъ вышеуказаннымъ способомъ по-губернскихъ излишковъ, представитель Управленія дѣлами П. П. Румянцевъ аргументировалъ передъ уполномоченными по закупкамъ на августовскомъ съѣздѣ о полной возможности выполненія наряда на армію и населеніе ввозящихъ губерній. Его аргументы не возымѣли, однако, должнаго дѣйствія, и нарядъ былъ разверстанъ всего на 40 %, причемъ подавляющее большинство уполномоченныхъ высказывалось въ томъ смыслѣ, что свободные запасы хлѣба исчислены преувеличенно. Реализація

наряда обнаружила, что скорѣе были правы уполномоченные, чѣмъ г. Румянцевъ.

Съ легкой руки продовольственнаго вѣдомства принято утверждать, что запасы хлѣба у насъ значительны, но находятся въ скрытомъ состояніи. Если принять на вѣру данныя Управленія дѣлами и считать свободные остатки хлѣба на 1916—1917 г. въ количествѣ около 2 миллiардовъ пудовъ (1.084 милл. урожая 1916 г. плюсъ 500 милл. остатки урожаевъ прежнихъ лѣтъ, плюсъ 350 милл., падающихъ на недоучетъ посѣвныхъ площадей и урожайности 1916 г.), если, далѣе, имѣть въ виду, что армейскій нарядъ текущаго операціоннаго года выполненъ не болѣе, чѣмъ на 50%, а по планамъ снабженія населенія погружено никакъ не свыше 30%, то можно думать, что въ мартѣ мѣсяцѣ мы имѣемъ главнѣйшихъ хлѣбовъ около 1½ миллiардовъ пудовъ... въ скрытомъ состояніи. Но гдѣ-же эти колоссальные запасы? Вѣдь скрытое состояніе хлѣба совсѣмъ не то же, что скрытое состояніе теплоты...

Правильнѣе было бы положить въ основаніе всѣхъ продовольственныхъ мѣропріятій слѣдующее предположеніе: никакихъ особыхъ излишковъ хлѣба у насъ нѣтъ, потому что, съ одной стороны, сокращеніе запашекъ[1] и большая небрежность засѣва, съ другой стороны, все возраставшій на рынкѣ недостатокъ предметовъ сельскаго обихода повели къ значительному сокращенію рыночныхъ запасовъ хлѣба. Мы не склонны придавать самостоятельнаго значенія многочисленнымъ заявленіямъ о повышеніи потребленія хлѣба самими хлѣбопроизводителями: если такое повышеніе и наблюдается въ дѣйствительности, то оно обусловливается общимъ разстройствомъ рынка. Вѣроятно, въ силу указанныхъ причинъ, излишекъ хлѣбовъ перваго года войны—1914—былъ всецѣло потребленъ въ слѣдующемъ же, 1915 году, и никакихъ «переходящихъ суммъ» хлѣба къ концу 1915 года у насъ уже не было, почему исчисленія Управленія дѣлами накопившихся въ странѣ экспортныхъ избытковъ трехъ лѣтъ приходится признать призрачными. Если мы имѣемъ излишки хлѣбовъ, то лишь отъ прошлаго урожая и въ размѣрахъ, не превышающихъ нашей потребности въ хлѣбѣ до урожая текущаго года. Отсюда слѣдуетъ, что какой бы то ни было отпускъ хлѣба или зернового фуража за границу до осени 1917 г. недопустимъ.

* * *

Какъ бы печально ни обстояло дѣло съ запасами хлѣба въ странѣ, — мы поставлены въ необходимость дотянуть до новаго урожая, использовавъ по возможности экономно то, что имѣемъ. Весь вопросъ сводится практически къ выявленію и концентраціи разсѣянныхъ по отдѣльнымъ хозяйствамъ запасовъ и къ

[1] По даннымъ Центр. Стат. Комитета, общее сокращеніе посѣва 1915 года въ отношеніи средней за пятилѣтіе 1908—1913 г. равняется 6%, въ отношеніи 1914 года — 8,5%. Изъ отдѣльныхъ хлѣбовъ наибольшее сокращеніе посѣва — 15% — пшеницы.

строго регламентированному уравнительному распредѣленію хлѣбнаго фонда. Принимая во вниманіе эти общія задачи хлѣбной политики, необходимо отнестись отрицательно ко всякой попыткѣ возстановленія «свободной игры интересовъ» на хлѣбномъ рынкѣ: частная инициатива выявитъ хлѣбные запасы лишь постольку, поскольку это будетъ нужно для безграничнаго вздуванія цѣнъ, и распредѣлитъ эти запасы не въ мѣру потребности, а въ мѣру платежеспособности граждан. Свободная игра конкурренціи будетъ имѣть послѣдствіемъ значительное увеличеніе государственныхъ расходовъ (отъ переплатъ на хлѣбъ для арміи) и голоданіе необезпеченныхъ слоевъ населенія.

Быть можетъ, нѣкоторыхъ «практическихъ» политиковъ эти сопутствующія явленія и не устрашатъ, какъ не устрашали они ех-министра Протопопова. Однако, существуетъ серьезное опасеніе и въ томъ отношеніи, справится-ли частный хлѣботорговый аппаратъ съ задачей снабженія страны и арміи даже при условіи чрезвычайнаго поощренія за счетъ государственнаго казначейства и обывательскаго кошелька.

Война, отвлекая изъ частныхъ хозяйствъ рабочія силы, подрывая всѣ установившіяся связи обмѣна, комиссіи и кредита, затрудняя транспортированіе грузовъ, закрывая одни рынки сбыта и создавая другіе, потрясаетъ въ самыхъ основаніяхъ капиталистическій организмъ. Война выдвигаетъ передъ частнымъ хозяйствомъ много такихъ задачъ, съ которыми можетъ справиться и которыя пожелаетъ разрѣшить лишь публично-правовая организація, предпринимательскій-же капиталъ, одушевленный однимъ единственнымъ стремленіемъ—къ прибыли—разрѣшеніе ихъ найдетъ для себя невыгоднымъ. Война-же создаетъ въ ряду милліоновъ распыленныхъ потребителей новаго потребителя, чрезвычайно мощнаго экономически и имѣющаго достаточно физическихъ и моральныхъ силъ, чтобы всю страну заставить служить своимъ интересамъ. Этотъ потребитель — государство. Какими бы своекорыстно-классовыми инстинктами ни была проникнута государственная власть, она принуждена *въ извѣстный моментъ* и при извѣстныхъ условіяхъ возвыситься до пониманія общенародныхъ интересовъ и, вопреки своимъ затаеннымъ классовымъ желаніямъ, дѣлать дѣло демократіи, потому что, отступивъ отъ этого пути, не измѣнивъ своимъ прежнимъ симпатіямъ, она сама ставитъ надъ собой крестъ, рискуетъ быть сметенной стихійнымъ движеніемъ, ею-же самою вызваннымъ.

Государственное вмѣшательство въ экономическую жизнь необходимо въ цѣляхъ 1) наилучшаго и недорогого удовлетворенія нуждъ самого государства (особенно въ цѣляхъ снабженія арміи боевыми и продовольственными припасами), 2) поддержанія народнаго хозяйства на уровнѣ предъявляемыхъ къ нему страною требованій, 3) устраненія пауперизма и вырожденія среди широкихъ народныхъ массъ, 4) въ цѣляхъ правильнаго распредѣленія, интенсификаціи и въ то же время экономіи народнаго труда. Всѣ воюющія страны проводятъ, заблаговре-

менно или съ опозданіями, эти принципы въ жизнь. На путь государственной регламентаціи производства и распредѣленія вступила и наша государственная власть съ перваго года войны. Мѣры, проводимыя прежнимъ правительствомъ въ области сельскаго хозяйства,—всѣмъ извѣстны, здѣсь достаточно будетъ лишь кратко ихъ перечислить.

Журналомъ совѣта министровъ 1 авг. 1914 г. закупка хлѣба и фуража для арміи была возложена на министерство земледѣлія, такъ какъ у правительства не было увѣренности, что наше пресловутое интендантство, въ условіяхъ современной войны, справится съ задачей снабженія.

Общіе вопросы заготовки перешли такимъ образомъ къ одному изъ самыхъ толковыхъ министровъ того времени—А. В. Кривошеину и его помощнику Г. В. Глинкѣ, непосредственная же заготовка и закупка хлѣба была возложена на мѣстныхъ дѣятелей изъ крупныхъ цензовиковъ—членовъ законодательныхъ палатъ и земскихъ дѣятелей.

Указомъ 17 февраля 1915 г. наше правительство встало опредѣленно на путь государственной регламентаціи хлѣбнаго рынка, предоставивъ начальникамъ военныхъ округовъ, по соглашенію съ уполномоченными закупочнаго органа, губернаторами и чинами госуд. контроля, устанавливать твердыя цѣны на хлѣбъ (только при закупкѣ на армію), разрѣшать реквизиціи хлѣба и объявлять запрещеніе вывоза изъ даннаго района тѣхъ или иныхъ хлѣбовъ.

Эта мудрая государственная мѣра немедленно дала свои плоды: вся Россія превратилась въ нѣчто, напоминающее средневѣковую Европу, гдѣ безчисленныя городскія республики и феодальныя помѣстья отгораживались другъ отъ друга таможенными рогатками и отличались чрезвычайной пестротой цѣнъ. — Въ губерніяхъ земледѣльческихъ образовались залежи хлѣба, въ губерніяхъ-же ввозящихъ ощущался часто острый недостатокъ въ продовольствіи и фуражѣ. Каждый губернаторъ стремился въ мѣру своихъ экономическихъ познаній регулировать хлѣбный рынокъ и устанавливать цѣны на продукты.

Актъ 17 февраля, продиктованный совершенно вѣрными соображеніями, вылился на практикѣ, благодаря своей недоговоренности и вслѣдствіе специфическихъ условій управленія, въ административный шаржъ и можетъ быть оцѣненъ лишь съ точки зрѣнія административныхъ пріемовъ XVIII столѣтія.

Въ теченіе лѣта 1915 года уже окончательно выявился какъ общій хаосъ на сельско-хоз. рынкѣ, такъ и значительный недостатокъ продуктовъ, въ особенности фуража, во многихъ районахъ Россіи. Необходимы были какія-то чрезвычайныя мѣры организованнаго общегосударственнаго характера прежде всего въ области «объединенія и согласованія» безпорядочной практики военныхъ и гражданскихъ установленій. Вступленіе на путь планомѣрнаго государственнаго вмѣшательства было признано какъ общественными, такъ и бюрократическими кругами очередной

задачей, главнымъ образомъ, въ виду затягивающагося военнаго кризиса.

17 августа 1915 года было утверждено проведенное черезъ Гос. Думу и Гос. Совѣтъ положеніе о четырехъ особыхъ совѣщаніяхъ—по оборонѣ, перевозкамъ, топливу и продовольствію.

Либеральные круги возлагали на эти совѣщанія не малыя надежды—увы! — не оправдавшіяся.

Общая организація продовольственнаго дѣла, съ момента проведенія указаннаго закона, вылилась въ слѣдующія формы.

Во главѣ стояло Особое Совѣщаніе по продовольственному дѣлу изъ представителей законодательныхъ палатъ, нѣкоторыхъ общественныхъ организацій и вѣдомствъ подъ предсѣдательствомъ министра земледѣлія. Совѣщаніе разсматривало предварительно всѣ важные вопросы (твердыя цѣны, реквизиція, планы заготовокъ и распредѣленія и т. п.), но не рѣшало ихъ, право же рѣшенія фактически оставалось за министромъ земледѣлія. Закупки и заготовки с.-х. продуктовъ сосредоточивались въ рукахъ двухъ главноуполномоченныхъ (на правахъ товарищей министра) — одинъ по хлѣбу, зерновому фуражу, сахару и соли, другой—по жирамъ, рыбѣ, мясу, сѣну, овощамъ и т. п. Каждая изъ этихъ двухъ закупочныхъ организацій имѣла на мѣстахъ своихъ районныхъ уполномоченныхъ и ихъ помощниковъ, при которыхъ дѣйствовали губернскія и уѣздныя продовольственныя совѣщанія изъ представителей земствъ, городовъ и вѣдомствъ. Прошлой осенью предполагалось создать даже волостныя совѣщанія, но на скромный проектъ гр. Бобринскаго наложила свое veto К-о Протопоповъ—Курловъ — Бѣлецкій. Независимо отъ уполномоченныхъ по закупкамъ, снабженіемъ населенія вѣдали особые районные уполномоченные предсѣдателя продовольственнаго Совѣщанія (обыкновенно губернаторы и градоначальники). При этихъ уполномоченныхъ также состояли совѣщанія по выясненію потребностей и запасовъ продовольствія и способовъ распредѣленія продуктовъ среди населенія.

Съ момента образованія Особаго Совѣщанія по продовольствію централизація продовольственнаго дѣла, казалось, обезпечивалась. На дѣлѣ, однако, получилось иное. Во-первыхъ, какъ интендантское вѣдомство, такъ и безчисленныя фронтовыя власти совсѣмъ не сочли себя устраненными отъ закупокъ и обязанными передъ главноуполномоченными продовольственнаго вѣдомства какимъ бы то ни было отчетомъ. Во-вторыхъ, г.г. губернаторы, генералъ-губернаторы, Кавказскій намѣстникъ, наказные атаманы, командующіе войсками, даже, сами уполномоченные Министерства Земледѣлія отнюдь не отказывали себѣ и въ дальнѣйшемъ въ наложеніи въ той или иной формѣ запретовъ на вывозъ хлѣба. Всякаго рода вѣдомственныя традиціи и приличія препятствовали министру земледѣлія дѣйствовать энергично; впрочемъ, временщики на креслѣ министра земледѣлія не всегда отдавали себѣ и отчетъ въ томъ, куда толкаетъ ихъ стихія войны. Въ-третьихъ, роль продовольственнаго

вѣдомства въ отношеніи снабженія арміи кончалась съ момента погрузки хлѣба въ адресъ базиснаго или продовольственнаго армейскаго магазина. Какъ этотъ хлѣбъ расходовался въ нѣдрахъ арміи, вѣдомство не интересовалось. Неудивительно поэтому, что интендантство, съ одобренія ставки, давало иногда явно преувеличенные наряды (про запасъ!), неудивительно, что прибытіе хлѣба на фронты часто не соотвѣтствовалъ ни емкости складочныхъ помѣщеній, ни дѣйствительной потребности арміи... Интендантство осталось тѣмъ, чѣмъ было!.. Въ четвертыхъ, населеніе до самаго послѣдняго времени предоставлено было собственной своей инціативѣ и къ услугамъ хлѣбныхъ спекулянтовъ. Центральный продовольственный органъ ограничивалъ свою задачу лишь выдачей единичныхъ нарядовъ на хлѣбъ, да скупымъ удовлетвореніемъ ходатайствъ мѣстныхъ самоуправленій о ссудахъ изъ госуд. казначейства или о гарантіяхъ ссудъ въ частныхъ банкахъ на веденіе продовольственныхъ операцій.

Только съ осени 1916 г. вѣдомство сочло себя вынужденнымъ спланировать всѣ случайныя заготовки муки и зерна для населенія и выработать ежемѣсячныя нормы ввоза и вывоза продовольственныхъ грузовъ въ отношеніи каждой губерніи. Въ связи съ распространеніемъ твердыхъ цѣнъ на всѣ сдѣлки хлѣбнаго рынка, руководители Управленія дѣлами Совѣщанія составили еще въ іюлѣ-августѣ мѣсяцѣ минувшаго года слѣдующую схему продовольствія населенія: 1) въ районахъ производства хлѣба и въ районахъ мукомолья ни одна сдѣлка на зерно или муку не можетъ совершиться безъ контроля соотвѣтствующаго уполномоченнаго по закупкамъ хлѣба и съ его разрѣшенія. Уполномоченный по закупкамъ (или особый уполномоченный по мукомолью) долженъ контролировать всѣ мельничные запасы зерна и весь выходъ муки на мельницахъ своего района. 2) Уполномоченный по продовольствію (или мукомолью) можетъ ввести въ свой районъ, а уполномоченный по закупкамъ (мукомолью)— выпустить изъ своего района лишь такое количество муки и зерна, какое предусмотрѣно утверждаемымъ въ центрѣ на каждый мѣсяцъ планомъ снабженія. 3) Вся частная торговля хлѣбомъ можетъ существовать лишь подъ контролемъ и какъ агентура уполномоченныхъ продовольственнаго вѣдомства и должна строго руководствоваться при закупкѣ хлѣба—твердыми цѣнами, а при продажѣ—таксами (или твердыми цѣнами).

Планъ снабженія населенія, построенный на этихъ основаніяхъ, долженствующихъ утвердить почти полную государственную хлѣбную монополію, вступилъ въ дѣйствіе съ ноября 1916 года. Однако, хаосъ на мѣстахъ отъ этого не уменьшился.—Контроль уполномоченныхъ за выходомъ муки на мельницахъ и за закупочными операціями агентовъ хлѣботорговыхъ фирмъ остался въ значительной степени лишь на бумагѣ: одни уполномоченные не хотѣли осуществить свои контрольныя права, другіе не могли, за недостаткомъ рабочаго персонала, взять на себя надзоръ за хлѣб-

нымъ обмѣномъ. Самую схему плановаго снабженія, построеннаго на принципѣ твердыхъ цѣнъ и хлѣбной монополіи, Управленіе дѣлами Продовольственнаго Совѣщанія представляло себѣ въ такомъ видѣ: уполномоченный по закупкамъ можетъ все назначенное планомъ количество зерна и муки отпустить изъ своихъ, закупленныхъ силами своей организаціи, запасовъ и погрузить это количество въ адресъ соотвѣтствующихъ уполномоченныхъ по продовольствію; если же уполномоченный по закупкамъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи необходимыхъ хлѣбныхъ запасовъ, онъ долженъ допустить въ свой районъ для самостоятельныхъ закупокъ агентовъ соотвѣтствующихъ уполномоченныхъ по продовольствію, оказать имъ возможное содѣйствіе въ отысканіи и пріобрѣтеніи партій хлѣба, контролируя всѣ заключаемыя ими съ продавцами сдѣлки и не разрѣшая закупку хлѣба сверхъ указаннаго планомъ для каждой данной губерніи количества. Уполномоченный по продовольствію, получивъ утвержденный центральнымъ органомъ мѣсячный планъ снабженія своей губерніи, запрашиваетъ уполномоченныхъ по закупкамъ тѣхъ губерній, откуда назначено по плану полученіе хлѣба, погрузятъ ли эти уполномоченные все плановое количество хлѣба изъ своихъ запасовъ или допустятъ его агентовъ къ непосредственнымъ закупкамъ на мѣстахъ. Въ зависимости отъ отвѣта, отвѣтственность за выполненіе плана остается на уполномоченныхъ по закупкамъ районовъ вывоза, или же перелагается на уполномоченнаго по продовольствію района ввоза (въ томъ случаѣ, если агенты этого уполномоченнаго дѣйствительно допущены къ закупкамъ хлѣба въ районахъ вывоза).

Управленіе дѣлами рекомендовало уполномоченнымъ по продовольствію быть осмотрительными въ выборѣ своихъ агентовъ, назначая таковыми представителей лишь тѣхъ общественныхъ или частныхъ организацій и торговыхъ фирмъ, которыя дѣйствительно вѣдаютъ снабженіемъ населенія ихъ губерній. Однако, этотъ совѣтъ принимался къ свѣдѣнію и руководству далеко не всѣми представителями продовольственнаго вѣдомства. Достаточно указать на эпопею петроградскаго уполномоченнаго—градоначальника Оболенскаго. Свидѣтельства на право закупокъ часто выдавались хлѣбнымъ спекулянтамъ и инымъ темнымъ личностямъ и котировались на хлѣбныхъ биржахъ по сходной цѣнѣ. Этимъ отчасти объясняется тотъ рѣзкій протестъ противъ допущенія къ закупкамъ агентовъ уполномоченныхъ по продовольствію, съ которымъ обратились въ центръ почти всѣ уполномоченные по закупкамъ. Всѣ соотвѣтствующія депеши этихъ уполномоченныхъ содержали одно и то же указаніе: появленіе подобныхъ агентовъ совершенно подорветъ правительственную закупочную организацію и уничтожитъ твердыя цѣны. Необходимо принять во вниманіе еще одно—у большинства уполномоченныхъ по продовольствію въ ихъ губерніяхъ не было никакой распредѣлительной организаціи, такъ что опытныхъ хлѣбныхъ агентовъ они не могли имѣть.

Съ момента опубликованія перваго продовольственнаго

плана (на ноябрь)—и изъ мѣсяца въ мѣсяцъ въ дальнѣйшемъ—получилось весьма печальное положеніе: уполномоченные по закупкамъ хлѣбныхъ губерній не грузили въ адреса уполномоченныхъ по продовольствію назначенныя по плану партіи хлѣба, ссылаясь на недостатокъ запасовъ для удовлетворенія даже срочныхъ армейскихъ нарядовъ, и не допускали агентовъ продовольственныхъ уполномоченныхъ къ непосредственной закупкѣ хлѣба. Уполномоченные же по продовольствію не имѣли права грузить хлѣбъ тамъ, гдѣ его удавалось (конечно, не по твердымъ цѣнамъ) закупить. Если принять во вниманіе, что постоянство связи губерніи ввоза съ губерніями вывоза не соблюдалось, а изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, по произволу чиновниковъ центральнаго органа, взаимоотношенія губерній мѣнялись, если имѣть въ виду, далѣе, что недогрузы одного мѣсяца въ слѣдующемъ мѣсяцѣ не пополнялись, недогрузы же эти были чрезвычайно велики (весьма часто всѣ 100%), что назначенныя планомъ къ ввозу въ данную губернію количества хлѣба сплошь и рядомъ не соотвѣтствовали дѣйствительной потребности этой губерніи,—для насъ будетъ ясно, къ чему приводятъ въ полицейскомъ государствѣ самыя благія мѣры.—При *такой* хлѣбной монополіи населеніе только потому не умерло съ голода, что достаточно было хлѣбныхъ торговцевъ, умѣвшихъ во время «дать», и достаточно желѣзнодорожныхъ и полицейскихъ агентовъ, умѣвшихъ, гдѣ нужно и сколько нужно «взять»!.. Взятка—эта единственная наша конституціонная гарантія при старомъ режимѣ—и въ данномъ случаѣ сыграла свою спасительную роль корректива къ правительственнымъ мѣропріятіямъ.

Въ заключеніе этого спѣшнаго и по необходимости безсистемнаго обзора продовольственныхъ мѣръ необходимо остановиться на пресловутыхъ твердыхъ цѣнахъ. Твердая цѣна для всѣхъ мѣновыхъ сдѣлокъ *въ капиталистическомъ* обществѣ—nonsens, твердая цѣна на какую-нибудь одну опредѣленную группу товаровъ—это или простое лишеніе данной отрасли промышленности ея монопольнаго положенія и доведеніе предпринимательской прибыли данной группы капиталистовъ до нормальнаго уровня [1], или же низведеніе % на капиталъ къ еще меньшей величинѣ, почти до нуля.

Если въ первомъ случаѣ нѣтъ основанія опасаться бѣгства капитала изъ «таксированной» области, то во второмъ случаѣ такое опасеніе вполнѣ обосновано, и, наряду съ установленіемъ такихъ, съ предпринимательской точки зрѣнія, очень низкихъ цѣнъ, придется создавать какія-то гарантіи противъ запустѣнія регламентированнаго производства, иначе говоря, вступить на путь постепенной или «революціонной» національзаціи.

Еще сложнѣе обстоитъ дѣло съ установленіемъ твердыхъ цѣнъ на предметы производства не капиталистическаго, а потребительнаго (ремесленнаго, крестьянскаго) хозяйства: неумѣ-

[1] Въ наши дни этотъ «нормальный уровень» иной разъ выражается въ 300%!

лая политика регламентаціи цѣнъ здѣсь ведетъ обыкновенно не къ закрытію «предпріятія», а къ рѣзкому ухудшенію благосостоянія (иногда очень широкихъ) народныхъ массъ. Такъ какъ національзировать многіе милліоны потребительскихъ хозяйственныхъ ячеекъ немыслимо, то представляется необходимымъ организовать для такихъ хозяйствъ широкую общественную и государственную помощь въ смыслѣ предоставленія дешеваго инвентаря, сѣмянъ, удобреній (для ремесленниковъ — сырья) и производственнаго кредита.

Если государство, устанавливая твердыя цѣны, не желаетъ или не можетъ взять на себя выполненіе указанныхъ выше задачъ (въ конечномъ счетѣ національзація капиталистическаго хозяйства и помощь потребительному хозяйству), тогда и самыя твердыя цѣны нужно признать полицейской фантазіей, покушеніемъ съ негодными средствами, тогда полезнѣе будетъ наладить налоговый прессъ для выкачиванія изъ предпринимателей ихъ монопольныхъ или «нормальныхъ» барышей.

Исторія твердыхъ цѣнъ отъ Глинки до Риттиха какъ нельзя лучше иллюстрируетъ справедливость извѣстной поговорки навыворотъ: «что нѣмцу здорово, то русскому смерть». Надо ли говорить, что Романовскій режимъ ни мало не безпокоился о поддержаніи сельскаго хозяйства, что всѣ соціальные эксперименты продовольственныхъ чиновниковъ являлись лишь слѣдствіемъ двухъ фактовъ—недостатка хлѣба въ арміи и недостатка денегъ въ государственномъ сундукѣ. Недостатокъ средствъ диктовалъ попытки ограничить хлѣбную спекуляцію, велъ къ установленію твердыхъ цѣнъ, а слабый ходъ заготовокъ и недогрузы принуждали «колебать принципъ твердыхъ цѣнъ». Классическій примѣръ этой двойной игры въ государственную регламентацію явилъ собою А. А. Риттихъ. Характерно, что въ первые два года военныхъ заготовокъ твердыя цѣны издавались только для сдѣлокъ съ казной, и лишь осенью 1916 г. подъ вліяніемъ того, что хлѣбъ началъ упорно уплывать изъ подъ рукъ уполномоченныхъ въ частный оборотъ, твердыя цѣны были распространены на всѣ сдѣлки, какъ съ казной, такъ и частныя; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, частная торговля была поставлена de jure всецѣло подъ контроль уполномоченныхъ Министерства Земледѣлія. Выше мы уже показали, во что вылился продовольственный планъ вѣдомства. Читатель помнитъ, вѣроятно, какъ въ декабрѣ, ради праздниковъ, хлѣбные торговцы получили хартію вольностей по цѣнамъ и «скорость артиллерійскихъ снарядовъ» по транспорту, какъ въ январѣ твердыя цѣны франко станція или пристань превратились въ твердыя цѣны франко амбаръ, какъ былъ повышенъ комиссіонный процентъ прасоламъ и скупщикамъ и т. п. На протяженіи полутора мѣсяцевъ министерства Риттиха отъ твердыхъ цѣнъ осталось одно воспоминаніе. Но читатель вѣроятно не знаетъ, что многіе, уполномоченные вѣдомства, еще задолго до Риттиха успѣли похоронить твердыя цѣны и, вмѣсто контроля надъ частными сдѣлками,

придерживались въ отношеніи торговцевъ дружественнаго нейтралитета.

Еще одно замѣчаніе.—Во всѣхъ актахъ правительства твердыя цѣны именуются *предѣльными*. Однако, рынокъ воспринималъ ихъ всегда, какъ *нормальныя*, и быстро къ нимъ подтягивался, хотя для этого и не существовало часто объективныхъ предпосылокъ. Но вѣдомство земледѣлія хорошо знало, что оно дѣлало: экономія въ средствахъ казначейства и продовольствіе арміи—это высокіе мотивы, но это не все,—въ кабинетѣ его высокопревосходительства учитывался и еще одинъ моментъ—доходъ аграрія...

* * *

Итакъ, 1) имѣющееся въ странѣ количество хлѣба не можетъ быть съ точностью учтено на основаніи предшествующихъ статистическихъ изслѣдованій, 2) стихійный регуляторъ производства и распредѣленія хлѣба—частная торговля—разстроенъ и не можетъ быть возстановленъ, 3) государственная регламентація хлѣбнаго рынка носила при старомъ режимѣ характеръ случайнаго вмѣшательства, разсчитаннаго на устраненіе нѣкоторыхъ частныхъ явленій и, создавая сомнительную экономію въ государственныхъ расходахъ, усугубляла хлѣбную спекуляцію за счетъ частнаго потребителя.

Гдѣ же выходъ?

Переживаемое нами героическое время требуетъ героическихъ средствъ, и поскольку буржуазные классы Россіи обнаруживаютъ необычайную вялость и колебанія въ разрѣшеніи политическихъ или экономическихъ задачъ сегодняшняго дня, къ разрѣшенію такихъ задачъ должна приступить россійская демократія, съ присущими ей рѣшительными методами дѣйствія. Было бы непростительной, граничащей съ самоубійствомъ, ошибкой оставить буржуазіи свободныя руки и устраниться съ арены соціальнаго строительства, руководствуясь лишь доктринерскими, отвлеченно-политическими соображеніями о характерѣ нашей февральской революціи.

Въ области продовольственнаго вопроса очередныя задачи демократіи можно представить приблизительно въ такомъ видѣ:

1. Намъ необходимо обезпечить будущій урожай, иначе говоря, необходимо принять мѣры къ запашкѣ и засѣву всѣхъ пригодныхъ земель. Какъ бы ни разрѣшился въ будущемъ вопросъ о землевладѣніи и землепользованіи, государство должно теперь же воздѣйствовать на всѣхъ собственниковъ земель въ томъ смыслѣ, чтобы Россія получила осенью максимумъ зерна. Необходимо позаботиться о снабженіи сельскаго хозяйства инвентаремъ, сѣменами и рабочей силой, необходимо направить на с.-х. работы тыловыя части войскъ и всѣхъ тѣхъ гражданъ, которые дѣлаютъ лишь то, что обременяютъ собою народное хозяйство. Проведеніе хотя бы—частичной гражданской службы намъ кажется необходимымъ шагомъ.

Весь новый урожай долженъ быть объявленъ еще на корню собственностью государства.

Проведеніе всѣхъ мѣръ по обезпеченію и съемкѣ будущаго урожая представляется необходимымъ передать новымъ мѣстнымъ самоуправленіямъ, при условіи широкой финансовой поддержки правительства на правахъ ссудъ въ счетъ оплаты будущаго урожая.

2. Мы считаемъ совершенно неотложной мѣрой предоставленіе сельскому хозяйству всего необходимаго товарнаго эквивалента хлѣба въ видѣ инструментовъ, матеріаловъ, с-хоз. орудій, тканей, обуви и проч. Заготовка и распредѣленіе этихъ товаровъ можетъ быть проведена успѣшно лишь черезъ союзы кооперативовъ и демократическихъ земствъ. Представляется необходимымъ цѣлый рядъ промышленныхъ предпріятій передать на тѣхъ или иныхъ условіяхъ такимъ союзамъ, причемъ финансированіе этихъ предпріятій могли бы взять на себя союзы кредитныхъ кооперативовъ, Государственный Банкъ и, на извѣстныхъ условіяхъ, частныя кредитныя учрежденія.

3. Намѣченный еще при старомъ режимѣ планъ снабженія населенія только черезъ уполномоченныхъ, при которыхъ частная хлѣбная торговля играетъ лишь роль агентовъ со строго фиксированнымъ вознагражденіемъ, необходимо реально провести въ жизнь, реформировавъ на демократическихъ началахъ самый институтъ уполномоченныхъ. Намъ думается, безспорно и то положеніе, что распредѣленіе хлѣба среди населенія должно находиться отъ начала до конца подъ контролемъ мѣстнаго самоуправленія. Лучше всего съ задачей распредѣленія могли бы справиться потребительскія общества, на образованіе и инструктированіе которыхъ необходимо обратить нашимъ новымъ муниципалитетамъ самое серьезное вниманіе. Но кооперативовъ у насъ недостаточно, поэтому приходится обращаться къ услугамъ частныхъ лавокъ. Однако, во избѣжаніе злоупотребленій, является очередной задачей образованіе особой лавочной инспекціи, агенты которой могли бы слѣдить за тѣмъ, соотвѣтствуетъ ли количество получаемой лавочникомъ отъ продовольственнаго органа муки количеству выпеченнаго хлѣба, а это послѣднее—количеству карточныхъ талоновъ (предполагается, что введеніе карточной системы совершенно неизбѣжная мѣра). При такихъ условіяхъ, ни одинъ фунтъ хлѣбъ не можетъ быть проданъ «изъ-подъ полы».

4. Нельзя забывать, наконецъ, того, что ежемѣсячно страна ввѣряетъ десятки и даже сотни милліоновъ пудовъ хлѣба интендантству. Какъ этотъ хлѣбъ расходуется, воруютъ ли интенданты, хорошо ли и экономно ли они распредѣляютъ хлѣбъ въ арміи—этого страна не знаетъ. На интендантство необходимо обратить самое серьезное вниманіе. Выборныя хозяйственныя организаціи въ войсковыхъ частяхъ—это лишь самое маленькое изъ того, что надо сдѣлать въ области обновленіе организаціи, снабжающей армію.

Выдвинутые нами вопросы не новы, конечно, но съ новыми средствами надо приступить къ разрѣшенію ихъ. Въ этомъ, въ новизнѣ средствъ и въ смѣлости и послѣдовательности проведенія

продовольственныхъ реформъ—залогъ разрѣшенія хлѣбнаго вопроса (по крайней мѣрѣ, въ условіяхъ и въ мѣру запросовъ сегодняшняго дня). Путемъ простыхъ декларацій о твердыхъ цѣнахъ или о принадлежности всего хлѣба государству дѣлу не помочь...

Мы выставили здѣсь только практическіе тезисы. Соціально политическій смыслъ перечисленныхъ мѣръ подлежитъ особому обсужденію.

* * *

Наши замѣчанія были уже закончены, когда послѣдовало со стороны Временнаго Правительства изданіе актовъ объ образованіи мѣстныхъ продовольственныхъ органовъ, монополизаціи хлѣбнаго обмѣна и реквизиціяхъ. Кромѣ того, Министерство Земледѣлія предполагаетъ провести мѣры по открытію Государственнымъ Банкомъ кредитовъ кооперативнымъ организаціямъ и имѣетъ въ виду повысить твердыя цѣны на хлѣбъ.

Во главѣ продовольственнаго дѣла каждой губерніи (области) поставленъ, согласно новому закону, губернскій продовольственный комитетъ изъ представителей: губернскаго земства (3), городского самоуправленія губерн. города (3), земскаго и Городского союзовъ и Военно-Промышленнаго Комитета (по 1-му) организаціи рабочихъ (4) и крестьянъ (4) кооперативовъ (6), губернскихъ с.-х. обществъ (2), биржевыхъ комитетовъ (3).

Исполнительнымъ органомъ комитета является избираемая имъ продовольственная управа и предсѣдатель комитета, который, въ то же время, считается и уполномоченнымъ Министра Земледѣлія. Какъ члены управы, такъ и предсѣдатель могутъ избираться и не изъ среды самого комитета.

По такому же принципу строятся уѣздные, волостные, городскіе и столичные продовольственные комитеты.

Для объединенія дѣятельности нѣсколькихъ волостныхъ или нѣсколькихъ уѣздныхъ комитетовъ или вмѣсто тѣхъ и другихъ могутъ быть образованы районные продовольственные комитеты, а для направленія работъ нѣсколькихъ губернскихъ комитетовъ (но не вмѣсто нихъ) можетъ быть организованъ изъ представителей губернскихъ комитетовъ особый областной продовольственный комитетъ, и предсѣдатель его будетъ ео ipso уполномоченнымъ министра земледѣлія для всей данной области.

Компетенція губернскихъ продовольственныхъ комитетовъ очерчена весьма неопредѣленно: § 1 закона гласитъ: «Губернскіе (областные) продовольственные комитеты завѣдуютъ продовольственнымъ дѣломъ и организаціей с.-хоз. производства въ предѣлахъ губерніи (области) въ соотвѣтствіи съ дѣйствующими узаконеніями и распоряженіями центральной власти». § 12 нѣсколько разъясняетъ предѣлы «распоряженій центральной власти», возлагая на губернскій комитетъ «исполненіе нарядовъ... для нуждъ арміи и населенія и представленіе свѣдѣній о положеніи продовольственнаго дѣла и объ обезпеченности населенія предметами первой необходимости». Законъ обязываетъ комитеты устанавливать условія и порядокъ сдачи хлѣба въ казну, проводить реквизиціи, регулировать путемъ таксъ цѣны на пред-

меты первой необходимости, устанавливать порядокъ распредѣленія продуктовъ между мѣстнымъ населеніемъ, давать заключенія по поводу ходатайствъ о ссудахъ и гарантіяхъ займовъ на веденіе продовольственныхъ операцій, регулировать гужевую повинность (въ порядкѣ закона 3/II 1916 г.), принимать мѣры къ снабженію сельскаго хозяйства инвентаремъ и средствами производства. По смыслу закона, на обязанности комитетовъ лежитъ, очевидно, и обезпеченіе сельскаго хозяйства рабочими руками.

Компетенція уѣздныхъ, волостныхъ и районныхъ продовольственныхъ комитетовъ опредѣляется ихъ ролью подсобныхъ (освѣдомительныхъ и исполнительныхъ) органовъ въ отношеніи губернскихъ комитетовъ. Что же касается продовольственныхъ комитетовъ городскихъ и столичныхъ, то права и обязанности таковыхъ аналогичны правамъ и обязанностямъ губернскихъ комитетовъ, за исключеніемъ, конечно, исполненія нарядовъ центральной власти и регулировки твердыхъ цѣнъ (но не таксъ).

Основной недостатокъ новаго закона объ организаціи закупки и распредѣленія продовольственныхъ продуктовъ это— полное устраненіе органовъ самоуправленія отъ дѣла, которое, казалось бы, является ближайшей обязанностью этихъ органовъ. Но въ условіяхъ сегодняшняго дня, этотъ недостатокъ превращается въ большое достоинство: наше цензовое земство и плутократическія городскія думы остаются пока что въ неприкосновенности и представляютъ собою не что иное, какъ оплотъ политической и соціальной реакціи. Было бы нецѣлесообразно (и нетактично) передать продовольствіе и закупки въ руки *такого* самоуправленія. Но коль скоро г. министръ президентъ рѣшится, наконецъ, посягнуть на эти реликвіи и сдать въ архивъ Леляновыхъ, Рапповъ, Челноковыхъ и имъ подобныхъ, когда Россія будетъ имѣть, наконецъ, демократическіе муниципальные органы,—встанетъ немедленно вопросъ если и не о полномъ устраненіи продовольственныхъ комитетовъ, то о самой тѣсной координаціи работъ этихъ комитетовъ и мѣстнаго самоуправленія.

Необходимо отмѣтить еще одно: непонятно, на какой предметъ допущено представительство въ губернскомъ комитетѣ такихъ организацій, какъ земскій и городской союзъ, губернскія с.-х. общества и биржевые комитеты. При наличіи представителей губернскаго земства и городской думы губ. города,—представительство союзовъ какъ будто отпадаетъ, далѣе—всѣмъ извѣстно, что представляютъ собою почти всѣ губернскія с.-х. общества—это жалкія цензовыя организаціи, обслуживавшія, поелику возможно, на казенныя субсидіи интересы аграріевъ; наконецъ, при введеніи хлѣбной монополіи, что можетъ дать комитету представитель торговцевъ? Все это, по нашему мнѣнію, искусственное усиленіе цензоваго представительства въ комитетѣ—и только.

Законъ о хлѣбной монополіи чрезвычайно кратокъ: весь хлѣбъ (рожь, пшеница, ячмень, овесъ, крупы, бобовые и проч.),

за исключеніемъ запаса необходимаго для обсѣмененія полей и продовольствія, принадлежащихъ къ данному хозяйству лицъ, а также для прокорма скота, объявляется собственностью государства и подлежитъ сдачѣ агентамъ продовольственнаго комитета по твердой цѣнѣ франко станція (пристань). Подробныя условія и сроки сдачи опредѣляются губернскимъ прод. комитетомъ, ему же предоставляется и точное опредѣленіе не подлежащихъ отчужденію продовольственныхъ нормъ. Залоговое право на хлѣбъ отмѣняется. Собственникъ обязуется объявить по первому требованію комитета о своихъ хлѣбныхъ запасахъ и сдать таковые въ установленный срокъ пріемщикамъ комитета. Сокрытый хлѣбъ подлежитъ реквизиціи и оплачивается въ половинной стоимости.

Такая кара должна быть признана слишкомъ мягкой въ тѣхъ случаяхъ, когда хлѣбъ скрывается изъ спекулятивныхъ соображеній.

Законъ о хлѣбной монополіи необходимо привѣтствовать но, повторяемъ, государство, остановившись передъ закромомъ собственника, рискуетъ остаться въ будущемъ безъ хлѣба, монополія хлѣбнаго обмѣна должна повести отъ закрома въ поле, къ регулированію хлѣбнаго производства; и въ первую очередь необходимо озаботиться, чтобы хлѣбопроизводитель получилъ эквивалентъ зерна не въ видѣ радужныхъ бумажекъ, а въ видѣ инвентаря, продуктовъ питанія (напр., сахаръ) и предметовъ обихода.

Возможно, что твердыя цѣны на хлѣбъ подлежатъ увеличенію. Однако, необходимо помнить одно:. никакое увеличеніе цѣнъ на продукты первой необходимости не страшно, если, съ одной стороны, исправно, какъ хорошій барометръ, дѣйствуетъ прогрессивно-подоходный налогъ, съ другой стороны прочны и широко развѣтвлены профессіональныя организаціи служащихъ и рабочихъ и кооперативы потребителей.—Недопустимо, чтобы хлѣбная монополія послужила новымъ налогомъ для трудового крестьянства, но недопустимо и то, чтобы въ демократической странѣ имѣли мѣсто бѣшеныя спекулятивныя прибыли на капиталъ. Необходимо позаботиться, чтобы увеличеніе хлѣбныхъ цѣнъ компенсировалось уменьшеніемъ прибавочной стоимость капиталистовъ...

Н. Орловъ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРІАТА.

Экономическія взаимоотношенія между различными классами общества до сихъ поръ нормировались и всегда будутъ нормироваться съ точки зрѣнія реальной силы. До сихъ поръ эта сила была всегда на сторонѣ промышленниковъ, особенно трестированныхъ и синдицированныхъ, и они безапелляціонно диктовали пролетаріату свою волю и въ смыслѣ оплаты труда и въ смыслѣ продолжительности рабочаго дня. Теперь отношенія перемѣнились. Пролетаріатъ, свергнувъ власть Николая Романова, остался подъ ружьемъ, чутко прислушиваясь ко всему, происходящему въ странѣ... Промышленники отлично понимаютъ, что въ рукахъ пролетаріата громадная сила и, какъ реальные политики, серьезно считаются съ этой силой. Чувствуя, что нѣкоторыя позиціи отстоять уже нельзя, они сдаютъ ихъ безъ боя. Такой побѣдой пролетаріата несомнѣнно является завоеваніе восьмичасового рабочаго дня.

Введеніе 8-ми часового рабочаго дня всегда было основнымъ требованіемъ пролетаріата, такъ какъ, работая только 8 часовъ въ сутки, рабочіе имѣютъ время для политической, общественной и личной жизни. А это для нихъ, какъ гражданъ, является насущной потребностью. Въ значительной степени побѣда революціоннаго народа обезпечена ихъ усиліями и они хотятъ воспользоваться ея плодами. Они хотятъ сознательной жизни, дающей имъ возможность существовать, а не прозябать. Психологически немыслимо было, чтобы послѣ этой блестящей побѣды, одержанной революціонной арміей и пролетаріатомъ, послѣдній согласился бы на прежнія условія труда. Наиболѣе передовые слои рабочихъ-металлистовъ давно и неизмѣнно добивались сокращенія рабочаго дня. Теперь они нашли общій языкъ съ рабочими другихъ отраслей промышленности и предъявили общее для нихъ всѣхъ безъ исключенія требованіе—восьмичасового рабочаго дня.

Послѣ революціи первыми по постановленію Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ приступили къ работѣ печатники. Это было вполнѣ понятно и логично. Страна горячо ждала извѣстій о происходившемъ, и ея желаніе, даже больше—ея законное требованіе—необходимо было удовлетворить. Рабочіе типографій—печатники, наборщики и пр.—приступили къ работамъ при категорическомъ условіи 8-ми часового рабочаго дня и воскреснаго отдыха, безъ пониженія заработка.

Это требованіе было исполнено безъ возраженія со стороны промышленниковъ и владѣльцевъ типографій. Затѣмъ на очередь всталъ вопросъ о возобновленіи работъ на фабрикахъ и заводахъ. Въ самомъ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ

по этому поводу возникли извѣстныя разногласія. Часть Совѣта опасалась, что осуществленіе 8-ми часового рабочаго дня въ настоящихъ условіяхъ можетъ вызвать экономическую борьбу между предпринимателями и пролетаріатомъ. Печальный опытъ 1905 года, когда въ Петроградѣ тоже былъ проведенъ революціоннымъ путемъ 8-ми часовой рабочій день, заставлялъ многихъ подходить къ этому вопросу съ сугубой осторожностью. Тогда въ 1905 году введеніе 8-ми часового рабочаго дня послужило сигналомъ къ объединенію буржуазіи съ правительствомъ и къ походу на организованныхъ рабочихъ. Опасаясь повторенія этого, особенно же усиленія контръ-революціи, болѣе умѣренные элементы Совѣта предлагали на время отказаться отъ проведенія 8-ми часового рабочаго дня и отложить его практическое разрѣшеніе до тѣхъ поръ, пока укрѣпится дѣло свободы.

Между тѣмъ рабочіе на мѣстахъ смотрѣли на этотъ вопросъ иначе. Они не хотѣли ждать осуществленія своей завѣтной мечты въ будущемъ и отъ великой и героической революціонной борьбы хотѣли немедленныхъ осязательныхъ результатовъ. Рабочіе начали проводить на заводахъ 8-ми часовой рабочій день революціоннымъ путемъ. Они чувствовали себя сильными и были увѣрены въ уступкахъ промышленниковъ. И, дѣйствительно, противиться этому революціонному порыву было нельзя... Промышленники признали безполезность и невозможность борьбы съ пролетаріатомъ въ настоящихъ условіяхъ. По соглашенію между Обществомъ Заводчиковъ и Фабрикантовъ съ одной стороны и Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, съ другой—восьмичасовой рабочій день безъ пониженія заработковъ, введенъ для всѣхъ предпріятій Петрограда. Это было большой уступкой промышленниковъ и первой серьезной экономической побѣдой рабочаго класса. Еще раньше эта революціонная реформа была осуществлена на казенныхъ орудійныхъ, патронныхъ и прочихъ заводахъ. Такимъ образомъ первая экономическая схватка между трудомъ и капиталомъ закончилась блестящей побѣдой пролетаріата.

Такія же вѣсти принесъ телеграфъ изъ Москвы, Одессы, Ревеля и другихъ городовъ. Однако, дѣло еще нельзя считать законченнымъ.Остались еще ремесленныя предпріятія, на которыя не распространялся договоръ между промышленниками и пролетаріатомъ, остаются еще города и цѣлыя области, остается, наконецъ, вся деревенская Русь, пе затронутая этой революціонной реформой. Разрозненная борьба за восьмичасовой рабочій день въ настоящее время нежелательна съ точки зрѣнія общихъ интересовъ свободы. Рабочіе тѣхъ предпріятій, гдѣ эта реформа еще не осуществлена, будутъ стремиться въ большіе центры, въ которыхъ рабочіе пользуются этой привиллегіей, и этимъ создадутъ армію безработныхъ, понизивъ вмѣстѣ съ тѣмъ заработки. Кромѣ того, такимъ образомъ, создастся аристократія труда, а это раскалываетъ единую армію пролетаріата и съ точки зрѣнія общепролетарскихъ интересовъ безусловно недопустимо.

Завоеваніе 8-ми часового рабочаго дня должно быть осуществлено безъ борьбы. Примѣръ этому данъ и необходимо довести дѣло до конца тѣмъ же путемъ. Временное Правительство подъ давленіемъ организованнаго представительства революціонной арміи и пролетаріата, въ лицѣ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, должно издать декретъ о введеніи во всѣхъ отрасляхъ труда восьми-часового рабочаго дня, т.-е. провести его законодательнымъ путемъ. Починъ и иниціативу въ этомъ дѣлѣ долженъ взять въ свои руки Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, который можетъ разработать этотъ вопросъ во всероссійскомъ масштабѣ, съ практической и технической стороны...

Другимъ не менѣе важнымъ вопросомъ являются заработки. До сихъ поръ они неизмѣнно отставали отъ дороговизны, о чемъ говорила и дѣйствительность и цифры статистическихъ отчетовъ. Если бы сократить рабочій день съ 10—12 часовъ до 8 часовъ, не увеличивъ въ то же время заработковъ, то это сильно могло бы понизить жизненную норму пролетаріата. Во избѣжаніе этого въ договорахъ съ представителями промышленности проводилась мысль о томъ, что рабочіе за 8-ми часовой рабочій день должны получать такую же заработную плату, какъ раньше за десятичасовой рабочій день. Этотъ же принципъ долженъ быть положенъ въ основу при законодательномъ проведеніи 8-ми часового рабочаго дня.

Эта реформа, конечно, нѣсколько задѣнетъ доходы промышленности и сократитъ то обогащеніе, которое имѣло мѣсто въ послѣдніе годы и достигло невѣроятныхъ размѣровъ. (См. «Лѣтопись», Январь 1917 г. «Военныя прибыли»).

Сохраненіе старыхъ нормъ оплаты, конечно, не означаетъ отказа отъ дальнѣйшей агрессивности рабочихъ въ смыслѣ повышенія ихъ заработковъ. До сихъ поръ въ экономическую борьбу, даже въ свободную игру спроса и предложенія, очень часто для поддержки промышлениковъ вмѣшивалось полицейское государство. Теперь этого нѣтъ, и рабочіе скорѣе смогутъ добиться извѣстныхъ уступокъ и болѣе равномѣрнаго и справедливаго повышенія заработной платы въ соотвѣтствіи съ дороговизной.

Разумѣется эта агрессивность можетъ быть проявлена лишь при непремѣнномъ условіи организованности пролетарскихъ массъ. Въ настоящее время онѣ обладаютъ большой революціонной энергіей и порывомъ, но все еще представляютъ пока изъ себя людскую пыль, лишь объединяющуюся въ процессѣ строительства. Это строительство рабочей демократіи и является насущной ея необходимостью. Прежде, чѣмъ идти дальше, необходимо сплотиться и организоваться. Возможность для этого налицо. Пролетаріатъ можетъ пока безпрепятственно организовываться въ профессіональные союзы, въ партіи и кооперативы. Онъ можетъ при помощи этихъ организацій производить давленіе на своихъ классовыхъ противниковъ, добиваясь расширенія экономическихъ завоеваній.

Восьмичасовой рабочій день является только первымъ

этапомъ на пути осуществленія рабочей соціалистической программы и въ будущемъ возможна новая борьба за дальнѣйшее сокращеніе рабочаго времени. Ожидать этого въ ближайшемъ будущемъ, конечно, нельзя. Скорѣе даже возможны другія перспективы. Кончится война. Въ связи съ этимъ прекратятся военные заказы, пріостановятъ, или даже прекратятъ свою дѣятельность многіе заводы и придется проводить демобилизацію промышленности. Съ фронта хлынутъ милліоны рабочихъ, которые будутъ искать приложенія своего труда на заводахъ. Они составятъ милліонную армію безработныхъ, продающихъ свой трудъ за безцѣнокъ... Тогда будетъ возможно покушеніе промышленниковъ на восьмичасовой рабочій день. Ихъ не удержитъ тогда и то, что онъ уже будетъ проведенъ къ тому времени во всей Россіи законодательнымъ путемъ. Для нихъ, какъ и вообще для всѣхъ борющихся классовъ, законъ обязателенъ лишь постолько, поскольку онъ является выраженіемъ существующей реальной силы. Если она будетъ на сторонѣ промышленниковъ, они постараются добиться своего. Помѣшать этому, или, по крайней мѣрѣ, препятствовать, съ успѣхомъ могутъ различныя организаціи пролетаріата. Возможность такого рода покушеній пролетаріату слѣдуетъ предвидѣть и теперь уже готовить силы для борьбы. Организаціи пролетаріата и въ прошломъ имѣли извѣстное вліяніе на взаимоотношенія между трудомъ и капиталомъ, тѣмъ серьезнѣе ихъ значеніе теперь. По существу пролетаріатъ можетъ предъявлять извѣстныя экономическія требованія лишь тогда, когда онъ организованъ и силенъ. Безъ этого экономическая борьба является опасной и нежелательной. Между тѣмъ на очереди стоитъ очень важный вопросъ установленія минимальнаго заработка.

Въ Россіи, при отсутствіи статистическихъ данныхъ и изслѣдованій установленіе минимума заработной платы особенно трудно. Этимъ вопросомъ въ первую очередь придется заняться вспомогательнымъ органамъ пролетарскихъ организацій (Отдѣлъ Труда при Исполнительныхъ Комитетахъ, спеціальные отдѣлы при профессіональныхъ союзахъ и пр.). Разница въ заработкахъ въ различныхъ профессіяхъ и областяхъ труда слишкомъ значительна, несправедлива и бросается въ глаза. Кромѣ того, вслѣдствіе непрекращающагося роста цѣнъ на всѣ предметы первой необходимости, создается несоотвѣтствіе между заработной платой и стоимостью жизни. Если до войны рабочіе могли еще обезпечить весьма скромный минимумъ существованія, то въ процессѣ ея это дѣлалось все труднѣе и жизненный уровень ихъ неизмѣнно падалъ. Низшія категоріи рабочихъ живутъ все бѣднѣе и бѣднѣе.

Минимумъ средствъ существованія опредѣлить весьма трудно, тѣмъ болѣе, что, какъ уже говорилось, онъ не можетъ носить неизмѣннаго характера и при ростѣ дороговизны долженъ повышаться. Учитывая ея ростъ, пролетаріатъ можетъ установить этотъ минимумъ существованія для каждой области или мѣстности, въ зависимости отъ существующихъ отношеній. Кромѣ того,

можно выработать опредѣленный минимумъ заработка и для каждой отдѣльной профессіи. Впрочемъ, это уже деталь...

Важенъ принципъ, который будетъ положенъ въ основу этого новаго завоеванія пролетаріата, — обезпеченіе для рабочаго класса сноснаго существованія.

Проведеніе этой мѣры отразится въ извѣстной степени на громадныхъ доходахъ промышленности. Но что-же дѣлать? Во взаимоотношеніяхъ труда и капитала всегда одна сторона выигрываетъ, другая — проигрываетъ. До сихъ поръ въ большомъ проигрышѣ были рабочіе, теперь ихъ положеніе улучшилось, на ихъ сторонѣ реальная сила и они должны ее использовать.

Выработкой минимума средствъ существованія, который долженъ быть установленъ для всѣхъ отраслей и категорій труда, займутся профессіональные союзы и Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Они должны работать въ полномъ согласіи другъ съ другомъ и положить въ основу работы мысль о томъ, что запросы рабочихъ, какъ индивидуумовъ и гражданъ, будутъ при этомъ полностью удовлетворены. Въ этой сложной работѣ нельзя разбивать силъ: установленіе минимума усиліями какого-либо завода, или какой-нибудь одной категоріи труда не имѣетъ никакого значенія и нежелательно. Путь здѣсь тотъ-же, какъ и при проведеніи восьмичасового рабочаго дня: разработка въ полновластномъ представительствѣ пролетаріата и проведеніе во всероссійскомъ масштабѣ.

Задачей момента, самымъ неотложнымъ вопросомъ для настоящей эпохи революціи является организованность пролетаріата. Когда онъ будетъ сплоченъ въ одну великую армію труда, онъ окажется еще болѣе крѣпкимъ и сильнымъ, чѣмъ теперь. Даже при существовавшемъ бюрократическомъ строѣ пролетаріатъ умѣлъ использовать всѣ возможности для созданія своихъ организацій, теперь эти возможности въ его рукахъ. Теперь созданію этихъ организацій ничто не мѣшаетъ, и мы стоимъ наканунѣ того, что Россія покроется цѣлой сѣтью рабочихъ пролетарскихъ организацій политическихъ, профессіональныхъ и культурно - просвѣтительныхъ. Онѣ сумѣютъ противопоставить организованной силѣ промышленниковъ сплоченныя пролетарскія массы, результатомъ чего явится коллективный договоръ, какъ равнодѣйствующая двухъ сталкивающихся силъ съ противоположными интересами. Разумѣется, о коллективномъ договорѣ можетъ быть рѣчь лишь тогда, когда пролетарскія массы будутъ въ достаточной степени организованы. Осуществить эти задачи будетъ не легко. Уже и въ настоящее время ведется организованное противодѣйствіе промышленниковъ: такъ, напримѣръ, горнопромышленники Урала подаютъ докладную записку министру торговли и промышленности, въ которой, правда, весьма неубѣдительно, стараются доказать, что восьмичасовой день опасенъ для промышленности. Дѣйствительный смыслъ этой записки въ томъ, что эта революціонная мѣра пролетаріата нѣсколько понизитъ колоссальную доходность уральскихъ предпріятій, въ то же время наиболѣе отсталыхъ въ техни-

ческомъ и культурномъ отношеніи. Промышленники хорошо понимають, что не смогутъ противостоять революціонному порыву пролетаріата и стараются лишь отдалить моментъ его реализаціи...

Коллективный договоръ сразу же въ корнѣ пресѣчетъ всѣ попытки промышленниковъ пользоваться затруднительнымъ положеніемъ рабочихъ, безработицей, дороговизной и пр., и улучшить матеріальное положеніе пролетарскихъ массъ.

Естественно, что всѣ эти революціонныя завоеванія пролетаріата отзовутся на доходахъ промышленности, но они настолько велики, что это не представляетъ никакой опасности и далеко не грозитъ гибелью промышленности, какъ объ этомъ любятъ говорить идеологи буржуазіи.

Кромѣ этихъ серьезныхъ вопросовъ, стоящихъ передъ пролетаріатомъ, ему придется разрѣшить еще и другія не менѣе важныя задачи. Прежде всего — вопросъ о больничныхъ кассахъ, леченіи участниковъ, страхованія на случай болѣзни, увѣчья, безработицы и старости, — т. е. громадная область дѣятельности, именуемая соціальнымъ страхованіемъ.

Страховой законъ 23 іюня 1912 г., несовершенный, и главнымъ образомъ, преслѣдующій интересы промышленниковъ, долженъ быть измѣненъ. Въ больничномъ дѣлѣ рабочіе проявили очень большую выдержку и удивительную настойчивость. Они упорной осадой брали одну позицію за другой, несмотря на сопротивленіе организованныхъ и объединенныхъ промышленниковъ. При постоянномъ противодѣйствіи властей и предпринимателей рабочимъ Петрограда все-же удалось открыть цѣлый рядъ своихъ лечебницъ, обслуживающихъ потребности семей участниковъ больничныхъ кассъ. Передъ революціей на очереди дня стояла передача дѣла леченія рабочихъ всецѣло въ руки больничныхъ кассъ.

Теперь явилась возможность широкой самодѣятельности рабочихъ, и эта самодѣятельность прежде всего будетъ направлена къ реформированію рабочихъ кассъ и ихъ дѣятельности.

Прежде всего, больничныя кассы освободятся отъ назначенцевъ. Затѣмъ будутъ уничтожены многія ограниченія, мѣшающія практической дѣятельности больничныхъ кассъ. Само собой разумѣется, что всѣ матеріальные расходы по леченію рабочихъ и страхованію ихъ на случай болѣзни и увѣчій должны быть возложены на предпринимателей. Но это еще не все. Параллельно съ реформированнымъ страхованіемъ появятся и новые виды его — на случай безработицы, инвалидности, старости и пр. Опять-таки и въ этихъ случаяхъ матеріальныя затраты должны понести предприниматели и государство, какъ извлекающіе наибольшіе доходы отъ труда рабочихъ. Ни въ дѣлѣ леченія, ни въ страхованіи рабочіе матеріально не должны участвовать, но организаціонная и административная власть должна быть сосредоточена въ ихъ рукахъ.

Соціальное законодательство является извѣстнымъ идеаломъ, къ которому стремятся организованные рабочіе всего міра. Въ

Россіи въ настоящій моментъ создались подходящія условія для реализаціи этихъ серьезнѣйшихъ вопросовъ, и пролетаріатъ долженъ взять эту позицію. Онъ долженъ помнить, что въ революціонную эпоху гораздо легче осуществлять извѣстныя задачи, чѣмъ въ то время, когда уляжется буря. Поэтому, революціонный пролетаріатъ долженъ начать кампанію за осуществленіе своихъ важнѣйшихъ экономическихъ требованій теперь-же...

Есть еще много другихъ, не менѣе важныхъ вопросовъ, напримѣръ, еженедѣльный воскресный отдыхъ (42 часа), запрещеніе сверхурочныхъ работъ, запрещеніе труда женщинъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, вредно вліяющихъ на ихъ здоровье, запрещеніе ночного труда, и пр., но разрѣшенію этихъ вопросовъ въ полномъ объемѣ мѣшаетъ сейчасъ имперіалистическая и захватная война, которую ведутъ народы. Осуществленіе классовыхъ требованій пролетаріата, противорѣчащихъ военнымъ нуждамъ страны, встрѣтило бы слишкомъ сильное противодѣйствіе со стороны предпринимателей и буржуазнаго общества. Поэтому реализацію ихъ на время приходится отложить. Это не значитъ, что пролетаріатъ совершенно отказывается отъ этихъ своихъ требованій. Онъ будетъ пока собирать силы для осуществленія ихъ въ полномъ размѣрѣ въ будущемъ.

Нѣкоторые изъ программныхъ требованій пролетаріата уже реализованы. Повсемѣстно возникаютъ уже примирительныя камеры, которыя являются первымъ шагомъ въ дѣлѣ созданія промысловыхъ судовъ. Онѣ въ настоящее время вѣдаютъ всѣ важнѣйшіе вопросы заводской жизни и къ голосу ихъ весьма чутко прислушиваются промышленники. Еще вчера они протестовали противъ примирительныхъ камеръ, проектируемыхъ Военно-Промышленными Комитетами, а сегодня сами стремятся создать ихъ. Конечно, примирительныя камеры не могутъ остаться въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ сейчасъ. Ихъ обликъ и дѣятельность постепенно измѣнятся. Помимо воли создавшихъ ихъ, онѣ превратятся въ промысловые суды съ очень широкимъ кругомъ дѣятельности.

Такое-же разрѣшеніе получитъ вѣроятно и другой важный опорный пунктъ пролетарскаго движенія— биржи труда. До сихъ поръ онѣ слабо и неправильно развивались въ условіяхъ безправія и произвола. Теперь ихъ дѣятельность должна и можетъ пойти по другому. Опять таки въ этомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, рѣшающую роль будетъ играть сила. Она на сторонѣ рабочихъ массъ, и онѣ заставятъ предпринимателей считаться съ биржами труда, дѣятельность которыхъ будетъ идти подъ контролемъ пролетаріата.

Послѣреволюціонное время и послѣреволюціонныя отношенія далеко еще не являются Обѣтованной Землей для пролетаріата. Несомнѣнно, буржуазно-капиталистическіе классы будутъ стремиться сохранить свою позицію, но пролетаріатъ можетъ и долженъ внести извѣстный коррективъ въ общую конъюнктуру. Онъ можетъ и имѣетъ полное право требовать своей доли въ достояніи общества, и онъ это сдѣлаетъ...

И въ реализаціи перечисленныхъ требованій и въ укрѣпленіи своихъ завоеваній пролетаріатъ встрѣтитъ организованное противодѣйствіе со стороны промышленниковъ. До сихъ поръ на ихъ сторонѣ было содѣйствіе властей, къ ихъ услугамъ былъ весь самодержавно-полицейскій аппаратъ, теперь придется вести открытую борьбу. Это должны серьезно учесть обѣ стороны. Капиталъ объединится еще больше, чѣмъ прежде, и наступленію пролетаріата противопоставитъ всю имѣющуюся въ его распоряженіи силу. Здѣсь не мѣсто какимъ-бы то ни было иллюзіямъ: въ рукахъ промышленниковъ громадная матеріальная сила въ видѣ локаутовъ, трестовъ, синдикатовъ и пр... Пока въ обновленной Россіи къ такимъ мѣрамъ прибѣгать неудобно, но мы несомнѣнно доживемъ и до этого.

Нельзя обольщаться побѣдой и первыми завоеваніями. Время общественной реакціи еще можетъ придти, и рабочимъ необходимо серьезно считаться съ этой реальной опасностью. Когда этотъ моментъ придетъ, пролетаріату необходимо будетъ напрячь всѣ свои силы. Необходимо, поэтому, чтобы эти силы были въ полной боевой готовности...

Промышленники будутъ пользоваться каждымъ потрясеніемъ, кризисомъ, демобилизаціей промышленности для того, чтобы вернуть свои утраченныя позиціи. Но... на нихъ они должны неизмѣнно встрѣчать организованную и сплоченную массу пролетаріата. Тогда онъ легко справится съ какими угодно послѣвоенными бурями.

Отвоевывать утраченныя позиція очень трудно, особенно когда на нихъ расположился организованный и сильный противникъ. Пролетаріатъ въ настоящее время долженъ стремиться къ захвату этихъ позицій, долженъ ставить промышленность передъ фактомъ своей опредѣленной агрессивности. Въ революціонную бурю онъ возьметъ эти позиціи, реализуетъ почти всю программу-минимумъ своей классовой партіи соціалъ-демократіи, будетъ углублять и расширять свои завоеванія, а въ послѣвоенное время будетъ отбивать аттаки промышленниковъ и, когда найдетъ нужнымъ, переходить въ наступленіе.

Задачами момента въ настоящее время является организованность пролетаріата, его самодѣятельность и реализація экономической программы минимумъ соціалъ-демократіи.

Р. Арскій.

ФИНАНСЫ НОВОЙ РОССІИ.

I.

Le mort saisit le vif! Старый режимъ сошелъ со сцены не раньше, чѣмъ довелъ хозяйственную разруху до крайней степени, разстроилъ пути сообщенія, разрушилъ финансы и оставилъ Россію на краю экономической катастрофы. Подобно тому, какъ армія, отступая предъ непріятелемъ, уничтожаетъ за собой всѣ запасы и оставляетъ ему въ наслѣдіе голую, пустынную мѣстность, такъ старый строй, очищая поле борьбы предъ Новой Россіей, какъ будто сознательно стремился затруднить елико возможно ея работу возрожденія.

Но такова уже злая иронія исторіи. Ни одинъ политическій строй не сходитъ со сцены раньше, чѣмъ исчерпаны всѣ таящіяся въ немъ возможности. И лишь въ тотъ моментъ, когда онъ превращается въ источникъ слабости и регресса, когда вокругъ него уже все гніетъ и разлагается,—онъ, провожаемый слезами и проклятіями, сходитъ въ могилу. Обновить страну такъ же трудно, какъ и прикончить со старымъ режимомъ.

Это вѣрно всегда, но вдвойнѣ правильно въ военную эпоху. Какое-то чудовищное противорѣчіе царило въ Россіи между неимовѣрными задачами войны и ея веденія,—задачами, съ которыми даже экономически наиболѣе сильныя страны съ трудомъ справляются,—и тѣмъ безсиліемъ и легкомысліемъ, той безпечностью и продажностью, которыя сдѣлались своего рода conditio sine qua non для россійскаго царизма. Это противорѣчіе напоминало о себѣ каждый моментъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больнѣе,—пока оно не сдѣлалось невыносимымъ, пока оно не вызвало великой катастрофы.

Съ политической стороны затрудненія нынѣшняго момента коренятся въ войнѣ. Войной объясняется и продовольственная неурядица, и желѣзнодорожные непорядки, и дороговизна, и всѣ финансовыя затрудненія. Для политика дѣло съ этой стороны довольно просто: онъ ставитъ себѣ вопросъ объ окончаніи войны, онъ борется за скорѣйшее заключеніе мира, и въ этомъ направленіи стремится онъ направить нашу международную политику.

Иное дѣло для финансиста. Здѣсь приходится считаться съ войной, какъ съ совершающимся фактомъ. Сказать: все зло отъ войны, отъ буржуазной войны, и намъ, соціалистамъ, нѣтъ поэтому дѣла до того, какъ буржуазія справится съ финансированіемъ своей войны—значитъ совершить непростительную ошибку. Отказаться отъ вліянія на финансы страны значитъ допустить такую организацію этихъ финансовъ, которая сложится самымъ невыгоднымъ образомъ для тѣхъ же трудящихся массъ, объ интересахъ которыхъ мы радѣемъ.

Съ войной надо считаться, какъ съ фактомъ. Но что означаетъ этотъ фактъ, въ этомъ не всѣ отдаютъ себя ясный отчетъ. Военные расходы Россіи, которые въ первые мѣсяцы войны составляли 10 милл. руб. въ день, дошли въ настоящее время до 45—50 милл. Первый годъ войны обошелся въ 6 ½ милліардовъ, третій годъ будетъ стоить, вѣроятно, около 15 милліардовъ. Но на 50 милліонахъ ежедневныхъ расходовъ дѣло не остановится. Выпускъ бумажныхъ денегъ продолжается, дороговизна поэтому растетъ, и нѣтъ никакой надежды на пріостановку роста военныхъ расходовъ. Если война затянется, то новый годъ войны обойдется не меньше, чѣмъ въ 20 милліардовъ. Если она скоро окончится, то и тогда еще очень много милліардовъ понадобится на демобилизацію и пр. Японская война, напр., стоила 1700 милл., а ликвидація ея—1238 милл. [1]

Вотъ что значитъ: война дѣйствительный фактъ. И въ связи съ этимъ, способы *финансированья войны* превращаются въ одинъ изъ самыхъ важныхъ политическихъ вопросовъ. Изъ загадки для финансистовъ они сдѣлались предметомъ всенароднаго обсужденія; но, къ сожалѣнію, ясности и пониманія тутъ гораздо меньше, чѣмъ бывало раньше, до войны, когда въ концѣ концовъ все сводилось къ вопросу о прямыхъ и косвенныхъ налогахъ. Система бумажныхъ денегъ, ея перспективы, военные займы, налоговая политика военнаго времени, вопросъ о банкротствѣ и девальваціи—все это такъ серьезно и такъ сложно, что немало воды утечетъ, раньше чѣмъ изъ хаоса мнѣній родится общепризнанный принципъ.

II.

Что бумажныя деньги—огромное зло, знаетъ каждый обыватель. И теперь, когда встаетъ вопросъ о новой финансовой политикѣ для новой Россіи, первый вопросъ—это борьба съ бумажными деньгами. Чѣмъ замѣнить ихъ? Очень распространенный въ демократіи взглядъ говоритъ о покрытіи высокими налогами. Утроить, упятерить подоходный налогъ, довести налогъ на наслѣдства до 50, до 75 % и т. под.—объ этомъ вы часто услышите теперь при обсужденіи нашихъ финансовыхъ дѣлъ.

Спору нѣтъ, финансовая система, весь нашъ такъ называемый обыкновенный бюджетъ требуетъ коренной перестройки. Нѣтъ, кажется, ни одного источника государственныхъ доходовъ, который можно бы оставить въ томъ видѣ, какъ онъ находится сейчасъ. Раньше всего, вся система косвенныхъ налоговъ, финансы желѣзныхъ дорогъ, пошлины—все это требуетъ рѣшительной реформы и чистки. Куда ни прикоснешься, вездѣ все затхло и гнило, вездѣ нуженъ лучъ свѣта и свѣжій воздухъ.

Но вотъ что надо понять и признать съ полной ясностью. *Нѣтъ абсолютно никакой возможности покрывать подоходнымъ и т. под. налогами обычнаго типа хоть сколько-нибудь значительную часть военныхъ расходовъ.* Шла ли рѣчь прежде

[1] Прокоповичъ. «Война и народное хозяйство». Стр. 32.

о 10 милліардахъ въ годъ, или стоитъ вопросъ теперь о 20 милліардахъ, все равно: система подоходныхъ налоговъ здѣсь не поможетъ; такихъ суммъ намъ не получить.

Если такъ, то остаются только три средства: займы, конфискація части капиталовъ и бумажныя деньги. Самый легкій и простой изъ нихъ, конечно, послѣдній, и старый режимъ пользовался имъ съ тѣмъ легкомысліемъ и съ той безпечностью, которыя всегда отличали нашихъ государственныхъ шалуновъ. Но нужно признать, что займами ему не удавалось получить съ публики сколько-нибудь значительной суммы. Больше половины тѣхъ военныхъ средствъ, которыя получены были въ самой Россіи, приходится на краткосрочныя обязательства казначейства, которыя покрывались бумажными деньгами. Налоговъ не хотѣли вводить, займовъ не могли проводить, и бумажныя деньги сдѣлались универсальнымъ рѣшеніемъ всѣхъ финансовыхъ проблемъ. Но и наша офиціальная наука очень поспѣшно приложила свой штемпель ко всѣмъ этимъ экспериментамъ; и весь этотъ финансовый развратъ происходилъ съ благословенія тѣхъ дѣятелей нашего либерализма, которые со дня объявленія войны считали своимъ долгомъ поддерживать многое изъ того, что требуетъ самой рѣшительной оппозиціи.

Дѣйствительно-ли неизбѣжна система бумажныхъ денегъ? Нѣтъ-ли средствъ бороться съ ней? Нѣтъ-ли возможности замѣнить ее, хоть отчасти? Если нѣтъ, то надо склонить головы и принимать удары; надо ждать окончанія войны, а до тѣхъ поръ печатать изо всѣхъ силъ новыя бумажки. Если же да, если бумажныя деньги не послѣднее слово, тогда борьба съ этой финансовой системой—первая задача, первый долгъ демократической финансовой политики, тогда оружіе нельзя складывать до тѣхъ поръ, пока коренная ломка не постигнетъ нашу, къ сожалѣнію, уже утвердившуюся систему военныхъ финансовъ.

Нужна полная, совершенная ясность. Въ чемъ состоитъ функція бумажныхъ денегъ?

III.

Напечатавъ на извѣстную сумму ассигнацій, государство обращается къ товарному рынку; въ общей сутолокѣ и взаимной борьбѣ оно стремится закупить всѣ тѣ товары, которые необходимы ему для веденія войны. Оно становится въ ряды покупателей и, держа въ карманѣ свои свѣже-отпечатанныя ассигнаціи, бьется и борется до тѣхъ поръ, пока не обезпечитъ себя всѣмъ нужнымъ.

Къ этому сводится функція бумажныхъ денегъ. Ихъ *прямое* назначеніе, *непосредственная цѣль* ихъ выпуска состоитъ въ томъ, чтобъ изъ общаго товарнаго потока выловить всю ту массу продуктовъ, которые необходимы для веденія войны. Если, напр., общая цѣнность всего продукта русскаго народнаго хозяйства составляетъ (въ до-военной валютѣ) 12—15 милліардовъ въ годъ, а военные расходы 8—10 милліардовъ (въ той-же валютѣ), то, выпустивъ на нужную сумму бумажекъ, государство

получаетъ возможность распоряжаться этими, нужными ему, товарами. Это совершенно ясно и безспорно.

Другой способъ достигнуть той-же цѣли составляютъ займы. Ихъ сущность, если откинуть внѣшнюю оболочку, состоитъ въ томъ, что государство присваиваетъ себѣ нужные продукты, *ничего за это не уплачивая,* и постольку займы сближаются съ конфискаціей. Но это вѣрно лишь съ точки зрѣнія всего народно-хозяйственнаго организма. Сперва государство собираетъ со страны путемъ займа опредѣленную сумму денегъ; затѣмъ оно скупаетъ нужные ему предметы и возвращаетъ деньги странѣ. Въ итогѣ у государства остались военные и другіе припасы, а финансисты или, вѣрнѣе, весь классъ капиталистовъ, взятый въ цѣломъ, получилъ свои деньги обратно. Разумѣется, государство обѣщаетъ со временемъ, черезъ 10, 20, 40, 50 лѣтъ, возвратить полностью всю стоимость присвоенныхъ товаровъ, и сверхъ того уплачивать ежегодно опредѣленный процентъ. Но до извѣстной границы эти ежегодные платежи сравнительно мало отражаются на хозяйственной жизни. Основнымъ же, самымъ существеннымъ фактомъ является присвоеніе и потребленіе государствомъ опредѣленной суммы продуктовъ.

Въ этомъ основная разница между бумажными деньгами съ одной стороны и займомъ (и, конечно, налогами)—съ другой. Въ первомъ случаѣ—за потребленные продукты государство какъ-будто уплачиваетъ, во-второмъ, оно, очевидно, лишь возвращаетъ то, что само получило. Во второмъ случаѣ положеніе совершенно ясно. За военные расходы государства уплачиваютъ тѣ, кто ссужаетъ государство деньгами. Но кто уплачиваетъ въ первомъ случаѣ? Это очень важная проблема.

Бумажныя деньги со всѣми своими послѣдствіями имѣютъ одно замѣчательное свойство: они всегда создаютъ иллюзію благополучія и расцвѣта. Быть можетъ, это составляло для финансовыхъ геніевъ стараго строя одно изъ важныхъ преимуществъ ассигнацій. Пусть хозяйство разлагается, пусть страна гибнетъ и нищаетъ,—на поверхности все выглядитъ блестяще, въ особенности если отвлечься отъ тѣхъ классовъ, которые во всякую бочку меду вливаютъ не одну ложку дегтя.

Бумажныя деньги создаютъ дороговизну. Прежде, цѣлыхъ 1½ года войны, этого не признавали или не хотѣли признать. Но когда объ этомъ стали чирикать воробьи на всѣхъ крышахъ, офиціальная наука «пошла на уступки» и корни дороговизны перестала искать въ однихъ лишь затрудненіяхъ транспорта, въ спекуляціи и пр. О серьезномъ изслѣдованіи причинъ дороговизны все еще не можетъ быть рѣчи; ибо среди причинъ есть, кромѣ бумажныхъ денегъ, цѣлый рядъ другихъ. Раньше всего, военное производство—производство дорогое. Каждый продуктъ стоитъ во время войны больше труда, чѣмъ прежде. Заводъ, который раньше имѣлъ 2000 рабочихъ, а теперь имѣетъ лишь 1500, ужъ потому одному долженъ повысить цѣны на свои продукты, что его общія издержки (зданія, отопленіе, контора и пр.) остаются почти безъ измѣненія, а количество продукта

сокращается. Дальше, изъ общей массы произведеннаго продукта меньшая часть, чѣмъ раньше, доходитъ до потребителя. Большая часть гибнетъ въ пути, на сушѣ и въ особенности на морѣ. Это повышаетъ цѣнность продукта и выражается въ торговой калькуляціи, въ набавкѣ высокихъ страховыхъ премiей и пр. Цѣлый рядъ причинъ дѣйствуетъ въ томъ-же направленіи. Если бъ не было выпущено ни одного лишняго бумажнаго рубля, товары вздорожали бы, ибо міровая война не можетъ не вызвать дороговизны.

Но та бѣшеная скачка цѣнъ, свидѣтелями которой мы были за эти 2½ года, все-же не объясняется этими причинами производственнаго характера. Главная причина лежитъ не въ области производства, а въ сферѣ обмѣна. Это ничто иное, какъ бумажныя деньги, и въ послѣднее время процессъ роста цѣнъ подъ вліяніемъ бумажнаго спроса выясненъ вполнѣ. На рынкѣ спросъ больше предположенія. Къ общей массѣ обыкновенныхъ нормальныхъ покупателей присоединяется государство съ его гигантскимъ спросомъ на всевозможные товары, и такъ какъ оно готово идти очень далеко по скалѣ цѣнъ, то цѣны должны расти безпощадно.

Высокія цѣны даютъ *высокую прибыль*. Это первое, самое элементарное послѣдствіе высокихъ цѣнъ, и это первое изъ тѣхъ признаковъ военнаго благополучія, которое по существу эфемерны, но съ внѣшней стороны производятъ нужное впечатлѣніе. Вся отвратительная картина сокрытія запасовъ, безконечныхъ перепродажъ и т. п.—вся она коренится въ этой увѣренности, что цѣны будутъ завтра выше, чѣмъ сегодня, что лучше подождать съ продажей и «придержать товаръ».

Высокія прибыли влекутъ за собой дальнѣйшія послѣдствія. Обезцѣненіе денегъ ведетъ къ полной переоцѣнкѣ цѣнностей, и, среди другихъ, къ переоцѣнкѣ капиталовъ. Промышленное предпріятіе, стоившее до войны 1 милліонъ, имѣетъ теперь гораздо высшую цѣнность; но и переоцѣнка идетъ особымъ путемъ. Дѣло начинается съ высокой прибыли. Повышеніе прибыли, такъ называемая военная прибыль, вопреки мнѣнію публики, лишь отчасти производится за счетъ потребителей; другая часть ея имѣетъ источникомъ обезцѣненіе денегъ. Если предпріятіе давало прежде 100.000 рублей годового дохода, то теперь, если обезцѣненіе денегъ составляетъ, напр., 50%, оно должно давать не менѣе 200.000 рублей; если оно даетъ меньше этого, если прибыль составляетъ 150.000 руб., то это означаетъ, что доходность понизилась на дѣлѣ, хотя фиктивно она повысилась на 50.000 руб. И лишь въ томъ случаѣ, если прибыль составитъ больше 200.000 руб., можно говорить о повышеніи эксплоатаціи рабочихъ. Послѣднихъ случаевъ, однако, множество, и военная прибыль объясняется какъ тѣмъ, такъ и другимъ факторомъ.

Прибыль и дивиденды повышаются. Высокіе «заработки»—тоже важный признакъ экономическаго благополучія налицо. Но цѣнность капиталистическихъ предпріятій опредѣляется

на рынкѣ ихъ доходностью; если доходность повысилась вдвое, то и стоимость самого предпріятія должна повыситься приблизительно въ такой же мѣрѣ. Если прежде вложенный капиталъ составлялъ 1 милліонъ, то теперь онъ долженъ составить 2 милліона или больше. На дѣлѣ лишь немногія предпріятія продаются во время войны; для большинства другихъ переоцѣнка производится иначе, въ особенности для акціонерныхъ предпріятій. Ихъ капиталъ остается номинально тѣмъ-же, чѣмъ онъ былъ раньше; фактически-же онъ получилъ новую цѣнность въ обезцѣненныхъ деньгахъ. И это противорѣчіе находитъ себѣ выраженіе въ биржевомъ ажіотажѣ, въ такой горячкѣ, которой самыя промышленныя страны не видали долгое время передъ войной. Биржевые бюллетени военнаго времени такъ и пестрятъ «прочнымъ настроеніемъ», «повышательной» и прочими тенденціями, которыя изстари принято считать *признаками блестящаго промышленнаго развитія* и капиталистическаго обогащенія.

Но и это не все. Есть еще цѣлый рядъ признаковъ, которые газетными экономистами въ серьезъ принимаются за дѣйствительные симптомы благополучія. Вздорожаніе каждаго отдѣльнаго товара означаетъ, что общая масса товаровъ, весь продуктъ національнаго хозяйства, выраженный въ новой обезцѣненной валютѣ, представляетъ гораздо большую величину. Вмѣсто 12—15 милліардовъ до-военной эпохи, приходится теперь считать національный доходъ (ибо національный доходъ и стоимость народно-хозяйственнаго продукта одно и то же), по крайней мѣрѣ, въ 25 милліардовъ, а вѣроятно еще выше. Но кто не видитъ промежуточныхъ звеньевъ, кто любитъ лишь «реальные факты», тотъ оперируетъ съ этими двумя цифрами и выводитъ изъ нихъ, въ гордости за свое счастливое отечество, общее повышеніе «народнаго дохода». Въ Пруссіи, гдѣ ежегодно опубликовываются данныя о подоходномъ налогѣ, гдѣ война произвела самое серьезное опустошеніе въ хозяйственной жизни, цифры доходовъ производятъ впечатлѣніе ошеломляющаго расцвѣта. И если у насъ не принято хвастать этой стороной такъ, какъ въ Пруссіи, то это объясняется вовсе не особеннымъ глубокомысліемъ нашей экономической публицистики, а тѣмъ, что мы вообще ничего не знаемъ о развитіи нашихъ народныхъ доходовъ.

А что касается такъ называемаго «національнаго богатства», этого расплывчатаго понятія, о которомъ пишутъ больше, чѣмъ понимаютъ, то и здѣсь та же картина. Конечно, только для легкомысленныхъ наблюдателей; но кто же во время войны склоненъ «глядѣть въ корень», въ особенности, если это послѣднее занятіе ведетъ къ очень пессимистическимъ выводамъ? Для объективнаго наблюдателя общая масса фабрикъ, заводовъ, машинъ, орудій, вкладовъ, цѣнныхъ бумагъ—какъ будто осталась безъ измѣненій; но къ этому «желѣзному фонду» присоединилось еще милліардовъ 10 или больше цѣнныхъ бумагъ (военныхъ займовъ), которыми обладаетъ населеніе. Отсюда прямой

и естественный выводъ: населеніе обогатилось на 10 милліардовъ.

Тутъ и самый наивный читатель, пожалуй, запротестуетъ: это уже слишкомъ! Но я тутъ, право, не причемъ: я докладываю лишь, какъ работаютъ апологеты войны. Ихъ средства грубы, ловкость ихъ рукъ ничѣмъ не прикрыта, но развѣ вся Великая Война не есть на 3/4 сплошной Великій Обманъ?

Бумажныя деньги создаютъ феерическую иллюзію. И въ то же время страна нищаетъ, распродаетъ по частямъ свой десятилѣтіями накопленный трудъ и переходитъ къ низшимъ способамъ производства. Высшіе классы богатѣютъ, и въ то же время источники богатства мельчаютъ съ каждымъ днемъ.

Кто за это расплачивается, совершенно ясно. Расплачиваются тѣ милліонные слои населенія, которые располагаютъ самымъ невыгоднымъ товаромъ: они продаютъ рабочую силу, и вздорожаніе этого товара далеко отстаетъ отъ общей дороговизны. Несмотря на повышеніе заработковъ, они бѣднѣютъ, и чѣмъ больше бумажныхъ денегъ, тѣмъ больше разстояніе между прежнимъ и нынѣшнимъ уровнемъ ихъ жизни. Это самый постыдный, самый позорный фактъ всей тыловой жизни; и это самое страшное, самое жестокое послѣдствіе системы бумажныхъ денегъ, послѣдствіе, котораго одного совершенно достаточно, чтобъ объявить анафему нашей военно-финансовой системѣ.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на вопросѣ о заработной платѣ во время войны; объ этомъ говорилось уже на страницахъ «Лѣтописи». Но нужно отмѣтить, что и тутъ работа наемныхъ апологетовъ не останавливается ни передъ какими препятствіями. Нѣсколько небольшихъ, очень малочисленныхъ группъ рабочихъ сумѣли, пользуясь спросомъ на ихъ квалифицированный трудъ, значительно повысить свои заработки; и, Боже, сколько чернилъ было вылито по этому поводу, сколько сломано литературныхъ копій! О томъ, что этихъ рабочихъ небольшая горсточка, что даже имъ едва удается справиться съ нашей общей дороговизной, что *ихъ обогащеніе ничто по сравненію съ милліонами военныхъ акулъ*,—объ этомъ ни полслова. А гдѣ вся остальная рабочая масса? Гдѣ женскій трудъ? Гдѣ сельскій пролетаріатъ? Умолчаніе, столь-же позорное, какъ самый фактъ.

И тутъ мы подходимъ къ тому вопросу, съ котораго мы начали: кто расплачивается за военные расходы. Мы видѣли, что при займахъ за государственные расходы платятъ финансисты. Но кто платитъ, когда вмѣсто займа появляются бумажки? Государство выигрываетъ: оно беретъ изъ товарной массы все то, что ему нужно. Но если государство выиграло, то ясно, что кто-нибудь потерялъ. Изъ анализа бумажныхъ денегъ видно, что потеряютъ тѣ потребители, которые затѣмъ цѣну на свой продуктъ не могутъ поднять въ мѣру обезцѣненія денегъ. Таковыми являются немногіе слои буржуазіи, которые не имѣютъ нынче хорошаго сбыта для своихъ товаровъ; ими являются всѣ креди-

торы и держатели государственныхъ бумагъ (и другихъ облигацій). Но прежде и больше кого-либо налогъ взимается съ рабочаго класса, не только промышленнаго, но и сельскаго, а также съ другихъ группъ наемнаго труда (учителя, чиновники и пр.). Своимъ дешевымъ трудомъ рабочій классъ оплачиваетъ милліарды военныхъ расходовъ.

Если взять большіе классы нашего общества, то пролетаріатъ оказывается въ исключительномъ положеніи. Возьмите землевладѣльцевъ, промышленниковъ, крестьянъ, банкировъ, мелкихъ торговцевъ: вездѣ вы констатируете обогащеніе—обогащеніе часто фиктивное, но все же идущее въ ногу съ общей дороговизной; а факты обѣднѣнія, которые встрѣчаются въ каждомъ изъ перечисленныхъ соціальныхъ слоевъ, являются повсюду исключеніемъ. Иначе обстоитъ дѣло съ рабочимъ классомъ: обезкровленный мобилизаціями, разбавленный новыми несознательными элементами, лишенный моральной поддержки въ экономической борьбѣ военнаго времени, онъ больше всѣхъ другихъ выноситъ на своихъ плечахъ и ошибки господствующаго строя, и неизбѣжные удары войны. Бумажныя деньги—это бичъ для пролетаріата, это голодъ, разореніе, каторжный трудъ, нищета и постепенное вымираніе.

IV.

Совершенно невѣрно, будто функція финансовъ во время войны—снабдить армію всѣмъ нужнымъ. Нужно и тутъ разграничить понятія. Снабженіе арміи, какъ и всякое снабженіе, это дѣло промышленности и транспорта. Министерство финансовъ здѣсь не при чемъ. Его функція совсѣмъ другая: она сводится къ урегулированію вопросовъ собственности въ предѣлахъ и по законамъ капиталистическаго хозяйства.

Представьте себѣ весь хозяйственный организмъ, какъ единое цѣлое, или, лучше всего, представьте себѣ примѣрно организованное хозяйство, въ большомъ государственномъ масштабѣ. Если государство ведетъ войну, оно на своихъ заводахъ и фабрикахъ производитъ нужные продукты, оно доставляетъ ихъ на своихъ желѣзныхъ дорогахъ къ фронту, оно сокращаетъ тѣмъ самымъ сумму продуктовъ, остающихся на потребленіе населенія. Никакихъ финансовъ тутъ нѣтъ, есть лишь простой подсчетъ, сколько продуктовъ и какой цѣнности пошли на войну, и сколько осталось для населенія. Война можетъ вестись и безъ финансовъ. Будутъ произведены всѣ нужные снаряды, пушки, газы, желѣзныя дороги будутъ перевозить хлѣбъ и другіе припасы, финансы же не нужны для войны.

Если же нынѣ вопросы финансовые играютъ такую выдающуюся роль, если «деньги, деньги и деньги» дѣлаются подчасъ девизомъ, то это объясняется не существомъ военнаго хозяйства, а тѣми особыми условіями собственности, въ которыхъ мы живемъ. Это нужно усвоить себѣ съ полной ясностью. Военные припасы имѣются по всей странѣ: они лежатъ на товарныхъ складахъ, въ хлѣбныхъ амбарахъ, на угольныхъ копяхъ; но они принад-

лежатъ *частнымъ лицамъ*. Если всѣ эти товары немедленно и непосредственно, безъ всякой оплаты, взять на нужды войны (какъ это дѣлало бы государство, если бы все производство было въ его рукахъ), то это означало бы, во-первыхъ, что пострадавшіе лишены возможности продолжать производство, во-вторыхъ, что бремя войны возложено на однихъ, въ сущности, случайныхъ лицъ. Функція финансовъ состоитъ въ томъ, чтобы это бремя разложить и на другіе, всѣ или нѣкоторые, слои населенія.

Такова ихъ функція *во всякомъ случаѣ*; дѣлается ли это при помощи бумажныхъ денегъ, или налогами, или, наконецъ, займами—все равно. Но въ первомъ случаѣ, больше всѣхъ страдаютъ низшіе классы, во второмъ—тѣ или другіе классы, смотря по характеру налога, а въ третьемъ, помимо общаго истощенія отъ войны, *никакого новаго бремени ни на одинъ классъ не возлагается*. Если по займу уплачивается нормальный процентъ, то всѣ законы, и матеріальные и моральные, соблюдены.

Изъ этого ясно не только, что заемъ лучше бумажныхъ денегъ, но и еще одно: въ огромномъ большинствѣ случаевъ военные расходы можно и должно покрывать займами, если ихъ правильно поставить. Обычное возраженіе состоитъ въ томъ, что бѣдная страна не имѣетъ достаточно капиталовъ. Это вѣрно, на это объясняетъ лишь слабость русской промышленности и недостаточность военнаго производства. Но то производство, *которое есть*, тѣ продукты, которые все же произведены, должны лишь перемѣнить собственника; а для этого *могутъ* служить государственные займы.

Почему займы до сихъ поръ такъ мало давали? Во-первыхъ, потому, что старый режимъ никому не внушалъ довѣрія; и добровольная подписка была поэтому минимальная; а во-вторыхъ, потому, что *добровольная подписка всегда совершенно недостаточна для военныхъ расходовъ*.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что военные расходы поглощаютъ значительно больше ½, вѣроятно, ²/₃ или ³/₄ національнаго производства, т.-е. такъ наз. народнаго дохода. Такъ какъ населенію остается лишь ¹/₃ или ¹/₄, и такъ какъ этого, конечно, слишкомъ мало, то, очевидно, что страна постепенно съѣдаетъ свой капиталъ и бѣднѣетъ съ каждымъ днемъ войны. Общая сумма потребляемыхъ продуктовъ, если она составляла до войны 12—15 милліардовъ въ годъ, теперь приближается къ 20 милліардамъ. Другими словами, 5—8 милліардовъ изъ капитала ежегодно сжигаются въ жаркомъ пламени войны.

Перенесите это на каждаго отдѣльнаго гражданина. Если бы каждый отдавалъ ²/₃ своего дохода государству въ видѣ займа, то очевидно, полученныхъ денегъ было бы достаточно для финансированія войны. Было бы также справедливо, чтобъ высшіе классы, владѣющіе тѣмъ капиталомъ, который долженъ (и не можетъ не быть) отчасти истребленъ,—подписали значительно больше, а низшіе классы были бы почти или совершенно освобождены отъ подписки.

Какъ же происходитъ на дѣлѣ? Подписываясь на заемъ, каждый финансистъ имѣетъ свои, очень вѣскія, соображенія. Во-первыхъ, теперь выгодно вкладывать деньги въ промышленныя предпріятія, которыя даютъ огромные барыши; во-вторыхъ, при обезцѣненіи денегъ невыгодно сдѣлаться кредиторомъ, хотя бы самого государства, ибо свой капиталъ придется получать обратно въ обезцѣненной валютѣ; въ третьихъ, времена нынче неспокойныя, и неизвѣстно, какъ и когда государство будетъ платить проценты. Поэтому подписка на заемъ—это вопросъ чести, а не гешефта. Слѣдовательно, займы обречены на неудачу. И слѣдовательно, приходится выпускать бумажки!

Взгляните на нынѣшній «заемъ свободы». Пусть онъ дастъ 5, пусть 7 милліардовъ. Во-первыхъ, эта сумма, при нынѣшнихъ расходахъ, не велика, а, во-вторыхъ, сколько дѣйствительныхъ денегъ поступитъ? Подписчики на заемъ обязаны внести немедленно 40% подписной суммы, остальное не раньше 1-го іюля 1918 г. Слѣдовательно, достаточно будетъ внести 700 милліоновъ, чтобы была закончена подписка на 7 милліардовъ. Многія лица не воспользуются, правда, этой возможностью и внесутъ 20, 50, иногда и всѣ 100%. Но если и будетъ внесено 1 ½—2 милліарда,—вѣдь это не только капля въ морѣ по сравненію съ общимъ достояніемъ владѣющихъ классовъ Россіи, но это мало даже по сравненію съ ихъ прибылью одного военнаго года!

Къ этому прибавляется еще одно обстоятельство: большая часть нашей буржуазіи и землевладѣльцевъ по многимъ причинамъ недовольна правительствомъ (изъ-за земельнаго вопроса, или налога на прибыль и т. д.),—вообще держатся вдали отъ займа. Такъ, напр., «Земля и Воля» въ номерѣ отъ 17 апрѣля сообщаетъ:

«По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, подписка на заемъ мелкими купюрами (50—100 р.) идетъ очень успѣшно. Намъ извѣстны случаи, случаи далеко не единичные, когда мелкіе конторскіе служащіе, рабочіе, крестьяне, сельскіе кооперативы, производятъ подписку на заемъ въ складчину. Съ другой стороны, намъ также извѣстно, что верхи торгово-промышленнаго класса и финансовые воротилы къ займу свободы относятся болѣе, чѣмъ сдержанно. Лица, отъ войны хорошо заработавшія, не хотятъ часть своихъ прибылей помѣстить въ далеко не безвыгодный заемъ свободы».

Оставить въ силѣ добровольную подписку, значитъ осудить страну на всѣ муки бумажной системы. Безъ принудительныхъ мѣръ не обойтись. Первымъ словомъ демократическихъ финансовъ долженъ быть *принудительный заемъ*.

Развивать въ деталяхъ планъ такого займа мы пока не будемъ; ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями. Во-первыхъ, принудительный заемъ—не соціалистическая мѣра. Онъ практиковался министрами, которые и понятія не имѣли о соціализмѣ. Это—замѣчаніе противъ тѣхъ политиковъ, которые всякую принудительную мѣру по отношенію къ капиталу объявляютъ соціализмомъ. Во-вторыхъ,—о техническихъ условіяхъ къ проведенію такого займа. Въ министерствѣ финасовъ имѣются матеріалы о по-

доходномъ налогѣ. Имѣются подготовительныя работы, оцѣнки и проч., которыя уже сами по себѣ даютъ нѣкоторое представленіе о распредѣленіи доходовъ и владѣнія. Далѣе, министерство финансовъ можетъ и должно ускорить полученіе нужныхъ заявленій съ населенія въ текущемъ году. Оно можетъ, слѣдовательно, если оно захочетъ, въ скоромъ времени располагать нужнымъ матеріаломъ для того, чтобы заранѣе фиксированную сумму займа, напр, 18 милліардовъ въ теченіе года, разложить на подписчиковъ, въ качествѣ своего рода налога на имущество.

Кто долженъ быть подписчикомъ? Это очень существенный вопросъ. Богатыхъ людей въ Россіи немного, и можетъ оказаться, что и при сильномъ обложеніи ихъ собственности не хватитъ на покрытіе большихъ военныхъ расходовъ. Это должно выясниться при подготовительной работѣ. Но если это будетъ такъ, то къ принудительному займу надо привлечь и другіе классы, въ особенности тѣ части низшихъ классовъ, которыя владѣютъ какой-нибудь собственностью. Потребленіе и истребленіе капитала идетъ въ деревнѣ такъ же интенсивно, какъ и въ городѣ; такъ наз. обогащеніе деревни происходитъ въ большей степени потому, что сельское хозяйство превращаетъ въ деньги (т.-е. въ бумажки) свой инвентарь. Но такъ или иначе, а деньги есть и въ деревнѣ, и придется, быть можетъ, разложить часть займа и на деревню, конечно, на болѣе состоятельную часть ея.

Такъ или иначе, но если даже пришлось бы привлечь къ подпискѣ часть низшихъ классовъ, они меньше потеряютъ, чѣмъ отъ тихой работы печатнаго пресса.

V.

Еще одинъ, послѣдній, вопросъ: заемъ или налогъ? Нужно ли брать съ населенія всѣ средства, нужныя для войны въ качествѣ займа, или просто обложить его соотвѣтствующимъ налогомъ?

Разница между ними сводится, въ сущности, къ одному только пункту: должны ли уплачиваться проценты по тѣмъ суммамъ, которыя будутъ теперь взяты съ нѣкоторыхъ классовъ населенія, или нѣтъ? Другой вопросъ, могло бы казаться, также имѣетъ значеніе: по займамъ капиталъ будетъ въ свое время возвращенъ подписчикамъ, по налогамъ же нѣтъ. Но этотъ вопросъ не только не имѣетъ сейчасъ актуальнаго значенія, онъ и въ будущемъ не пріобрѣтетъ большой важности. Когда наступаетъ срокъ уплаты по старому займу, государство заключаетъ новый, т.-е., въ сущности, обмѣниваетъ старыя бумаги на новыя. Это все. Для казначейства это небольшая кредитная операція; для подписчиковъ это означаетъ лишь возможность постоянно сбывать свои цѣнныя бумаги.

Итакъ, остается вопросъ о процентахъ на заемъ. Должно ли государство ихъ уплачивать или нѣтъ? Этотъ вопросъ съ перваго взгляда, какъ будто очень существенный. Его можно формулировать и такъ: конфискація или заемъ? Но нужно выяснить, въ чемъ основная разница между обоими методами и въ чемъ ихъ значеніе для хозяйственной жизни.

Если на заемъ будутъ уплачиваться проценты, то, очевидно,

нужно будетъ возложить на населеніе новые налоги на всю сумму процентовъ. Но представимъ себѣ, что система налога будетъ построена въ общемъ по типу подоходныхъ налоговъ, что бремя налоговъ будетъ возложено на высшіе классы, т.-е. въ общемъ, на тѣ же классы, которые подписались на заемъ. Въ такомъ случаѣ, съ этихъ классовъ будетъ взято столько же въ видѣ налоговъ, сколько имъ будетъ возвращено въ видѣ процентовъ на заемъ. По существу это означаетъ, что владѣющіе классы образуютъ изъ своихъ средствъ фондъ, который распредѣляется пропорціонально участію каждаго въ займѣ. Кое-кто можетъ при этомъ пострадать, кое-кто выиграть, но *въ соціальномъ* отношеніи вопросъ этой схемой исчерпанъ. Народное хозяйство ничего не теряетъ, а низшіе классы не чувствуютъ этого бремени.

Эти соображенія показываютъ, между прочимъ, полную неосновательность обычныхъ разсужденій о томъ, что оплата расходовъ на войну «возлагается на будущія поколѣнія». За войну платимъ мы, и платимъ сейчасъ, въ тотъ моментъ, когда война идетъ; платимъ и кровью и достояніемъ. Будущимъ поколѣніямъ придется безъ сомнѣнія сильно пострадать отъ общей хозяйственной разрухи, вызванной войной. Но расходы на войну оплачиваются текущей хозяйственной работой, а оплата процентовъ можетъ вовсе не отражаться на народномъ хозяйствѣ.

Она *можетъ* не отражаться. Если все сводится къ усиленному обложенію высшихъ классовъ, то, дѣйствительно, она не отражается. Возможно, однако, что сдѣланы будутъ попытки путемъ косвенныхъ налоговъ, пошлинъ и пр. обложить и рабочій классъ. Тогда, конечно, онъ отъ этого пострадаетъ въ теченіе всего того времени, пока онъ не переложитъ бремя налоговъ на капиталъ.

Такъ или иначе, но уплата процентовъ по крайней мѣрѣ, по внутреннимъ займамъ,—а только о нихъ и идетъ рѣчь здѣсь— не представляетъ обязательно потери для народнаго хозяйства. Между тѣмъ, есть серьезныя соображенія, говорящія въ пользу займа.

Во-первыхъ, тотъ матеріалъ, на основаніи котораго раскладка принудительнаго займа будетъ произведена, очень недостаточенъ. О вполнѣ справедливомъ разложеніи не можетъ быть и рѣчи. Если уплачивать впослѣдствіи проценты, т.-е. если провести заемъ, а не налогъ, то это неизбѣжная несправедливость обложенія не имѣетъ большого значенія. Отдѣльные подписчики, получивъ проценты, не будутъ особенно претендовать на неравномѣрность распредѣленія принудительнаго займа. Взять же съ нихъ при такомъ скудномъ матеріалѣ всѣ эти суммы въ качествѣ налога будетъ несправедливо; и это можетъ имѣть большое значеніе, если къ подпискѣ будетъ привлечена и часть деревни.

Во-вторыхъ, конфискація части капитала представляетъ для него такую угрозу, что это можетъ имѣть очень тяжелыя послѣдствія. Россія нуждается въ капиталахъ. Что бы ни гово-

рить о всякихъ иностранныхъ засильяхъ, лучше, если къ намъ потекутъ иностранные капиталы, чѣмъ если они не потекутъ; и лучше, если ихъ будетъ больше, чѣмъ если ихъ будетъ меньше. Поэтому, при всей налоговой безпощадности, изъ разныхъ способовъ получить деньги для войны предпочтительнѣе тотъ, который не пріостановитъ притокъ иностранныхъ капиталовъ.

Можно не приводить другихъ аргументовъ. Необходимо, конечно, усиленное обложеніе доходовъ, *въ томъ числѣ и доходовъ съ государственныхъ бумагъ*, необходима новая, демократическая система обложенія и перестройка бюджета на новыхъ началахъ. Но при нынѣшнихъ условіяхъ выгоднѣе провести заемъ, чѣмъ конфискацію.

Какъ бы то ни было, для покрытія колоссальныхъ расходовъ войны и демобилизаціи надо изыскать дѣйствительный способъ обложенія,—и если богатые слои умываютъ руки и скептически относятся къ свободному участію въ «займѣ свободы», то должны быть найдены средства, чтобы это участіе сдѣлать обязательнымъ.

С. Далинъ.

ВОЕННАЯ ЦЕНЗУРА О „ЛѢТОПИСИ“.

Директоръ Департамента Полиціи.

Копія.
Довѣрительно.

Милостивый Государь,
Всеволодъ Аристарховичъ.

Въ газетѣ «Голосъ Руси» отъ 27-го Ноября сего года помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ «Обществу 14-го года», авторъ коей указываетъ на значительное распространеніе въ Поволжскихъ губерніяхъ различныхъ брошюръ пораженческаго направленія, издаваемыхъ писателемъ М. Горькимъ, причемъ въ эти брошюры вкладываются стенограммы рѣчей членовъ Государственной Думы соціалъ-демократической фракціи того же направленія.

Наряду съ этимъ авторъ замѣтки отмѣчаетъ фактъ разсылки въ различныя мѣстности упомянутыхъ губерній издаваемаго Горькимъ журнала «Лѣтопись» — пораженческаго направленія.

Увѣдомляя объ изложенномъ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство сообщить для доклада Г. Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Ваше заключеніе о томъ, насколько отвѣчаютъ дѣйствительности свѣдѣнія о пораженческомъ направленіи журнала «Лѣтопись».

Прошу Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Подписалъ: *А. Васильевъ.*

Вѣрно: Помощникъ Правителя Дѣлъ

Богдановичъ.

№ 110974
1 декабря 1916 г.

Довѣрительно.

Начальникъ
Главнаго Управленія
по
Дѣламъ печати.

Милостивый Государь,
Николай Ивановичъ.

Препровождая при семъ копію довѣрительнаго письма Директора Департамента Полиціи отъ 1-го сего Декабря за № 110.974 прошу Ваше Высокородіе сообщить мнѣ имѣющіяся у васъ свѣдѣнія объ издаваемомъ писателемъ М. Горькимъ журналѣ «*Лѣтопись*», а также Ваше заключеніе по существу упоминаемой въ означенномъ письмѣ замѣтки подъ заглавіемъ «*Обществу* 1914 года» («Голосъ Руси» отъ 27-го Ноября 1916 г.).

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности.

В. Удинцевъ.

Его Высокородію
Н. И.
ЛЕВИТСКОМУ.
№ 10152
6 Декабря 1916 года.

Милостивый Государь,
Владиміръ Ульяновичъ.

Имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокородіе не отказать дать въ возможно непродолжительномъ времени характеристику журнала «Лѣтопись», т. к. у Директора Департамента Полиціи имѣется свѣдѣніе о пораженческомъ направленіи названнаго журнала.

Примите, Ваше Высокородіе, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и истинной преданности.

Левитскій.

Его Высокородію
В. У.
Трофимовичу.
8 Декабря 1916 года.
№ 2.754.

ЛѢТОПИСЬ.

Ежемѣсячный журналъ «Лѣтопись» издается А. Н. Тихоновымъ подъ редакціей А. Ф. Радзишевскаго, но по имѣющимся свѣдѣніямъ фактическимъ руководителемъ состоитъ М. Горькій. Первый номеръ журнала вышелъ въ свѣтъ въ декабрѣ 1915 года.

Судя по представленному на просмотръ цензуры, какъ одобренному для напечатанія, такъ и непропущенному цензурой, журналъ имѣетъ рѣзко оппозиціонное направленіе съ соціалъ-демократической окраской.

Въ отношеніи къ переживаемой Россіей великой отечественной войнѣ журналъ «Лѣтопись» слѣдуетъ отнести къ числу пораженческихъ изданій. Уже съ перваго номера редакція пыталась проводить взглядъ, что западная, точнѣе, германская культура, несравненно выше нашей славянской, а потому русскому народу слѣдуетъ войти въ болѣе тѣсное единеніе съ западнымъ сосѣдомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ редакція старалась провести статьи о военной и экономической мощи Германіи, которая несравненно выше могущества союзниковъ, потому побѣда надъ Германіей не мыслима.

Далѣе, редакція неоднократно представляла статьи, въ которыхъ старалась ознакомить читателей съ агитаціей въ пользу мира среди французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ рабочихъ, причемъ сочувствовала вполнѣ этой агитаціи. Въ статьяхъ о результатахъ войны редакція пыталась доказать, что нынѣшняя война ничего не принесетъ Россіи ни въ политическомъ, ни въ экономическомъ отношеніи.

Въ статьѣ М. Горькаго «По поводу одной анкеты» было приведено мнѣніе какой-то рабочей группы, что пораженіе Россіи необходимо для улучшенія быта евреевъ и рабочаго класса. Наконецъ, къ извѣстному письму Плеханова редакція отнеслась отрицательно, считая Плеханова измѣнникомъ идеаламъ и завѣтамъ соціализма. Равнымъ образомъ вся русская патріотическая литература подвергается со стороны журнала «Лѣтопись» рѣзкому осужденію.

Еврейскому вопросу редакція «Лѣтописи» посвящаетъ много мѣста и горячо отстаиваетъ еврейскіе интересы.

Трофимовичъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Поэзія Арменіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Подъ редакціей, со вступительнымъ очеркомъ и примѣчаніями Валерія Брюсова. Изданіе Московскаго Армянскаго комитета. 1916. Стр. 523. Цѣна 5 руб.

Роскошный и объемистый томъ переводовъ армянскихъ поэтовъ является не только событіемъ для армянской поэзіи, но и большимъ праздникомъ для русской. Со временъ Н. В. Гербеля (70-ые годы прошлаго вѣка) мы не имѣли такой содержательной и полной антологіи, посвященной поэзіи какой-либо національности. Въ частности, съ армянской литературой и въ особенности съ поэзіей,—русскій читатель знакомъ по многочисленнымъ переводамъ, появлявшимся въ русской печати уже съ девяностыхъ годовъ. Однако, только теперь мы имѣемъ возможность не только ознакомиться съ армянской музой, но и систематически изучить ее.

Валерій Брюсовъ исполнилъ свою редакторскую работу со свойственной ему добросовѣстностью и систематичностью, и его сборникъ, дѣйствительно, выполняетъ основную задачу «представить въ характерныхъ образцахъ, въ русскомъ переводѣ, по возможности всю поэзію Арменіи, отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, на всемъ протяженіи ея полутора-тысячелѣтняго существованія».

Открывается сборникъ цѣлымъ рядомъ совершенно неизвѣстныхъ русскому читателю народныхъ пѣсенъ, какъ лирическихъ, такъ и эпическихъ, пѣсенъ громаднаго поэтическаго значенія и поразительной лирической мощи.

Далѣе съ исчерпывающей полнотой представлена поэзія средневѣковья, на которой мы видимъ, какъ поэтическое творчество, сперва (у Григорія Нарекскаго, Нерсеса Благодатнаго) чрезвычайно связанное религіозными идеями и библейскими темами, постепенно освобождается отъ своего служебнаго положенія и переходитъ къ исконному мотиву восточной поэзіи — соловью, влюбленному въ розу, къ лирикѣ любви (Григорій Ахтанарскій, Наапетъ Кучакъ и др.).

Слѣдующій большой этапъ—пѣсни ашуговъ, народныхъ пѣвцовъ, исполнявшихъ свои произведенія передъ многочисленными слушателями, часто при дворахъ царей. Извѣстнѣйшій и крупнѣйшій изъ нихъ Саятъ-Нова впервые возвелъ ремесло ашуга, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще поэзію, на небывалую высоту пророческаго слова, впервые предъявилъ къ ней серьезныя требованія, какъ со стороны формальной, такъ и идейной, и самъ же блестяще выполнилъ ихъ.

Далѣе—переходъ къ новой и современной поэзіи русскихъ и турецкихъ армянъ. Первымъ Брюсовъ удѣляетъ гораздо больше вниманія, основываясь на томъ, что именно они являются выразителями національно-армянскаго въ поэзіи, въ то время, какъ ихъ турецкіе соплеменники, посвящавшіе свое творчество «вѣчнымъ» темамъ и формальнымъ усовершенствованіямъ, интересны болѣе для самихъ армянъ, чѣмъ для русскихъ читателей. Крупнѣйшіе изъ поэтовъ, — Патканьянъ, Іоаннисіанъ, Цатуріанъ, Туманьянъ, Исаакіанъ, Тэріанъ—представлены очень полно и разнообразно, обнаруживая различныя грани своего творчества.

Вѣроятно, въ трудѣ г. Брюсова есть немало промаховъ, совершенно неизбѣжныхъ въ такого рода работахъ. Мы, однако, предоставляемъ ихъ перечисленіе спеціалистамъ. Замѣтимъ только отсутствіе, напр., стиховъ Левона Маширьяна, поэта, едва ли уступающаго въ своемъ значеніи нѣкоторымъ изъ нашедшихъ мѣсто въ сборникѣ, и уже перево-

дившагося на русскій языкъ Ю. Веселовскимъ.

Что касается самого перевода стихотвореній, то мы, не имѣя возможности сравнить ихъ съ оригиналами, должны отказаться отъ опредѣленнаго сужденія по этому поводу и положиться на редакторскую строгость В. Брюсова. Не можемъ мы только не отмѣтить двухъ промаховъ, тѣмъ болѣе непонятныхъ, что они сдѣланы вполнѣ сознательно. «Небольшое число пѣсенъ, главнымъ образомъ обрядовыхъ, — говорится на 494 стр.—переведено съ французскаго перевода А. Чобаньяна» — экспериментъ, по нашему мнѣнію, совершенно недопустимый, особенно по отношенію къ безыскусственной лирикѣ, гдѣ такъ важно уловить и передать всѣ нюансы; а объясненіе: «такъ какъ армянскій текстъ этихъ стиховъ получить не удалось» отнюдь не является оправданіемъ.

Но если этотъ поступокъ находитъ объясненіе въ томъ, что редакція хотѣла избѣжать пробѣла въ сборникѣ, то уже ничѣмъ нельзя ни объяснить ни оправдать второго эксперимента, продѣланнаго г. Брюсовымъ опять таки надъ произведеніями народнаго творчества, «джангюлюмами». Почему-то переводчикъ считалъ допустимымъ не только пропускать по своему усмотрѣнію припѣвъ, составляющій существеннѣйшую часть этихъ «веснянокъ», но и, по собственному признанію (см. стр. 104) «более или менѣе произвольно» соединять отдѣльныя чеырехстрочныя пѣсенки въ длинныя стихотворенія.

Подобные пріемы должны подвергнуться тѣмъ большему осужденію, чѣмъ значительнѣе то цѣлое, частью котораго они служатъ.

Книгѣ предпослано солидное предисловіе редактора, обнаруживающее не только большую эрудицію, но и опредѣленныя точки зрѣнія, какъ на армянскую литературу въ цѣломъ, такъ и на отдѣльныя явленія ея и на отдѣльныхъ представителей.

Въ общемъ, мы сомнѣваемся въ надеждахъ В. Брюсова, «чтобы предлагаемая книга не оказалась лишней и для читателя-армянина, владѣющаго русскимъ языкомъ» (развѣ, если онъ владѣетъ **только** русскимъ языкомъ), но во всякомъ случаѣ, русскій читатель будетъ благодаренъ ему за эту работу, выполненную съ большой любовью и съ большимъ умѣньемъ.

Д. Выгодскій.

Рюрикъ Ивневъ. «Золото Смерти». Изд. «Центрифуга». Ц. 50 к.

«Золото Смерти»! Но гдѣ же это золото смерти? Во всей книгѣ нѣтъ его ни одной крупинки; и совсѣмъ не позолоченной, а трупомъ безъ прикрасъ является смерть у Рюрика Ивнева.

«Я понимаю ясно лишь одно:
Не избѣжать мнѣ земляного сна».

Ничто не можетъ излечить Рюрика Ивнева отъ тоски приговореннаго къ смерти. Иногда онъ пробуетъ бороться съ навожденіемъ, со страхомъ смерти и стремится

«Достичь холоднаго спокойствія ума».
«Вотъ каждый мускулъ покоренъ умомъ.

Сегодня крыши и дома,
А завтра—тѣсный и единый домъ».

Впрочемъ и къ жизни онъ относится, какъ обреченный, ни въ чемъ не находя просвѣтленія, отдыха, интереса.

«За чьи то преступленья насъ сюда послали
Подъ хлесткіе удары и каторжныя пѣсни»

и еще

«Лишь я одинъ, не знающій, на что
Истратить деньги — кровообращенье».

Отчаяніе Рюрика Ивнева искренно и страшно въ своей оголенности. Онъ мечется, хочетъ за что-нибудь уцѣпиться, во что-нибудь повѣрить, хоть въ адъ.

«Съ наивною жаровней и крючками».

Рюрикъ Ивневъ—поэтъ города, его неумолимыхъ законовъ, его ужасовъ и грязи. Но онъ не славословитъ машины, трубы, толпу. Напротивъ, все это возбуждаетъ въ Рюрикѣ Ивневѣ болѣзненную тоску, острую муку.

Онъ боленъ, утомленъ, безволенъ и осужденъ вертѣться въ колесѣ чудовищной машины — города, хотя страданія уже свыше его силъ.

В. Аренсъ.

К. Маригодовъ. Проселокъ. Стихи. Москва 1917 г. Изд. журнала «Млечный путь». Стр. 56. Ц. 1 р. 50 к.

Въ современной литературной сумятицѣ и поэтическомъ самохвальствѣ, книжка г. Маригодова выдѣляется своей робостью и юношески-неувѣреннымъ тономъ. Онъ еще такъ молодъ, что въ учителя его попалъ не только Н. Клюевъ, но и С. Есенинъ. У послѣдняго взялъ авторъ свое молитвенно-благоговѣйное отношеніе къ природѣ, имъ навѣяны такіе образы, какъ

«А вечеръ надъ землей раздулъ свое кадило
И тихо машетъ имъ, роняя искры звѣздъ» (стр. 8)

Однако, у г. Маригодова есть и своя любовь къ природѣ, есть и свое пониманіе, свой подходъ и свои слова. Онъ тонко и чутко чувствуетъ природу, понимаетъ языкъ травъ и звѣрей, умѣетъ разбить соловьиную трель «на девять колѣнъ», знаетъ, почему кукуетъ по ночамъ кукушка. Онъ умѣетъ говорить такъ просто:

Вышла Божья Матерь на полоску,
Положила сына подъ березку,
Подъ головку положила василечекъ,
Прошептала: «Спи, засни, Сыночекъ».

Все это даетъ основанія предположить, что несамостоятельность г. Маригодова—преходящая; о преодолѣніи ея уже говорятъ нѣкоторыя стихотворенія («Соловьи», «Кукушка») его скромной книжки.

Д. В.

Ф. Ласковая. «Муть».

О мятущейся женской душѣ написана эта книга. Всѣмъ трудно: и тѣмъ, которыя пошли по старой испытанной женской дорогѣ—лишь въ любовь вложили всю жизнь свою —имъ душно въ любовномъ плѣну» («Опавшіе листья»), и тѣмъ, кто гордо и ревниво оберегаетъ свою душу отъ посягательства чужой воли на нее,—имъ тяжело занять свое мѣсто въ жизни.

Теперь много говорятъ и пишутъ о новой женщинѣ,—свободной и независимой, радостно пробивающей свою дорогу. Въ первой, наиболѣе интересной, повѣсти сборника авторъ показываетъ, какой цѣной покупается эта внутренняя женская свобода. Чтобы не погибнуть въ своей одинокой борьбѣ съ жизнью, женщина должна испытать такія страданія и перенести такія униженія, что жизнь ея подчасъ превращается въ тяжелый кошмаръ. И все же, она не отказывается отъ борьбы, хотя, по словамъ Мирры, героини повѣсти «Муть», «многія изъ насъ стали законными содержанками, другія устали и сложили руки, нѣкоторыя умерли, а кто посильнѣе и послабѣе, борется и сейчасъ». Эта борьба не проходитъ безслѣдно—Ласковая не идеализируетъ свою героиню—на днѣ души Мирры накопляется много «мути».

Жуткой правдой вѣетъ отъ повѣсти; написанная ярко и талантливо, она представляетъ собою незаурядное литературное явленіе.

Люсина.

А. Лозина-Лозинскій. Одиночество. Случайныя записки шатуна по свѣту.

Послѣ-революціонная эпоха—эпоха 1907—14 годовъ—дождется, конечно, своего выразителя и выявителя. И къ его работѣ большимъ и необходи-

мымъ подспорьемъ явятся книги Лозина-Лозинскаго, и, въ частности, его «Одиночество». «Пессимизмъ сердца»—это специфически-русское явленіе, на русской унылой нивѣ возросшее, русскимъ сѣрымъ дождемъ окропленное. Западъ мало знакомъ съ этимъ явленіемъ. Западъ далъ намъ яркіе, незабываемые образцы пессимизма разсудка, ума, но отъ стародавней русской болѣзни, особенно свирѣпствовавшей за послѣдніе годы, заразившей слишкомъ многихъ изъ послѣреволюціоннаго поколѣнія—болѣзни, называющейся отсутствіемъ воли къ жизни, и вкуса къ жизни—Западъ уберегся.

Лозина-Лозинскій честенъ въ своей книгѣ, и не старается оправдать свою болѣзнь, превратить изначальный порокъ своей души, пышно расцвѣтшій на траурномъ фонѣ 1907—14 годовъ, въ добродѣтель. Онъ знаетъ, что нѣтъ ничего легче, какъ оправдать всяческими умными и справедливыми словами и разсужденіями—непріятіе жизни, красоту недѣланія. Онъ знаетъ, насколько «эффектно» такое заданіе, какъ соблазнительно застыть въ презрѣніи къ міру, окутавшись плащемъ духовнаго максимализма.

Знаетъ все это, но не соблазняется мишурою дешеваго нигилизма и, напротивъ, вполнѣ ясно и отчетливо даетъ читателю понять, что на учительство своей книгой онъ не претендуетъ.

Если бы только этимъ—исповѣдью сына эпохи—ограничивалось значеніе книги Лозина-Лозинскаго, она представила бы большій интересъ для изслѣдователя болѣзненныхъ уклоненій общественной психологіи, нежели для читателя: она мало говорила бы эстетическому воспріятію.

Но, къ счастью, въ своей книгѣ Лозина-Лозинскій не только исповѣдуется—если не въ своихъ грѣхахъ, то въ грѣхахъ эпохи,—онъ кромѣ того чувствуетъ, наблюдаетъ и разсказываетъ. Въ этихъ «записяхъ шатуна по свѣту» — много лирики — грустной, красивой, ласкающей, много любви къ солнцу, много порываній къ радости. Всѣ эти стороны личности Лозина-Лозинскаго находятъ талантливое, художественное подчасъ, выявленіе на тѣхъ страницахъ его книги, гдѣ онъ разсказываетъ о людяхъ, о морѣ, о скалахъ, и мимо этихъ страницъ читатель съ развитымъ эстетическимъ вкусомъ равнодушно не пройдетъ.

Свидѣтельствуютъ эти страницы о томъ, что въ отдѣльныя минуты постигалъ Лозина-Лозинскій полно и радостно пріятіе жизни и творческое утвержденіе ея, утвержденіе въ борьбѣ, въ преодолѣніи. Но какъ было мало этихъ отдѣльныхъ минутъ, и какъ мало въ книгѣ Лозина-Лозинскаго страницъ, осѣненныхъ первичной, неразложимой радостью, и какъ много страницъ, напоенныхъ «пессимизмомъ сердца»!

Мих. Левидовъ.

С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Надъ Поёмой. Т. VI. Издательство «Жизнь и Знаніе». Петроградъ. 1917 г. Ц. 2 р.

Гусевъ-Оренбургскій хорошо знаетъ быть духовенства и любитъ изображать его.

Въ сборникѣ «Надъ Поёмой» шесть разсказовъ, и въ четырехъ изъ нихъ героями взяты духовныя лица. Вокругъ нихъ, какъ падающіе листья вокругъ дерева, движутся и осѣдаютъ остальные, необходимые по ходу повѣствованія персонажи.

Творчество Гусева-Оренбургскаго—простое, близкое къ жизни, глубоко реалистическое. Въ разсказахъ, вошедшихъ въ VI томъ, захвачены тѣ разнородныя теченія, которыя обозначились въ жизни глухой провинціи наканунѣ 1905 года и въ самый 1905 годъ. Въ повѣсти «Надъ Поёмой» описаны лѣто и осень 1905 года въ подгородномъ селѣ Малиновкѣ, и хотя повѣсть не даетъ полной картины тогдашнихъ, слишкомъ сложныхъ, переживаній, но все же, читая ее, многое вспоминается, на многомъ хочется остановиться. Повѣсть недостаточно углублена и разработана, дѣйствующихъ лицъ много, но

всѣ они, кромѣ двухъ-трехъ, обрисованы мелькомъ, да и трудно было, пожалуй, справиться съ тѣмъ калейдоскопическимъ движенiемъ, которымъ—не по волѣ автора, а по ходу событiй—насыщена повѣсть. Въ ней, какъ и въ другихъ, впрочемъ, разсказахъ, слишкомъ много философствуютъ, говорятъ о правдѣ, о разныхъ отвлеченныхъ вещахъ, и это ослабляетъ впечатлѣнiе отъ правдивыхъ и вѣрныхъ по основному рисунку разсказовъ Гусева-Оренбургскаго.

Лучшимъ разсказомъ въ книгѣ надо признать «Кошмаръ». Правдиво и ярко разсказана жуткая исторiя о томъ, какъ опьяненный своей властью атаманъ подвергъ осмотру всѣхъ дѣвицъ въ своей станицѣ, желая дознаться, которая изъ нихъ родила тайно ребенка, и какъ станичный батюшка о. Автономъ вступился, было, за виновную, но страхъ, малодушiе и нежеланiе ссориться съ атаманомъ побѣдили благой порывъ.

Въ разсказѣ «Лукичъ» разсказана правдивая исторiя спившагося, несчастнаго въ семейной жизни о. Луки, готоваго на жертвы, на подвигъ «за мiръ», но дѣлающаго это неразумно, нелѣпо, подъ влiянiемъ винныхъ паровъ. Въ результатѣ гибнутъ и о. Лука, и его паства, съ которой онъ пошелъ на кулака Корнила, перекупившаго у мужиковъ землю.

Слабѣ другихъ разсказъ «Судъ», написанный въ несвойственномъ Гусеву-Оренбургскому модернистскомъ стилѣ.

П. С-скiй.

Айзманъ. «Д ѣ т и».

Въ томъ уголкѣ жизни, который описываетъ Айзманъ въ своей книгѣ, царятъ голодъ, нужда и вѣчные спутники ихъ,—тоска и безнадежность. И дѣти, и взрослые здѣсь застыли въ недоумѣнiи передъ жизнью, которая такъ сурово ополчилась на нихъ. Рѣдки просвѣты въ этой тяжелой жизни, и все же они есть: у дѣтей—въ фантастическихъ мечтахъ, у взрослыхъ—въ неожиданно прозвучавшемъ словѣ участья, въ состраданьѣ и нѣжности несчастныхъ другъ къ другу. Когда Айзманъ описываетъ большiя страданiя и маленькiя радости своихъ героевъ, не мудрствуя лукаво, тогда онъ простъ и убѣдителенъ. Когда же онъ пытается разрѣшить психологическiя проблемы—хотя бы показать, какъ рабскую душу ужъ не выпрямитъ поздно пришедшая свобода—(«Подобiе Божiе»), тогда положенiе, въ которое онъ ставитъ своего героя, кажется надуманнымъ, и весь случай,—анекдотичнымъ. Очевидно, автору по силамъ лишь изобразительный рисунокъ.

Люсина.

А. Серафимовичъ. Воробьиная ночь. Разсказы. Народно-школьная библiотека. Т-во «Книгоизд. писателей въ Москвѣ». М. 1916 г. Цѣна 65 коп.

Думается, что эти разсказы, написанные просто и тепло, будутъ и тепло приняты читателями, для которыхъ предназначены. Въ нихъ нѣтъ «нарочитой» поддѣлки подъ народный языкъ, это подлинныя картинки, вѣрнѣе, даже этюды съ натуры. Славный, веселый разсказъ—«Въ станицѣ» о мальчишкахъ, которые ночью тайкомъ отъ отца удрали въ степь гонять волка. Много жизни и задушевности въ «Полосатомъ звѣрѣ». Красивый по описанiямъ природы разсказъ «На льдинѣ» изъ быта рыбаковъ на далекомъ сѣверѣ, производилъ бы болѣе сильное впечатлѣнiе, если бы не досадное недоумѣнiе въ концѣ его. Если замерзающiй рыбакъ Сорока въ послѣднюю минуту «незамѣтно для себя очутился въ лодкѣ» и былъ спасенъ, то почему въ заключительномъ, кстати, очень красивомъ пейзажѣ, «скорчившаяся фигура на одинокой льдинѣ»? Если же онъ замерзъ и лодку видѣлъ во снѣ, то какъ онъ могъ очутиться въ ней «незамѣтно для себя»? Съ чисто внѣшней стороны нужно еще замѣтить, что, если считать непонятнымъ для народа и требующимъ поясненiя въ выноскѣ слова «хаотическiй», то слѣдовало бы

пояснить и такія слова, какъ «титаны», «капюшонъ» и др.

Цѣна книжки невысока.

Т. Кладо.

А. Серафимовичъ. Клубокъ. Разсказы. Т. 9. «Т-во писателей въ Москвѣ». М. 1916.

Физіономія Серафимовича, какъ писателя, уже вполнѣ опредѣлилась, и «Клубокъ» не даетъ въ этомъ смыслѣ ничего новаго. Можно отмѣтить, что почти на всѣхъ его разсказахъ лежитъ отпечатокъ какой-то незаконченности,—не той чисто формальной незаконченности, которая часто безъ лишнихъ словъ даетъ полную внутреннюю ясность и цѣльность, — а незаконченности въ самомъ прямомъ смыслѣ, лишающей разсказы значительности и силы. Во всѣхъ нихъ чувствуется наблюдательность, есть своеобразныя, живыя черты, невольно затрагивающія читателя, но общее впечатлѣніе—расплывчатое и неопредѣленное. Поэтому болѣе другихъ удовлетворяютъ путевые очерки «Скитанія», гдѣ и не требуется никакой цѣльности: такъ, рядъ картинъ природы, наблюденій, настроеній, мѣстами искры мѣткаго, милаго юмора, и ничего больше. Книжка прочтется безъ скуки, но ничѣмъ не захватитъ.

Т. Кладо.

Поль Маргеритъ. L'Embusqué — романъ.

Очень трогательный романъ. Такъ жалко сначала читать о бѣдномъ художникѣ, которому измѣняетъ жена; да еще съ кѣмъ—помилуйте, съ молодымъ человѣкомъ, который не хочетъ итти защищать свою родину отъ полчищъ варваровъ-«бошей»! Но въ концѣ читателю подносится радостный сюрпризъ. Художника на войнѣ ранятъ, и его жена, умиленная доблестью своего супруга, къ нему возвращается, съ негодованіемъ и презрѣніемъ разставшись съ уклоняющимся отъ воинской повинности молодымъ человѣкомъ.

Думается, что будущій историкъ психологіи военнаго времени всю силу своего вниманія сосредоточитъ на невѣроятномъ отупѣніи, моральномъ и умственномъ, столь типичномъ для нынѣшней эпохи. Далеко вѣдь не случайность, что человѣкъ утонченной культуры, какъ Поль Маргеритъ, бывшій, между прочимъ, однимъ изъ проповѣдниковъ толстовства во французской литературѣ, — сводитъ всѣ психологическіе уроки и потрясенія войны къ банальной исторіи благополучно закончившагося адюльтера, обращаетъ войну въ эффектную, новую рамку для старой, старой картины.

Неудивительно, если этотъ пріемъ использованія для беллетристическихъ цѣлей военныхъ событій примѣняютъ россійскіе патріоты отъ литературы: кому мало дано, съ того мало и взыщется. Но отъ Поля Маргерита хотѣлось бы большаго,—написалъ вѣдь онъ о войнѣ 1870—1871 г. романъ, если и не особенно талантливый, то, во всякомъ случаѣ, серьезный, вдумчивый, носящій характеръ соціальнаго документа.

А относительно L'Embusqué этого совсѣмъ не скажешь. Весь комплексъ наблюденій романиста объ имѣвшемъ мѣсто колоссальномъ сдвигѣ въ быту, о жизни въ войнѣ,— сводится къ короткой формулѣ: всѣ возродились душой и забыли о своихъ порокахъ. Скупые стали щедрыми, эгоисты — альтруистами, дамы свѣта и полусвѣта—геройскими сестрами милосердія, а объ ушедшихъ на войну мужчинахъ и говорить нечего. И единственное темное пятно на свѣтломъ фонѣ «военнаго возрожденія» Франціи—этотъ самый Embusqué въ переводѣ—«уклоняющійся».

И наболѣе досадно, конечно, то, что Поль Маргеритъ претендуетъ въ романѣ дать широкую соціальную картину. Въ романѣ фигурируютъ персонажи изъ различныхъ слоевъ общества—представители богемы, денежной аристократіи, чиновничества, низшихъ классовъ; передъ читателемъ проходятъ историческіе сцены и дни—объявленіе войны, убійство Жореса, засѣданіе парламента 4 августа, отступленіе послѣ битвы при

Шарлеруа, побѣда на Марнѣ... Какой тутъ матеріалъ, какія возможности для соціально-психологическаго романа! А въ романѣ Маргерита страницы сухого репортерскаго отчета перемежаются со страницами казенно-слащаваго умиленія. И это все.

Какъ бы ни относиться къ войнѣ, но чувство боли за человѣка—француза-ли или нѣмца — застигнутаго войною, должно охватить каждаго, пытающагося выявить ее въ художественныхъ образахъ. Но ни этого чувства, ни даже чувства уваженія къ войнѣ не найти у Маргерита.

Вѣрится, что когда-нибудь придетъ художникъ, который разскажетъ намъ не о тѣхъ, кто кричали «ура», и возрождались душою, а о тѣхъ, кто молчали и страдали. И для такого художника романы, подобные роману Маргерита, явятся цѣннѣйшимъ матеріаломъ, матеріаломъ, показывающимъ, какъ не нужно писать о войнѣ.

Мих. Левидовъ.

П. Е. Щеголевъ. Дуэль и смерть Пушкина. Изслѣдованіе и матеріалы. Отдѣльный оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники», вып. XXV—XXVII, Петроградъ, 1916, стр. XXI+170+376. Ц. 4 р. 50 к.

Лежащій передъ нами большой томъ представляетъ собою примѣръ историко-литературнаго изслѣдованія рѣдкой добросовѣстности, и значеніе его для изученія Пушкина весьма важно.

Задача тринадцатилѣтнихъ изысканій г. Щеголева была троякая: «розыски матеріаловъ, критическая ихъ разработка и, какъ результатъ, попытка прагматическаго построенія исторіи дуэльныхъ событій» (стр. XVII). Съ первой задачей г. Щеголевъ справился какъ нельзя лучше: планомѣрные и упорные его поиски увѣнчались несомнѣннымъ успѣхомъ. Ему удалось найти много цѣнныхъ матеріаловъ въ архивахъ частныхъ лицъ и иностранныхъ дворовъ; между прочимъ, письма и донесенія барона Геккерена, сообщенія иностранныхъ пословъ своимъ правительствамъ о смерти Пушкина и т. д. Къ сожалѣнію, нѣкоторые документы, въ томъ числѣ едва-ли не одни изъ самыхъ интересныхъ— письма Натальи Пушкиной,—остаются до сихъ поръ недоступными для изслѣдованія.

Не менѣе цѣнной является и мастерская разработка матеріаловъ, критическое ихъ толкованіе; въ частности, съ исключительнымъ вниманіемъ воспроизведено знаменитое письмо Жуковскаго. Изслѣдователь вскрылъ очень долгую предварительную работу Жуковскаго надъ своимъ письмомъ и опредѣленно выяснилъ, что, выражаясь осторожно, перо Жуковскаго «не считалось съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей» (стр. 23), и что нарисованный имъ образъ поэта, примирившагося передъ смертью съ Богомъ и съ императоромъ, является не только пріукрашеннымъ, но просто вымышленнымъ. Въ дѣйствительности, Пушкинъ не только не произнесъ, но и не могъ (какъ въ силу физическаго состоянія въ эти минуты, такъ и настроенія послѣднихъ лѣтъ) произнести пресловутыхъ словъ: «скажи Государю, что мнѣ жаль умирать; былъ бы весь его. Скажи ему, что я ему желаю долгаго, долгаго царствованія, что я ему желаю счастія въ его сынѣ, счастія въ Его Россіи». Все это выдумали и разукрасили близкіе къ Пушкину люди, и во главѣ ихъ Жуковскій, чтобы снискать расположеніе государя къ умирающему поэту и его семьѣ. Характерно, что государь отлично понималъ это, и все, что онъ сдѣлалъ для умирающаго поэта, исходило не изъ любви къ нему, а исключительно изъ снисходительности къ просьбамъ Жуковскаго. Онъ не вѣрилъ ни въ вѣрноподданническія чувства Пушкина, ни въ его христіанское смиреніе, опредѣленно зная, что Пушкина «насилу довели до смерти христіанской».

Самымъ слабымъ мѣстомъ книги г. Щеголева является его сводка из-

терiаловъ въ одно цѣльное построенiе. Окончательно дискредитировавъ чисто житiйное описанiе Жуковскаго, г. Щеголевъ перегнулъ палку въ другую сторону, и трагедiя Пушкина получила въ его освѣщенiи характеръ обыкновенной мѣщанской драмы. Какъ-то слишкомъ все упростилъ г. Щеголевъ, раздѣливъ героевъ трагедiи на благодѣтельныхъ и порочныхъ, и недостаточно внимательно отнесся, какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ.

Въ общемъ, очень умѣло орудуя съ документами и фактическимъ матерiаломъ, г. Щеголевъ не далъ соотвѣтствующаго проникновенiя въ психологiю дѣйствующихъ лицъ и не вскрылъ т а й н ы х ъ пружинъ трагедiи. Загадка остается и послѣ его изслѣдованiя загадкой, и за заключительной фразой его «Пушкинъ былъ на своемъ смертномъ одрѣ», у внимательнаго читателя неминуемо встаетъ вопросъ:

— Почему-же?

Д. Выгодскiй.

С. Г. Теръ-Микельянъ. Б о л ь н а я д у ш а Г о н ч а р о в а.

Небольшая работа Теръ-Микельянъ вся посвящена той сторонѣ бiографiи Гончарова, въ которой сказалась его психическая ненормальность. Вотъ воистину книга, которая принесла бы большое горе Гончарову. Гончаровъ приказывалъ своимъ друзьямъ уничтожать его письма, и мысль о томъ, что когда-нибудь бiографъ будетъ всенародно разбирать факты его личной жизни, приводила его въ ужасъ. Можетъ быть поэтому довольно долго бiографы удерживались отъ обнародованiя документовъ, касающихся частной жизни Гончарова. Но запретъ уже нарушался, и Теръ-Микельянъ только систематизировала проскользнувшiе въ печать документы. Оказалось, что ихъ довольно много, такъ что можно шагъ за шагомъ прослѣдить, какъ болѣлъ и страдалъ Гончаровъ. Манiя преслѣдованiя, нерѣшительность, болѣзнь почекъ, геморой и, наконецъ, мучительная полуслѣпота и глухота, все это отравляло жизнь Гончарову.

Теръ-Микельянъ для того, чтобы написать свою работу, прочла всѣ замѣтки о Гончаровѣ, сложила ихъ вмѣстѣ, разбила по годамъ и болѣзнямъ, и дѣйствовала со своей точки зрѣнiя вполнѣ правильно и умѣло. Но возможенъ другой вопросъ: для чего все это нужно? Можетъ быть это объясняетъ творчество Гончарова? Оказывается, нѣтъ. По крайней мѣрѣ Теръ-Микельянъ замѣчаетъ: «Въ глубинѣ его души были заложены здоровые, мощные пласты, на основѣ которыхъ только и возможно было созданiе такихъ эпическихъ, монументальныхъ и спокойныхъ произведенiй, какъ «Обломовъ» и «Обрывъ». Это замѣчанiе очень любопытно. Писалъ человѣкъ о писателѣ Гончаровѣ, даже о Ломброзо вспомнилъ по поводу связи генiя съ помѣшательствомъ, а когда написалъ, то оказалось, что творчество писателя было основано на какихъ-то другихъ пластахъ души, которые въ бiографiи то и не сказались.

Нужно отдать справедливость добросовѣстности автора. Обыкновенно «изслѣдователи», разобравшись въ бiографiи писателя, начинаютъ натягивать на колодку его жизни узоръ его искусства. Но если оказалось, что бiографическiя свѣдѣнiя, найденныя въ результатѣ прилежной работы, ничего не объяснили въ творчествѣ писателя, то зачѣмъ же было нарушать священное право человѣка, право закрывать двери своей комнаты, право любить и ѣсть не подъ стекломъ, право, о нарушенiи котораго съ гнѣвомъ говорили Байронъ, Пушкинъ и хотя бы тотъ же Гончаровъ.

Викторъ Шкловскiй.

Д. Д. Галанинъ. М и х а и л ъ В а с и л ь е в и ч ъ Л о м а н о с о в ъ, к а к ъ м i р о в о й г е н i й р у с с к о й к у л ь т у р ы. **Москва. 1916 г. Стр. 88. Цѣна 80 к.**

Книжка г-на Галанина—одинъ изъ

плодовъ той «патріотической» переоцѣнки цѣнностей, которая вызвана нынѣшними событіями. Основная цѣль автора доказать, что Ломоносовъ — геній русской культуры, что «въ основѣ всѣхъ его изысканій лежало то, что онъ пріобрѣлъ, изучая Магницкаго, и то, что онъ усвоилъ въ московской школѣ», несмотря на то, что ему удалось «использовать свое пребываніе въ Германіи со всей полнотой: больше того, что она дала, Германія не могла дать» (стр. 63). И все это оказывается весьма простымъ и понятнымъ: просто «въ 18-мъ вѣкѣ Россія не только могла, но какъ бы должна была создать и научнаго міровою генія» (стр. 16).

Эти отнюдь не научные и заранѣе предуказанные выводы заставляютъ г-на Галанина зачастую подгонять къ нимъ событія и извѣстія. Но и этого оказывается недостаточнымъ; приходится прибѣгать къ всевозможнымъ догадкамъ и предположеніямъ, рѣшительно ни на чемъ не основаннымъ. Правда, они и не выдаются за истинное, и почти на каждой страницѣ мы встрѣчаемся съ многократными оговорками: «я думаю», «мнѣ кажется» и даже съ такими осторожными утвержденіями: «я думаю, что можно съ большой вѣроятностью думать»... и т. д.—но какая же тогда въ нихъ цѣнность? Вотъ примѣръ научнаго разсужденія г. Галанина: «Мнѣ кажется, что въ стѣнахъ Спасскихъ школъ свило себѣ прочное гнѣздо стремленіе къ естествознанію. Для обоснованія этого положенія я вновь вернусь къ дѣлу Тверитинова, которое, какъ мнѣ кажется, и началось въ Спасскихъ школахъ» (стр. 46). Одно кажется потверждается другимъ кажется, и на ихъ переплетеніяхъ построено все. «Я думаю—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 34),—что нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Андрей Денисовъ сохранилъ сношенія съ Ѳеофаномъ». Противъ этого, конечно, спорить трудно, но наврядъ-ли менѣе вѣроятно и обратное предположеніе. Г-нъ Галанинъ наивно упустилъ изъ виду, что научное построеніе создается не изъ «не невѣроятныхъ» и даже не изъ вѣроятныхъ, а непремѣнно изъ достовѣрныхъ положеній.

А что авторъ дѣйствительно претендуетъ на научное значеніе своей работы, за это говорятъ богатые и разнообразные матеріалы, которые онъ привлекъ въ своей книгѣ.

Д. Выгодскій.

Ю. Айхенвальдъ. «Слова о словахъ». Критическія статьи. Книгоиздательство бывш. М. В. Попова. Петроградъ.

Въ книгахъ г. Айхенвальда есть безспорныя достоинства: онѣ красиво и талантливо сдѣланы. Стиль этого популярнаго писателя тонокъ и изященъ. Онъ любитъ слово, хорошо чувствуетъ его музыкальную природу — оттого-то всѣ опредѣленія г. Айхенвальда такъ звучны и четки. Есть въ языкѣ его что-то нарядное, праздничное. «Упоительный нектаръ его слога, чары его описаній» — такъ пишетъ онъ про Флобера. Почитать Щедрина—по г. Айхенвальду значитъ: отвѣдать его «суровой трапезы». Онъ любитъ пряную изысканность выраженій, его плѣняетъ мелодичность рѣчи и съ большой тщательностью облекаетъ онъ словесной тканью свои мысли и настроенія. Эпитеты, которыми, съ щедростью богача, надѣляетъ нашъ авторъ писателей,— разнообразны и гибки. Онъ умѣетъ становиться съ художникомъ лицомъ къ лицу и непринужденно слѣдить за сложнымъ узоромъ писательскихъ переживаній.

Чужое творчество отражается въ книгахъ г. Айхенвальда, какъ въ хорошемъ зеркалѣ. И если критика— зеркальное стекло,—г. Айхенвальдъ, разумѣется, идеальный критикъ.

Но только-ли зеркало?

Въ статьѣ своей «Отрицаніе театра» авторъ замѣчаетъ мимоходомъ:

«Хотя критикъ и располагаетъ матеріаломъ чужихъ словъ, однако, онъ говоритъ своими словами... У

него есть то главное, тотъ элементъ творчества, котораго недостаетъ актеру: свое слово, т. е. неистощимый источникъ новыхъ цѣнностей»... Это —глубокая правда. Но вотъ вопросъ: есть-ли такія «слова» у г. Айхенвальда? Отвѣтимъ кратко: нѣтъ; «своихъ», ему одному принадлежащихъ, у г. Айхенвальда не имѣется. Есть въ немъ что-то отъ столь нелюбимаго имъ Валерія Брюсова: подобно знаменитому поэту, г. Айхенвальдъ могъ бы сказать про себя: «и всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ». У него много кумировъ—и ни одного собственнаго; много словъ—и ни одного настоящаго, пламеннаго, въ которое самъ онъ увѣровалъ бы фанатически. Онъ любитъ литературу вообще, и его широкое сердце вмѣщаетъ рядышкомъ Чехова и Салтыкова-Щедрина, Тренева и Гюи-де-Мопасана, Аполлона Григорьева и Реми-де-Гурмона. Есть въ всепріемлемости г. Айхенвальда какой-то гастрономизмъ. Подобно пчелѣ, въ каждомъ литературномъ цвѣткѣ найдетъ нашъ критикъ каплю меда. Потому-то онъ настроенъ всегда столь доброжелательно. Это наиболѣе идилличный среди критиковъ современности. И въ этой готовности его благословить всякое слово, пріять художниковъ разныхъ стилей и разныхъ мыслей — чуется глубокая его незаинтересованность въ этихъ стиляхъ и въ этихъ мысляхъ.

Каковъ-же духовный ликъ г. Айхенвальда? Хочется сказать про него тѣми-же словами, какими характеризовалъ онъ въ настоящей книгѣ Реми-де-Гурмона: «Изящный диллетантъ, непринужденный туристъ духа, врагъ моральной осѣдлости, онъ въ прихотливой игрѣ ума, въ арабескахъ мысли находилъ себѣ высокое наслажденіе»... Подобно французскому импрессіонисту, онъ «вообще гуляетъ по міру, какъ по улицѣ, интересной и оживленной, нигдѣ подолгу не останавливаясь, дольше всего разсматривая витрины книжныхъ лавокъ».

Потому-то изящно сдѣланныя книги г. Айхенвальда не волнуютъ, хотя прочитываются съ удовольствіемъ. Его нашумѣвшее «Отрицаніе театра», которымъ открывается книга, яркое, парадоксальное, построенное на игрѣ словъ и двухъ-трехъ невѣрныхъ утвержденіяхъ, — скользитъ какъ-то по сознанію, сердитъ умъ, не задѣвая глубоко, вопреки явнымъ намѣреніямъ автора. Съ обычными достоинствами и интереснѣе другихъ написана статья—о письмахъ Чехова. Нѣкоторыя мѣста статьи о Салтыковѣ-Щедринѣ вызываютъ улыбку: «Да, онъ принималъ литературу всерьезъ», — пишетъ про Щедрина г. Айхенвальдъ.—«Есть что-то въ его дарованіи сердитое и строгое; къ тому же сатира его не узка: не только его нельзя обвинить въ односторонности, но и можетъ показаться, что, наоборотъ, онъ — черезчуръ многосторененъ». Какая жалость, что этого раньше не открылъ намъ г. Айхенвальдъ. А мы-то думали совсѣмъ наоборотъ!

Прочія статьи — о Мопассанѣ и Флоберѣ, Реми-де-Гурмонѣ и Лагерлефъ, Треневѣ и Б. Садовскомъ— изящны и интересны, прочитываются стремительно и, увы! — забываются съ такой же быстротой.

Въ общемъ же книга г. Айхенвальда, мѣтко озаглавленная: «Слова о словахъ»,—является лишнимъ поводомъ для весьма пессимистическихъ сужденій о судьбахъ нашей критики. Если наиболѣе одаренные таковы— что сказать о прочихъ? Или, быть. можетъ, дѣло здѣсь не въ личной одаренности, а въ чемъ-то иномъ? Въ иныхъ какихъ-то свойствахъ духа, въ условіяхъ эпохи, въ утерянной нами способности загораться, энтузіастически относиться къ искусству, къ литературѣ, къ самой жизни? Какъ не помянуть при этомъ добраго стараго времени, когда люди умѣли вѣрить и пламенѣть, ибо, если выбирать, то ужъ лучше узкій фанатизмъ вѣрующаго, чѣмъ кисло-сладкое всепріятіе переутонченныхъ нашихъ современниковъ.

Вяч. Полонскій.

А. и М. Круазе. История греческой литературы. Переводъ В. С. Елисѣевой, подъ редакціей С. А. Жебелева. Изд. II, пересмотрѣнное. Петроградъ, 1916 г. Стр. XII+786. Цѣна 2 р. 50 к.

Переводъ книги Круазе, появляющейся уже 2-мъ изданіемъ и донынѣ имѣвшейся лишь въ неполномъ переводѣ Радцига (первыя 15 главъ), восполняетъ большой пробѣлъ въ русской научной литературѣ.

Книга Круазе является собственно учебникомъ, или книгой для самообразованія, сокращеніемъ и переработкой большого многотомнаго научнаго труда тѣхъ же авторовъ. Она обнимаетъ литературу отъ ея первыхъ шаговъ до константиновской эпохи и отцовъ церкви, писавшихъ еще по-гречески. Изложеніе очень научное, ясное, отчетливое, довольно живое и образное. Пользоваться ею, однако, безъ чтенія самихъ авторовъ, трудно; цитатъ и отрывковъ очень мало; авторы сознательно отказались отъ мысли загромоздить ими и безъ того большой томъ и сдѣлать изъ него хрестоматію. Заинтересовавшійся греческой литературой, конечно, прочтетъ Гомера, Аристофана и трагиковъ; прочтетъ, хотя бы въ отрывкахъ, Геродота и Ѳукидида, главныхъ ораторовъ; но для этого нужно бы имѣть въ пособіи Круазе побольше цитатъ для указанія важнѣйшихъ для чтенія мѣстъ: не-спеціалистъ не можетъ читать в с ѣ огромныя произведенія позднѣйшихъ историковъ, Полибія, Діодора, Діонисія и не знаетъ, что выбрать. Труднѣе всего это въ отношеніи лириковъ, мало имѣющихся въ переводахъ, и тутъ можно пожалѣть, что книга все-таки не увеличена и не дано побольше отрывковъ Ѳеогнида, Алкея и особенно Гезіода. Русскіе стихотворные отрывки Церетели очень хороши, и этимъ русское изданіе выигрываетъ передъ французскимъ. Цѣнность его увеличивается еще и полнотой библіографіи, отсутствующей въ подлинникѣ и обработанной проф. Жебелевымъ. Переводъ вполнѣ хорошій.

Н. Брюллова-Шаскольская.

Д. К. Зеленинъ. Очерки русской миѳологіи. Выпускъ первый: Умершіе неестественною смертью и русалки. Петроградъ, 1916 г. 4 рубля.

Послѣ того, какъ прошло увлеченіе миѳологической теоріей съ попыткой конструировать русскій Олимпъ (Аѳанасьевъ, О. Миллеръ, Безсоновъ), этнографическія изслѣдованія стали рѣдки, научныя теченія вродѣ спора фольклористовъ Бекфея и Бедье сошли на нѣтъ, сами этнографическіе вопросы стали въ тѣнь, такъ какъ утрачены были принципы этнографическихъ изслѣдованій. Поэтому въ высшей степени цѣнной является попытка не только пересмотрѣть, но методологически заново поставить вопросъ объ этнографіи. Такова работа Д. К. Зеленина «Очерки русской миѳологіи» съ подзаголовкомъ: «Умершіе неестественной смертью и русалки». Вопреки теоріи «заимствованій», авторъ исходитъ изъ того взгляда, что миѳологическія изслѣдованія могутъ быть производимы по даннымъ одного или нѣсколькихъ сосѣднихъ или родственныхъ народовъ, а не всего вообще этнографическаго или фольклористическаго матеріала. Такія работы, «по этнографіи отдѣльныхъ народовъ» должны имѣть, по его мнѣнію, «самодовлѣющее», а не служебное только значеніе. Если бы этотъ методъ былъ доказанъ, мы стояли бы на рубежѣ изслѣдованій новаго типа. Образецъ ихъ—работа г. Зеленина. Она основана на богато собранномъ матеріалѣ, извлеченномъ изъ повременныхъ провинціальныхъ изданій, архивныхъ рукописныхъ данныхъ И. Г. О., собственныхъ этнографическихъ изысканій. Предметъ изслѣдованія — «умершіе неестественной смертью и русалки». На матеріалѣ, главнымъ образомъ, русскомъ или, точнѣе, мѣстномъ,

г. Зеленинъ пытается объяснить обряды и повѣрья, связанныя съ умершими неестественною смертью, вводя поправки въ существующіе въ наукѣ взгляды на культъ предковъ (108). Онъ характеризуетъ древненародный дохристіанскій взглядъ на землю. Земля чиста и свята; она не принимаетъ «заложныхъ« (6 кн.), (такъ по народному называетъ г. Зеленинъ умершихъ неестественною смертью). Находясь въ распоряженіи нечистой силы (9), они еще доживаютъ свой положенный срокъ (5) въ разныхъ нечистыхъ мѣстахъ (11). Самыя мѣста нахожденія заложныхъ страшны (13). Они всячески вредятъ людямъ (18). Заложныхъ нельзя хоронить на кладбищахъ—вѣдь это мѣсто чистое—«община родителей» (57). Въ старину ихъ оставляли «на путяхъ», «на перекресткахъ» или просто бросали въ болотныхъ мѣстахъ (55). Потомъ ихъ стали сносить въ особыя ямы, которыя въ Семикъ закапывались. Церковь вступила въ борьбу съ этимъ народнымъ обычаемъ, начавъ устраивать на мѣстѣ этихъ ямъ такъ называемыя «скудельницы» или «Божьи дома» (60) и совершая торжественныя похороны. Г. Зеленинъ интересно вскрываетъ, какъ боролись эти два теченія — языческіе понятія о святости земли и христіанская проповѣдь гуманныхъ чувствъ къ несчастнымъ (63) и какъ компромиссно примирялись они въ семицкихъ похоронныхъ обрядахъ, такъ напоминающихъ старыя тризны (107). Но, несмотря на воздѣйствіе христіанства, народная традиція была крѣпка. Г. Зеленинъ иллюстрируетъ позднѣйшее сохраненіе ея народнымъ убѣжденіемъ, что нарушеніе обрядовъ, связанныхъ съ «заложными покойниками» ведетъ за собой бездождіе и неурожаи.

Вторая половина изслѣдованія Зеленина посвящена «русалкамъ». Русалки, по нему, есть умершія преждевременно неестественною смертью женщины и дѣти. Авторъ усиленно полемизируетъ съ взглядомъ на нихъ, какъ на души умершихъ предковъ (С. Соловьевъ, Аѳанасьевъ). Но общее представленіе объ нихъ авторъ считаетъ сложнымъ. Отмѣчая, что «образа, в п о л н ѣ соотвѣтствующаго русскимъ русалкамъ, нѣтъ у другихъ народовъ» (209), онъ находитъ въ немъ слѣды представленій греческихъ сиренъ, лѣшихъ, водяныхъ. Реалистическое толкованіе г. Зеленина, основанное имъ на этнографическихъ данныхъ, могло найти еще подтвержденіе въ анализѣ типическихъ дѣйствій русалокъ. Въ нихъ слишкомъ рельефно выступаетъ п а т а л о г и ч е с к і й женскій типъ. Почти повсемѣстная характеристика русалокъ—это порывистые переходы отъ плача къ хохоту, рѣзкая неожиданность и неестественность дѣйствій, щекотаніе встрѣчныхъ, страдальческое состояніе души. Въ примѣрахъ г. Зеленина множество яркихъ иллюстрацій этого истерическаго состоянія женщинъ, ставшихъ русалками, «потому что онѣ наложили на себя руки» по одному мѣстному сообщенію (119). Все это такъ напоминаетъ несчастныхъ страдалицъ былыхъ временъ—разныхъ «кликушъ», «юродивыхъ женокъ» и «бабъ богомерзкихъ» (см. сборникъ статей, посвященный В. О. Ключевскому), которыхъ такъ много знала старая Русь и которыя своимъ «неистовствомъ» наводили паническій страхъ, какъ одержимыя нечистой силой; впечатлѣнія отъ нихъ, несомнѣнно, были перенесены на русалокъ. Такъ, благодаря новому методу, книга г. Зеленина освѣщаетъ много интереснаго въ родной русской дѣйствительности и должна быть признана цѣннымъ вкладомъ въ русскую этнографію.

А. Смирновъ-Кутаческій.

В. Ключевскій. С к а з а н і я и н о с т р а н ц е в ъ о М о с к о в с к о м ъ г о с у д а р с т в ѣ. Москва. 1916 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Опубликованіе литературнаго наслѣдства В. О. Ключевскаго и переизданіе его печатныхъ трудовъ, хо-

тя и медленнымъ темпомъ, но все же подвигается впередъ. Передъ нами—«Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ»—первая его работа, представленная въ 1865 году для полученія степени кандидата исторіи и напечатанная впервые въ «Извѣстіяхъ Московскаго Университета». Съ тѣхъ поръ прошло уже полвѣка, кандидатское сочиненіе студента Ключевскаго безслѣдно исчезло съ книжнаго рынка, обратившись въ большую библіографическую рѣдкость, а на смѣну ему и до сихъ поръ не появилось ни одного новаго труда на ту же тему. Эта работа и теперь сохраняетъ свое прежнее значеніе, какъ единственный критическій сводъ показаній иностранцевъ о «московитахъ».

Въ своемъ обзорѣ покойный историкъ ограничился «иностранными извѣстіями только о тѣхъ сторонахъ древней Россіи, изображеніе которыхъ наименѣе могло потерпѣть отъ произвол личныхъ сужденій писателей». Сюда относятся географическія свѣдѣнія о Московскомъ Государствѣ, видъ страны, климатъ, почва и ея произведенія, народонаселеніе, города, торговля, особенности управленія, финансы, военное устройство. Свѣдѣнія объ указанныхъ сторонахъ жизни Московскаго Государства сгруппированы за три вѣка, но преимущественно касаются XVI и XVII столѣтій.

Уже въ этой первой работѣ знаменитаго историка обнаруживается даръ мѣткаго анализа и художественнаго возсозданія явленій прошлаго, столь ярко проявившійся въ зрѣлый періодъ его научнаго творчества. Но В. О. Ключевскій не соглашался на перепечатку этой работы безъ существенныхъ измѣненій въ текстѣ и планѣ ея, взяться же за передѣлку ея онъ не успѣлъ.

Въ настоящемъ изданіи книга воспроизводится въ первоначальномъ своемъ видѣ, а дополненія къ ней, представляющія ссылки на новые переводы нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей и указанія на позднѣйшую (русскую) литературу о нихъ, отнесены въ особое приложеніе въ концѣ книги, составленное Я. Л. Барсковымъ. Согласно желанію покойнаго историка, приложенъ указатель личныхъ и географическихъ именъ..

Мы не сомнѣваемся, что переизданная работа В О Ключевскаго найдетъ такой же доступъ въ широкій кругъ читателей, какъ и предшествующіе выпуски его сочиненій. Остается только пожелать, чтобы тяжелыя условія военнаго времени не помѣшали издателямъ выпустить въ недалекомъ будущемъ и другіе еще неизданные труды покойнаго историка и прежде всего пятый томъ «Курса русской исторіи» и монографію «Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ», представляющую теперь такую же рѣдкость, какъ и «Сказанія».

А. Кудрявцевъ.

Историческія Извѣстія, издаваемыя Историческимъ Обществомъ при Московскомъ Университетѣ. Москва. 1916 г. №№ 1—4.

Новый историческій журналъ ставитъ своей задачей—«учесть плодотворныя дѣйствія русскихъ ученыхъ силъ, и путемъ такого освѣдомленія объединить русскихъ историковъ и всѣхъ, кто интересуется успѣхами историческаго знанія». Редакціонный Комитетъ журнала, состоящій изъ видныхъ московскихъ историковъ (М. М. Богословскій, С. Б. Веселовскій, Ю. В. Готье, Д. Н. Егоровъ, А. Н. Савинъ, Б. А. Тураевъ и др.), особенно старается подчеркнуть фактъ появленія первой книжки «Историческихъ Извѣстій» «въ моментъ величайшей исторической отвѣтственности» и указываетъ на настоятельную необходимость для дѣятелей науки объединиться подобно тому, какъ это сдѣлали уже «люди практическаго жизнестроительства». «Вѣдь и у насъ, заявляетъ редакція, въ средѣ историковъ... хожденіе по отдѣльнымъ дорогамъ, въ лучшемъ случаѣ—пребываніе «каждаго со родомъ своимъ» излишне ослабляли и

ненужно разслояли, увеличивая зависимость отъ заграничныхъ объединенныхъ выступленій».

Проводниками такого объединенія, по мнѣнію редакціи, должны служить — «съѣзды историковъ р у с с к и х ъ» (курсивъ редакціи) и «историческій органъ освѣдомительнаго типа». Въ нынѣшній вѣкъ борьбы со всякими «засильями», призывъ къ объединенію, трактуемому въ терминахъ общеполитическаго и національнаго объединенія, невольно заставляетъ настораживаться. Во всякомъ случаѣ редакція своими не совсѣмъ ясными заявленіями беретъ на себя большую отвѣтственность за направленіе журнала.

Обращаясь «къ содержанію вышедшихъ книжекъ «Историческихъ Извѣстій», мы находимъ въ нихъ рядъ статей по отдѣльнымъ вопросамъ русской и всеобщей исторіи. Изъ нихъ необходимо выдѣлить два очерка И. И. Любименко—«Новыя работы по исторіи сношеній Московской Руси съ Англіей» (№ 2) и «Проэкты англо-русскаго союза въ XVI и XVII вѣкахъ» (№ 3—4). Авторъ уже обратилъ на себя вниманіе цѣнными изслѣдованіями по исторіи торговыхъ сношеній России съ Англіей; къ нимъ примыкаютъ и указанные очерки, при чемъ первый помогаетъ разобраться въ литературѣ этого вопроса, а второй даетъ изложеніе дипломатическихъ сношеній между названными государствами. Весьма любопытную попытку дѣлаетъ С. Бахрушинъ въ статьѣ—«Туземныя легенды въ «Сибирской исторіи» С. Ремезова» (№ 3—4). На основаніи остроумнаго и тщательнаго анализа Ремезовской лѣтописи авторъ выдѣляетъ изъ нея отрывки туземнаго эпоса Сибири XVII в. и устанавливаетъ вліяніе этихъ народныхъ преданій на построеніе исторіи завоеванія Сибири въ мѣстныхъ лѣтописныхъ сводахъ. Н. И. Карѣевъ въ очеркѣ «Реакція въ парижскихъ секціяхъ послѣ 1 преріаля IV года» (№ 3—4) даетъ продолженіе своихъ прежнихъ изслѣдованій о парижскихъ секціяхъ, а Е. В. Спекторскій въ статьѣ «Эпигоны монархомаховъ» (№ 2) знакомитъ съ литературными выразителями религіозной и дворянской оппозиціи противъ абсолютной монархіи въ XVII и XVIII в.в.

Но особенно цѣнны и наиболѣе удачны спеціальные обзоры литературы по отдѣльнымъ вопросамъ. Кромѣ указаннаго выше очерка И. И. Любименко, отмѣтимъ обстоятельный обзоръ М. А. Поліевктова—«Литература по внѣшней русской исторіи XVIII—XIX в.в. за 1900—1915 г.г.» (№ 1), чрезвычайно интересную и полезную статью Б. А. Тураева—«Наука о древнемъ Востокѣ за 1914..1916 г.» (№ 3—4), а также критическій очеркъ Е. Н. Щепкина—«Аскетизмъ христіанскаго востока» (№ 2). Систематическая библіографія ведется въ журналѣ отдѣльно по всеобщей исторіи (ред. Д. Н. Егорова) и по русской (ред. Ю. В. Готье и В. И. Пичеты), но вполнѣ налажена только первая (раньше она печаталась въ «Русской Мысли»), а вторая страдаетъ пока большими пробѣлами. Отдѣлъ рецензій, написанныхъ спеціалистами, достаточно полно отражаетъ текущія новости исторической литературы какъ русской, такъ и иностранной.

Что касается отдѣла «Критики», то въ первыхъ книжкахъ его нельзя назвать особенно удачнымъ. Въ частности, вызываетъ недоумѣніе рѣзкая полемика двухъ сотрудниковъ и даже соредакторовъ журнала М. М. Богословскаго и С. Б. Веселовскаго по поводу книги послѣдняго «Сошное письмо». Полемика эта преисполнена личныхъ выпадовъ и непонятнаго для постороннихъ взаимнаго раздраженія, по существу же затрагиваемыхъ въ книгѣ вопросовъ она не даетъ почти ничего.

Каково будетъ въ дѣйствительности «лицо» новаго историческаго органа покажетъ недалекое будущее, судить же о немъ по первымъ четыремъ книжкамъ было бы преждевременно. Можно сказать только одно: новый членъ въ захудалой семьѣ русскихъ историческихъ журналовъ заполняетъ большой и вопіющій про-

бѣлъ прежде всего въ области освѣдомительной, которая изъ рукъ вонъ плохо поставлена даже въ лучшемъ изъ существующихъ журналовъ, въ «Голосѣ Минувшаго».

А. Кудрявцевъ.

О. А. Пановъ. Къ исторіи народовъ Средней Азіи. I Сюнъ-ну (Хунну). Изд. А. В. Даттана. Владивостокъ. 1916 г. Стр. 81. Цѣна не обозначена.

Упоминаемый въ китайскихъ лѣтописяхъ народъ хунъ-ну уже давно отождествляется (между прочимъ, такими авторитетами, какъ Дегинь и Э. Паркеръ) съ гуннами европейской исторіи. О происхожденіи ихъ выдвинуто три теоріи — монголизма, турчизма и финнизма. Авторъ настоящаго труда пытается путемъ кропотливыхъ фонетическихъ изслѣдованій найти «безспорное лингвистическое подтвержденіе» того, что Хунну (Сюнъ-ну)—турки.

Д. В.

В. В. Водовозовъ. На Балканахъ. Статьи. Путевые очерки. Изд-во «Огни». Птргрдъ. 1916 г. 138 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Эта небольшая книжка состоитъ изъ статей, печатавшихся авторомъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Печатаются онѣ, однако, въ значительно переработанномъ видѣ. Статей всего шесть, а именно: Бухарестскій миръ—По Сербской Македоніи.—Путевыя замѣтки.—Янъ Сандайскій. — Судьба Македоніи въ годы великой войны. — Василій Радославовъ — Балканская федерація. Въ приложеніи дана статистика (нигдѣ еще не опубликованная) населенія сербскихъ владѣній, пріобрѣтенныхъ по Бухарестскому миру. Душою книги является македонскій вопросъ, который главнымъ образомъ занимаетъ автора. Хотя, по заявленію г. Водовозова, «Македонія интересуетъ его, какъ причина настоящей войны» и даже выясненіе именно этого обстоятельства онъ считаетъ главнымъ содержаніемъ книги, — однко, прочитавъ книгу до самаго конца, читатель такъ и не узнаетъ, какъ это вышло, что Македонія стала «причиной настоящей войны». Но зато онъ получитъ цѣлый рядъ фактовъ изъ недалекаго прошлаго балканской исторіи, констатировать которое очень умѣстно въ наши смутные дни. Въ борьбѣ народовъ симпатіи В. В. Водовозова явно на сторонѣ державъ четверного согласія. Онъ сочувствуетъ Сербіи, бичуетъ Болгарію и вскрываетъ коварные замыслы Германіи и Австріи. Но въ отличіе отъ дипломатовъ и публицистовъ «Рѣчи» и другихъ либеральныхъ органовъ печати, онъ отнюдь не склоненъ прибѣгать къ услугамъ суздальской мазни: онъ пытается быть безпристрастнымъ и, какъ послѣдовательный демократъ, правдиво характеризуетъ корыстную, близорукую политику балканскихъ государей и балканской буржуазіи, которая высокими фразами о національныхъ правахъ прикрывала завоевательные замыслы. Совершенно правильно полагаетъ авторъ, что, начиная въ 1912 г. войну съ Турціей, Болгарія, Сербія и Греція преслѣдовали отнюдь не освободительныя, а завоевательныя цѣли, стремясь къ расширенію рынковъ сбыта для своей молодой промышленности и къ обезпеченію себѣ выхода къ Эгейскому морю. Но такъ какъ завоевательныя цѣли Болгаріи, Сербіи и Греціи направлялись на области, бывшія предметомъ тайныхъ вожделеній каждой изъ нихъ, то ихъ общая побѣда надъ Турціей неизбѣжно привела ихъ къ братоубійственной войнѣ 1913 года. Война 1913 г., кончившаяся разгромомъ Болгаріи и Бухарестскимъ миромъ, толкнула Болгарію въ сторону сближенія съ Австро-Венгріей. Авторъ останавливается на особенностяхъ лицемѣрнаго договора между союзниками въ войнѣ 1912 г. относительно Македоніи, которой они обѣщали на словахъ дать автономію и ко-

торую преспокойно подѣлили между собою, когда побѣда надъ Турціей оказалась болѣе легкой и скорой, чѣмъ они разсчитывали. А между тѣмъ, миръ на Балканахъ можетъ быть обезпеченъ только предоставленіемъ Македоніи автономіи и образованіемъ балканской федераціи. Заслуживаютъ вниманія страницы книги, посвященныя балканской политикѣ Италіи. Договоръ съ державами тройственнаго согласія, на основаніи котораго Италія вмѣшалась въ современную войну, гарантируетъ ей очень значительныя территоріальныя пріобрѣтенія (не говоря уже о выгодной малоазіатской желѣзнодорожной концессіи). Италія должна получить: южный Тироль (съ Тріентомъ), всю Береговую Землю (Герцъ и Градиску, Тріестъ, Истрію), прибрежную часть Хорватіи, сѣверную часть Далмаціи съ городами Зара и Спалато (южная предназначается Сербіи), среднюю часть Албаніи съ городомъ Валлона, Родосъ и нѣкоторые другіе острова Эгейскаго моря. «Эти земельныя прирощенія, говоритъ г. Водовозовъ, во много разъ превосходятъ всѣ національныя притязанія Италіи, когда-либо ею выставлявшіяся». Дальше обладанія южной частью Тироля съ Тріестомъ и Тріентомъ эти притязанія не шли. Все прочее есть чистѣйшій результатъ имперіалистическихъ стремленій ... Въ сообщеніи и освѣщеніи этого рода фактовъ, а также въ довольно яркой характеристикѣ внутренняго состоянія Македоніи до и послѣ раздѣловъ 1912 и 1913 г.г. и заключается значеніе интересной книжки г. Водовозова.

Ник. Андреевъ.

В. Майскій. Ллойдъ-Джорджъ (Политическая характеристика). Изданіе М. И. Семенова. Петроградъ, 1917 г., стр. 52, цѣна 50 коп.

Въ настоящее время наиболѣе интересной фигурой на общественной аренѣ Европы является Ллойдъ-Джорджъ, которому и посвящена разсматриваемая брошюра. Однако, это не Ллойдъ-Джорджъ сегодняшняго дня—это не только не премьеръ-министръ и глава кабинета Англіи, но и не министръ снабженія. Этотъ Ллойдъ-Джорджъ—революціонеръ въ средѣ буржуазіи, смѣлый реформаторъ въ области соціальныхъ идей, признанный вождь и любимецъ англійской демократіи, которая въ концѣ 19-го столѣтія вышла на арену политической жизни Англіи и вынесла его на гребнѣ своего прибоя, сдѣлавъ на нѣкоторое время своимъ кумиромъ.

Самыми яркими выступленіями его, положившими начало славѣ и успѣху его, какъ политическаго дѣятеля, были тѣ, которыя направлены были противъ общаго шовинистическаго и джингоистскаго повѣтрія въ Англіи въ эпоху бурской войны. Тогда у него хватило мужества пойти въ разрѣзъ со стремленіями значительной части англійскаго общества и вступить въ единоборство съ весьма серьезными, по сравненію съ молодымъ юристомъ и депутатомъ, общественными силами.

Въ своемъ порывѣ онъ былъ искрененъ, и его горячія рѣчи нашли откликъ среди широкихъ слоевъ подлинной демократіи.

Ллойдъ-Джорджъ — выходецъ изъ народа — объ этомъ онъ никогда не забываетъ, и часто пользуется, какъ козыремъ, въ борьбѣ съ противниками за вліяніе въ средѣ демократіи. Честолюбіе является его характерной чертой. Еще въ юности онъ мечталъ о томъ, что парламентъ станетъ ареной его дѣятельности. Въ немъ нѣтъ политическаго фанатизма: онъ можетъ отказаться и отказывается отъ какой-либо идеи, если этого требуютъ обстоятельства.

Во время своихъ выступленій и рѣчей на митингахъ Ллойдъ-Джорджъ неизмѣнно является агитаторомъ, въ парламентѣ же онъ становится разсчетливымъ политикомъ, выбирая для своихъ выступленій наиболѣе подходящіе моменты, приспособляясь къ вѣяніямъ времени. Въ парламентѣ онъ подрѣзалъ крылья своей фантазіи: «компро-

миссъ вообще играетъ большую роль въ дѣятельности Ллойдъ-Джорджа, особенно начиная съ момента его вступленія въ министерство» (стр. 28).

Въ началѣ своей политической карьеры Ллойдъ-Джорджъ главной цѣлью ставилъ борьбу съ соціальными бѣдствіями, но не умѣлъ вскрыть ихъ дѣйствительныхъ причинъ и не хотѣлъ примѣнить къ уничтоженію ихъ радикальныхъ средствъ.

Авторъ даетъ прогнозъ его дальнѣйшей эволюціи въ сторону, увлекающую его отъ прежнихъ демократическихъ тенденцій. Всесильный компромиссъ побѣждаетъ агитатора и все больше подчиняетъ его жгучій темпераментъ запросамъ и требованіямъ момента.

Брошюра обрисовываетъ Ллойдъ-Джорджа въ прошломъ, лишь слегка касаясь настоящаго, которому, вѣроятно, современемъ будетъ удѣлено еще очень много вниманія: вѣдь, сейчасъ на Ллойдъ-Джорджа устремлены взоры не только Англіи, а всей и воюющей и нейтральной Европы.

По богатству матеріала и полнотѣ характеристики, брошюра, написанная ярко и увлекательно, представляетъ весьма большой интересъ.

Р. Арскій.

Ю. Каменевъ. Экономическая система имперіализма. 23-я книга «Библіотеки обществовѣдѣнія». Кн-ство «Жизнь и Знаніе». Петроградъ. 1916 г. 104 стр. Ц. 1 рубль.

Настоящая книга написана еще въ первое полугодіе міровой войны и въ условіяхъ, исключавшихъ возможность пользоваться текущей литературой,—эти обстоятельства и задержали выходъ ея въ свѣтъ. Однако, это опозданіе не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ книга представляетъ собою популяризацію идей «Финансоваго Капитала» Рудольфа Гильфердинга съ нѣкоторыми дополненіями фактическаго характера по С. Загорскому «Синдикаты и тресты» и касающимися эволюціи идеи свободной торговли въ Англіи по Янжулу, «Англійская свободная торговля». Въ виду того, что замѣчательную книгу самого Р. Гильфердинга у насъ мало читаютъ, хотя она и имѣется въ русскомъ переводѣ И. И. Степанова, популяризацію ея Ю. Каменевымъ слѣдуетъ признать весьма полезной. Однако, изложеніе Ю. Каменева кажется намъ недостаточно популярнымъ для самаго широкаго круга читателей. Тѣ же, кому книга Ю. Каменева будетъ доступна, смогутъ, вѣрно, прочесть и самого Г. Гильфердинга, трактатъ котораго отличается достаточной ясностью изложенія. Для тѣхъ же лицъ, кому непосредственное обращеніе къ Гильфердингу представило бы извѣстныя затрудненія, книга Ю. Каменева можетъ служить хорошимъ введеніемъ, облегчающимъ усвоеніе труда Гильфердинга, который вполнѣ справедливо названъ 4-ымъ томомъ «Капитала». Врядъ ли нужно при этомъ доказывать важность темы настоящей книги. Безъ пониманія того, что такое имперіализмъ, каковы его экономическіе корни, что такое финансовый капиталъ, къ какому господству стремится онъ, какими способами устанавливаетъ онъ это господство, къ чему ведетъ въ конечномъ счетѣ это господство,—нельзя ничего понять въ новѣйшей фазѣ всемірнаго капитализма и, въ частности, въ причинахъ, поведшихъ къ нынѣшней войнѣ. Поэтому, хочетъ или не хочетъ всякій, претендующій на пониманіе современныхъ событій, но онъ долженъ обратиться къ изученію новѣйшей фазы капитализма, характеризуемой господствомъ финансоваго капитала, банковъ, трестовъ, синдикатовъ, картелей, комбинацій и т. д. Книга Ю. Каменева и можетъ служить введеніемъ въ изученіе всѣхъ явленій капитализма новаго времени.

А. Никитскій.

П. Г. Минуевъ. Національный минимумъ. Заработная плата. Высшіе коммерческіе и счетоводные курсы М. В. Побѣдинскаго. Птрогр., Невскій пр., № 102. 1916 г., стр. 27, цѣна 70 к.

Брошюра написана очень популярно, но не можетъ предназначаться по высокой своей стоимости для широкихъ массъ демократіи, для болѣе же интеллигентныхъ круговъ она слишкомъ примитивна, и является почти излишней. Авторъ ставитъ вопросъ о томъ, что такое заработная плата и какими законами регулируется движеніе ея—и не даетъ на это исчерпывающаго отвѣта. Въ короткомъ очеркѣ онъ набрасываетъ картину измѣненій, происходившихъ постепенно въ человѣческомъ обществѣ, начиная со времени уничтоженія рабства, а затѣмъ крѣпостничества, причемъ имъ намѣчается только самая схема развитія отношеній, послѣ чего онъ переходитъ къ самой темѣ.

Обычно въ обществѣ устанавливается извѣстный минимумъ существованія, который диктуется внѣшними экономическими условіями и отношеніями, а отступленія отъ него почто невозможны, такъ какъ въ такомъ случаѣ націи въ цѣломъ грозитъ упадокъ и вырожденіе.

«Минимумъ этотъ диктуется сердцемъ, диктуется чувствомъ справедливости, диктуется соображеніями разсудка, доводами холоднаго разума, простымъ подсчетомъ возможныхъ выгодъ и невыгодъ для общества» (стр. 8).

Для рабочихъ установленіе этого минимума особенно важно, такъ какъ этимъ обезпечена ихъ жизнь и нормальное развитіе. Богатую исторію законодательнаго и юридическаго установленія заработной платы даютъ: Новая Зеландія, Австралія и Канада, изъ практики которыхъ авторъ черпаетъ весьма интересный фактическій матеріалъ.

Указанныя англійскія колоніи, которыя могутъ служить образцами демократизма, учредили у себя третейскіе суды, на обязанности которыхъ лежитъ установленіе минимума существованія рабочихъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Суды эти, «спеціальныя комиссіи»—состоятъ изъ представителей рабочихъ и промышленниковъ въ равномъ числѣ и въ качествѣ «арбитра»—представителя федеративнаго суда, причемъ прямо и рѣшительно проводится тотъ принципъ, что предприниматель при основаніи промышленнаго предпріятія «долженъ исходить изъ разсчетовъ такой оплаты труда непосредственныхъ производителей продукта, которая давала бы имъ возможность удовлетворять въ полной мѣрѣ всѣ свои основныя матеріальныя и отчасти даже духовныя нужды» (стр. 11).

Безусловно, тѣ попытки, которыя дѣлаются въ Новомъ Свѣтѣ для регулированія и разрѣшенія наболѣвшаго и остраго вопроса объ установленіи минимума средствъ существованія трудящихся классовъ, весьма цѣнны и интересны, но, къ сожалѣнію, онѣ далеко не разрѣшаютъ вопроса.

Монографія даетъ интересный матеріалъ объ отношеніяхъ и рабочемъ законодательствѣ въ англійскихъ колоніяхъ, отмѣчаетъ, что вліяніе этихъ попытокъ разрѣшить вопросъ проникаетъ и въ Европу, но самой сущности вопроса о законахъ движенія заработной платы и регулированіи ея она не касается совсѣмъ, и, такимъ образомъ, своимъ заглавіемъ: «Заработная плата» брошюра не соотвѣтствуетъ содержанію.

Р. Арскій.

I. I. Ruedorffer. Grundzüge der Weltpolitik in der gegenwart. 1914.

Философія Великодержавнаго націонализма.

Великодержавный націонализмъ, бывшій до войны идеологіей привилегированныхъ классовъ, — общимъ выраженіемъ категорическаго императива: «высшая культура даетъ право на чужой

трудъ»[1], историческимъ оправданіемъ авторитетныхъ отношеній внутри націй и между націями, за время войны сталъ достояніемъ массовой психологіи, правда, въ нѣсколько преобразованномъ, перелицованномъ видѣ.

Книга Ruerdorffer'a (псевдонимъ, за которымъ скрывается лицо, близко стоящее къ нѣмецкимъ «высшимъ сферамъ»), написанная до европейской катастрофы, облегчаетъ пониманіе переживаемой «переоцѣнки всѣхъ цѣнностей». Она представляетъ философію великодержавнаго націонализма ,его теорію (дающую великолѣпный образецъ психологіи войны) и практику.

По Ruerdorffer'у нація есть нѣчто самодовлѣющее, самостоятельный организмъ, стремящійся не столько къ самосохраненію, сколько къ самоутвержденію и саморазвитію. «Всякая нація, сильная, сознающая свою самобытность, считаетъ себя единственной, истинной представительницей человѣческой культуры, носительницей идеи человѣчества, въ цѣломъ, избранной націей[2]. Самое слово нація заключаетъ въ себѣ цѣлую программу.

Національность — исключительный источникъ индивидуальнаго и соціальнаго творчества.—«Изъ всѣхъ обществъ — международное — самое скучное и бездушное и, больше другихъ, нуждается въ картахъ (!). Изъ всѣхъ искусствъ — варьетэ — единственное, ставшее международнымъ (!!). Изъ всѣхъ истинъ международныя самыя пустыя (!!!)». «Все, что есть хорошаго и цѣннаго у разныхъ націй — непередаваемо». Всякое смѣшеніе ведетъ къ обезображенію первоначальнаго національнаго типа. Принципъ національной исключительности—есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, принципъ національнаго господства и угнетенія. Онъ исключаетъ всѣ иные пути къ общенію между націями, кромѣ одного: ассимиляціи одной избранной, образцовой націей всѣхъ остальныхъ. Всѣ націи, какъ таковыя, высокомѣрны, нетерпимы и односторонни.

Неожиданно, — быть можетъ, и для самого себя Ruerdorffer вскрываетъ сущность національной expansion нашей эпохи, которая ничего общаго не имѣетъ съ національной expansion эпохи національно-демократическихъ движеній (1789—1871 гг.).—«Таково основное свойство—денежной и земельной собственности (R. выражается совсѣмъ не научно: нужно бы сказать —финансоваго капитала), что ея сохраненіе требуетъ ея увеличенія». Это основное свойство капиталистической собственности вполнѣ совпадаетъ съ принципомъ національной исключительности. — «Англійскій націонализмъ, подобно древнеримскому, есть самосознаніе господствующаго класса. У другихъ же народовъ, націонализмъ — только(!) стремленіе къ міровому господству, которое не принадлежитъ имъ, и, быть можетъ, никогда не будетъ принадлежать. «Большую часть современной борьбы націй составляетъ борьба капитала за сферы приложенія и высокіе проценты. Капиталъ не только инструментъ, но и носитель національной борьбы».

Собственно носительницей національной ненависти является мелкобуржуазная «демократія». Ощущая растущій гнетъ иностранной конкуренціи (въ особенности въ отсталыхъ въ промышленномъ отношеніи странахъ—Австріи, Франціи), она ратуетъ за охрану національнаго труда. «Но если мелкая буржазія является носительницей національной ненависти, то крупная буржуазія пожинаетъ плоды этой ненависти[3].

Поэтому она заинтересована въ томъ, чтобы питать націоналистическія антипатіи мелкобуржуазнаго большинства населенія, съ которымъ ей приходится считаться при парламентскихъ выборахъ и въ

[1] Формула Отто Бауэра.
[2] Стр. 18—19.
[3] Отто Бауэръ. «Національный вопросъ». Русск. пер., стр. 279.

управленіи страной. Точно такъ же она заинтересована и въ преобладаніи мелкобуржуазныхъ оппортунистическихъ вліяній въ рабочей средѣ. Однако, мелкая буржуазія не склонна дѣлать совмѣстно съ ней колоніальную политику и, слѣдовательно, нести всѣ ея послѣдствія. Еще меньше расположенъ къ этому рабочій классъ. Политика крупнаго капитала нуждается въ прикрытіи идеологическими ширмами. Ruerdorffer повѣствуетъ объ этомъ съ цинизмомъ, доходящимъ до граціи.

Его заслуга въ томъ, что онъ ничего не пріукрашиваетъ и называетъ вещи ихъ именами.

«Въ политической фразеологіи нашего времени общій культурный идеалъ выражается, по большей части, въ расплывчатыхъ и многочисленныхъ формулахъ цивилизаціи и гуманности. Онѣ служатъ готовымъ оправданіемъ сотрудничества государствъ и націй, ихъ господство надъ интернаціональнымъ общественнымъ мнѣніемъ затрудняетъ моральное оправданіе вражды между цивилизованными государствами. Но этимъ исчерпывается ихъ космополитическое значеніе. По отношенію къ нецивилизованнымъ народамъ эти формулы служатъ прикрытіемъ національной expansion и колоніальныхъ захватовъ».

По отношенію къ низамъ собственной націи эти формулы играютъ роль идеологическихъ ширмъ. «Въ общемъ, можно сказать, что правительства во всѣхъ вопросахъ, въ которыхъ они аппеллируютъ къ національному чувству народовъ, могутъ не считаться съ интернаціонализмомъ соціалистическихъ партій; враждебность соціализма войнѣ не помѣшала ни одной войнѣ, да и въ будущемъ—не должна помѣшать. Правительства, быть можетъ, принуждены будутъ, подъ вліяніемъ пацифистскихъ теорій соціализма, задрапировать свои стремленія національными чувствами, но это ничего не мѣняетъ по существу дѣла, лишь нѣсколько преобразуетъ технику его». Тутъ говоритъ дипломатъ, который хорошо знаетъ своихъ Легиновъ и Шейдемановъ.

Въ особой главѣ R. излагаетъ методы современной политики и освѣщаетъ проблему «вооруженнаго мира». «Всѣ государства подчеркиваютъ оборонительный характеръ ихъ вооруженій. Было бы ошибочно признать это подчеркиваніе — однимъ лицемѣріемъ. Всѣ великія державы не склонны къ военнымъ столкновеніямъ и только въ случаѣ крайней необходимости рѣшатся на нихъ. Крайняя необходимость и есть защита. Противорѣчіе легко разъясняется при предположеніи, что одно изъ государствъ пріостановило свои вооруженія; въ этомъ случаѣ «крайняя необходимость» наступаетъ сама собой, даже если вооруженный противникъ этой державы не прибѣгаетъ къ завоевательной войнѣ... Конечно, легко сдѣлать словесное различіе между защитой и нападеніемъ, но очень трудно примѣнить его на практикѣ, рѣшить—которая изъ сторонъ обороняется». Третейское разбирательство конфликтовъ не вноситъ ничего существенно-новаго, принципіально отличнаго въ господствующія тенденціи міровой политики. «Въ общемъ и цѣломъ, орудіе третейскихъ судовъ служитъ препятствіемъ только къ взрыву нежелательныхъ вооруженныхъ конфликтовъ, въ результатѣ непредвидѣнныхъ треній, но ни разу еще не удалось урегулировать жизненныхъ вопросовъ съ помощью третейскихъ судовъ или воспрепятствовать желательнымъ войнамъ». Такъ же обстоитъ дѣло и съ обязательными третейскими судами. «Они называются обязательными, но, вопреки смыслу этого слова, изъ ихъ вѣдѣнія изъяты случаи, въ которыхъ затрагиваются національные интересы и вопросы національной чести; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшаетъ произволъ заинтересованнаго государства».

Книга Ruerdorffer'a — довольно точное описаніе состоянія европей-

скаго status quo до войны. И это описаніе — апологія великодержавнаго націонализма.

Н. Егоровъ.

Ив. Урмановъ. Банковые служащіе. Петроградъ. Ц. 40 коп.

Авторъ этого небольшого очерка, на основаніи своего многолѣтняго знакомства съ міромъ банковыхъ служащихъ, даетъ сжатую, но достаточно яркую характеристику условій труда этой арміи «интеллигентнаго пролетаріата». Промышленный пролетаріатъ, въ особенности въ крупномъ производствѣ, упорной коллективной борьбой уже добился до извѣстной степени того, что хозяева вынуждены считаться съ нимъ, какъ со стороной договора о наймѣ, тогда какъ банковые служащіе являются не только наемными, но и подчиненными своихъ нанимателей, обязанными угождать имъ. Они должны не только добросовѣстно «служить», но и «прислуживаться»— и своему начальству и кліентамъ банка. Условія труда—довольно тяжелыя. Кропотливая, напряженная работа — въ теченіе 7 — 10 часовъ ежедневно. Средній заработокъ служащихъ вплоть до «довѣренныхъ» колеблется отъ 168 до 1500 р. въ годъ (въ отдѣленіяхъ). Авторъ указываетъ и причины тяжелаго положенія банковыхъ служащихъ. «Царящая между ними іерархичность (неравенство положеній и подчиненность однихъ другимъ) и отсутствіе сознанія общности ихъ интересовъ порождаетъ въ нихъ стремленіе въ одиночку улучшать свое положеніе». Но поднимаются на верхъ немногіе «счастливчики», а остальная масса, унижаясь и выбиваясь изъ силъ, влачитъ до конца дней своихъ самое жалкое существованіе, перебиваясь, что называется, «съ хлѣба на квасъ» и поддерживая себя только надеждами на будущее. «Въ результатѣ — взаимная рознь, доносы, подлизываніе къ начальству, словомъ, цѣлая гамма лакейства самаго ужаснаго, доходящаго до оказанія начальству услугъ сводническаго характера, до торговли своими женами» стр. 40). За послѣднее время, по словамъ автора, въ мракъ существованія банковыхъ служащихъ, повидимому, начинаетъ проникать, если не сознаніе, то хоть просто инстинктъ того, что ихъ затхлая жизнь находится подъ вліяніемъ чего-то общаго, съ чѣмъ и борьба возможна силами не индивидуальными, не разрозненными».... «За послѣдніе 3 — 4 года банковые служащіе нѣсколько разъ коллективно протестовали противъ тяжелыхъ условій своего труда, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ они достигали удовлетворенія своихъ требованій». Выводъ, вытекающій изъ брошюры, очевидно, подразумѣваемый авторомъ, заключается въ томъ, что только при помощи профессіональной организаціи «пролетаріата конторки» и примкнувъ къ общеклассовой организаціи всего пролетаріата, банковые служащіе могутъ добиться сносныхъ и не унижающихъ ихъ достоинства условій существованія.

Б. Авиловъ.

Трудовое посредничество. Отчеты и матеріалы. Т. I. Изданіе отдѣла по устройству бѣженцевъ Всероссійскихъ Земскаго и Городскаго Союзовъ. Москва. 1917 г. Цѣна 3 рубля.

Изъ предисловія къ этому сборнику мы узнаемъ, что редакція и планъ его принадлежатъ «Всероссійскому Бюро Труда», закрытому 16 іюля 1916 г. постановленіемъ Главныхъ Комитетовъ Всеросс. Земскаго и Городского Союзовъ. Отдѣлъ по устройству бѣженцевъ, при которомъ существовало это бюро, является издателемъ сборника лишь «въ порядкѣ преемственности». Какова была дѣятельность Бюро труда, и почему оно было закрыто—изъ предисловія не видно. Отвѣтъ на эти вопросы даетъ имѣющаяся у меня въ рукахъ копія заявленія 13 сотрудниковъ закрытаго бюро отъ 7 іюля 1916 г.,

поданнаго ими въ Главные Комитеты Союзовъ чрезъ Отдѣлъ по устройству бѣженцевъ. Содержаніе этого заявленія представляетъ большой общественный интересъ и весьма существенно дополняетъ очеркъ организаціи трудового посредничества въ Россіи, составляющій предметъ сборника; поэтому будетъ не лишнимъ привести здѣсь вкратцѣ сущность заявленія. Бюро было организовано въ сентябрѣ 1915 г. Предполагалось, что дѣятельность бюро должна распространиться на весь рынокъ труда и объединить всѣ мѣстныя организаціи этого рода, причемъ въ составѣ руководящихъ органовъ бюро должны быть представители рабочихъ и предпринимателей, и бюро должно было явиться самостоятельнымъ учрежденіемъ. Въ теченіе 10 мѣсяцевъ существованія Ц. бюро объединило 270 мѣстныхъ бюро труда и рядъ областныхъ организацій, рядомъ мѣръ пыталось урегулировать сельско - хозяйственный рынокъ найма и при помощи своихъ инструкторовъ вело подготовительную работу по организаціи постоянныхъ муниципальныхъ паритетныхъ (т. е. съ равнымъ участіемъ обѣихъ сторонъ—рабочихъ и предпринимателей) биржъ труда. Но,—говорится далѣе въ этомъ заявленіи,—въ своихъ начинаніяхъ бюро «наталкивалось на систематическое противодѣйствіе со стороны Отдѣла по устройству бѣженцевъ, въ свою очередь опиравшагося на Главные Комитеты Союзовъ». Главные Комитеты не поддержали Бюро Труда въ вопросѣ о созывѣ съѣзда по трудовому посредничеству; отдѣлъ затормозилъ изданіе сборника отчетовъ и докладовъ съ мѣстъ и распорядился разобрать наборъ двухъ брошюръ по вопросу о сельскохозяйственномъ наймѣ. Изданіе самостоятельнаго органа Бюро было отвергнуто, а на матеріалы, посылавшіеся Бюро въ «Извѣстіе Гл. Ком. Вс. Зем. Союза», «налагалась политическая цензура». Выработанный бюро законопроектъ о биржахъ труда не былъ напечатанъ въ «Извѣстіяхъ», хотя передъ этимъ былъ напечатанъ тамъ правительственный законопроектъ по тому же вопросу. Проектъ организаціи Бюро труда въ видѣ самостоятельнаго учрежденія,—былъ отвергнутъ. Наконецъ, Бюро было отказано въ разсылкѣ на мѣста резолюцій, принятыхъ 7-8 іюня совѣщаніемъ представителей областныхъ биржъ и бюро труда, касающихся основныхъ началъ дѣятельности этихъ организацій, и неотложныхъ задачъ ихъ, стоящихъ на очереди. Отказъ въ разсылкѣ резолюцій свелъ къ нулю работу совѣщанія, и послѣ этого сотрудники Бюро убѣдились, что дальнѣйшее ихъ участіе въ Бюро безполезно, о чемъ они и заявили Отдѣлу. Заявленіе помѣчено 7-го іюля, а 16 іюля состоялось уже постановленіе Главныхъ Комитетовъ о закрытіи «Всероссійскаго Бюро Труда».—Такова краткая, но назидательная исторія этого начинанія Земскаго и Городского Союзовъ. Союзы создали это Бюро, и они же его «разъяснили»—послѣ 10 мѣсяцевъ «систематическаго противодѣйствія» начинаніямъ Бюро...

Издавая теперь «труды и матеріалы» закрытаго Бюро, союзы какъ-бы удостовѣряютъ, что работы Бюро отвѣчали задачамъ трудового посредничества, и если Бюро, тѣмъ не менѣе, было закрыто, то причины этого лежатъ, очевидно, въ области какихъ-то постороннихъ «высшихъ соображеній»...

Сборникъ весьма интересенъ и содержитъ много матеріаловъ по вопросу о надлежащей постановкѣ посредничества по найму рабочихъ. Онъ состоитъ изъ трехъ частей: 1) изъ статей общаго характера по вопросамъ трудового посредничества, 2) изъ отчетовъ главнѣйшихъ бюро и биржъ труда въ Россіи и 3) приложеній къ отчетамъ—діаграммъ, формъ опросныхъ бланковъ и проч. Къ сборнику приложенъ еще библіографическій указатель литературы вопроса на русскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, этотъ указатель преисполненъ грубыхъ опечатокъ и составленъ безъ всякой системы: просто

въ алфавитномъ порядкѣ, гдѣ смѣшаны капитальныя сочиненія по общимъ вопросамъ съ случайными журнальными замѣтками по отдѣльнымъ частнымъ случаямъ.

Вступительная статья Л. Пумпянскаго даетъ краткую характеристику муниципальныхъ биржъ труда на Западѣ и намѣчаетъ принципы организаціи ихъ въ Россіи. Муниципальныя биржи труда, по словамъ автора, «сумѣютъ пріобрѣсти въ Россіи общественное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если къ ихъ управленію будутъ въ той или иной формѣ привлечены представители рабочихъ и предпринимателей» и если онѣ будутъ «нейтральны», т. е. «въ случаѣ стачекъ и локаутовъ, будутъ прекращать свою дѣятельность по отношенію къ участникамъ конфликта». Авторъ, конечно, правъ, утверждая, что «всякое иное пониманіе нейтральности въ русскихъ условіяхъ неизбѣжно поведетъ къ конфликту биржи съ рабочими». Но при отсутствіи сильныхъ профессіональныхъ рабочихъ организацій даже нейтральныя биржи труда едва-ли могутъ сыграть большую роль въ смыслѣ упорядоченія условій найма и поддержанія уровня заработной платы. Безъ свободы коалицій роль биржъ неизбѣжно будетъ очень ограниченной. По окончаніи войны, когда «начнется процессъ обратнаго приспособленія рабочаго рынка къ нуждамъ мирнаго времени», которому «будетъ сопутствовать ужасная безработица», биржи, безъ сомнѣнія, будутъ еще болѣе необходимы, чѣмъ теперь. Но при отсутствіи общественной самодѣятельности рабочихъ и широкой планомѣрной организаціи общественныхъ и государственныхъ работъ, биржи труда окажутся простыми регистраторами этой «ужасной безработицы», будучи совершенно безсильны смягчить ее, хотя бы въ самой слабой степени. Статья В. Зензинова посвящена вопросу о регулированіи движенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Въ противорѣчіи съ авторомъ предыдущей статьи, В. Зензиновъ предвидитъ по окончаніи войны недостатокъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Это предвидѣніе едва-ли основательно: при общей безработицѣ во всѣхъ отрасляхъ промышленнаго труда избытокъ рабочихъ, обычно отливающихъ въ промышленность, останется въ деревнѣ и пополнитъ кадры сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Но тѣмъ болѣе окажется необходимымъ урегулировать движеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Въ статьѣ Г. Наумова дается описаніе рынка труда въ связи съ условіями военнаго времени, и намѣчается планъ регулированія рабочаго рынка во время войны. Авторъ приходитъ къ заключенію, что необходимо «планомѣрное распредѣленіе наличной рабочей силы и повышеніе производительности ея труда», а это мыслимо только «въ связи съ общей организаціей народнаго хозяйства на общественныхъ началахъ». На дѣлѣ мы видимъ другое: введеніе планомѣрности въ организацію народнаго хозяйства въ условіяхъ военнаго времени сопровождается всюду милитаризаціей,—въ Англіи, Германіи, во Фрнціи, въ Австріи и даже въ Россіи, гдѣ начало планомѣрности не получило еще развитія. Статьи А. Татарчукова, О. Квиткина, Р. Никизде, В. Ногина, М. Шеина и Е. Кабо посвящены спеціальнымъ вопросамъ трудового посредничества и содержатъ много цѣннаго матеріала для всѣхъ интересующихся этими вопросами.

Часть II «матеріаловъ» даетъ довольно полную картину исторіи и дѣятельности бюро и биржъ труда въ Россіи, возникшихъ, главнымъ образомъ, въ связи съ войной. Въ статьѣ В. Милютина описана попытка организовать распредѣленіе сельско - хозяйственныхъ рабочихъ въ 1916 году. Практика показала, что «отсутствіе мѣстнаго самоуправленія, построеннаго на демократическихъ началахъ», явилось «серьезнымъ препятствіемъ для урегулированія рынка сельско-хозяйственныхъ рабочихъ». Попытка создать всерос-

сійскую организацію для этой цѣли встрѣчала не особенно-то доброжелательное отношеніе со стороны земскихъ организацій, выражающихъ, въ сущности, интересы крупныхъ землевладѣльцевъ». Въ этомъ, вѣроятно, и лежитъ главная причина того, что «Всероссійское Бюро труда» было закрыто земскимъ и городскимъ союзами, изъ которыхъ послѣдній также «выражаетъ, въ сущности, интересы» цензовыхъ элементовъ городского населенія. В. Нотинъ сообщаетъ о работѣ инструкторовъ Бюро труда, которые въ теченіе 8 мѣсяцевъ сдѣлали очень много въ дѣлѣ инструктированія мѣстныхъ работниковъ по посредничеству при наймѣ.

Въ III части сборника представляютъ большой интересъ постановленія совѣщаній инструкторовъ и отвѣтственныхъ служащихъ Бюро труда.

Въ общемъ и цѣломъ, опубликованный съ такимъ запозданіемъ сборникъ представляетъ большую цѣнность, какъ собраніе матеріаловъ по вопросамъ трудового посредничества, которое необходимо имѣть всѣмъ интересующимся этими вопросами и причастнымъ къ этому дѣлу лицамъ.

Б. Авиловъ.

Кооперативный настольный календарь на 1917 годъ...**Кооперативный** сельскій календарь на 1917 годъ...Изд. Московскаго союза потребительныхъ обществъ. Цѣна по 40 к.

Календарь Сибирской кооперации на 1917 годъ.—Изд. Комитета содѣйствія Сибирской кооперации при томскомъ обществѣ изученія Сибири Ц. 40 коп.

Съ ростомъ кооперативнаго движенія появляется потребность въ особыхъ справочникахъ, гдѣ кооперативные работники могли бы получать необходимыя имъ указанія. Однимъ изъ средствъ удовлетворить такую потребность являются кооперативные календари. Первые опыты были сдѣланы съ отрывными календарями. Въ 1912 году секретаріатомъ Московскаго союза былъ выпущенъ первый такой календарь, разошедшійся въ количествѣ 115.000 экземпляровъ; въ 1913 году появилось новое болѣе усовершенствованное изданіе, получившее еще большее распространеніе. Послѣ удачныхъ опытовъ съ отрывными календарями было приступлено къ изданію настольныхъ календарей, и въ настоящее время передъ нами два интересныхъ опыта въ этомъ направленіи—Московскаго союза потребительныхъ обществъ (два календаря) и Комитета содѣйствія Сибирской коопераціи. Опыты эти нѣсколько различаются по своимъ задачамъ.

Календари Московскаго союза даютъ рядъ основныхъ свѣдѣній и справокъ, необходимыхъ для рядового члена коопераціи. Организація потреб. обществъ, положеніе кооперации въ Россіи и въ западно-европейскихъ странахъ, дѣятельность Московскаго союза потребит. обществъ, положеніе рабочаго класса и крестьянства у насъ и въ Западной Европѣ, статистическія свѣдѣнія о хозяйственномъ состояніи Россіи, указатель кооперативной и общеобразовательной литературы; наконецъ, обычные для календарей справочные отдѣлы: желѣзныя дороги, почта и т. под.—вотъ кругъ свѣдѣній, которыя можно встрѣтить въ этихъ календаряхъ. Однако, задачи ихъ не исчерпываются отдѣлами справочнаго характера; здѣсь очень большое вниманіе обращено, съ одной стороны, на пропаганду кооперативныхъ идей, а съ другой—на углубленіе и расширеніе кооперативныхъ взглядовъ рядовыхъ членовъ коопераціи; поэтому, въ разбираемыхъ книжкахъ мы встрѣчаемъ статьи и принципіальнаго характера, и характера просвѣтительнаго; таковы, напримѣръ, «Пути и цѣли кооперации», «Почему рабочимъ нужны потребительныя общества», «Для чего нужна статистика, «Предска-

занія и народныя примѣты о погодѣ» и др. Да и справочныя статьи нерѣдко касаются принципіальныхъ вопросовъ, и всѣ изложены не въ видѣ сухихъ статистическихъ указателей, перечисленій и таблицъ, а въ формѣ живого, обстоятельнаго разсказа, рисующаго ту или иную сторону кооперативной жизни.

Можно сказать, что основной тонъ этихъ книжекъ — общественность, товарищество; онѣ должны будить въ читателѣ его общественный инстинктъ, воспитывать и углублять его гражданское чувство. И съ этой стороны книжки заслуживаютъ особеннаго вниманія всѣхъ кооперативовъ. Языкъ ихъ живой и понятный простому читателю, настроеніе бодрое, внѣшность привлекательна, цѣна недорога.

Неблагопріятное впечатлѣніе производитъ лишь беллетристика календарей, тенденціозная и, за весьма немногими исключеніями, совершенно нехудожественная.

Календарь Сибирской коопераціи отличается болѣе дѣловымъ, сухимъ характеромъ; онъ не рисуетъ увлекательныхъ картинъ развитія западно-европейской и русской коопераціи; не ставитъ себѣ главной цѣлью—создавать кооперативное настроеніе у читателя, но зато онъ даетъ обстоятельныя и подробныя справки изъ практики и жизни коопераціи вообще и сибирской въ частности. Особенно цѣнными являются краткія, но содержательныя статейки, посвященныя описанію наиболѣе видныхъ союзныхъ кооперативныхъ организацій Сибири. Читатель можетъ познакомиться здѣсь съ самымъ разнообразнымъ опытомъ кооперативной практики и въ чужомъ примѣрѣ найти нужное указаніе въ трудную минуту. Къ календарю приложены подробные списки различнаго рода кооперативныхъ союзовъ и организацій съ указаніемъ на ихъ балансы за 1916 годъ, количество членовъ, почтовые адреса и т. под. Такимъ образомъ, календарь даетъ довольно обстоятельную картину кооперативнаго дѣла въ Сибири. Однако, врядъ-ли онъ можетъ удовлетворить простого члена коопераціи—крестьянина, рабочаго и сдѣлаться его настольной книгой; самая внѣшность календаря, во многомъ уступающая московскимъ календарямъ, не благопріятствуетъ этому.

Въ смыслѣ выработки новаго типа кооперативнаго календаря въ настоящее время, повидимому, по болѣе правильному пути идетъ Московскій союзъ. Кооперативные календари должны распространяться не только среди кооперативовъ, но и вообще среди широкой демократической публики деревни и города; съ другой стороны, и среди самихъ членовъ коопераціи кооперативныя идеи сплошь и рядомъ недостаточно прочно и отчетливо усвоены, и кооперативное настроеніе слабо привито, — календарь можетъ сыграть здѣсь не малую роль.

С. Е—въ.

* * *

И. А. Аксеновъ. Неуважительныя основанія. «Центрифуга». Два офорта А. А. Экстеръ. Москва. MCMXVI. Стр. 46—in folio. Ц. двѣнадцать рублей.

Г-ну Аксенову совершенно незачѣмъ было затѣнять свои стихи внѣшними эффектами: роскошнымъ изданіемъ на альбомной бумагѣ, двумя офортами, узорами разнообразныхъ типографскихъ шрифтовъ, наконецъ, цѣною въ двѣнадцать (прописью!) рублей—ихъ достоинства и безъ того не бросаются въ глаза.

«Подобныя шалости
Кому диковина? —

справедливо задаетъ онъ вопросъ. И если чему-либо приходится удивляться, то только выставленной на обложкѣ фирмѣ «Центрифуги».

Д. В.

Николай Черкасовъ. Исканія духа. Лиремы и диссоны. П. 1917. Стр. 80. Ц. 1 р. 20 к.

Лучшія строфы г. Черкасова звучать такъ:

Ты спросишь меня, дорогая,
 Люблю-ли тебя или нѣтъ,
Но знала всегда ты и знаешь—
Все старый, все тотъ же отвѣтъ.
(Стр. 69).

Худшія—такъ:

Я центръ вихрей космическихъ:
 И — точка, и — весь міръ,—
Коснись-же циклопическихъ
 Всемірныхъ лиръ! (Стр. 70).

Впрочемъ, трудно сказать, которыя изъ нихъ «лучшія»!

Д. В.

Михаилъ Бараховичъ. Ночное небо. Стихи. Изд. «Факелъ». Петроградъ. 1917.

Многочисленные эпиграфы изъ Бальмонта, Блока, Гумилева и другихъ говорятъ о большой начитанности автора въ современной поэзіи. Однако, стихи его не говорятъ даже и объ этомъ.

Д. В.

КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Аверченко, Аркадій. *Волчьи ямы.* Изд. «Новый Сатириконъ». П. 1917. Стр. 123. Ц. 60 к.

Аксеновъ, И. А. *Неуважительныя основанія* Изд. «Центрифруга» М. 1916. Стр. 46. Ц. .12 р.

Айзманъ, Д. *Дѣти и др. разсказы.* Т. VI. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 286. Ц. 1 р. 25 к.

Айхенвальдъ, Ю. *Слова о словахъ.* Критическія статьи. Изд. 6. М. В. Попова. П. 1917. Стр. 156. Ц. 2 р.

Бараховичъ, Михаилъ. *Ночное небо.* Стихи. Изд. «Факелъ». П. 1917. Ц. 75 к.

Бертенсонъ, Л. Б. *Страничка къ воспоминаніямъ о Л. Н. Толстомъ.* Оттискъ изъ журн. «Вѣстникъ Европы». П. 1911. Стр. 12. Ц. 40 к.

Бертенсонъ, Левъ. *Физическіе поводы къ прекращенію брачнаго союза.* Судебно-медицинское и правовое изслѣдованіе. Для врачей и юристовъ. Изд. К. Л. Риккера. П. 1917. Стр. 200. Ц. 4 р.

Булгаковъ, П. *Ка...ту.* Разсказъ. Изд. автора. П. 1916. Стр. 88. Ц. 1 р.

Бунинъ, Ив. *Господинъ изъ Санъ-Франциско.* Произведенія 1915—1916 г. Изд. «Писателей въ Москвѣ» М. 1916. Стр. 191. Ц. 2 р.

Водовозовъ, В. В. *На Балканахъ.* Статьи. Путевые очерки. Изд. «Огни». П. 1917. Стр. 138. Ц. 1 р. 50 к.

Вольнинъ, П. *Будемъ тихи.* Стихотворенія. Скл. изд.: кн. маг. «Жизнь и Знаніе». П. 1917. Стр. 63. Ц. 1 р.

Временникъ. В. Хлѣбниковъ. Божидаръ. Г. Петниковъ. Ник. Асѣевъ. М. 1917. Ц. 50 к.

Гринъ, Александръ, *Искатель приключеній.* Разсказы. Изд. «Сѣверные дни». П. 1917 .Стр. 244. Ц. 1 р. 75 к.

Гусевъ-Оренбургскій, С. И. *Надъ поемой.* Т. VI. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1917. Стр. 309. Ц. 2 р.

Движеніе сезонныхъ рабочихъ на Кавааказъ въ 1915 году. Составилъ Дм. Мерхалевъ. Вып. II. Изд. Переселенческаго Управленія Стат отд. Кавказскаго района. Тифлисъ. 1916. Стр. 71.

Державинъ, Н. С. прив.-доц. *Основы методики преподаванія русскаго языка и литературы въ средней школѣ.* П. 1917. Стр. 510. Ц. 4 р.

Зайцевъ, Б. *Волки.* Разсказы. Народно-школьная библіотека. Изд. «Книгоиздательства Писателей въ Москвѣ». М. 1916. Стр. 80. Ц. 65 к.

Записки петроградскаго религіозно-философскаго общества. Вып. IV. Скл. Изд. К-во «Огни». П. 1914—1916. Стр. 68. Ц. 75 к.

Записки петроградскаго религіозно-философскаго общества 1914—1915г. Вып. VI. Скл. изд. «Огни». 1916. Стр. 136. Ц. 1 р. 60 к.

Земля, сборникъ девятнадцатый. Изд. «Московское книгоиздательство». М. 1916. Стр. 325. Ц. 2 р.

Ишханянъ, Б. *Народности Кавказа.* Составъ населенія, профессіональная группировка и общественное разслоеніе кавказскихъ народностей. (Стат.—экон. изслѣдованіе). Съ пред. статист. С. Патканова. Скл. изд. въ кн. маг. 6. М. В. Попова. М. 1917. Стр. 116. Ц. 1 р. 50 к.

К. С. *Поэтическія варіаціи,* съ пред. М. Слонима. Изд. автора. Одесса. 1917. Стр. 15.

Календарь сибирской коопераціи на 1917 годъ. Изд. Комит. Содѣйствія Сибир. Кооп. при Томск. Об-вѣ изученія Сибири. Томскъ. 1917. Стр. 67+71. Ц. 40 к.

Карташевъ, А. В. *Реформа, реформація и исполненіе церкви.* Изд. «Корабль» П. 1916. Стр. 66. Ц. 1 р. 25 к.

Каценельсонъ, М. Л., д-р. *Очерки по исторіи еврейской мысли.* I. Основныя идеи юдаизма. Скл. изд. кн. маг. «Эзро». Вильна. 1914. Стр. 87. Ц. 60.

Кооперативный *настольный календарь на 1917 г.* Изд. Моск. Союза

Потреб. Обществ. М. 1917. Стр. 128. Ц. 40 к.

Кооперативный сельскій календарь на 1917 годъ. Изд. Моск. Союза Потреб. Обществъ. М. 1917. Стр. 128. Ц. 30 к.

Корнѣевъ, Борисъ. *Юность.* Стихи. Изд. «Факелъ». П. 1916. Ц. 60 к.

Кузминъ, М. *Антрактъ въ оврагѣ.* Собр. соч. Т. VIII. Изд. М. Семенова. П. 1917. Стр. 243. Ц. 2 р.

Латышскій сборникъ современной литературы. «Огни»—3-я книга. Изд. «Огни». П. 1916. Стр. 201. Ц. 1р. 75 к.

Лейбовичъ, Несапель. *Послѣ плача земли...* Изд. автора. Одесса. 1916. Стр. 15. Ц. 35 к.

Лесевичъ, В. В. Собраніе сочиненій. Т. III Статьи общенаучнаго характера. Изд. «Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ». М. 1917. Стр 712. Ц. 3 р.

Лукомскій, Г. К. *Современный Петроградъ.* Очеркъ исторіи возникновенія и развитія классическаго строительства. 1900—1915 г. г. Изд. «Свободное искусство». П. 1917. Стр. 95+61. Ц. 3 р. 50 к.

Майскій, В. *Ллойдъ-Джорджъ* (Политическая характеристика). Изд. М. И. Семенова. П. 1917. Стр. 52. Ц. 50 к.

Маковскій, Я. Д. *Условіе наибольшаго благопріятствованія въ торговыхъ договорахъ.* Критическ. очеркъ Скл. изд. Т-во Тип. А. Мамонтова. М. 1917. Стр. VIII+183. Ц. 1.р .50 к.

Мартыновъ, А. *Международность на западѣ и на востокѣ.* Изд. «Книга». П. 1916. Стр. 56. Ц. 55 к.

Мацовичъ, Н. П. *Мелкія статьи и библіографическія замѣтки по японовѣдѣнію.* Стр. 21. Отд. оттискъ изъ 2-го вып. 31-го т. и «Изв. Восточнаго Инст.-та».

Милютинъ, В. П. *Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ.* Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1917. Стр. 84. Ц. 1 р.

Минцловъ, С. Р. *Статистическій очеркъ трапезондскаго округа.* Изд. автора. Трапезондъ 1916. Стр. 13.

Михайловъ, Мих. *Викторъ Игнатьевичъ Лунинъ.* Политическій и общественный дѣятель. Біографическій очеркъ. Изд. «Отклики Кавказа». Армавиръ. 1917. Стр. 59. Ц. 1 р.

Муйжель, В. *Опустошеніе.* Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1917. Стр. 448. Ц. 2 р. 50 к.

Нагродская, Е. *Сны.* Изд. М. И. Семенова. П. 1917. Стр. 199. Ц. 2 р.

Никольскій, Д. П. *Указатель литературы по вопросамъ охраны труда.* Стр. 17. Извл. изъ «Журн. Русск. Общ. охран. нар. здр.» № 11—12. 1913 г.

Новиковъ, Иванъ. *Между двухъ зорь* (Домъ Орембовскихъ). Романъ. Изд. 2-е. Изд. «Сѣверные дни». М. 1917. Стр. 311. Ц. 2 р. 50 к.

Новорусскій, М. В. *Что дѣлать народному учителю.* Руководство къ оборудованію своей школы. П. 1916. Стр. 252. Ц. 1 р. 50 к.

Новыя идеи въ техникѣ. Непер. изд., вых. подъ ред. проф. А. А. Байкова, инж.-техн. Н. Н. Емцова, проф. Г. П. Передерія, пр. А. А. Радцига, проф. К. Э. Рериха, проф. Н. Н. Саввина, проф. С. П. Тимошенко, проф. С. Н. Усатаго и инж.-техн. В. И. Ярковскаго. Сб. № 2. «Утилизаціи тепла въ современныхъ силовыхъ станціяхъ», подъ ред. проф. А. А. Радцига. Изд. «Образованіе». П. 1916 г. стр. 134. Ц. 1 руб.

Осенняя антологія. Стихотворенія. П. 1917. Стр. 43. Ц. 1 р.

Пановъ, В. А. *Къ исторіи народовъ Средней Азіи.* Изд. А. В. Даттана. Владивостокъ. 1916. Стр. 81.

Пастернакъ, Борисъ. *Поверхъ барьеровъ.* Изд. «Центрифуга». М. 1917. стр. 88. Ц. 1 р. 75 к.

Политуръ, Н. Р. *Страшнѣе смерти.* Повѣсть изъ жизни трезвой деревни. Изд. автора. П. 1916. Стр. 104. Ц. 75 к.

Полозовъ, Павелъ. *Аккордъ.* Стихи. Изд. автора. Екатеринославъ. 1917. Стр. 80. Ц. 1 р.

Потребленіе сахара въ Россіи. Изд. Управл. Дѣлами Особаго Совѣщ. по продовольствію. П. 1916. Стр. 105.

Пьянковъ, В. Гр. *Курортъ-Евпаторія.* (Крымъ). Свод. таблицъ гидрометеорологическихъ наблюденій за 25 лѣтъ (1891—1915) и статистическія свѣдѣнія объ Евпаторіи. Изд. Пьянкова, В. Евпаторія. Ц. 50 к.

Роденбахъ, Жоржъ. *Агоніи городовъ.* Авт. пер. Маріи Веселовской, съ пред. Анны Роденбахъ. Скл. изд.: Москва. Б. Афанасьевскій, 15. М. 1917. Стр. 94.

Руссель, Николай. *Мысли вслухъ.* 2-е испр. и доп. изд. Изд. автора. Нагасаки. 1916. Стр. 158.

Русская литература XX вѣка. 1890—1910. Подъ ред. проф. С. А. Венгерова. Т. II. Стр. 365. Т. III. Ч. II. Стр. 64. Изд. Т-ва «Міръ». М. 1917.

Серафимовичъ, А. *Воробьиная ночь.* Разсказы. Изд. «Книгоиздательство «Писателей въ Москвѣ». М. 1916. Стр. 77. Ц. 65 к.

Серафимовичъ, А. *Клубокъ.* Разсказы. Изд. «Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ». М. 1916. Стр. 192. Ц. 1 р. 60 к.

Серафимовичъ, А. *Затерянные огни.* Разсказы. Т. VII. Изд. «Книгоиздательства Писателей въ Москвѣ». М. 1916. Стр. 176. Ц. 1 р. 65 к.

Систематическій курсъ русской исторіи. Сост. Ем. Стратоновъ. Ч. II. Отъ Іоанна Грознаго до Екатерины II. Орелъ. 1916. Стр. 251. Ц. 1 р. 20 к.

Слушательницы петроградскихъ высшихъ женскихъ (Бестужевскихъ) **курсовъ** на второмъ году войны. Бюджетъ. Жилищныя условія. Питаніе. Подъ ред. проф. А. А. Кауфмана. Изд. Стар. семинарія Петр. Высш. жен. курсовъ. П. 1916. Стр. 120. Ц. 1 р. 50 к.

«Струны», лит.-худ. журналъ. № 1. Ноябрь. Изд. воспитанниковъ Омской 1-ой мужской гимназіи. Омскъ. 1916. Стр. 24. Ц. 40 к.

Суриковъ, И. З. Избранныя стихотворенія съ біогр. очеркомъ, подъ ред. И. А. Бѣлоусова. Изд. «Книгоиздательства Писателей въ Москвѣ». М. 1916. Стр. 66. Ц. 75 к.

Сѣверные дни, сборникъ первый. Изд. «Сѣверные дни». М. 1917. Стр. 220. Ц. 2 р.

Теръ-Микельянъ, С. Г. *Больная душа Гончарова.* Оттискъ «Руск. Филол. Вѣстника». П. 1916. Стр. 27.

Тимковскій, Н. *Праздничные разсказы.* Народно-школьная библіотека. Изд. «Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ». М. 1916. Стр. 73. Ц. 65 к.

Трудовое посредничество. Отчеты и матеріалы. Т. I. Отдѣлъ по устройству бѣженцевъ. Изд. Всер. Зем. и Гор. Союза. М. 1917. Стр. 311. Ц. 3 р.

Тыркова, А. В. *Увѣчные воины,* съ пред. проф. М. И. Ростовцева. Изд. Всер. С. Городовъ. П. 1917. стр. 31.

Хейсинъ, М. Л. *Что можетъ дать кооперація рабочимъ.* 2-е изд. доп. Изд. Уральскаго Союза Потреб. Обществ. Екатеринбургъ. 1916. Стр. 39. Ц. 30 к.

Хлѣбниковъ, В. В. *Ошибка смерти,* Изд. «Лирень». М. 1917. Стр. 16. Ц. 60 к.

Цвѣтаева, Анастасія. *Дымъ, дымъ и дымъ.* 1916. Скл. изд. въ кн. маг. «Студенческое издательство». М. 1916. Стр. 249. Ц. 2 р. 25 к.

Чужакъ, Н. *Къ эстетикѣ марксизма.* Изд. автора. Иркутскъ. 1916. Стр. 30. Ц. 10 к.

Чужакъ, Н. *Эстетизмъ и эстетика.* Извлеченіе изъ № 3 жур. «Багульникъ». Иркутскъ. 1916. Стр. 15. Ц. 5 к.

Шенгели, Георгій. Гонгъ. Поэзія. V. Изд. «L'oiseau bleu». П. 1916. Стр. 94. Ц. 1 р. 10 к.

Шиловъ, Алексѣй. Къ вопросу объ укрѣпленіи трезвости. Изд. автора. М. 1917. Стр. 61. Ц. 30 к.

Шишковъ, Вяч. *Сибирскій сказъ.* «Огни», 4-я книга. Изд. «Огни». П. 1916. Стр. 179. Ц. 1 р. 25 к.

Шмелевъ, Ив. *Человѣкъ изъ ресторана.* Т. 3. Изд. II. Изд. «Книгоиздательства Писателей въ Москвѣ». М. 1916. Стр. 206. Ц. 1 р. 75 к.

Эйгесъ, В. *Философскіе этюды.* Изд. «Трудъ». М. 1917 г. Стр. 178. Ц. 1 р. 25 к.

Эльснеръ-Коранскій, А. *Бѣсъ ликующій.* Романъ. Изд. М. И. Семенова. Ц. 1917. Стр. 203. Ц. 2 р.

Энгельгардтъ, Ю. В., инженеръ. *Устройство узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ для фронта.* Подъ ред. инж. В. Н. Образцова. Изд. Моск. Военно-Промышлен. Комит. № 8. М. 1916. Стр. 119. Ц. 70 к.

Ягодовскій, Н. П. *О преподованіи естествознанія.* Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1917. Стр. 226. Ц. 2 р. 50 к.

Издатель. **А. Н. Тихоновъ.** Редакторъ. **А. Ѳ. Радзишевскій.**

Тип. Акц. О-ва Изд. Дѣла «Копѣйка», Петроградъ, Сайкинъ, 6, соб. д.